350923

Orig. cm.

C
10
O. cm.

Родная Старина.

Приложеніе къ журналу «Женское Образованіе».

Ди-22731

П. 2009

ВЪ ПОМОЩЬ УЧАЩИМСЯ.

РОДНАЯ СТАРИНА.

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРІЯ

ВЪ РАЗСКАЗАХЪ И КАРТИНАХЪ.

(XVII-ЫЙ ВѢКЪ.)

Пед. ин-т им. А.И. Герцена
ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

3502223

СПЕТЕРБУРГПУ им. А.И. Герцена

СОСТАВИЛЪ

В. Д. Сиповскій.

160 политипажныхъ изображеній въ текстѣ и два рисунка на отдѣльныхъ листкахъ.

Изданіе Д. Д. Полубояринова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Тип. В. Демакова, Новый пер., 7.
1884.

Дозволено цензурою, С.-Петербургъ, 12 августа 1884 года.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Этимъ выпускомъ мы заканчиваемъ нашу «Родную Старину». Разсказы изъ отечественной исторіи XVIII вѣка, которые мы предполагаемъ издать года черезъ два, выйдутъ подъ другимъ названіемъ.

Въ этомъ выпускѣ такъ-же, какъ въ двухъ предыдущихъ, многіе очерки и разсказы составлены преимущественно на основаніи источниковъ. Главнѣйшими изъ нихъ были—Лѣтописи, Собраніе государств. грамотъ и договоровъ, Акты историческіе, Архивъ Юго-Западн. Россіи, Уложеніе, Письма царя Алексѣя, сочиненіе Котошихина и друг.; изъ сочиненій иностранныхъ писателей: Сказанія современниковъ о смутномъ времени; Описаніе Украйны, Боплана; Путешествіе Олеарія, Путешествіе Мейерберга и нѣкоторые другіе.

Главнѣйшими пособіями, на основаніи которыхъ составлены нѣкоторые очерки, послужили намъ — «Исторія Россіи» Соловьева, «Историческія монографіи» и друг. сочин Костомарова, «Бытъ русскихъ царей», «Бытъ русскихъ царицъ» и «Опыты древностей» Забѣлина; «Боярская дума» и «Сказанія иностранныхъ писателей о Россіи», Ключевскаго; «Исторія русской церкви» Макарія и друг. По нѣкоторымъ частнымъ вопросамъ мы пользовались статьями Кавелина (Мысли о русской исторіи), Антоновича (Южно-русскіе дѣятели), Иконникова (Русская женщина въ допетровскую эпоху), Пыпина (Исторія славянскихъ литературъ), Кояловича (О церковной уніи и др.), Знаменскаго, (Русск. церковн. исторія), Михневича (Историческ. этюды) Порфирьева (Исторія русской словесности), и мн. др.

Что касается иллюстрацій, то въ примѣчаніяхъ къ рисункамъ въ концѣ книги указаны всѣ труды, откуда они заимствованы. Считаемъ нужнымъ замѣтить, что одни рисунки представляютъ факсимиле подлинниковъ, другіе — уменьшенное изображеніе ихъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ политипажи наши, сохраняя точность въ изображеніи одежды, оружія и проч., представляютъ какъ бы нѣкоторое исправленіе подлинника: мы не считали нужнымъ передавать въ нашей книгѣ явную неправильность въ изображеніи человѣческой фигуры или грубое нарушеніе перспективы, что нерѣдко встрѣчается въ рисункахъ у Олеарія и у Мейерберга.

Считаемъ пріятнымъ для себя долгомъ выразить здѣсь нашу искреннюю признательность А. Н. Пыпину и В. Я. Стоюнину, давшимъ намъ возможность воспользоваться нѣкоторыми рѣдкими изданіями изъ ихъ

библіотекъ, что значительно облегчило намъ трудъ по части иллюстраціи книги.

Всѣ рисунки въ текстѣ заимствованы нами изъ книгъ, имѣющихъ научное значеніе, а двѣ картинки на отдѣльныхъ листахъ, служащія украшеніемъ книги, представляютъ уменьшенныя копіи, первая—(Призваніе Михаила Ѳеодоровича на царство) съ картины проф. Шамшина, а вторая (Шествіе на осляти)—съ рисунка Шварца.

О задачѣ нашего труда мы говорили подробно въ предисловіи къ первому выпуску. Главною цѣлью нашей было дать учащемуся юношеству такое пособіе по отечественной исторіи, которое, дополняя и освѣщая факты, изложенные въ общеупотребительныхъ учебникахъ, давало бы по-возможности болѣе живое представленіе обо всемъ достопамятномъ въ отечественной исторіи, особенно же о внутреннемъ строѣ жизни и бытѣ нашихъ предковъ,—притомъ не въ видѣ отрывочныхъ эпизодовъ, а въ связномъ послѣдовательномъ разсказѣ. При соблюденіи послѣдняго условія намъ, понятно, нельзя было избѣжать сухихъ страницъ, на которыхъ говорится по большей части о внѣшнихъ фактахъ немногимъ болѣе, чѣмъ въ общепринятыхъ руководствахъ: опустить эти страницы значило бы нарушить связь, весьма важную въ историческомъ изложеніи, а развить подробнѣе значило бы дать книгѣ слишкомъ ужь большой объемъ и сдѣлать ее менѣе доступною для учащихся (книга наша и такъ вышла значительно больше предположенныхъ размѣровъ). Въ нѣкоторыхъ случаяхъ трудно было миновать повтореній: напр., въ этомъ выпускѣ, говоря о различныхъ событіяхъ, мы старались по возможности болѣе обставить ихъ бытовыми подробностями, а затѣмъ въ концѣ книги, въ бытовыхъ очеркахъ, подъ общимъ заглавіемъ «Состояніе русской земли къ исходу XVII ст.», въ которыхъ хотѣли мы обрисовать бытъ, нравы и обычаи нашей старины въ нѣкоторой системѣ, очевидно, трудно было иногда не упоминать сказаннаго уже ранѣе.

Особенное вниманіе обратили мы на изложеніе,—старались по мѣрѣ силъ достигнуть возможно большей простоты и чистоты языка, чтобы наша книга, хотя по содержанію и разсчитанная преимущественно на учащееся юношество, въ большинствѣ разсказовъ была доступна всякому грамотному человѣку.

Достигнуты ли нами хотя сколько нибудь намѣченныя цѣли, судить, конечно, не намъ; но мы сочтемъ скромный трудъ нашъ не напраснымъ, если онъ даже и въ самой малой части учащейся молодежи возбудитъ уваженіе и любовь къ памяти лучшихъ дѣятелей родной старины, пробудитъ сколько нибудь живой интересъ къ ней и послужитъ переходной ступенью отъ учебника къ чтенію вышеупомянутыхъ почтенныхъ научныхъ трудовъ, которые дадутъ настоящее и полное знаніе прожитаго и передуманнаго русскимъ народомъ.

Только тотъ можетъ быть полезнымъ, сознательно дѣйствующимъ гражданиномъ, кто знаетъ и любитъ свое отечество; а знать и любить его сколько нибудь разумно, не вѣдая его прошлаго, нельзя.

В. С.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

I. Царствованіе Михаила Ѳеодоровича . . . . . 1—76

Воцареніе его и вѣнчаніе на царство. 1.—Очищеніе русской земли отъ внутреннихъ враговъ. 16. — Столбовскій миръ. 23.— Война съ Польшей и Деулинское перемиріе. 29. — Патріархъ Филаретъ и его дѣятельность. 35. — Вторая война съ Польшей. 46.—Азовское дѣло. 55.—Иноземцы въ Россіи. 62.—Послѣдніе годы царствованія Михаила Ѳеодоровича. 72.

II. Западная Русь въ концѣ XVI и началѣ XVII вѣка . 77—166

Люблинская унія. 77. — Іезуиты въ Литвѣ и Западной Руси. 85.—Состояніе западно-русской церкви въ концѣ XVI ст. 92.— Церковная унія. 101. — Борьба православія съ уніей. 110.— Петръ Могила. 118.—Казаки и борьба ихъ съ турками и татарами. 124. — Казацкія думы о турецкой неволѣ. 136.—Казацкія возстанія противъ Польши. 140. — Угнетеніе крестьянъ. 148.— Новыя возстанія казаковъ. 153.—Запорожская Сѣчь. 158.

III. Царствованіе Алексѣя Михайловича . . . . . 167—340

Смуты въ началѣ царствованія. 167. — Соборное уложеніе и судебное дѣло. 175.—Присоединеніе Малороссіи. (Богданъ Хмельницкій. 180.—Возстаніе на Украйнѣ. 186.—Борьба Польши съ казаками. 198.—Вторая война съ Польшей. 212.—Переяславская рада. 225.—Малороссія 230) —Война съ Польшей и Швеціей. 236. — Смерть Хмельницкаго и смуты въ Малороссіи. 244.— Денежныя затрудненія и смуты въ Москвѣ. 252.—Царь Алексѣй Михайловичъ. 255. — Возвышеніе Никона. 261.—Патріаршество Никона. 268.—Исправленіе богослужебныхъ книгъ и обрядовъ. 278. Разладъ между царемъ и Никономъ. 283. — Судъ надъ Никономъ. 293. — Борьба съ расколомъ. 296. — Возстаніе Разина. 300.—Новые люди въ Москвѣ. 315.—Ординъ-Нащокинъ и Матвѣевъ. 324. — Послѣдніе годы царствованія Алексѣя Михайловича. 331.

IV. Царствованіе Ѳеодора Алексѣевича . . . . . 341—358

Придворныя дѣла и паденіе А. С. Матвѣева. 341.—Внѣшнія событія. 344.—Уничтоженіе мѣстничества. 348.—Церковныя дѣла и просвѣщеніе. 356.

Состояніе Русской земли къ исходу XVII ст. . . . 359—478

Страна, деревни, села и города. 359.—Москва. 365.—Составъ населенія и государственный строй. 378.—Войско. 393.—Государственные доходы, промышленность и торговля. 399.—Домашній бытъ. (Жилище. 411.—Внутренность и убранство его. 416.—Утварь. 418.—Одежда. 422.—Пища. 438).—Распорядокъ повседневной жизни. (Дневныя занятія. 441.—Выѣзды. 444.—Пріемъ гостей. 446.—Пиры и братчины. 448).—Семейный бытъ. (Взглядъ на женщину. 450. — Жена 453. — Положеніе женщины. 456 — Семейные обычаи: родины и крестины, именины, сватовство и свадьба, новоселье, похороны. 460).—Состояніе образованности (Народная поэзія. 464. — Книжная словесность. 466. — Обученіе грамотѣ. 469. — Искусства. 470. — Умственное развитіе. 470)—Удовольствія и развлеченія. (Взглядъ на удовольствія.—Скоморохи. 473.—Кулачные бои и корыстныя игры. 475.—Табакъ.—Качели и другія удовольствія. 476.)

Заключеніе. 477.

Примѣчанія къ рисункамъ I

Недосмотры и опечатки IV

I.

Царствованіе Михаила Ѳеодоровича.

Воцареніе его и вѣнчаніе на царство.

Великимъ и радостнымъ днемъ для русскаго народа было 21 февраля 1613 года. Въ этотъ день кончилось на Руси «безгосударное» время! Три года длилось оно. Три года лучшіе русскіе люди изо всѣхъ силъ выбивались, чтобы избавиться отъ враговъ, спасти церковь, народъ, родную землю отъ поруганія, отъ окончательнаго распаденія и разоренія. Все шло врозь; всюду была шатость; одной сильной власти, которая все скрѣпляла бы, давала бы всему силу и опредѣленный ходъ, не было... Казалось, всѣ извѣрились въ спасеніи родной земли... Ужь лучшіе русскіе люди готовились, скрѣпя сердце, на осиротѣлый московскій престолъ посадить польскаго королевича; требовали только, чтобъ онъ принялъ православіе, и чтобъ исконной православной вѣрѣ никакой порухи не было. За этимъ дѣло и стало... Не о православіи, конечно, думалъ польскій король,—онъ хотѣлъ самъ вмѣсто сына прибрать къ рукамъ Москву... Но въ это время нижегородское ополченіе съ Мининымъ и Пожарскимъ во главѣ совершило свое великое дѣло,—выбило поляковъ изъ Москвы. И здѣсь, въ этомъ сердцѣ русской земли, 21-го февраля

1613 года, когда бояре вышли на Красную площадь, чтобы съ Лобнаго мѣста спросить всѣхъ выборныхъ и народъ, наполнявшій площадь, кого хотятъ они на царство, раздался единогласный крикъ:

— «Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ будетъ царь-государь Московскому государству и всей русской державѣ!»

И такъ русская земля нашла себѣ царя, — царя своего, русскаго, православнаго, изъ боярскаго рода, незапятнаннаго никакимъ темнымъ дѣломъ, блиставшаго такими именами, какъ Анастасія, первая супруга Грознаго, какъ митрополитъ Филаретъ, твердо, съ полнымъ самоотверженіемъ стоявшій въ то время въ польскомъ станѣ за православіе и выгоды родной земли. Найденъ былъ, наконецъ, такой царь, около котораго могли теперь собраться разрозненныя русскія силы и спасти свою землю. — Вотъ почему день избранія Михаила Ѳеодоровича на престолъ должно считать великимъ событіемъ въ жизни русскаго народа.

Москва присягнула новому царю. Во всѣ города были посланы извѣстительныя грамоты, и снаряжено было отъ земскаго собора большое посольство — торжественно отъ всей русской земли пригласить Михаила Ѳеодоровича на царство.

Быстро разносилась изъ Москвы по всей русской землѣ радостная вѣсть о томъ, что кончилось безгосударное время. Надежды всѣхъ лучшихъ русскихъ людей теперь сосредоточились на юномъ народномъ избранникѣ. Но въ это время новое страшное горе чуть было не поразило ихъ. Михаилъ Ѳеодоровичъ, еще шестнадцатилѣтній юноша, жилъ тогда съ матерью, инокиней Марѳой, въ родовомъ имѣніи своемъ Домнинѣ близъ Костромы. Шайка поляковъ, которые въ то время повсюду рыскали по русской землѣ, пробралась въ Костромской уѣздъ, разыскивая Михаила Ѳеодоровича. Погубить его значило оказать величайшую услугу польскому королю, который считалъ московскій престолъ уже своимъ. Поляки хватали встрѣчныхъ крестьянъ, развѣдывали у нихъ дорогу, подвергали ихъ пыткамъ, наконецъ дознались, что Михаилъ проживаетъ въ селѣ Домнинѣ. Шайка уже подходила къ селу. Тутъ попался полякамъ въ руки домнинскій крестьянинъ Иванъ Сусанинъ; они потребовали отъ него, чтобы онъ провелъ ихъ въ усадьбу Михаила Ѳеодоровича. Сусанинъ, конечно, сразу смекнулъ, зачѣмъ могъ понадобиться врагамъ молодой его бояринъ, избранный на царскій престолъ, и, не долго думая, взялся показать имъ дорогу. Тайкомъ отъ нихъ онъ послалъ своего зятя Богдана Сабинина въ усадьбу извѣстить о бѣдѣ, грозящей Михаилу, а самъ повелъ враговъ совсѣмъ въ противную сторону отъ Домнина. Долго

велъ онъ ихъ разными лѣсными трущобами и глухими тропинками и вывелъ наконецъ въ село Исупово. Здѣсь все дѣло объяснилось. Разсвирѣпѣвшіе поляки въ ярости сначала мучили Сусанина разными пытками, а затѣмъ изрубили его въ мелкіе куски. Михаилъ Ѳеодоровичъ тѣмъ временемъ успѣлъ съ матерью уѣхать въ Кострому, гдѣ поселился въ Ипатьевскомъ монастырѣ; за крѣпкими стѣнами его они были безопасны отъ воровскихъ шаекъ и ляховъ, и казаковъ.

Это преданіе о доблестномъ подвигѣ Сусанина, который не задумался пожертвовать своей жизнью за царя, свято хранится въ народной памяти. (Достовѣрность этого подвига вполнѣ подтверждается царской грамотой, гдѣ царь Михаилъ освобождаетъ потомство Сусанина въ награду за его самоотверженіе отъ всякихъ повинностей и щедро надѣляетъ землей).

Великое посольство отъ земскаго собора 13-го марта прибыло въ Кострому. На другой день утромъ открылось величественное зрѣлище. Костромское духовенство съ мѣстной чудотворной иконой Богоматери двинулось при звонѣ всѣхъ колоколовъ, въ сопровожденіи множества народу, изъ собора къ Ипатьевской обители. Съ другой стороны сюда приближалось московское посольство съ чудотворной иконой Владимірской Богоматери, съ крестами и хоругвями. Во главѣ посольства были Ѳеодоритъ, архіепископъ рязанскій, Авраамій Палицынъ, келарь Троицкаго монастыря, бояре Шереметевъ, кн. Бахтеяровъ-Ростовскій и множество духовныхъ лицъ и мірянъ. Толпы народа тѣснились за ними. Раздалось священное пѣніе. Михаилъ съ матерью вышли изъ монастыря на встрѣчу крестному ходу и смиренно пали на колѣни предъ образами и крестами... Ихъ просили идти въ обитель, въ главную Троицкую церковь, и выслушать прошеніе земскаго собора. Тогда Михаилъ «съ великимъ гнѣвомъ и плачемъ» сказалъ, что онъ вовсе и не помышляетъ быть государемъ, а инокиня Марѳа прибавила, что она «не благословитъ сына на царство». Оба, и сынъ, и мать, долго не хотѣли войти за крестами въ соборную церковь,—насилу посламъ удалось умолить ихъ; они пошли, заливаясь слезами. Отслужили молебенъ. Тогда архіепископъ Ѳеодоритъ преклонился предъ Михаиломъ и сказалъ ему привѣтствіе отъ духовенства:

— «Московскаго государства митрополитъ Кириллъ Ростовскій и Ярославскій, архіепископы, епископы, архимандриты, игумены и весь освященный соборъ благословляютъ тебя, великаго государя-царя и великаго князя Михаила Ѳеодоровича, Бога о тебѣ молятъ и челомъ тебѣ бьютъ».

Затѣмъ бояринъ Шереметевъ произнесъ привѣтъ отъ всѣхъ мірянъ:

— «Великій государь, царь и великій князь Михаилъ Ѳеодоровичъ всея Россіи! Твои, государь, бояре, окольничіе, чашники, стольники, стрянчіе, дворяне московскіе и приказные люди, дворяне изъ городовъ, жильцы, головы стрѣлецкіе, сотники, атаманы, казаки, стрѣльцы и всякіе служилые люди, гости, торговые люди Московскаго государства и всѣхъ городовъ всякихъ чиновъ люди велѣли тебѣ, государь, челомъ ударить и о твоемъ государевомъ здравіи спросить».

Послѣ этого Ѳеодоритъ сталъ читать соборное посланіе. Тутъ упоминалось о пресѣченіи на престолѣ московскомъ царскаго корня, о злодѣйствахъ измѣнниковъ и поляковъ, желавшихъ «попрать вѣру греческаго закона и учинить въ Россіи проклятую латинскую вѣру!.. «Наконецъ, говорилось далѣе, Москва очищена; церкви Божія облеклись въ прежнюю лѣпоту, попрежнему славится въ нихъ имя Божіе; но о Московскомъ государствѣ пещись и Божіими людьми промышлять некому: государя у насъ нѣтъ». Затѣмъ земскій соборъ извѣщалъ Михаила о единодушномъ избраніи его на царство, о клятвѣ всѣхъ вѣрою и правдою служить царю, биться за него до смерти, молилъ Михаила, да идетъ онъ на царство свое и выражалъ пожеланія, «да возвыситъ Богъ десницу его; православная вѣра да будетъ нерушима въ великомъ русскомъ царствѣ и сіяетъ во всю вселенную, какъ подъ небомъ пресвѣтлое солнце; а христіане да получатъ тишину, покой и благоденствіе».

Бояринъ Шереметевъ и архіепископъ Ѳеодоритъ затѣмъ обратились къ матери Михаила, сказали все, что было имъ приказано отъ собора и умоляли: «Моленья и челобитья не презрить и идти съ сыномъ на царскій престолъ!»

Но мать и сынъ и слышать не хотѣли объ этомъ.

— «Сыну моему не быть царемъ, воскликнула Марѳа,—не благословлю его; въ мысли у меня того не было, и въ разумъ мой придти не могло»!

— «Не хочу царствовать, и могу ли быть наслѣдникомъ великихъ царей русскихъ! говорилъ Михаилъ.

Долго и напрасно умоляли ихъ послы. Марѳа приводила и причины отказа; она говорила:

— «Еще Михаилъ не въ совершенныхъ лѣтахъ, а Московскаго государства всякихъ чиновъ люди по грѣхамъ измалодушествовались,—давъ свои души (т. е. присягнувъ) прежнимъ государямъ, не прямо служили».

Ипатьевскій монастырь.

Далѣе она упомянула объ измѣнѣ Годунову, объ убіеніи Лжедимитрія, сведеніи съ престола Василія Шуйскаго и выдачѣ его полякамъ; затѣмъ прибавила:

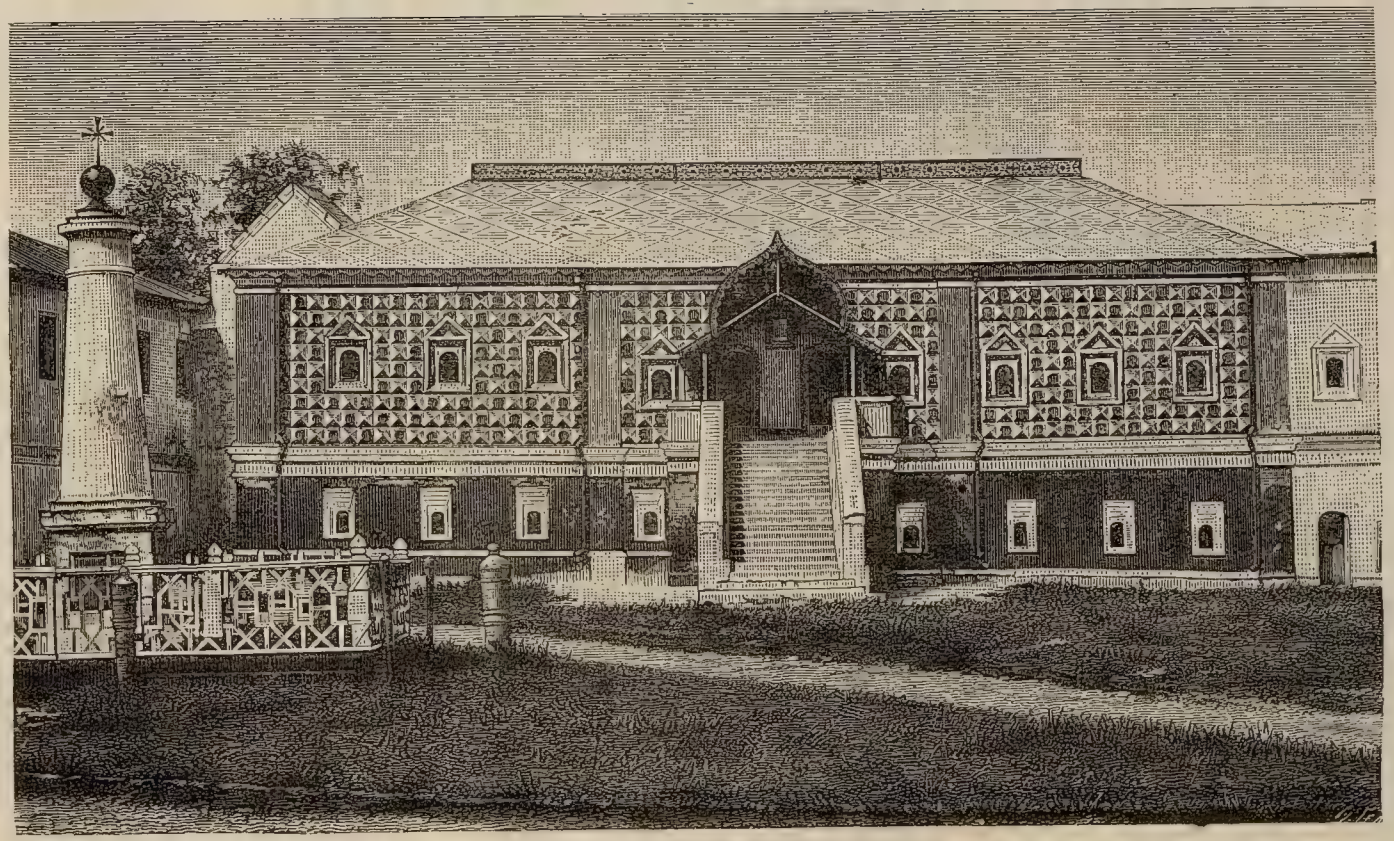
— «Видя такія прежнимъ государямъ крестопреступленія, позоръ, убійства и поруганія, какъ быть на Московскомъ государствѣ даже и прирожденному государю государемъ? Да и потому еще нельзя: Московское государство отъ польскихъ и литовскихъ людей и непостоянствомъ русскихъ людей въ конецъ разорено; прежнія сокровища царскія, изъ давнихъ лѣтъ собранныя, литовскіе люди вывезли; дворцовыя села, черныя волости, пригородки и посады розданы въ помѣстья дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ и запустошены, а служилые люди бѣдны; и кому Богъ повелитъ быть царемъ, то чѣмъ ему служилыхъ людей жаловать, свои государевы обиходы полнить и противъ недруговъ стоять»?

Марѳа, какъ видно, противилась избранію сына не для виду только и не спроста: она ясно понимала бѣдственное положеніе русской земли и сознавала, какъ тяжко и опасно быть царемъ въ такую пору; она боялась благословить сына на царство и вмѣстѣ съ тѣмъ на гибель. Кромѣ того, была и еще важная причина для отказа.

— «Отецъ Михаила—Филаретъ,—прибавила Марѳа,—теперь у короля въ Литвѣ въ большомъ утѣсненіи, и какъ свѣдаетъ король, что на Московскомъ государствѣ царемъ учинился сынъ его, то сейчасъ велитъ сдѣлать надъ нимъ какое нибудь зло, а Михаилу безъ благословенія отца своего на Московскомъ государствѣ никакъ быть нельзя»!

Послы всячески уговаривали и мать, и сына, со слезами умоляли, челомъ били, чтобы соборнаго моленья и челобитья они не презрили. Послы говорили, что его, Михаила, выбрали по изволенію Божію; а прежніе государи — царь Борисъ сѣлъ на государство своимъ хотѣніемъ, изведши царскій корень; воръ Гришка—разстрига по своимъ дѣламъ отъ Бога месть принялъ; а царя Василія избрали на царство немногіе люди...

— «Все это дѣлалось, прибавили послы, волею Божіею да всѣхъ православныхъ христіанъ грѣхомъ; во всѣхъ людяхъ Московскаго государства была рознь и междоусобіе; а теперь Московскаго государства люди наказались и пришли въ соединеніе во всѣхъ городахъ... Всею землею избрали мы сына твоего, хотимъ за него головы класть и кровь лить. Не испытывай судебъ Божіихъ, хоть и погибли Годуновы и Шуйскій: судьбами царей воля Божія дѣйствуетъ; ей ли противиться? Не страшись и за государя нашего



Домъ царя Михаила въ Костромѣ.

митрополита Филарета: мы послали уже въ Польшу и отдаемъ за выкупъ его всѣхъ плѣнныхъ поляковъ».

Около шести часовъ уже умоляли послы непреклонную инокиню благословить сына. Духовенство съ образами приблизилось къ ней; послы, воины, народъ повергпись предъ ней на колѣни. Все напрасно... Она стояла, обнимая своего сына, обливая его слезами...

— «Сіе ли угодно вамъ, заговорилъ наконецъ въ горести Ѳеодоритъ,—насъ бѣдныхъ не пощадить и сирыхъ оставить? И окрестные государи, и недруги, и измѣнники порадуются, что мы сиры и безгосударны, и святая наша вѣра въ попраньи и разореніи отъ нихъ будетъ, а мы всѣ, православные христіане, въ расхищеніи и плѣненіи будемъ, и святымъ божіимъ церквамъ будетъ осквернепіе, а многочеловѣчный, многособранный народъ въ безгосударное время погибнетъ, и междоусобная брань снова воздвигнется, и неповинная христіанская кровь прольется.... Все сіе, все взыщетъ Богъ въ день страшнаго и праведнаго суда на васъ,—на тебѣ, великой старицѣ инокинѣ Маѳѣ Ивановнѣ, и на тебѣ, великомъ государѣ нашемъ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ. А у насъ о томъ у всѣхъ всего великаго Россійскаго царствія всѣхъ городовъ отъ мала и до велика, крѣпкій и единомысленный совѣтъ положенъ и крестнымъ цѣлованіемъ утвержденъ, что мимо государя нашего Михаила Ѳедоровича на Московское государство иного никого не хотѣть и не мыслить о томъ!....

Торжественный голосъ архипастыря и указаніе на тяжкую отвѣтственность за отказъ предъ Богомъ и родной землей устрашили Маѳу, сломили ея непреклонность. Она, обливаясь слезами, упала предъ святыми иконами и согласилась...

— «Аще на то будетъ воля Божія, сказала она,—буди тако»!

Ѳеодоритъ благословилъ Михаила; на него возложили наперстный крестъ, вручили ему царскій посохъ. Отслужили литургію; запѣли благодарственный молебенъ и провозгласили многолѣтіе царю Михаилу... Затѣмъ онъ, сидя на тронѣ, сталъ принимать поздравленія. Звонъ колоколовъ, радостные крики народа оглашали воздухъ...

Наканунѣ Благовѣщенія (24-го марта) въ Москвѣ была получена отъ посольства радостная вѣсть. На другой день съ ранняго утра Кремль наполнился народомъ. Въ Успенскомъ соборѣ прочтено было извѣщеніе изъ Костромы, отслуженъ благодарственный молебенъ и провозглашено многолѣтіе царю. Этотъ день былъ великимъ праздникомъ для всей Москвы.

19-го марта царь, въ сопровожденіи духовенства, всего посольства, разнаго званія людей, съѣхавшихся въ Кострому, предше-

ПРИЗВАНІЕ МИХАИЛА ѲЕОДОРОВИЧА НА ЦАРСТВО.

ствуемый святыми иконами, двинулся въ Москву. Мать слѣдовала за нимъ. Народъ повсюду выбѣгалъ на встрѣчу царю съ хлѣбомъ и солью; духовенство встрѣчало его съ иконами и крестами. Когда онъ подъѣзжалъ къ Ярославлю, — весь городъ вышелъ ему навстрѣчу. Путь отъ Ярославля до Москвы длился болѣе двухъ недѣль: царь по русскому благочестивому обычаю останавливался въ городахъ, лежавшихъ на дорогѣ,— Ростовѣ и Переяславлѣ, для поклоненія св. мощамъ, посѣщалъ монастыри. Торжественное шествіе Михаила въ Москву было радостнымъ и скорбнымъ въ тоже время: радовался народъ, выходившій толпами на встрѣчу своему государю, радовался и юный царь радости своего народа. Но тутъ же на дорогѣ приходилось Михаилу видѣть страшное разореніе родной земли; безпрестанно приходили къ нему съ жалобами люди, измученные и ограбленные воровскими шайками, которыя въ то время рыскали повсюду по русской землѣ. Бѣдность была кругомъ ужасная!.. Даже самому царю приходилось на каждомъ шагу стѣсняться. Въ отвѣтъ на просьбу бояръ скорѣе ѣхать въ Москву онъ писалъ:

— «Идемъ медленно затѣмъ, что подводъ мало и служилые люди худы: стрѣльцы, козаки и дворовые люди многіе идутъ пѣши».

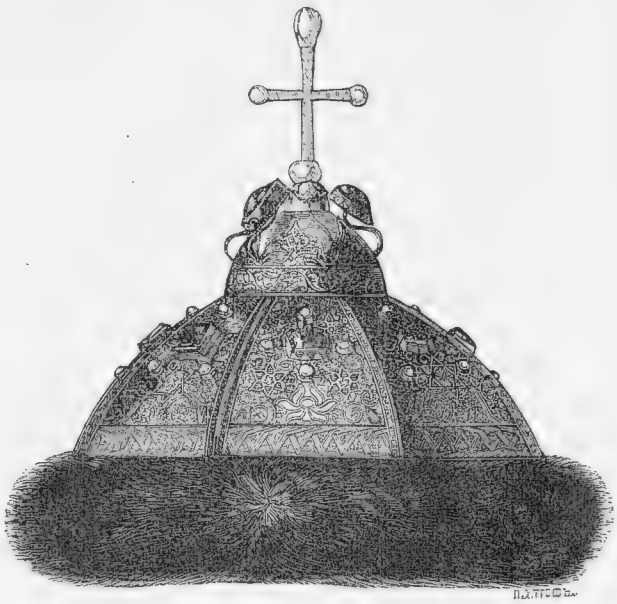
На требованія царя приготовить ему и матери къ ихъ пріѣзду хоромы въ Кремлѣ, бояре отвѣчали, что приготовили для государя компаты царя Ивана да Грановитую Палату, а для матери его хоромы въ Вознесенскомъ монастырѣ... «Тѣхъ же хоромъ, что государь приказалъ приготовить, скоро отстроить нельзя да и нечѣмъ: денегъ въ казнѣ нѣтъ и плотниковъ мало; палаты и хоромы всѣ безъ кровли; лавокъ, дверей и окошекъ нѣтъ; надо дѣлать все новое, а лѣсу пригоднаго скоро не добыть».

Путь царя отъ Троицкой обители въ Москву представлялъ трогательное зрѣлище Москвичи ѣхали, шли, бѣжали толпами на встрѣчу государю, привѣтствовали его восторженными криками. Близъ Москвы духовенство съ хоругвями, съ иконами и крестами, и всѣ бояре вышли встрѣчать царя. Улицы были запружены народомъ; многіе отъ умиленія плакали; другіе громко благословляли царя... Помолившись въ Успенскомъ соборѣ и поклонившись гробамъ прежнихъ царей въ Архангельскомъ соборѣ, Михаилъ пошелъ въ свои палаты. Марѳа благословила его и удалилась къ себѣ въ Вознесенскій монастырь.

11-го іюля происходило царское вѣнчаніе. Михаилу въ этотъ день исполнилось семнадцать лѣтъ. Передъ тѣмъ какъ идти въ Успенскій соборъ, государь сидѣлъ въ Золотой палатѣ. Тутъ онъ

наградилъ боярскимъ саномъ доблестнаго князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго и своего родича князя Черкасскаго. (А на слѣдующій день, въ царскія именины, Кузьма Мининъ пожалованъ былъ въ думные дворяне). Начались было споры между боярами о томъ, кому какое мѣсто занимать при царскомъ вѣнчаніи; но царь объявилъ, чтобы на это время всѣмъ быть во всякихъ чинахъ безъ мѣстъ.

Обрядъ царскаго вѣнчанія совершалъ старѣйшій изъ духовныхъ лицъ—митрополитъ Казанскій Ефремъ, такъ какъ послѣ кончины патріарха Гермогена не былъ избранъ еще преемникъ ему.



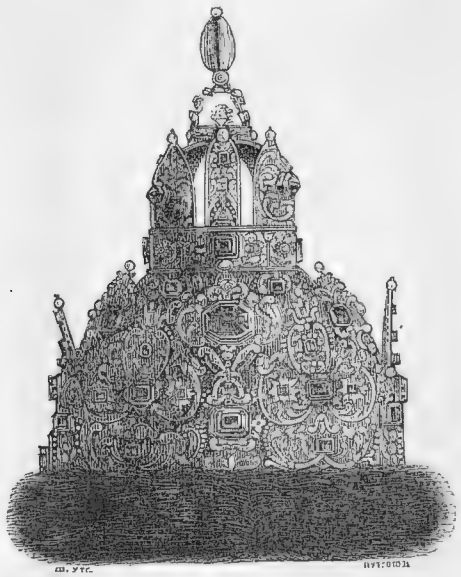
Шапка Мономаха.

Къ царю въ палату принесли «царскій санъ, или чинъ» (т. е. принадлежности царскаго облаченія: крестъ, корону, скипетръ, державу и пр.). Государь приложился ко кресту. Затѣмъ при звонѣ всѣхъ колоколовъ «царскій санъ» на золотыхъ блюдахъ понесли въ соборъ. Царскій духовникъ благоговѣйно на головѣ несъ блюдо съ животворящимъ крестомъ; боринъ князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій несъ скипетръ, царскій казначей — державу, а корону, шапку Мономаха — царскій дядя Иванъ Никитичъ Романовъ. Въ соборѣ все было благоговѣйно положено на богато-убранный столъ (налой) предъ царскими вратами.

Когда извѣстили царя, что въ церкви все готово, онъ въ сопровожденіи бояръ и стольниковъ отправился во храмъ. Стрѣльцы,

поставленные въ два ряда, ограждали царскій путь. Впереди царя шелъ священникъ и кропилъ путь святой водою. Царь вступилъ въ соборъ, полъ котораго былъ устланъ бархатомъ и парчами. Посреди церкви былъ устроенъ помостъ (чертожное мѣсто) о двѣнадцати ступенькахъ, обитый краснымъ сукномъ; на немъ былъ поставленъ престолъ для царя и стулъ для митрополита. Въ соборъ былъ допущенъ народъ. Окольничіе и стольники устанавливали пришедшихъ и увѣщевали ихъ «стоять съ молчаніемъ, кротостью и вниманіемъ».

По приходѣ царя въ соборъ, ему пропѣли многолѣтіе. Царь молился предъ образами и прикладывался къ нимъ. Начался моле-

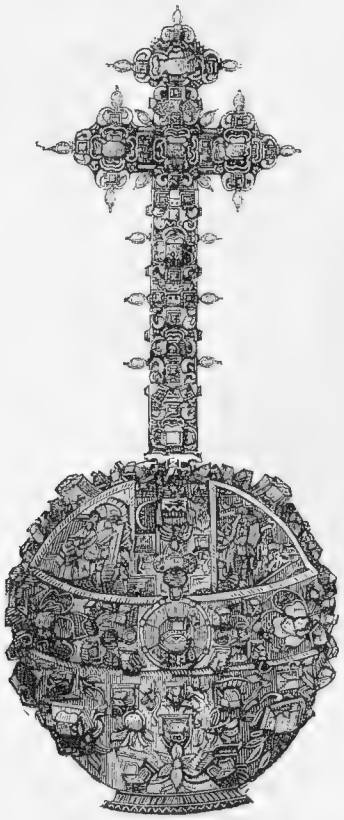


Корона Михаила Ѳеодоровича.

бенъ. Затѣмъ митрополитъ Ефремъ возвелъ царя на «великое мѣсто», т. е. на помостъ къ трону. Водворилась полнѣйшая тишина, и Михаилъ, стоя у трона, держалъ рѣчь къ митрополиту. Упомянувъ о томъ, что царь Ѳеодоръ «безчаденъ оставилъ царство, что избранные послѣ того цари скончались, а Василій отъ царства отказался,— о томъ, что его, Михаила, избрали въ цари всѣмъ соборомъ Русской земли, царь закончилъ свою рѣчь слѣдующими словами:

— «По Божіей милости и по данной вамъ благодати Святаго Духа и по вашему и всякихъ чиновъ московскаго государства избранію, богомольцы наши, благословите и вѣнчайте насъ на наши великія государства царскимъ вѣнцомъ по прежнему царскому чину и достоянію».

Въ отвѣтъ на слова царя митрополитъ напомнилъ о бѣдствіяхъ Русской земли въ безгосударное время, объ избавленіи ея отъ враговъ, объ избраніи Михаила Ѳеодоровича и молилъ Бога, да умножитъ онъ лѣта царя, покоритъ ему всѣхъ враговъ, вселитъ въ сердце царя страхъ Свой и милость къ послушнымъ, чтобы судилъ онъ людей своихъ праведно и пр.; въ заключеніе митрополитъ сказалъ:



Держава.

Скипетръ.

— «Прими же, государь, превысочайшую честь и вышехвальную славу, вѣнецъ царствія на главу свою,—вѣнецъ, который взыскалъ отъ древнихъ лѣтъ прародитель твой, Владиміръ Мономахъ. Да процвѣтетъ намъ отъ вашего царскаго, прекрасно цвѣтущаго корня прекрасная вѣтвь въ надежду и въ наслѣдіе всѣмъ великимъ государствамъ Россійскаго царства»!

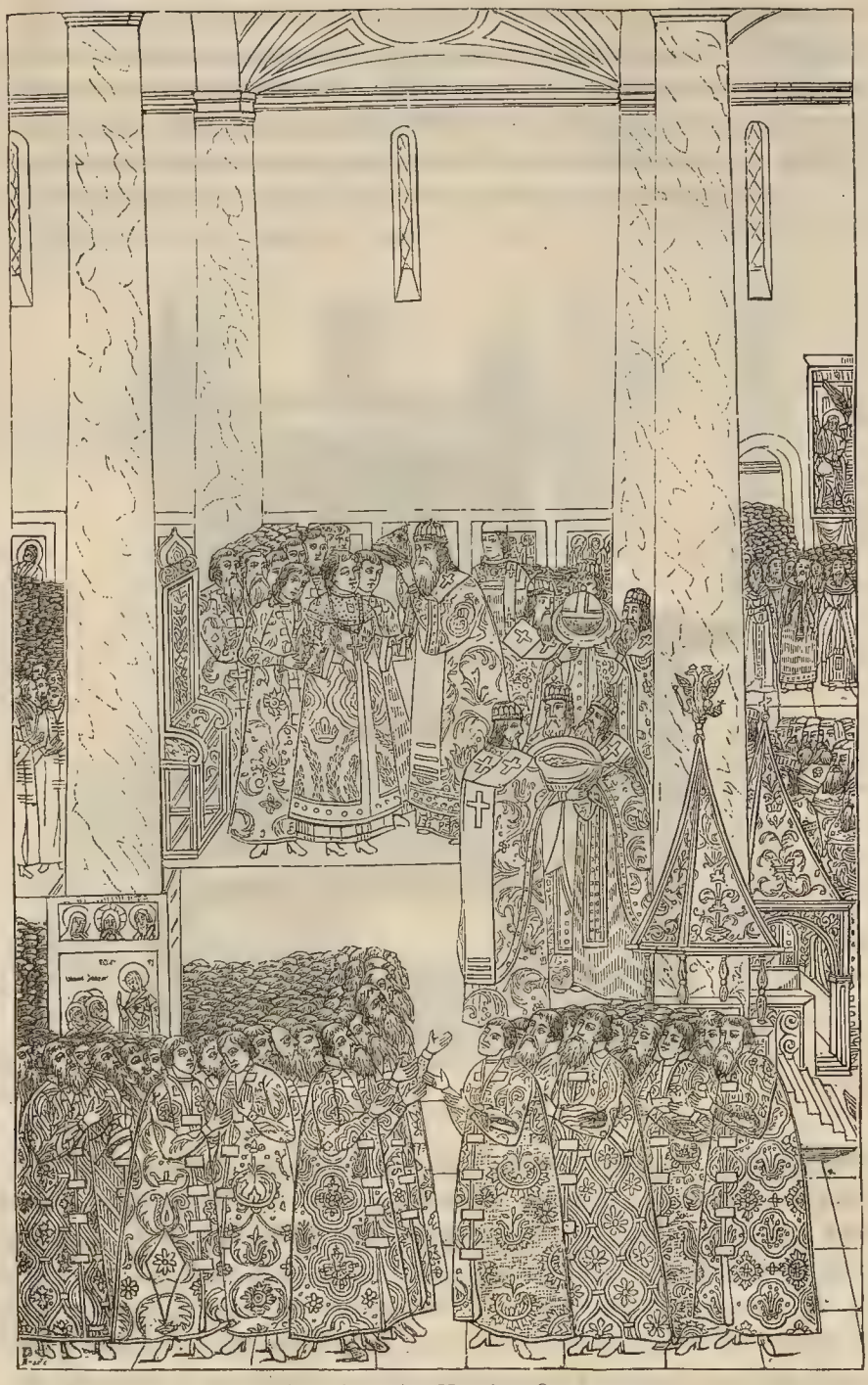
Сказавъ это, митрополитъ возложилъ крестъ на царя и, держа руки на его головѣ, прочелъ молитву; затѣмъ надѣлъ на него бармы

(оплечья) и царскій вѣнецъ. Царь сѣлъ послѣ этого на тронъ, и митрополитъ подалъ ему въ правую руку скипетръ, а въ лѣвую — державу. Провозглашено было многолѣтіе «боговѣнчанному поставленному государю». Духовные сановники и бояре кланялись царю «ниже пояса» и поздравляли его. Митрополитъ сказалъ царю поученіе:

— «Не пріемли, государь,—говорилъ между прочимъ архипастырь,—языка льстива и слуха суетна, не вѣрь злому, не слушай

Тронъ царя Михаила.

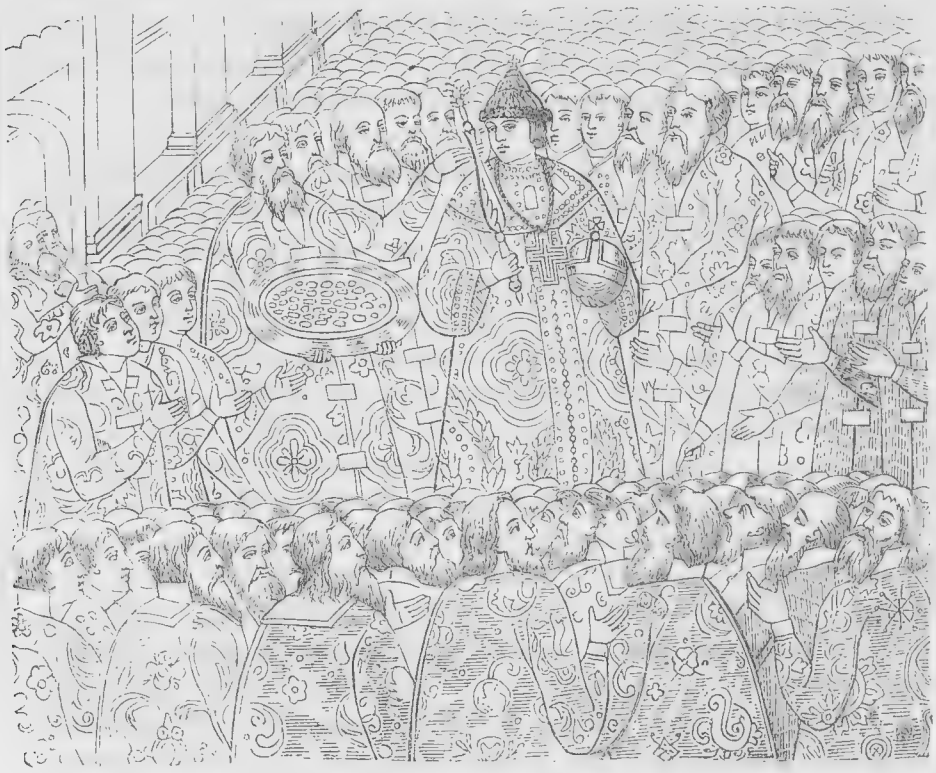
оболгателя... Подобаетъ тебѣ мудрымъ быть или мудрымъ послѣдовать, на нихъ же, яко на престолѣ, Богъ почиваетъ. Не блага міра сего, но добродѣтель украшаетъ царей. Не презирай низшихъ тебя: надъ самимъ тобою есть царь; и если онъ о всѣхъ печется, ты ли о комъ нерадѣть будешь?! Возмогай же, государь, возмогай, да когда пріидетъ часъ суда твоего, ты возможешь стать безбоязненно предъ Господомъ и сказать: Се я, Господи, и люди Твои, которые Ты далъ мнѣ,—сказать и услышать гласъ Царя и Бога



Вѣнчаніе на царство Михаила Ѳеодоровича.
(По старинному рисунку въ «Книгѣ объ избраніи на царство Михаила Ѳеодоровича»).

твоего: благій рабе, царю россійскій Михаиле, въ малѣ ты былъ мнѣ вѣренъ, надъ многимъ поставлю тебя»!

Затѣмъ митрополитъ благословилъ царя животворящимъ крестомъ и громко молился: «Да умножитъ Господь лѣта царствія царя Михаила; да узритъ онъ сыны сыновъ своихъ; да возвысится десница его надъ врагами и устроится царство его и потомство его мирно и вѣчно»!



Выходъ царя изъ церкви (по старинному рисунку).

Въ полномъ царскомъ облаченіи Михаилъ слушалъ затѣмъ литургію, во время которой митрополитъ совершилъ надъ нимъ миропомазаніе; затѣмъ причастилъ его и поднесъ просфору. Послѣ обѣдни царь пригласилъ митрополита и всѣхъ духовныхъ, бывшихъ въ церкви, къ себѣ «хлѣба ѣсти».

Затѣмъ «боговѣнчанный царь» во всемъ своемъ блистающемъ облаченіи заходилъ въ Архангельскій соборъ поклониться гробницамъ прежнихъ царей. При выходѣ царя изъ соборовъ и на площадкѣ дворцовой лѣстницы, по принятому обычаю, его осыпали золотыми и серебряными деньгами...

Въ этотъ день въ государевыхъ палатахъ былъ богатый пиръ. Колокольный звонъ во всѣхъ церквахъ, веселье и народная гульба длились три дня...

Особенныхъ милостей и льготъ народу при вступленіи на престолъ Михаилъ Ѳедоровичъ не могъ дать: казна была пуста!..

Очищеніе русской земли отъ внутреннихъ враговъ ея.

Такого ужаснаго положенія, въ какомъ засталъ русскую землю юный Михаилъ, вступая на престолъ, не терпѣла она со временъ первыхъ татарскихъ погромовъ. Враги безпощадно терзали ее и по окраинамъ, и внутри.

На западѣ шла война съ Польшей и Швеціей; въ рукахъ ихъ было уже немало русскихъ земель. Польша силилась посадить своего королевича на русскій престолъ; шведскій король прочилъ на него своего брата; на юго-востокѣ казацкая вольница, волнуемая Заруцкимъ, провозглашала царемъ маленькаго сына Марины... (Даже одно время германскій императоръ прилаживался было, нельзя ли своего брата какъ нибудь пристроить на московскій престолъ...) Враговъ у Михаила и соперниковъ, пытавшихся отбить у него власть, было вдоволь, а средствъ для борьбы съ ними и союзниковъ никакихъ!

Внутри государства повсюду рыскали шайки лихихъ людей, разбойниковъ, казаковъ, которые грабили все, что попадалось имъ подъ руку, выжигали деревни, безпощадно мучили, били и убивали жителей, вымогая отъ нихъ послѣднія крохи уцѣлѣвшаго достоянія. На мѣстахъ прежнихъ деревень встрѣчались только пепелища; множество городовъ было выжжено дотла; почти вся Москва лежала въ развалинахъ. Безчисленныя шайки разбойниковъ были настоящей язвой русской земли: не только сельчанъ, но и горожанъ держали они въ постоянной тревогѣ, въ томительномъ страхѣ... Промыслы и торговля совсѣмъ упали. Крестьяне во многихъ мѣстахъ не могли даже собрать хлѣба съ полей и умирали съ голоду. Крайняя, безъисходная нищета давила народъ. Одни теряли всякую бодрость, опускались, обращались въ бродягъ, нищихъ, ходили побираться по міру; другіе начинали промышлять «воровствомъ», «лихимъ дѣломъ», приставали къ разбойничьимъ шайкамъ... Служилые люди и бояре тоже страшно обѣднѣли. Обѣднѣли они и духомъ. Въ смутное время, при постоянной тревогѣ, шатости, насиліяхъ, беззаконіи и смѣнѣ правительствъ, люди все больше и больше теряли чувства справедливости и чести, привыкали заботиться только

о самихъ себѣ, мельчали духомъ, «измалодушествовались», какъ мѣтко выразилась инокиня Марѳа. Трудно было правительству найти хорошихъ, честныхъ помощниковъ. Многія лица, которымъ ввѣрялось управленіе и правосудіе, безсовѣстно пользовались своею властью, тѣснили подчиненныхъ, вымогали подачки, высасывали послѣдніе соки изъ народа.

Юнаго царя, который нуждался въ опытныхъ и честныхъ совѣтникахъ и руководителяхъ, къ сожалѣнію, окружили люди лживые и корыстолюбивые; они заботились только о своихъ выгодахъ, старались захватить себѣ побольше земель. Особенной силой пользовались Салтыковы, родичи матери царя... Самъ царь хотя былъ добръ и разуменъ, но особенной склонности къ управленію не выказывалъ, да и былъ еще въ ту пору слишкомъ молодъ. Приближенные его могли довольно свободно дѣйствовать его именемъ. Любопытно замѣчаніе одного современника-иностранца о положеніи Россіи того времени:

— «Царь (русскій) подобенъ солнцу, часть котораго покрыта облаками, такъ что земля московская не можетъ получить ни теплоты, ни свѣта... Всѣ приближенные царя—несвѣдующіе юноши; ловкіе дѣльцы приказные—алчные волки; всѣ безъ различія грабятъ и разоряютъ народъ. Никто не доводитъ правды до царя; къ нему нѣтъ доступа безъ большихъ издержекъ; прошенія нельзя подать въ приказъ безъ огромныхъ денегъ; и тогда еще неизвѣстно, чѣмъ кончится дѣло: будетъ ли оно задержано, или пущено въ ходъ».

Конечно, иностранецъ представляетъ дѣло слишкомъ мрачно, преувеличиваетъ зло, но все же оно было велико, если такъ бросалось въ глаза даже и постороннему наблюдателю.

Не смотря на молодость и неопытность царя, не смотря на недостатки лицъ, управлявшихъ его именемъ, Михаилъ Ѳедоровичъ былъ какъ царь силенъ,—силенъ любовью народной. Народъ видѣлъ въ царѣ оплотъ противъ страшнаго безначалія и смуты; царь видѣлъ въ народѣ, возведшемъ его на престолъ, твердую опору для себя. Связь между царемъ и народомъ была крѣпка; въ этомъ заключались и сила, и спасеніе русской земли. Михаилъ и его совѣтники это вполнѣ понимали и въ самыхъ важныхъ дѣлахъ призывали на совѣтъ въ земскую думу выборныхъ всей земли.

Денегъ, денегъ и денегъ, — вотъ чего требовали прежде всего отъ московскаго правительства со всѣхъ сторонъ. Война поглощала страшно много средствъ. Только что вступилъ на престолъ царь, какъ къ нему посыпались отовсюду просьбы, жалобы, мольбы,

особенно отъ служилыхъ людей. Одни просили помощи, выставляя на видъ, что они проливали кровь за московское государство, а помѣстья и вотчины ихъ въ конецъ раззорены, запустѣли, никакихъ доходовъ не даютъ; что у нихъ, ни платья, ни оружія нѣтъ, и службу государеву не на что править. Другіе требовали денегъ, хлѣба, суконъ и прямо заявляли, что они отъ нищеты, если имъ не будетъ дано царскаго жалованья, станутъ грабить по большимъ дорогамъ... Нѣкоторые служилые казаки, не получая жалованья, дѣйствительно, отбивались отъ царской службы и шли воровать и разбойничать. Положеніе правительства было безвыходное. Надо денегъ, казна пуста, а кругомъ бѣднота да тощета!

Отъ царя и отъ собора повсюду разсылались указы — сбирать какъ можно скорѣе и вѣрнѣе всякія подати, пошлины и недоимки. Правительство умоляло всѣхъ зажиточныхъ людей въ городахъ и монастыряхъ дать взаймы казнѣ все, что могутъ: денегъ, хлѣба, суконъ и всякихъ другихъ запасовъ. Самъ царь писалъ богатымъ купцамъ Строгановымъ, упрашивалъ ихъ, кромѣ податей и пошлинъ, дать взаймы «для христіанскаго покою и тишины, денегъ, хлѣба, рыбы, соли, суконъ и всякихъ товаровъ, что можно дать ратнымъ людямъ». Духовенство отъ имени всего собора тоже умоляло Строгановыхъ помочь казнѣ.

«Ратные люди, говорится въ грамотѣ отъ духовенства, великому государю бьютъ челомъ безпрестанно, а къ намъ царскимъ богомольцамъ и къ боярамъ, приходятъ съ великимъ шумомъ и плачемъ каждый день, что они отъ многихъ службъ и отъ разоренья польскихъ и литовскихъ людей бѣдны и служить не могутъ; на службѣ имъ ѣсть нечего, и потому многіе изъ нихъ по дорогамъ ѣздятъ, отъ бѣдности грабятъ, побиваютъ, а унять ихъ никакими мѣрами, не пожаловавъ, нельзя; если только имъ не будетъ царскаго денежнаго и хлѣбнаго жалованья, то всѣ они отъ бѣдности поневолѣ станутъ воровать, грабить, разбивать и побивать...»

Надо было во что бы то ни стало собрать казну; но какъ собрать? Не только народъ былъ въ нищетѣ, но и торговые люди, и монастыри жаловались на разоренье отъ литовскихъ людей, просили всякихъ милостей и льготъ. Даже иностранные купцы—и тѣ плакались на разоренье и тоже просили льготъ, и правительство, чтобы усилить торговлю, исполняло ихъ просьбы. Сборщики податей подъ видомъ казенныхъ поборовъ нерѣдко брали лихву, притѣсняли темный народъ, грабили его пуще воровскихъ шаекъ, злобили его. Въ иныхъ отдаленныхъ отъ Москвы городахъ выказывалось даже

явное сопротивленіе сборщикамъ. На Бѣлоозерѣ, напр., посадскіе люди не хотѣли платить податей, и когда воеводы велѣли поставить ихъ на правежъ, а они начали звонить въ набатъ, и хотѣли воеводъ побить... Послѣ такихъ случаевъ сборщикамъ пришлось ходить по селеніямъ съ вооруженными отрядами.

Вотъ въ какомъ печальномъ положеніи было Московское правительство, когда со всѣхъ сторонъ, извнѣ и извнутри грозила бѣда государству. Въ довершеніе всего ногаи въ это время переправились чрезъ Оку и опустошили многія земли. Изъ Рязани архіепископъ, духовенство, дворяне и дѣти боярскіе били челомъ царю: —«Начали приходить татары часто и досталь домишки наши выжгли, людишекъ и крестьянишекъ нашихъ остальныхъ перехватали и самихъ многихъ нашу братью... взяли и побили...»

Въ это же время пришла вѣсть изъ Казани, что тамъ замышлялъ поднять служилыхъ людей противъ Михаила воевода Шульгинъ. Его успѣли во время захватить и сослали въ Сибирь.

Первыя шесть лѣтъ царствованія Михаила пришлось напрягать всѣ силы на борьбу съ внѣшними и внутренними врагами. Къ счастію, поляки вели войну довольно вяло, нерѣшительно. Благодаря этому, русскимъ удалось управиться съ внутренними врагами.

Заруцкій всѣми способами старался поднять на Москву казацкую вольницу на Дону, Волгѣ и Яикѣ (Уралѣ); онъ хотѣлъ посадить на престолъ малолѣтняго Ивана, сына Марины, и его именемъ управлять государствомъ. Противъ Заруцкаго выслана была царская рать подъ начальствомъ кн. Одоевскаго. Изъ Москвы отправлены были казакамъ на Донъ и Волгу увѣщательныя грамоты отъ царя, отъ духовенства и бояръ, посылалось и жалованье деньгами, сукнами, виномъ, чтобъ казаки, «видя къ себѣ царскую милость, великому государю служили и на измѣнниковъ стояли». Отправлены были двѣ грамоты отъ царя и духовенства даже къ самому Заруцкому: царь обѣщалъ ему помилованіе въ случаѣ покорности; духовенство грозило проклятіемъ за ослушаніе царской грамотѣ. Эти мѣры не дѣйствовали. Заруцкій засѣлъ въ Астрахани, завелъ сношенія съ Персіей, прося помощи; но своими жестокостями и неправдами онъ возбудилъ противъ себя астраханцевъ. Между казаками тоже было много недоброхотовъ «вору съ ворухою и воренкомъ», какъ называли Заруцкаго съ Мариной и ея сыномъ ихъ недруги. Когда стрѣлецкій голова Хохловъ съ небольшимъ отрядомъ подступилъ къ Астрахани, Заруцкій бѣжалъ вверхъ по Волгѣ; Хохловъ нагналъ его и разбилъ. Заруцкому не удалось спастись

бѣгствомъ; чрезъ нѣсколько дней онъ попалъ въ руки отряда, посланнаго въ догоню (25 іюня 1614 г.). Плѣнниковъ за большимъ конвоемъ отправили въ Москву. Заруцкаго и сына Марины казнили смертью, а Марина посажена въ тюрьму, гдѣ и умерла. Кое какъ удалось успокоить Астрахань и юго-восточный край.

Больше усилій стоила борьба съ воровскими шайками, терзавшими повсюду русскую землю. Почти ни одной области не было, которая не страдала бы отъ нихъ. Такихъ мукъ, какія терпѣла тогда русская земля, по словамъ лѣтописца, не бывало и въ древнія времена. Безпрерывно шли отъ воеводъ ужасныя вѣсти въ Москву: —«Крестьянъ жженыхъ видѣли мы, доносили изъ одного мѣста, больше семидесяти человѣкъ да мертвыхъ больше сорока мужиковъ и женокъ, которые померли отъ мученья и пытокъ, кромѣ замерзшихъ»...—«Пришли къ намъ въ уѣздъ воры-казаки, — писалъ изъ другаго мѣста воевода къ царю,—православныхъ христіанъ побиваютъ и жгутъ, разными муками мучаютъ, денежныхъ доходовъ и хлѣбныхъ запасовъ собирать не даютъ»...

Самъ царь со словъ воеводъ жалуется, что «собранную денежную казну въ Москву отъ воровства ихъ (разбойниковъ) провезти нельзя».

Дерзость и звѣрство этихъ воровскихъ шаекъ доходили часто до крайности. Одичалые и освирѣпѣвшіе среди постоянныхъ разбоевъ и душегубства злодѣи нерѣдко тѣшились мученіемъ своихъ жертвъ: у нѣкоторыхъ изъ разбойниковъ было обычною забавою набивать людямъ ротъ, уши, носъ порохомъ и зажигать...

Иныя изъ разбойничьихъ шаекъ были очень многочисленны, такъ, напримѣръ, шайка, что разбойничала на сѣверѣ около Архангельска, Холмогоръ была въ 7000 человѣкъ. Понятно, сколько зла могла она натворить. Воеводы изъ этихъ мѣстъ доносили царю, что во всемъ краю, по рѣкѣ Онегѣ и Вагѣ, церкви Божія поруганы, скотъ выбитъ, деревни выжжены; на Онегѣ насчитали 2325 труповъ замученныхъ людей, и некому было похоронить ихъ; множество было изуродованныхъ; многіе жители разбѣжались по лѣсамъ и перемерзли... Съ такими громадными разбойничьими шайками правительству приходилось вести настоящую войну, и при томъ страшно трудную: разбойники, конечно, избѣгали настоящаго боя и встрѣчи съ воинскими отрядами; нападали невзначай,—ограбятъ, пожгутъ, перебьютъ народъ въ одномъ селѣ и исчезнутъ. Явятся ратные люди на мѣсто погрома,—а злодѣи свирѣпствуютъ уже за десятки верстъ отъ нихъ. Ратные люди спѣшатъ туда,—а тамъ только избы догораютъ да валяются трупы перебитыхъ людей, а тѣ, которые спас-

лись, со страху разбѣжались, по лѣсамъ прячутся, и спросить не у кого, въ какую сторону пошли злодѣи,—сиди да жди новыхъ вѣстей. Нелегко было осилить безчисленныя бродячія воровскія шайки; но еще труднѣе было изловить ихъ на широкомъ просторѣ русской земли, въ ея дремучихъ лѣсахъ. Въ это же время въ Вологдѣ свирѣпствовалъ сибирскій царевичъ Арасланъ, грабилъ жителей мучилъ ихъ и безпощадно вѣшалъ; въ Казанскомъ краѣ поднялись черемисы и татары, переняли дорогу межъ Нижнимъ и Казанью, захватывали людей въ плѣнъ...

Въ сентябрѣ 1614 года на земскомъ соборѣ обсуждали, какъ прекратить всѣ эти бѣды. Рѣшено было попробовать дѣйствовать уговоромъ,—обѣщали прощеніе и даже царское жалованье тѣмъ, которые отстанутъ отъ воровъ и пойдутъ на царскую службу противъ шведовъ, а крѣпостнымъ людямъ, если они раскаятся, обѣщана свобода. Немногіе поддавались обѣщаніямъ и шли на службу, да и то иные только по виду каялись, а потомъ при случаѣ снова начинали «воровать». Тогда царь приказалъ боярину Лыкову «промышлять надъ казаками» ратной силой. Лыкову удалось во многихъ мѣстахъ разбить ихъ шайки. Огромное скопище воровскихъ казаковъ двинулось подъ предводительствомъ атамана Баловня къ Москвѣ; они выставляли на видъ, что идутъ бить челомъ царю и хотятъ служить ему. Но, оказалось, что умыселъ былъ у нихъ не тотъ: какъ видно, они разсчитывали, пользуясь тѣмъ, что въ Москвѣ на ту пору было мало ратной силы, произвести подъ самой столицей большой грабежъ. Когда начали имъ дѣлать перепись; когда подошла къ Москвѣ рать и стала близъ воровскаго скопища, оно обратилось въ бѣгство. Воеводы Лыковъ и Измайловъ преслѣдовали воровъ, нѣсколько разъ побивали, наконецъ, въ Малоярославскомъ уѣздѣ на рѣкѣ Лужѣ настигли главную толпу и окончательно разбили ихъ, многихъ избили, а 3256 человѣкъ, которые умоляли о помилованіи, привели въ Москву. Всѣхъ ихъ простили и послали на службу, только Баловня повѣсили. Такимъ образомъ кое какъ управились съ большими скопищами разбойниковъ; но все таки государство долго не могло успокоиться, и безпрестанно слышались съ разныхъ концевъ его жалобы на грабежи и воровство...

Кромѣ татаръ, черемисъ и разбойничьихъ казацкихъ шаекъ, приходилось въ это время справляться съ летучими отрядами Лисовскаго. Этотъ смѣлый наѣздникъ, началъ свои набѣги на русскія области, какъ извѣстно, при второмъ Самозванцѣ. Онъ набралъ себѣ ватагу лихихъ головорѣзовъ,—болѣе всего изъ польскихъ и

литовскихъ шляхтичей, и скоро прославился своими смѣлыми наѣздами. Его конные отряды, быстро переносясь съ мѣста на мѣсто, наводили ужасъ на всю область, гдѣ появлялись. Угнаться за лисовчиками, какъ стали называться наѣздники Лисовскаго, не было возможности: они дѣлали въ день переходы во сто и болѣе верстъ, коней не жалѣли; усталыхъ и заморенныхъ кидали на пути, хватали по встрѣчнымъ деревнямъ и усадьбамъ свѣжихъ и неслись дальше, оставляя на пути лишь пепелища ограбленныхъ и выжженныхъ деревень и городовъ. Зла и безчеловѣчной жестокости творили они не меньше воровскихъ шаекъ. Знаменитый Пожарскій, котораго отрядили противъ Лисовскаго, гонялся за нимъ сначала въ Сѣверской землѣ долго и безуспѣшно, наконецъ, встрѣтился съ нимъ подъ Орломъ; но рѣшительной битвы тутъ не произошло; Лисовскій отступилъ подъ Кромы; Пожарскій за нимъ; Лисовскій — къ Болхову, потомъ — къ Бѣлеву, къ Лихвину, съ необычайной быстротой переносился отъ города къ городу, нападая невзначай, истребляя все на пути. Пожарскій, утомившись безпрерывной погоней и тревогой, заболѣлъ въ Калугѣ. Пользуясь этимъ, Лисовскій пронесся по русскимъ областямъ на сѣверъ, прорвался между Ярославлемъ и Костромою, сталъ громить окрестности Суздаля, натворилъ бѣдъ въ Рязанской области, прошелъ между Тулой и Серпуховымъ. Тщетно гонялись за нимъ царскіе воеводы; только подъ Алексинымъ встрѣтило его царское войско, но большаго вреда ему не причинило.

Много бѣдъ еще натворилъ бы Лисовскій русской землѣ; но въ слѣдующемъ году онъ нечаянно упалъ съ коня и лишился жизни. Хотя «лисовчики» продолжали свои набѣги; но такихъ изумительныхъ по смѣлости и губительныхъ налетовъ, какъ при Лисовскомъ, уже не было. Не меньше бѣды русской землѣ причиняли днѣпровскіе казаки, черкассы, какъ ихъ называли въ Москвѣ: они тоже отдѣльными ватагами заѣзжали даже на дальній сѣверъ и разбойничали не хуже лисовчиковъ и другихъ воровскихъ шаекъ.

Правительство крайне затруднялось, гдѣ взять денегъ на продолженіе борьбы съ врагами, на очищеніе земли отъ воровъ. Къ воеводамъ посылался изъ Москвы приказъ за приказомъ собирать во что бы то ни стало положенные сборы съ каждаго двора по городамъ, съ каждой сохи по волостямъ... Но что было взять съ обнищалаго народа?... Воеводы и приказные люди прибѣгали къ правежу, мучили народъ; въ иныхъ мѣстахъ сборщикамъ приходилось водить за собой ратныхъ людей, чтобы подавлять сопротивленіе...

Но не смотря на всѣ мѣры, чаще всего приходилось воеводамъ доносить въ Москву, что съ ихъ городовъ и волостей нечего взять.

Въ 1616 году былъ созванъ земскій соборъ. Велѣно было выбрать лучшихъ уѣздныхъ посадскихъ и волостныхъ людей для «великаго государева земскаго дѣла на совѣтъ». Здѣсь было постановлено взять со всѣхъ торговыхъ людей пятую деньгу съ имущества (т. е. пятую часть его), а съ волостей по 120 рублей съ сохи. Со Строгоновыхъ сверхъ положеннаго соборъ постановилъ взять еще 40 тысячъ рублей.

—«Не пожалѣйте, писалъ самъ царь Строгоновымъ,—хоть и себя приведете въ скудость. Разсудите сами: если отъ польскихъ и литовскихъ людей будетъ конечное разореніе россійскому государству и нашей истинной вѣрѣ, то въ тѣ поры и у васъ, и у всѣхъ православныхъ христіанъ животовъ и домовъ совсѣмъ не будетъ».

Правительство думало было усилить доходы государства казенною продажею спиртныхъ напитковъ, приказывало повсюду строить кабаки, курить вино, запрещая продавать его посадскимъ и служилымъ людямъ. Но при крайней бѣдности народа это не только не увеличило доходовъ, но вредило имъ: народъ пропивалъ послѣдніе гроши, и еще менѣе могъ платить прямые налоги... Стѣсненное до крайности въ денежныхъ средствахъ московское правительство обращалось даже къ иностраннымъ государствамъ, Англіи и Голландіи съ просьбою ссудить его деньгами.

Столбовскій миръ.

При такихъ обстоятельствахъ невозможно было дольше тянуть войну съ двумя государствами; надо было во что бы то ни стало позаботиться о мирѣ.

Въ это время Новгородъ, Иваньгородъ, Копорье, Ямы, Ладога Порховъ, Старая Руса были уже въ рукахъ шведовъ. Еще до избранія Михаила на царство новгородцы присягнули королевичу Филиппу, котораго шведскій король замышлялъ посадить на московскій престолъ. Новгородцы теперь не знали, что и дѣлать: шведы думали наряду съ другими русскими городами, попавшими въ ихъ руки, присоединить къ своимъ владѣніямъ и Новгородъ; новгородцы противились этому. На бѣду русское оружіе терпѣло постоянныя неудачи. Делагарди подъ Броницами разбилъ кн. Трубецкаго, шедшаго съ значительнымъ войскомъ къ Новгороду. Самъ шведскій король Густавъ-Адольфъ взялъ приступомъ Гдовъ...

Не смотря на всѣ свои успѣхи король понималъ, что дѣло его брата Филиппа проиграно, и уже не думалъ отстаивать его права на московскій престолъ или на какія либо русскія владѣнія, а разсчитывалъ только, пользуясь затруднительнымъ положеніемъ Россіи, отобрать отъ нея приморскія области и отрѣзать ее отъ Балтійскаго моря. Дальновидный Густавъ предвидѣлъ, что русскіе, владѣя балтійскимъ побережьемъ, станутъ со временемъ очень опасными для Швеціи. Теперь въ его рукахъ было уже столько русской земли, что онъ могъ вполнѣ надѣяться на выгодный для Швеціи миръ съ Россіей, и обратился къ англійскому королю Іакову I съ просьбой посодѣйствовать заключенію мира. Туда же еще раньше въ (1613 г.) посылалъ Михаилъ Ѳедоровичъ пословъ съ просьбой помочь Россіи противъ шведовъ, снабдить оружіемъ, запасами и деньгами. Англійское правительство очень желало услужить русскому царю, разсчитывая добиться отъ него важныхъ льготъ для своей торговли. Московскаго посланника съ его товарищами приняли въ Англіи очень радушно. Король, какъ доносили потомъ русскіе послы; при торжественномъ пріемѣ ихъ завѣрилъ, что онъ будетъ съ царемъ Михаиломъ вести дружбу «свыше прежнихъ королей», побуждалъ ихъ и даже настойчиво требовалъ, чтобы они въ его присутствіи надѣли шапки, что считалось великой честью, причемъ самъ король и королевичъ шляпъ на себя не надѣвали. Русскіе послы, видя такую великую честь, отвѣчали:

— «Видимъ къ великому государю нашему твою братскую любовь и крѣпкую дружбу, слышимъ рѣчи ваши государскія, великаго государя нашего царское имя славится, а ваши королевскія очи близко видимъ, и намъ, холопямъ, въ такое время какъ на себя шапки надѣть?»

Слѣдствіемъ этого посольства въ Англію было то, что въ августѣ 1614 г. въ Москву пріѣхалъ уже извѣстный здѣсь Джонъ Мерикъ. Онъ обнадежилъ русское правительство, что Іаковъ поможетъ ему заключить миръ со Швеціей, и затѣмъ отъ имени своего короля просилъ открыть англичанамъ свободный путь Волгою въ Персію для торговли и позволить ѣздить рѣкою Обью въ Индію.

— «Мы думаемъ, говорилъ онъ, что дорога въ Индію Обью рѣкою отыщется и станутъ англійскіе и русскіе люди въ Индію ходить и такія прибыли царской казнѣ будутъ, какихъ прежде не бывало!»

Затѣмъ Мерикъ просилъ о дозволеніи англичанамъ завести разные промыслы въ русскихъ владѣніяхъ.

Бояре отвѣчали ему, что прежде всего надо покончить «свейское (шведское) дѣло», а потомъ ужь разберутъ эти просьбы. Мерикъ поѣхалъ въ Новгородъ для переговоровъ.

Война со Швеціей тогда была во всемъ разгарѣ. Густавъ-Адольфъ задумалъ нанести еще ударъ Россіи, чтобы побудить ее къ возможно большимъ уступкамъ, и осадилъ Псковъ (30 іюля 1615 г.). Не разъ этотъ городъ доблестно отражалъ отъ своихъ стѣнъ враговъ; постоялъ онъ и теперь за свою славу. Защиту вели бояре Морозовъ и Бутурлинъ. Первая стычка подъ стѣнами Пскова была совсѣмъ неудачна для шведовъ: на вылазкѣ русскіе много ихъ побили, въ томъ числѣ убили и одного изъ главныхъ ихъ начальниковъ. Шведы принялись копать рвы, ставить туры, соорудили вокругъ Пскова болѣе десяти земляныхъ городковъ (батарей), поставили пушки и три дня громили городъ простыми и каленными ядрами. Но Псковъ и не думалъ сдаваться. Тогда шведы рѣшились взять городъ приступомъ. Приступъ не удался. Уже третій мѣсяцъ стояли враги подъ городомъ, а конца осады и не предвидѣлось. Очень это сердило Густава-Адольфа, который въ то время считался лучшимъ полководцемъ въ Европѣ, но дѣлать было нечего, пришлось подумать о мирѣ, чтобы не затягивать снова войны на долгое время...

Переговоры начались въ сельцѣ Дедеринѣ при посредствѣ Джона Мерика.

Пріѣхали сюда и голландскіе послы помочь заключенію мира. Любопытенъ разсказъ одного изъ нихъ объ ужасномъ состояніи края, по которому пришлось имъ ѣхать. На всемъ пути отъ Новгорода до Старой Русы и дальше до Дедерина представлялась огромная снѣжная пустыня,—только изрѣдка попадались опустошенныя деревни. Въ избахъ валялись непогребенныя тѣла... Когда голландцы думали расположиться на ночлегъ въ избѣ и обогрѣться отъ холоду, то должны были сначала вытаскивать трупы; но невыносимый смрадъ выгонялъ путешественниковъ изъ жилья, и они принуждены были ночевать на морозѣ и зажигать избы, чтобы хоть сколько нибудь обогрѣться и обсохнуть. Волки бродили стаями. Въ лѣсахъ ютились воровскія шайки... Старая Руса, прежде довольно многолюдный городъ, представлялъ груду развалинъ...

Совѣщанія въ Дедеринѣ происходили въ шатрѣ среди поля на снѣгу, потому что въ селѣ не нашлось достаточно просторной избы. Уже раньше начались письменныя пререканія между русскими и шведами о титулахъ, и укоры за то, что шведы не воздавали должной чести Михаилу Ѳеодоровичу. Въ Дедеринѣ (съ 4 января 1616 г.)

продолжались эти споры. Уполномоченный со стороны Швеціи извѣстный Яковъ Делагарди указывалъ на свои заслуги Россіи въ смутную пору и жаловался, что Василій Ивановичъ Шуйскій не выплатилъ шведамъ положенной платы. Русскій посолъ князь Мезецкій въ свою очередь умалялъ заслуги шведовъ, корилъ даже Якова Делагарди въ измѣнѣ; а тотъ напоминалъ, что русскіе всякихъ чиновъ люди крестъ королевичу (Карлу Филиппу) цѣловали» и прибавилъ:

— «Вамъ бы королевича на Московское государство принять».

На это Мезецкій съ негодованіемъ отвѣчалъ:

— «Что ты за бездѣльное дѣло затѣваешь? Мы королевича не хотимъ... Если впередъ станете объ этомъ говорить, то мы и слушать не хотимъ».

Русскіе послы даже встали въ сердцахъ и хотѣли уходить, когда Делагарди снова заговорилъ было о Филиппѣ. Насилу посредникамъ удалось успокоить ихъ.

На слѣдующій день съѣхались у Мерика и приступили къ дѣлу, къ вопросу, какіе города шведы должны вернуть Россіи. Опять начались споры, «бездѣльныя рѣчи» и «негожія слова», какъ выражались русскіе о неумѣренныхъ требованіяхъ шведовъ. Русскіе послы въ свою очередь выводили изъ терпѣнія своихъ противниковъ, требуя отъ короля не только Новгорода, но и Лифляндіи «отчины великихъ государей Россійскихъ». Шведы хотѣли было въ свою очередь прервать переговоры и уйти. Посредники уговорили ихъ остаться.

— «Ливонскихъ городовъ вамъ за государемъ своимъ не видать, какъ ушей своихъ!» въ досадѣ воскликнули шведы.

— «Вы такъ говорите, отвѣчали русскіе, не думая о Богѣ, а мы, прося у Бога милости, будемъ доискиваться своего: не отдадите безъ крови,—отдадите съ кровью!»

Много разъ съѣзжались, спорили, перебранивались русскіе послы со шведскими. Послѣдніе требовали уступки многихъ городовъ; русскіе предлагали за нихъ деньги. Шведы запрашивали слишкомъ много; русскіе торговались и предлагали гораздо меньше. Дѣло затянулось до половины февраля; начиналась весенняя распутица. Наконецъ, порѣшили заключить перемиріе съ 22 февраля по 31 мая, а тамъ снова съѣхаться и договориться обо всемъ окончательно.

По истеченіи срока, послѣ долгой переписки съѣхались шведскіе и русскіе послы въ селѣ Столбовѣ, межъ Ладогою и Тихвиномъ, и начались снова переговоры при посредствѣ Мерика. Много стоило хлопотъ князю Ивану Ульяновичу, какъ величали его русскіе,

улаживать дѣло. Переговоры въ тѣ времена были настоящей словесной войной. Противники старались прежде всего ошеломить другъ друга непомѣрнымъ запросомъ; затѣмъ съ большимъ трудомъ дѣлали сбавки, стараясь всѣми силами перелукавить противную сторону, при чемъ всячески корились и ссорились. Проспорили въ Столбовѣ почти два мѣсяца; наконецъ, 27 февраля 1617 года написанъ былъ договоръ вѣчнаго мира. Шведы обязались возвратить русскимъ Новгородъ, Старую Русу, Порховъ, Ладогу съ ихъ уѣздами и Сумерскую волость, а русскіе уступали шведамъ побережье Финскаго залива (Ингрію) съ городами: Иваньгородъ, Ямы, Копорье; кромѣ того городъ Орѣшекъ при истокахъ Невы и область Корелу да сверхъ того обязались уплатить 20 тысячъ рублей деньгами.

14-го марта русскіе послы торжественно вступили въ Новгородъ съ чудотворной иконой Богоматери изъ Хутынскаго монастыря. Митрополитъ Новгородскій со всѣми жителями встрѣчалъ пословъ, какъ избавителей отъ иноземной власти. Народъ громко плакалъ отъ радости. Городъ представлялъ печальное зрѣлище: на каждомъ шагу видны были остатки погорѣвшихъ домовъ, полъ Новгорода было истреблено огнемъ. Жителей оставалось въ городѣ немного. Страшный голодъ и болѣзни свирѣпствовали и въ городѣ, и во всей области...

Въ Москвѣ очень радовались заключенію Столбовскаго мира: большая часть русскихъ земель, завоеванныхъ шведами, была все таки возвращена, и развязывались руки для борьбы съ Польшей; но за то уступленныя шведамъ земли были очень тяжкой утратой: Россія опять лишилась береговъ Балтійскаго моря, которыхъ такъ настойчиво добивался Иванъ Грозный, которые такъ необходимы ей были для сношеній съ западомъ.

Шведамъ, конечно, приходилось больше радоваться, чѣмъ русскимъ. Густавъ-Адольфъ вполнѣ понималъ, какъ важно для Швеціи было отнять у своего на время ослабленнаго сосѣда балтійскіе берега. На сеймѣ 1617 года онъ говорилъ о Столбовскомъ мирѣ:

— «Великое благодѣяніе оказалъ Богъ Швеціи тѣмъ, что русскіе, съ которыми мы изстари жили въ сомнительныхъ отношеніяхъ, теперь навѣки должны покинуть гнѣздо, изъ котораго прежде такъ часто насъ тревожили. Русскіе—опасные сосѣди; границы земли ихъ простираются до Сѣвернаго, Каспійскаго и Чернаго морей. У нихъ могущественное дворянство, многочисленное крестьянство, многолюдные города. Они могутъ ставить въ поле большое войско.— Теперь же этотъ врагъ безъ нашего позволенія не можетъ пи одного судна спустить на Балтійское море. Большія озера – Ладожское и

Пейпусъ, Нарвская область, тридцать миль обширныхъ болотъ и сильныя крѣпости отдѣляютъ насъ отъ него. У Россіи отнято море, и, Богъ дастъ, теперь русскимъ трудно будетъ перепрыгнуть чрезъ этотъ ручеекъ!»

Уладивъ миръ въ Столбовѣ Дж. Мерикъ вернулся въ Москву за отвѣтомъ на просьбу своего короля о торговыхъ льготахъ. Дѣло это было отдано на рѣшеніе думы, составленной изъ торговыхъ людей. По приговору ихъ Мерику было отказано въ главныхъ требованіяхъ; при этомъ ссылались на тогдашнее тяжелое время для Россіи.

— «Наши торговые люди теперь оскудѣли,—передавали бояре Мерику рѣшеніе думы,—теперь они у Архангельска покупаютъ товары у англичанъ, возятъ въ Астрахань и тамъ продаютъ кизильбашамъ (персіянамъ), мѣняютъ на ихъ товары, отъ чего имъ прибыль и казнѣ. А станутъ англичане прямо ѣздить въ Персію, то они у Архангельска русскимъ людямъ продавать своихъ товаровъ не будутъ, повезутъ прямо въ Персію, и кизильбаши своихъ товаровъ возить въ Астрахань не станутъ, будутъ торговать съ англичанами у себя... При томъ въ тѣхъ мѣстахъ, чрезъ которыя путь въ Персію, идетъ война,—воюетъ персидскій царь съ турскимъ (турецкимъ); да и по Волгѣ проѣздъ страшенъ: кочуютъ поганы... Это дѣло надо отложить до другаго времени, когда государь управится съ польскимъ королемъ и московское государство отъ многихъ убытковъ поисправится»...

На счетъ просьбы поискать пути въ Китай и Индію чрезъ Сибирь по рѣкѣ Оби, бояре сказали Мерику:

— «Сибирь далеко,—до первыхъ городовъ съ полгода ѣзды и то зимою. Сами туземцы не знаютъ, откуда Обь-рѣка и куда пошла. Сторона та самая студеная,—больше двухъ мѣсяцевъ тепло не держится; а на Оби всегда ледъ ходитъ, и никакими судами пройти нельзя, а вверхъ по Оби, гдѣ потеплѣе, тамъ кочуютъ многія орды. Про Китайское государство сказываютъ, что невеликое и небогатое,—добиваться къ нему нечего. Государь изъ дружбы къ Якубу (Іакову) королю велитъ провѣдать, откуда Обь рѣка вышла, куда пошла,... гдѣ Китайское государство и какъ богато, есть ли, чего добиваться; а теперь, не зная про то подлинно, какъ о томъ говорить?»

Изъ этого любопытнаго отвѣта ясно видно, какъ русскіе люди того времени мало знали о своихъ собственныхъ земляхъ, о восточныхъ сосѣдяхъ, и какъ въ то же время чутко понимали выгоды для Россіи восточной торговли, какъ боялись соперничества предпріимчивыхъ англичанъ.

Хотя въ главныхъ просьбахъ англичанамъ было отказано, но Мерикъ, осыпанный царскими подарками и ласками, уѣзжалъ изъ Москвы съ надеждою, что если не теперь, то позже, при болѣе удобныхъ обстоятельствахъ, Англіи удастся добыть себѣ важныя торговыя льготы у русскаго царя. При томъ не во всемъ было отказано Мерику: англичанамъ позволялось въ русскихъ земляхъ свободно заниматься разными промыслами (искать желѣзной руды, добывать алебастръ, завести канатное производство и пр.). Голландцы тоже хлопотали о торговыхъ льготахъ для себя и тоже добились кой какихъ выгодъ, хотя и меньшихъ, чѣмъ англичане.

Война съ Польшей и Деулинское перемиріе.

Больше всего озабочивала Михаила Ѳеодоровича война съ Польшей. Сильно жалѣлъ Сигизмундъ, что вовремя не устроилъ на московскомъ престолѣ сына своего Владислава и всѣми силами старался поправить дѣло войной. Но сдѣлать это было нелегко. Въ Польшѣ шли постоянныя неурядицы; сеймъ не ладилъ съ королемъ, упрекалъ его въ большихъ и безполезныхъ расходахъ на войну, которой и конца не видно было. Польское войско волновалось, требовало недоплаченнаго жалованья, отказывалось идти въ походъ... Казна самого короля была пуста. Вотъ почему около четырехъ лѣтъ Сигизмундъ не могъ начать рѣшительныхъ дѣйствій. За это время Михаилъ Ѳеодоровичъ успѣлъ справиться съ Заруцкимъ, поочистить нѣсколько землю отъ воровскихъ шаекъ и помириться со Швеціей.

Пользуясь бездѣйствіемъ поляковъ, русскіе воеводы даже съ небольшими ратными силами стали снова занимать захваченные поляками города, — взяли Вязьму, Дорогобужъ, Бѣлую и подступили къ Смоленску.

Михаилу Ѳеодоровичу сильно хотѣлось поскорѣе заключить миръ съ Польшей, чтобы освободить отца изъ плѣна. Переговоры о мирѣ въ это время уже шли; но успѣха никакого не было. Поляки въ своихъ граматахъ оскорбляли русскихъ, называли ихъ измѣнниками законному государю Владиславу, и не думали признавать Михаила царемъ. Русскіе въ свою очередь только и дѣлали, что корили поляковъ ихъ неправдами и насиліями. Не смотря на взаимныя обиды и грубости, рѣшено было съѣхаться для переговоровъ между Смоленскомъ и Острожками. Посредникомъ сюда явился посолъ императора Ганделіусъ. Нѣсколько разъ съѣзжались русскіе и польскіе послы; съ той и съ другой стороны сыпались укоры да обиды. Русскіе послы, конечно, вынести не могли непочтенія поляковъ къ

царю и укоровъ въ измѣнѣ Владиславу. Изъ Москвы прислали посламъ наказъ, гдѣ говорилось:

— Вы бы теперь съ литовскими послами на съѣздахъ говорили гладко и пословно (согласно), а не все сердито, чтобъ вамъ съ ними никакъ не разорвать».

Но трудно было русскимъ говорить «гладко и пословно», когда литовскіе послы говорили «непригожія слова» про русскаго царя. Ганделіусъ мало сдерживалъ спорящихъ и даже явно мирволилъ полякамъ. Не могло быть и рѣчи о мирѣ, когда польскіе послы считали необходимымъ — возвести Владислава на московскій престолъ, а русскіе требовали возврата Смоленска, вывода польскихъ отрядовъ изъ русской земли, признанія Михаила царемъ и уплаты милліона рублей за убытки. Дѣло, конечно, ничѣмъ не кончилось. Войны миновать нельзя было.

Чего только ни дѣлалъ царь, чтобы добыть средства къ борьбѣ, обезпечить себѣ успѣхъ. Денегъ въ казнѣ не было; рать была малочисленная, неумѣлая. Царь засылалъословъ и къ турецкому султану, и къ хану въ Крымъ, чтобы побудить ихъ ударить общими силами на Польшу. Русскіе послы нѣсколько лѣтъ сряду жили въ Константинополѣ, задаривали соболиными мѣхами визирей и другихъ сильныхъ людей. Турки злобились за нападенія запорожцевъ, которыхъ считали подвластными Польшѣ, и не прочь были начать войну; но сближенію турокъ съ Москвою мѣшали донскіе казаки: они своими разбоями на Черномъ морѣ и по берегамъ его досаждали туркамъ неменьше запорожцевъ. Турки постоянно корили русскихъ за это, а русскіе послы отговаривались тѣмъ, что «на Дону живутъ воры, бѣглые боярскіе люди, утекая изъ Московскаго государства отъ смертной казни, переходя съ мѣста на мѣсто разбойническимъ обычаемъ». Но отговорки эти мало помогали: турки ставили на видъ царское жалованье донцамъ, которое посылалось изъ Москвы и деньгами, и разными запасами...

Плохо ладилось дѣло и въ Крыму. Крымцы, какъ извѣстно, постоянно вымогали отъ московскаго правительства большіе поминки (подарки), пугая своими разбойничьими набѣгами. Такъ было и теперь.

— «Если не станетъ государь вашъ,—грозилъ ханскій сановникъ,—присылать ежегодно по 10 тысячъ рублей, кромѣ рухляди, то мнѣ нельзя добраго дѣла совершить. Со мною два дѣла,—доброе и лихое, выбирайте! Ногайскіе малые люди безвыходно васъ воюютъ, а если мы со своими силами на васъ же придемъ, то что

будетъ? Вы ставите шесть тысячъ рублей въ дорого, говорите, что взять негдѣ; а я хотя возьму тысячу плѣнныхъ у васъ, и за каждаго плѣннаго возьму по 50 рублей, то у меня будетъ 50 тысячъ рублей».

Хоть столько и не дали, сколько запрашивали крымцы, но все таки пришлось ублажать хана ежегодными поминками, чтобы онъ оставилъ только въ покоѣ московскія украины и воевалъ съ Литвою. Послѣдняго трудно было добиться: ханъ былъ занятъ персидской войною, усобицами у себя въ Крыму, да и боялся запорожцевъ, которые безпощадно опустошали его улусы.

Только денежную помощь нашелъ Михаилъ Ѳеодоровичъ. Англійскій король прислалъ ему взаймы 20 тысячъ рублей, да персидскій шахъ семь тысячъ. Хоть эти деньги въ тѣ времена стоили, пожалуй, разъ въ двадцать дороже, чѣмъ теперь; но всетаки помощь эта была ничтожна...

По окончаніи неудачныхъ переговоровъ подъ Смоленскомъ, царь приказалъ своимъ воеводамъ идти воевать Литовскую землю. Но силы у воеводъ было мало. Они скоро принуждены были снять осаду Смоленска, который разсчитывали было взять измором. Полякамъ удалось подкрѣпить осажденныхъ и снабдить ихъ припасами, а вскорѣ затѣмъ на выручку Смоленска прибылъ Гонсѣвскій съ сильнымъ отрядомъ, принудилъ русскихъ отступить и разбилъ ихъ.

Между тѣмъ Сигизмунду удалось, наконецъ, добиться отъ сейма разрѣшенія снарядить новыя военныя силы для борьбы съ Россіей, чтобы добыть во что бы ни стало престолъ для королевича Владислава. Во главѣ войска долженъ былъ стать двадцатидвухлѣтній королевичъ; но главное начальство за его молодостью вручено было гетману Ходкевичу. Польское войско было очень невелико, не болѣе одиннадцати тысячъ, да и отъ этого числа пришлось отдѣлить часть на южную границу Польши: тамъ ждали нападенія турокъ. Хотя и ничтожная, но все таки хорошо устроенная военная сила давала полякамъ надежду на успѣхъ; они разсчитывали на шайки лисовчиковъ и особенно на казаковъ, думали, что и среди русскихъ служилыхъ людей найдутся сторонники Владислава. Почуявъ войну и добычу, казаки встрепенулись. Донцы прислали своихъ старшинъ объявить Владиславу, что они хотятъ ему служить... Владиславъ издалъ грамату ко всѣмъ жителямъ Московской земли, напоминалъ о томъ, какъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ русскіе цѣловали крестъ ему, Владиславу.

— «Въ то время, говорилось въ грамотѣ,—мы не могли сами пріѣхать въ Москву, потому что были въ несовершенныхъ лѣтахъ,

а теперь мы, великій государь, пришли въ совершенный возрастъ къ скипетродержанію, и хотимъ, за помощью Божіей, свое государство московское, отъ Бога данное намъ и отъ всѣхъ васъ крестнымъ цѣлованіемъ утвержденное, отыскать, и уже въ совершенномъ такомъ возрастѣ можемъ быть самодержцемъ всея Руси, и неспокойное государство, по милости Божіей, покойнымъ учинить».

Казалось, истерзанной Русской землѣ снова грозитъ смутная пора: подымались казаки; смѣлѣе стали наѣзды лисовчиковъ и другихъ воровскихъ шаекъ; снова взывали къ русскимъ людямъ, надѣясь найти среди нихъ измѣнниковъ избранному царю, какъ находили ихъ при Василіи Шуйскомъ. Но времена были ужь не тѣ! Русскіе люди горькимъ опытомъ «наказались», что значитъ вѣрить врагамъ, познакомились въ смутную пору и съ польской, и съ казацкой правдой. Грамота Владислава мало дѣйствовала на московскихъ людей.

Поляки осадили Дорогобужъ. Русскій воевода, узнавъ, что самъ королевичъ при войскѣ, сдалъ свой городъ ему «какъ царю Московскому». Вслѣдъ за этой измѣной вяземскіе воеводы смалодушествовали, покинули свой городъ и поспѣшно отступили. Владиславъ торжественно вступилъ въ беззащитную Вязьму. Но на этомъ и кончились успѣхи поляковъ. Попытались они взять крѣпость Бѣлую, но та не сдавалась; задумалъ Владиславъ внезапно овладѣть Можайскомъ, но узналъ, что городъ сильно укрѣпленъ, и тамошніе воеводы готовы къ упорному бою; что изъ Москвы идетъ на помощь городу отрядъ войска,—оставилъ свое намѣреніе до болѣе удобной поры. Была уже зима, и вести осаду при морозѣ и ненастьяхъ было бы очень тяжело. Пришлось переждать зимнюю пору. Въ это время только летучіе отряды лисовчиковъ да казаковъ дѣлали свои наѣзды и грабили всюду, гдѣ не встрѣчали отпора.

Такъ прошелъ 1617 годъ безъ рѣшительныхъ дѣйствій, а тянуть долго войну Владиславъ не могъ. Сеймъ требовалъ скораго окончанія ея; денегъ не было; поднялся ропотъ въ войскѣ; солдатамъ не платили жалованья; въ съѣстныхъ припасахъ чувствовался недостатокъ... Владиславъ началъ было переговоры о мирѣ, но безуспѣшно: русскіе требовали прежде всего, чтобы поляки вышли изъ предѣловъ Московскаго государства.

Пришлось полякамъ начать рѣшительныя дѣйствія. На военномъ совѣтѣ постановлено было идти прямо къ Москвѣ,—расчитывали, что это смѣлое движеніе заставитъ жителей ея передаться королевичу, какъ это было при Шуйскомъ. Лежавшій на пути въ Москву Мо-

жайскъ поляки взять не могли, — у нихъ не было осадныхъ орудій; попытались взять неподалеку отъ него Борисово городище: два раза они кидались на приступъ, — и оба раза были отбиты. Заняли его уже позже, когда сами русскіе очистили городище. Здѣсь въ польскомъ войскѣ началась снова смута: уже нѣсколько дней приходилось солдатамъ голодать, а изъ Варшавы вмѣсто жалованья пришло только обѣщаніе скоро уплатить его. Солдаты стали толпами уходить изъ стана; силы у Владислава остались ничтожныя. Край, гдѣ приходилось дѣйствовать войску, былъ такъ разоренъ, что трудно было чѣмъ либо поживиться. Владиславъ не зналъ, что и дѣлать, — уже думалъ отступать, какъ вдругъ пришла радостная для него вѣсть, что малороссійскій гетманъ Петръ Сагайдачный ведетъ ему на помощь 20 тысячъ казаковъ. (Сигизмундъ щедрыми подарками и обѣщаніями склонилъ гетмана и казаковъ помочь королевичу). Положеніе Москвы теперь становилось опаснымъ. На пути къ ней Владиславъ снова пытался возмутить русскихъ противъ Михаила и разными обѣщаніями склонить на свою сторону, — обѣщалъ, что русскія земли никогда не будутъ раздаваться полякамъ, никакихъ насилій и неправдъ не будетъ, свято и нерушимо будутъ храниться русскіе нравы и обычаи.

— «Видите ли, — писалъ въ своихъ грамотахъ Владиславъ, — какое разореніе и стѣсненіе творится московскому государству не отъ насъ, а отъ Михайловыхъ совѣтниковъ, отъ ихъ упрямства и жадности; о чемъ мы сердечно жалѣемъ: отъ насъ, государя вашего, ничего вамъ не будетъ, кромѣ милости, жалованья и призрѣнія».

Но русскіе люди теперь уже не поддавались на эти обѣщанія, — краснымъ словами обойти ихъ не удалось полякамъ, дѣла которыхъ были на глазахъ у всѣхъ.

Михаилъ Ѳеодоровичъ въ свою очередь обратился къ народу, избравшему его на царство. 9-го сентября 1618 года созванъ былъ соборъ, на которомъ царь, указавъ на опасность, грозящую Москвѣ, заявилъ, что онъ «прося у Бога милости, за православную вѣру противъ недруга своего Владислава будетъ стоять, на Москвѣ въ осадѣ сидѣть и съ королевичемъ съ Польскими и литовскими людьми биться, сколько милосердый Богъ помочи подастъ». Затѣмъ царь просилъ бояръ и всякихъ чиновъ людей постоять за православную вѣру, за него государя и за себя и не поддаваться ни на какую королевичеву прелесть». — Всякихъ чиновъ люди отвѣчали, что они всѣ «единодушно дали обѣтъ Богу за православную вѣру и за него,

государя, стоять, съ нимъ въ осадѣ сидѣть и съ врагомъ биться до смерти, не щадя головъ своихъ».

20-го сентября Владиславъ сталъ въ Тушинѣ; Сагайдачный появился у Донскаго монастыря. Москва была въ большомъ страхѣ. Въ то время москвичей сильно пугала еще комета, сіявшая по ночамъ надъ самымъ городомъ. Суевѣрный людъ видѣлъ въ ней дурной знакъ, Самъ царь и окружающіе его думали, что быть Москвѣ въ рукахъ поляковъ. Впрочемъ, по словамъ лѣтописца, нашлись «мудрые» люди, которые успокаивали боявшихся,—утверждали, что бѣда грозитъ тѣмъ странамъ, куда направленъ хвостъ кометы, т. е. западу, а надъ Москвою была ея голова...

Подъ Москвою тѣмъ временемъ шли переговоры: Владиславъ требовалъ подданства, величая себя царемъ московскимъ. Бояре въ грамотахъ королевича вымарывали этотъ титулъ дегтемъ и старались всѣми силами затянуть подольше переговоры: близка была уже и студеная зима, — ее то, свою вѣрную союзницу противъ непрошенныхъ гостей, и поджидали русскіе бояре, всячески затягивая дѣло. Поляки поняли это, какъ видно, и рѣшились взять Москву приступомъ.—Самое горячее дѣло загорѣлось у Арбатскихъ воротъ. Но поляки, не смотря на всѣ ихъ усилія, были отбиты отсюда. Не удался и приступъ къ Тверскимъ воротамъ. Измѣнниковъ въ Москвѣ не было; всѣ показали, что «готовы были биться съ врагами до смерти, не щадя головъ своихъ». Надежда легко овладѣть Москвой измѣнила искателю чужаго престола. Отступивъ отъ Москвы, королевичъ пошелъ было къ Троицкой лаврѣ и потребовалъ сдачи ея; ему отвѣчали выстрѣлами изъ пушекъ... Войска его волновались; своевольные паны, представители сейма, требовали мира; наступала зима,—Владиславу нечего было и думать о новыхъ усиліяхъ овладѣть Москвой.

Съ 23 ноября начались переговоры близъ Троицкаго монастыря въ селѣ Деулинѣ. Послѣ долгихъ взаимныхъ укоровъ въ разныхъ неправдахъ, споровъ, какъ писать въ грамотѣ о царѣ Михаилѣ и угрозъ новой войной и кровопролитіемъ, было заключено наконецъ перемиріе на 14 лѣтъ и 6 мѣсяцевъ (1-го декабря 1618 г.). Россія уступила Польшѣ области Смоленскую, Черниговскую и Сѣверскую. Эти земли, а также и Ливонія, не должны были упоминаться съ этой поры въ царскомъ титулѣ. Постановлено также произвести обмѣнъ плѣнниковъ.

Для обмѣна съѣхались на рѣкѣ Поляновкѣ, въ 17 верстахъ отъ города Вязьмы. Тутъ опять начались споры между польскими и

русскими сановниками. Поляки даже грозили, что они уѣдутъ обратно и увезутъ Филарета. Недовѣріе съ той и съ другой стороны было большое: возникъ вопросъ о томъ, какъ мѣнять,—отдать ли всѣхъ плѣнныхъ поляковъ за всѣхъ плѣнныхъ русскихъ сразу, или помѣнять сначала Струся на Филарета, а потомъ уже мѣнять остальныхъ. Русскіе бояре послали спросить его, какъ онъ укажетъ поступить. Филаретъ, утомленный дальнимъ путемъ, сгаравшій желаніемъ поскорѣе быть на родинѣ, даже заплакалъ съ досады, выслушавъ гонца.

— «Далъ бы мнѣ только Богъ, — сказалъ онъ, — видѣть сына моего, великаго государя царя и всѣхъ православныхъ христіанъ въ Московскомъ государствѣ!»

Наконецъ, кое какъ дѣло было улажено. Филаретъ щедро одарилъ соболями нѣкоторыхъ изъ поляковъ, заботившихся о немъ. На рѣкѣ Поляновкѣ были сдѣланы два моста: по одному русскіе плѣнные должны были переходить на русскую сторону, по другому одновременно поляки—на свою. 1-го іюля произошелъ обмѣнъ. Митрополитъ Филаретъ пріѣхалъ къ рѣчкѣ въ возкѣ, за нимъ слѣдовали пѣшіе боярынъ Шеинъ, Томила Луговской и прочіе плѣнники. Переѣхавши мостъ, митрополитъ вышелъ изъ возка, и боярынъ Шереметевъ сказалъ ему привѣтъ отъ царя:

— «Государь Михаилъ Ѳеодоровичъ велѣлъ тебѣ челомъ ударить, приказалъ о здоровьѣ спросить, а про свое велѣлъ сказать, что вашими и материнскими молитвами здравствуетъ, только оскорблялся тѣмъ, что вашихъ отеческихъ святительскихъ очей многое время не сподоблялся видѣть!»

Потомъ Шереметевъ сказалъ челобитье отъ матери царской Марѳы Ивановны. Филаретъ спросилъ о здоровьѣ ихъ и благословилъ боярина. Затѣмъ князь Мезецкій правилъ челобитье отъ бояръ и всего государства...

На слѣдующій день Филаретъ отправился въ путь. На дорогѣ, повсюду — въ городахъ и селахъ духовенство, воеводы и народъ радостно встрѣчали государева отца.

Патріархъ Филаретъ и его дѣятельность.

Торжественная и трогательная встрѣча ожидала Филарета подъ Москвою. 13 іюня прибылъ онъ въ село Хорошево, въ десяти верстахъ отъ столицы. Тутъ его встрѣтилъ съ духовенствомъ и боярами Митрополитъ Крутицкій, замѣнявшій тогда патріарха.

На слѣдующій день на всемъ пути до Москвы не прерывались

почетныя встрѣчи. Самъ царь, окруженный боярами и толпами народа, выѣхалъ за Тверскія ворота, верстъ за пять отъ Москвы, и ждалъ отца на рѣчкѣ Прѣснѣ. Девять лѣтъ онъ былъ въ разлукѣ съ отцемъ, и понятно, съ какимъ нетерпѣніемъ хотѣлъ его увидѣть... Наконецъ, они встрѣтились. Оба поклонились другъ другу въ ноги: Филаретъ преклонился предъ царемъ, а царь—предъ отцемъ. Нѣсколько времени они пробыли такъ и не могли слова вымолвить; радостныя слезы лились изъ глазъ ихъ. Народъ, по свидѣтельству современника, съ необычайнымъ восторгомъ встрѣчалъ знаменитаго страдальца и стараго своего любимца «Никитича». Всѣ отъ мала до велика, забывъ усталость и дневной жаръ, спѣшили поглядѣть на него и, казалось, не могли наглядѣться.

При звонѣ всѣхъ московскихъ колоколовъ вступилъ въ Москву Филаретъ. Царь пѣшій шелъ предъ колымагой, въ которой везли его отца; за нею слѣдовали бояре и безчисленное множество народа.

Филарета давно уже ожидалъ патріаршій престолъ въ Москвѣ. Въ это время здѣсь гостилъ іерусалимскій патріархъ Ѳеофанъ. Онъ вмѣстѣ со всѣмъ «освященнымъ соборомъ» русскаго духовенства упросилъ Филарета принять «вдовствующій» святительскій престолъ, и 24 іюня онъ былъ возведенъ на степень патріарха Всероссійскаго.

Съ этой поры, по словамъ лѣтописца, «держава отечественная, паки при лѣтней теплотѣ и свѣтлости усмѣхнувшися, процвѣте».

Съ пріѣздомъ Филарета дѣла измѣнились: всюду замѣтна стала властная рука твердаго и опытнаго правителя. Михаилъ Ѳеодоровичъ былъ еще молодъ и неопытенъ, не привыкъ еще властвовать, хотя и отличался многими прекрасными свойствами. «Былъ онъ добръ, — говоритъ одно сказаніе, — тихъ, кротокъ, смиренъ и благоувѣтливъ, всѣхъ миловалъ и щедрилъ, во всемъ былъ подобенъ прежнему благовѣрному царю и дядѣ своему Ѳедору Иваповичу» Да на бѣду далеко не таковы были люди, окружавшіе его въ первые годы правленія; думали они больше о своихъ выгодахъ, а не о пользѣ разоренной и обнищалой страны... Филаретъ, какъ отецъ царя, еще юнаго и неопытнаго, сталъ его главнымъ руководителемъ. Безъ него Михаилъ ни одного важнаго дѣла не рѣшалъ; Филаретъ титуловался какъ и царь «Государемъ». Во всѣхъ грамотахъ и указахъ того времени значилось: «Государь, царь и великій князь Михаилъ Ѳеодоровичъ всея Россіи и великій государь святѣйшій патріархъ Филаретъ Никитичъ Московскій и всея Россіи указали». Такимъ образомъ въ Россіи является двоевластіе; но оно не вре-

дило дѣлу, потому что царь во всемъ слѣдовалъ указанію своего отца, предъ всякимъ дѣломъ испрашивалъ у родителя совѣта и благословенія. Нерѣдко Михаилъ Ѳеодоровичъ, отправляясь со своею матерью въ благочестивыя путешествія по монастырямъ, всѣ государственныя дѣла отдавалъ вполнѣ въ руки своего отца. Въ церковныхъ дѣлахъ Филаретъ былъ всегда полновластнымъ государемъ, — въ эти дѣла царь вовсе не вступался. Иноземные послы

Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ.

должны были представляться и патріарху, какъ государю. Властолюбивый и умный Филаретъ во все вникалъ, всюду распоряжался,— не даромъ лѣтописецъ назвалъ его «государственнѣйшимъ патріархомъ».

Дѣла всякаго было много. Филаретъ началъ съ того, что лишилъ Салтыковыхъ ихъ значенія. Почти повсюду на важныя мѣста были назначены новыя должностныя лица. Правительство подъ руководствомъ патріарха принимаетъ цѣлый рядъ мѣръ, чтобы пресѣчь

всякія злоупотребленія и неправды, установить порядокъ въ управленіи, увеличить средства государства и мало по малу облегчить народъ отъ тягостей.

Прежде всего надо было позаботиться о разстроенномъ государственномъ хозяйствѣ, установить правильный сборъ податей и разныхъ пошлинъ. Собирать ихъ было крайне трудно: многіе города и села представляли груды развалинъ; уцѣлѣвшіе жители разбѣжались; посадскіе люди, чтобы избавиться отъ платежа податей, кидали свои дворы и жили у своихъ родичей или друзей. Тяглые люди, крестьяне, закладывались за бояръ, т. е. шли къ нимъ въ холопы, записывались за монастырями, и такимъ образомъ уходили отъ тяжелыхъ налоговъ и повинностей. Со всѣхъ сторонъ шли въ Москву жалобы на разореніе—нищету, просьбы о помощи, о всякихъ льготахъ,—То и дѣло приходили неутѣшительныя вѣсти, что съ той или другой волости взять нечего, земля пуста стоитъ, крестьяне «разбрелись розно», т. е. разошлись въ разныя стороны. Надо было ихъ сыскивать и водворять на прежнихъ мѣстахъ. Шли также изъ разныхъ концовъ жалобы на обиды и насилія воеводъ и приказныхъ людей...

Первою заботою государя—патріарха было достовѣрно узнать настоящее положеніе Русской земли. Для этого онъ посовѣтовалъ царю сдѣлать общую перепись государству, чтобы по имуществу и заработку распредѣлить и платежи даней и пошлинъ. Уже раньше пробовали сдѣлать перепись; но на бѣду, по словамъ грамоты, «дозорщики дозирали и писали за иными по дружбѣ легко, а за другими по недружбѣ тяжело, и отъ того Московскаго государства всякимъ людямъ была скорбь конечная» Рѣшено было послать новыхъ «дозорщиковъ» и «писцовъ» со строгимъ наказомъ, чтобъ они «описали и дозрили все вправду, безъ посуловъ», остановили переходы крестьянъ отъ одного владѣльца къ другому, съискивали бы про всякія обиды и разоренія; чтобы всякія нужды, притѣсненія и всякіе недостатки были вѣдомы, и государь бы съ патріархомъ начали промышлять, чтобы во всемъ поправить, какъ лучше». Эта мѣра, конечно, была очень разумна; но на бѣду трудно было найти такихъ дозорщиковъ и писцовъ, которые дѣлали бы дѣло по совѣсти. Не смотря на то, что они крестъ цѣловали поступать по правдѣ, дѣлать опись государства такъ, чтобы сильные и богатые не сбавляли съ себя государственныхъ тягостей, а на мелкихъ и убогихъ людей не накладывали лишнихъ; но, къ несчатію, нашлось между писцами и дозорщиками много такихъ, которые съ богатыхъ брали

взятки и писали не по правдѣ. Хотя правительство приняло мѣры, чтобы исправить это зло; но все таки жалобы на неправильность раскладки податей и повинностей долго и послѣ того не прекращались...

Обратило вниманіе правительство также на притѣсненія и неправды воеводъ и приказныхъ людей. Царская грамота строго запрещала имъ брать посулы и поминки съ посадскихъ и крестьянъ, не дозволяла имъ гонять людей на свои работы. За нарушеніе этого наказа полагалась двойная пеня противъ несправедливо взятаго. Инымъ городамъ и уѣздамъ давалось старое право самимъ выбирать себѣ

Патріархъ Филаретъ.

старостъ, которые замѣняли воеводъ; но и свои выборныя власти дѣйствовали иногда такъ сурово и несправедливо, какъ и наѣзжіе изъ Москвы приказные люди. Нравственный упадокъ сказывался сильно во всѣхъ дѣлахъ; трудно было найти честныхъ и безкорыстныхъ людей...

Велѣно было также во всѣхъ городахъ выбирать губныхъ старостъ (судей), которые должны были вѣдать «губныя дѣла» (воровство, разбои и убійства). Избирать ихъ велѣно изъ дворянъ добрыхъ, по спискамъ лучшихъ людей, которые были бы «душою прямы, имѣніемъ пожиточны и грамотѣ умѣли бы». Раньше, въ случаѣ важ-

ныхъ уголовныхъ (губныхъ) дѣлъ, посылались изъ Москвы сыщики, но они часто творили много насилій народу...

Обогащеніе казны особенно озабочивало патріарха и царя. Постановили, чтобы служилые люди и всѣ жившіе въ посадахъ несли тягло (т. е. подвергались бы всѣмъ повинностямъ) наравнѣ съ посадскими людьми. Установлены были таможенные и кабацкіе головы для сбора доходовъ съ таможенъ и питейныхъ заведеній; на помощь имъ выбирались изъ мѣстныхъ жителей цѣловальники (т. е. присягавшіе, цѣловавшіе крестъ въ томъ, что будутъ дѣйствовать честно, соблюдать выгоды казны). Разные налоги и пошлины были увеличены: купцы и промышленники должны были сверхъ таможенныхъ пошлинъ платить казнѣ въ городахъ полавочное (за лавку и складъ товаровъ) на дорогахъ и перевозахъ—мыто (пошлины). Даже многія самыя обычныя занятія обложены были пошлинами, напр. водопой скотины, мытье бѣлья на рѣкѣ и пр. Изъ мѣстныхъ жителей выбирались цѣловальники; имъ давался ящикъ за казенной печатью, куда и собирались деньги.

Всѣ эти поборы, конечно, были тяжелы для бѣднаго люда; но иначе государству трудно было оправиться и приготовиться къ встрѣчѣ новыхъ бѣдъ и опасностей.—Богатая Сибирь въ эту тяжелую пору часто выручала правительство изъ затрудненій. Оттуда шелъ богатѣйшій пушной товаръ, который главнымъ образомъ проходилъ чрезъ руки правительства, торговавшаго мѣхами. Драгоцѣнные соболи мѣха давали царю возможность, не смотря на все безденежье, дѣлать щедрые подарки иноземнымъ посламъ и государямъ: подарки въ десять, двадцать сороковъ соболей стоили не одну тысячу рублей.

Сибирь понемногу заселялась вольными, гуляющими людьми—имъ отводили земли, давали деньги на подмогу и льготы на нѣсколько лѣтъ.

Приволжскій край былъ тоже важенъ для казны. По Волгѣ шла торговля съ востокомъ, особенно съ Персіей. Этотъ путь сулилъ въ будущемъ большія выгоды,—вотъ почему московское правительство такъ ревниво оберегало его отъ западныхъ торговцевъ. Шелкъ, дорогія ткани, ковры и другіе цѣнные товары шли изъ Персіи въ Москву по этому пути. Городъ Астрахань, благодаря этой торговлѣ, годъ отъ году росъ и богатѣлъ. Кромѣ персовъ, здѣсь торговали бухарцы; но турокъ сюда не пускали. Торговля велась тутъ большею частью мѣновая. На бѣду, Поволжье при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ было еще мало заселено, и путь по рѣкѣ былъ опасенъ: въ

ущельяхъ горъ, въ лѣсахъ по правому берегу гнѣздились воровскія ватаги казаковъ, нападавшія на плывущія суда при всякомъ удобномъ случаѣ. Купцамъ приходилось возить свои товары большими караванами, цѣлыми вереницами судовъ, подъ прикрытіемъ вооруженныхъ отрядовъ. На всемъ нижнемъ теченіи Волги до Астрахани было только три города: Самара, Саратовъ и Царицынъ, да и тѣ были скорѣе сторожевыми острожками (небольшими крѣпостями), чѣмъ городами; населяли ихъ по большей части стрѣльцы. Осѣдлыхъ земледѣльцевъ въ этомъ краю не было; по временамъ только кое гдѣ по берегамъ селились рыбаки, которыхъ привлекало сюда страшное изобиліе рыбы.

Чтобы собраться съ силами, Московское правительство старалось ладить со всѣми сосѣдями. Прежде всего Филаретъ старался задобрить крымскаго хана, который снова грозилъ набѣгомъ. Царь и патріархъ поспѣшили удовлетворить хищника «поминками», чтобы избавить южную украину отъ новаго раззоренія. Русскимъ посламъ велѣно было говорить съ крымцами «гладко и пословно, а не торопко, и гдѣ надобно жестоко молвить, то покрыть гладостью, чтобы въ раздоръ не войти». Съ ногаями тоже удалось уладить дѣло, даже прибрать ихъ къ рукамъ,—рускихъ плѣнниковъ отъ нагайцевъ вывели тысячъ съ пятнадцать.—Со Швеціей сначала шли долгіе споры о новыхъ границахъ; но дѣло кончилось благополучно. Густавъ-Адольфъ, занятый дѣлами на западѣ, искренне желалъ мира съ Москвой и союза противъ Польши. Это было очень по сердцу царю и патріарху, и они выказывали полную дружбу Швеціи, — даже позволили шведамъ закупать въ Россіи безпошлинно хлѣбъ, крупу, селитру и другіе запасы для войны, которую велъ король въ Германіи. Со всѣми сосѣдями Москва старалась ладить, дружелюбно сносилась даже съ Турціей и Персіей.

Къ одному только сосѣду не угасала непримиримая вражда,—это къ Польшѣ!...

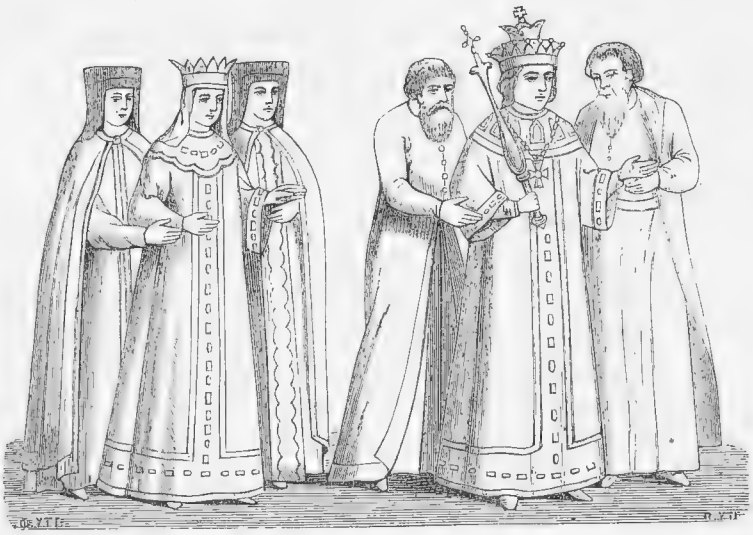
Сношенія съ западомъ въ это время еще болѣе усилились. Снова явился въ Москву Дж. Мерикъ съ тою же просьбой о свободномъ пути по Волгѣ для безпошлинной торговли съ Персіей. Принятъ онъ былъ очень радушно, но просьбу его вторично передали на усмотреніе русскихъ торговыхъ людей, и дѣло опять не сладилось. Долгъ Англіи въ 20 тысячъ отдали; дружескія отношенія къ ней остались прежнія. Отдѣлались отъ англичанъ,—явились французы, затѣмъ голландцы, датчане,—все съ тою же просьбою. Туги, неподатливы были русскіе въ эту пору, но все же иноземцамъ уда-

валось добиваться кое какихъ торговыхъ выгодъ; свободнаго же пути въ Персію никому не было дано.

Обмѣнъ посольствами и довольно частыя сношенія съ западомъ все болѣе и болѣе давали русскимъ почувствовать свою отсталость, особенно въ разныхъ фабричныхъ производствахъ и мастерствахъ. Сближеніе русскихъ съ западомъ усилилось...

Филаретъ думалъ было породниться съ кѣмъ либо изъ западныхъ государей, – хотѣлъ женить сына на польской королевнѣ, но дѣло не сладилось; не удалось также сватовство и на датской принцессѣ.

Еще раньше, въ 1616 г., когда царю наступилъ двадцатый годъ, рѣшено было женить его. По обычаю собрано было въ Мо-



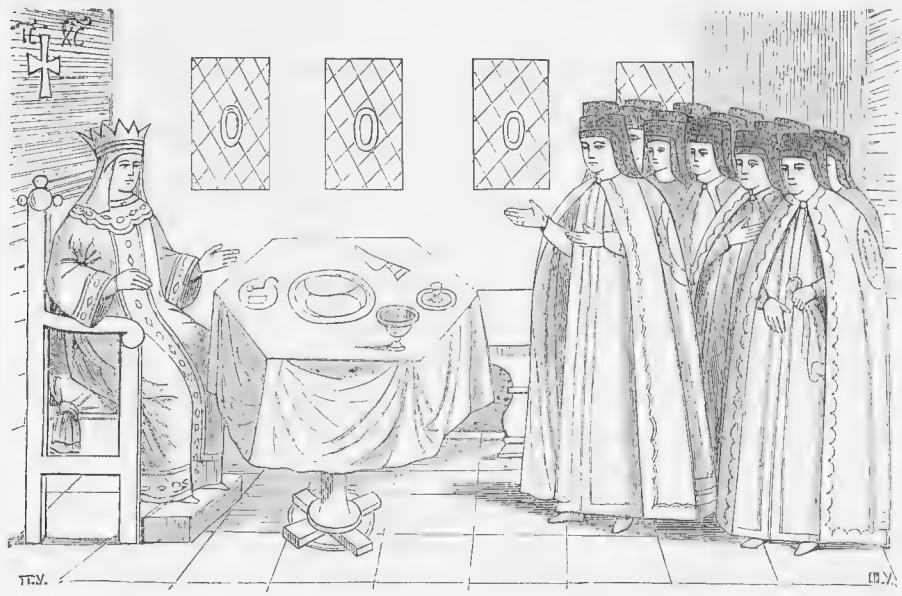
Шествіе царя и царицы на бракосочетаніе. (По старинному рисунку).

скву множество дѣвицъ—дочерей дворянъ и дѣтей боярскихъ. Выборъ царя палъ на Марію Хлопову, дочь дворянина. Она была уже взята «на верхъ» (т. е. во дворецъ, въ царскій теремъ), уже ей стали оказывать царскія почести, поминать имя ея въ церквахъ. Отецъ и дядя ея были призваны во дворецъ. Но дѣло кончилось для нихъ всѣхъ печально. Они не съумѣли угодить сильнымъ Салтыковымъ, а тѣ воспользовались незначительной болѣзнью царской невѣсты, пустили молву, что она больна неизлѣчимо и успѣли сильно вооружить противъ нея мать царя. Собранъ былъ боярскій соборъ, чтобы обсудить дѣло. Напрасно Хлоповъ здѣсь билъ челомъ, просилъ «не отсылать царской невѣсты съ верху», завѣрялъ, что болѣзнь ея пустая, произошла отъ «сладкихъ ядей» (лакомствъ)

и уже проходитъ. Бояре въ угоду Марѳѣ и Салтыковымъ приговорили, что Хлопова «къ царской радости не прочна», и потому свадьбы не должно быть.

Съ царской невѣстой поступили крайне сурово: ее съ нѣсколькими родичами сослали въ Тобольскъ. Царь сильно грустилъ по своей невѣстѣ, которая очень приглянулась ему; но покорился своей участи, не желая ослушаться матери.

Филаретъ велѣлъ изслѣдовать дѣло Хлоповой. Клевета Салтыковыхъ была обнаружена, и они были сосланы; но Марѳа, преду-



Трапеза царицы. (По старинному рисунку).

бѣжденная противъ Хлоповой, и слышать не хотѣла о бракѣ Михаила съ ней, даже поклялась, что не останется въ царствѣ своего сына, если Хлопова будетъ царицей. Михаилъ снова покорился волѣ своей матери. Даже по желанію ея, женился въ 1624 г. на княжнѣ Маріи Долгоруковой, но она чрезъ три мѣсяца скончалась. Молва пошла, что ее извели лихіе люди.

Въ 1626 году царь, по желанію отца и матери, вступилъ во второй бракъ. Приказано было собрать въ Москву на смотрины дѣвицъ, «ростомъ, красотою и разумомъ исполненныхъ». Взоры царя остановились на Евдокіи Стрѣшневой, «отроковицѣ доброзрачной», дочери незнатнаго дворянина. Ей царь подалъ платокъ и кольцо,—знакъ избранія въ супруги.

Съ большимъ торжествомъ, со всѣми свадебными обрядами было отпраздновано бракосочетаніе. Съ первыхъ же дней замужества молодая царица повела теремную, замкнутую жизнь въ кругу приближеныхъ боярынь.

Въ смутную пору совсѣмъ упало церковное просвѣщеніе, хотя и раньше оно было до крайности скудно. О русскихъ священникахъ и монахахъ начала XVII столѣтія современники-иностранцы говорятъ, что они ничего не могутъ отвѣтить, если ихъ спросятъ что нибудь изъ библіи или сочиненій отцевъ церкви или о вѣрѣ. Живое слово было забыто. Проповѣди устной въ церкви не было. Суевѣріе въ духовенствѣ было такъ же сильно, какъ и въ простомъ народѣ. Пьянство и грубые пороки унижали и бѣлое, и черное духовенство. Всякіе знахари, гадатели и гадалки морочили темный людъ, имѣли зачастую больше силы надъ нимъ, чѣмъ священники. Филарету пришлось много потрудиться, чтобы хоть сколько нибудь поднять церковное дѣло. На мѣстѣ разрушенныхъ церквей воздвигались новыя; разореннымъ и обнищалымъ монастырямъ жаловались земли, лѣса и различныя угодья, давались всякія льготы...

Особенно ревностно заботился патріархъ о печатаніи и исправленіи богослужебныхъ книгъ. Въ смутное время печатное дѣло прекратилось въ Москвѣ. Съ воцареніемъ Михаила оно возобновилось; но попало въ руки неумѣлыхъ людей и шло плохо. Филаретъ, одержимый, по словамъ современника, «зельною ревностію къ божественнымъ книгамъ», оживилъ печатное дѣло, и, видя разногласіе въ книгахъ, приказалъ править ихъ по древнимъ русскимъ рукописямъ. Греческимъ печатнымъ книгамъ неособенно довѣряли,— думали, что онѣ искажены латинствомъ, и рѣдко справлялись съ ними. Не смотря на всѣ заботы патріарха, и въ печатанныхъ при немъ книгахъ оказалось довольно недосмотровъ и недостатковъ.

Патріархъ, конечно, понималъ вполнѣ необходимость просвѣщенія и для духовенства, и для мірянъ. Онъ требовалъ, чтобы архіереи устраивали при своихъ дворахъ училища; въ послѣдніе годы жизни Филарета упоминается о греко-латинской школѣ въ Москвѣ. Дѣло обученія не могло идти успѣшно: гдѣ было взять знающихъ людей, способныхъ учить? Такіе люди если и встрѣчались на Руси, то крайне рѣдко... Царь и патріархъ старались всячески улучшить нравы и духовенства, и народа, возставали противъ пьянства и всякаго безчинства, которыя проявлялись даже и въ монастыряхъ, запрещали грубыя потѣхи, кулачные бои и проч.

Филаретъ былъ строгъ и сурово каралъ какъ безнравственность,

такъ и вольнодумство. Одного боярскаго сына за порочную жизнь онъ велѣлъ заключить въ дальнемъ монастырѣ; другаго, — князя Хворостинина,—наказалъ за вольнодумство.

Сближеніе русскихъ съ поляками и другими иноземцами въ смутную пору отзывалось дурно на иныхъ легкомысленныхъ людяхъ. Они, слегка познакомившись съ просвѣщеніемъ и набравшись чужихъ мыслей и взглядовъ, слишкомъ увлекались всѣмъ иноземнымъ и начинали свысока, презрительно смотрѣть на все свое, глумиться надъ всѣмъ русскимъ безъ разбору. Таковъ былъ и князь Хворостининъ, одинъ изъ приближенныхъ Лжедимитрія. Слѣдуя ему, Хворостининъ подсмѣивался надъ многими церковными обрядами и благочестивыми обычаями, не соблюдалъ постовъ, читалъ еретическія книги... Василій Ивановичъ Шуйскій сослалъ его въ монастырь; Михаилъ вернулъ его; но вольнодумецъ не унимался, глумился по прежнему надъ православными обрядами, не соблюдалъ постовъ, даже на Страстной недѣлѣ къ соблазну всѣхъ приближенныхъ ѣлъ мясо и пилъ вино; дѣло дошло до того, что онъ преслѣдовалъ своихъ слугъ за то, что тѣ ходятъ въ церковь. Наконецъ, задумалъ уѣхать изъ отечества и сталъ уже продавать свои имѣнія.

— «Для меня, говорилъ онъ,—нѣтъ въ Москвѣ людей; не съ кѣмъ и жить,—все глупый народъ»!..

При Михаилѣ Хворостинину многое сходило съ рукъ; но Филаретъ по возвращеніи изъ Польши взялся и за него. У него было найдено стихотвореніе, гдѣ осмѣивалось благочестіе Москвичей, говорилось, будто они «кланяются иконамъ только по подписи, а неподписанный образъ у нихъ и не образъ»; между прочимъ сказано было: «московскіе люди сѣютъ всю землю рожью, а живутъ все ложью».—Филаретъ сослалъ вольнодумца въ Кирилловъ монастырь, велѣлъ держать его безвыходно въ кельѣ, давать ему читать только церковныя книги и заставлять молиться. Чрезъ девять лѣтъ его выпустили, когда онъ далъ клятву блюсти уставы греческой церкви и не читать никакихъ еретическихъ книгъ.

Хотя такіе люди какъ Хворостининъ были весьма рѣдки въ то время, но вреда они приносили много. Глумясь надъ обычаями и вѣрованіями своего народа, они безплодно оскорбляли его чувства, не научая его ничему лучшему; они отталкивали народъ отъ сближенія съ иноземцами. Тупые невѣжды, смотрѣвшіе злобно на все иновѣрное и иноземное, чуждавшіеся всего новаго, могли ссылаться на такихъ верхоглядовъ, какъ Хворостининъ, чтобы показать, до чего можетъ довести русскаго человѣка «иноземная прелесть».

Потрудился много Филаретъ, чтобы помочь Русской землѣ хотя сколько нибудь оправиться и придти въ прежнюю силу. Не думалъ онъ ни о какихъ новшествахъ, да и трудно было думать о нихъ въ ту пору... Возстановить все порушенное, укрѣпить все расшатанное, привести все къ старому порядку — вотъ что составляло главную задачу «государственнѣйшаго патріарха» до самой его смерти (въ октябрѣ 1633 года).

Вторая война съ Польшей.

Новая война съ Польшею была неизбѣжна. На Деулинское перемиріе въ Москвѣ согласились только изъ крайности: средствъ вести войну не было; разоренной землѣ нужно было отдохнуть и собраться съ силами; надо было освободить изъ плѣна государева отца. Вражда къ Польшѣ не только что не уменьшалась, но съ каждымъ годомъ сильнѣе разгоралась. Владиславъ и не думалъ отказываться отъ своихъ притязаній на Московскій престолъ; польское правительство не признавало Михаила царемъ,—при безпрерывныхъ сношеніяхъ въ польскихъ грамотахъ не упоминалось о немъ, какъ о государѣ, словно его и не было. Мало того. Нѣкоторые русскіе измѣнники, назначенные воеводами въ уступленныхъ Польшѣ русскихъ городахъ, доходили до крайней дерзости; они при сношеніяхъ съ русскими въ своихъ листахъ писали о Михаилѣ Ѳеодоровичѣ «непригоже», не только не признавали его царемъ, но даже называли уменьшительнымъ именемъ. Русскіе воеводы не могли сносить, конечно, такой наглости и въ свою очередь посылали бранныя посланія этимъ воеводамъ, называли ихъ мужиками, ворами, бѣшенными псами и пр. Жалобы русскихъ на дерзость польскихъ чиновниковъ польское правительство оставляло безъ вниманія. Польскіе посланники даже въ Москвѣ говорили боярамъ:

— «Владиславъ правъ своихъ на Московское государство не оставилъ, и васъ всѣхъ и съ вами Михаила Ѳеодоровича, котораго вы теперь государемъ у себя называете, отъ крестнаго цѣлованья не освободилъ».

При такихъ условіяхъ война, конечно, должна была вспыхнуть при первомъ удобномъ случаѣ. При томъ уступленные Польшѣ города, особенно Смоленскъ, главный оплотъ на пути въ Москву, русскому правительству очень хотѣлось вернуть.

Въ 1621 году прибылъ въ Москву турецкій посолъ предлагать союзъ Турціи противъ Польши. Посолъ говорилъ Филарету:

— «Османъ султанъ съ великимъ государемъ, сыномъ вашимъ, хочетъ быть въ крѣпкой братской дружбѣ и любви и на Польскаго короля стоять съ нимъ заодно».

— «Перемиріе съ поляками,—отвѣчалъ ему Филаретъ,—сынъ мой велѣлъ заключить только для меня; между сыномъ моимъ и польскимъ Королемъ и сыномъ его ссылки и любви теперь нѣтъ,—неправды ихъ и Московскаго разоренья забыть намъ нельзя. Мы того только и смотримъ, чтобы польскій король хотя бы въ маломъ въ чемъ миръ нарушилъ, то сынъ мой для султановой любви пошлетъ на него рать».

Уже созванъ былъ соборъ, и на немъ били челомъ государямъ, «чтобъ они за святыя божія церкви, за свою государскую честь и за свое государство противъ недруга своего стояли крѣпко»; уже государь указалъ послать въ города свои грамоты, гдѣ говорилось о неправдахъ польскихъ и велѣно было боярамъ, воеводамъ, дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ всѣхъ городовъ и всякимъ служилымъ людямъ быть готовыми на службу тотчасъ и ждать царскихъ грамотъ»; но до войны дѣло на этотъ разъ не дошло. Предпріятіе султана противъ Польши кончилось неудачно; ей удалось также заключить перемиріе и со шведами; а безъ союзниковъ воевать для Россіи было еще не подъ силу.—Вмѣсто войска на Литовскій рубежъ былъ отправленъ посолъ, чтобы переговорить съ польскими сановниками о большихъ дѣлахъ—о титулѣ и о ворахъ, которые присылали листы съ укоризнами на государя, называя его полуименемъ. Но переговоры эти ни къ чему не привели.

Послѣ того долго, цѣлыхъ девять лѣтъ готовилась Москва къ войнѣ. Русскихъ ратныхъ людей учили иноземному строю, — превосходство его уже понимало тогда Московское правительство. Закупали заграницей ружья, порохъ, ядра, сабли. Не смотря на бѣдность казны, не жалѣли денегъ на ратное дѣло.

Въ апрѣлѣ 1632 года умеръ польскій король Сигизмундъ. Въ Польшѣ начались обычные безпорядки, которые всегда обуревали ее во время междуцарствія, при выборѣ новаго короля. На шумныхъ сеймахъ шли безконечные споры и ссоры; являлось обыкновенно нѣсколько охотниковъ до королевскаго вѣнца; у каждаго были свои сторонники; пускались въ дѣло подкупы и всякія неправды, лишь бы навербовать побольше голосовъ. Въ пору междуцарствія всѣ дѣла въ Польшѣ были обыкновенно въ застоѣ. Для враговъ ея, желавшихъ свести съ нею счеты, такая пора была самая удобная.

Царь и патріархъ рѣшили начать войну. Созванъ былъ земскій соборъ. На немъ было положено отмстить полякамъ за прежнія ихъ неправды и отобрать у нихъ русскіе города, захваченные ими. Рѣшено было собрать попрежнему съ торговыхъ людей пятую деньгу (т. е. пятую часть имущества), а бояре, дворяне, монастыри и проч. обязались по мѣрѣ силъ давать вспоможеніе. Назначены были и лица вѣдать сборъ этихъ «запросныхъ денегъ», какъ ихъ называли.

Начальникомъ надъ ратью назначили сначала князя Черкасскаго, а товарищемъ ему князя Лыкова; но послѣдній не хотѣлъ принять своей должности,—ссылался на то, что онъ служитъ государю сорокъ лѣтъ; лѣтъ съ тридцать ходитъ въ походы начальникомъ, а не подчиненнымъ и не въ товарищахъ. Этотъ мѣстническій споръ по жалобѣ Черкасскаго былъ разобранъ, и князь Лыковъ «за свою бездѣльную гордость и упрямство» долженъ былъ уплатить за безчестье Черкасскому 1200 рублей, двойной окладъ его жалованья. Послѣ этого главное начальство надъ войскомъ вручено было боярину Михайлу Борисовичу Шеину, извѣстному своей обороной Смоленска, а въ товарищи ему назначили Артемья Измайлова. Войска съ ними пошло въ походъ 32 тысячи съ 158 орудіями. Другіе воеводы тоже должны были двинуться къ Литовской границѣ.

Война началась очень удачно. Заняты были города Серпѣйскъ, Дорогобужъ, и затѣмъ стали сдаваться одинъ городъ за другимъ. Шеину велѣно было изъ Дорогобужа идти немедля подъ Смоленскъ, и, чтобы не было никакой помѣхи дѣлу, государь приказалъ всѣмъ воеводамъ, головамъ и дворянамъ быть «безъ мѣстъ» на все время войны, т. е. не вести никакихъ мѣстническихъ споровъ между собою.

Шеинъ подступилъ къ Смоленску и осадилъ его. Но поляки держались крѣпко. Восемь мѣсяцевъ уже длилась осада. Русская рать окружила со всѣхъ сторонъ городъ, сдѣланы были кругомъ земляные окопы, откуда безпрерывно били по городу изъ пушекъ. Полякамъ трудно было держаться въ городѣ,—у нихъ уже чувствовался недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ. Со дня на день ждали сдачи города. Какъ вдругъ нежданно-негаданно явилася къ нему помощь. Въ то время, какъ тянулась осада, междуцарствіе въ Польшѣ кончилось, — избранъ былъ Владиславъ. Первымъ дѣломъ его было идти на выручку осажденныхъ. Въ августѣ 1633 года съ 23-мя тысячами войска подошелъ онъ къ городу. Въ тоже время дано было позволеніе днѣпровскимъ казакамъ вторгнуться въ мо-

сковскіе предѣлы и пустошить землю; подбили къ тому же поляки и крымскихъ татаръ. Прослышавъ, что татары воюютъ южную украину, многіе ратные люди стали самовольно уходить изъ стана Шеина, опасаясь за участь своихъ семействъ. Сразу нѣсколько бѣдъ обрушилось на русскихъ. Шеинъ не догадался отойти отъ Смоленска, — думалъ въ своихъ окопахъ отсидѣться отъ поляковъ до новой помощи ратными силами изъ Москвы. Владиславу удалось ввести свѣжія силы въ Смоленскъ, стѣснить русскихъ и даже окружить ихъ. Русская рать попала, какъ говорится, между двухъ огней: съ одной стороны Смоленскъ, съ другой войска Владислава. Шеинъ стянулъ всѣ свои силы въ одно мѣсто. На бѣду для русскихъ поляки взяли и сожгли Дорогобужъ, гдѣ былъ складъ всякихъ запасовъ для войска; затѣмъ переняли всѣ дороги къ Смоленску. Попробовалъ Шеинъ выбиться изъ осады; но было уже поздно, — непріятель успѣлъ сильно укрѣпиться на занятыхъ мѣстахъ. Съ конца октября русскіе стали терпѣть недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ, особенно же въ конскомъ корму. Приходилось сносить и голодъ, и холодъ. Въ русскомъ станѣ поднялись раздоры; болѣе всѣхъ не ладили между собой иноземцы—военачальники. Дѣло дошло до того, что одинъ изъ нихъ, поссорившись съ другимъ, схватилъ пистолетъ и положилъ своего противника на мѣстѣ въ глазахъ самого Шеина... Отъ голоду и холоду начались въ станѣ болѣзни; смерть ежедневно уносила многихъ. Продержался Шеинъ до февраля 1634 года. Ни ратной помощи, ни съѣстныхъ припасовъ изъ Москвы не приходило: хотя царь зналъ о бѣдственномъ положеніи русской рати подъ Смоленскомъ, но помочь бѣдѣ не могъ: въ скоромъ времени нельзя было снарядить новое войско, да и средствъ для войны уже не было. Иноземцы, бывшіе подъ начальствомъ Шеина, стали сноситься съ поляками, которые не разъ уже предлагали ему сдаться на милость короля. Сначала Шеинъ колебался, наконецъ, видя невозможность дольше обороняться, согласился... Условія были и тяжелы, и унизительны: онъ долженъ былъ выдать всѣхъ польскихъ перебѣжчиковъ, освободить всѣхъ плѣнныхъ, дать иноземцамъ полную свободу вернуться въ отечество или вступить въ польскую службу; всѣ русскіе, составлявшіе рать Шеина, должны были присягнуть, что въ теченіи четырехъ мѣсяцевъ не будутъ воевать противъ короля; при томъ они обязывались выдать весь нарядъ (пушки), всѣ знамена и все оружіе, оставшееся послѣ убитыхъ ратныхъ людей. Вотъ главнѣйшія изъ условій. Дѣлать было нечего,—Шеинъ согласился.

19-го февраля остатки русской рати выступили изъ острога (укрѣпленія), гдѣ они оборонялись отъ поляковъ, — выступили со свернутыми знаменами, съ погашенными фитилями, тихо, безъ музыки. Поровнявшись съ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ былъ король верхомъ на конѣ, окруженный своими сановниками, русскіе воины положили всѣ знамена на землю и ждали, что прикажетъ король. Гетманъ отъ имени его велѣлъ поднять ихъ. Этимъ выражалась королевская милость къ русскимъ. Русское войско послѣ этого, поднявъ знамена, зажегши фитили съ барабаннымъ боемъ двинулось по Московской дорогѣ. Шеинъ и другіе начальные люди, поровнявшись съ королемъ, сошли съ коней и низко поклонились ему; затѣмъ по приказанію гетмана сѣли опять на лошадей и отправились въ путь... Всего войска изъ-подъ Смоленска было выведено восемь тысячъ съ небольшимъ; многіе больные на дорогѣ умерли; иноземцы большею частью измѣнили, пошли на службу къ королю. Такъ печально кончился этотъ походъ, къ которому такъ долго и старательно готовились, и на успѣхъ котораго сначала такъ надѣялись! Шеинъ, доблестно оборонявшій раньше Смоленскъ, оказался неискуснымъ вождемъ въ открытомъ полѣ да и наемники — иноземцы, которыхъ было много въ отрядѣ Шеина, выходили постоянно изъ повиновенія, своевольничали, измѣняли...

Плачевная участь ждала Шеина въ Москвѣ. Патріархъ Филаретъ умеръ, и бояре, окружавшіе царя, опять вошли въ большую силу; а среди нихъ было много враговъ Шеина. Его обвинили въ измѣнѣ и осудили на смерть. Когда его подвели къ плахѣ, дьякъ прочелъ обвиненіе:

— «Ты, Михайла Шеинъ, изъ Москвы еще на государеву службу не пошедъ, какъ былъ у государя на отпускѣ у руки, высчитывалъ ему прежнія свои службы съ большою гордостію, говорилъ, будто твои братья бояре въ то время, какъ ты служилъ, многіе за печью сидѣли и сыскать ихъ было нельзя, и поносилъ всю свою братью предъ государемъ съ большою укоризною, по службѣ и по отечеству никого себѣ сверстникомъ (равнымъ) не поставилъ. Государь, жалуя и щадя тебя для своего государева и земскаго дѣла, не хотя тебя на путь оскорбить, во всемъ этомъ тебѣ смолчалъ, бояре, которые были въ то время предъ государемъ, слыша отъ тебя такія многія грубыя и поносныя слова, и не хотя государя раскручинивать, также тебѣ смолчали». Затѣмъ Шеинъ обвинялся въ медленности, — въ томъ, что онъ съ товарищемъ своимъ упустили удобную пору для похода и, дождавшись ненастныхъ дней,

повели войско въ путь. Поставлена была въ вину Шеину и его суровая строгость къ ратнымъ людямъ, обижавшимъ во время похода мирныхъ жителей. Особенно же обвинялся Шеинъ въ томъ, что онъ выдалъ королю польскихъ и литовскихъ людей, передавшихся отъ короля на службу царю, выдалъ королю всѣ пушки, положилъ предъ нимъ свернутыя знамена и кланялся ему въ землю, чѣмъ сдѣлалъ большое безчестье государскому имени. Припоминалось Шеину и то, что онъ, пятнадцать лѣтъ тому назадъ, вернувшись изъ Польскаго плѣна, не сказалъ государю, что цѣловалъ крестъ польскому королю и сыну его. «Будучи подъ Смоленскомъ, — говорилось въ обвиненіи Шеину,—измѣною своею государю и всему Московскому государству, литовскому королю присягу исполняя, во всемъ ему радѣлъ и добра хотѣлъ, а государю измѣнялъ».

Во многомъ былъ виноватъ Шеинъ, но измѣны за нимъ, конечно, не было: иначе онъ не вернулся бы въ Москву. Но бояре, которыхъ оскорбили его спесь и тщеславіе, хотѣли доканать его, и потому особенно напирали на измѣну.

Шеину отрубили голову. Той же казни подвергся товарищъ его—Измайловъ съ сыномъ. Послѣдняго винили въ измѣнѣ, сношеніяхъ съ врагами, и въ томъ, что онъ говорилъ «много воровскихъ, непригожихъ словъ» о царѣ и патріархѣ. Нѣсколькихъ сослали въ Сибирь.

Несчастіе подъ Смоленскомъ было тяжкимъ ударомъ для Москвы. Теперь оправиться, снарядить сколько нибудь сильную рать было для нея невозможно, — денегъ въ казнѣ совсѣмъ не было. Приходилось искать мира; но Польша предупредила. Изъ-подъ Смоленска король двинулся къ крѣпости Бѣлой, — разсчитывалъ взять ее безъ труда, но вышло иначе. Воевода и не думалъ сдаваться на приглашенія короля. Полумертвые отъ голода и холода поляки должны были вести осаду, дѣлать окопы, рыть мины... Русскіе сдѣлали удачную вылазку; захватили восемь знаменъ, воспользовавшись оплошностью поляковъ. Подкопы имъ неудались, даже вредили имъ самимъ больше, чѣмъ русскимъ. Въ это время къ Владиславу пришли дурныя вѣсти съ турецкой границы. Все это побуждало его заключить съ Москвою миръ,—миръ вѣчный. Паны первые прислали къ боярамъ предложеніе о мирѣ. Въ Москвѣ оно, конечно, было принято охотно, и въ мартѣ 1634 года боярин Ѳедоръ Ивановичъ Шереметевъ и князь Алексѣй Михайловичъ Львовъ отправились великими послами на съѣздъ съ польскими сановниками на рѣчкѣ Поляновкѣ, гдѣ былъ раньше размѣнъ плѣнныхъ.

Дѣло опять началось взаимными укорами и обвиненіями. Поляки стали было говорить о правахъ Владислава на Московскій престолъ и корить русскихъ за нарушеніе перемирія; тогда московскіе послы, крѣпко стоявшіе за государеву честь, заявили, что они ни о чемъ и говорить не станутъ, если Владиславъ не откажется отъ своихъ притязаній на Москву.

— «У насъ, сказали они, — у всѣхъ людей Русскаго государства начальное и главное дѣло государскую честь оберегать и за государя всѣ мы до одного человѣка умереть готовы».

Послѣ долгихъ споровъ, и требованій со стороны польскихъ пословъ денегъ за издержки послѣдней войны, они сказали:

— «Королю будемъ бить челомъ, чтобъ онъ крестное цѣлованіе съ васъ снялъ и титулъ свой государю вашему уступилъ, а вы объявите, чѣмъ вы за то государя нашего станете дарить?»

— «Намъ этого въ уступку и даръ не ставьте, отвѣчали Московскіе послы, что король хочетъ съ себя титулъ Московскій сложить; дарить намъ государя вашего за это не за что, потому что великій государь нашъ на московскомъ государствѣ царствуетъ по дару и волѣ Всемогущаго Бога, по древней своей царской чести отъ предковъ своихъ великихъ государей. А наше Московскихъ людей крестное цѣлованіе отъ государя вашего короля и отъ вашихъ неправдъ въ Московское разоренье омылось кровью, и мы отъ него чисты!»

Наконецъ, польскіе послы заговорили объ уступкахъ,—потребовали всѣхъ городовъ, которые были отданы Польшѣ по Деулинскому перемирію и сто тысячъ рублей денегъ. Русскіе упорно отстаивали выгоды своего отечества, уступали только въ крайнемъ случаѣ, когда поляки явно хотѣли уже прервать переговоры. Послѣ многихъ съѣздовъ, споровъ, увѣщаній, наконецъ, рѣшено было уступить королю требуемые города и 20 тысячъ денегъ за отказъ отъ Московскаго титула. Поспорили еще о титулѣ русскаго царя. Поляки настаивали, чтобы онъ писался государемъ своея Руси, а не всея Руси, такъ какъ часть ея подвластна королю. Московскіе послы отстояли прежній титулъ своего государя. Затѣмъ послы ударили по рукамъ на вѣчномъ докончаніи. Такъ былъ заключенъ Поляновскій миръ 17-го мая 1634 года.

Поляки добивались вѣчнаго союза съ Москвой, предлагали даже, чтобы въ знакъ полнаго единенія московскій посолъ при коронаціи польскаго короля возлагалъ на него корону, а польскій посолъ возлагалъ бы корону на царя въ Москвѣ при вѣнчаніи его на

царство; предлагали, чтобы по смерти короля всѣ московскіе чины принимали участіе въ избраніи новаго короля; чтобы русскій царь, если его изберутъ въ короли, жилъ два года въ Польшѣ и Литвѣ и годъ въ Москвѣ; чтобы, если у царя не будетъ сына, польскій король считался его наслѣдникомъ. Просили поляки также, чтобы имъ позволили строить въ московскомъ государствѣ костелы, пріобрѣтать вотчины, вступать въ браки съ русскими, взамѣнъ чего русскимъ въ Польшѣ давались тѣ же права.

Очевидно, полякамъ хотѣлось мало по малу прибрать къ рукамъ московскую Русь, какъ прибрали они уже русскій юго-западъ. Но московскіе послы на эти требованія отвѣчали отказомъ или уклонялись отъ отвѣта, говоря: «Пусть объ этомъ государи перешлются между собою».

Поляновскій договоръ о «вѣчномъ» мирѣ скрѣпили крестнымъ цѣлованіемъ сами государи. Въ началѣ февраля 1635 года явились польскіе послы въ Москву. Имъ былъ устроенъ торжественный пріемъ. Въ Грановитой Палатѣ они представлялись царю. Онъ сидѣлъ во всемъ царскомъ великолѣпіи на тронѣ; по бокамъ трона стояли рынды въ высокихъ рысьихъ шапкахъ, съ топорами на плечахъ; по стѣнамъ палаты сидѣли именитые бояре. Пословъ допустили къ цѣлованію царской руки; затѣмъ стольничій предъявилъ царю ихъ подарки. На другой день позвали пословъ въ отвѣтную палату. Здѣсь они говорили съ боярами и читали договоръ. Затѣмъ ихъ повели къ царю въ Золотую палату. Царь былъ въ полномъ облаченіи. Царскій духовникъ принесъ животворящій крестъ на золотомъ блюдѣ, боярамъ и посламъ приказано было подойти поближе. Царь всталъ и съ него сняли вѣнецъ, взяли изъ рукъ скипетръ. Утвержденную грамоту положили подъ крестъ и царь благоговѣйно приложился ко кресту. Такимъ образомъ совершился обрядъ царской присяги. Затѣмъ царь велѣлъ своему печатнику отдать грамоту посламъ и отпустить ихъ. Чрезъ нѣсколько дней ихъ въ знакъ особенной чести пригласили къ царскому столу въ Грановитой Палатѣ. За столомъ царь милостиво посылалъ въ золотыхъ братинахъ напитки посламъ. Когда подали медъ, государь всталъ и сказалъ:

— «Пью за здоровье брата моего, государя вашего, Владислава короля».

Чрезъ нѣсколько дней послѣ царскаго стола пословъ отпустили домой.

Король въ свою очередь долженъ былъ такъ же торжественно

скрѣпить договоръ съ Москвой своей присягой. Любопытно, что русскимъ посламъ, которые должны были присутствовать при королевской присягѣ, данъ былъ наказъ: «Непремѣнно за то стоять накрѣпко, чтобъ король поцѣловалъ въ крестъ, а не въ блюдо, (на которомъ лежалъ крестъ), и смотрѣть, когда король велитъ положить на запись крестъ, чтобъ этотъ крестъ былъ съ распятіемъ. А если король закона люторскаго, то ему цѣловать евангеліе». Наказъ требовалъ отъ пословъ, чтобы они развѣдали подлинно, какой вѣры король.

23 апрѣля совершился весьма торжественно обрядъ королевской присяги. Костелъ былъ великолѣпно убранъ. Король шелъ въ костелъ съ двумя архіепископами и шестнадцатью сановниками. Помолившись предъ большимъ алтаремъ, король сѣлъ въ кресла. Архіепископъ сталъ говорить подходящую къ случаю проповѣдь, при чемъ довольно часто въ свою рѣчь вставлялъ латинскія слова и изрѣченія. Одинъ изъ русскихъ пословъ простодушно обратился къ польскому канцлеру съ просьбой запретить проповѣднику говорить латинскія слова, непонятныя русскимъ. Послѣ проповѣди архіепископъ подалъ королю крестъ и присягу. Король громко прочелъ присягу и поцѣловалъ крестъ; за королемъ присягнули шесть сенаторовъ. Затѣмъ король подалъ грамоты русскому послу и сказалъ:

— «Надѣюсь, что съ Божьей помощью будетъ у насъ крѣпкая и вѣчная пріязнь съ государемъ вашимъ, братомъ моимъ. Отдайте въ его руки этотъ задатокъ нашего братства и кланяйтесь ему отъ моего имени по-пріятельски».

Послы низко поклонились. Архіепископъ запѣлъ: «Te Deum laudamus» (Тебя Бога хвалимъ). Раздалась пушечная пальба...

Король угощалъ русскихъ пословъ обѣдомъ, а потомъ позабавилъ ихъ потѣхой, неизвѣстной еще на Руси,—театральнымъ представленіемъ. «А потѣха была, по словамъ пословъ, какъ приходилъ къ Іерусалиму Ассирійскаго царя воевода Алафернъ, и какъ Юдифь спасла Іерусалимъ».

Русскимъ посламъ предстояло еще исполнить печальное порученіе царя—выпросить у короля прахъ Шуйскихъ: царя Василія, брата его Димитрія и жены послѣдняго. Послы пообѣщали нѣкоторымъ сановникамъ щедрые подарки соболями. Дѣло уладилось довольно легко. Король согласился, велѣлъ даже роскошно изукрасить гроба.

10 іюня утромъ въ московскомъ кремлѣ загудѣлъ колоколъ, и народъ толпами повалилъ на встрѣчу праху царя Василія. Гробъ

несли на головахъ боярскіе дѣти; его сопровождало духовенство и послы. Вездѣ по пути въ Москвѣ у церквей погребальную процессію встрѣчало духовенство въ смирныхъ (траурныхъ) облаченіяхъ и присоединялось къ ней. Близъ Кремля встрѣтилъ ее патріархъ Іоасафъ, преемникъ Филарета, а въ кремлѣ у собора Успенскаго самъ государь. Онъ и бывшіе при немъ бояре и думные люди,— всѣ были въ смирныхъ одеждахъ. Въ Архангельскомъ соборѣ пѣли панихиду, а на слѣдующій день было погребеніе. Такимъ образомъ праху злополучнаго царя Василія Ивановича довелось вернуться изъ плѣна и почивать въ родной землѣ, подъ сѣнію православнаго храма, на ряду съ другими русскими государями.

Азовское дѣло.

Царь всѣми силами старался ладить съ крымскимъ ханомъ, посылалъ ему ежегодно щедрые поминки, дружилъ съ турецкимъ султаномъ, отъ котораго зависѣлъ Крымъ. Ничто не помогало. Нерѣдко, чуть ли не вслѣдъ за царскими гонцами, привезшими хану подарки, ватаги его хищныхъ наѣздниковъ кидались на русскую украину, грабили, пустошили селенья и города и угоняли толпами плѣнныхъ. Чтобы оборонить землю отъ безпрестанныхъ разбойничьихъ набѣговъ, царь по примѣру Бориса Годунова приказывалъ строить по южной границѣ новые города, остроги, земляные городки. Иные изъ нихъ охранялись постоянно военными отрядами, которые и составляли главное населеніе ихъ, а другіе временно занимались отрядами въ случаѣ опасности. Такимъ образомъ возникъ цѣлый рядъ укрѣпленій; иные изъ нихъ потомъ разрослись въ довольно населенные города (Тамбовъ, Козловъ, Осколъ и др.). Между новопостроенными городами рыли канавы, сооружали валы, а на нихъ въ разныхъ мѣстахъ—острожки. На рѣкахъ, гдѣ были броды, по которымъ переходили татары, вбивали сваи и дубовые колья для порчи лошадиныхъ ногъ, устраивали засѣки и пр.

Донскіе казаки, получившіе начало отъ тѣхъ сторожевыхъ отрядовъ, которые московское правительство водворяло издавна по южной границѣ для защиты отъ татарскихъ набѣговъ, постоянно выбивались изъ подъ власти. Они нерѣдко задирали и крымцевъ, и турокъ, нападали своевольно на ихъ владѣнія, грабили и разбойничали по берегамъ Чернаго моря. Московское правительство не знало, какъ и быть съ ними: то совершенно отказывалось отъ нихъ, какъ отъ воровъ и разбойниковъ, не признающихъ надъ собой ни-

какой власти, то посылало имъ щедрые подарки и жалованье, такъ какъ они могли наносить большой вредъ крымцамъ и мѣшать ихъ набѣгамъ.

Порою доходило до того, что и царскимъ посланникамъ не безопасно было проѣзжать Дономъ;—такъ, разъ донской атаманъ говорилъ грозно русскимъ посланникамъ, ѣхавшимъ къ султану:

— «Призывали меня въ Москвѣ къ боярамъ, и бояре приходили на меня съ шумомъ, меня и войско все лаяли и позорили; а наше войско—люди вольные, въ неволю не служатъ, и вы посланники на Донъ идете... какъ войско изволитъ, такъ надъ вами и сдѣлаютъ»!

Иногда русскимъ посламъ плохо приходилось и въ турецкихъ городахъ, если донскіе казаки не въ пору дѣлали лихой набѣгъ на турецкія владѣнія. Такъ, однажды, русскіе посланники, ѣхавшіе къ султану, пріѣхали въ Азовъ и только что успѣли размѣститься на посольскомъ дворѣ послѣ тяжелыхъ приключеній, испытанныхъ на пути, какъ ворвались къ нимъ азовскіе люди съ крикомъ и угрозами: одни кричали, что посланниковъ надо убить; другіе находили лучшимъ обрѣзать имъ носы и уши и отпустить въ такомъ видѣ на Донъ. Вся бѣда обрушилась на посланниковъ за то, что казаки въ это время промышляли разбоемъ надъ азовцами и стояли на многихъ стругахъ въ Донскомъ устьѣ, поджидая богатый купеческій караванъ, шедшій изъ Кафы въ Азовъ. Насилу посламъ удалось уговорить казаковъ отказаться отъ задуманнаго разбоя, и только такимъ образомъ послы избавились отъ насилій свирѣпой толпы. Бывали такіе же случаи съ русскими посланниками и въ Константинополѣ. Напрасно они всячески отговаривались тѣмъ, что казаки—разбойники, надъ которыми царь не властенъ, и которыхъ онъ считаетъ своими врагами; этимъ отговоркамъ ни турки, ни татары не вѣрили, такъ какъ знали о жалованьѣ царскомъ, которое по временамъ посылалось на Донъ, знали и о томъ, что казацкія ватаги пополняются болѣе всего русскимъ людомъ.

— «Донскихъ казаковъ,—говорилъ одинъ турецкій паша русскому послу,—каждый годъ наши люди побиваютъ многихъ, а все ихъ не убываетъ: сколько бы ихъ въ одинъ годъ ни погибло, на другой годъ еще больше того изъ Руси прибудетъ. Если бъ прибылыхъ людей на Донъ не было, то мы давно бы уже управились съ казаками и съ Дона ихъ сбили»!

И это было вѣрно. Ежегодно изъ Московской Руси бѣжали на Донъ разные лихіе люди, бѣглые крестьяне, охотники до вольнаго

казацкаго житья, и съ лихвою пополняли убыль въ рядахъ донцевъ, которые гибли сотнями во время своихъ дерзкихъ наѣздовъ.

Донцы однимъ своимъ лихимъ дѣломъ чуть было не втянули Москву въ войну съ султаномъ. Затѣяли они идти всѣмъ войскомъ подъ Азовъ и «промыселъ надъ нимъ учинить». Это было въ 1637 году. Въ то же время на Донъ пришли степью на коняхъ Запорожскіе черкасы (казаки), человѣкъ съ 1000; всего казаковъ набралось тысячъ пять безъ малаго. 21 апрѣля, на второй недѣлѣ послѣ Свѣтлаго Воскресенья, союзники выступили въ походъ къ Азову.

Незадолго передъ тѣмъ проѣзжалъ Дономъ турецкій посланникъ, ѣздившій не разъ уже въ Москву. Казаки его задержали. Чрезъ нѣсколько времени они призвали его въ свой кругъ. Тутъ онъ былъ обвиненъ въ томъ, что хвалился донскихъ казаковъ разорить и съ Дону свесть;—что писалъ въ Москву, чтобъ государь велѣлъ повѣсить ихъ атамана и т. д.

— «И за такое воровство,—заявлено было послу въ заключеніе,—донскіе атаманы и казаки и все войско приговорили тебя казнить смертью»!

Этотъ приговоръ своевольной толпы былъ тутъ же исполненъ. Казаки изрубили несчастнаго посла саблями.

Двѣ недѣли спустя послѣ этого убійства казаки стояли подъ Азовомъ. 18 іюня городъ былъ взятъ. Побѣдители безъ жалости истребили всѣхъ жителей, кромѣ грековъ, освободили плѣнныхъ христіанъ и засѣли въ городѣ, готовясь къ оборонѣ.

30-го іюля пріѣхали въ Москву посланцы отъ казаковъ съ вѣстью, что они турецкаго посланника изрубили, Азовъ взяли и ни одного азовскаго человѣка не упустили ни на степи, ни на морѣ,—всѣхъ изрубили.

Въ отвѣтъ на это царь послалъ имъ строгій выговоръ:

— «Вы это, атаманы и казаки, учинили не дѣломъ, что турецкаго посла со всѣми людьми побили самовольствомъ. Нигдѣ не ведется, чтобъ пословъ побивать; хотя гдѣ и война между государями бываетъ, то и тутъ послы свое дѣло дѣлаютъ, и никто ихъ не побиваетъ. Азовъ взяли вы безъ нашего царскаго повелѣнья, и атамановъ и казаковъ добрыхъ къ намъ не прислали, кого подлинно спросить, какъ тому дѣлу впередъ быть».

Хотя для Москвы было выгодно завладѣть Азовомъ: отсюда можно было держать въ страхѣ крымскихъ татаръ; но войны съ султаномъ царь не хотѣлъ и поспѣшилъ отправить ему грамоту. Въ ней, между прочимъ, говорилось:

«Вамъ бы, брату нашему, на насъ досады и нелюбья не держать за то, что казаки посланника вашего убили и Азовъ взяли: это они сдѣлали безъ нашего повелѣнья, самовольствомъ, и мы за такихъ воровъ никакъ не стоимъ, и ссоры за нихъ никакой не хотимъ, хотя ихъ воровъ всѣхъ въ одинъ часъ велите побить; мы съ вашимъ султанскимъ величествомъ въ крѣпкой братской дружбѣ и любви быть хотимъ».

Но избѣжать «нелюбья» и «досады» со стороны турокъ и татаръ было мудрено. Въ сентябрѣ крымцы сдѣлали набѣгъ на Московскую Украйну и опустошили ее. Ханъ писалъ въ Москву, что нашествіе совершено по приказу султана за то, что казаки взяли Азовъ. Турція, занятая войной съ Персіей, только въ маѣ 1641 года двинула къ Азову войско, чтобы выбить отсюда казаковъ. Силы турокъ были громадны—болѣе двухсотъ тысячъ человѣкъ съ сотней осадныхъ орудій. Съ турками былъ и крымскій ханъ со своимъ полчищемъ. Казаковъ въ Азовѣ было много-много тысячъ пятнадцать, да женщинъ-казачекъ было сотъ восемь. Ихъ надо считать, потому что онѣ усердно помогали своимъ мужьямъ въ оборонѣ. Казаки съ отчаяннымъ мужествомъ отражали турокъ: 24 приступа сдѣлали турки и всякій разъ были отбиты съ большимъ урономъ. Турки громили городъ и съ моря, и съ суши изъ большихъ стѣнобитныхъ пушекъ, рыли подкопы; наконецъ, пускали въ городъ записки, въ которыхъ сулили большія деньги за измѣну. Ничто не помогало. Ни одинъ поребѣжчикъ не являлся къ туркамъ, ни одинъ плѣнникъ подъ самыми страшными пытками не сказалъ даже о числѣ защитниковъ Азова. Пробившись попусту чуть не полгода, потерявши около 20 тысячъ людей, турки, наконецъ, въ концѣ сентября, сняли осаду...

Казаки извѣстили царя о своемъ торжествѣ и просили помощи, просили, чтобы царь принялъ отъ нихъ Азовъ подъ свою руку.

— «Мы наги, босы и голодны, писали они,—запасовъ, пороху и свинцу нѣтъ,—отъ этого многіе казаки хотятъ идти врозь, а многіе переранены».

Молодецкая оборона казаковъ, хоть и «вольныхъ», и «лихихъ воровскихъ людей», но все же по крови русскихъ, въ Москвѣ очень порадовала всѣхъ. Царь послалъ имъ щедрое жалованье и въ грамотѣ своей хвалилъ ихъ.

— «Мы васъ, говорилъ онъ, за эту вашу службу, радѣнье, промыслъ и крѣпкостоятельство милостиво похваляемъ».

Теперь возникъ трудный вопросъ, брать ли Азовъ отъ каза-

ковъ, или нѣтъ. Дѣло было съ одной стороны очень заманчиво, а съ другой весьма опасно. Владѣя Азовомъ, можно было не только грозить татарамъ, удерживать ихъ отъ набѣговъ на русскія украины, но при случаѣ можно было бы попытаться завладѣть Крымомъ. Но принять Азовъ отъ казаковъ—значило навлечь на Россію войну съ турками,—нужны большія ратныя силы, большія средства, а гдѣ ихъ взять?

Рѣшено было отдать Азовское дѣло на разсмотрѣніе земскаго собора. Царь указалъ: «выбрать изо всякихъ чиновъ, изъ лучшихъ, среднихъ и меньшихъ, добрыхъ и умныхъ людей, съ кѣмъ объ этомъ дѣлѣ говорить». (1642 г.)

Соборъ собрался въ столовой избѣ. Думный дьякъ Лихачевъ изложилъ дѣло объ Азовѣ, заявилъ, что въ Москву уже ѣдетъ султанскій посолъ, и ему придется давать отвѣтъ; наконецъ, поставилъ собору такіе вопросы:

— «Государю царю за Азовъ съ Турскимъ и Крымскимъ царемъ разрывать ли и Азовъ у казаковъ принимать ли? Если принять, то войны не миновать, и ратные люди надобны будутъ многіе, на жалованье имъ и на всякіе запасы деньги надобны многія и не на одинъ годъ, и такія великія деньги и многіе запасы гдѣ брать?»

Эти вопросы были записаны и розданы выборнымъ людямъ, а они должны были «помыслить о томъ накрѣпко и государю мысль свою объявить на письмѣ, чтобъ ему государю про все то было извѣстно».

Духовенство на вопросы отвѣчало, что о ратномъ дѣлѣ разсуждать слѣдуетъ царю да боярамъ, а имъ, духовнымъ лицамъ, все это не за обычай. Ихъ же дѣло Бога молить, а помогать ратнымъ людямъ они готовы по мѣрѣ силъ.

Служилые люди (стольники, дворяне, боярскіе дѣти) высказались вообще за то, чтобы взять Азовъ; только охоты не выказывали служить съ казаками, «людьми самовольными», совѣтовали государю въ помощь донцамъ, засѣвшимъ въ Азовѣ, послать изъ ратныхъ охочихъ и вольныхъ людей.

— «Людей въ Азовъ, говорили нѣкоторые выборные изъ служилыхъ людей,—велѣлъ бы государь прибрать охочихъ въ украинскихъ городахъ изъ денежнаго жалованья, потому что изъ этихъ городовъ многіе люди прежде на Дону бывали и имъ та служба за обычай».

Двое изъ дворянъ изложили обстоятельнѣе свое мнѣніе. Они

тоже стояли за то, чтобы послать на помогу казаковъ охочихъ, вольныхъ людей; чтобы Азовъ взять, потому что тогда не только крымцы будутъ въ страхѣ, но подчинятся царю и ногаи, и другіе татарскія орды и кавказскіе горцы; говорили, что лучше израсходовать деньги на войну, чѣмъ понапрасну тратиться на поминки крымцамъ, которые своей присяги никогда не соблюдаютъ...

Стрѣлецкіе головы и сотники отвѣчали, что «во всемъ государева воля, а они, холопи его, служить рады и готовы, гдѣ государь ни укажетъ».

Дворяне и дѣти боярскіе изъ разныхъ городовъ по большей части выражали такую же готовность.

Но были мнѣнія и другого рода. Владимірскіе дворяне и дѣти боярскіе, говорили, что государю и боярамъ вѣдома бѣдность ихъ города.

Дворяне и боярскіе дѣти нѣкоторыхъ сѣверныхъ уѣздовъ совѣтовали брать людей и деньги преимущественно съ разбогатѣвшихъ людей, при чемъ говорили:

— «Твои государевы дьяки и подъячіе пожалованы твоимъ денежнымъ жалованьемъ, помѣстьями и вотчинами, и будучи безпрестанно у твоихъ дѣлъ и обогатѣвъ многимъ богатствомъ неправеднымъ отъ своего мздоимства, покупили многія вотчины и домы свои построили многіе, палаты каменныя такія, что неудобь сказаемыя. Блаженной памяти при прежнихъ государяхъ и у великородныхъ людей такихъ домовъ не бывало».

Не пощадили обличители и своихъ братій.

— «Нѣкоторые наши братія, — говорили они, будучи въ городахъ у твоихъ государевыхъ дѣлъ ожирѣли и обогатѣли, и на свое богатство накупили себѣ вотчинъ». Вотъ съ такихъ то «обогатѣвшихъ» и «ожирѣвшихъ» людей, по мнѣнію выборныхъ, и надо брать средства для войны.

— «А бѣдныхъ насъ холопей своихъ, — писали они, разоренныхъ и безпомощныхъ, безпомѣстныхъ и пустопомѣстныхъ и малопомѣстныхъ вели, государь, взыскать своею милостью, помѣстнымъ и денежнымъ жалованьемъ, чтобъ было чѣмъ твою государеву службу служить».

Дворяне изъ южныхъ городовъ совѣтовали брать деньги и всякіе запасы ратнымъ людямъ, сколько за кѣмъ крестьянскихъ дворовъ, а не по писцовымъ книгамъ (неправильно составленнымъ).

— «А мы, холопи твои,—прибавляли они, съ людьми своими и со всею своею службишкою противъ недруговъ твоихъ готовы, гдѣ ты укажешь; а разорены мы пуще турскихъ и крымскихъ бу-

сурмановъ московскою волокитою (проволочками въ дѣлахъ) отъ неправдъ и отъ неправедныхъ судовъ».

Но не смотря на эти жалобы и обличенія, все же всѣ служилые люди были за войну.

Торговые люди заявили:

— «Мы, холопи твои, торговые людишки, питаемся отъ своихъ промысишковъ, а помѣстій и вотчинъ за нами нѣтъ никакихъ, службы твои государевы служимъ въ Москвѣ и въ иныхъ городахъ ежегодно и безпрестанно,... сбираемъ твою государеву казну за крестнымъ цѣлованьемъ съ великою прибылью: гдѣ сбиралось при прежнихъ государяхъ и при тебѣ въ прежніе годы сотъ по пяти и по шести, теперь тамъ сбирается съ насъ и со всей земли нами же тысячъ по пяти, по шести и болѣе. А торжишки стали гораздо худы, потому что всякіе наши торжишки на Москвѣ и въ другихъ городахъ отняли многіе иноземцы, нѣмцы и кизильбашцы (персіяне),... а въ городахъ всякіе люди обнищали и оскудѣли до конца отъ воеводъ».

Затѣмъ торговые люди сборы на войну съ нихъ полагали на государеву волю и прибавляли въ заключеніе, что «рады служить своими головами за царское здоровье и за православную вѣру помереть».

Люди низшаго чина, сотскіе и старосты черныхъ сотенъ и слободъ отъ имени всѣхъ тяглыхъ людей объявили:

— «Мы, сироты твои, тяглые людишки, по грѣхамъ своимъ оскудѣли и обнищали отъ великихъ пожаровъ, отъ пятинныхъ денегъ, отъ поставки людей, отъ подводъ, отъ великихъ податей и отъ разныхъ службъ въ цѣловальникахъ... Всякій годъ съ насъ, сиротъ твоихъ, берутъ въ государевы приказы по ста сорока пяти человѣкъ въ цѣловальники, да съ насъ же берутъ извощиковъ съ лошадьми стоять безпрестанно при земскомъ дворѣ для пожарнаго случая, а мы платимъ тѣмъ цѣловальникамъ, извощикамъ каждый мѣсяцъ подможныя кормовыя деньги. И отъ великой бѣдности многіе тяглые людишки изъ сотенъ и изъ слободъ разбрелись розно и дворишки свои покидали».

Такимъ образомъ царь изъ устъ выборныхъ людей узналъ о полной готовности жертвовать своимъ достояніемъ и даже жизнью на пользу родной земли, но узналъ также и о бѣдственномъ положеніи ея, особенно черныхъ людей. Царь убѣдился, что еще надо думать не о войнѣ, а о строеніи своей земли.

На вѣрность вѣроломныхъ козаковъ трудно было полагаться, а

безъ нихъ Москвѣ трудно было бы оборонять отъ турокъ отдаленный Азовъ. Городъ оказался по досмотру такъ разбитъ и разоренъ, что нельзя было его скоро поправить. Наконецъ, къ царю пришли изъ Молдавіи вѣсти, что султанъ поклялся въ случаѣ войны съ Москвою истребить всѣхъ православныхъ въ своихъ владѣніяхъ.

Царь 30 апрѣля послалъ казакамъ приказъ покинуть Азовъ. Казаки разрушили его до основанія, не оставили камня на камнѣ и вышли изъ него. Когда громадное Турецкое войско пришло отнимать Азовъ отъ козаковъ, то увидѣло лишь груды развалинъ

Русскимъ посламъ, отправленнымъ въ Константинополь къ султану наказано было ему сказать объ Азовѣ:

— «Вамъ самимъ подлинно извѣстно, что донскіе казаки издавна воры, бѣглые холопи, живутъ на Дону, убѣжавъ отъ смертной казни, царскаго повелѣнья ни въ чемъ не слушаются, и Азовъ взяли безъ царскаго повелѣнья, помощи имъ царское величество не посылалъ, впередъ за нихъ стоять и помогать имъ государь не будетъ, ссоры изъ-за нихъ никакой не хочетъ».

Иноземцы въ Россіи.

На соборѣ по Азовскому дѣлу ясно сказалось плачевное состояніе Русской земли; отъ страшнаго разгрома и смуты она не могла еще очнуться и оправиться. Жаловались не только на нищету и разореніе, но и на воеводъ и на приказныхъ людей. Воеводы позволяли себѣ всякія неправды и насилія надъ народомъ; управу на нихъ найти было трудно. Въ высшихъ правительственныхъ мѣстахъ, въ московскихъ приказахъ, гдѣ подъ начальствомъ бояръ дьяки и подъячіе вершили всякія дѣла, добиться правды было тоже нелегко: приказные люди были очень падки къ посуламъ и тянули (волочили) дѣла обыкновенно очень долго. «Московская волокита» съ разными взятками и подачками была такъ убыточна для просителей, что порою побуждала ихъ вовсе отказываться отъ своихъ исковъ...

При всемъ добромъ желаніи царя и благомыслящихъ бояръ искоренить это зло было весьма трудно: людей свѣдущихъ было крайне мало, а людей честныхъ, способныхъ служить «безпосульно» и «безволокитно» еще меньше.

Недостатокъ образованія, которое поднимаетъ человѣка умственно и нравственно, сказывался уже весьма ощутительно, но немногіе русскіе того времени понимали это. Современники иностранцы го-

ворятъ, что русскіе не любили никакихъ высшихъ знаній и нельзя встрѣтить во всей землѣ человѣка, который бы разумѣлъ по-латыни. (Въ тѣ времена латинскій языкъ былъ ключомъ ко всякому знанію: научныя разсужденія тогда писались обыкновенно по-латыни).

Если не понимали тогда на Руси цѣны образованія въ широкомъ смыслѣ, то нельзя того же сказать о знаніяхъ прикладныхъ, т. е. примѣнимыхъ къ житейскому обиходу,—ихъ давно уже цѣнили русскіе и готовы были платить «хорошія» деньги разнымъ иноземнымъ «хитрымъ» рудознатцамъ, лѣкарямъ, пушкарямъ, оружейникамъ, золотыхъ, серебряныхъ и разныхъ другихъ дѣлъ мастерамъ...

Война особенно давала чувствовать русскимъ цѣну европейскаго военнаго искусства. Продолжительная борьба со шведами и поляками должна была во многихъ случаяхъ ясно показать превосходство европейскаго вооруженія и ратнаго строя надъ русскимъ: при всей своей готовности умереть, сложить свои головы за царя и отечество, при всемъ своемъ мужествѣ, которому удивлялись иностранцы,—русскія войска нерѣдко въ открытомъ полѣ терпѣли пораженія отъ непріятелей, слабѣйшихъ числомъ, но лучше вооруженныхъ и болѣе искусныхъ въ ратномъ дѣлѣ. Царь понималъ вполнѣ необходимость преобразованія войска, приказывалъ, какъ мы знаемъ, обучать ратныхъ людей иноземному строю, вербовать цѣлыми тысячами иноземныхъ солдатъ, на которыхъ не жалѣли издержекъ.

При царскомъ дворѣ служило много иноземцевъ: были тутъ лекари, аптекари, часовыхъ и органныхъ дѣлъ мастера и проч. Одинъ изъ нихъ на диво русскимъ соорудилъ такой искусный органъ, что въ то время, какъ онъ игралъ, пѣли птицы (соловей и кукушка), искусно сдѣланныя на немъ. Царю очень полюбилась эта диковинка, и онъ подарилъ мастеру за нее болѣе двухъ съ половиною тысячъ рублей.

Самъ царь, очевидно, сознавалъ уже важность науки: въ грамотѣ ученому голштинцу Олеарію отъ имени царя Михаила Ѳеодоровича говорится:

«Вѣдомо намъ учинилось, что ты гораздо наученъ и навыченъ астрономіи и географусъ, и небеснаго бѣгу и землемѣрій и инымъ многимъ надобнымъ мастерствамъ и мудростямъ, а намъ, великому государю, таковъ мастеръ годенъ».

Географія видимо занимала царя: онъ велѣлъ сдѣлать дополненія и объясненія къ картѣ: «Большой чертежъ русской земли», составленной еще по приказу Бориса Годунова.

Хотя русскіе смотрѣли на иноземцевъ, какъ на еретиковъ, боялись «иноземной прелести», какъ выражались тогда, но все-таки надобность въ «иноземныхъ мастерствахъ и хитростяхъ» пересиливала эти опасенія, и московское правительство безпрестанно зазывало къ себѣ иностранныхъ мастеровъ и промышленниковъ, давало имъ охотно всякія права и льготы, обыкновенно съ условіемъ, чтобы они «обучали русскихъ своему дѣлу и никакого ремесла отъ нихъ не таили». Голландцу Виніусу позволено было въ окрестностяхъ Тулы устроить заводъ для выдѣлки разныхъ чугунныхъ и желѣзныхъ вещей, литья пушекъ, ядеръ и проч.; другому иностранцу Марселису дано право заводить желѣзные заводы на Вагѣ, Костромѣ и Шекснѣ «безоброчно» и «безпошлинно» на двадцать лѣтъ; третьему—шведу Коэту дано такое право на пятнадцать лѣтъ на заведеніе стекляннаго завода; четвертому разрѣшено добывать золу и поташъ и т. д. Очевидно, правительство старалось водворить въ Русской землѣ новые полезные промыслы и производства и поднять промышленность.

Въ это время въ Москвѣ жило уже много иностранцевъ,—однихъ протестантскихъ семействъ насчитывали до тысячи. Сначала они селились въ городѣ, гдѣ хотѣли, устраивали въ своихъ дворахъ себѣ молитвенные дома (кирки), но скоро русскіе священники, опасаясь соблазна для православныхъ, стали сѣтовать на это: тогда велѣно было сломать тѣ кирки, которыя нѣмцы устроили близъ русскихъ церквей, а взамѣнъ того было отведено для кирки особое мѣсто.

Частыя посольства русскихъ за границу и отъ разныхъ иностранныхъ дворовъ въ Россію, должны были, конечно, все болѣе и болѣе знакомить русскихъ съ западомъ. Много, любопытнаго видѣли русскіе за границей, много было тамъ и привлекательнаго для нихъ,—не даромъ русское духовенство такъ опасалось иноземной прелести.

Иностранныхъ пословъ принимали обыкновенно очень торжественно, съ истинно-русскимъ широкимъ гостепріимствомъ и хлѣбосольствомъ, но въ то же время не всегда относились къ нимъ довѣрчиво. Еще на границѣ встрѣчали ихъ царскіе пристава и сопровождали до Москвы, гдѣ уже происходилъ пышный, торжественный пріемъ, при чемъ сообразовались съ важностью и значеніемъ посольства.

Вотъ какъ описываетъ одинъ изъ такихъ пріемовъ Олеарій, бывшій при Голштинскомъ посольствѣ. (1634 г.).

«13-го августа мы пріѣхали въ послѣднее село предъ Москвою. На другой день рано утромъ приставъ съ толмачемъ своимъ и писцемъ пришли къ посланникамъ, благодарили ихъ и всѣхъ насъ за оказанныя имъ во время пути благодѣянія и просили у насъ извиненія, если они служили намъ не такъ, какъ бы слѣдовало. Послы подарили приставу большой бокалъ, а толмачу и писцу дали денегъ. Затѣмъ мы стали готовиться къ въѣзду въ Москву».

Въ стройномъ порядкѣ, съ конными стрѣльцами впереди, двинулось посольство къ столицѣ.

«Когда мы приблизились,—продолжаетъ Олеарій, къ Москвѣ, на встрѣчу намъ прискакали одинъ за другимъ десять гонцевъ. Они безпрестанно увѣдомляли, гдѣ еще находились русскіе, которые должны были принимать насъ, и привозили приказаніе продолжать наше шествіе то скорѣе, то медленнѣе,—для того, чтобы одна часть не пришла въ назначенное мѣсто раньше другой, и чтобы такимъ образомъ не пришлось дожидаться которой нибудь изъ нихъ. Кромѣ того, мы встрѣчали цѣлыя толпы всадниковъ русскихъ, прекрасно одѣтыхъ; они быстро проносились на своихъ коняхъ мимо насъ и такъ же быстро возвращались. Между ними было и нѣсколько нашихъ знакомыхъ изъ шведскаго посольства, которымъ, повидимому, не дозволялось подъѣхать къ намъ и пожать намъ руку; они только издали привѣтствовали насъ. За четверть мили отъ Москвы встрѣтило насъ болѣе четырехъ тысячъ человѣкъ русскихъ въ богатыхъ одеждахъ и на прекрасныхъ лошадяхъ; они поставлены были въ строй, сквозь который мы должны были проходить».

«Далѣе на встрѣчу намъ выѣхали верхами два пристава въ золотыхъ одеждахъ (кафтанахъ) и высокихъ собольихъ шапкахъ, на прекрасныхъ бѣлыхъ коняхъ, у которыхъ вмѣсто уздечекъ висѣли огромныя серебряныя цѣпи; кольца ихъ состояли изъ серебряныхъ пластинокъ и при движеніи издавали громкій звукъ. За приставами слѣдовалъ великокняжескій конюшій съ двадцатью бѣлыми верховыми лошадьми и множествомъ конныхъ и пѣшихъ людей. Когда съѣхались пристава съ послами, тѣ и другіе сошли съ коней; а старшій приставъ сказалъ:

— «Великій Государь, Царь и Великій Князь, Михаилъ Ѳеодоровичъ, Самодержецъ Всероссійскій, Владимірскій, Московскій (слѣдовалъ весь титулъ) приказалъ намъ встрѣтить и принять васъ, великихъ пословъ герцога Голштинскаго (слѣдовалъ подробный титулъ), соблаговолилъ выслать вамъ своихъ лошадей для въѣзда и назна-

чилъ обоихъ насъ приставами служить вамъ на все время пребыванія вашего въ Москвѣ и заботиться о доставленіи вамъ всего необходимаго».

«Когда посланникъ отвѣтилъ на это приличнымъ образомъ, посламъ подвели двухъ рослыхъ бѣлыхъ лошадей, осѣдланныхъ шитыми серебромъ и золотомъ нѣмецкими сѣдлами и убранныхъ разнаго рода дорогими украшеніями».

«Какъ только послы сѣли на лошадей, приставъ и козаки, провожавшіе насъ отъ границы до Москвы, удалились. Послы ѣхали между двумя приставами, хотя у русскихъ обыкновенно въ случаѣ, когда три и болѣе человѣкъ идутъ или ѣдутъ вмѣстѣ, считается почетнѣйшимъ то мѣсто, гдѣ человѣкъ съ правой стороны у себя не имѣетъ никого другаго. За лошадьми шли русскіе конюха и несли сѣдельныя покрывала изъ леопардовой кожи, парчи и алаго сукна. Подлѣ посланниковъ ѣхало на лошадяхъ множество другихъ москвитянъ, которые толпились и составляли густую массу, провожавшую пословъ до самаго ихъ помѣщенія... Когда мы проѣзжали по Москвѣ, всѣ улицы и дома были усѣяны безчисленнымъ множествомъ народа, собравшагося поглядѣть на нашъ поѣздъ. Улицы впрочемъ незадолго до нашего пріѣзда были сильно опустошены пожаромъ, истребившимъ болѣе пяти тысячъ домовъ, такъ что многіе жители принуждены были помѣщаться въ палаткахъ».

«Черезъ полчаса по прибытіи нашемъ въ Москву изъ кухни и погреба великаго князя присланы были намъ въ знакъ привѣтствія разные припасы, а именно: 8 овецъ, 30 куръ, много бѣлаго и ржанаго хлѣба и сверхъ того 22 сорта дорогихъ напитковъ: вина, пива меду и водки. Все это принесли намъ 32 человѣка, которые шли въ извѣстномъ порядкѣ, образуя изъ себя длинный рядъ. Такіе же припасы и такимъ же образомъ получали мы и послѣ каждый день, только на половину меньше: таковъ обычай у русскихъ, что чужестранные послы получаютъ двойное количество продовольствія въ первый день ихъ прибытія и въ день, когда бываютъ у руки его царскаго величества».

«Послѣ доставки продовольствія заперли передній дворъ нашего помѣщенія и приставили 12 стрѣльцовъ часовыхъ съ тѣмъ, чтобы до перваго представленія царю никто изъ насъ не выходилъ изъ дому и никто изъ постороннихъ не входилъ къ намъ. Пристава ежедневно посѣщали пословъ и справлялись, не нуждаются ли они въ чемъ. Кромѣ того, въ нашемъ дворѣ постоянно находился при насъ русскій переводчикъ, который распоряжался стрѣльцами для

нашихъ услугъ и разсылалъ ихъ за покупками разныхъ вещей, нужныхъ намъ»...

19-го августа назначенъ былъ пріемъ пословъ у царя...

«Въ этотъ день рано утромъ пришли пристава освѣдомиться, собираемся ли мы къ выходу и, увидавши, что мы были совершенно готовы, поспѣшно поскакали назадъ во дворецъ. Вскорѣ затѣмъ были приведены намъ для поѣзда бѣлыя лошади. Въ 9 часовъ пристава пришли снова въ своихъ обыкновенныхъ платьяхъ; новые же кафтаны и высокія шапки, взятые ими изъ великокняжеской кладовой, несли за ними ихъ слуги. Пристава переодѣлись въ эти платья въ передней комнатѣ у пословъ и такимъ образомъ тутъ же при насъ нарядились, какъ нельзя лучше. Послѣ того мы сѣли на лошадей, въ плащахъ, безъ шпагъ (при шпагѣ никто не смѣетъ являться къ царю) и поѣхали во дворецъ въ стройномъ порядкѣ»...

«Отъ самаго посольскаго помѣщенія до дворца на протяженіи восьмой части мили разставлены были по обѣимъ сторонамъ дороги тѣсными рядами стрѣльцы, между которыми мы должны были ѣхать. За ними всѣ улицы, дома и крыши усѣяны были множествомъ народа, собравшагося поглазѣть на нашъ поѣздъ. На дорогѣ нѣсколько разъ гонцы изъ дворца скакали къ намъ на встрѣчу во всю лошадиную прыть и, какъ при въѣздѣ въ Москву, отдавали приказы, чтобы мы то скорѣе, то медленнѣе ѣхали, то совсѣмъ на время пріостанавливались,—это для того, чтобы его царское величество могъ сѣсть на престолъ въ пріемномъ покоѣ не прежде и не позже того, какъ прибудутъ послы».

«На главной дворцовой площади мы сошли съ лошадей, и всѣ наши построились въ извѣстномъ порядкѣ... Въ пріемной насъ повели съ лѣвой стороны чрезъ крытый ходъ со сводами, гдѣ мы прошли мимо весьма красивой церкви. Этимъ ходомъ мимо церкви провели насъ потому, что мы христіане; турокъ же, татаръ и персовъ водятъ другимъ ходомъ».

«Предъ пріемной мы должны были пройти черезъ одну палату со сводами, въ которой кругомъ сидѣли и стояли старые почтенные мужи съ длинными сѣдыми бородами въ парчевыхъ одеждахъ и высокихъ собольихъ шапкахъ. То были гости его царскаго величества, т. е. важнѣйшіе купцы; одежды же на нихъ взяты были изъ царскихъ кладовыхъ, изъ которыхъ онѣ выдаются только при подобныхъ торжественныхъ случаяхъ и потомъ снова отбираются».

«Когда послы были у дверей упомянутой передней палаты, изъ пріемной вышли отъ его царскаго величества два боярина въ пар-

чевыхъ одеждахъ, вышитыхъ жемчугомъ. Они встрѣтили пословъ и сказали:

– «Его царское величество соблаговоляетъ господамъ посламъ явиться къ нему».

Подарки, которые послы приносили царю отъ своего государя, были оставлены въ передней палатѣ. Они состояли изъ дорогихъ вещей, между которыми были боевые часы съ подвижными фигурами, изображающими исторію блуднаго сына, большое зеркало въ рамкѣ изъ чернаго дерева, украшенной литыми изъ серебра листьями и фигурами, хрустальная кружка, обдѣланная золотомъ и яхонтами и многія другія.

«Только что мы, продолжаетъ Олеарій, вступили въ пріемный покой, главный переводчикъ царскій выступилъ впередъ, пожелалъ государю счастья и долголѣтней жизни и возвѣстилъ о прибытіи голштинскихъ пословъ».

«Пріемная была четвероугольная комната со сводами, на полу и по стѣнамъ обитая прекрасными коврами; потолокъ ея украшенъ былъ золотомъ и разными изображеніями изъ священной исторіи, писанными различными красками. Царскій престолъ стоялъ въ глубинѣ, у стѣны, противъ входа, на возвышеніи изъ трехъ ступеней отъ полу; вокругъ него по угламъ стояли четыре серебряные столба, на которыхъ находились серебряные орлы съ распростертыми крыльями; отъ этихъ орловъ шла крыша, опиравшаяся на тѣ же столбы и увѣнчанная башенкою также съ орломъ на верху; по четыремъ угламъ крыши были также серебряныя башенки съ орлами».

«На престолѣ въ одеждѣ, унизанной разными драгоцѣнными камнями и крупнымъ жемчугомъ, сидѣлъ царь. Корона его усѣяна была крупными брилліантами, такъ же, какъ и золотой скипетръ, который, вѣроятно, по его тяжести, царь держалъ то въ правой, то въ лѣвой рукѣ. По обѣимъ сторонамъ престола стояли четыре молодыхъ рослыхъ князя, по-двое съ каждой стороны, въ бѣлыхъ камчатныхъ одеждахъ, въ высокихъ рысьихъ шапкахъ и въ бѣлыхъ сапогахъ. На груди у нихъ крестообразно висѣли золотыя цѣпи, и каждый изъ нихъ вооруженъ былъ серебрянымъ бердышемъ; держали они бердыши на плечахъ, какъ бы готовясь нанести ударъ. Вдоль стѣнъ кругомъ сидѣли важнѣйшіе бояре, князья и государственные чины, болѣе 50 человѣкъ, всѣ въ богатѣйшихъ одеждахъ, въ высокихъ шапкахъ изъ черной лисицы. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ престола съ правой стороны стоялъ государственный канцлеръ (начальникъ иноземнаго приказа). Подлѣ самого престола справа

Пріемъ иноземныхъ пословъ. (На основаніи старинаго рисунка Олеарія).

стояла золотая держава, величиною съ ядро (48-ми-фунтоваго вѣсу) на рѣзной серебряной пирамидѣ. Далѣе стояли золотая лохань и рукомойникъ съ полотенцомъ для омовенія руки его царскаго величества послѣ допущенія къ ней пословъ и сопровождающихъ ихъ. Къ царской рукѣ допускаются только христіанскіе послы».

«Когда послы, вошедши въ пріемную, почтительно поклонились, ихъ немедленно подвели къ царю и поставили предъ нимъ въ 10 шагахъ; за послами стали сопровождавшіе ихъ, а съ правой стороны наши два дворянина съ грамотами. Переводчикъ сталъ подлѣ пословъ съ лѣвой стороны».

«Затѣмъ его царское величество далъ знакъ государственному канцлеру и велѣлъ сказать посламъ, что онъ допускаетъ ихъ къ своей рукѣ, и тѣ стали подходить по-одиночкѣ другъ за другомъ. Царь взялъ скипетръ въ лѣвую руку, правую же подавалъ посламъ съ благосклоннымъ движеніемъ каждому, но при этомъ во время цѣлованія царской руки не дозволялось ея касаться руками. По окончаніи этого обряда канцлеръ сказалъ посламъ, чтобы они исполнили то, зачѣмъ были присланы. Тогда главный посолъ началъ говорить, что онъ привезъ поклонъ его царскому величеству отъ его свѣтлости своего милостиваго князя и государя вмѣстѣ съ изъявленіемъ глубокаго сочувствія въ скорби, по причинѣ смерти патріарха; что его свѣтлость государь голштинскій полагалъ, что Богъ продлитъ жизнь патріарха до настоящаго времени, и потому послалъ было къ нему грамоту, которую они вмѣстѣ съ грамотой къ его царскому величеству имѣютъ честь вручить ему, государю московскому. Послѣ того послы поднесли грамоты царю, а онъ далъ знакъ канцлеру взять ихъ».

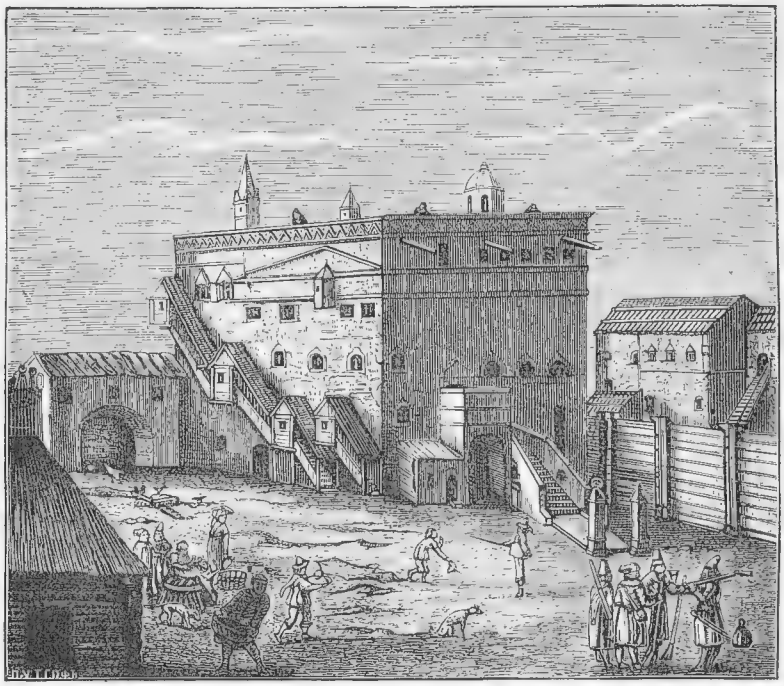
«Канцлеръ по приказу государя отъ его имени отвѣчалъ посламъ, что грамоты будутъ переведены на русскій языкъ, и рѣшеніе царя по нимъ будетъ объявлено чрезъ бояръ. Канцлеръ, произнося титулы своего государя, а также и великаго князя голштинскаго снималъ шапку и потомъ снова надѣвалъ ее. Позади пословъ въ это время была поставлена лавка, покрытая ковромъ, на которую они и сѣли по приглашенію царя».

Затѣмъ канцлеръ объявилъ, что его царское величество допускаетъ къ своей рукѣ важнѣйшихъ слугъ посольства.

По окончаніи этого обряда царь, приподнявшись нѣсколько съ престола, спросилъ у пословъ о здоровьи ихъ князя. Вслѣдъ затѣмъ прочтена была роспись княжескимъ подаркамъ; они были внесены въ пріемную и немного спустя вынесены обратно. Затѣмъ предо-

ставлено было посламъ высказаться о цѣли, съ какой они посланы, и тѣ просили, чтобы въ силу договора, заключеннаго шведскимъ королемъ и княземъ голштинскимъ по персидскому дѣлу, дозволено было бы ихъ выслушать тайно вмѣстѣ со шведскими послами.

«Затѣмъ царь велѣлъ спросить пословъ, здоровы ли они, и не имѣютъ ли въ чемъ недостатка, и сказать имъ, что онъ соблаговоляетъ, чтобы они въ тотъ день кушали отъ его стола. Послѣ этого два боярина, которые ввели пословъ въ пріемную комнату, вывели ихъ изъ нея, и они поѣхали съ приставами и стрѣльцами домой въ прежнемъ порядкѣ.



Посольскій домъ. (По рисунку Олеарія).

Голштинское посольство, о пріемѣ котораго разсказано Олеаріемъ, пріѣзжало въ Москву, чтобы уладить дѣло насчетъ торговли съ Персіей. Царь дозволилъ голштинскимъ купцамъ на десять лѣтъ свободный проѣздъ по русскимъ владѣніямъ въ Персію, за что они и должны были платить въ казну шестьсотъ тысячъ ефимковъ серебра (считая ихъ 14 въ фунтѣ).

Послѣдніе годы царствованія Михаила Ѳеодоровича.

Михаилъ Ѳеодоровичъ въ концѣ своего царствованія былъ сильно озабоченъ своими семейными дѣлами. Задумалъ онъ выдать свою дочь за какого либо иностраннаго принца. Попытки породниться такимъ способомъ съ иноземными дворами, какъ извѣстно, дѣлались уже при Грозномъ, а затѣмъ при Борисѣ. Михаилъ Ѳеодоровичъ провѣдалъ, что у датскаго короля есть сынъ, принцъ Вольдемаръ, по возрасту какъ разъ подходящій къ царевнѣ Иринѣ Михайловнѣ. Царь засылалъословъ въ Данію, чтобы получше разузнать о принцѣ и добыть его «парсуну» (портретъ). Въ Даніи мысль о бракѣ принца съ царской дочерью понравилась; а Марселисъ, которому царь поручилъ вести переговоры поэтому дѣлу, дѣйствовалъ ловко.

Московская земля западнымъ европейцамъ представлялась грубою и дикою; датскіе сановники говорили Марселису:

— «Если нашъ королевичъ туда поѣдетъ, то сдѣлается холопомъ на вѣки, и что обѣщаютъ, того не исполнятъ. Какъ нашему королевичу ѣхать къ дикимъ людямъ!»

Въ отвѣтъ на это Марселисъ увѣрялъ, что опасаться нечего, расхваливалъ московскіе порядки и ссылался на самого себя, что въ Москвѣ жить можно. Отъ имени царя онъ заявлялъ, что Вольдемару не придется мѣнять вѣру и никакого понужденія къ тому не будетъ, что зависѣть онъ будетъ только отъ царя и въ удѣлъ получитъ на вѣчныя времена Суздаль и Ярославль, да вдобавокъ дочери царь дастъ приданаго триста тысячъ рублей.

Королевичъ отправился въ Москву. Всюду въ московскомъ государствѣ встрѣчали его хлѣбомъ-солью и разными дарами. 21-го января 1644 г. онъ прибылъ въ Москву и былъ принятъ съ необычайнымъ почетомъ. Служилые и приказные люди въ праздничныхъ, блестящихъ одеждахъ провожали его до Кремля; по улицамъ рядами были разставлены стрѣльцы безоружные. Это показывало, что царь считаетъ принца не гостемъ, а членомъ своей царской семьи, которому никакой опасности не предстоитъ. Когда принцъ прибылъ въ отведенное ему помѣщеніе, отъ всѣхъ городовъ стали ему подносить хлѣбъ-соль и разные дары: золотыя и серебряныя вещи, соболей и дорогія тонкія ткани.

Когда королевичъ явился во дворецъ, чтобы представиться царю, то былъ принятъ очень торжественно и радушно. Королевскіе послы, прибывшіе съ Вольдемаромъ, говорили царю рѣчь отъ имени своего государя.

— «Король проситъ царя,—сказали они между прочимъ,—принять и почитать королевскаго сына, какъ своего сына и зятя, а сыну своему наказалъ царское величество какъ отца почитать, достойную честь и службу воздавать».

На эту рѣчь отъ имени царя отвѣчалъ думный дьякъ:

— «Желаемъ, чтобъ всесильный Богъ великое и доброначатое дѣло къ доброму совершенію привелъ: хотимъ съ братомъ нашимъ его королевскимъ величествомъ быть въ крѣпкой дружбѣ и любви, а королевича Вольдемара Христіанусовича хотимъ имѣть въ ближнемъ присвоеніи, добромъ пріятельствѣ и почитать, достойную честь ему воздавать какъ своему государскому сыну и зятю».

Царь посадилъ Вольдемара рядомъ съ собою по правую руку, по лѣвой сидѣлъ царевичъ Алексѣй. Потомъ за обѣдомъ принцъ опять былъ посаженъ рядомъ съ царемъ, который всячески выказывалъ своему нареченному зятю привѣтъ и ласку.

Женихъ, какъ видно, очень полюбился царю; принцъ и его приближенные были вполнѣ довольны пріемомъ; и дѣло, казалось, шло, какъ нельзя лучше. Но чрезъ нѣсколько дней нежданно-негаданно было объявлено принцу, что до женитьбы онъ долженъ принять православіе.

Принцъ былъ озадаченъ этимъ требованіемъ. Онъ ссылался на договоръ, по которому ему обѣщали, что вѣроисповѣданія не будутъ касаться, и заявилъ, что и не пріѣхалъ бы, если бы зналъ, что придется мѣнять вѣру.

Михаилъ Ѳеоровичъ, очевидно, никакъ не хотѣлъ допустить и мысли о томъ, чтобы породниться съ иновѣрцемъ, и Марселисъ, вѣроятно, при переговорахъ въ Даніи пообѣщалъ больше, чѣмъ слѣдовало.

При свиданіи съ принцемъ самъ царь принялся уговаривать его принять православіе.

— «Послы королевскіе,—сказалъ царь,—у насъ на посольствѣ говорили, что король велѣлъ тебѣ быть въ моей государской волѣ и послушаньѣ и дѣлать то, что мнѣ угодно, а мнѣ угодно, чтобъ ты принялъ православную вѣру».

— «Я радъ быть въ твоей государской волѣ и послушаньѣ, кровь свою пролить за тебя готовъ, но вѣры своей перемѣнить не могу! отвѣчалъ Вольдемаръ и просилъ отпустить его назадъ къ отцу.

Царь настаивалъ, чтобы принцъ подчинился его волѣ, указывалъ на преимущество православной вѣры и на то, что на Руси «мужъ съ женою въ разной вѣрѣ быть не можетъ», что этого не

только въ высшихъ государскихъ чинахъ, но и въ простыхъ людяхъ «не повелось». На просьбу же принца отпустить его царь замѣтилъ:

— «Отпустить тебя назадъ непригоже и нечестно: во всѣхъ окрестныхъ государствахъ будетъ стыдно, что ты отъ насъ уѣхалъ, не совершивши добраго дѣла».

Положеніе дѣла становилось крайне натянутымъ и неловкимъ съ той и съ другой стороны.

Нѣсколько разъ послѣ того Вольдемаръ писалъ къ царю, упрекалъ его въ томъ, что въ первой грамотѣ сказано было, что не будетъ никакой неволи въ вѣрѣ. На это царь отвѣчалъ, что королевичу и теперь нѣтъ неволи, а въ грамотѣ не было написано, чтобы его не призывать къ соединенію въ вѣрѣ. Королевича всячески уговаривали и бояре принять православіе, расхваливали красоту и умъ невѣсты. Патріархъ прислалъ ему длинное увѣщаніе. Королевичъ и датскіе послы стали просить какъ милости, чтобъ ихъ отпустили изъ Москвы. Царь не отпускалъ ихъ,—видимо, все еще не терялъ надежды, что Вольдемаръ уступитъ. Но чтобы принцъ не убѣжалъ, стали больше наблюдать за нимъ, увеличили стражу, приготовленную, какъ бы для почета.

Опасенія были не напрасны. Королевичъ, дѣйствительно, попытался бѣжать; но его остановили стрѣльцы у Тверскихъ воротъ...

Послѣ еще нѣсколькихъ попытокъ склонить Вольдемара къ православію увѣщанія прекратились; но, не смотря на его просьбы и требованіе короля, принца изъ Москвы не отпускали. Обращались съ нимъ въ то же время очень почтительно, старались всячески тѣшить его; устраивали для него охоты; царь приглашалъ его къ своему столу... Неизвѣстно, чѣмъ кончилось бы все это; смерть царя дала дѣлу иной оборотъ.

Дѣло съ Вольдемаромъ очень любопытно: оно ясно показываетъ какъ недовѣріе къ иноземцамъ и иновѣрцамъ и нетерпимость къ западнымъ религіямъ мѣшали сближенію русскихъ съ западомъ.

Въ послѣдніе же годы жизни царя его тревожило и другое дѣло. Съ Польшей шли постоянныя пререканія и послѣ Поляновскаго мира. Михаилъ посылалъ постоянныя жалобы Владиславу на польскихъ чиновниковъ, писавшихъ неправильно царскій титулъ. Поляки считали это неважнымъ, но русскіе послы утверждали, что «оберегать честь государеву» для нихъ—главное дѣло, и требовали, чтобы виновные были казнены смертью. Поляки не соглашались, и неудовольствіе русскихъ годъ отъ году росло. Поляки въ свою очередь

жаловались, что въ Московской землѣ находятъ себѣ убѣжище возставшіе противъ нихъ малороссійскіе казаки.

Въ 1643 году явился въ Польшѣ русскій посолъ съ важной жалобой, что поляки укрываютъ у себя самозванца и съ требованіемъ выдать его. Русскіе провѣдали, что въ Польшѣ находится молодой человѣкъ, зовущій себя царевичемъ Иваномъ Димитріевичемъ, сыномъ Марины и Тушинскаго царя. Оказалось, что шляхтичъ польскій Димитрій Луба взялъ съ собою въ походъ на Москву въ смутную пору маленькаго сына и былъ убитъ. Сироту принялъ на свое попеченіе другой шляхтичъ и привезъ въ Польшу, выдавая его за сына Марины, котораго ему удалось будто бы избавить отъ казни, подмѣнивъ другимъ ребенкомъ. Сначала на маленькаго Лубу обратилъ вниманіе король. Война съ Москвой тогда еще не была окончена, и Сигизмундъ нашелъ, что «московскій царевичъ» можетъ быть ему при случаѣ полезенъ и назначилъ ему значительное содержаніе. Луба былъ отданъ на воспитаніе въ монастырь. Когда же былъ заключенъ вѣчный миръ съ московскимъ государствомъ, то про Лубу и забыли. Несчастный молодой человѣкъ, долго вѣрившій въ свое царственное происхожденіе, просилъ настоятельно, чтобы его избавитель сказалъ ему, кто онъ. Тотъ объяснилъ все дѣло.

Выдачи этого Лубы и требовалъ московскій посолъ.

Напрасно паны убѣждали русскихъ пословъ, что Луба безвреденъ для Москвы и выдавать ни въ чемъ неповиннаго человѣка не слѣдуетъ. Послы стояли на своемъ.

— «Намъ въ великое подивленіе,—говорили они, что такое непригожее и злое дѣло со стороны вашего государя начинается, и если король и вы паны этого вора намъ не отдадите, то намъ съ вами никакихъ дѣлъ кончать нельзя».

Самъ Луба откровенно предъ русскими послами разсказалъ всю исторію свою. Паны заявили, что Луба пойдетъ въ ксендзы... Но русскіе послы настойчиво добивались выдачи его и добились своего. Поляки въ угоду московскому царю отправили Лубу въ Москву, но польскій король просилъ у царя отпустить этого ни въ чемъ невиновнаго человѣка. По пріѣздѣ его съ польскимъ посломъ въ Москву начались переговоры объ этомъ...

Въ то время Михаилъ Ѳеодоровичъ былъ уже близокъ къ смерти. Еще съ конца 1644 года онъ не выходилъ изъ покоевъ по болѣзни, а въ слѣдующемъ году ему стало хуже. Иноземные врачи находили, что недугъ приключился отъ многаго сидѣнія, холоднаго питья и меланхоліи, «спрѣчь кручины». Судя по всему, царь страдалъ во-

дяной. 12 іюня 1645 года въ день своихъ именинъ государь былъ у заутрени, но въ церкви ему сдѣлалось дурно, и его принесли въ царскія хоромы. Къ вечеру ему стало хуже,—онъ стоналъ, жаловался на сильныя боли и велѣлъ позвать царицу и сына—шестнадцатилѣтняго Алексѣя; простился съ женою, благословилъ сына на царство, и, обратясь къ дядькѣ царевича Борису Ивановичу Морозову, сказалъ:

— «Тебѣ, боярину нашему приказываю сына и со слезами говорю: какъ ты служилъ намъ... оставя домъ свой, имѣніе и покой, пекся о его здоровьѣ и внушеніи ему страха Божія, жилъ при немъ безотступно въ терпѣніи и безпокойствѣ тринадцать лѣтъ и соблюлъ его какъ зеницу ока,—такъ и теперь служи».

Во второмъ часу ночи Михаилъ Ѳеодоровичъ почувствовалъ близость смерти, исповѣдался, пріобщился св. тайнъ. Въ началѣ третьяго часа ночи его не стало.

II.

Западная Русь въ концѣ XVI и въ началѣ XVII вѣка.

Люблинская унія.

Страшныя испытанія пришлось пережить русскому народу въ концѣ XVI и въ началѣ XVII вѣка. Московская Русь, хотя истерзанная и обнищалая, все же довольно скоро выбилась изъ смутной поры, вынесла изъ нея свою вѣру и народность во всей ихъ цѣлости; не то было съ Западной — Литовской Русью: униженная, подъ гнетомъ чуждой и враждебной власти, она вынуждена была долго изо всѣхъ силъ биться, чтобы спасти отъ униженія и поруганія свою церковь и народность.

Западныя русскія области, оторванныя отъ остальной русской земли, томившейся подъ игомъ татаръ, попали въ XIV вѣкѣ подъ власть Литвы, а въ 1386 году, съ избраніемъ литовскаго князя Ягелла на польскій престолъ, съ нею вмѣстѣ соединились съ Польшей. Съ тѣхъ поръ у поляковъ зародилось сильное желаніе слить съ собою литовцевъ и западныхъ русскихъ въ одинъ народъ, и для этого ихъ ополячить и окатоличить. Хотя Литва и Западная Русь уже при Ягеллѣ отпали отъ Польши, и его родичъ Витовтъ сталъ независимымъ литовскимъ государемъ; но поляки не оставили своихъ замысловъ.

Въ 1413 г. на общемъ сеймѣ поляковъ и литовцевъ въ Городлѣ былъ составленъ актъ (договоръ), по которому 1) Литва и Польша соединяются въ одно государство, въ одинъ народъ. 2) По смерти Витовта верховная власть надъ Литвой снова переходитъ къ Ягеллу, а потомъ къ дѣтямъ его; если же онъ умретъ прежде Витовта, то поляки избираютъ послѣдняго своимъ королемъ. 3) Литва получаетъ сеймы и должности, подобныя польскимъ. 4) Литовскому дворянству по назначенію великаго князя жалуются польскіе гербы; но пользоваться ими и другими преимуществами, а также занимать высшія должности, могутъ только лица латинскаго вѣроисповѣданія.

Хотя Городельскій актъ впослѣдствіи и не выполнялся строго, а Литва постоянно выбивалась изъ подъ польской власти; но все-таки, благодаря ему, въ Литву стали входить польскія учрежденія (сеймы, новыя должности, гербы); утверждалось преимущество католической церкви надъ православной, — являлась приманка для честолюбивыхъ православныхъ измѣнять своей вѣрѣ, — принимать ту, которая, кромѣ небесныхъ благъ, сулила еще и земныя.

Ягелло и его преемники часто поддавались желаніямъ поляковъ. Въ русскихъ и литовскихъ областяхъ раздавались щедро земли католикамъ, заводились новые села и города, населялись преимущественно поляками. Поселенцы-католики освобождались отъ разныхъ платежей и повинностей, которыми были обложены православные. Новымъ городамъ, населеннымъ католиками—поляками и нѣмцами, давалось самоуправленіе, такъ называемое «Магдебургское право», по которому горожане освобождались отъ суда королевскихъ чиновниковъ, а назначался судья (войтъ) изъ мѣстныхъ дворянъ. Онъ съ выборными изъ жителей совѣтниками (бурмистрами и райцами) и производилъ судъ. Купцы и ремесленники получали разныя льготы, дѣлились по занятіямъ на цехи (общины), которымъ давали особенныя права. Городъ получалъ гербъ, печать и знамя. Всякія льготы и преимущества католикамъ,—все это было искусно разставленною сѣтью, чтобы уловить православное населеніе, привлечь его къ Польшѣ и католичеству.

Польскія учрежденія мало по малу вводились въ литовскія и русскія области. Вмѣсто прежнихъ мелкихъ удѣльныхъ князей, подручныхъ великому князю, для управленія страною и городами стали назначать по польскому обычаю воеводъ, каштеляновъ, старостъ, избирая ихъ изъ богатѣйшихъ помѣщиковъ. Новые порядки приходились по душѣ инымъ литовцамъ и русскимъ, — конечно, лицамъ высшаго сословія, — дворянамъ, — ихъ права и сила росли:

богатѣйшіе изъ нихъ уподоблялись всесильнымъ польскимъ магнатамъ, становились полными властелинами въ своихъ владѣніяхъ; а мелкіе дворяне приравнивались къ вольной необузданной польской шляхтѣ. За то, чѣмъ больше росли права и могущество дворянъ помѣщиковъ, тѣмъ тяжелѣе приходилось простому люду, особенно крестьянамъ: они все больше и больше приближались къ рабскому состоянію польскихъ «хлоповъ».

Польша, близкая къ Западной Европѣ, по образованію стояла гораздо выше не только Литвы, но и Руси. У поляковъ въ концѣ XV ст. были и хорошія училища, даже высшая академія въ Краковѣ, и замѣчательные ученые, и писатели. Это должно было, конечно, тоже сильно помочь польскому дѣлу и въ Литвѣ, и въ Западной Руси. Не только русскіе и литовцы высшаго сословія съ польской образованностью усвапвали и польскій языкъ и мало по малу полячились; но и въ русскую рѣчь все больше и больше входило польскихъ словъ и оборотовъ. Въ XVI столѣтіи письменный языкъ въ Западной Руси представлялъ ужь пеструю смѣсь церковно-славянскихъ словъ, мѣстныхъ-народныхъ и польскихъ. Даже въ простонародную рѣчь (нарѣчія малорусское и бѣлорусское) стали все сильнѣе и сильнѣе входить польскіе слова и обороты...

Такъ исподволь шло объединеніе Литвы и Западной Руси съ Польшей. Но поляковъ смущало то, что они чуть не два вѣка трудились надъ этимъ дѣломъ, а Литва все еще крѣпко держалась за свою государственную самобытность, а въ русскихъ областяхъ въ народѣ по прежнему сильно было православіе. Со страхомъ смотрѣли поляки и на русскій востокъ, который, стряхнувъ съ плечъ своихъ татарство, по сосѣдству у нихъ высился грознымъ великаномъ. Иванъ III уже зоветъ себя въ грамотахъ «Государемъ всея Руси», вступается за православіе, тѣснимое въ Литвѣ, выказываетъ большую охоту добывать отъ нея свою «извѣчную отчину», т. е. русскія земли и отнимаетъ у нея 19 русскихъ городовъ съ ихъ областями; сынъ его захватываетъ и Смоленскъ. А западно-русскіе люди сознаютъ свое родство и по крови, и по вѣрѣ съ Московской Русью, иные даже уходятъ къ московскимъ, своимъ «природнымъ» государямъ на службу... Упустить изъ рукъ богатыя западнорусскія области для Польши было бы большимъ несчастіемъ. Съ половины XVI столѣтія новая бѣда стала грозить Польшѣ: въ Литвѣ стало шибко распространяться протестантство. Особенно оно усилилось при Сигизмундѣ-Августѣ (1548—1572 г.). Это былъ способный, добродушный, но слабый король; онъ давалъ полную

свободу всѣмъ вѣроисповѣданіямъ и самъ даже одно время склонялся къ протестантству. Литовцы встрепенулись, заговорили о полной независимости отъ Польши. Протестантство быстро разливалось по Литвѣ, дробилось на множество сектъ (толковъ), которыя боролись между собою, порождали всюду рознь и вражду. Этой внутренней смутой легко могли воспользоваться сосѣди враги. Забило тревогу прежде всего польское духовенство. Папа прислалъ въ Польшу своего нунція (посла) съ освященнымъ мечемъ Сигизмунду для казни еретиковъ. Король въ это время попалъ подъ вліяніе польско-латинской партіи, и началась борьба съ протестантствомъ въ Литвѣ...

Была у Сигизмунда въ это время еще забота. Онъ былъ бездѣтенъ; съ нимъ прекращался Ягеллоновъ домъ, и его пугала мысль, что, умри онъ,—и Литва, связанная до сихъ поръ съ Польшей однимъ королевскимъ домомъ, отпадетъ отъ нея, изберетъ себѣ своего отдѣльнаго государя. Сигизмундъ ясно понималъ, что ни Польшѣ, ни Литвѣ въ отдѣльности не сдобровать въ борьбѣ съ могучими сосѣдями. Такимъ образомъ было нѣсколько причинъ, побуждавшихъ короля поспѣшить во что бы то ни стало связать оба свои государства неразрывно въ одно цѣлое.

Въ Польшѣ Сигизмундъ, какъ король, избранный и сильно ограниченный магнатами и сеймомъ, не имѣлъ большой власти; но въ Литвѣ, какъ великій князь литовскій, онъ былъ наслѣдственнымъ и самовластнымъ государемъ и могъ распоряжаться свободно. Онъ принялся за дѣло. Напомнилъ прежде всего литовцамъ, что всѣ государственныя имущества, т. е. большая часть литовской земли, принадлежитъ ему, и часть доходовъ должна идти въ его казну; а затѣмъ подарилъ эту свою наслѣдственную собственность Польшѣ. Это значило, что всякій король, избранный поляками, становился владѣльцемъ всѣхъ государственныхъ земель въ Литвѣ, т. е. литовскимъ государемъ; теперь литовцы, только слившись съ поляками въ одно государство, могли вмѣстѣ съ ними избирать себѣ государя,—иначе должны были подчиняться тому, кого изберетъ Польша. Это было постановлено на Варшавскомъ сеймѣ въ 1564 году, гдѣ не было литовцевъ.

Постановленіе это (такъ называемый варшавскій рецессъ) поразило какъ громомъ Литву и вызвало здѣсь сильное негодованіе. Великій князь Литовскій, любимый своими вѣрноподданными литовцами, родомъ литвинъ, воспользовавшись своими литовскими правами, самъ своими руками приносилъ свое отечество въ жертву

Польшѣ!... Теперь она, получивъ отъ короля право на вѣчное владѣніе Литвой, могла смотрѣть на всякое движеніе послѣдней къ независимости, какъ на мятежъ. Такія мысли должны были волновать истыхъ литовскихъ патріотовъ. Сигизмундъ долженъ былъ казаться имъ измѣнникомъ, предателемъ своего отечества. Дѣло могло кончиться войной. Не будь въ то время лютыхъ казней Грознаго въ Москвѣ, раздраженные литовцы, пожалуй, искали бы ея покровительства... Сигизмунду хотѣлось еще добиться того, чтобы Литва сама добровольно слилась съ Польшей. Задобривъ литовскихъ бояръ (такъ назывался въ Литвѣ средній классъ между магнатами и крестьянами), уравнявъ ихъ вполнѣ въ правахъ съ магнатами, Сигизмундъ поспѣшилъ покончить дѣло объединенія Литвы съ Польшей.

Литовскіе и польскіе послы должны были для этого собраться въ 1569 году въ Люблинъ на сеймъ.

Люблинскій сеймъ открылся 10-го января. Съ самаго начала ясно было, что добра тутъ не будетъ. Поляки требовали прежде всего рѣшенія вопроса объ уніи (единеніи) и предлагали литовцамъ засѣдать вмѣстѣ съ ними. Но литовцы не хотѣли нарушить стараго обычая, по которому они съ русскими имѣли свой отдѣльный отъ поляковъ сеймъ,—заявили, что прежде вопроса объ уніи они хотятъ порѣшить съ королемъ свои частныя, литовскія дѣла. Литовцы думали добиться у короля утвержденія особыхъ своихъ правъ и собранія своихъ законовъ (Статута) и такимъ образомъ сдѣлать невозможной полную унію Литвы съ Польшей. Но эта уловка не удалась имъ. Король не утвердилъ ихъ особенныхъ правъ и велѣлъ разсуждать объ уніи. Засѣдать вмѣстѣ съ поляками литовцы отказались наотрѣзъ, и составили съ русскими свой отдѣльный сеймъ, который сносился съ польскимъ. Литовцы вовсе не желали полной уніи, а предлагали братскій союзъ своего государства съ польскимъ; а поляки, ссылаясь на старые акты, на варшавскій рецессъ, требовали полнѣйшаго слитія Литовскаго княжества съ Польшей въ одно государство, въ одинъ народъ, причемъ Литва должна была отказаться отъ своихъ отдѣльныхъ сеймовъ, отъ особыхъ законовъ, монетъ и пр.

Литовцы пришли въ негодованіе отъ подобнаго требованія.

«Напрасно мы потратились на поѣздку сюда, — говорили они,—намъ предлагаютъ порабощеніе!»...

Поляки, опираясь на сочувствіе короля, порѣшили ни въ чемъ не уступать литовцамъ. Король не разъ уже приглашалъ ихъ къ себѣ и убѣждалъ согласиться съ поляками; но литовцы не сдавались. Король задумалъ, наконецъ, заставить ихъ собраться вмѣстѣ

съ поляками и сообща порѣшить дѣло. Члены польскаго сейма должны были по его приказу тайкомъ собраться въ замкѣ, а за тѣмъ онъ думалъ призвать своей властью литовцевъ и ввести ихъ въ польскій сеймъ. Но эта затѣя не удалась. Поляки собрались, король послалъ за литовцами, но тѣ провѣдали, въ чемъ дѣло, не захотѣли попасть въ ловушку, и отказались ѣхать...

Положеніе литовцевъ въ Люблинѣ было крайне тяжелое и щекотливое. Они, конечно, ясно видѣли, что король и поляки замышляютъ совершить надъ Литвой насиліе, убить ея государственную самобытность, а ихъ, литовскихъ пословъ, принудить своимъ согласіемъ и подписями узаконить это убійство. Они не выдержали тяжести своего положенія и разъѣхались по домамъ. Сеймъ такимъ образомъ терялъ свое значеніе; польскіе сеймовые послы пришли въ ярость, считая себя страшно оскорбленными этимъ поступкомъ. Сгоряча нѣкоторые даже кричали:

— «Не смогли мы добромъ привести литовцевъ къ уніи, —приведемъ оружіемъ!»

Послѣ споровъ и предположеній, какъ быть, какъ довершить начатое дѣло, поляки, наконецъ, надумались, пользуясь отсутствіемъ литовскихъ пословъ, отрѣзать отъ Литвы русскія области, т. е. обезсилить ее такъ, что она принуждена будетъ слиться съ Польшей... Король издалъ универсалъ (указъ) о присоединеніи къ Польшѣ Подлѣсья (южное полѣсье Бѣловѣжской пущи), затѣмъ и Волыни. Эти русскія области покорились своей участи довольно легко: имъ не приходилось отстаивать свою государственную самобытность, а предстоялъ лишь выборъ, отъ какого правительства быть въ прямой зависимости,—отъ литовскаго, какъ прежде, или отъ польскаго. За одно только опасались русскіе, за свое православіе; но поляки. ихъ успокоили, обѣщали полную свободу вѣры. Сильнѣйшіе изъ русскихъ магнатовъ—князья Острожскій, Чарторижскій и др. согласились подчиниться Польшѣ. Волынскіе чиновники, которыхъ призвали на сеймъ вмѣсто выборныхъ лицъ, подъ страхомъ лишиться своихъ мѣстъ, не оказали сопротивленія полякамъ. Если русскіе и высказывали нѣкоторыя возраженія, напр. говорили, что русскій народъ ихъ растерзаетъ за сліяніе ихъ области съ Польшей, то заканчивали обыкновенно свою рѣчь словами:

— «Однако волю государя мы готовы исполнить».

Именемъ короля имъ и приказано было присягать.

Но Волынью поляки не удовольствовались, потребовали и Кіева... Литовцы испугались: Литва безъ русскихъ областей стано-

вилась совершенно ничтожнымъ, безсильнымъ государствомъ. Литовское посольство поспѣшило въ Люблинъ съ просьбой отмѣнить универсалъ о присоединеніи русскихъ областей къ Польшѣ и назначить новый сеймъ для рѣшенія вопроса объ уніи. Просьба эта была отвергнута; рѣшено было прежній сеймъ продолжать и предложено литовцамъ, уѣхавшимъ изъ Люблина, вернуться сюда чрезъ шесть недѣль. Пришлось покориться этому, и прежніе литовскіе послы прибыли на сеймъ.

Долго изо всѣхъ силъ добивались они хоть какихъ нибудь уступокъ для Литвы,—все напрасно. Постановлено было сначала обсудить предложенія литовцевъ въ польскомъ и литовскомъ сенатахъ. Оба сената съѣзжались во дворецъ, помѣщались въ двухъ смежныхъ залахъ, и король поочередно засѣдалъ то тамъ, то здѣсь. Два дня сряду тянулись совѣщанія. Больной и усталый король, едва волоча ноги, переходилъ изъ одной комнаты въ другую, вымаливая уступки то у поляковъ, то у литовцевъ. Польскіе сеймовые послы съ нетерпѣньемъ ждали рѣшенія сенатовъ; всѣхъ уже томили безконечные переговоры. Наконецъ, литовцы порѣшили, ни въ чемъ не уступая полякамъ, во всемъ положиться на волю своего государя, предоставить ему самому по совѣсти рѣшить вопросъ объ уніи. Литовцы, видно, еще надѣялись, что король, литвинъ родомъ, ихъ наслѣдственный государь, не дастъ ихъ въ обиду. Рѣшеніе свое литовцы согласились высказать громогласно въ общемъ собраніи.

Торжественное и вмѣстѣ съ тѣмъ печальное зрѣлище представляло это собраніе 28 іюня 1569 года, когда старѣйшій изъ литовцевъ, староста Жмудьскій, отъ имени всѣхъ своихъ товарищей обратился къ королю съ рѣчью. Глубокой скорбью звучала она, когда говорившій указывалъ на вѣрную службу литовцевъ своимъ государямъ и отечеству и вмѣстѣ съ тѣмъ жаловался на неправды, насилія и обиды, какія причинялись Литвѣ, на порабощеніе ея Польшѣ (Варшавскій рецессъ). Закончена была рѣчь такими прочувствованными словами:

— «Не допустите, ваше величество, — посрамить насъ! Пусть это дѣло такъ завершится, чтобы на насъ не было ни одного пятна. Будьте же, ваше величество, стражемъ и умирителемъ нашего дѣла; пусть это будетъ величайшею вашей милостью... Пусть все совершится по любви... Очень больно было бы намъ, если бы внуки наши посмотрѣли на эти сегоднешнія дѣла вмѣсто радости съ большимъ горемъ и обвинили бы насъ въ томъ, что мы не видѣли своей

неволи... Мы доведены уже до того, что должны броситься къ ногамъ вашей королевской милости съ униженной нашей просьбой. (При этихъ словахъ всѣ литовцы съ плачемъ упали на колѣни). Благоволи такъ насъ устроить, чтобы это было для всѣхъ съ честью, а не съ униженіемъ, съ сохраненіемъ добраго имени нашего и твоей царской совѣсти. Благоволи ради самого Бога помнить то, въ чемъ ты намъ присягалъ».

Эта мольба литовцевъ, съ которою они вручали королю судьбу своего отечества, тронула даже и поляковъ, – многіе изъ нихъ прослезились...

— «Милостивые паны коронные, — обратился Жмудьскій староста къ польскимъ сенаторамъ, — просимъ ради самого Бога вашихъ милостей кончить это дѣло по доброй совѣсти съ честью и радостью и для васъ, и для насъ, вашихъ братьевъ!»

Король и польскіе сенаторы утѣшали литовцевъ, говорили, что ихъ грусть напрасная; что братскій союзъ Польши и Литвы угоденъ Богу. Надежды литовцевъ на милости государя не сбылись. Онъ, конечно, былъ вполнѣ убѣжденъ, что слитіе Польши и Литвы въ одно государство и одинъ народъ послужитъ ко благу ихъ. Послѣ еще нѣсколькихъ напрасныхъ попытокъ склонить короля къ милости, литовцы 1-го іюля скрѣпили свое согласіе на унію присягою.

По Люблинскому акту королевство Польское и великое княжество Литовское составляютъ одно «нераздѣльное тѣло», одну «Рѣчь Посполитую» (res publica); у этого одного государства всегда долженъ быть одинъ государь, избранный въ Польшѣ общими голосами поляковъ и литовцевъ; оставляется только титулъ Литовскаго княжества и литовскія должности; король оглашается литовскимъ княземъ при избраніи и коронаціи польскимъ королемъ; сеймы всегда должны быть общіе; должности литовскія могутъ быть раздаваемы только тѣмъ, которые присягнутъ на вѣрность польскому королю и польскому королевству; монета должна быть общая и пр.

Такимъ образомъ Литва и Западная Русь были прикованы къ Польшѣ. Теперь только литовская государственная печать, которую короли оставили литовцамъ, хотя имѣли право ее уничтожить, литовскіе государственные чины да литовскій статутъ (собраніе законовъ) напоминали литовцамъ о прежней ихъ самостоятельности.

Іезуиты въ Литвѣ и Западной Руси.

На Люблинскомъ сеймѣ поляки добились своего: Литва признала себя съ Польшей «однимъ нераздѣльнымъ тѣломъ»; теперь надо было позаботиться, чтобы оживляла его и одна нераздѣльная душа; только при этомъ оно могло быть крѣпкимъ и здоровымъ. Этому болѣе всего мѣшало различіе вѣроисповѣданій. Религіозная вражда тогда была во всемъ разгарѣ: всякій ревностный католикъ смотрѣлъ на протестанта, какъ на злого еретика, измѣнника старой истинной вѣрѣ, видѣлъ и въ православномъ отступника отъ нея. Различіе вѣроисповѣданій въ тѣ времена не только розняло людей, но порождало даже взаимную вражду и ненависть. Протестантство бурнымъ потокомъ влилось въ Литву, быстро разливалось по ней, грозило затопить здѣсь католичество. Къ счастью для него, протестанты не отличались единодушіемъ, дробились на множество сектъ (толковъ), враждебныхъ между собой... Это облегчало борьбу съ ними. Страшная смута умовъ въ Литвѣ, вражда и безпорядки становились опасными для государства. Польза «Рѣчи Посполитой», требовала единства церкви. Надо было немедля вступить въ борьбу съ протестантскими ученіями, которыя въ это время и въ Западной Европѣ наносили ударъ за ударомъ католичеству, и отъ которыхъ сильно колебался папскій престолъ. Среди польскаго духовенства, слишкомъ падкаго къ мірскимъ благамъ, мало было людей, способныхъ къ борьбѣ съ еретиками.

Но борцы нашлись. Это были іезуиты!

Римскую церковь можно назвать «воинствующею церковью». Папы не въ мѣру увлекались мірскою властью, увлекали и свою церковь за собою. Она не довольствовалась мирною проповѣдью и силою убѣжденія для распространенія христіанства, какъ Восточная, греческая церковь, а прибѣгала часто къ силѣ оружія. Нерѣдко вслѣдъ за ея проповѣдниками (миссіонерами), въ страну язычниковъ шли войны подъ знаменемъ креста и мечемъ побуждали непокорныхъ признать истину ученія Христова и, главное, власть папы.

Безпощадно огнемъ и мечемъ карались иногда и христіане, если они дерзали усомниться въ истинѣ римскаго вѣроученія и въ непогрѣшимости папъ. «Намѣстники Христа на землѣ», какъ величали себя папы, не гнушались ничѣмъ: пылали костры, на которыхъ во имя Христа сжигались еретики; во имя Христа совершалось избіеніе безоружныхъ протестантовъ; во имя Христа вооружалась одна часть Европы противъ другой. Уже издавна римская цер-

ковь выставила монаховъ-воиновъ (духовно-рыцарскіе ордена); они подъ смиренной рясой монаха носили мечъ, который всегда готовы были обагрить въ крови не только невѣрныхъ, но и христіанъ, осмѣлившихся неповиноваться папѣ. На войнѣ невсегда бываетъ удобно выбирать средства,—порою приходится пользоваться и хитростью, и обманомъ... Въ 16 вѣкѣ римская церковь, крайне ослабленная, особенно нуждалась въ такихъ способахъ, и вотъ въ эту пору и является іезуитство; оно было вполнѣ порожденіемъ этой церкви.

Въ 1540 году папа своею властью учредилъ орденъ іезуитовъ (община Іисуса). Къ обычнымъ монашескимъ обѣтамъ іезуиты, по мысли основателя ордена—Игнатія Лойоллы, должны были прибавить еще обѣтъ— безпрекословно повиноваться папамъ. Понятно, какъ было важно для папы учрежденіе такого духовнаго воинства, которое было вполнѣ въ его рукахъ.

Скоро іезуиты, пользуясь особеннымъ покровительствомъ папъ, очень усилились. Сначала они водворились въ Италіи, Испаніи и колоніяхъ ея, а затѣмъ и по другимъ странамъ. Ордену дано было правильное и строгое устройство, которое связывало членовъ его въ одно крѣпкое цѣлое. Во главѣ іезуитовъ стоялъ главный начальникъ — «генералъ» ордена, жившій въ Римѣ, — ему подчинялись «провинціалы», начальники іезуитовъ, находившихся въ разныхъ мѣстностяхъ. Главнѣйшими способами для борьбы съ врагами римской церкви іезуиты считали воспитаніе юношества и проповѣдь; всюду они старались устраивать коллегіи (небольшія общины), состоявшія изъ нѣсколькихъ іезуитовъ и заводили при нихъ безплатныя школы, а наиболѣе краснорѣчивые брались за проповѣдь.

Самую низшую степень въ средѣ іезуитовъ занимали «новиціи». Это были новички-ученики, заявившіе желаніе поступить въ орденъ. Принимались изъ нихъ только тѣ, которые послѣ долгаго искуса оказывались пригодными для ордена. Всѣмъ іезуитамъ давались порученія и обязанности по ихъ склонностямъ и дарованіямъ. Одни становились «схоластиками», изучали богословскія науки или дѣлались учителями въ школахъ; «коадъюторамъ» поручались болѣе важныя обязанности - проповѣдничество или преподованіе высшихъ наукъ; на эту же степень возводились иногда хотя необразованные, но весьма усердные и преданные задачамъ ордена іезуиты. Высшую степень въ орденѣ занимали «профессы». Они исправляли главныя должности,—имъ поручались важнѣйшія тайныя дѣла. Всѣ іезуиты обязаны были вполнѣ и безпрекословно повиноваться старшимъ; каждый долженъ былъ, не разсуждая, слѣпо подчиняться волѣ старшаго.

быть такимъ орудіемъ для него, «какъ посохъ въ его рукахъ». Для каждаго не должно быть на землѣ ничего дороже и выше выгодъ ордена, и потому іезуитъ обязывался зорко наблюдать за своими товарищами и доносить начальству объ ихъ проступкахъ и уклоненіи отъ обязанностей ордена. Римская церковь, какъ сказано уже, не гнушалась дурными средствами для достиженія своихъ цѣлей,— іезуиты пошли дальше. Неразборчивость въ средствахъ они признали для себя чуть ли не главнымъ правиломъ. «Цѣль оправдываетъ средства» — вотъ это страшное правило, которымъ они стали руководиться. Мало по малу дѣло дошло до того, что іезуиты стали считать позволительными не только ложь, обманъ и вѣроломство, но и болѣе тяжкія преступленія, если при этомъ имѣлось въ виду «благое дѣло», т. е. привлеченіе людей въ лоно католической церкви. Понятно, какую страшную силу давала ордену эта неразборчивость въ средствахъ и при томъ слѣпое повиновеніе младшихъ старшимъ; понятно, какъ гибельно должны были дѣйствовать на нравственность іезуитовъ и всѣхъ, кто попадалъ имъ въ руки, ихъ правила. Надо прибавить, что въ цвѣтущую пору ордена, главные дѣятели его были по большей части люди замѣчательные по уму и образованію. Были между ними, конечно, и лица, вполнѣ убѣжденныя, что они творятъ благое дѣло, не смотря на дурныя средства. Цѣлый рядъ блестящихъ проповѣдниковъ, замѣчательныхъ ученыхъ, ревностныхъ наставниковъ много содѣйствовалъ успѣху іезуитовъ. Они ловко вкрадывались въ довѣріе высокопоставленныхъ лицъ, становились ихъ духовниками, путемъ исповѣди вывѣдывали у нихъ или у женъ ихъ важныя государственныя тайны, ловко направляли своихъ духовныхъ чадъ въ ту сторону, въ какую хотѣли. Всюду они старались заводить свои коллегіи, занимать мѣста проповѣдниковъ, устраивать школы. Блестящими проповѣдями они покоряли себѣ сердца своихъ слушателей, но не нравственность христіанскую возбуждали въ нихъ, а слѣпое довѣріе къ римской церкви и вражду ко всѣмъ иновѣрцамъ. Привлекая въ свои школы молодежь, іезуиты давали ей, повидимому, блестящее образованіе, а на самомъ дѣлѣ мало заботились о томъ, чтобы дать своимъ питомцамъ истинное знаніе, развить ихъ умъ и способности; а, забравъ ихъ въ свои руки, старались всѣми силами сдѣлать изъ нихъ ревностныхъ католиковъ, вѣрныхъ слугъ папы, готовыхъ всѣмъ жертвовать для него. Своими безнравственными правилами іезуиты, конечно, должны были губительно дѣйствовать на молодежь, въ концѣ развращать ее. Они вели свои дѣла сначала чрезвычайно осторожно, скрывали свои на-

стоящія цѣли и правила, такъ что порою люди очень умные становились ихъ сторонниками, даже поклонниками. Только впослѣдствіи, когда іезуиты уже успѣвали много натворить зла и сильно укорениться въ странѣ, болѣе чуткіе и проницательные люди догадывались, какою нравственной язвой было іезуитство. Вкрадчивый, пронырливый, лживый іезуитъ-лицемѣръ, подъ покровомъ христіанскаго смиренія, благочестія и набожности умѣвшій ловко обдѣлывать свои дѣла, конечно, становился ненавистенъ всѣмъ честнымъ, истинно-нравственнымъ людямъ, и самое имя «іезуитъ» становилось въ ихъ устахъ браннымъ... Начались даже гоненія на іезуитовъ. Но это было впослѣдствіи, а въ XVI вѣкѣ орденъ іезуитовъ былъ въ своей цвѣтущей порѣ и выставлялъ цѣлые ряды замѣчательныхъ по уму, дарованіямъ и образованію бойцовъ, страшныхъ для протестантства.

Въ 1564 году іезуиты приглашены были въ Польшу, гдѣ безъ труда справились съ протестанствомъ, которое здѣсь не было особенно сильно. Въ 1569 году, вскорѣ послѣ Люблинскаго сейма, виленскій епископъ Валеріанъ Протасевичъ призвалъ іезуитовъ въ Вильну для борьбы съ разными протестантскими сектами. Сначала прибыло сюда всего пять іезуитовъ. Отрядъ вооруженныхъ слугъ епископа охранялъ ихъ при въѣздѣ въ литовскую столицу, — боялись нападенія «еретиковъ» на нихъ. Епископъ далъ имъ удобное помѣщеніе и средства,—съ тѣмъ, чтобы они устроили здѣсь свою коллегію и школу. Скоро число братьевъ-іезуитовъ въ коллегіи дошло до 26. Во главѣ ихъ былъ поставленъ Станиславъ Варшевицкій, очень способный и образованный человѣкъ.

Іезуиты принялись за работу. Епископъ разослалъ по всей своей паствѣ посланіе, гдѣ всячески восхвалялъ ихъ ученость и совѣтовалъ отдавать дѣтей въ ихъ школу. Сначала было въ ней мало учениковъ, но потомъ, когда въ Вильнѣ стали привыкать къ іезуитамъ, когда увидѣли блестящіе успѣхи учениковъ ихъ, особенно въ латинскомъ языкѣ и узнали, что они дѣтей бѣдныхъ родителей учатъ безплатно, школа стала быстро наполняться; сюда стали посылать своихъ дѣтей даже нѣкоторые православные. Пустили іезуиты и другое средство въ ходъ. Они стали устраивать диспуты, т. е. ученыя состязанія, съ протестантами. Производились пренія публично на площади предъ костеломъ; множество народу стекалось послушать... Протестантовъ, готовыхъ спорить съ учеными іезуитами, обыкновенно не находилось; но это ихъ не смущало: они изъ своей среды выбирали наиболѣе рѣчистыхъ и бойкихъ говоруновъ, которые обя-

заны были защищать ученіе Лютера, Кальвина и другихъ отступниковъ отъ римской церкви. Съ этими подставными противниками, которые, казалось, вполнѣ искренне истощали всю силу своего краснорѣчія и учености, чтобъ доказать правоту протестантскихъ ученій, состязались защитники латинской церкви и, понятно, въ концѣ концевъ своими доводами разбивали въ пухъ и прахъ противниковъ. Подобными диспутами, которые часто повторялись, іезуиты въ глазахъ толпы до крайности унижали иновѣрныя исповѣданія и проповѣдниковъ ихъ. Кромѣ того, іезуиты пустили въ дѣло для своихъ цѣлей богослуженіе, проповѣдь и исповѣдь. Костелъ, который былъ данъ въ ихъ распоряженіе, они обновили, чрезвычайно украсили превосходными иконами и распятіями, завели богатѣйшую церковную утварь, отличный органъ и небывалый хоръ пѣвчихъ. Богослуженіе стали они совершать съ такимъ благоговѣніемъ и великолѣпіемъ, какихъ никто въ Вильнѣ до тѣхъ поръ и не видывалъ. Все это неотразимо дѣйствовало на народъ. Толпы стремились въ іезуитскій костелъ; не только въ праздники, но и въ будни онъ былъ биткомъ набитъ богомольцами. Сходились сюда не только католики, но и разные иновѣрцы,—всѣхъ влекли сюда красота и великолѣпіе богослуженія. Въ костелѣ каждый день, по распоряженію Варшевицкаго, говорились проповѣди то на польскомъ, то на латинскомъ, то на нѣмецкомъ языкахъ. Самъ онъ обладалъ необычайнымъ краснорѣчіемъ; часто, когда раздавался его обличительный голосъ, народъ рыдалъ въ церкви, слушая его. Въ 1573 г. прибылъ въ Вильну еще одинъ талантливый и ученый іезуитъ—Петръ Скарга. Онъ своимъ краснорѣчіемъ превосходилъ самого Варшевицкаго. Блестящія проповѣди Скарги съ перваго же дня начали привлекать громадную толпу слушателей всѣхъ исповѣданій и имѣли огромный успѣхъ. Горячая проповѣдь, пышное богослуженіе, благолѣпіе церкви, торжественныя процессіи,—все это сильнѣе и сильнѣе привлекало народъ къ іезуитамъ. Умѣли они также и на исповѣди дѣйствовать сильно на воображеніе и чувство людей. Число жаждавшихъ исповѣдываться у отцевъ-іезуитовъ все росло и росло,—они изъ силъ выбивались и должны были приглашать себѣ на помощь другихъ монаховъ и ксендзовъ. Исповѣдывались у нихъ не только католики, но и иновѣрцы. Всякій, кто исповѣдывался у іезуитовъ и принималъ отъ нихъ причащеніе, вносился въ списки «правовѣрующихъ» и считался добрымъ католикомъ..

Одно обстоятельство особенно помогло успѣху іезуитовъ въ Вильнѣ. Въ 1571 году здѣсь свирѣпствовало страшное моровое по-

вѣтріе. Всѣ, кто могли, бѣжали изъ города. Уѣхалъ и епископъ, разъѣхались и всѣ почти ксендзы. Но Варшевицкій съ нѣсколькими товарищами остался. Они попрежнему совершали обычныя богослуженія, говорили проповѣди, посѣщали и утѣшали больныхъ, помогали бѣднымъ, ухаживали за умирающими, напутствовали ихъ своей молитвой, исповѣдывали и пріобщали. Нѣкоторые изъ братіи обходили окрестныя села и деревни и всюду, гдѣ нужно, приносили помощь и утѣшеніе. Нѣсколько іезуитовъ заразилось отъ больныхъ и умерло; но ревность остальныхъ не уменьшилась. Эти истинно-христіанскіе подвиги, полные самоотверженія и любви къ ближнимъ, возбуждали въ мѣстномъ населеніи горячую признательность и расположеніе къ отцамъ - іезуитамъ. Умѣли они блеснуть, гдѣ надо было, и своимъ христіанскимъ смиреніемъ. Разсказываютъ, напримѣръ, такой любопытный случай. Одинъ ярый кальвинистъ изъ придворныхъ виленскаго воеводы Николая Радзивила встрѣтилъ Скаргу на улицѣ, накинулся на него съ ругательствами, прижалъ его своимъ конемъ къ стѣнѣ и даже ударилъ по головѣ саблею. Іезуитъ вовсе и не оборонялся, а только смиренно поклонился и пошелъ своей дорогой. Нѣсколько лицъ, видѣвшихъ это происшествіе, тотчасъ же разнесли молву о немъ по всему городу. Епископъ хотѣлъ предать виновнаго суду; но Скарга упросилъ оставить это дѣло. На другой день воевода прислалъ къ нему его обидчика просить прощенія; Скарга принялъ оскорбителя привѣтливо, кротко побесѣдовалъ съ нимъ и совершенно простилъ его. Такое смиреніе, конечно, произвело на всѣхъ глубокое впечатлѣніе, и тогда же нѣсколько десятковъ иновѣрцевъ и между ними одинъ пасторъ обратились снова въ римскую вѣру. Одинъ Варшевицкій въ разное время своими убѣжденіями обратилъ къ ней болѣе ста человѣкъ.

Протестанты съ перваго же появленія іезуитовъ въ Вильнѣ почувствовали въ нихъ страшныхъ враговъ для себя, пробовали сплотиться въ одно цѣлое,—добились даже того, что на Варшавскомъ сеймѣ въ 1573 году была признана полная вѣротерпимость. Но, не смотря на то, іезуиты одерживали надъ разными протестантскими исповѣданіями побѣду за побѣдой. Польскій король Стефанъ Баторій, хотя держался вѣротерпимости, но явно покровительствовалъ іезуитамъ; при немъ они утвердились въ Полоцкѣ, а потомъ проникли и въ южную Русь. Іезуиты твердили, что ихъ единственная цѣль — распространеніе просвѣщенія. Они всюду заводили свои школы, учили здѣсь даромъ,—впрочемъ въ убыткѣ не оставались,—принимали отъ родителей своихъ учениковъ разныя приношенія: хлѣбъ,

рыбу, овощи, медъ, полотно и пр. Сначала въ своихъ школахъ іезуиты какъ будто только и заботились о просвѣщеніи вообще: дѣти протестантовъ и кончали ихъ школы протестантами. Но когда іезуиты вошли въ силу, то стали дѣйствовать смѣлѣе; они такъ ловко направляли своихъ питомцевъ, что тѣ какъ бы сами по доброй волѣ изъявляли желаніе по окончаніи курса принять католичество. Тогда благочестивые наставники смиренно заявляли, что просвѣщенный умъ ихъ питомцевъ, могущихъ отличить истину отъ заблужденія, направлялъ ихъ къ истинѣ. Въ сношеніяхъ съ православными іезуиты сначала держали себя еще осторожнѣе: они выказывали уваженіе къ обрядамъ греческой церкви,—говорили, что они установлены боговдохновенными мужами, святы и достойны почитанія; скорбѣли только «святые отцы» о томъ, что въ православной церкви много всякаго нестроенія; что духовенство грубо и невѣжественно, и смиренно полагали, что этихъ бѣдъ не было бы, если бы православная церковь подчинилась папѣ.

Чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ водворенія іезуитовъ въ Вильнѣ, протестантство здѣсь стало быстро падать. Такія лица какъ Варшевицкій и Скарга находили доступъ въ дома магнатовъ; здѣсь ихъ блестящее краснорѣчіе и ученость все больше и больше покоряли имъ поклонниковъ. Самыми важными побѣдами іезуитовъ было обращеніе въ латинство такихъ людей, какъ Радзивиллы, отецъ которыхъ былъ весьма ревностный протестантъ—кальвинистъ, Левъ Сапѣга, Иванъ Ходкевичъ и друг. Все это были могущественные и богатѣйшіе магнаты, во власти которыхъ находились цѣлыя области со многими городами и селами,—понятно, какую силу пріобрѣтали іезуиты въ своихъ новыхъ духовныхъ сынахъ. Стефанъ Баторій особенно содѣйствовалъ распространенію іезуитскихъ школъ, а виленское училище ихъ возвелъ даже на степень академіи.

Упрочившись вполнѣ въ Литвѣ и обезпечивши себѣ здѣсь торжество надъ протестантами, іезуиты принялись за православныхъ.

Въ 1577 году Скарга издалъ на польскомъ языкѣ сочиненіе «О единствѣ церкви Божіей...» Посвящено это сочиненіе было Константину Константиновичу Острожскому, знаменитѣйшему и сильнѣйшему изъ православныхъ русскихъ магнатовъ. Въ своемъ сочиненіи Скарга старался доказать, что единая истинная церковь Христова, внѣ которой нельзя спастись, есть церковь римская; затѣмъ во второй части разсматривалъ подробно рядъ мнимыхъ отступленій греческой церкви отъ римской, и наконецъ,—въ третьей части указывалъ мѣры къ соединенію русскихъ съ римской церковью.—

Указавъ на безпорядки въ церкви, Скарга считаетъ главными причинами ихъ: 1) Брачную жизнь русскаго бѣлаго духовенства, что будто бы побуждаетъ священниковъ заботиться только о семьѣ и мірскомъ благополучіи ея, а не думать о церкви; 2) славянскій языкъ въ богослуженіи, который греки будто бы нарочно оставили славянамъ при обращеніи ихъ въ христіанство, чтобы держать ихъ въ невѣжествѣ и въ рукахъ своихъ, потому что, только владѣя греческимъ или латинскимъ языкомъ, можно освоиться съ науками и богословіемъ, и 3) вмѣшательство мірянъ въ духовныя дѣла и униженіе духовенства. Церковная унія (соединеніе съ Римской церковью), по мнѣнію Скарги, уничтожитъ все зло; для этого православнымъ слѣдуетъ только принять ученіе римской церкви и подчиниться папѣ,—обряды же всѣ можно оставить постарому.

Уже издавна дѣлались попытки къ церковной уніи, и мысль о ней была не новая; но Скарга своимъ сочиненіемъ снова выдвинулъ ее на видъ. Другой іезуитъ Антоній Поссевинъ добивался, какъ извѣстно, у Грознаго согласія на унію, но ничего не добился; теперь Антоній принялся хлопотать о ней у короля и пановъ. Но Баторій, хотя и покровительствовалъ іезуитамъ, вовсе не былъ склоненъ къ насильственнымъ мѣрамъ, и при немъ предпринять что либо рѣшительное для поборниковъ уніи было трудно.

Янъ Замойскій, заправлявшій тогда всѣми дѣлами въ государствѣ, говорилъ диссидентамъ (такъ называли въ Польшѣ и Литвѣ всѣхъ некатоликовъ):

— «Я католикъ и отдалъ бы половину жизни за то, чтобы и вы были католиками; но отдамъ всю свою жизнь за ваши права и свободу, еслибъ васъ стали тѣснить и принуждать быть католиками»!

Состояніе западно-русской церкви въ концѣ XVI ст.

Въ то время, какъ іезуиты принялись хлопотать о церковной уніи, православная церковь въ Западной Руси была въ крайне печальномъ состояніи. На высшія духовныя мѣста король, не стѣснялся ничѣмъ, назначалъ людей, вовсе неспособныхъ и неподготовленныхъ къ духовной службѣ. Это были нерѣдко міряне знатнаго рода, которыхъ въ награду за вѣрную службу или какія либо услуги король назначалъ епископами, чтобы они могли пользоваться огромными доходами съ епископскихъ имѣній и монастырей. Иные изъ получавшихъ высшія церковныя должности подолгу не принимали даже духовнаго сана, и, оставаясь мірянами, распоряжались цер-

ковными дѣлами словно настоящіе епископы. Нерѣдко, вопреки церковнымъ правиламъ, назначались на высшія духовныя мѣста лица, которыя были два раза женаты. Бывали случаи, что епископы, не стѣсняясь своимъ саномъ, вели семейную жизнь. Жили они въ своихъ замкахъ, какъ истые магнаты, въ роскоши и полномъ довольствѣ, не отказываясь ни отъ какихъ мірскихъ радостей и наслажденій; держали вооруженныхъ слугъ, дѣлали порой буйные наѣзды на чужія земли, враждовали и вели войну между собой. На свои епархіи смотрѣли многіе изъ нихъ только какъ на свои помѣстья, съ которыхъ старались собрать какъ можно больше доходовъ... Могли ли подобные архипастыри быть вѣрными блюстителями и защитниками православія? Они своей распутной жизнью и пороками только вводили въ соблазнъ и мірянъ!... Плоха была надежда и на низшее духовенство: оно находилось въ крайнемъ униженіи. На бѣдные монастыри владыки порой смотрѣли, какъ на свои хутора, заводили даже тутъ свои псарни... Приходскіе священники, загнанные, беззащитные терпѣли всякія насилія и обиды и отъ владыкъ, и отъ мірянъ. Помѣщики могли сами назначать въ своихъ селахъ священниковъ и часто смотрѣли на нихъ, какъ на своихъ холоповъ, держали ихъ, какъ говорится, въ черномъ тѣлѣ, случалось даже, что гоняли на свои работы и сѣкли ихъ розгами на ряду съ мужиками. Все это, конечно, страшно принизило самое званіе священника, дошло до того, что честные и благомыслящіе люди даже стыдились вступать въ это званіе; и пришлось назначать священниками, кого попало, порою людей, не только невѣжественныхъ и грубыхъ, но даже и нетрезвыхъ и порочныхъ... Это еще болѣе роняло и русское духовенство, и православную церковь въ глазахъ всѣхъ истинно-благочестивыхъ людей. Могъ ли въ глазахъ даже православнаго пана русскій священникъ, не отличающійся съ виду отъ мужика, съ грубыми ухватками, простонародной рѣчью, въ толстой одеждѣ, смазанныхъ дегтемъ чеботахъ, стать на ряду съ ловкимъ, изящнымъ ксендзомъ или іезуитомъ, высокообразованнымъ краснобаемъ, пріятнымъ и остроумнымъ собесѣдникомъ? Многіе православные паны начинали уже стыдиться своего православія, которое окатоличенные русскіе помѣщики со словъ іезуитовъ стали называть «хлопской (мужичьей) вѣрой». Могли ли невѣжественные, полуграмотные священники поддержать православіе во всей его чистотѣ и въ простомъ народѣ? Въ народной жизни суевѣрія, древнія языческія понятія и вѣрованія безпрепятственно сплелались съ христіанскимъ ученіемъ и все болѣе и болѣе глушили его... Като-

лическое правительство относилось къ русской церкви съ пренебреженіемъ. Іезуиты злорадно указывали на ея захудалость. Многіе русскіе паны легко убѣждались ихъ доводами, что «захудалую» церковь только и можетъ спасти подчиненіе могущественному римскому папѣ; что только онъ можетъ очистить и поднять ее на должную высоту; что это дѣло не подъ силу византійскому патріарху, жалкому рабу турецкаго султана.

Въ воздухѣ уже носилась мысль о церковной уніи...

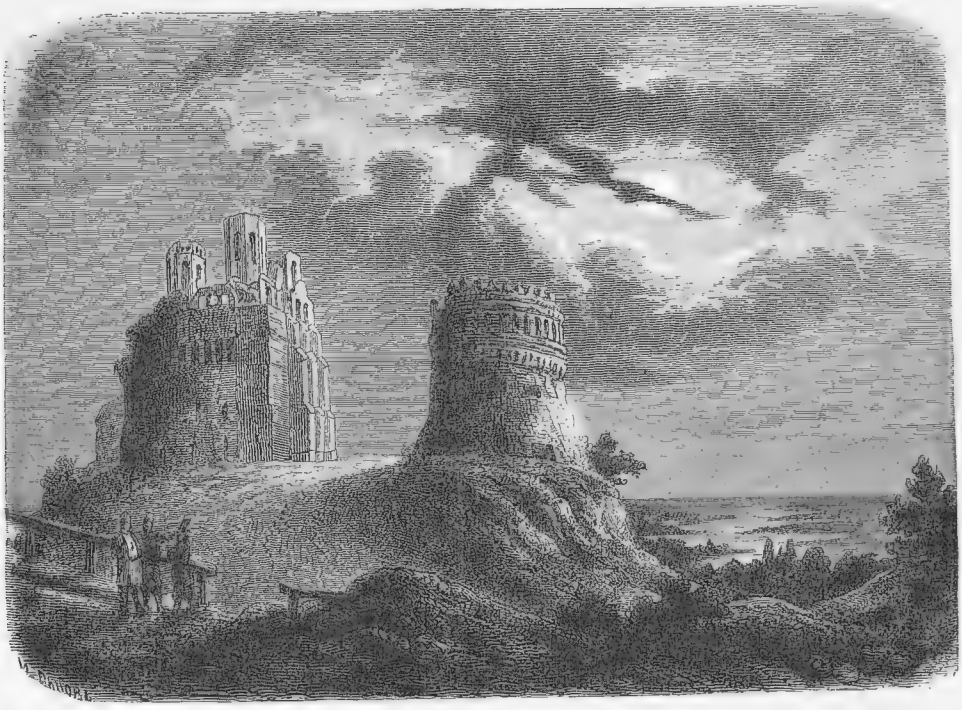
Іезуиты всѣми силами трудились надъ своей задачей: заводили въ разныхъ мѣстахъ свои коллегіи и школы, проповѣдывали не только въ церквахъ, но и на площадяхъ, на рынкахъ, всюду, гдѣ было сборище народа, искали вездѣ случая состязаться съ православнымъ духовенствомъ, показать свое преимущество надъ нимъ, издавали сочиненія и распространяли среди православныхъ, чтобы привлечь ихъ къ латинству. Въ Западной Руси въ тѣ времена отцу семейства трудно было не только дать образованіе своимъ дѣтямъ, но даже и найти православнаго учителя, могущаго обучить грамотѣ да начаткамъ Закона Божія,—поневолѣ имъ приходилось или оставлять дѣтей въ полномъ невѣжествѣ, или отдавать ихъ въ католическія школы, т. е. въ руки іезуитамъ...

Въ 1586 году вступилъ на польскій престолъ Сигизмундъ III, воспитанникъ іезуитовъ, готовый на все для католичества, убѣжденный, что привлечь всякими способами «еретиковъ» и «схизматиковъ» въ лоно католической церкви значитъ совершить святое и душеспасительное дѣло... Теперь іезуиты могли развернуть всѣ свои силы.

Казалось, побѣда надъ православіемъ въ Западной Руси легка. На дѣлѣ вышло не то. Духовенство высшее и низшее здѣсь было неспособно къ борьбѣ; за то міряне выставили сильныхъ борцевъ за православіе. Нашлись они и среди могущественныхъ магнатовъ, и въ городскомъ населеніи.

Какъ ни сильно было къ концу 16-го столѣтія ополячено и окатоличено высшее сословіе въ Западной Руси, но все же явилось еще и въ его средѣ нѣсколько ревнителей древняго благочестія, «столповъ православія», какъ называли ихъ. Самымъ выдающимся и могущественнымъ изъ нихъ былъ князь Константинъ Константиновичъ Острожскій, сынъ знаменитаго гетмана литовскаго, извѣстнаго своей побѣдой подъ Оршей. К. К. Острожскій былъ кіевскимъ воеводой и владѣлъ громаднымъ богатствомъ. Родовыя земли его заключали до восьмидесяти городовъ и нѣсколько тысячъ селъ;

сверхъ того у него въ рукахъ были огромныя владѣнія, пожалованныя ему въ Южной Руси. Это былъ настоящій владѣтельный князь, превосходившій своимъ богатствомъ польскаго короля. Милліонные доходы Острожскаго давали ему такую силу, что и король даже побаивался его,—онъ могъ по своей волѣ давать ходъ и направленіе всѣмъ дѣламъ въ Южной Руси. На Люблинскомъ сеймѣ онъ согласился на присоединеніе Волыни и Кіевскаго воеводства къ польскому королевству и этимъ сильно помогъ уніи. Хотя онъ былъ чисто русскимъ, но уже начиналъ подчиняться польской обра-



Замокъ кн. Острожскаго.

зованности, говорилъ и писалъ по-польски, склонялся одно время даже къ іезуитамъ. Князь Курбскій, московскій изгнанникъ, сильно заботившійся о защитѣ православія, старался всѣми силами предостеречь его:

— «О государь мой превозлюбленный, — писалъ онъ Острожскому, — съ кѣмъ ты дружишься, съ кѣмъ сообщаешься, кого на помощь призываешь! Прими отъ меня, слуги своего вѣрнаго, совѣтъ съ кротостью: перестань дружиться съ этими супостатами прелукавыми и злыми...

Острожскій, впрочемъ, и не думалъ никогда отступать отъ православія; но онъ вполнѣ понималъ отчаянное положеніе русской церкви.

— «Правила и уставы нашей церкви,—говорилъ онъ,—у иноземцевъ въ презрѣніи; наши единовѣрцы не только не могутъ постоять за Божью церковь, но даже смѣются надъ нею. Нѣтъ учителей, нѣтъ проповѣдниковъ слова Божьяго, повсюду частое отступничество. Приходится сказать съ пророкомъ: «кто дастъ воду главѣ моей и источникъ слезъ очамъ моимъ?»

Острожскій глубоко скорбѣлъ, глядя на бѣдствія и нестроенія русской церкви, и, видимо, искалъ выхода для нея. Онъ прислушивался къ мнѣніямъ образованныхъ іезуитовъ, сочувственно относился къ кальвинистамъ, потому что находилъ у тѣхъ и другихъ то, чего не доставало православнымъ: онъ съ уваженіемъ указываетъ на школы, типографіи, на высокую нравственность и образованность пасторовъ, и горько жалуется, что всего этого нѣтъ у православныхъ. Дѣятельность его направляется именно къ тому, чтобы восполнить всѣ эти недостатки. Онъ заводитъ у себя въ Острогѣ типографію. Здѣсь была напечатана въ первый разъ Библія на славянскомъ языкѣ. Много труда и расходовъ стоило Острожскому разыскать для этого изданія списки греческіе и славянскіе по разнымъ монастырямъ. Появленіе въ первый разъ полной славянской Библіи было настоящимъ событіемъ въ русской церковной литературѣ. Затѣмъ изъ Острожской типографіи вышелъ цѣлый рядъ богослужебныхъ книгъ и разныхъ сочиненій въ защиту православія. Изъ послѣднихъ особенно важна книга «О единой истинной и православной вѣрѣ и святой апостольской церкви», написанная острожскимъ священникомъ Василіемъ, напечатанная въ 1588 г. Это сочиненіе служило отвѣтомъ на извѣстную книгу Скарги и указывало православнымъ, какъ слѣдуетъ отвѣчать на упреки и внушенія католиковъ. Въ 1580 году Острожскій основалъ въ Острогѣ главную школу, послужившую образцомъ высшихъ учебныхъ заведеній на Руси. Ученый грекъ Кириллъ Лукарисъ былъ призванъ руководить этимъ училищемъ. Сверхъ того князь Острожскій завелъ еще нѣсколько училищъ въ своихъ владѣніяхъ. Такимъ образомъ могущественный ревнитель православія старался приготовить православную церковь къ борьбѣ, вооружить ее тѣмъ духовнымъ оружіемъ, котораго ей не доставало,—именно просвѣщеніемъ. Оно одно только и могло спасти православіе.

Кромѣ князя Острожскаго, видпымъ защитникомъ русской церкви

былъ упомянутый уже князь Курбскій, ученикъ Максима Грека. Курбскій посвятилъ на защиту православія всѣ свои силы и средства. Онъ велъ переписку съ западно-русскими панами, предостерегалъ ихъ отъ увлеченій протестантствомъ и католичествомъ, писалъ посланія горожанамъ, совѣтовалъ имъ не спорить о вопросахъ вѣры съ католиками и еретиками, которые искусны въ спорахъ и доказательствахъ, а учиться больше изъ св. книгъ. Онъ самъ уже старикомъ выучился латинск. языку, переводилъ поученія Златоуста и проч.

Замѣчателенъ также какъ ревнитель православія Скуминъ-Тышкевичъ, богатый и очень вліятельный человѣкъ. Онъ тоже употреблялъ всѣ усилія, чтобы отстоять православіе.

Гербъ кн. К. К. Острожскаго (на его изданіяхъ).

Но для православной церкви еще важнѣе, чѣмъ отдѣльные, сильные покровители, или патроны, какъ ихъ звали, оказались братства; такъ назывались общины, которыя уже издавна учреждались при церквахъ съ цѣлью заботиться о благосостояніи ихъ, объ устройствѣ церковныхъ празднествъ и пр. Съ конца XVI столѣтія, чѣмъ болѣе грозитъ опасность православію, тѣмъ сильнѣе становятся и братства. Они заводятся во всѣхъ важнѣйшихъ городахъ, берутъ на свою обязанность покровительство (патронатъ) надъ церквами и монастырями, устраиваютъ на свои средства больницы, богадѣльни, школы. Иныя братства достигали очень большой силы. Особенно замѣчательно изъ нихъ—Львовское (въ городѣ Львовѣ, въ Галиціи). Патріархъ

антіохійскій Іоакимъ во время проѣзда своего чрезъ Россію (1586 г.) далъ львовскому братству большія права: право искоренять всякое безчиніе въ церкви, наблюдать надъ священниками, обличать самихъ епископовъ, если они будутъ уклоняться отъ православія или отъ христіанской нравственности, даже право отлучать недостойныхъ отъ церкви. . Львовское братство завело у себя больницу, типографію и школу и своимъ вмѣшательствомъ въ церковныя дѣла очень стѣснило даже львовскаго епископа. По образцу львовскаго заведено было троицкое братство въ Вильнѣ и друг. Эти братства заботились о просвѣщеніи народа,—о томъ, чтобы приготовить достойныхъ учителей православной вѣры и благочестія. Устраивались училища, о какихъ прежде русскіе и не слыхали, — обучали уже не только славянской грамотѣ, но и языкамъ: греческому, латинскому и польскому, а также грамматикѣ, краснорѣчію и проч.

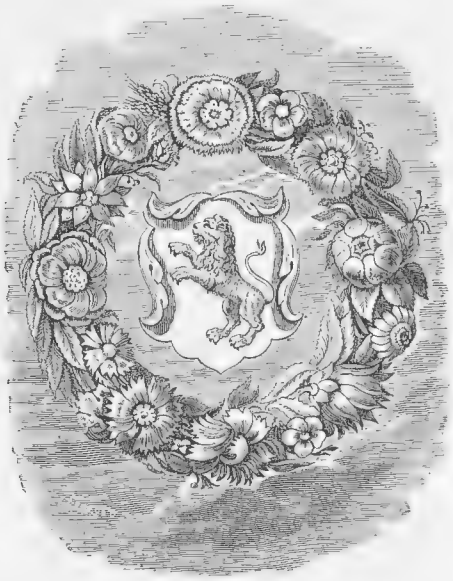
Но въ то же время не менѣе ревностно трудились іезуиты надъ своей задачей,— проповѣдовали не только въ церквахъ, но и на площадяхъ, на улицахъ, на всякихъ общественныхъ сборищахъ, искали всякихъ способовъ показать превосходство латинской вѣры, вызывали православныхъ на состязанія, распространяли среди нихъ свои сочиненія, чтобы привлечь ихъ къ латинству. Особенно усердно работалъ извѣстный іезуитъ Антоній Поссевинъ,—онъ издалъ на русскомъ языкѣ множество католическихъ катихизисовъ... Въ иныхъ мѣстахъ стали даже творить всякія насилія православнымъ, пользуясь тѣмъ, что высшіе пастыри православной церкви вовсе не заботились о ней; понятно, какъ трудно было при этомъ мірянамъ, ревнителямъ православія, охранять его.

Вотъ небольшое посланіе галицко-русскихъ дворянъ къ кіевскому митрополиту Онисифору (14 февр. 1585 г.), которое ярко рисуетъ печальное положеніе православной церкви.

Сообщивъ о грубыхъ насиліяхъ, какія творили латиняне православнымъ во Львовѣ, желая имъ навязать новый календарь (Григоріанскій), дворяне пишутъ:

«Что сказать о порубаніи св. крестовъ, объ отобраніи колоколовъ и отдачѣ ихъ жидамъ? И ты еще самъ даешь открытые листы на помощь жидамъ противъ церкви Божіей, къ потѣхѣ ихъ, къ большему поруганію нашего св. закона... Какія при томъ совершаются опустошенія церквей! Изъ нихъ дѣлаются іезуитскіе костелы; имѣнія, что были даны церкви Божіей, отдаются костеламъ. Въ честныхъ монастыряхъ вмѣсто благочестивыхъ игуменовъ и братіи, живутъ игумены съ женами и дѣтьми, владѣютъ и правятъ церква-

ми Божіими, изъ большихъ крестовъ дѣлаютъ малые, совершаютъ святокрадство и дѣлаютъ себѣ пояса, ложки, сосуды... Но что еще прискорбнѣе, — ваша милость самъ одинъ поставляешь епископовъ безъ свидѣтелей и безъ насъ, братіи своей, чего и правила вамъ не дозволяютъ, и возводятся въ великій епископскій санъ люди негодные, которые къ поруганію св. закона занимаютъ епископскія мѣста, живутъ безъ всякаго стыда... Мы, по своему долгу, предостерегаемъ вашу милость и молимъ, и просимъ: Бога ради осмотрись, вспомни святыхъ твоихъ предмѣстниковъ, митрополитовъ кіев-



Гербъ князя Курбскаго.

скихъ и возревнуй ихъ благочестію. Не прогнѣвайся на насъ: намъ жаль души твоей; ты за все долженъ дать отвѣтъ Господу Богу».

Изъ этого посланія видно, что многіе недостойные пастыри православной церкви своими пороками и нерадѣніемъ вредили ей не меньше прямыхъ враговъ.

Когда въ 1589 году константинопольскій патріархъ Іеремія на возвратномъ пути изъ Москвы посѣтилъ Западную Россію, къ нему со всѣхъ сторонъ отъ мірянъ были поданы жалобы на церковные безпорядки, на злоупотребленія и пороки епископовъ. Патріархъ удалилъ недостойнаго митрополита Онисифора, и по желанію мірянъ посвятилъ на его мѣсто Михаила Рагозу. Это былъ человѣкъ, казалось, вполнѣ нравственный, но слабый, неспособный къ рѣши-

тельнымъ дѣйствіямъ, къ борьбѣ. Не такого митрополита нужно было въ то бурное время... Патріархъ, какъ видно, понималъ это и назначилъ умнаго, ловкаго и дѣятельнаго епископа луцкаго Кирилла Терлецкаго своимъ намѣстникомъ (экзархомъ) въ Западной Россіи съ правомъ наблюдать за епископами, низвергать недостойныхъ. Львовскому братству патріархъ придалъ еще больше силы; онъ далъ ему новыя права: печатать всякія книги и церковныя, и школьныя, завѣдовать училищами, избирать и удалять отъ должности своихъ священниковъ. Патріархъ убѣждалъ православныхъ устраивать братства, самъ благословилъ новое братство виленское, которое открыло школу и получило право печатать всякія книги.

Мало добраго вышло изъ распоряженій патріарха. Одно то, что онъ принималъ отъ мірянъ жалобы на епископовъ и придалъ въ ущербъ имъ силу братствамъ, возбудило большое неудовольствіе въ средѣ высшаго русскаго духовенства. Довольныхъ почти не было. Вновь поставленный митрополитъ Михаилъ былъ обиженъ тѣмъ, что патріархъ лишилъ его всякой силы, назначивъ своимъ намѣстникомъ Кирилла Терлецкаго, а этотъ, мѣтившій въ митрополиты, недоволенъ былъ тѣмъ, что высшій церковный санъ достался не ему. Львовскій епископъ Гедеонъ Балабанъ негодовалъ на усиленіе львовскаго братства, съ которымъ онъ давно уже враждовалъ. Выборъ главныхъ лицъ былъ тоже неудаченъ. О слабомъ Михаилѣ говорить нечего,—онъ былъ митрополитомъ только по имени. А Кириллъ Терлецкій, хотя и умный, и ловкій, вовсе негодился въ блюстители гонимой православной церкви. Это былъ скорѣе хорошій управитель церковныхъ имѣній, чѣмъ архипастырь: по образу жизни, по привычкѣ къ самоуправству онъ походилъ больше на богатаго пана, чѣмъ на духовное лицо. Едва патріархъ назначилъ Кирилла экзархомъ, какъ получилъ множество жалобъ, обвинявшихъ его въ наѣздахъ, буйствѣ, безнравственности, даже въ дѣланіи фальшивой монеты. Патріархъ не зналъ, какъ ему и быть. Онъ поручилъ митрополиту созвать соборъ, чтобы устранить церковные безпорядки и низложить недостойныхъ духовныхъ лицъ. Но многимъ этотъ соборъ былъ вовсе не по душѣ, и они всячески замедляли съѣздъ. Патріархъ такъ и уѣхалъ, не дождавшись собора.

Послѣ его отъѣзда среди высшаго русскаго духовенства пошли толки о томъ, что зависимость отъ византійскихъ патріарховъ тяжела, что они и не думаютъ о благоустройствѣ русской церкви, а видятъ въ русскихъ лишь овецъ, которыхъ стричь-то стригутъ, но не пасутъ...

Церковная унія.

Пріѣздъ патріарха вскрылъ страшныя язвы, которыми страдала Западно-русская церковь, обнаружилъ ихъ во всей ихъ неприглядности. Мѣры, принятыя патріархомъ, оказались безсильными помочь бѣдѣ. Все это послужило только на пользу враговъ православія. Многіе ревнители православія стали уже отчаяваться, терять вѣру въ способность патріарха избавить русскую церковь отъ безпорядковъ. Даже и князь Острожскій потерялъ надежду на него и сталъ склоняться къ уніи съ Римомъ. Іезуиты спѣшили ковать желѣзо, пока оно было горячо, издали вторично книгу Скарги о единеніи церквей и стали горячо проповѣдывать, что русская церковь только и можетъ ждать спасенія отъ папы...

Унія была особенно выгодна православнымъ епископамъ: подчиненіе Риму поднимало ихъ значеніе въ государствѣ, уравнивало ихъ съ польскими бискупами, которые принимали участіе въ государственныхъ дѣлахъ, избавляло ихъ, наконецъ, отъ непріятнаго вмѣшательства въ ихъ дѣла мірянъ, пановъ и братствъ. Въ эту пору католическія власти стали нарочно тѣснить православныхъ болѣе прежняго. Самый смѣлый и дѣятельный изъ епископовъ—Кириллъ луцкій, который въ то время страдалъ отъ борьбы съ луцкимъ старостою и при томъ разсорился съ княземъ Острожскимъ, сдѣлалъ рѣшительный шагъ къ уніи. Въ 1590 году по его мысли была подана королю просьба, подписанная имъ и еще тремя епископами: Гедеономъ львовскимъ, Діонисіемъ хельмскимъ и Леонтіемъ пинскимъ. Они соглашались подчиниться папѣ, просили только, чтобы русской церкви оставлены были ея обряды и языкъ, а имъ, епископамъ, обезпечены были права. Король съ большой радостью принялъ эту просьбу, обѣщалъ епископамъ уравнять ихъ съ католическими бискупами и защитить отъ восточныхъ патріарховъ. До поры, до времени однако все дѣло хранилось въ глубокой тайнѣ: главнымъ зачинщикамъ уніи, видно, хотѣлось сперва навербовать сторонниковъ уніи и тогда уже привести свой замыселъ въ дѣйствіе. Скоро нашелся важный союзникъ Кириллу. Это былъ владимірскій епископъ Ипатій Поцѣй, только что получившій этотъ санъ (въ 1593 г.), человѣкъ знатнаго рода, родственникъ и пріятель кн. Острожскаго. Поцѣй получилъ воспитаніе въ іезуитской академіи въ Краковѣ, сначала былъ католикомъ, потомъ кальвинистомъ, наконецъ принялъ православіе. Возведенный въ санъ епископа Поцѣй сталъ вести безукоризненную, строгую жизнь, — что было рѣдкимъ

явленіемъ въ то время. Православные глубоко уважали его, видѣли въ немъ настоящаго подвижника. Такой союзникъ зачинщикамъ уніи былъ особенно дорогъ; Поцѣй пробовалъ склонить окончательно кн. Острожскаго къ уніи, велъ съ нимъ переписку объ этомъ, но тотъ хотѣлъ соединенія всей восточной церкви съ западной, а не одной западно-русской; Поцѣй считалъ такую унію дѣломъ неисполнимымъ и сошелся въ мысляхъ съ Терлецкимъ, чтобы прежде всего западно-русскую церковь подчинить папѣ. Они открыли свой замыселъ митрополиту Михаилу Рагозѣ. Этотъ слабый старикъ колебался, не зная, что и дѣлать: понималъ, какъ выгодно было принять унію и этимъ снискать милость короля, но боялся вооружить противъ себя православныхъ, особенно могущественныхъ пановъ. Митрополитъ сталъ хитрить, — сторонникамъ уніи выказывалъ готовность поддерживать ихъ, а православнымъ вельможамъ и братствамъ писалъ, что онъ не одобряетъ уніи. Малодушіе митрополита и двусмысленность его поступковъ принесли печальные плоды. Терлецкій и Поцѣй стали дѣйствовать, не обращая большаго вниманія на митрополита, а православные потеряли къ нему всякое уваженіе и слухъ о его измѣнѣ православію вооружалъ ихъ противъ него.

Когда князь Острожскій узналъ, что замышляется унія вовсе не такая, о какой мечталъ онъ, т. е. не добровольное соединеніе всей восточной церкви съ западной на основаніи обоюднаго согласія; когда онъ узналъ, что унія заключается безъ согласія восточныхъ патріарховъ и всего московскаго духовенства и князя, безъ вѣдома даже ихъ низшаго духовенства и паствы, — онъ написалъ Поцѣю суровое письмо, а затѣмъ издалъ свое знаменитое воззваніе ко всѣмъ православнымъ обитателямъ Литвы и Польши. (24 іюня).

«Съ молодости моей,—писалъ онъ,—я воспитанъ моими благочестивыми родителями въ истинной вѣрѣ, въ которой съ Божіею помощію и доселѣ пребываю, и надѣюсь непоколебимо пребывать до конца жизни. Я наученъ и убѣжденъ благодатію Божіею, что, кромѣ единой истинной вѣры, насажденной въ Іерусалимѣ, нѣтъ другой вѣры истинной. Но въ нынѣшнія времена злохитрыми кознями вселукаваго діавола сами главные начальники нашей истинной вѣры, прельстившись славою свѣта сего и помрачившись тьмою сластолюбія, наши мнимые пастыри, митрополитъ съ епископами, претворились въ волковъ и, отвергшись единой истинной вѣры св. восточной церкви, отступили отъ нашихъ вселенскихъ пастырей и учителей, и приложились къ западнымъ, прикрывая только въ себѣ внутренняго волка кожею своего лицемѣрія, какъ овчиною. Они

тайно согласились между собою, окаянные, какъ христопродавецъ Іуда съ жидами, отторгнуть благочестивыхъ христіанъ здѣшней области безъ ихъ вѣдома и втянуть съ собою въ погибель, какъ и самыя сокровенныя писанія ихъ объявляютъ. Но человѣколюбецъ Богъ не попуститъ въ конецъ лукавому умыслу ихъ совершиться, если только ваша милость постараетесь пребыть въ христіанской любви и повинности. Дѣло идетъ не о тлѣнноиъ имѣніи и погибающемъ богатствѣ, но о вѣчной жизни, о безсмертной душѣ, которой дороже ничего быть не можетъ. Весьма многіе изъ обитателей нашей страны, особенно православные, считаютъ меня за начальника православія въ здѣшнемъ краѣ, хотя самъ я признаю себя не большимъ, но равнымъ каждому, стоящему въ правовѣріи. Потому, опасаясь, какъ бы не остаться виновнымъ предъ Богомъ и предъ вами, и узнавъ достовѣрно о такихъ отступникахъ и явныхъ предателяхъ церкви Христовой, извѣщаю о нихъ всѣхъ васъ, какъ возлюбленную мою о Христѣ братію, и хочу вмѣстѣ съ вами стоять заодно противъ враговъ нашего спасенія, чтобы, съ Божіею помощію и вашимъ ревностнымъ стараніемъ, они сами впали въ тѣ сѣти, которыя скрытно на насъ готовили... Что можетъ быть безстыднѣе и беззаконнѣе? Шесть или семь злонравныхъ человѣкъ злодѣйски согласились между собой, и, отвергшись пастырей своихъ, святѣйшихъ патріарховъ, отъ которыхъ поставлены, осмѣливаются властно, по своей волѣ, отторгнуть всѣхъ насъ, правовѣрныхъ, будто безсловесныхъ, отъ истины и низвергнуть съ собою въ пагубу. Какая намъ можетъ быть отъ нихъ польза? Вмѣсто того, чтобы быть свѣтомъ міру, они сдѣлались тьмою и соблазномъ для всѣхъ... Если татарамъ, жидамъ, армянамъ и другимъ въ нашемъ государствѣ сохраняются безъ всякаго нарушенія ихъ законы: не тѣмъ ли болѣе намъ, истиннымъ христіанамъ, будетъ сохраняться нашъ законъ, если только всѣ мы соединимся вмѣстѣ и заодно усердно стоять будемъ? А я, какъ доселѣ, во все время моей жизни, служилъ трудомъ и имѣніемъ моимъ непорочному закону св. восточной церкви, въ размноженіи св. писаній и книгъ и въ прочихъ благочестивыхъ вещахъ, такъ и до конца при помощи Божіей обѣщаюсь служить всѣми моими силами на пользу моихъ братій, правовѣрныхъ христіанъ, и хочу вмѣстѣ со всѣми вами, правовѣрными, стоять въ благочестіи, пока достанетъ силъ»...

Это посланіе, быстро распространилось и вызвало сильное возбужденіе среди православныхъ. Смутные слухи объ измѣнѣ нѣсколькихъ епископовъ теперь для всѣхъ подтвердились. Западная Русь

взволновалась. Испуганный общимъ негодованіемъ православныхъ львовскій епископъ Гедеонъ Балобанъ отступился отъ уніи. Возсталъ противъ нея перемышльскій епископъ Михаилъ Копыстенскій. Учитель львовскаго братства, переселившійся въ Вильну, въ своихъ проповѣдяхъ громилъ отступниковъ отъ православія и издалъ «Книжицу на Римскій костелъ».

Поцѣй при свиданіи съ кн. Острожскимъ разсказалъ ему подробно все дѣло, какъ и съ какого времени оно началось, и кто былъ первымъ его виновникомъ; затѣмъ, упавши на колѣни предъ княземъ, умолялъ его со слезами взять на себя святое дѣло уніи и, пользуясь своимъ могуществомъ, уладить все въ томъ видѣ, какъ онъ самъ хотѣлъ. Острожскій выслушалъ благосклонно Поцѣя и потребовалъ, чтобы владыки испросили у короля разрѣшеніе собрать соборъ, а самъ обѣщалъ употребить всѣ свои силы, чтобы постановленіе объ уніи совершилось съ общаго согласія всего христіанства.

Король на просьбу епископовъ собрать соборъ сначала было согласился, но потомъ, когда узналъ, что русскіе враждебно смотрятъ на унію, отказалъ. Въ грамотѣ къ Острожскому король между прочимъ писалъ:

«Что касается до съѣзда или собора, о которомъ просили сами ваши епископы, то онъ намъ неугоденъ. Судить о дѣлахъ спасенія принадлежитъ власти пастырей; за ними и мы обязаны идти, какъ за нашими пастырями, не испытывая, чему учатъ тѣ, которыхъ Духъ Святый далъ намъ въ вожди до конца жизни. При томъ же такіе съѣзды обыкновенно болѣе затрудняютъ дѣло, нежели приносятъ какую либо пользу».

Король желалъ скорѣе кончить дѣло уніи; Терлецкій и Поцѣй должны были немедля отправиться въ Римъ, чтобы изъявить покорность папѣ. Очевидно, и король, и эти епископы разсчитывали на то, что многіе изъ колебавшихся православныхъ пристанутъ къ уніи, лишь только будетъ положено начало дѣлу.

Поцѣй и Терлецкій послѣ семинедѣльнаго труднаго путешествія прибыли въ Римъ. Папа приглашалъ ихъ къ себѣ два раза частнымъ образомъ и принялъ ихъ, какъ они сами разсказывали, «съ несказанной милостію и ласковостію». Они представили ему грамоты и «униженно просили, по словамъ самого папы, принять ихъ въ лоно католической римской церкви, съ сохраненіемъ ихъ обрядовъ согласно съ уніею, постановленною на флорентійскомъ соборѣ».

Болѣе мѣсяца пришлось Терлецкому и Поцѣю ждать торжественнаго пріема. Онъ состоялся 23 декабря.

Папа въ своемъ блестящемъ облаченіи возсѣдалъ на богатомъ тронѣ, подъ балдахиномъ, въ большой залѣ своего дворца. Тридцать три кардинала окружали его. Многіе архіепископы, епископы прелаты и иноземные послы присутствовали здѣсь стоя. Въ это торжественное собраніе были введены русскіе послы, т. е. Терлецкій и Поцѣй, въ сопровожденіи всѣхъ пріѣхавшихъ съ ними спутниковъ

Подошедши къ мѣсту засѣданія папы и его кардиналовъ, оба русскіе епископа три раза преклонили колѣна. Затѣмъ приблизились къ папѣ, поцѣловали его ноги, и, стоя на колѣняхъ, кратко объяснили цѣль своего посольства (говорилъ Поцѣй, знавшій по латыни) и подали папѣ грамоты. Потомъ по указанію придворныхъ распорядителей отошли къ своимъ спутникамъ, стоявшимъ на колѣняхъ. Папа приказалъ прочесть вслухъ представленныя ему грамоты. Онѣ были прочтены сначала по-русски, а затѣмъ въ латинскомъ переводѣ. Во время чтенія Поцѣй и Терлецкій въ знакъ покорности наклоняли головы и становились на колѣна.

По окончаніи чтенія секретарь папы съ его благословенія, стоя по лѣвой сторонѣ его сѣдалища, сказалъ посламъ рѣчь:

— «Наконецъ, послѣ ста пятидесяти лѣтъ, возвращаетесь вы, русскіе епископы, къ камню вѣры, на которомъ основалъ Христосъ церковь свою, къ матери и учительницѣ всѣхъ церквей — церкви римской. Никакое слово, самое краснорѣчивое и сильное, не въ состояніи выразить всей радости нашего святѣйшаго отца. Духъ его восторгается къ Богу и признаетъ Его премудрость, и пр.

Послѣ того Терлецкій и Поцѣй должны были предъ евангеліемъ, положеннымъ на аналоѣ, произнести громогласно исповѣданіе католической вѣры. Они признавали этимъ вполнѣ римское ученіе—объ исхожденіи св. Духа, чистилищѣ, главенствѣ папы и пр. Православію уступались только одни обряды. По прочтеніи исповѣданія русскіе епископы со слезами на глазахъ снова лобызали ноги папѣ, а онъ сказалъ имъ нѣсколько ласковыхъ словъ.

— «Я не хочу господствовать надъ вами, говорилъ онъ между прочимъ,— хочу на себѣ носить тяготы ваши».

Обнявъ и поцѣловавъ русскихъ пословъ, папа объявилъ во всеуслышаніе, что принимаетъ ихъ, а также отсутствующаго митрополита Михаила и всѣхъ русскихъ епископовъ со всѣмъ духовенствомъ и народомъ русскимъ, живущимъ во владѣніяхъ польскаго короля, въ лоно католической церкви и соединяетъ съ нею въ одно тѣло.

Римъ ликовалъ, радуясь новому завоеванію папы, усиленію его могущества. На память великаго событія была выбита медаль—съ изображеніемъ папы, благословляющаго русскихъ пословъ и надписью «Ruthenis receptis» 1596 г. (на присоединеніе русскихъ).

Жутко было возвращаться къ себѣ домой двумъ русскимъ епископамъ, обласканнымъ папою, осыпаннымъ его милостями,—они, принимая въ Римѣ унію отъ всей будто бы паствы своей обманывали папу, а признавая римское исповѣданіе вѣры, должны были явиться отступниками въ глазахъ всѣхъ православныхъ русскихъ...

Вернувшись изъ Рима Терлецкій и Поцѣй доставили королю и митрополиту отъ папы посланіе, въ которомъ онъ требовалъ, чтобы созванъ былъ соборъ для окончанія дѣла уніи...

Но и до собора еще ясно сказалось негодованіе русскихъ людей на епископовъ, измѣнившихъ православію. Въ это время происходилъ общій государственный сеймъ, и русскіе земскіе послы отъ имени всѣхъ своихъ избирателей подали просьбы королю, чтобы Терлецкій и Поцѣй были лишены духовнаго сана, такъ какъ они безъ вѣдома патріарховъ и своей паствы ѣздили въ Римъ и самовольно отдались подъ власть папы и привезли оттуда великія перемѣны въ вѣрѣ... Такую же просьбу подалъ на сеймѣ князь К. К. Острожскій лично королю. Когда же король не обратилъ вниманія на эти просьбы, Острожскій и другіе русскіе въ послѣдній день сейма торжественно объявили королю и всему сейму, что они и весь русскій народъ не будутъ признавать Поцѣя и Терлецкаго своими епископами и не допустятъ ихъ власти въ своихъ владѣніяхъ... Возбужденіе было общее. Братства и священники предавали епископовъ-измѣнниковъ православія проклятію; говорились горячія проповѣди противъ папы; Острожскій своими посланіями волновалъ дворянъ и мѣщанъ, грозилъ даже вооруженнымъ возстаніемъ.

Король издалъ манифестъ къ народу, извѣщалъ о состоявшемся соединеніи церквей и открыто становился на сторону уніи. Этимъ же указомъ король требовалъ отъ митрополита созванія собора въ Брестѣ.

Соборъ этотъ долженъ былъ рѣшить судьбу уніи. Время для него было назначено въ октябрѣ 1596 г.

Такого собора по числу лицъ и по важности вопроса еще не бывало въ западно-русской церкви. Въ Брестъ прибыли экзархъ константинопольскаго патріарха Никифоръ, «мужъ большой учености и мудрости» по словамъ современниковъ, Кириллъ Лукарисъ, экзархъ александрійскаго патріарха, западно-русскій митрополитъ Михаилъ съ семью епископами и множество другихъ духовныхъ

чиновъ западно-русской церкви. Кромѣ духовныхъ лицъ, здѣсь было много свѣтскихъ: кн. Острожскій пріѣхалъ съ отрядомъ вооруженныхъ людей; послы отъ всѣхъ областей, и множество людей всякаго званія. Всѣ съѣхавшіеся сразу раздѣлились на двѣ части: Латиняне соединились съ уніатами, Поцѣемъ и другими епископами, сторонниками уніи. Митрополитъ Михаилъ Рагоза былъ въ ихъ рукахъ, а это было очень важно для нихъ: митрополитъ былъ начальникомъ всѣхъ русскихъ духовныхъ чиновъ, и потому епископовъ, противниковъ уніи, можно было выставить какъ ослушниковъ высшей власти. За то во главѣ православныхъ стоялъ экзархъ Никифоръ, уполномоченный патріархомъ замѣнять его. За духовными лицами, латинянами и православными, стояли міряне; иные привели съ собой вооруженные отряды. Окрестности Бреста представляли воинственный видъ: всюду виднѣлись шатры и пушки. Католиковъ и уніатовъ особенно пугали боевыя силы кн. Острожскаго...

Съ перваго же дня ясно обнаружилось, что настоящаго собора и преній по вопросу объ уніи не можетъ быть. Для одной стороны этотъ вопросъ былъ уже безвозвратно рѣшенъ, а другая сторона хотя и готова была разсуждать объ уніи, но съ явной враждой относилась къ совершенному дѣлу.

Изъ католиковъ явились на соборъ три бискупа, Петръ Скарга и королевскіе послы. Начать свои засѣданія соборъ долженъ былъ 6-го октября. Но съ самаго начала обнаружился совершенный разладъ. Митрополитъ никакихъ распоряженій о засѣданіяхъ собора не дѣлалъ; всѣ церкви въ Брестѣ по приказу мѣстнаго епископа Ипатія Поцѣя были заперты. Православные принуждены были открыть свои засѣданія въ частномъ домѣ; (духовные засѣдали отдѣльно отъ мірянъ). На первомъ же собраніи, послѣ обычныхъ молитвъ, Гедеонъ Балобанъ, львовскій епископъ, заявилъ, что всѣ собравшіеся хотятъ стоять всѣми силами и готовы даже умереть за истинную восточную вѣру, и, по ихъ убѣжденію, митрополитъ съ нѣкоторыми владыками поступилъ незаконно, отрекшись отъ подчиненія патріарху. Рѣшено было призвать въ собраніе митрополита и уніатскихъ епископовъ, чтобы они объяснили свои дѣйствія. Въ это же время уніаты открыли свои засѣданія въ городскомъ соборѣ.

Три раза экзархъ посылалъ звать митрополита. Сначала получались уклончивые отвѣты, а на третій разъ посланнымъ сказали:

— «Что сдѣлано, то уже сдѣлано, — иначе быть или передѣлаться не можетъ. Хорошо или худо мы поступили, только мы отдались западной церкви».

Послѣ такого отвѣта не оставалось ждать ничего болѣе, и Никифоръ обратился къ собору съ большой рѣчью, рѣзко осуждалъ митрополита и другихъ епископовъ, сторонниковъ уніи за ихъ отступничество, хвалилъ тѣхъ, которые твердо стояли противъ нихъ.

Затѣмъ разсмотрѣны были наказы земскихъ пословъ, пріѣхавшихъ на соборъ; они заявляли, что помѣстный соборъ въ Брестѣ не въ правѣ постановить рѣшеніе о соединеніи съ римской церковью безъ согласія патріарховъ и всей восточной церкви и духовные, отступившіе отъ власти патріарховъ должны быть наказаны лишеніемъ сана и пр.

Въ это время явились королевскіе послы и старались въ длинной рѣчи склонить къ уніи лицъ, высланныхъ для переговоровъ съ ними. Петръ Скарга въ свою очередь пытался поколебать кн. Острожскаго. Но всѣ старанія были напрасны...

Четвертый день собора былъ самый рѣшительный. Бискупы и владыки-уніаты въ полномъ облаченіи, въ сопровожденіи другихъ низшихъ духовныхъ чиновъ, отправились въ церковь св. Николая при колокольномъ звонѣ и пѣніи. Совершили благодарственное молебствіе за соединеніе христіанъ. Во всеуслышаніе была прочтена грамота, въ которой митрополитъ и владыки именемъ Бога заявляли всѣмъ «на вѣчную память» о своемъ подчиненіи папѣ...

Какъ только окончилось чтеніе грамоты, бискупы западной церкви бросились къ епископамъ-уніатамъ, облобызались съ ними и воспѣли вмѣстѣ хвалебную пѣснь Богу. Затѣмъ всѣ вмѣстѣ пошли въ латинскій костелъ и тамъ торжественно пропѣли «Te Deum laudamus» (Тебя Бога хвалимъ). Противниковъ своихъ, епископовъ и другихъ духовныхъ лицъ, вѣрныхъ православію, они объявили лишенными сана и священства и предали проклятію... Не менѣе рѣшительныя дѣйствія совершились въ четвертый день и на православномъ соборѣ. Засѣданіе началось съ ранняго утра. Экзархъ Никифоръ подробно изложилъ вины митрополита и владыкъ-уніатовъ. Онъ обвинялъ ихъ въ томъ, что они нарушили клятву, данную ими при рукоположеніи—подчиняться цареградскому патріарху,—нарушили постановленія древнихъ соборовъ, самовольно безъ вселенскаго собора рѣшили вопросъ о соединеніи церквей и пр.

Выслушавъ это, соборъ потребовалъ, чтобы тотчасъ же былъ произнесенъ приговоръ надъ отступниками. Тогда Никифоръ сталъ на возвышеніи съ крестомъ въ правой рукѣ и евангеліемъ въ лѣвой и громко произнесъ:

— «Св. Божія восточная церковь повелѣваетъ намъ и настоящему собору, чтобы митрополитъ Михаилъ и единомысленные съ нимъ владыки лишены были архіерейскаго достоинства и служенія, епископской власти и всякаго духовнаго сана».

Приговоръ этотъ былъ подписанъ всѣми духовными членами собора и постановлено просить короля, чтобы онъ назначилъ вмѣсто свергнутыхъ митрополита и владыкъ, другихъ лицъ, вѣрныхъ блюстителей православія.

Понятно, какъ долженъ былъ взглянуть на это дѣло король, сильно хлопотавшій объ уніи. Она была имъ признана и узаконена. Греческіе экзархи объявлены были турецкими шпіонами, епископы и другія духовныя лица, противники уніи,—ослушниками митрополита, отступниками отъ своей церкви и даже противниками короля. Такимъ образомъ вмѣшательство короля въ церковныя дѣла обращало ревнителей православія въ государственныхъ преступниковъ, въ мятежниковъ!...

И такъ унія, вмѣсто дѣйствительнаго соединенія церквей разорвала западно-русскую церковь на двѣ враждебныя части, повела къ новой розни, враждѣ и бѣдствіямъ.

Скоро возникли усиленныя гоненія на православіе. Началось съ возмутительнаго суда надъ Никифоромъ, на котораго взводили всякія вины... Старикъ кн. Острожскій, глубоко оскорбленный, не стерпѣлъ и высказалъ самому королю много рѣзкихъ, но справедливыхъ укоровъ.

— «Ваша королевская милость,—говорилъ онъ,—видя насиліе надъ нами и нарушеніе правъ нашихъ, не обращаешь вниманія на присягу свою, которою обязался не ломать правъ нашихъ... Не хочешь насъ въ православной вѣрѣ нашей держать при нашихъ правахъ, на мѣсто отступниковъ-епископовъ другихъ дать, позволяешь этимъ отступникамъ насилія творить... За вѣру православную наступаешь на права наши, ломаешь вольности наши и, наконецъ, на совѣсть нашу налегаешь... Не только самъ я, сенаторъ, терплю кривду, но вижу, что дѣло идетъ къ конечной гибели всей короны польской, потому что теперь никто уже не обезпеченъ въ своемъ правѣ и вольности, и въ короткое время настанетъ великая смута. Предки наши, сохраняя государю вѣрность, послушаніе и подданство, взаимно отъ него милость, справедливость и защиту получали. На старости лѣтъ затронули у меня самыя дорогія сокровища: совѣсть и вѣру православную. Видя смерть передъ глазами, напоминаю вашей королевской милости: остерегитесь! Пору-

чаю вамъ отца Никифора. Богъ взыщетъ на Васъ кровь его, а мнѣ дай Богъ не видать больше такого ломанія правъ!...

Кончивъ свою горячую рѣчь, Острожскій всталъ и, опираясь на руку одного своего пріятеля, пошелъ изъ королевской комнаты. Тотъ напоминалъ ему, что надо обождать отвѣта короля.

— «Не хочу!» отвѣтилъ кн. Острожскій.

Король послалъ за нимъ его зятя Радзивилла съ просьбой вернуться.

— «Увѣряю васъ, говорилъ Радзивиллъ Острожскому, король тронутъ вашей печалью, и Никифоръ будетъ освобожденъ.

— «Пусть себѣ и Никифора съѣстъ!» отвѣтилъ разгорячившійся Острожскій и ушелъ изъ дворца.

Упрямство стараго князя повредило дѣлу. Никифоръ не увидѣлъ свободы и умеръ въ заточеніи.

И прежде православнымъ трудно жилось подъ властью польскаго короля,—приходилось терпѣть всякія притѣсненія отъ католиковъ; а теперь къ этимъ врагамъ прибавились еще и уніаты. Уніатскіе епископы выгоняли православныхъ священниковъ изъ ихъ приходовъ и ставили на ихъ мѣста своихъ уніатовъ. Братства объявлены были мятежными сходками,—ихъ стали строго преслѣдовать. Отъ православныхъ отбирали церкви и отдавали уніатамъ; они овладѣли даже Софійскимъ соборомъ въ Кіевѣ и едва не прибрали къ своимъ рукамъ Кіево-Печерскую лавру. Православныхъ жителей не допускали къ городскимъ должностямъ, всякими способами стѣсняли ихъ въ промыслахъ и торговлѣ. На жалобы и просьбы православныхъ не обращалось никакого вниманія, — имъ приходилось выносить всевозможныя притѣсненія и обиды. О страданіяхъ простаго народа нечего и говорить...

Борьба православія съ уніей.

Православіе оказалось сильнѣе, чѣмъ думали враги его: нашлись у него сильные защитники и среди книжныхъ людей, и въ темномъ народѣ, готовые оборонять отцевскую вѣру и перомъ, и мечомъ!...

Скоро загорѣлась сильная литературная борьба (полемика). Даже съ дальняго Аѳона раздался сильный, обличительный голосъ.

— «Покайтесь всѣ, писалъ оттуда русскій инокъ Іоаннъ Вишенскій, — покайтесь, да не погибнете двоякою погибелью! Турки некрещеные честнѣе предъ Богомъ въ судѣ и правдѣ, нежели кре-

щеные ляхи. А вы, православные христіане, не скорбите: Господь съ вами... Имѣйте вѣру и надежду на Бога жива; на пановъ же вашихъ, на сыновъ человѣческихъ не надѣйтесь, — въ нихъ нѣтъ спасенія: они отъ живаго Бога и отъ вѣры въ Него отступили. Да будутъ прокляты владыки, архимандриты, игумены, которые монастыри запустошили... гроши собираютъ съ доходовъ, данныхъ богомольцамъ Христовымъ, дочерямъ своимъ приданое готовятъ, сыновей одѣваютъ, слугъ умножаютъ, кареты себѣ дѣлаютъ,... а въ монастырѣ вмѣсто бденія, пѣснопѣнія и молитвы, псы воютъ!»..

Тотъ же инокъ послалъ рѣзкое обличеніе главнымъ отступникамъ отъ православія: Терлецкому, Поцѣю и Рагозѣ. Стефанъ Зизаній, который и раньше волновалъ Вильну своими горячими проповѣдями противъ католицизма и уніи, въ 1596 году издалъ Слово (казанье) св. Кирилла, іерусалимскаго патріарха, объ антихристѣ. Изъ этого сочиненія казалось, что время уніи и есть антихристово время. На эту книжку явился отвѣтъ отъ католиковъ.

Особенно сильная литературная борьба загорѣлась по поводу брестскаго собора. О немъ появилось два сочиненія, одно православное, другое католическое. Послѣднее было написано Скаргою. Онъ утверждалъ, что всѣ постановленія православныхъ въ Брестѣ не имѣютъ никакого значенія, потому что законно только то, что постановлено митрополитомъ и епископами, т. е. унія, а міряне не имѣютъ никакого права мѣшаться въ церковное дѣло и должны какъ овцы повиноваться своимъ пастырямъ.

Въ отвѣтъ на сочиненіе Скарги появилась «Отповѣдь», подписанная вымышленнымъ именемъ — «Христоферъ Филаретъ». Здѣсь вопреки Скаргѣ доказывается многими примѣрами, что міряне не должны слѣдовать за своими духовными пастырями, если тѣ явно заблуждаются и отступаютъ отъ истинной вѣры.

«Если мірскіе люди, говорится между прочимъ въ «Отповѣди», обязаны во всемъ повиноваться пастырямъ своимъ, то не погрѣшили и нѣмцы кельнскіе, которые по примѣру своего архіепископа сдѣлались лютеранами; и мы не грѣшимъ, слушаясь владыки Львовскаго и Перемышльскаго, которые говорятъ, что папа вовсе не наивысшій правитель церкви, и если бы луцкій владыка (т. е. Кириллъ Терлецкій) потуречился, что для него дѣло возможное, то «овцы» его были бы оправданы передъ Богомъ, если бы обратились за нимъ въ магометанство?»

Эта «Отповѣдь» сильно раздражила католиковъ, такъ какъ, поймавъ Скаргу на противорѣчіи самому себѣ, остроумно била его

собственнымъ же его оружіемъ. Отвѣтъ католиковъ на «Отповѣдь» дышетъ сильнымъ гнѣвомъ и переполненъ бранными выраженіями. «Самъ дьяволъ, говорится въ этомъ отвѣтѣ,—изъ ада вылѣзши, не могъ бы большей неправды сочинить, какъ этотъ «Христоферъ Филалетъ». (Эти имена въ переводѣ съ греческаго значатъ «носитель Христа и любитель истины»). «По истинѣ каждый, говоритъ сочинитель отвѣта, можетъ назвать его не Христоферомъ Филалетомъ, а Дьяволофоромъ и Филопсевдисомъ» (т. е. Носителемъ дьявола и любителемъ лжи).

Въ это же время явилось обстоятельное и правдивое сочиненіе о происхожденіи уніи—«Перестрога» (т. е. предостереженіе), написанное православнымъ львовскимъ священникомъ.

Такимъ образомъ, борьба православія съ уніей и католичествомъ заставляла православныхъ глубоко вдумываться въ церковные вопросы, пробуждала ихъ силы и направляла ихъ къ литературной дѣятельности и проповѣди.

Самъ король въ своей грамотѣ къ русскому народу требовалъ, чтобы всѣ православные послѣдовали примѣру митрополита, приняли унію и запрещалъ признавать владыками и имѣть общеніе съ епископами, возставшими противъ уніи, и даже приказываетъ карать ея противниковъ.

И такъ самъ король считалъ православныхъ преступниками и своею властью узаконялъ гоненіе на нихъ.

Наказать всѣхъ противниковъ уніи, т. е. цѣлый народъ, и принудить его признать унію было не подъ силу польскому правительству; но всячески тѣснить и гнать православныхъ оно могло. Положеніе уніатовъ было тоже далеко не привлекательнымъ: они отъ своихъ отстали и къ чужимъ не пристали. Православные презирали ихъ какъ отступниковъ; не считали ихъ своими и католики: въ уніи они видѣли только переходную ступень къ католичеству. Сенаторскихъ мѣстъ уніатскимъ духовнымъ сановникомъ польское правительство не дало; за то щедро надѣляло ихъ имѣніями, отнятыми у православныхъ церквей и монастырей. Епископы-уніаты своимъ корыстолюбіемъ и небрежнымъ отношеніемъ къ церкви еще болѣе роняли унію въ глазахъ всѣхъ благомыслящихъ людей. Паны и шляхтичи, измѣняя православію, считали за лучшее переходить не въ унію, а прямо въ католичество. Унія только и находила себѣ поддержку въ правительствѣ.

Послѣ Михаила Рагозы, горько каявшагося въ принятіи уніи, митрополитомъ сталъ Ипатій Поцѣй (въ 1599 г.). При немъ уси-

лились притѣсненія православныхъ: онъ отнималъ у православныхъ церквей и монастырей имѣнія въ пользу уніатовъ, изгонялъ православныхъ духовныхъ лицъ и давалъ ихъ мѣста уніатамъ, тѣснилъ братства. Притѣсненія дошли наконецъ до того, что раздраженному населенію стало не въ мочь болѣе терпѣть. Одинъ православный мѣщанинъ въ Вильнѣ даже покусился на жизнь Поцѣя; но отрубилъ ему только два пальца. Преступникъ былъ казненъ; а пальцы Поцѣя, какъ мученика за вѣру, долго лежали на престолѣ въ церкви. Это покушеніе только сильнѣе разожгло страсти; преслѣдованіе православныхъ послѣ этого еще болѣе усилилось. На церковныя мѣста въ уніатской церкви стали допускать прямыхъ католиковъ и явно обнаружилось стремленіе обратить уніатовъ совсѣмъ въ латинство. Преемникъ Поцѣя Іосифъ Рутскій особенно хлопоталъ объ этомъ.

Начало XVII вѣка, когда Московская Русь страдала отъ смутъ, было особенно тяжелымъ и для православныхъ въ Западной Руси. Чего только не дѣлалось здѣсь противъ нихъ! Шайки голодныхъ и оборванныхъ жолнеровъ (солдатъ), воротившихся изъ похода на Москву, буйствовали, грабили и всячески тѣшились надъ православнымъ населеніемъ. Іезуиты натравливали даже своихъ школьниковъ на православное населеніе, а тѣ заводили съ православными уличныя драки, издѣвались надъ ихъ обрядами, врывались въ церкви и безчинствовали; бывали даже случаи что «питомцы іезуитовъ» разносили церкви и дома... Все это буянамъ сходило безнаказанно съ рукъ. Управы на нихъ найти православнымъ было негдѣ. Суды охраняли права лишь католиковъ и уніатовъ, а не православныхъ. Сильныхъ покровителей ихъ уже не стало. Князь Острожскій умеръ въ 1608 году. Многіе прежде русскіе и православные роды уже ополячились.

Въ 1610 году явилось сочиненіе Мелетія Смотрицкаго «Θρηνος» (Плачъ). Здѣсь представлена православная церковь, которая оплакиваетъ утрату западно-русскихъ родовъ, перешедшихъ въ латинство, въ слѣдующихъ словахъ:

«Гдѣ теперь тотъ неоцѣненный камень, который я носила вмѣстѣ съ другими брилліантами на моей головѣ въ вѣнцѣ, какъ солнце среди звѣздъ, — гдѣ теперь домъ князей Острожскихъ, который превосходилъ всѣхъ яркимъ блескомъ своей древней (православной) вѣры? Гдѣ и другіе также неоцѣненные камни моего вѣнца, славные роды русскихъ князей, — мои сапфиры и алмазы — князья Слуцкіе, Заславскіе, Збаражскіе, Вишневецкіе, Чарторижс-

скіе (далѣе слѣдуетъ длинный перечень знатныхъ русскихъ родовъ, ополячившихся и окатоличившихся)... Вы, злые люди, (своею измѣною) обнажили меня отъ этой дорогой моей ризы и теперь насмѣхаетесь надъ немощнымъ моимъ тѣломъ... Прокляты будете всѣ вы, насмѣхающіеся надъ моей наготой, радующіеся ей! Настанетъ время, что всѣ вы будете стыдиться своихъ дѣйствій».

Не стало сильныхъ защитниковъ православія между русскими панами; одинъ за другимъ сошли въ могилу и послѣдніе православные епископы: Гедеонъ — епископъ Львовскій и Михаилъ Перемышльскій. Все сильнѣе и сильнѣе сказывался недостатокъ въ православныхъ священникахъ: въ иныхъ мѣстахъ православному населенію поневолѣ приходилось обращаться къ уніатскимъ священникамъ. А гоненія на православныхъ все росли да росли.

Вотъ какими красками на сеймѣ 1620 года волынскій депутатъ Лаврентій Древинскій обрисовалъ предъ королемъ и всѣми членами сейма положеніе православныхъ польской короны:

— «Каждый видитъ ясно, какія великія притѣсненія терпитъ этотъ древній русскій народъ относительно своей вѣры. Уже въ большихъ городахъ церкви запечатаны, имѣнія церковныя расхищены, въ монастыряхъ нѣтъ монаховъ, — тамъ скотъ запираютъ; дѣти безъ крещенія умираютъ; тѣла умершихъ безъ церковнаго обряда изъ городовъ, какъ падаль, вывозятъ; народъ умираетъ безъ исповѣди, безъ пріобщенія. Неужели это не самому Богу обида, и неужели Богъ не будетъ за это мстителемъ! Скажу, что въ Львовѣ дѣлается: кто не уніатъ, тотъ въ городѣ жить, торговать и въ ремесленные цехи принятъ быть не можетъ; мертвое тѣло погребать, къ больному съ тайнами Христовыми открыто идти нельзя. Въ Вильнѣ, когда хотятъ хоронить тѣло благочестиваго русскаго, то должны вывозить его въ тѣ ворота, въ которыя одну нечистоту городскую вывозятъ. Монаховъ православныхъ ловятъ на вольной дорогѣ, бьютъ и въ тюрьму сажаютъ. Въ чины гражданскіе людей достойныхъ и ученыхъ не производятъ потому только, что не уніаты; простаками и невѣждами, изъ которыхъ иной не знаетъ, что такое правосудіе, мѣста наполняютъ въ попошеніе странѣ русской. Деньги у невинныхъ православныхъ безъ всякой причины исторгаютъ... Уже двадцать лѣтъ на каждомъ сеймикѣ, на каждомъ сеймѣ горькими слезами молимъ, но вымолить не можемъ, чтобъ оставили насъ при правахъ и вольностяхъ нашихъ. Если и теперь желаніе наше не исполнится, то будемъ принуждены съ пророкомъ возопить: «Суди ми Боже и разсуди прю мою!»

Въ 1620 г. въ Малороссію пріѣхалъ іерусалимскій патріархъ Ѳеофанъ и посвятилъ для православныхъ митрополита Іова Борецкаго и шесть епископовъ. Это сильно встревожило іезуитовъ; они пустили молву, будто Ѳеофанъ—самозванецъ, а не патріархъ, и поэтому всѣ посвященные имъ епископы незаконны. Изъ-за этого вопроса снова загорѣлась полемика. Законность дѣйствій Ѳеофана была доказана. Въ это же время казаки рѣшительно заявили, что не пойдутъ на турокъ, если польское правительство не признаетъ вновь поставленныхъ православныхъ епископовъ, а на сеймѣ 1623 года снова Деревинскій возвышалъ свой горячій голосъ въ защиту свободы вѣры. По новому опредѣленію сейма признаны были права православныхъ и рѣшено было прекратить судебныя дѣла, порожденныя религіозной враждой. Казалось, наступала пора примиренія и спокойствія. Но случилось несчастіе, которое разбило всѣ упованія православныхъ и вызвало новыя нападки и гоненія на нихъ.

Полоцкій уніатскій епископъ Іосафатъ Кунцевичъ, одинъ изъ самыхъ рьяныхъ поборниковъ уніи, не останавливался ни предъ чѣмъ, добиваясь торжества ея надъ православіемъ. Онъ не могъ вынести, что многіе изъ его паствы стали переходить къ православному полоцкому епископу Мелетію Смотрицкому, и сталъ творить такія неправды и насилія, что даже иные католики старались умѣрить его слѣпую вражду къ православнымъ.

Литовскій канцлеръ Левъ Сапѣга, какъ дальновидный государственный человѣкъ, понималъ, какъ вредны могутъ быть послѣдствія насилій, какія творилъ Кунцевичъ и подобные ему. Письмо Сапѣги къ нему, полное рѣзкихъ, но правдивыхъ укоровъ, очень любопытно: здѣсь истый католикъ свидѣтельствуетъ о тѣхъ безобразіяхъ, какія творили горячіе ревнители уніи.

«Безспорно,—пишетъ Сапѣга Кунцевичу 12-го марта 1622 г., что я самъ хлопоталъ объ уніи и покинуть ее было бы неразумно; но мнѣ никогда и на умъ не приходило, чтобы вы рѣшились приводить къ ней такими насильственными средствами. Уличаютъ васъ жалобы, поданныя на васъ въ Польшѣ и Литвѣ. Развѣ неизвѣстны вамъ ропотъ темнаго народа, его рѣчи, что онъ хочетъ лучше быть въ турецкомъ подданствѣ, нежели терпѣть такое притѣсненіе своей вѣрѣ? По словамъ вашимъ, только нѣкоторые монахи епархіи Борецкаго (новаго православнаго митрополита) и Смотрицкаго да нѣсколько кіевской шляхты противятся уніи; но просьба королю подана отъ войска Запорожскаго, чтобы Борецкаго и Смотрицкаго

въ ихъ епархіяхъ утвердить, а васъ и товарищей вашихъ свергнуть. И на сеймахъ мало-ли у насъ жалобъ отъ всей Украйны и отъ всей Руси, а не отъ нѣсколькихъ только чернецовъ! Поступки ваши, проистекающіе болѣе изъ тщеславія и ненависти, нежели изъ любви къ ближнему... произвели тѣ опасныя искры, которыя угрожаютъ всѣмъ намъ или очень опаснымъ, или даже всеистребительнымъ пожаромъ!».

Далѣе Сапѣга указываетъ на весь вредъ насилій, указываетъ, что поступать такъ, какъ поступаетъ Кунцевичъ и ему подобные и невыгодно для успѣха уніи, и противно христіанскому духу.

«Говорите, продолжаетъ онъ, – что вольно вамъ не уніатовъ топить, рубить. Нѣтъ! Заповѣдь Господня всѣмъ мстителямъ даетъ строгое запрещеніе, которое и васъ касается. Когда насилуете совѣсти людскія; когда запираете церкви, чтобъ люди безъ благочестія, безъ христіанскихъ обрядовъ, безъ священныхъ требъ пропадали, какъ невѣрные; когда своевольно злоупотребляете милостями и преимуществами, отъ короля полученными, то дѣло обходится и безъ насъ; когда же, по поводу этихъ безпутствъ, въ народѣ волненіе, которое надо усмирить, то вы хотите нами (т. е. правительствомъ) дыры затыкать!»... «Вы требуете, чтобъ непринимающихъ унію изгнать изъ государства. Да спасетъ Богъ наше отечество отъ такого величайшаго беззаконія!.. Печатать и запирать церкви, и ругаться надъ кѣмъ-либо ведетъ только къ пагубному разрушенію братскаго единомыслія и взаимнаго согласія. Покажите, кого вы пріобрѣли, кого уловили вашею суровостью, строгими мѣрами, печатаніемъ и запираніемъ церквей? Вмѣсто того откроется, что вы потеряли и тѣхъ, которые въ Полоцкѣ у васъ въ послушаніи были. Изъ овецъ сдѣлали вы ихъ козлищами, навлекли опасность государству, а, можетъ быть, и гибель всѣмъ намъ, католикамъ. Вотъ плоды вашей хваленой уніи! Если отечество потрясется, то не знаю, что въ то время съ вашей уніей будетъ!.. Король приказываетъ вамъ православную церковь въ Могилевѣ распечатать и отпереть, о чемъ я, по приказу его, пишу къ вамъ, и если вы этого не исполните, то я самъ велю ее распечатать... Жидамъ и татарамъ не запрещается въ областяхъ королевскихъ имѣть свои синагоги и мечети, а вы печатаете христіанскія церкви!»

Но эти укоры не дѣйствовали на Кунцевича, ослѣпленнаго враждой къ православію. Онъ, выражавшій опасеніе за свою жизнь, казалось, самъ шелъ на встрѣчу бѣдѣ: запиралъ православныя церкви въ Витебскѣ, не дозволялъ православнымъ служить даже

за городомъ въ шалашахъ. Озлобленіе противъ него дошло наконецъ до крайней степени: раздраженная уличная чернь кинулась на него, избила его палками до смерти, а изуродованный трупъ его кинула въ Двину (въ ноябрѣ 1623 г.).

Это убійство было знакомъ къ новымъ гоненіямъ православныхъ. До сихъ поръ они имѣли право говорить о себѣ: «О насиліи наша сторона не мыслитъ». Теперь же въ глазахъ католиковъ и уніатовъ они этого права лишились. Кунцевичъ былъ провозглашенъ по всему католическому міру мученикомъ за свою христіанскую ревность. Самъ папа Урбанъ VIII взывалъ о мщеніи, — онъ смотрѣлъ на православныхъ глазами Кунцевича. Въ своемъ посланіи къ королю 10-го февраля 1624 года онъ между прочимъ говоритъ:

— «Возстань, о царь, знаменитый пораженіемъ турокъ и ненавистью нечестивыхъ! Прими оружіе и щитъ, и, если общее благо требуетъ, мечомъ и огнемъ истребляй эту язву!»

— «Кто дастъ очамъ нашимъ источникъ слезъ,— пишетъ папа въ другомъ мѣстѣ,—чтобы мы могли оплакать жестокость схизматиковъ и смерть полоцкаго архіепископа? Гдѣ столь жестокое преступленіе вопіетъ о мщеніи, проклятъ человѣкъ, который удерживаетъ мечъ свой отъ крови! И такъ, могущественнѣйшій король! ты не долженъ удерживаться отъ меча и огня. Да почувствуетъ ересь, что за преступленіями слѣдуютъ наказанія. При такихъ отвратительныхъ преступленіяхъ милосердіе есть жестокость!»

Такія воззванія дѣлалъ папа, считавшій себя намѣстникомъ Христа на землѣ! Онъ писалъ не только къ королю, но и ко многимъ епископамъ и свѣтскимъ лицамъ, требуя гоненія на православныхъ.

Въ Витебскъ явились королевскіе комисары (чиновники), окруженные значительными отрядами пѣшаго и коннаго войска, — боялись козаковъ, которыхъ звали на помощь жители Витебска. Судебное разбирательство было окончено въ три дня. Два бурмистра и 18 горожанъ были казнены. Около ста бѣжавшихъ горожанъ было приговорено заочно къ смерти; имѣнія ихъ отобраны въ казну. Городъ потерялъ всѣ свои права и преимущества (Магдебургское право); ратуша и двѣ православныя церкви были разрушены; даже колокола, въ которые били въ набатъ, возбуждая народъ противъ Кунцевича, были сняты.

По всему пространству польскихъ владѣній съ новой силой поднялось гоненіе на православныхъ. Витебскій погромъ и другія насилія нагнали такого страху на православныхъ, что они цѣлыми тысячами стали переходить въ унію.

По поводу Витебской расправы одинъ изъ современниковъ-уніатовъ пишетъ:

— «Великій страхъ послѣ этого напалъ на схизматиковъ; начали понимать, что когда сенаторы хотятъ приводить въ исполненіе приказы королевскіе, то не боятся казацкаго могущества».

Козацкія движенія противъ Польши тогда уже начались, и польское правительство стало съ тревогою смотрѣть на свою казацкую юго восточную украину.

Петръ Могила.

Католики и уніаты, какъ мы видѣли, сильно боролись съ православіемъ между прочимъ и перомъ; православнымъ пришлось обороняться тѣмъ же оружіемъ, писать и издавать книги противъ своихъ враговъ. Это вызвало сильное умственное движеніе; для духовной борьбы нужны были просвѣщенные борцы, умѣющіе хорошо писать; нужны были талантливые проповѣдники. Братства, стоявшія на стражѣ православія, особенно способствовали умственному возрожденію въ православномъ мірѣ: посылали даровитыхъ молодыхъ людей въ западные университеты, заводили училища, типографіи. Быстро увеличивалось число людей пишущихъ, читающихъ, думающихъ о высшихъ умственныхъ вопросахъ и, не смотря на бѣдствія и гоненія, въ средѣ православныхъ просвѣщеніе поднималось. Большую службу сослужили въ этомъ дѣлѣ братства; но они мало по малу слабѣли въ борьбѣ и, когда высшій классъ русскій олатинился и ополячился, братства мало по малу исчезли. Одно только изъ нихъ кіевское имѣло иную судьбу. Кіеву снова выпало на долю быть источникомъ христіанскаго просвѣщенія.

Еще въ 1594 г. братство кіевской Богоявленской церкви завело школу. Двадцать лѣтъ она работала на пользу православія и просвѣщенія; но тутъ ее постигло несчастіе, — она сгорѣла. Въ 1615 богатая женщина Анна Гугулевичевна пожертвовала землю и нѣсколько зданій для братства и школы, — она возобновилась, и скоро достигла цвѣтущаго состоянія.

Умственное движеніе въ Южной Руси получило особенную силу съ той поры, какъ въ немъ принялъ участіе Петръ Могила.

Происходилъ онъ изъ очень знатнаго молдавскаго рода; учился, какъ говорятъ, въ Парижѣ, затѣмъ служилъ въ военной польской службѣ. Въ 1625 году онъ постригся въ Печерской Лаврѣ, когда ему не было еще и 30 лѣтъ. Его образованіе, богатство и сильныя

связи обращали на него общее вниманіе, подавали надежду на то, что въ немъ православная церковь найдетъ сильнаго борца. Петръ Могила скоро былъ избранъ архимандритомъ монастыря. Новый игуменъ съ первыхъ же шаговъ выказалъ необычайную дѣятельность на пользу монастыря, — подновилъ церковь, не жалѣлъ издержекъ на украшеніе ея и пещеръ, построилъ на свой счетъ при лаврѣ богадѣльню для нищихъ и задумалъ завести при монастырѣ высшую школу. Чтобы приготовить для нея хорошихъ учителей, онъ сталъ посылать, не жалѣя своихъ средствъ, молодыхъ людей за границу. Но чрезъ нѣсколько времени члены Богоявленскаго братства,—дворяне и казацкіе старшины, стали просить Петра Могилу, чтобы онъ не заводилъ новой школы, а обратилъ свои средства и силы на улучшеніе уже существующаго братскаго училища на Подолѣ (нижняя часть города Кіева). Могила согласился и признанъ былъ старшимъ братомъ, блюстителемъ и пожизненнымъ опекуномъ кіевскаго братства (въ концѣ 1631 г.). Гетманъ отъ всего запорожскаго войска обѣщалъ въ случаѣ нужды защищать оружіемъ церковь, монастырь, богадѣльню и школу братства, а кіевскіе дворяне обязались заботиться о содержаніи училища.

Въ началѣ 1632 года скончался король Сигизмундъ III, заклятый врагъ православія, и у православныхъ ожила надежда на лучшее будущее. На сеймъ, гдѣ должны были толковать о разныхъ улучшеніяхъ въ государствѣ, уполномоченъ былъ ѣхать отъ русскаго духовенства Петръ Могила. Православные требовали уничтоженія всякихъ стѣсненій и запретовъ относительно своей церкви. Вмѣстѣ съ просьбою дворянъ и духовныхъ подали на сеймъ и казаки свое прошеніе. Оно было изложено въ рѣзкихъ выраженіяхъ.

— «При покойномъ королѣ,—писали казаки,—мы терпѣли неслыханныя обиды... Униты отстранили отъ городскихъ должностей добродѣтельныхъ мѣщанъ нашей вѣры и замутили сельскій народъ; дѣти остаются некрещенными; взрослые—невѣнчанными; умирающіе отходятъ на тотъ свѣтъ безъ причащенія. Пусть унія будетъ уничтожена; тогда мы будемъ со всѣмъ русскимъ народомъ полагать жизнь за цѣлость любезнаго отечества. Если же, сохрани Боже, и далѣе будетъ не иначе, мы будемъ искать другихъ мѣръ удовлетворенія».

Эта угроза сильно раздражила поляковъ. Но все же сеймъ согласился исполнить многія просьбы православныхъ,[1] — отдать имъ кіевскую митрополію, львовское епископство, дозволить братствамъ свободно распоряжаться школами. А Владиславъ, искавшій содѣйствія ка-

заковъ и русскихъ, въ виду непріязни Польши къ Москвѣ, далъ православнымъ отъ себя грамоту съ обѣщаніемъ еще большихъ правъ и свободы... Православные дворяне и духовныя лица, бывшіе на сеймѣ порѣшили, вмѣсто дряхлаго и болѣзненнаго кіевскаго митрополита Исаіи, избрать Петра Могилу. Король утвердилъ этотъ выборъ и далъ Петру право преобразовать кіевское братское училище въ высшую школу,—коллегію.

Съ большою ревностію принялся новый митрополитъ приводить въ порядокъ разстроенныя дѣла православной церкви въ Кіевѣ. Церковь св. Софіи, это «единственное украшеніе православнаго народа, главу и матерь всѣхъ церквей», какъ ее называлъ Петръ Могила, была приведена въ благолѣпный видъ и освящена. Церковь св. Василія возобновлена; изъ развалинъ Десятинной церкви была воздвигнута новая каменная церковь; при работѣ былъ найденъ гробъ св. Владиміра. Возобновлена была также древняя церковь Спаса на Берестовѣ.

Не однимъ внѣшнимъ возстановленіемъ святыни занялся Петръ Могила; онъ стремился исцѣлить и внутреннія язвы православной церкви.

— «Наша церковь, — писалъ онъ позже въ своемъ окружномъ посланіи, — оставаясь непарушимою въ догматахъ вѣры, сильно искажена въ томъ, что касается обычаевъ, молитвъ и благочестиваго житія. Многіе православные, часто посѣщая богослуженіе иновѣрцевъ и слушая ихъ проповѣди, такъ заразились ересью, что трудно распознать, истинные ли они православные, или только по имени. Другіе же, не только свѣтскіе, но и духовные, прямо покинули православіе и перешли къ разнымъ богомерзкимъ сектамъ. Духовный и монашескій санъ пришелъ въ нестроеніе, нерадивые настоятели не заботятся о порядкѣ и совсѣмъ уклонились отъ примѣра древнихъ отцевъ церкви»...

Вернуть русскую церковь къ древнему благочестію, — вотъ задача, какую поставилъ себѣ Петръ Могила.

Онъ издалъ «Служебникъ», гдѣ было приложено объясненіе литургіи; затѣмъ «Гребникъ», подробный сборникъ богослуженій, долгое время служившій руководствомъ во всей Россіи; велѣлъ напечатать «Краткій катихизисъ». Въ предисловіи къ нему сказано: «Книга эта публикуется не только для того, чтобы священники въ своихъ приходахъ каждый день, въ особенности въ воскресенье и праздничные дни, читали и объясняли его своимъ прихожанамъ, но также, чтобы мірскіе люди, умѣющіе читать, преподавали оди-

наковымъ способомъ христіанское ученіе, а также, чтобы въ школахъ всѣ учители заставляли своихъ учениковъ учить наизусть по этой книжечкѣ». Изложенъ катихизисъ въ вопросахъ и отвѣтахъ и содержитъ въ себѣ объясненіе символа вѣры по членамъ, молитвы Господней и заповѣдей. Книжка эта послужила образцомъ для позднѣйшихъ катихизисовъ.

Понятно, какое важное значеніе имѣли всѣ означенныя книги: онѣ объясняли православнымъ смыслъ ихъ вѣры и богослуженія и придавали послѣднему опредѣленность и устойчивость.

Не могъ такой горячій ревнитель православія, какъ Могила, не принять участія въ полемикѣ съ католиками. Когда одинъ изъ отступниковъ отъ православія, перешедшихъ сначала въ унію, а потомъ въ католичество, осмѣялъ соборъ, созванный Могилою въ 1642 г., для улучшенія церковныхъ дѣлъ, и затѣмъ въ длинномъ сочиненіи изобразилъ недостатки православной церкви, то Могила написалъ большое сочиненіе «Лиѳосъ», или «Камень», гдѣ онъ разсуждаетъ о таинствахъ, обрядахъ, церковномъ уставѣ и главныхъ отличіяхъ восточной церкви отъ западной и о печальномъ состояніи православной церкви...

Но болѣе всего Могила направилъ свои заботы на школу. Кіевскую братскую школу онъ преобразовалъ въ коллегію, устроилъ при братствѣ типографію и монастырь, гдѣ жили монахи-наставники школы. Подарилъ коллегіи свое собственное село, постоянно давалъ деньги на постройки, помогалъ учителямъ и ученикамъ и своимъ примѣромъ увлекалъ и другихъ къ пожертвованіямъ...

Могила понималъ вполнѣ, что для спасенія православія необходимы такіе борцы, которые знаніями не уступали бы своимъ противникамъ — образованнымъ католикамъ. И цѣлью его стало создать разсадникъ вполнѣ просвѣщенныхъ духовныхъ лицъ.

Управленіемъ и всѣмъ строемъ коллегія Могилы походила на іезуитскія коллегіи... Во главѣ заведенія стоялъ «ректоръ», онъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ игуменомъ братскаго монастыря и профессоромъ богословія; помощникомъ его былъ «префектъ». Кромѣ этихъ двухъ начальствующихъ лицъ, выбирался на извѣстный срокъ «суперъинтендентъ», наблюдавшій надъ поведеніемъ учениковъ. Нѣкоторые изъ нихъ, болѣе благонравные, должны были ему помогать въ этомъ дѣлѣ. Часть учениковъ жила на счетъ коллегіи въ ея домѣ, такъ называемой «бурсѣ».

Учебный курсъ распадался на двѣ части, низшую и высшую. Низшая дѣлилась на шесть ступеней, или классовъ: фара или ана-

логія, здѣсь обучали чтенію и письму на славянскомъ, латинскомъ и греческомъ языкахъ; инфима—классъ первоначальныхъ свѣдѣній; затѣмъ слѣдовали классы грамматики и синтаксимы, — въ этихъ двухъ классахъ изучались грамматическія правила трехъ вышеупомянутыхъ языковъ, объяснялись и переводились разныя сочиненія, преподавались катихизисъ, ариѳметика и пѣніе. Въ слѣдующемъ классѣ—поэзіи—обучали піитикѣ, т. е. правиламъ стихосложенія, пріучали учениковъ писать стихи, или, какъ называли тогда ихъ, — вирши (versus). За классомъ поэзіи шелъ классъ «риторики», науки, излагавшей правила краснорѣчія; здѣсь ученики упражнялись въ сочиненіи рѣчей и разсужденій. Самыми высшими были два класса: философіи и богословія. Курсъ перваго продолжался два года, а втораго—четыре... Въ послѣднемъ классѣ, кромѣ изученія разныхъ богословскихъ предметовъ, обращалось большое вниманіе на составленіе проповѣдей.

Направленіе преподаванія было такъ называемое схоластическое: считали, что всѣ знанія, возможныя для человѣка, заключаются въ Св. Писаніи и въ сочиненіехъ Аристотеля. Вниманіе наставниковъ было обращено не на то, чтобы при помощи разнообразныхъ свѣдѣній развить умственную пытливость учениковъ, пробудить въ нихъ желаніе доискиваться новыхъ истинъ и знаній, а лишь на то, чтобы придать уму гибкость, сноровку, способность ловко доказывать данныя истины. Такое направленіе господствовало въ тѣ времена какъ въ іезуитскихъ коллегіяхъ, такъ и въ большинствѣ западноевропейскихъ школъ и университетовъ.

Преподаваніе всѣхъ наукъ, кромѣ славянской грамматики и православнаго катихизиса, велось на латинскомъ языкѣ. Ученики обязаны были и между собой постоянно говорить по-латыни.

Заведены были даже особенные листки, гдѣ записывалось имя того ученика, который, говоря по-латыни, ошибался или проговаривался не латинскимъ словомъ. Такой листокъ оставался у виновнаго до тѣхъ поръ, пока ему не удавалось поймать на подобномъ же промахѣ своего товарища, которому онъ и передавалъ листокъ. Плохо приходилось тому, у кого этотъ листокъ оставался на ночь,— его сѣкли.

Такое предпочтеніе латинскому языку объясняется тѣмъ, что въ тѣ времена, какъ извѣстно, онъ былъ общимъ языкомъ науки, на немъ писались сочиненія, велись диспуты, а кромѣ того онъ употреблялся на судахъ и сеймахъ. Господство латинскаго языка въ Кіевской коллегіи чуть было не навлекло на нее большой бѣды.

Пошла молва, что наставники коллегіи, воспитанные заграницей, хотятъ совратить юношество въ латинство. И вотъ разъ буйная толпа черни подъ предводительствомъ казаковъ приступила къ коллегіи и грозила сжечь ее и перебить наставниковъ. Насилу удалось образумить толпу.

— «Мы, писалъ потомъ одинъ изъ наставниковъ школы, — уже исповѣдывались и ожидали, что нами начнутъ кормить днѣпровскихъ осетровъ, но, къ счастію, Господь, видя нашу невинность, разогналъ тучу предубѣжденій и освѣтилъ сердца нашихъ соотечественниковъ; они увидѣли въ насъ сыновъ православной церкви и

Митрополитъ Петръ Могила.

съ тѣхъ поръ жители Кіева и другихъ мѣстъ не только перестали насъ ненавидѣть, но стали отдавать къ намъ въ большомъ числѣ своихъ дѣтей»...

Обученіе и воспитаніе было въ коллегіи основано главнымъ образомъ на соревнованіи. Разсаживались ученики въ классѣ по успѣхамъ, - лучшіе занимали переднюю скамью, называемую «сенатомъ». Изъ лучшихъ учениковъ выбирались старшіе, которые должны были помогать учителю, спрашивая уроки у учениковъ, наблюдая за поведеніемъ и пр. Очень часто велись диспуты и писались сочиненія. На письменныхъ работахъ ученики обыкновенно обозначали, какою стороною своего труда они думаютъ превзойти товарищей: трудолюбіемъ, правописаніемъ, или краснвымъ почеркомъ и пр.

Иные изъ бѣднѣйшихъ учениковъ надписывали, что они желали бы получить за свой трудъ, — хлѣбъ свѣчи, сапоги, рубаху и пр. Если работа съ подобной надписью была хороша, то учитель въ пользу писавшаго взыскиваетъ требуемое съ учениковъ достаточныхъ, но лѣнивыхъ и малоуспѣшныхъ. По субботамъ производилась расправа съ лѣнивыми. Словомъ весь строй школы былъ совершенно такой же, какъ у іезуитовъ.

Ученики коллегіи не много выносили настоящихъ знаній; но за то выходили способными и устно, и письменно оборонять православіе, ловко опровергая доводы своихъ противниковъ, ни въ чемъ не уступая имъ. Это и было главной задачей Петра Могилы.

Враги православія крайне враждебно смотрѣли на коллегію Могилы, старались, гдѣ могли всячески вредить ей.

Могила ничего не жалѣлъ на училище, свое дѣтище. Возстановить въ прежнемъ видѣ святыню и православныя церкви, поднять духовенство и мірянъ просвѣщеніемъ — вотъ что было задачей всей жизни и дѣятельности знаменитаго просвѣтителя и ревнителя православія.

Въ своемъ духовномъ завѣщаніи Могила говоритъ:

«Видя, что упадокъ святаго благочестія въ народѣ русскомъ происходитъ не отъ чего иного, какъ отъ совершеннаго недостатка образованія и ученія, я далъ обѣтъ Богу моему—все мое имущество, доставшееся отъ родителей, и все, что ни оставалось бы здѣсь отъ доходовъ съ порученныхъ мнѣ святыхъ мѣстъ, съ имѣній на то назначенныхъ, обращать частію на возстановленіе разрушенныхъ храмовъ Божіихъ, отъ которыхъ оставались плачевныя развалины, частію на основаніе школъ въ Кіевѣ».

Коллегіи своей Могила завѣщалъ довольно крупный капиталъ, всю свою библіотеку, четвертую часть своего серебра и нѣкоторыя цѣнныя вещи.

Скончался Петръ Могила 1-го января 1647 г. не задолго, до страшнаго казацкаго и народнаго движенія на защиту русской вѣры и народности при Хмельницкомъ.

Казаки и борьба ихъ съ турками и татарами.

Съ тѣхъ поръ, какъ Литвѣ достались югозападныя русскія земли, литовскіе князья стали смотрѣть на нихъ и на всю степную Украину какъ на свою собственность и начали раздавать здѣсь участки служилому люду за военную службу. Сначала помѣщики предпочи-

тали лѣсныя области и не выказывали особеннаго желанія водворяться въ степныхъ мѣстностяхъ, болѣе подверженныхъ нападеніямъ татарскихъ шаекъ. Въ степяхъ приднѣпровскихъ селились лишь выходцы крестьяне, обрабатывали здѣсь землю, становились собственниками ея, и образовывали вольныя общины. Но мало по малу помѣщики начинаютъ понимать выгоды земледѣльческаго промысла на тучной степной почвѣ и понемногу подвигаются на югъ, добывая себѣ отъ литовскаго правительства права на владѣніе землями, которыя раньше были заняты свободными промышленниками. Поселенцы, занявшіе раньше пустопорожнія земли и считавшіе ихъ своею собственностью, по большей части не желаютъ обращаться въ подневольныхъ крестьянъ новаго владѣльца земли и выселяются на новыя мѣста. Такимъ образомъ населеніе все больше и больше вдавалось въ южную степь и придвигалось ближе къ татарскимъ кочевьямъ. Литовское правительство строитъ по границамъ рядъ укрѣпленныхъ мѣстъ, замковъ для обороны своей южной границы отъ татаръ; съ теченіемъ времени эти укрѣпленія тоже все дальше и дальше вдвигаются на югъ въ степь. И такъ, постепенное завладѣніе степными приднѣпровскими землями идетъ такимъ порядкомъ: сначала незаселенныя земли свободно занимаются вольными поселенцами; затѣмъ водворяются здѣсь помѣщики-дворяне, получая права на землю за свою службу и вмѣстѣ съ тѣмъ государство стремится закрѣпить за собою эти вновь заселенныя земли рядомъ новыхъ крѣпостей. Но любителей вольнаго степнаго житья было много, и они шли все дальше на югъ и востокъ, уходя отъ власти и помѣщиковъ, и старостъ, или воеводъ. Эти поселенцы занимаясь земледѣліемъ, рыболовствомъ, охотой безпрерывно сталкивались съ татарами; оружія нельзя было изъ рукъ выпускать. Постоянная тревога и опасность придала особый складъ этому военно-промышленному люду; многое изъ военныхъ обычаевъ пришлось имъ заимствовать отъ своихъ постоянныхъ враговъ-татаръ; усвоили себѣ они и названіе отъ нихъ. Крымскіе татары дѣлились на два сословія: 1) у л а н о в ъ, поземельныхъ собственниковъ, составлявшихъ высшій военный классъ и 2) к а з а к о в ъ, низшихъ воиновъ, которые владѣли только домами, занимались разъѣздами и набѣгами на пограничныя государства и составляли какъ бы пограничную стражу. Такое же военное значеніе, какъ татарскіе казаки имѣли и южно-русскіе. (Въ Московской Руси, какъ извѣстно, казаками называли не только вольныхъ воиновъ и пограничныхъ стражниковъ, но и вообще свободныхъ, гулящихъ людей, рабочихъ)

Польско-Литовское правительство старалось издавна воспользоваться силами украинскихъ казаковъ, признавало за ними право мелкаго землевладѣльчества; за это они обязывались держать полевую стражу въ степи. Общины казаковъ пользуются правомъ самоуправленія и самосуда. Подчинить и прибрать къ рукамъ степныхъ поселенцевъ-казаковъ было мудрено. Степь служила пріютомъ для бѣглыхъ крестьянъ, для всѣхъ, кому трудно жилось въ обществѣ. Бѣжали сюда изъ пограничныхъ городовъ жители, которымъ тяжело становилось, такъ какъ они должны были кромѣ разныхъ повинностей нести также и военную службу, всегда быть готовыми отражать враговъ.

Въ XVI вѣкѣ уже встрѣчаются въ Литовской украинѣ казаки двухъ родовъ: одни набирались старостами изъ королевскихъ мѣстечекъ и волостей, а другіе сами собирались въ вольныя шайки и выбирали себѣ вождей. Чѣмъ больше населеніе вдавалось въ степь и приближалось къ татарскимъ кочевьямъ, и чѣмъ чаще становились набѣги татаръ, тѣмъ болѣе усиливалось и казачество. Важнѣйшими предводителями и устроителями казаковъ были старосты: Евстафій Дашковичъ, Предславъ Ляндскоронскій и кн. Дмитрій Вишневецкій. Черкасы и Каневъ съ ихъ волостями были мѣстомъ, откуда стало разростаться казачество. Эти мѣстечки долгое время были подъ властью Евстафія Дашковича, «знаменитаго казака», какъ называютъ его польскіе историки. На обязанность казаковъ правительство возлагало борьбу съ татарами.

Въ 1533 г. Дашковичъ на сеймѣ выставлялъ на видъ необходимость держать постоянную казацкую стражу въ двѣ тысячи человѣкъ на днѣпровскихъ островахъ, чтобы сдерживать татаръ отъ набѣговъ на страну. Лѣтъ чрезъ тридцать послѣ того кн. Дмитрій Вишневецкій построилъ укрѣпленіе за порогами Днѣпра на островѣ Хортицѣ и помѣстилъ тамъ казаковъ. Очень не по вкусу татарамъ пришлось это новое военное поселеніе; самъ ханъ ходилъ добывать этотъ казацкій городокъ и выгонять изъ своего сосѣдства казаковъ, но безуспѣшно. Скоро послѣ того, казаки устроили себѣ укрѣпленіе на островѣ Томаковкѣ. Это и была знаменитая впослѣдствіи «Запорожская Сѣчь».

Конечно, Запорожская Сѣчь сложилась не сразу. Издавна уже рыболовы и звѣроловы изъ Украины ходили весною къ порогамъ и за пороги на свои промыслы, а осенью возвращались домой и продавали въ украинскихъ городахъ свѣжую и соленую рыбу, а также и звѣриныя шкуры. Приходилось, конечно, за днѣпровскими

порогами, украинскимъ охотникамъ и рыболовамъ сталкиваться съ татарами; надо было ходить довольно многочисленными ватагами и притомъ съ оружіемъ въ рукахъ. Постоянная опасность, частыя схватки съ татарами придали этимъ шайкамъ промышленниковъ-охотниковъ воинственный закалъ. Бродячая жизнь, полная тревоги и военной удали, многимъ приходилась по душѣ; война мало по малу обращалась у нихъ въ промыселъ. Вооруженныя шайки промышленниковъ-казаковъ стали ходить за пороги и въ степь не только за рыбой и звѣрями, но и за воинной добычей, нападали на татарскіе улусы, угоняли скотъ, лошадей и пр., грабили и купеческіе караваны. Часто возвращались казаки съ большимъ богатствомъ домой; удачи этихъ «промышленниковъ» привлекали и другихъ... Съ каждымъ годомъ число охотниковъ промышлять за порогами росло...

Широкая, разгульная жизнь въ Запорожской Сѣчи послѣ удачныхъ походовъ, удаль, простота, равенство при строгомъ повиновеніи выборному начальству, — все это приходилось по душѣ многимъ. Это было тоже въ своемъ родѣ братство, члены котораго подобно монахамъ были равны между собой и вполнѣ подчинялись своему вождю. Главнымъ обѣтомъ этого братства была война съ татарами и турками, которые считались злѣйшими врагами христіанъ; — это обстоятельство войну съ басурманами дѣлало въ глазахъ казаковъ священною, извиняло, по ихъ понятіямъ, всякія насилія и грабежи.

Не только Запорожское казачество росло день ото дня, росло число казаковъ и въ другихъ мѣстностяхъ; они не ограничивались уже Черкасами и Каневомъ, какъ было сначала, но распространялись на всемъ пространствѣ нынѣшнихъ губерній: Кіевской, Полтавской и южной части Подольской... Въ одной изъ украинскихъ лѣтописей говорится, что султанъ спросилъ:

— «Сколько въ Украинѣ казаковъ?»

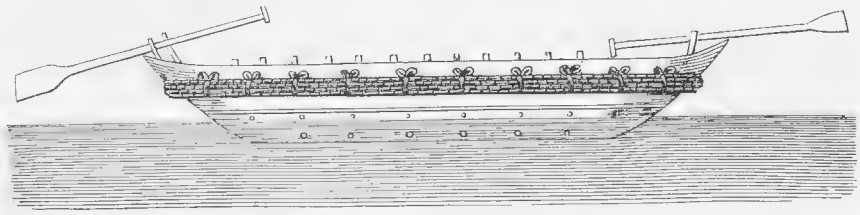
И получилъ такой отвѣтъ:

— «У насъ гдѣ кракъ (кусть), тамъ и казакъ, а гдѣ буеракъ, тамъ сто казаковъ.

Теперь, когда казачество разрослось въ огромную силу, казаки уже не ограничивались схватками съ татарами въ степяхъ и грабежемъ купеческихъ обозовъ, а пускались на своихъ легкихъ ладьяхъ (чайкахъ) въ открытое море, нападали на берега Турціи Европейской и Азіатской, и производили здѣсь погромы и грабежи въ большихъ размѣрахъ..

Вотъ какъ описываетъ эти нападенія одинъ изъ писателей, хорошо знавшихъ обычаи казаковъ (Бопланъ).

«Задумавъ погулять на морѣ, казаки испрашиваютъ дозволеніе не у короля, а у своего гетмана; затѣмъ созываютъ раду, т. е. военный совѣтъ и выбираютъ себѣ походнаго атамана такъ точно, какъ и главнаго вождя. Походный атаманъ ставится только на время. Послѣ того казаки отправляются въ Войсковую Скарбницу—сборное свое мѣсто; строютъ тамъ челны, длиною въ 60, шириною отъ 10 до 12, а глубиною въ 12 футовъ. Челны эти безъ киля: дно ихъ состоитъ изъ выдолбленнаго бревна ивоваго или липоваго; оно обшивается съ боковъ на 12 футовъ въ вышину досками; прикалачиваются онѣ одна къ другой такъ точно, какъ при постройкѣ рѣчныхъ судовъ до тѣхъ поръ, пока челнъ не будетъ имѣть въ вышину 12, а въ длину 60 футовъ... Толстые канаты изъ камыша, обвитые лыками или боярышникомъ, обхватываютъ челнъ отъ кормы



Казацкій челнъ.

до носа... Лодки свои казаки осмаливаютъ и придѣлываютъ къ каждой по два руля, чтобы не терять попусту времени, когда придется отступить. Челны казацкіе, имѣя съ каждой стороны по 10 и 15 веселъ, плывутъ на греблѣ скорѣе турецкихъ галеръ. Ставится также и мачта, къ которой привязываютъ въ хорошую погоду довольно плохой парусъ, но при сильномъ вѣтрѣ казаки охотнѣе плывутъ на веслахъ. Челны не имѣютъ палубы, если же ихъ зальетъ волнами, то камышевые канаты предохраняютъ ихъ отъ потопленія. Сухари складываютъ въ бочки, и достаютъ ихъ чрезъ втулку. Сверхъ того, каждый казакъ запасается горшкомъ варенаго проса и горшкомъ тѣста, распущеннаго въ водѣ, которое они ѣдятъ, смѣшавъ съ просомъ. Тѣсто это, кисловатое вкусомъ, служитъ казакамъ для пищи и для питья: называютъ его саламатою, и считаютъ лакомымъ кушаньемъ, хотя я не находилъ въ немъ большой пріятности... Казаки во время похода всегда трезвы, и если замѣшается

пьяница, – атаманъ тотчасъ приказываетъ выбросить его за бортъ. Имъ не позволяется также брать съ собою водки, потому что трезвость считаютъ необходимою при исполненіи ихъ предпріятій.

Для отмщенія татарамъ за разореніе Украины казаки выбираютъ осеннее время; заранѣе отправляютъ въ Запорожье снаряды и запасы, необходимые для похода и для постройки челновъ. Въ Запорожьѣ собирается отъ 5 до 6 тысячъ добрыхъ, хорошо вооруженныхъ казаковъ, которые немедленно принимаются за постройку лодокъ. Не менѣе 60 человѣкъ, искусныхъ во всѣхъ ремеслахъ, трудятся около одного челна и отдѣлываютъ его чрезъ 15 дней, такъ что въ двѣ или три недѣли изготовляютъ около 80 или 100 лодокъ, съ 4 или 6 фальконетами (маленькими пушками) на каждой. На челнъ садится отъ 50 до 70 казаковъ, изъ которыхъ каждый имѣетъ саблю, двѣ пищали, 6 фунтовъ пороху, достаточное количество пуль... Въ ладьи кладутъ ядра для фалькопетовъ и необходимые жизненные припасы. Походная одежда казаковъ очень проста,—состоитъ она изъ рубахи, шароваръ, кафтана изъ толстаго сукна и шапки. Вотъ какіе витязи садятся на летучій флотъ, приводящій въ трепетъ многолюдные города, расположенные по сѣверному берегу Малой Азіи.

«Челны казацкіе спукаются по Днѣпру и плывутъ такъ тѣсно, что едва не задѣваютъ другъ друга веслами. Атаманскій флагъ развѣвается впереди. Турки обыкновенно заранѣе провѣдываютъ о намѣреніи казаковъ, и чтобы удержать ихъ, разставляютъ галеры свои въ устьѣ Днѣпровскомъ; но хитрые казаки для выхода въ море избираютъ ночь, самую темную, предъ новолуніемъ, а до того времени скрываются въ трехъ или четырехъ миляхъ отъ устья, въ камышахъ, куда турецкія галеры, помня прежнюю неудачу, не смѣютъ показаться: онѣ стерегутъ казаковъ только на устьѣ и всегда безъ успѣха. Впрочемъ проѣздъ казаковъ чрезъ Лиманъ не можетъ совершенно укрыться отъ стражи; вѣсть о выходѣ ихъ въ море быстро распространяется по морскому берегу до самаго Константинополя. Султанъ разсылаетъ гонцовъ по берегамъ Натоліи, Булгаріи и Румеліи для предостереженія жителей. Но все это ни къ чему не служитъ. Казаки, пользуясь и временемъ, и обстоятельствами, чрезъ 36 или 40 часовъ по выходѣ изъ Днѣпра причаливаютъ къ берегамъ Натоліи, и, оставивъ для караула на каждой лодкѣ по два товарища и по два мальчика, вооруженные пищалями дѣлаютъ высадку, нападаютъ врасплохъ, приступомъ берутъ города, грабятъ, жгутъ, опустошаютъ Натолію, нерѣдко на цѣлую милю отъ

морскаго берега; потомъ немедленно возвращаются къ судамъ, нагружаютъ ихъ добычею и плывутъ далѣе на новые поиски. Есть надежда на успѣхъ, вновь дѣлаютъ высадку; если нѣтъ, — возвращаются съ добычею на родину; встрѣтятся ли имъ на морѣ турецкія галеры или купеческіе корабли, они бросаются на нихъ (на абордажъ). Открываютъ же казаки непріятельскій корабль, или галеру, прежде, нежели турки замѣтятъ ихъ челны, возвышающіеся надъ морской поверхностью не болѣе $2^1/_2$ футовъ. Увидѣвъ вдали корабль, казаки немедленно складываютъ мачты, замѣчаютъ направленіе вѣтра и становятся такимъ образомъ, чтобы къ вечеру солнце было у нихъ за спиною. За часъ до захода его на всѣхъ веслахъ плывутъ къ кораблю и останавливаются на милю отъ него, чтобы не упустить его изъ виду. Наконецъ, въ полночь по данному знаку устремляются на врага: половина удальцовъ, готовыхъ къ бою, съ нетерпѣніемъ ждетъ схватки, и, сцѣпившись съ турецкимъ судномъ, въ одно мгновеніе входитъ на него. Турки, изумленные нападеніемъ 80 или 100 лодокъ и множествомъ враговъ, уступаютъ; а казаки, забравъ деньги, негромоздкіе тозары, которымъ не вредитъ подмочка, пушки и все то, что можетъ быть для нихъ полезно, пускаютъ корабль на дно со всѣмъ его экипажемъ. Если бы они умѣли править морскими судами, то уводили бы съ собою и взятые корабли; но они еще не дошли до этого искусства. Наконецъ, настаетъ время возвратиться на родину. Турки между тѣмъ усиливаютъ стражу на устьѣ Днѣпровскомъ; но казаки смѣются надъ этимъ, даже и тогда, когда битвы уменьшили число ихъ или волны морскія поглотили нѣкоторые изъ утлыхъ челновъ ихъ. Казаки причаливаютъ въ заливѣ въ 3 или 4 миляхъ на востокъ отъ Очакова. Отъ этого залива къ Днѣпру идетъ низкая лощина, длиною около 3 миль, которую море иногда заливаетъ на $^1/_4$ мили, покрывая ее водой не болѣе какъ на полфута. Чрезъ эту лощину казаки перетаскиваютъ свои суда: надъ каждымъ челномъ трудится 200 или 300 человѣкъ, и чрезъ два или три дня весь флотъ, обремененный добычею, является на Днѣпрѣ. Такимъ образомъ казаки избѣгаютъ сраженія съ турецкими галерами, стоящими на устьѣ Днѣпровскомъ, близъ Очакова, возвращаются въ Войсковую скарбницу (складочное мѣсто) и дѣлятъ добычу. Есть еще и другая дорога для возвращенія въ Запорожье—чрезъ Азовское море, по Донскому лиману, по рѣкѣ Міусу, затѣмъ около мили идутъ волокомъ, и добираются до рѣки Самары, впадающей въ Днѣпръ. Этотъ путь казаки избираютъ рѣдко по отдаленности его отъ Запорожья»...

«Впрочемъ и казаки въ свою очередь иногда попадаются въ западню, если встрѣтятся съ турецкими галерами среди бѣлаго дня на открытомъ морѣ. Тогда отъ пушечныхъ выстрѣловъ челны ихъ разсыпаются, какъ стая скворцовъ, и многіе гибнутъ въ морской пучинѣ; удальцы теряютъ все свое мужество и въ быстромъ бѣгствѣ ищутъ спасенія. Но когда рѣшаются на битву, — привязываютъ весла по мѣстамъ и вступаютъ въ бой: одни, не трогаясь съ лавокъ, палятъ безпрерывно изъ пищалей; другіе заряжаютъ ихъ и подаютъ своимъ товарищамъ. Мѣткіе выстрѣлы ихъ не допускаютъ турокъ до ручной схватки. При всемъ томъ турецкія пушки наносятъ казакамъ ужасный вредъ: они обыкновенно теряютъ въ сраженіяхъ съ галерами около двухъ третей своихъ сподвижниковъ, рѣдко возвращается ихъ на родину болѣе половины; за то привозятъ богатую добычу: испанскіе реалы, арабскіе цехины, ковры, парчу, бумажныя и шелковыя ткани и иные драгоцѣнные товары. Вотъ главный ихъ промыселъ: они живутъ одной добычею; возвратясь на родину, они ни чѣмъ не занимаются, — только пьютъ и бражничаютъ съ друзьями».

Казаки выходятъ на морскіе поиски послѣ Иванова дня, а возвращаются непозже первыхъ чиселъ августа мѣсяца.

Борьба съ турками и татарами, этими исконными злѣйшими врагами и Восточной и Западной Руси, была главнымъ дѣломъ казаковъ.

О крымскихъ татарахъ и набѣгахъ ихъ мы находимъ любопытныя свѣдѣнія у того-же Боплана.

«Татарина, говоритъ онъ, можно узнать съ перваго взгляда. Росту татары по большей части ниже средняго, коренастые, широкоплечіе, голова у нихъ огромная, лице почти круглое, лобъ открытый, глаза черные и узкіе, носъ короткій, цвѣтъ лица смуглый, волосы черные, какъ смоль, и грубые, какъ лошадиная грива. «Всѣ они воины крѣпкіе и мужественные, пріученные съ малолѣтства презирать труды и непогоду: съ семи лѣтъ они оставляютъ свои кантары (юрты на двухъ колесахъ), спятъ всегда подъ открытымъ небомъ, и ѣдятъ только то, что сами добываютъ стрѣлами, ничего не получая отъ родителей. Такимъ образомъ, научившись съ дѣтства мѣтко попадать въ цѣль, они на 12 году отправляются въ поле противъ непріятелей. Татарки ежедневно купаютъ своихъ дѣтей въ соленой водѣ для того, чтобы кожа ихъ загрубѣла и сдѣлалась нечувствительною къ холоду, чтобы они не боялись простуды даже въ случаѣ переправы чрезъ рѣки въ зимнее время ...

«Одежда татаръ состоитъ изъ короткой бумажной рубахи и шароваръ иногда суконныхъ и пестрыхъ бумажныхъ. Важнѣйшіе изъ

татаръ носятъ пестрый бумажный кафтанъ и сверхъ него надѣваютъ кафтанъ суконный, подбитый лисьимъ или собольимъ мѣхомъ; голову покрываютъ мѣховой шапкою; сапоги носятъ красные сафьянные, но безъ шпоръ. Простые татары накидываютъ на плечи овчинный тулупъ, который зимой носятъ шерстью внизъ, а лѣтомъ и во время дождя шерстью наружу. Встрѣтивъ ихъ въ такомъ одѣяніи нечаянно въ полѣ, испугаешься, — подумаешь, что это бѣлые медвѣди, вцѣпившіеся въ лошадей. Тоже самое дѣлаютъ они и съ овчинными шапками».

«Татары вооружены саблею, лукомъ и колчаномъ съ 18 или 20 стрѣлами; на поясѣ виситъ ножъ, огниво для добыванія огня, шило и 5 или 6 саженъ ременныхъ веревокъ для вязанія плѣнниковъ. Одни только зажиточные носятъ кольчуги, прочіе же отправляются на войну просто. Они весьма храбры и проворны на коняхъ, хотя и дурно сидятъ на нихъ, подгибая колѣна отъ короткихъ стременъ: конный татаринъ похожъ на обезьяну, сидящую на гончей собакѣ. При всемъ томъ ловкость и проворство татаръ изумительны: несясь во весь опоръ, они перескакиваютъ съ усталаго коня на запаснаго и легко избѣгаютъ преслѣдованія непріятелей. Конь, не чувствуя на себѣ всадника, тотчасъ беретъ правую сторону и скачетъ рядомъ, чтобы хозяинъ въ случаѣ нужды могъ снова перескочить на него. Такъ умѣютъ служить своимъ господамъ татарскіе кони, которые переносятъ труды почти невѣроятные. Только эти съ виду неуклюжія и некрасивыя лошади въ состояніи проскакать безъ отдыха 20 или 30 миль. Густая грива и хвостъ ихъ достигаютъ до земли».

«Всѣ вообще татары низшаго званія, не исключая и кочующихъ, питаются не хлѣбомъ, а кониною; ее предпочитаютъ и говядинѣ, и козлятинѣ, и баранинѣ... Должно еще замѣтить, что татаринъ рѣшится зарѣзать для пищи только больную лошадь, которая ни къ чему не годна. Если даже она издохнетъ сама собою отъ какой бы то ни было болѣзни, татаринъ не побрезгаетъ ѣсть и падаль. Во время походовъ та же пища: составивъ артель изъ 10 человѣкъ, татары берутъ коня самаго изнуреннаго и убиваютъ его. Если случится мука, размѣшиваютъ ее рукою въ лошадиной крови; потомъ кладутъ эту смѣсь въ котелъ, варятъ и ѣдятъ ее, какъ самое лакомое кушанье. Мясо же разсѣкаютъ на четыре части: три четверти отдаютъ въ займы товарищамъ, а заднюю четверть оставляютъ для себя. Разрѣзавъ ее на большіе пласты, въ дюймъ или два толщиною, кладутъ по одному на спину лошади подъ сѣдло, и,

затянувъ крѣпко подпруги, скачутъ часа два или три, продолжая походъ съ товарищами, потомъ снимаютъ сѣдло, переворачиваютъ конину, смачиваютъ ее нѣною, которую собираютъ съ лошади пальцами изъ опасенія, чтобы мясо не потеряло сочности; вновь сѣдлаютъ коня и скачутъ опять два или три часа, и кусокъ,—самый лакомый для нихъ—готовъ. Прочія же части возятъ съ небольшимъ количествомъ соли въ котлѣ... Чистую воду пьютъ татары только тогда, когда найдутъ ее, что случается рѣдко, а зимою употребляютъ одну снѣговую. Мурзы, т. е. благородные, и другіе зажиточные татары пьютъ лошадиное молоко (кумысъ), который замѣняетъ имъ и вино, и водку. У этого народа ничто не пропадаетъ даромъ: конскимъ жиромъ приправляютъ ячменную, просяную и гречневую кашу; изъ кожи искусно плетутъ веревки, дѣлаютъ сѣдла, узды и ногайки... Остающіеся дома татары ѣдятъ овецъ, козлятъ, куръ и другую живность, — свинины же не терпятъ подобно жидамъ. Изъ муки, когда достанутъ ее, пекутъ лепешки; но самая обыкновенная ихъ пища состоитъ изъ просяной, ячменной и гречневой каши»...

Изъ этого описанія видно, что татары-степняки остались по своимъ правамъ и обычаямъ такими же полудикими кочевниками, какими были четыре вѣка тому назадъ ихъ предки, выведенные изъ Азіи Батыемъ. Только тѣ изъ татаръ, которые занимались торговлей и жили по городамъ, пріучались къ осѣдлости и усвоивали себѣ нѣкоторые обычаи болѣе образованныхъ народовъ.

Хищническіе набѣги татаръ по своей свирѣпости походили на прежнія нашествія. Кромѣ крымскихъ татаръ, на русскія украины дѣлали набѣги ногаи, кочевавшіе между Дономъ и Кубанью и буджакскіе татары, занимавшіе степь между устьями Днѣстра и Дуная.

«Получивъ отъ султана повелѣніе вторгнуться въ Польшу, ханъ собираетъ тысячъ до восьмидесяти всадниковъ, если самъ намѣренъ громить непріятельскія области; если же посылаетъ мурзу, то даетъ ему сорокъ или пятьдесятъ тысячъ. Походы предпринимаютъ обыкновенно зимою въ началѣ января, чтобы не затрудняться переправами чрезъ рѣки и болота... Татары смѣло пускаются въ дальній походъ съ некованными лошадьми, которыхъ копыта защищаются снѣгомъ; — иначе онѣ разбили бы ихъ о замерзшую землю, что и случается во время гололедицы... Отправляясь въ путь, татары разсчитываютъ такъ время, чтобы вернуться въ Крымъ до вскрытія рѣкъ безо всякаго урона. Чтобы скрыть свои движенія и избѣжать казаковъ, стерегущихъ враговъ въ степи, татары переходятъ степи

по лощинамъ, идущимъ отъ Крыма къ польскимъ границамъ; ночью не разводятъ огней въ лагерѣ, а для развѣдокъ и чтобы добыть «языка», высылаютъ самыхъ расторопныхъ и опытныхъ наѣздниковъ. При каждомъ всадникѣ имѣется двѣ запасныхъ лошади... Для невидавшаго татаръ будетъ непонятно, какъ 80 тысячъ всадниковъ могутъ имѣть болѣе двухсотъ тысячъ лошадей. Не столь часты деревья въ лѣсу, какъ татарскіе кони въ полѣ,—ихъ можно уподобить тучѣ, которая появляется на горизонтѣ, и, приближаясь, болѣе и болѣе увеличивается. Видъ этихъ полчищъ наведетъ ужасъ на воина самаго храбраго, но еще не привыкшаго къ такому зрѣлищу... За три или за четыре мили отъ границы они отдыхаютъ два или три дня въ скрытномъ мѣстѣ и устроиваютъ войско, раздѣливъ его на три отряда. Двѣ трети составляютъ главный корпусъ, а одна треть образуетъ крылья—лѣвое и правое. Въ такомъ порядкѣ татары устремляются на непріятельскую землю, и идутъ безъ отдыха день и ночь, не дѣлая опустошеній и останавливаясь не болѣе часа для корма лошадей. Отойдя 60 или 80 миль отъ границы, они поворачиваютъ назадъ. Главный корпусъ отступаетъ въ томъ же порядкѣ, но крылья удаляются отъ него на нѣсколько миль въ сторону и впередъ. Каждое крыло дробится на 10 или 12 отрядовъ въ пятьсотъ или шестьсотъ человѣкъ каждый; отряды эти разсыпаются по деревнямъ, окружаютъ селенія со всѣхъ сторонъ, и, чтобы не ускользнули жители, раскладываютъ по ночамъ большіе огни; потомъ грабятъ, жгутъ, рѣжутъ сопротивляющихся, уводятъ не только мужчинъ, но и женщинъ съ грудными младенцами, угоняютъ быковъ, коровъ, лошадей, овецъ и пр. Отряды не смѣютъ удаляться въ сторону отъ главнаго войска далѣе 12 миль. Обремененные добычею, они спѣшатъ соединиться съ главнымъ войскомъ, которое легко находятъ по слѣдамъ. часа чрезъ четыре... Когда грабители возвращаются, то отъ войска отдѣляются два свѣжія крыла направо и налѣво, грабятъ и опустошаютъ такъ-же, какъ и первые отряды, возвращаются, а на добычу выходятъ новые отряды... Отступаютъ татары медленно, шагомъ, чтобы не утомить коней и всегда готовы дать отпоръ полякамъ, хотя и стараются избѣгнуть встрѣчи съ непріятелемъ. Обороняются татары только тогда, когда вдесятеро сильнѣе врага; иначе спѣшатъ поскорѣе выбраться изъ непріятельской земли. Удалившись въ степи миль на 30 или на 40 отъ границы, татары останавливаются въ безопасномъ мѣстѣ, отдыхаютъ и приводятъ въ порядокъ свое войско, если встрѣча съ поляками разстроила его. Во время этого роздыха,

продолжающагося около недѣли, татары собираютъ и дѣлятъ между собой добычу, состоящую изъ плѣнниковъ и домашняго скота. «И безчеловѣчное сердце будетъ тронуто, говоритъ Бопланъ, при видѣ прощанія мужа съ женою, матери съ дочерью, навсегда разлучаемыхъ тяжкой неволей; а звѣрскіе татары притомъ творятъ всевозможныя жестокости и насилія надъ дѣтьми въ глазахъ ихъ родителей. Крики и пѣсни буйныхъ татаръ, стоны и вопли несчастныхъ плѣнниковъ приведутъ въ трепетъ и звѣрскую душу. Плѣнники отводятся въ Константинополь, Крымъ, Натолію и пр. Такимъ образомъ менѣе, чѣмъ въ двѣ недѣли, захвативъ тысячъ пятьдесятъ жителей, татары уводятъ ихъ послѣ дѣлежа въ свои улусы, а затѣмъ продаютъ въ неволю».

Лѣтомъ татары отправляются на добычу обыкновенно меньшими отрядами, чѣмъ зимою,—тысячъ въ десять или двадцать. Все войско разбивается на 10 или 12 отрядовъ, которые идутъ одинъ отъ

Татаринъ, плывущій чрезъ рѣку (По рисунку Боплана).

другаго въ разстояніи мили. Въ такомъ порядкѣ, не теряя сообщенія между собой, отряды переходятъ степи и соединяются въ извѣстное время на назначенномъ мѣстѣ. Раздѣляются на отряды они для того, чтобы казаки, стерегущіе по степямъ на каждыхъ 2 или 3 миляхъ, не узнали настоящей силы ихъ. Казаки, открывъ враговъ, быстро отступаютъ и увѣдомляютъ пограничныхъ жителей о появленіи тысячи или двухъ тысячъ татаръ, а тѣ чрезъ нѣсколько дней всѣми силами налетаютъ на оплошныхъ жителей, не думавшихъ, что опасность такъ велика...

«Переправы чрезъ рѣки татары совершаютъ довольно просто. Для перехода, напр., чрезъ Днѣпръ, самую большую изъ украинскихъ рѣкъ, татары выбираютъ мѣста съ отлогими берегами. Каждый татаринъ связываетъ изъ камыша два пука, прикрѣпляетъ къ нимъ три поперечныя палки, потомъ ставитъ на такой плотъ сѣдло, и, раздѣвшись, складываетъ на него одежду, лукъ, стрѣлы, саблю.

Все это накрѣпко привязывается къ камышу. Послѣ того нагой съ плетью въ рукѣ, входитъ въ рѣку и погоняетъ лошадь, ухватившись одной рукой за узду и гриву... Такимъ образомъ татары переплываютъ чрезъ рѣки всѣ вдругъ, строемъ, который занимаетъ иногда вдоль по рѣкѣ около полумили».

Таковы были нравы и военные обычаи татаръ, съ которыми приходилось казакамъ постоянно бороться, и отъ которыхъ они сами многое переняли...

«Зная, какая опасность грозитъ въ степяхъ, казаки принимали большія предосторожности, когда надо было проѣзжать степью. Проходили они ее обыкновенно въ таборѣ, или каравану, между двумя рядами телѣгъ, замыкаемыхъ спереди и сзади 8 или 10 повозками; сами же казаки съ дротиками, пищалями и косами на длинныхъ ратовищахъ идутъ посреди табора, а лучшіе наѣздники ѣдутъ вокругъ него. Сверхъ того во всѣ четыре стороны на четверть мили высылаютъ по одному казаку для наблюденія. Только что покажется непріятель, стражи даютъ знакъ и таборъ останавливается. Татары стараются всегда къ табору подкрасться незамѣтно и напасть врасплохъ; но казаки въ таборѣ не боятся врага, хотя бы онъ былъ разъ въ десять сильнѣе ихъ.

«Случалось мнѣ, говоритъ Бопланъ, нѣсколько разъ съ 50 или 60 казаками переходить степи. Татары нападали на нашъ таборъ въ числѣ 500 человѣкъ, но не въ силахъ были разстроить его; да и мы также мало вредили имъ, потому что они только издали грозили нападеніемъ, не подъѣзжая на ружейный выстрѣлъ, и, пустивъ чрезъ наши головы тучу стрѣлъ, скрывались. Стрѣлы ихъ летятъ дугою вдвое далѣе ружейной пули».

Казацкія думы о турецкой неволѣ.

Тяжкая участь ждала тѣхъ несчастныхъ, которыхъ татары тысячами угоняли въ плѣнъ послѣ удачнаго набѣга. Плѣнныхъ гнали въ Крымъ, словно скотъ, окруживъ цѣпью верховыхъ и подгоняя ногайками; иныхъ плѣнниковъ клеймили раскаленымъ желѣзомъ, какъ лошадей. Въ Крыму невольники, которые посильнѣе, связанные или скованные, мучались днемъ на тяжелой работѣ, а ночью томились въ темницахъ, и жизнь ихъ поддерживалась самой скудной и плохой пищей; кормили ихъ нерѣдко мясомъ дохлыхъ животныхъ... Выводили рабовъ на продажу цѣлыми десятками, прикованныхъ другъ къ другу около шеи. Этотъ живой товаръ прода-

вался въ Крыму разнымъ иноземнымъ купцамъ, которые внимательно осматривали невольниковъ со всѣхъ сторонъ, нѣтъ ли у нихъ какихъ тѣлесныхъ недостатковъ,—даже зубы разглядывали у нихъ... Продажа невольниковъ производилась во всѣхъ крымскихъ городахъ, но особенно въ Кафѣ (теперь Ѳеодосія). Этотъ городъ былъ главнымъ рынкомъ невольниковъ, — тамъ ихъ всегда было около 30 тысячъ. Ханъ выбиралъ первый и получалъ пошлину съ каждаго купленнаго раба. Пока захваченныхъ плѣнниковъ не продавали «за море», была еще возможность ихъ купить; но обыкновенно иноземные купцы, купивъ здѣсь наиболѣе сильныхъ рабовъ, развозили ихъ по отдаленнымъ странамъ и продавали ихъ съ большимъ барышомъ для себя саррацинамъ, персамъ, индійцамъ, арабамъ и пр. Невыносимо тяжело было положеніе невольниковъ, попавшихъ на турецкія гребныя суда — каторги (галеры). Несчастные приковывались къ скамьямъ на каждое весло по пяти или по шести человѣкъ. Поперечныя скамьи шли вдоль праваго и лѣваго бортовъ каторги; между скамьями былъ проходъ, по которому ходилъ взадъ и впередъ надсмотрщикъ надъ гребцами, поощряя ихъ къ работѣ кнутомъ. Невольники были обнажены до пояса во всякую погоду и никогда не оставляли своихъ скамей; на нихъ они спали и ѣли, не зная отдыха даже и въ праздники. Мучительнѣе этой подневольной жизни и придумать трудно, — вотъ почему самое слово «каторга» получило свое страшное значеніе.

Судьба красивыхъ дѣвушекъ, попавшихъ въ плѣнъ къ татарамъ, была сноснѣе сравнительно съ участью другихъ плѣнниковъ. Эти дѣвушки цѣнились очень дорого, нарасхватъ раскупались знатными и богатыми турками для ихъ гаремовъ, и случалось, что онѣ попадали даже въ султанши.

Выйти изъ своего тяжкаго положенія христіанскіе плѣнники могли, лишь принявъ исламъ, обратившись въ турокъ. Бывали случаи, что такіе отступники (или ренегаты), которые потурчились, злѣе самихъ турокъ мучили попавшихъ къ нимъ въ руки христіанъ-плѣнниковъ, твердо державшихся своей вѣры. Изъ дѣтей-христіанъ, захваченныхъ въ плѣнъ, турки, какъ извѣстно, образовали войско подъ именемъ янычаръ. . Особенно страшно было положеніе тѣхъ казацкихъ вождей, которые попадали въ руки турокъ. Озлобленные турки вымещали на нихъ все зло, причиненное казацкими нападеніями Турціи. По словамъ одного польскаго историка, Вишневецкій, основатель Запорожской Сѣчи, попалъ въ руки турокъ и подвергся страшной смерти. Онъ по приказу султана былъ сбро-

шенъ съ башни на крюки, вдѣланные въ стѣнѣ. Несчастный, зацѣпившись ребромъ за крюкъ, повисъ и жилъ, перенося мужественно страшныя мученія, три дня въ такомъ положеніи, пока турки не убили его стрѣлами за то, что онъ бранилъ Магомета...

Страшныя мученія, какія терпѣли русскія плѣнники у татаръ и турокъ, еще больше разжигали ненависть и вражду къ мучителямъ у казаковъ: они старались тѣмъ же отплатить своимъ вѣчнымъ врагамъ. Нападать на «басурманъ», т. е. татаръ и турокъ, грабить ихъ, всячески мучить и убивать, казаки считали своимъ священнымъ правомъ, которымъ готовы были пользоваться при всякомъ удобномъ случаѣ.

Борьба съ басурманами, горькое рабство у нихъ, бѣгство изъ рабства, мечта невольниковъ о родномъ краѣ, — все это осталось въ народной памяти и сказалось въ старинныхъ украинскихъ пѣсняхъ. Старые казаки, распѣвая ихъ, воспламеняли у молодыхъ ненависть къ басурманамъ.

Вотъ какъ, напр, изображенъ въ одной казацкой думѣ плачъ невольниковъ на турецкой каторгѣ:

«Въ святую недѣлю не сизые орлы заклектали, то бѣдные невольники въ тяжкой неволѣ заплакали, къ верху руки подымали оковами забряцали, Господа милосердаго просили, ублажали: Подай намъ Господи буйный вѣтеръ! Хоть бы буря встала на Черномъ морѣ, хоть бы повырвала якори съ турецкой каторги, — намъ ужь басурманская каторга надоѣла. Оковы-желѣзо намъ ноги повырывало, тѣло казацкое-молодецкое до желтой кости протерло!..

Другая дума представляетъ побѣгъ изъ турецкой неволи трехъ братьевъ.

«То не туманы великіе подымались изъ подъ Азова, — то три брата родные, голуби сизые, изъ Азова отъ тяжкой неволи убѣгали,—въ землю христіанскую къ отцу къ матери. Два брата конные, а третій пѣшъ-пѣхотинецъ спѣшитъ за братьями, разбиваетъ свои ноги казацкія-молодецкія о бѣлое каменье, о сырое коренье, кровью слѣдъ заливаетъ, слезно братьевъ молитъ:

— «Братики мои родненькіе, голубчики сизенькіе, возьмите меня, брата вашего меньшого, межъ коней и въ землю христіанскую къ отцу и къ матери отвезите!» — Братья отказываютъ ему, опасаясь, что ихъ азовская орда тогда догонитъ и въ концѣ погубитъ. Они гонятъ своихъ коней, а меньшой братъ пѣшъ пѣхотинецъ ихъ догоняетъ, за стремена хватаетъ, слезами обливаетъ: «Братики мои родненькіе, голубчики мои сивенькіе, не хотите меня межъ коней взять, такъ застрѣлите меня, порубите, не дайте меня въ пищу

звѣрю да птицѣ!» Отвѣчали ему братья: — «Братикъ милый, голубокъ сизый, говоришь ты словно сердце наше ножемъ пробиваешь! не подымутся на тебя наши мечи, на 12 частей разлетятся, и душа наша во вѣки отъ грѣховъ не избавится; лучше мы будемъ рвать и разбрасывать по дорогѣ терновыя вѣтви, чтобы ты зналъ, куда убѣгать въ землю христіанскую къ отцу, къ матери, ко всему роду»... Бѣжитъ меньшой братъ, пѣшъ-пѣхотинецъ, добѣгаетъ до терновъ, хватаетъ ихъ, прижимаетъ къ сердцу казацкому, горючими слезами обливаетъ. «Здѣсь, говоритъ онъ, проѣзжали мои конные братья, терновыя вѣтки мнѣ на примѣту бросали, чтобы зналъ я, куда уходить отъ тяжкой неволи, къ отцу, къ матери, ко всему роду»... Добѣгаетъ онъ до Савуръ-могилы, слезами обливается. «Три недоли, говоритъ онъ, изнемогая, погубили меня въ полѣ: безхлѣбье, безводье, а третья недоля, что не догналъ своихъ братьевъ». А буйный вѣтеръ вѣетъ-повѣваетъ, несчастнаго казака съ ногъ ужь валитъ. Ложится онъ на Савуръ-могилу... Уже волки хищники набѣгали, орлы сизоперые налетали, поджидали смерти бѣднаго казака. Слышитъ онъ клекотъ орлиный и говоритъ самъ себѣ: «Когда бы далъ мнѣ Богъ встать на казацкія ноги, поднять пищаль семипяденную и послать пулю орламъ сизымъ въ подарокъ». И всталъ еще казакъ и послалъ пулю орламъ сизоперымъ... Ложится снова онъ, припоминаетъ отцовскую-материнскую молитву и отдаетъ Богу душу... И прилетѣли къ нему сизыя зозули (кукушки) и словно родныя сестры надъ нимъ куковали; налетали и орлы сизоперые, на кудри наступали, очи ясныя вырывали; набѣгали и волки хищные, разносили по тернамъ, по байракамъ кости казацкія»...

Дума о Самойлѣ Кошкѣ тоже разсказываетъ о побѣгѣ казаковъ турецкихъ невольниковъ; здѣсь дѣло увѣнчалось успѣхомъ. Кошка, удалой козацкій вождь, со своими товарищами попалъ на каторгу, но, по словамъ думы, очень ловко выкралъ у подгулявшаго надсмотрщика ключи, отомкнулъ себѣ и товарищамъ оковы, — и въ полночь освобожденные казаки бросились по его командѣ на спящихъ враговъ «турокъ-яничаръ рубили, а другихъ живьемъ въ море побросали». Послѣ того казаки приплыли въ Днѣпръ. Здѣсь встрѣтили своихъ товарищей-запорожцевъ. Богатство, какое было на каторгѣ, они подѣлили межъ собой, а галеру сожгли, «на пожаръ спустили». Серебро и золото подѣлили на части: одну назначили на церкви, которыя давно уже содержали на казацкій счетъ, чтобъ было кому утромъ и вечеромъ молиться за казаковъ; вторую часть казаки раздѣлили межъ собой, а на третью пировали и пили, засѣвши въ ка-

мышахъ, палили изъ ружей, поздравляли Самойла Кошку... Дума заканчивается увѣреніемъ, что слава казацкая не умретъ, не ослабѣетъ и пожеланіемъ долговѣчности и всякаго благополучія народу христіанскому, войску запорожскому, донскому и черни днѣпровской, низовой на многія лѣта до конца вѣка!»

Любопытна также дума о Марусѣ Богуславкѣ.

На Черномъ морѣ, на бѣломъ камнѣ стояла каменная темница, а въ ней томилось 700 казаковъ – бѣдныхъ невольниковъ, тридцать лѣтъ уже не видятъ они ни свѣта божьяго, ни солнца праведнаго. И приходитъ къ нимъ «дѣвка, бранка» (т. е. плѣнница), Маруся Богуславская, поповна, и говоритъ «Казаки, бѣдные невольники!.. Угадайте, что за день теперь въ землѣ христіанской?» — Почемъ же знать мы можемъ, Маруся, 30 лѣтъ мы въ неволѣ, свѣта Божьяго, солнца праведнаго, не видимъ!» И говоритъ имъ снова Маруся: «Казаки вы, бѣдные невольники! вѣдь сегодня въ землѣ христіанской Великая Суббота, а завтра святой праздникъ, Великій день (Свѣтлое Христово Воскресенье). Услышавши это, казаки припали бѣлымъ лицомъ къ сырой землѣ, Марусю поповну Богуславку кляли-проклинали: чтобъ тебѣ, Маруся, не было счастья и доли за то, что ты намъ сказала о святомъ праздникѣ, Великомъ днѣ!» — «Не браните меня, казаки, бѣдные невольники, сказала Маруся, и не проклинайте; какъ будетъ господинъ нашъ выѣзжать къ мечети, онъ отдастъ мнѣ ключи отъ темницы на руки, тогда я прійду къ вамъ и выпущу всѣхъ васъ».

Такъ и случилось. Выпустила казаковъ Маруся и сказала имъ: «Казаки, бѣдные невольники! Убѣгайте теперь въ города христіанскіе. Только прошу я васъ одного города Богуслава не минуйте, моему отцу и матери знать давайте. Пускай отецъ не сбываетъ своего добра-имущества, пусть не собираетъ большихъ денегъ, чтобы выкупить меня: я уже потурчилась, побасурманилась!»

Дума заключается горячей мольбой къ Богу отъ невольниковъ: — «Ой вызволи (освободи). Боже, насъ всѣхъ бѣдныхъ невольниковъ отъ тяжкой неволи, отъ вѣры басурманской, въ край веселый, въ міръ крещеный! Услышь, Боже, искреннюю мольбу насъ, бѣдныхъ невольниковъ!»

Казацкія возстанія противъ Польши.

Казачество въ степной Украинѣ по Днѣпру и его притокамъ годъ отъ году росло. Со времени Люблинской уніи особенно уси-

ливается приливъ населенія въ степи. Въ это время польско-литовское правительство и дворяне сильно хлопочутъ о прикрѣпленіи крестьянъ къ землѣ, положеніе ихъ ухудшается и побѣги становятся все чаще и чаще. Степное приволье манитъ бѣглецовъ со всѣхъ сторонъ, и степи быстро заселяются. Но тучная степная почва, какъ сказано уже раньше, привлекаетъ и дворянъ-пановъ, понявшихъ всю выгоду земледѣльческаго промысла: стремятся и они завладѣть приднѣпровскими землями, выпрашиваютъ себѣ у правительства грамоты на нихъ. Поселенцамъ, раньше запявшимъ эти земли, приходилось или снова подчиняться помѣщичьей власти, или уходить отъ нея бездомными скитальцами дальше, поближе къ татарамъ. Понятно, какую вражду къ панамъ уносили эти любители свободы.

Не только крестьяне-бѣглецы и свободные земледѣльцы и промышленники, спасавшіеся отъ закрѣпощенія, уходили въ степи, но нерѣдко шли сюда казаковать мѣщане и шляхтичи, мелкіе дворяне, служившіе въ тѣхъ вооруженныхъ отрядахъ, какіе окружали обыкновенно южно-русскихъ и литовскихъ пановъ, и польскіе солдаты, или жолнеры, кромѣ войны да грабежа, ничего не знавшіе.

Буйная казацкая вольница, безпрерывно ѣздившая «шарпать» (грабить) турецкіе берега, не прекращавшая борьбы съ татарами, вызывала много непріятностей польскому правительству, султанъ безпрестанно корилъ его за своевольство и разбои казаковъ; не разъ эти разбои выставлялись причиною войны. Напрасно польское правительство отказывалось отъ всякой связи съ казаками, называя ихъ степными разбойниками; султаны не принимали этихъ доводовъ, они знали, что съ польскимъ войскомъ въ случаѣ войны почти всегда были казаки,—знали, что на нихъ возлагалась степная сторожевая служба.

Польскій король Стефанъ Баторій первый задумалъ прибрать казаковъ къ рукамъ, обратить казацкую вольницу въ покорную силу Польши. Для этого онъ велѣлъ выдѣлить всѣхъ лучшихъ казаковъ и занести ихъ въ списокъ (реестръ), а остальныхъ приписать къ крестьянству. Всѣхъ реестровыхъ казаковъ набралось 6000; они были раздѣлены на шесть полковъ (Переяславскій, Черкасскій, Каневскій, Бѣлоцерковскій, Корсунскій и Чигиринскій). Полкамъ этимъ, занимавшимъ цѣлыя области, по городамъ которыхъ они получали названіе, давалось право выбирать самимъ свою старшину, т. е. начальниковъ. Полкъ распадался на сотни, курени и околицы. Мѣстомъ жительства главнаго начальника (гет-

мана), столицею казацкою былъ признанъ городъ Трахтеміровъ. Казаки обязывались вполнѣ повиноваться своему начальству и охранять границу.

Каждый казакъ долженъ былъ имѣть лошадь, ружье, пику и получалъ въ годъ червонецъ жалованья и кожухъ (тулупъ). Предводителю казаковъ король прислалъ особые знаки гетманскаго достоинства: королевское знамя, бунчукъ (булава съ конскимъ хвостомъ), начальническій жезлъ, или булаву, и войсковую печать. Всѣ казаки, не попавшіеся въ реестръ, должны были считаться простыми крестьянами. Очевидно, король думалъ своимъ распоряженіемъ ослабить казацкое войско, уменьшить число настоящихъ казаковъ и притомъ вольныхъ воиновъ обратить въ своихъ наемниковъ. Но затѣя эта ему не удалась: хотя и нашлись охотники получать королевское жалованье, но немного набралось желающихъ изъ вольныхъ казаковъ обратиться въ крестьянъ.

Въ одной украинской пѣснѣ такъ вспоминается о Стефанѣ Баторіи. Собираетъ гетманъ раду и говоритъ: «Вотъ, братцы, король прислалъ намъ великій даръ: золотую булаву, серебряную хоругвь (знамя) и косматый бунчукъ. Хочетъ онъ, братцы, храбрые мои товарищи, чтобы мы ему, королю, вѣрно служили, поляковъ не били и съ ними, какъ съ родными братьями, жили. Пусть, говоритъ онъ, твои казаки-товарищи служатъ мнѣ вѣрой и правдой, а если не будутъ мнѣ служить вѣрой и правдой, то я пришлю имъ не такой подарокъ, бѣдою тяжкой, невыносимой порадую я ихъ тогда!—Казаки на это такъ отвѣчали гетману:—«Король польскій намъ великій подарокъ прислалъ, чтобы мы служили ему вѣрой и правдой, а если не послужимъ, то и бѣдой какой-то насъ порадуетъ! Какою же это бѣдою? Ужь не свободой-ли? Если свободою, то намъ, казакамъ, иныхъ даровъ и не надо». Сказавши это, казаки замолчали...

. Эта пѣсня, сложилась ли она въ народѣ, или какой-либо книжный человѣкъ, украинецъ, придумалъ ее, прекрасно выражаетъ задушевную мысль и чувство казацкой вольницы. Свобода, воля, такая же широкая, безпредѣльная, какъ та безконечная степь, какая раскинулась предъ глазами казака, — вотъ что было задушевною мечтою его!..

На ряду съ реестровыми казаками (лейстрвиками), несмотря на всѣ усилія польскаго правительства, продолжали дѣйствовать казаки свободные, не попавшіе въ реестръ. Они выбирали сами себѣ вождей, которые по прежнему водили ихъ на татаръ, на турокъ, а затѣмъ и на поляковъ...

Чѣмъ сильнѣе паны притѣсняли крестьянъ, стараясь ихъ всѣми мѣрами прикрѣпить къ землѣ и закабалить, тѣмъ больше бѣглецовъ скоплялось и въ Запорожской Сѣчи и по степнымъ окраинамъ. Мирному люду, крестьянамъ, да не только имъ, но и всѣмъ промышленникамъ, въ предѣлахъ Рѣчи Посполитой жилось очень не завидно. Здѣсь всякими правами и преимуществами пользовались паны. Богатѣйшіе изъ нихъ жили настоящими владѣтельными князьями и для нихъ никакіе законы, никакіе суды не были страшны,— творили эти паны, что хотѣли. Мелкіе дворяне-шляхтичи тоже пользовались всякими вольностями, съ презрѣніемъ смотрѣли на «хлоповъ», т. е. на народъ, презирали всякій трудъ, только военное дѣло считали для себя почетнымъ, подходящимъ занятіемъ, и въ то же время по бѣдности своей большей частью пресмыкались предъ богатыми магнатами, шли къ нимъ на службу въ тѣ отряды, какіе обыкновенно магнаты держали при себѣ. Паны безпрестанно между собой враждовали и вели усобицы, «дѣлали наѣзды» другъ на друга. Соберетъ панъ свою военную команду, шляхтичей и вооруженную челядь, и нагрянетъ невзначай на владѣніе своего соперника, и пойдетъ тутъ грабежъ и погромъ: увозятъ цѣнныя вещи, угоняютъ скотъ и панскій, да разомъ и крестьянскій. «Хлопамъ», конечно, доставалось тутъ пуще всего, спуску никому не давали. Не даромъ сложилась на Украинѣ пословица: «паны дерутся, а у хлоповъ чубы болятъ». Насиліе и грабежи такимъ образомъ паны производили не хуже украинскихъ казаковъ или татаръ. Жизнь «хлопа» ни во что не ставилась: довольно сказать, что любой панъ имѣлъ право не только всячески истязать, но даже убить своего крестьянина. Понятно, почему эти хлопы толпами бѣжали на Украйну, понятно также, почему годъ отъ году росла казацкая сила и крѣпла непримиримая вражда къ польскому государству съ его панскимъ строемъ.

Послѣ Люблинской уніи, въ концѣ XVI столѣтія, начались враждебныя движенія казаковъ противъ Польши, которыя становились все грознѣе и грознѣе. Въ 1593 году явился у казаковъ смѣлый вождь — Косинскій, родомъ былъ онъ шляхтичъ русской вѣры. Онъ кликнулъ кличъ, и къ нему стала со всѣхъ сторонъ стекаться казацкая вольница. Немало собралось у него удальцовъ, готовыхъ на все. Высланъ былъ военный отрядъ разогнать скопище мятежныхъ казаковъ, но Косинскій разбилъ его. Возстаніе быстро разросталось. Казаки нападали на панскіе и шляхетскіе дворы, грабили и безпощадно опустошали ихъ, особенно старательно истребляли разные

дворянскіе документы и грамоты: казаки со злобой и ненавистью всегда относились къ тому, что поддерживало и давало права панству, господству однихъ надъ другими. Повсюду въ панскихъ имѣніяхъ, хлопы, почуявъ свободу, приставали къ казакамъ и помогали имъ грабить своихъ господъ..

Косинскій овладѣлъ Кіевомъ, затѣмъ Бѣлою Церковью и другими городками. Казаки не только разбивали и грабили панскіе дворы, но брали и королевскіе замки и города и принуждали всѣхъ присягать казацкому войску; противниковъ убивали и мучили. Уже въ эту пору возставшіе казаки помышляли отдѣлить Украйну отъ Рѣчи Посполитой и сдѣлать ее вполнѣ независимой, прогнать съ земли дворянство, а все остальное населеніе привести къ присягѣ казацкому войску. Возстаніе главнымъ образомъ было направлено противъ дворянства. Дворяне поняли, какая бѣда грозитъ имъ; на время прекращаютъ свои распри и соглашаются дѣйствовать заодно противъ общаго врага; составляютъ ополченіе изъ дворянъ и наемниковъ, и близъ Житоміра, у мѣстечка Пятки, наносятъ пораженіе казакамъ. Они принуждены были въ договорѣ обѣщать прекратить нападенія на панскія земли, возвратить бѣглыхъ крестьянъ и добычу. Вскорѣ послѣ того Косинскій погибъ въ одной схваткѣ.

Чрезъ четыре года подчимается новое казацкое возстаніе — возстаніе Лободы и Наливайка. Первый изъ нихъ былъ признанъ начальникомъ реестровыхъ казаковъ, второй былъ избранъ помимо правительства казацкой вольницей. Спачала они вмѣстѣ ходили въ походы на Молдавію и Трансильванію безъ разрѣшенія отъ польскаго правительства. Это вызвало большое неудовольствіе султана. Затѣмъ Наливайко направилъ свои силы уже прямо противъ правительства; напалъ на Луцкъ и страшно ограбилъ его. Въ это время уже извѣстно было о замыслѣ Кирилла Терлецкаго подчинить православную церковь папѣ, и злоба казаковъ и приставшихъ къ нимъ русскихъ людей особенно обратилась на сторонниковъ и слугъ Терлецкаго. Наливайко звалъ къ себѣ въ казаки всѣхъ охотниковъ до вольной и боевой жизни. Шли къ нему толпами; онъ дѣлилъ ихъ на отряды, на сотни, давалъ имъ казацкое устройство. Кто не потакалъ казакамъ, тѣхъ били и грабили. Наливайко врасплохъ взялъ еще городъ Слуцкъ, съ бою занялъ Могилевъ, который былъ почти истребленъ пожаромъ. Послѣ нѣсколькихъ удачныхъ для казаковъ дѣйствій, которыя все сильнѣе привлекали къ нимъ народъ, польскому правительству удалось, наконецъ, и на этотъ разъ смирить казацкое возстаніе. Жолкѣвскому, который

раньше потерпѣлъ неудачу въ борьбѣ съ казаками, посчастливилось окружить ихъ подъ городомъ Лубнами.

Казаки огородились таборомъ изъ возовъ въ четыре ряда, оградили свой станъ валомъ и рвомъ, поставили на валу орудія и стали мужественно отбиваться. Они безпрестанно дѣлали вылазки. Вышедши ночью изъ своего укрѣпленія, копали въ полѣ ямы, прятались тамъ съ ружьями и при всякомъ удобномъ случаѣ выскакивали оттуда и стрѣляли въ своихъ враговъ. Поляки не знали покоя ни днемъ, ни ночью; каждую минуту имъ приходилось быть насторожѣ: того и гляди, что врачи выскочатъ изъ табора и нападутъ. Казаки держались стойко, и, быть можетъ, долго еще полякамъ не удалось бы сломить ихъ, да на бѣду начались въ казацкомъ станѣ сильные нелады между Наливайкомъ и Лободою, —дѣло кончилось тѣмъ, что послѣднему отрубили голову. Но раздоры продолжались. Жолкѣвскій велѣлъ привезти большія пушки и сталъ громить казацкій станъ; въ добавокъ у казаковъ не стало вовсе воды. На бурной радѣ они порѣшили выдать полякамъ Наливайка, какъ главнаго виновника возстанія. Наливайко силою отбивался отъ враждебныхъ ему казаковъ; наконецъ, его одолѣли, связали и выдали Жолкѣвскому; но польскій военачальникъ этимъ неудовольствовался,—онъ потребовалъ, чтобы они выдали не только свои пушки и знамена, но и всѣхъ присоединившихся къ нимъ панскихъ людей, бѣглыхъ хлоповъ. Приходилось казакамъ, стало быть, выдать половину товарищей на жестокую расправу панамъ.

— «Мы лучше всѣ здѣсь пропадемъ до единаго, отвѣчали казаки, а будемъ обороняться!»

Поляки сдѣлали общій приступъ, одолѣли противниковъ; немногимъ изъ нихъ въ общей суматохѣ удалось пробиться и убѣжать; большая часть легла на мѣстѣ битвы, многіе попали въ руки поляковъ.

Важнѣйшихъ изъ казаковъ, взятыхъ въ плѣнъ, отправили въ Варшаву; тамъ всѣхъ немедля казнили смертью, кромѣ Наливайка. На него слишкомъ злобились поляки, какъ на заклятаго врага панскаго сословія, засадили его въ тюрьму, подвергали изысканнымъ мученіямъ: подлѣ него были поставлены два литаврщика, которые били въ литавры, не давая ему заснуть. Послѣ разныхъ истязаній, какія были въ ходу въ тѣ грубыя времена, его казнили. Самое распространенное сказаніе говоритъ, будто его посадили въ мѣднаго быка, нарочно сдѣланнаго для этого; а подъ нимъ разложили огонь и медленно жгли несчастнаго; долго были слышны стоны его; тѣло его превратилось въ пепелъ.

Кто кого больше ненавидѣлъ, казаки ли пановъ, или паны казаковъ — трудно рѣшить!

Послѣ пораженія казаковъ подъ Лубнами двадцать лѣтъ съ ихъ стороны не было движенія противъ Польши. Но сила казацкая все ростетъ; толпы недовольныхъ все идутъ да идутъ на Украйну, особенно же—на Запорожье. Запорожцы предпринимаютъ цѣлый рядъ морскихъ походовъ то на Турцію, то на Крымъ. Чего только не дѣлаетъ польское правительство, чтобы обуздать запорожцевъ! издается противъ нихъ множество указовъ (универсаловъ); учреждается пограничная стража, чтобы не пропускать на Запорожье ни хлѣба, ни оружія; строится цѣлый рядъ крѣпостей, между прочимъ, Кременчугъ, который долженъ былъ порвать сообщеніе по Днѣпру...

На Запорожьѣ въ 1607 г. является даровитый вождь, который придалъ казацкому дѣлу еще большую силу, это—Петръ Конашевичъ Сагайдачный,—православный дворянинъ родомъ изъ Червонной Руси. Учился онъ въ Острожскомъ училищѣ. Въ началѣ XVII ст. онъ является въ Запорожьѣ. Умъ, военныя способности и образованіе скоро выдвинули его впередъ. Въ первый разъ онъ прославился смѣлымъ морскимъ походомъ въ 1605 году, когда ему удалось завладѣть сильной турецкой крѣпостью Варною. На слѣдующій годъ онъ совершаетъ новый удачный походъ Въ 1606 году запорожцы подъ начальствомъ Сагайдачнаго, напали на Кафу, сожгли здѣсь турецкій флотъ, овладѣли крѣпостью и освободили изъ неволи множество христіанъ-плѣнниковъ, свезенныхъ сюда для продажи. Не разъ и послѣ того Сагайдачный дѣлалъ походы на турецкіе берега и всегда съ блестящимъ успѣхомъ. Имя его гремѣло по всей Украинѣ. Польское правительство не могло въ это время помѣшать усиленію казачества. Сигизмундъ въ началѣ XVII столѣтія напрягалъ всѣ силы, чтобы воспользоваться смутами въ Московскомъ государствѣ и завладѣть имъ. Самозванцы вербовали свои шайки на Украйнѣ, гдѣ всегда было среди казаковъ много буйнаго, гулящаго люда, готоваго идти, куда угодно и на кого угодно, лишь бы была въ виду богатая нажива да разгулье. Хотя польское правительство издавало рядъ грозныхъ указовъ противъ своевольныхъ казаковъ; но неподкрѣпленные силою указы эти не имѣли никакого значенія.

Когда Владиславъ предпринялъ походъ на Москву въ 1618 г. и чуть было не попалъ въ бѣду, такъ какъ большая часть его войска, не получая жалованья, ушла отъ него,—выручилъ королевича, какъ извѣстно, Сагайдачный: онъ привелъ на помощь поля-

камъ 20 тысячъ казаковъ. За эту услугу польскій король благосклонно смотрѣлъ на Сагайдачнаго, а тотъ вернулся изъ московскаго похода уже не въ Запорожье, а въ Кіевъ и сталъ заправлять съ титуломъ гетмана всей казацкой Украйной; у него подъ руками были такія военныя силы, что полякамъ трудно было бы и спорить съ нимъ. Пользуясь своимъ выгоднымъ положеніемъ, Сагайдачный взялъ подъ свою охрану гонимое православіе. Въ 1620 г. онъ убѣдилъ іерусалимскаго патріарха, пріѣхавшаго въ это время въ Кіевъ, рукоположить новаго православнаго митрополита и епи-

П. К. Сагайдачный. (По старинному рисунку).

скоповъ для всѣхъ православныхъ епархій. Такимъ образомъ подъ охраной казацкаго оружія православное духовенство стало справляться и входить въ силу. Заботился также Сагайдачный и о процвѣтаніи православныхъ школъ.

Поляки не могли помѣшать этому: въ это время страшная бѣда грозила Польшѣ. Огромное полчище турокъ стояло уже на Днѣстрѣ, готовое вторгнуться въ ея предѣлы и разгромить ее. Польша могла выставить сравнительно ничтожное войско. Опять пришлось просить помощи у Сагайдачнаго; тотъ выговорилъ разныя льготы Украйнѣ, и привелъ къ крѣпости Хотину 40,000 казаковъ.

Всѣ усилія турокъ взять крѣпость и сломить казацко-польское войско оказались напрасными. Опытность и храбрость Сагайдачнаго спасли и на этотъ разъ поляковъ; но дорого поплатился онъ за свою услугу: еле-живой, весь израненный, вернулся онъ домой, лежа въ каретѣ, но и передъ смертью онъ больше всего думалъ объ Украйнѣ, о православіи, и незадолго до кончины написалъ королю слѣдующее письмо:

«Я, вашего королевскаго величества ноги смиренно обнявши, покорно и слезно прошу, чтобы творимыя казакамъ бѣдствія и злобу высокимъ и грознымъ приказомъ вашего наияснѣйшаго королевскаго величества были запрещены и укрощены. Особенно, чтобы унія у насъ, съ позволенія вашего величества снесенная святѣйшимъ Ѳеофаномъ (іерусалимскимъ патріархомъ), не возобновлялась и своихъ роговъ не возносила. Имѣютъ, думаемъ, отцы іезуиты и все духовенство римской церкви кого къ своей уніи привлекать — тѣ народы, которые вовсе не вѣдаютъ и не вѣрятъ въ Христа, а мы, православные, древнихъ святыхъ апостольскихъ и отеческихъ преданій и догматовъ, безъ всякой уніи придерживаясь, не отчаиваемся достигнуть спасенія и вѣчной жизни. Сіи два мои желанія вашего слуги если исполнишь и дѣтямъ своимъ прикажешь всегда соблюдать, то и панованіе ихъ и цѣлой короны въ тишинѣ.... всегда пребудетъ».

Скоро послѣ того (10 апр. 1622 г.) Сагайдачный скончался въ Кіевѣ. Предъ смертью онъ раздѣлилъ по завѣщанію все свое имущество между женою и братскими школами — Кіевскою и Львовскою.

Угнетенія крестьянъ.

Сагайдачный, оказавшій важныя услуги Рѣчи Посполитой, въ своей просьбѣ королю ясно указалъ на то, что возмущало казаковъ противъ правительства, — на притѣсненія православія, на нарушенія ихъ правъ. Казаки уже сознательно выставляли на своемъ знамени защиту гонимой православной церкви.

Кромѣ казаковъ, теперь въ Юго-Западной Руси не было силы, которая взяла бы на себя эту задачу. Южно-русское дворянство къ половинѣ XVII столѣтія уже не могло выставить борцовъ православія и русской народности: болѣе сильные изъ русскихъ магнатовъ уже измѣнили имъ. Видная государственная дѣятельность, роскошь и блескъ придворной и панской жизни въ Польшѣ увлекали богатѣйшихъ изъ русскихъ дворянъ; они все болѣе и болѣе

свыкались съ мыслью что ихъ отечество—вся Рѣчь Посполитая, а не подчиненная ей Южная Русь,—все сильнѣе и сильнѣе осваивались съ польскими нравами, обычаями, языкомъ, забывали свой родной языкъ, перемѣняли вѣру,—словомъ совершенно полячились. Помогли этому и браки съ польками, причемъ дѣти становились католиками. Усердно и неустанно трудились, какъ сказано уже, и іезуиты въ своихъ школахъ надъ переработкой русскаго юношества въ поляковъ и католиковъ. Труды эти увѣнчались успѣхомъ. Многіе изъ потомковъ именитыхъ русскихъ родовъ обратились въ злѣйшихъ враговъ православія и русской народности. Южно-русское дворянство было оторвано отъ почвы, отъ народа, отъ православной церкви; изъ естественныхъ защитниковъ ихъ они преобразились въ безпощадныхъ гонителей. Лѣтъ черезъ сорокъ отъ начала уніи Боплапъ, хорошо знавшій Польшу и Украйну, уже пишетъ: «Дворянство русское походитъ на польское и стыдится исповѣдывать иную вѣру, кромѣ римско-католической, которая съ каждымъ днемъ пріобрѣтаетъ себѣ новыхъ приверженцевъ, не смотря на то, что всѣ вельможи и князья ведутъ свой родъ отъ русскихъ».

Положеніе крестьянъ въ Юго-Западной Руси въ это время страшно ухудшилось. Въ Польшѣ владѣльцамъ давалась неограниченная власть надъ крестьянами. Помѣщикъ могъ дѣлать съ «хлопомъ» своимъ, что хотѣлъ,—могъ всячески истязать его, могъ убить и даже не подвергался за это никакой отвѣтственности. Такимъ безправіемъ и беззащитностью крестьянина возмущались даже и нѣкоторые истые поляки.

«Нѣтъ государства, говоритъ извѣстный Скарга, — гдѣ бы подданные и земледѣльцы были такъ угнетены, какъ у насъ подъ безпредѣльной властью шляхты. Разгнѣванный владѣлецъ или королевскій староста не только можетъ отобрать у бѣднаго хлопа все, что у него есть, но и убить самого, когда вздумается, и за то ни отъ кого дурного слова не услышитъ».

Но подобныя обличенія не приносили пользы. Король въ Польшѣ мало имѣлъ силы; вся власть въ государствѣ принадлежала панамъ, а они, конечно, далеки были отъ мысли уменьшить въ чемъ либо свои права, отказаться отъ своихъ выгодъ. «Польское дворянство, говоритъ Боплапъ, блаженствуетъ, какъ будто бы въ раю, а крестьяне мучатся, какъ въ чистилищѣ; если судьба пошлетъ имъ злого господина, то участь ихъ тягостнѣе галерной неволи».

Тяжело было польскимъ крестьянамъ, но еще невыносимѣе было положеніе крестьянъ въ Юго-Западной Руси; здѣсь ополяченные и

окатоличенные паны къ обычному въ Польшѣ презрѣнію къ хлопамъ присоединяли еще религіозную вражду. Не могли отступники отъ православія равнодушно смотрѣть на своихъ рабовъ, крѣпко державшихся православія, служившихъ живымъ укоромъ имъ, измѣнившимъ вѣрѣ отцовъ и своему народу. Съ презрѣніемъ смотрѣли окатоличенные паны и на уніатовъ.

Съ той поры, какъ южно-русскіе помѣщики стали осваиваться съ нравами и обычаями польскаго магнатства, начали они жить на широкую ногу. Непомѣрная роскошь и безумная расточительность доходили до неслыханныхъ размѣровъ у польскихъ вельможъ. Обыкновенный обѣдъ въ знатномъ польскомъ домѣ превосходилъ, по словамъ Боплана, званые обѣды французскихъ богачей. Бережливость въ Польшѣ считалась постыдною. Груды серебра и золота украшали обѣденные столы; множество кушаній, дорогія иноземныя вина, музыка, пѣсенники и толпы служителей въ дорогихъ кунтушахъ были необходимою принадлежностью панскихъ обѣдовъ. Роскошь въ одеждѣ тоже доходила до крайности: господскіе кунтуши были обыкновенно изъ драгоцѣннаго бархата, вышитаго золотомъ, украшались драгоцѣнными камнями. При дворахъ своихъ паны содержали множество челяди и цѣлыя толпы шляхтичей, составлявшихъ военные отряды, а при паньяхъ было множество шляхтянокъ. Всѣ эти дармоѣды, которыхъ иногда было болѣе тысячи, содержались на счетъ панской казны, которая собиралась съ несчастныхъ крестьянъ.

Какихъ только поборовъ не брали съ нихъ!.. Кромѣ обычной барщины, или панщины, т. е. работы на пана, которою помѣщикъ распоряжался по своему произволу, онъ отбиралъ себѣ въ дворню дѣтей у крестьянъ, не облегчая при этомъ ни въ чемъ ихъ повинностей. Сверхъ того, крестьянинъ три раза въ годъ,—предъ Пасхой, Пятидесятницей и Рождествомъ, обязанъ былъ доставить помѣщику—«осыпъ», т. е. нѣсколько четвериковъ всякаго зерна, нѣсколько паръ домашней птицы. Со всего крестьянскаго достоянія,—со стадъ крупнаго и мелкаго скота, съ табуновъ лошадей, съ меда и плодовъ, десятая часть должна была отдаваться помѣщику. Каждый улей въ крестьянскомъ пчельникѣ, каждый «хлопскій» волъ были обложены пошлинами. За право пасти скотъ, ловить рыбу, за измолъ муки, — за все крестьяне должны были платить пану пошлину; даже сборъ жолудей приходилось имъ оплачивать. Мало того, крестьянамъ запрещено было не только приготовлять себѣ напитки: медъ, пиво, водку, но даже и покупать въ иномъ мѣстѣ,

кромѣ панской корчмы, которая обыкновенно сдавалась на аренду жиду. Случится у пана какая либо радость, — имянины, свадьба и проч., а крестьянину горе — неси поздравительное. Ѣдетъ панъ куда нибудь, на богомолье или на сеймъ, и тутъ какая нибудь тягость ложилась на крестьянъ. Панскіе слуги и шляхтичи проѣздомъ по владѣніямъ своего пана хозяйничали, какъ у себя дома.

Страдалъ народъ отъ пановъ,—страдалъ, конечно, еще больше отъ жидовъ. Паны, особенно богатѣйшіе изъ нихъ, почти никогда сами не управляли имѣніями, а сдавали ихъ на аренду евреямъ.

Это даровитое племя, разсѣявшееся почти повсюду въ Европѣ, гонимое вслѣдствіе слѣпой религіозной вражды, не могло сливаться съ населеніемъ, держалось повсюду особнякомъ, своими отдѣльными общинами и направило всѣ свои способности на быструю наживу, такъ какъ деньги только и давали еврею цѣну въ глазахъ населенія. Торговля и ростовщичество, какъ болѣе легкіе способы наживы, особенно полюбились евреямъ; всюду, гдѣ они водворялись, они ловко забирали торговыя дѣла въ свои руки и быстро обогащались. Тѣснимые и презираемые христіанами, они въ свою очередь, гдѣ могли, вымещали и свои обиды на нихъ. Такимъ образомъ, взаимная вражда между христіанами и евреями явилась на столько же по винѣ первыхъ, сколько и вторыхъ.

Въ Польшѣ оказывалось евреямъ больше терпимости, чѣмъ въ другихъ странахъ, — поэтому они и стали сюда переходить въ большомъ числѣ. Имъ разрѣшалось здѣсь свободно заниматься торговлей и ремеслами; общинамъ ихъ (кагаламъ) дано было право самосуда и самоуправленія. Раввины, т. е. еврейскіе священники, стали заправлять всѣми дѣлами общинъ. Мало по малу евреи распространились по всей Западной Россіи. Повсюду, гдѣ они водворялись въ городахъ или мѣстечкахъ, денежные обороты и вся мелочная торговля переходили въ ихъ руки. Съ ловкими, находчивыми торговцами-евреями, которыхъ поддерживали кагалы, трудно было соперничать русскимъ или полякамъ.—Особенно охотно евреи стали брать въ аренду панскія имѣнія и корчмы. Паны, безумно мотавшіе деньги, проживая въ Варшавѣ или заграницей, съ радостью сдавали свои родовыя и жалованныя имѣнія въ аренду, лишь бы только скорѣе получить побольше денегъ, и давали арендаторамъ не только свои имущества въ полное распоряженіе, но даже и свои панскія права надъ крестьянами. Еврей-арендаторъ получалъ власть не только облагать крестьянъ разными пошлинами, всячески наказывать ихъ, но даже казнить смертью! Это повело къ страшнымъ злоупотреб-

леніямъ. Арендаторъ не дорожилъ, конечно, выгодами помѣщика, не заботился о томъ, чтобы привести имѣніе въ цвѣтущее состояніе; главнымъ дѣломъ для арендатора было поскорѣе нажиться на счетъ пана, хотя бы для этого надо было выжать послѣдніе соки изъ несчастныхъ крестьянъ. Евреи-арендаторы придумывали новые поборы съ нихъ. Дѣло дошло до того, что крестьянинъ не могъ крестить дитя свое, не могъ справить свадьбы, не уплативъ установленной пошлины. Паны-католики даже стали отдавать евреямъ въ

Запорожскій казакъ. Литовскій и Малорусскій крестьяне.

аренду православныя церкви, и жидъ-арендаторъ не прежде открывалъ церковь для разныхъ требъ и обрядовъ, какъ получивъ извѣстную плату.—Казалось, не было униженія и поруганія, какому паны не подвергали бы православной церкви и несчастныхъ крестьянъ! Одни изъ нихъ подъ гнетомъ нищеты и неволи тупѣли, свыкались со своимъ рабскимъ положеніемъ, а другіе, болѣе крѣпкіе духомъ, бѣжали въ степи... И какую же ненависть къ панамъ и къ жидамъ уносили они сюда!

Новыя возстанія казаковъ.

Съ 1625 года начинаются снова казацкія возстанія. Поводомъ къ первому движенію было то, что сеймъ не хотѣлъ утвердить правъ, добытыхъ казаками при Сагайдачномъ. Напрасно они добивались на сеймѣ и свободы православію. Всѣ просьбы казаковъ отклонялись; за ними не признавали даже и права присылать депутатовъ, не считали ихъ сословіемъ. Притѣсненія православныхъ продолжались; тогда и казаки тоже перешли къ насилію. Когда кіевскій войтъ Ѳедоръ Ходыка сталъ, согласно правительственному постановленію, передавать нѣкоторыя православныя церкви уніатамъ, казаки сдѣлали нападеніе на польскій отрядъ, бывшій съ нимъ, разсѣяли его, а самого Ходыку бросили въ Днѣпръ. Мало того,—напали на католическій монастырь, ограбили его, убили священника. По совѣту митрополита казаки отправили въ Москву посольство съ просьбою къ царю принять ихъ подъ свою руку. Объ этомъ узнало польское правительство. Коронный гетманъ Конецпольскій получилъ приказъ укротить мятежниковъ. Дѣло кончилось тѣмъ, что казацкій таборъ былъ осажденъ у озера Куракова, близъ Кременчуга, и казаки принуждены были сдаться на тяжелыхъ условіяхъ: должны были ограничиться 6000 реестровыхъ, выдать пушки, отказаться отъ походовъ на Крымъ и Турцію и пр.

Договоръ этотъ никакой силы не имѣлъ: казацкія чайки по прежнему носились по Черному морю. Въ 1629 году казаки, по ихъ выраженію, «окурили мушкетнымъ дымомъ цареградскія стѣны» и нагнали великій страхъ на жителей Стамбула.

Притѣсненія православныхъ продолжались. Папскія грамоты разжигали вражду къ нимъ. Въ это время польскія войска, возвращавшіяся изъ похода, размѣщены были въ Украйнѣ. Въ православномъ населеніи пошли ходить слухи, будто польскіе жолнеры присланы вывести православную вѣру изъ Украйны и искоренить весь южнорусскій народъ. Пьяные жолнеры сами своими похвальбами да стращаніями породили эти слухи. Раздраженное населеніе сильно взволновалось. Тарасъ Трясило, запорожскій гетманъ, потребовалъ, чтобы жолнеры удалились,—тѣ, конечно, не послушались; тогда Тарасъ напалъ на поляковъ, — они бѣжали. Народъ, возбужденный его призывомъ и духовенствомъ, поднялся, сталъ прогонять жолнеровъ, толпами бѣжалъ къ Тарасу, и скоро у него набралось нѣсколько десятковъ тысячъ; но, кромѣ запорожцевъ, всѣ были плохо вооружены... Поляки опять одержали верхъ, но это имъ

стоило большихъ усилій и потерь. Тарасъ и другіе коноводы возстанія были казнены.

Въ 1632 году, съ избраніемъ Владислава на польскій престолъ, у русскихъ оживаетъ надежда на лучшее будущее. Это было время, когда дѣйствовалъ Петръ Могила. Новый король понималъ, конечно, что казаки могутъ придать ему много силы въ борьбѣ съ внутренними и внѣшними врагами, и готовъ былъ дать всякія льготы православію, но встрѣтилъ сильное противодѣйствіе со стороны сановниковъ. Примасъ (архіепископъ), возлагая корону на Владислава, внушалъ ему, что онъ долженъ всячески охранять и распространять римско-католическую вѣру и не давать еретикамъ никакихъ правъ, хотя бы и обѣщалъ. А когда король хотѣлъ было дать грамоту въ пользу православныхъ, то литовскій канцлеръ Радзивиллъ отказался приложить печать. На сильныя настоянія короля онъ сказалъ:

— «Я во всемъ прочемъ повинуюсь вашему величеству, но тамъ, гдѣ дѣло идетъ о святой римско-католической вѣрѣ, не могу поступить никакъ противъ совѣсти»!

Хотя печать и была приложена послѣ того, какъ примасъ и епископы объявили, что они берутъ этотъ грѣхъ (выдачу льготной грамоты еретикамъ) на свою душу, но изъ этого ясно можно видѣть, какъ трудно было польскому королю, даже при всемъ его желаніи, въ чемъ либо существенно облегчить положеніе русскаго народа и православія.

Не только истые католики-поляки, но и окатоличенные паны стариннаго русскаго рода оказывались жестокими гонителями русскаго населенія и православія. Князь Іеремія Вишневецкій, человѣкъ талантливый и прекрасно образованный, владѣлецъ огромныхъ имѣній (почти вся нынѣшняя Полтавская губернія принадлежала ему), происходившій отъ древней русской фамиліи, сдѣлался свирѣпымъ гонителемъ православнаго русскаго народа. Вишневецкому ничего не стоило велѣть избить православныхъ жителей цѣлаго мѣстечка или ослѣпить сотни людей. Другой, тоже стариннаго русскаго рода, дворянинъ Самуилъ Лащъ, — образецъ необузданнаго своеволія, жестокости и нахальства, — творилъ совершенно безнаказанно неимовѣрныя насилія и беззаконія. Никакихъ законовъ, никакого общественнаго мнѣнія онъ и знать не хотѣлъ. Съ отрядомъ въ 1000 человѣкъ онъ дѣлалъ безпрестанные наѣзды, грабежи, при чемъ безпощадно избивалъ людей, обрѣзывалъ уши, носы. Весьма набожный, онъ запирался въ великомъ посту въ монастырь, гдѣ проводилъ время въ духовныхъ

упражненіяхъ, каялся, молился. А въ первый день Пасхи 1630 года въ одномъ мѣстечкѣ вырѣзалъ поголовно все населеніе! Этому разбойнику все сходило съ рукъ, такъ какъ онъ находился подъ покровительствомъ всесильнаго тогда короннаго гетмана Конецпольскаго. Цѣлыя сотни было судебныхъ дѣлъ по жалобамъ на него; были изданы сотни приговоровъ, осуждавшихъ его на изгнаніе изъ отечества, лишавшихъ его правъ. Но онъ ни на что не обращалъ вниманія. Разсказываютъ даже, будто онъ дошелъ до такой дерзости, что, собравши всѣ свои приговоры, велѣлъ сшить себѣ изъ нихъ мантію и въ ней явился къ королю.

Притѣсненія народа и гоненіе православія вызываютъ цѣлый рядъ новыхъ казацкихъ возстаній. Въ 1635 году казаки ходили въ Черное море подъ начальствомъ Сулимы, ограбили турецкіе берега, а на возвратномъ пути нечаяннымъ нападеніемъ завладѣли польской крѣпостью Кудакомъ, (построенной у пороговъ, чтобы сдерживать казаковъ отъ ихъ морскихъ походовъ), и истребили всѣхъ защитниковъ ея. Возстаніе это скоро было подавлено; Сулима при помощи реестровыхъ казаковъ былъ выданъ полякамъ. Въ Варшавѣ ему и четыремъ казацкимъ старшинамъ отрубили головы; тѣло Сулимы разрубили на четыре части и развѣсили на четырехъ концахъ города.

Чрезъ два года вспыхнуло новое болѣе опасное возстаніе. Главнымъ коноводомъ явился Павлюкъ. Поводомъ послужили недовольство казаковъ и притѣсненія тѣхъ, которые самовольно приняли на себя казацкое званіе. Ихъ принуждали силою обращаться въ крестьянъ и повиноваться панамъ, въ имѣніяхъ которыхъ они жили. При этомъ жолнеры обходились съ ними очень сурово.

— «Мы—рыцарскій людъ, къ этому не привыкли!—кричали украинцы и уходили толпами, кто на Запорожье, кто далѣе на востокъ».

На этотъ разъ волновались и реестровые казаки, которымъ плохо платилось обѣщанное жалованье.

— «Намъ обѣщали деньги въ маѣ, говорили недовольные,—а не доставляютъ и въ августѣ... На море ходить намъ не позволяютъ, а мы оттуда получали себѣ пропитаніе; мы и братьевъ своихъ воевали и непокорныхъ выдали подъ мечъ его величества, а теперь переносимъ только утѣсненія и оскорбленія, и денегъ намъ не даютъ»!

Наконецъ, прибыли польскіе чиновники съ жалованьемъ казакамъ. Но когда собрали раду, то увидѣли, что казаковъ оказалось

гораздо больше, чѣмъ должно было быть по реестру. На шумной радѣ ясно высказалось общее неудовольствіе, которое успокоить жалованьемъ было нельзя.

Потоцкій, одинъ изъ присланныхъ сановниковъ, думалъ смѣлой рѣчью пугнуть казаковъ:

— «Напрасно волнуетесь, паны молодцы, сказалъ онъ, – если бы пришлось Рѣчи Посполитой извлечь свой мечъ на васъ, она извлечетъ его, и самое имя ваше сгладитъ! Пусть на этихъ мѣстахъ обитаютъ дикіе звѣри, вмѣсто мятежнаго народа. Вы уйдете на Запорожье? Что же изъ того? Женъ и дѣтей своихъ оставите же здѣсь; стало быть, надо же будетъ вамъ вернуться и придется тогда преклонить головы подъ мечъ Рѣчи Посполитой. Стращаете вы насъ, что уйдете куда нибудь подальше,—на Донъ, напримѣръ, такъ это — неправда. Днѣпръ — ваше отечество. Другого Днѣпра нѣтъ на свѣтѣ. Дона нельзя сравнить съ Днѣпромъ: тамъ неволя, здѣсь—свобода. Какъ рыбѣ нельзя жить безъ воды, такъ казаку безъ Днѣпра,—чей Днѣпръ, того и казаки! Теперь прощайте; мы ѣдемъ къ его величеству и скажемъ, что вы бунтуете«!..

Нѣкоторыхъ казаковъ даже слеза прошибла, когда заговорили объ ихъ родинѣ, о «батькѣ» Днѣпрѣ. Смятеніе мало по малу улеглось. Казаки присягнули, поднявши пальцы кверху, что они будутъ соблюдать прежній (кураковскій) договоръ.

Но присяга не помогла. Въ это время Павлюкъ разсылалъ свои грамоты, призывая весь народъ въ казачество. Эти призывы были по сердцу многимъ. Народъ бѣжалъ толпами отъ своихъ господъ на Запорожье. Южнорусскій народъ всегда радъ былъ случаю возстать на ненавистныхъ имъ пановъ, а въ этотъ годъ былъ вдобавокъ неурожай. Поднялась страшная дороговизна; бѣдняки голодали. Голодъ да нужда — лучшіе пособники мятежамъ. Толпы бѣглецовъ являлись къ Павлюку. Реестровые казаки полкъ за полкомъ стали присоединяться къ мятежникамъ...

Для усмиренія мятежа явилось польское войско подъ начальствомъ Потоцкаго. Послѣ нѣсколькихъ стычекъ, поляки разбили казаковъ подъ деревнею Кумейки. Битва была страшно упорная. Польское войско, устроенное и хорошо вооруженное, стало осиливать казаковъ, между которыми было много «хлоповъ», еще плохо знавшихъ боевое дѣло

— «Сдавайтесь! Просите пощады!» кричали поляки имъ.

— «Не сдадимся ляхамъ! — кричали тѣ въ отвѣтъ, – одинъ на другомъ головы свои сложимъ»!

Казаки не выдержали. Часть ихъ конницы бѣжала; но пѣшіе изъ частей разбитаго табора устроили новый тѣснѣйшій таборъ и отчаянно отбивались. Когда не стало у нихъ пороху, они дрались оглоблями, осколками телѣгъ... Чуть какой нибудь полякъ падалъ съ коня, они кидались на него, какъ разъяренные звѣри и терзали его, пока на нихъ не налетали поляки и не рубили ихъ въ куски. Это было уже не сраженіе, а звѣрская бойня,—такъ велико было ожесточеніе съ обѣихъ сторонъ! Рѣзня прекратилась только съ наступленіемъ сумерокъ. Пользуясь ночью, остаткамъ казацкаго табора удалось уйти.

Страшное зрѣлище представляло поле битвы! На снѣжной равнинѣ всюду, куда хваталъ глазъ, виднѣлись багровыя полосы крови, человѣческія тѣла, отрубленныя головы, руки, ноги, лошадиные трупы, обломки оружія и возовъ, да обгорѣлыя бревна деревни Кумеекъ...

Когда ушли поляки, то русскіе хлопы изъ окрестныхъ деревень похоронили тѣла своихъ собратій и насыпали надъ ними высокія могилы на память потомкамъ о злосчастномъ побоищѣ, гдѣ столько бойцовъ сложили буйныя головы за свою волю и кровью своей напоили родную землю....

Скоро и остатки казацкаго табора должны были покориться полякамъ,—обороняться не стало силы. Реестровые казаки, бывшіе въ таборѣ повстанцевъ, обвинили во всемъ Павлюка, пропустившаго удобное время для удара на польскій станъ. Дѣло кончилось тѣмъ, что Павлюка и его товарища скованныхъ выдали Потоцкому. Ихъ свезли въ Варшаву. Здѣсь въ февралѣ 1638 г. собрался сеймъ. Озлобленіе противъ казаковъ было такъ велико, что ужъ и не знали, какую казнь придумать Павлюку. Въ виду того, что его винили въ томъ, будто бы онъ хотѣлъ отторгнуть Украйну отъ Польши и сдѣлаться государемъ, приговорили надѣть ему на голову раскаленную желѣзную корону и дать въ руки раскаленную желѣзную палицу вмѣсто скипетра. Но король не допустилъ этого звѣрскаго шутовства: Павлюку и его сообщникамъ отсѣкли головы, а затѣмъ воткнули ихъ на колья.

За частые мятежи сеймъ постановилъ отнять отъ казаковъ всякія права, совершенно уничтожить ихъ, какъ отдѣльное сословіе; но, чтобы не слишкомъ раздражить русскій народъ, постановили дѣйствовать тайно и постепенно, а на первый разъ рѣшили отнять у казаковъ право избирать себѣ старшину, а назначать имъ начальниковъ изъ лицъ, преданныхъ Рѣчи Посполитой, изъ шляхти-

чей. Рѣшено было также завладѣть Запорожьемъ, чтобы не давать въ этомъ гнѣздѣ собираться казацкимъ силамъ. Такимъ образомъ въ сущности хотѣли искоренить казачество. Но легко было рѣшать, да трудно исполнить!

Вскорѣ послѣ возстанія Павлюка вспыхнулъ новый мятежъ подъ руководствомъ Остряница (Остраницы), а потомъ Гуни. Сначала повстанцамъ посчастливилось разбить польскій отрядъ, но затѣмъ, не смотря на необычайную храбрость казаковъ и находчивость ихъ вождей, поляки снова взяли верхъ. Вожаки спаслись бѣгствомъ, одни — въ Московское государство, другіе — на Запорожье.

Во время этихъ казацкихъ возстаній, которыя кончались печально для повстанцевъ, они уходили далѣе на востокъ, заселяли по Дону и его притокамъ земли, которыя Московское государство считало своими. Область эта, все болѣе и болѣе населявшаяся выходцами изъ Приднѣпровья, стала называться Слободской Украйной и занимала нынѣшнюю Харьковскую губернію, южную часть Курской и большую часть Воронежской. Городъ Бѣлгородъ былъ средоточіемъ этой области, и здѣшній воевода вѣдалъ этихъ поселенцевъ.

Десять лѣтъ послѣ возстанія Павлюка на Украйнѣ было тихо. То было затишье передъ грозою...

Запорожская Сѣчь.

Гнѣздомъ казачества была Запорожская Сѣчь. Здѣсь выростала казацкая сила; отсюда по большей части выходили главные вожаки повстанцевъ и лихихъ шаекъ, гулявшихъ по морю на страхъ туркамъ; сюда сходились удальцы со всѣхъ сторонъ.

Тамъ, гдѣ Днѣпръ, пробившись межъ подводныхъ скалъ (пороговъ) и каменистыхъ острововъ, широко разливается ниже впаденія рѣчки Самары, и спокойно течетъ, образуя множество низменныхъ острововъ, по берегамъ поросшихъ густымъ и высокимъ камышемъ,—тамъ устроили себѣ военный станъ запорожскіе удальцы, нерѣдко переводя его съ одного островка на другой. Но главнымъ мѣстопребываніемъ ихъ былъ островъ Хортица. Кругомъ были повсюду богатыя мѣста: устья рѣчекъ, впадавшихъ въ Днѣпръ, заливные луга, лѣса, поля! И рыбы, и всякаго звѣрья было здѣсь вдоволь. Сначала на Запорожье, въ эти благодатныя мѣста для охоты, шли ватаги охотниковъ-промышленниковъ, а потомъ въ началѣ XVI вѣка устроенъ былъ здѣсь сторожевой станъ, чтобы сдер-

живать татаръ отъ внезапныхъ вторженій. Изъ этихъ-то станичниковъ и сложилось мало по малу запорожское казацкое братство. Занявши необитаемые острова и берега вдали отъ всякихъ властей, они считали себя здѣсь полными хозяевами, занимались охотничьимъ промысломъ въ окрестныхъ мѣстахъ, но когда ихъ силы выросли, стали они чаще и чаще отправляться на болѣе далекую и опасную охоту,—ходили на своихъ легкихъ чайкахъ «шарпать» берега Крыма и Турціи. Бить и грабить нехристей, по ихъ понятіямъ, самъ Богъ велѣлъ.

Запорожская Сѣчь имѣла видъ укрѣпленнаго стана. Довольно значительное мѣсто было окружено земляною насыпью, или валомъ, съ засѣкой, или тыномъ. Кое-гдѣ были поставлены и пушки. Внутри ограды были курени, деревянныя очень незатѣйливыя жилища казаковъ или мазанки.

Весь казацкій станъ, или кошъ, какъ называли его, дѣлился на нѣсколько десятковъ отдѣльныхъ отрядовъ, (впослѣдствіи до 40) каждый и жилъ въ отдѣльномъ куренѣ и выбиралъ себѣ куреннаго атамана. Всѣ же курени вмѣстѣ избирали себѣ кошеваго атамана и другихъ старшинъ: есаула, судью и писаря. Важнѣйшія дѣла рѣшались съ общаго согласія на радѣ (сходкѣ). Когда надо было собрать раду, то прежде всего давали знакъ выстрѣломъ изъ пушки, чтобы всѣ казаки, которые разбрелись по окрестностямъ Сѣчи на охотничьи или рыбные промыслы, могли придти. Затѣмъ чрезъ нѣсколько времени довбишъ (литаврщикъ) билъ въ литавры, и казаки спѣшили изъ всѣхъ куреней на площадь предъ церковью. Тутъ близъ церкви подъ распущеннымъ войсковымъ знаменемъ становился кошевой съ другими старшинами, а казацкая чернь размѣщалась кругомъ. Тогда писарь, если надо было, читалъ грамоту или сообщалъ о томъ дѣлѣ, какое предлагаемо было на рѣшеніе радѣ. Кошевой смиренно спрашивалъ собравшихся, какъ они изволятъ постановить, и согласно рѣшенію большинства и поступалъ.

1-го января, по старому обычаю, происходило избраніе новаго кошевого и другихъ старшинъ, если народъ былъ недоволенъ прежними; въ этотъ же день распредѣляли по куренямъ рѣки, рѣчки и озера для рыбной ловли. Когда довбишъ по приказу кошеваго билъ сборъ, есаулъ выносилъ изъ церкви походное знамя, затѣмъ сбирались казаки изъ всѣхъ куреней. Раздавался еще два раза бой въ литавры; тогда приходилъ кошевой съ палицей, за нимъ судья съ войсковой печатью и писарь съ чернильницею. Всѣ они становились безъ шапокъ въ срединѣ круга и кланялись на всѣ четыре

стороны. Довбишъ въ честь начальству снова билъ въ литавры. Тогда кошевой обращался ко всѣмъ обыкновенно съ такой рѣчью:

— «Паны молодцы и товариство! У насъ нынче новый годъ, треба намъ по древнему нашему звычаю раздѣлъ въ войскѣ рѣкамъ и урочищамъ учинити».

Въ отвѣтъ на это всѣ кричали «Добре!»

Затѣмъ мечутъ жребій, и какому куреню, гдѣ досталось, тамъ и долженъ онъ былъ промышлять цѣлый годъ.

Затѣмъ кошевой снова говорилъ:

— «Паны молодцы! Не будете-ли съ сего року (году), по старымъ вашимъ обычаямъ иныхъ старшинъ выбирати, а старыхъ скидати?»

Если казаки были довольны своей старшиной, то кричали:

— «Вы батьки и паны наши добрые. Треба вамъ надъ нами пановати»!

Тогда кошевой и прочіе старшины, поклонившись, уходили по своимъ куренямъ.

Если же рада изъявляла желаніе перемѣнить своихъ начальниковъ, то кошевой долженъ былъ положить свою палицу на шапку, и принести къ знамени, а потомъ, поблагодаривъ всѣхъ за прежнюю честь и повиновеніе, уйти къ себѣ въ курень. Такъ же поступали и другіе старшины.

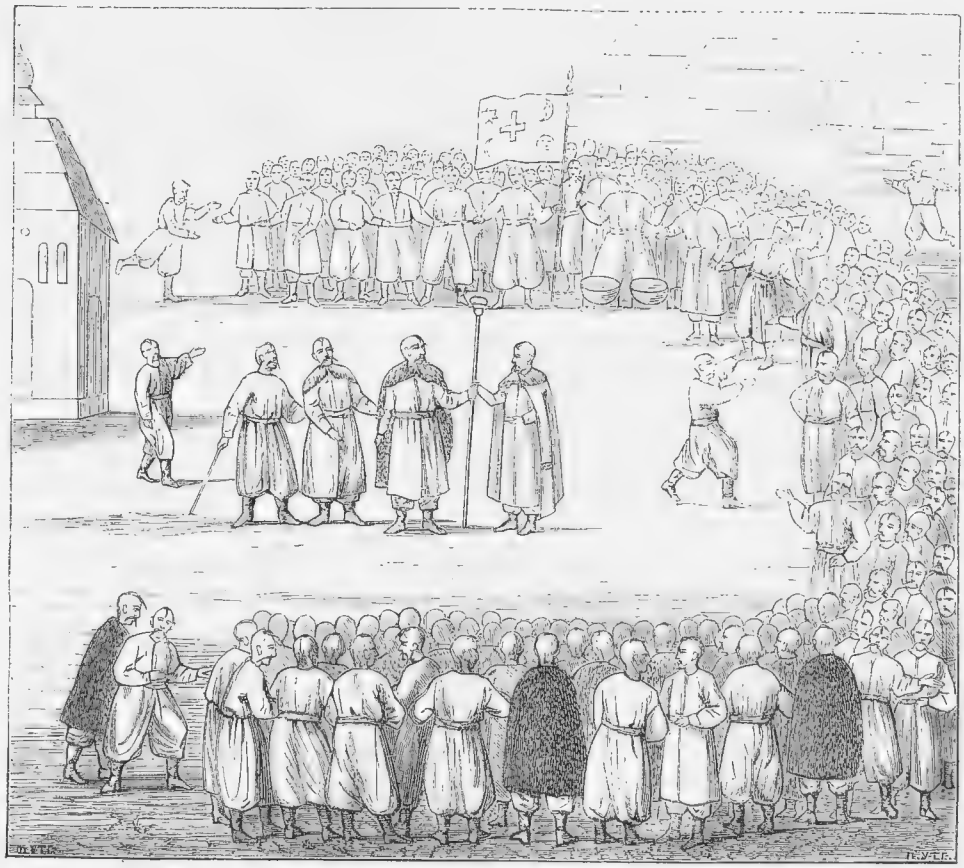
При выборѣ новаго кошевого и другихъ должностныхъ лицъ часто происходили большіе безпорядки. Случалось, что нѣкоторые курени хотѣли одного, другіе—другого. Поднимался шумъ, гамъ, брань, а иногда и драка. Когда, наконецъ, какая либо сторона одолѣвала, человѣкъ десять казаковъ шли въ курень за избранникомъ и просили, чтобы онъ принялъ ту должность, въ какую его избрали. Если же тотъ отнѣкивался и не хотѣлъ илти на раду, то его силой тащили: два человѣка брали его за руки, а другіе пихали сзади, толкая въ спину и въ шею и такимъ образомъ приводили своего вновь выбраннаго начальника на площадь, причемъ приговаривали порой:

— «Иди, собачій сынъ; намъ тебя треба; ты нашъ батько; будь намъ паномъ!»

Приведши въ кругъ, вручали ему знакъ его достоинства. Онъ же по обычаю долженъ былъ два раза отказаться, признавая себя недостойнымъ той высокой чести, какою его хотѣли почтить; только по третьей просьбѣ соглашался. Тогда боемъ въ литавры отдавали ему честь. При этомъ совершался еще такой обрядъ: старѣйшіе казаки брали въ руки землю или даже грязь, если дѣло было послѣ дождя,

и клали вновь избранному на голову. (Вѣроятно, этимъ хотѣли напомнить ему, чтобы онъ не зазнавался и не забывалъ бы о смерти, о томъ, что и его земля со временемъ покроетъ).

Кромѣ января, рада собиралась еще два раза въ году: 1-го октября, въ день Покрова, когда въ Сѣчи былъ храмовой праздникъ, и на Свѣтло-Христово Воскресенье; впрочемъ, если не предстояло



Казацкая рада (на основаніи стариннаго рисунка).

никакихъ перемѣнъ въ составѣ начальства и не было особенныхъ какихъ либо вопросовъ, то въ эти дни рада отмѣнялась.

Кромѣ этихъ опредѣленныхъ для рады сроковъ, случались сходки и въ неурочное время. Если было какое либо неудовольствіе на начальниковъ, и у многихъ являлось желаніе смѣнить ихъ, то иногда совершенно неожиданно происходили очень бурныя рады. Нѣсколько куреней сначала тайно сговаривались свергнуть

старшинъ, затѣмъ два—три наиболѣе смѣлыхъ, иногда сильно подгулявшихъ людей, колотили чѣмъ попало въ литавры, находившіеся всегда на площади. Прибѣгалъ довбишъ. Буйная толпа заставляла его бить сборъ. Ослушаться онъ не смѣлъ: иначе его могли бы избить до смерти. Сбѣгались казаки на раду и становились на площади кругомъ. Посреди помѣщались старшины: кошевой, судья, писарь, эсаулъ. Кошевой обыкновенно спрашивалъ:

— «Паны молодцы, на что рада у васъ собрана?»

А тѣ, которые хотѣли свергнуть его, говорили:

— «Ты, батьку, положи свое кошевье; ты намъ неспособенъ.»

При чемъ объясняли и причину, почему находятъ нужнымъ его смѣнить. Если желали смѣнить судью или писаря и др., то обыкновенно говорили:

— «Годи (довольно) имъ пановати; они негодные... уже наѣлись войсковаго хлѣба»!...

Старшины тотчасъ же уходили въ свои курени. При этомъ поднимался обыкновенно страшный шумъ. Казаки дѣлились на двѣ части: одна отстаивала старыхъ начальниковъ, другая требовала выбора новыхъ. Тутъ безъ ссоры и драки дѣло не обходилось; нерѣдко пускались въ ходъ палки, и случались даже смертоубійства. Положеніе старшинъ при этомъ было незавидно: они могли потерпѣть въ это время побои, увѣчья и даже съ жизнью проститься. Сторона, желавшая новыхъ начальниковъ, тащила на площадь своихъ избранниковъ, а противники не пускали ихъ въ кругъ. Дѣло кончалось нерѣдко тѣмъ, что эти избранники возвращались въ свои курени избитые, изорванные, и рады-радехоньки были, что жизнь свою спасли...

Таково было положеніе начальниковъ у необузданой, буйной запорожской вольницы въ мирное время. Не то было во время войны: тогда повиновеніе начальству и почтеніе къ нему доходили до самой высокой степени,—понимали всѣ, что своеволіе и несогласіе въ походѣ грозитъ гибелью не одному или нѣсколькимъ казакамъ, а всему ихъ войску.

Старшинамъ шли значительные доходы, особенно съ вина, котораго истреблялось запорожцами чрезвычайно много. Всѣ торговцы, привозившіе какіе либо товары, обыкновенно дѣлали подарки кошевому и всѣмъ старшинамъ. Не считалось зазорнымъ брать приносы и съ разныхъ просителей. Сверхъ того, всѣ казаки, ходившіе на какой либо промыселъ,—рыболовство или охоту и проч., обыкновенно часть своей добычи дарили своей старшинѣ. Но са-

мымъ выгоднымъ промысломъ была въ глазахъ казаковъ война. Невзначай напасть на татарскіе улусы, угнать сразу цѣлыя стада скота или табуны лошадей, или «пощарпать» богатые берега Турціи и вернуться съ грудою всякихъ драгоцѣнностей, съ карманами, полными золота и серебра, захватить сразу столько, чтобы можно было, не трудясь, безъ заботы прожить много дней, бражничать и кутить на широкую ногу, — вотъ что было завѣтной мечтой запорожца. Тѣ атаманы-удальцы, которые умѣли часто и ловко устраивать набѣги, доставляли «товариству» запорожскому «славу лыцарскую» да богатую добычу, и были главными любимцами казаковъ и въ пѣсняхъ прославлялись.

Война и разгулъ — вотъ изъ чего главнымъ образомъ сплеталась жизнь запорожца. И на жизнь, и на смерть истый запорожецъ смотрѣлъ съ презрѣніемъ. Онъ не жилъ семейной жизнью. Ни одна женщина не смѣла показаться въ Сѣчь; о будущемъ, о судьбѣ своихъ дѣтей, стало быть, заботъ не было, не было думы и о своей старости; рѣдкій изъ запорожцевъ умиралъ своей смертью. Одни изъ нихъ находили смерть себѣ въ морской пучинѣ; другіе гибли отъ сабли турецкой или татарской; третьи, болѣе несчастные, кончали жизнь въ невыразимыхъ мученіяхъ, какія только могла измыслить человѣческая злоба,—умирали, часто удивляя своихъ мучителей необычайной твердостью, съ какою выносили они ужасную казнь. Гибли они цѣлыми сотнями и на турецкихъ каторгахъ. Да и тѣ изъ запорожцевъ, которые умирали у себя, въ Сѣчи,—умирали обыкновенно не въ старыхъ годахъ: боевая жизнь, полная всякихъ невзгодъ да разгулъ, незнавшій мѣры, сильно сокращали казацкій вѣкъ.

Тысячами погибали запорожцы, но Сѣчь, это гнѣздо казацкое, не пустѣла. Охотниковъ до вольнаго житья, хотя бы полнаго тревогъ и опасностей, было много среди людей, подавленныхъ панскимъ гнетомъ, тяжелымъ подневольнымъ трудомъ да нуждою безъисходною. Шли въ Сѣчь толпами, лишь бы приняли только. Запорожцы въ свое братство принимали новобранцевъ очень легко: требовалось только, чтобы человѣкъ былъ православной вѣры, способный къ военному дѣлу, расторопный, смѣтливый... Между запорожцами попадались и литовцы, и татары крещеные, — словомъ могли быть здѣсь люди разныхъ племенъ; но огромное большинство было чисто русскихъ и притомъ изъ простаго деревенскаго люда.

Жизнь въ Сѣчи была очень проста. Въ каждомъ куренѣ при атаманѣ, который завѣдовалъ всѣмъ хозяйствомъ былъ поваръ съ

двумя или тремя мальчиками—помощниками. На столовые расходы собиралось съ каждаго казака по пяти рублей въ годъ. Въ пищѣ казаки были вовсе неприхотливы, — ѣли саламаху да терерю: первая состояла изъ ржаной муки и варилась съ водою густо; вторая же готовилась изъ муки и пшена жиже на квасу или рыбьей ухѣ. Эти кушанья подавались на столъ въ большихъ деревянныхъ чашкахъ, или почовкахъ; откуда всѣ брали ложками. Особыхъ тарелокъ не подавалось. Большая часть куренныхъ казаковъ вполнѣ довольствовалась этой пищей. Если же находилось въ куренѣ нѣсколько охотниковъ полакомиться мясомъ или рыбой, то они покупали ихъ себѣ вскладчину, артелью.

Болѣе зажиточные казаки заводили свои дома въ предмѣстьѣ, гдѣ почти всѣ имѣли какіе-либо промыслы: варили медъ, пиво, брагу или занимались различными ремеслами...

Одежда казаковъ обыкновенно была тоже очень проста. Любили они щеголять хорошимъ оружіемъ да конями... Послѣ хорошей поживы на войнѣ запорожцы не прочь были рядиться и въ красивые синіе кунтуши, алыя суконныя шаровары и алыя шапки съ околышемъ изъ смушекъ... Головы себѣ и бороды выбривали, оставляя лишь клокъ волосъ (оселедецъ), да запускали длинные усы...

Никакихъ письменныхъ законовъ или правилъ у запорожцевъ не существовало. Войсковой судья рѣшалъ всѣ дѣла по своему усмотрѣнію, сообразуясь съ обычаями и укоренившимися понятіями у казаковъ, а въ трудныхъ случаяхъ совѣщался съ кошевымъ и другими старшинами. Воровство, неплатежъ долговъ, убійство считались у нихъ главными преступленіями. Не смотря на то, что грабежъ былъ дѣломъ привычнымъ для запорожца, — грабить позволялось лишь враговъ; если же кто попадался въ кражѣ у своего товарища, или покупалъ завѣдомо украденное, или скрывалъ у себя, то подвергался суровому наказанію. Виновнаго приковывали къ столбу на площади; подлѣ клали плеть, и всѣ проходившіе ругали его и безпощадно били. Если его не прощалъ пострадавшій отъ его преступленія, то его засѣкали до смерти. Если кто попадался второй разъ въ кражѣ, то лишался жизни на висѣлицѣ. Неплатившій долговъ долженъ былъ стоять на площади прикованный къ пушкѣ, пока заимодавецъ не получалъ отъ него или его друзей удовлетворенія. Но особенно страшно было наказаніе за намѣренное убійство. Убійцу бросали въ могилу, на него опускали гробъ съ тѣломъ убитаго и засыпали землей!

Суровость запорожцевъ не знала границъ; не знала ихъ и не-

укротимая казацкая удаль; безпредѣленъ былъ и дикій разгулъ, которому отдавались запорожцы въ досужее время...

Въ предмѣстьѣ Запорожской Сѣчи жили всякіе мастера: кузнецы, слесари, портные, сапожники и др.; тутъ же и торговали всѣмъ, что нужно было казаку. Были бы только деньги у него, а то все можно было добыть, что требовалось для неприхотливой его жизни. А денегъ у запорожцевъ послѣ всякаго удачнаго похода было вдоволь, такъ что безсемейному и дѣвать ихъ было некуда.

Пляшущій запорожецъ и бандуристъ.

Гульба самая широкая и безшабашная шла на Запорожьѣ почти безпрерывно. Кутить и пить безъ конца считалось молодечествомъ. Подѣливъ добычу межъ собой, запорожцы предавались необузданному разгулу, пока не прокучивали всего до конца. Иные изъ нихъ нанимали музыкантовъ и пѣвцовъ и разгуливали съ ними по улицамъ, а слѣдомъ за ними носили ведра вина и меду. Всякаго встрѣчнаго поили наповалъ, а кто отказывался, того всячески бранили ...

По воскреснымъ и праздничнымъ днямъ бывали въ Сѣчи у казаковъ кулачные бои, и если кто во время драки нечаянно уби-

валъ другого, то взысканія за это не полагалось. Большіе были охотники запорожцы до лихого пляса—казачка (въ родѣ великорусскаго трепака); любили послушать пѣніе бандуристовъ.—Пѣсни о подвигахъ казацкихъ, о турецкой и татарской неволѣ, конечно, должны были сильно дѣйствовать на нихъ, возбуждать въ нихъ удаль и чувство мести, а разсказы о притѣсненіи народа, о поруганіи православія во владѣніяхъ Рѣчи Посполитой разжигали ненависть къ полякамъ.

Таково было Запорожье, на которое со страхомъ и ненавистью смотрѣли поляки. Здѣсь выростала и крѣпла казацкая сила, росла и вражда къ панству: оно въ понятіяхъ казаковъ и народа отождествлялось съ насиліемъ, несправедливостью, горькой обидой...

Панскій гнетъ въ Литвѣ и Западно-Русскихъ областяхъ, можно сказать, выдавилъ изъ несчастнаго народа казацкую силу на бѣду для Рѣчи Посполитой...

III.

Царствованіе Алексѣя Михайловича.

Смуты въ началѣ царствованія.

Только шестнадцать лѣтъ было Алексѣю, когда онъ вступилъ на престолъ (12 іюня 1645 г.). Молодой царь напоминалъ отца добротой, мягкостью, отличался сердечностью, живостью ума, сильно привязывался къ близкимъ людямъ. Алексѣй по своему воспитанію былъ приготовленъ къ царскому дѣлу, конечно, лучше отца; но, къ несчастію, вступая на престолъ, онъ былъ еще слишкомъ молодъ, и потому не могъ быть самостоятельнымъ. Самымъ близкимъ къ нему сановникомъ былъ его воспитатель боярин Борисъ Ивановичъ Морозовъ, состоявшій при немъ тринадцать лѣтъ безотлучно. Царь былъ къ нему сердечно привязанъ, и Морозовъ въ первые годы царствованія Алексѣя былъ главнымъ правителемъ государства. Къ сожалѣнію, этотъ боярин, умный, понимавшій нужды государства, не столько думалъ о благѣ его, сколько о своихъ личныхъ выгодахъ. Это вызвало немало бѣдъ.

Тотчасъ по вступленіи Алексѣя на престолъ было сдѣлано нѣсколько разумныхъ распоряженій: королевичъ Вольдемаръ былъ отпущенъ съ честью въ Данію; освобожденъ и отпущенъ въ Польшу Луба; велѣно было воеводамъ идти на Азовъ и такимъ образомъ

нанести ударъ крымцамъ, которые снова стали дѣлать нападенія на московскою украйну;—раньше русскіе ограничивались только обороной границъ, а теперь переходили къ наступательной войнѣ. Уже начаты были переговоры съ Польшей о союзѣ противъ крымцевъ и турокъ. Уже польскій посолъ, русскій родомъ и православный, громогласно прославлялъ въ цвѣтистой рѣчи союзъ Россіи съ Польшей, которыя «какъ два кедра Ливанскіе созданы десницей Господа отъ единой крови славянской, и отъ единаго языка славянскаго народа».

Дѣла внѣшнія такимъ образомъ шли недурно; но нельзя сказать того же о внутренней жизни, о положеніи народа; онъ страдалъ подъ тяжестью налоговъ, а тутъ, какъ нарочно, обрушились еще другія несчастія на Русскую землю: неурожай и скотскій падежъ. Купечество было бѣдно; всѣмъ бѣднякамъ жилось плохо; страдалъ народъ и отъ дурнаго правосудія.

Въ 1647 г. царь задумалъ жениться. По прежнему собрали на смотръ въ Москву до двухсотъ дѣвицъ. Царь выбралъ Евфимію Всеволожскую; но, когда стали ее облачать въ царскую одежду, то нарочно такъ крѣпко затянули ей волосы, что ей сдѣлалось передъ царемъ дурно. Простой обморокъ признали припадкомъ падучей болѣзни. Вмѣсто великой чести, которая ожидала Всеволожскихъ, всю семью ихъ постигла царская опала: они были обвинены въ томъ, что скрыли болѣзнь царской невѣсты и сосланы въ Тюмень.

Царь послѣ этого нѣсколько времени сильно тосковалъ по своей невѣстѣ. Морозовъ всячески старался разсѣять его,—устраивалъ охоты на медвѣдей и волковъ... Чрезъ нѣсколько времени Морозовъ далъ возможность царю увидѣть въ Успенскомъ соборѣ дочерей Милославскаго, которыхъ уже раньше онъ расхваливалъ Алексѣю. Царю приглянулась одна изъ нихъ—Марія Ильинишна... Въ январѣ 1648 года отпраздновали царскую свадьбу, а черезъ десять дней Морозовъ, не смотря на свои преклонные годы, женился на другой дочери Милославскаго и такимъ образомъ породнился съ царскимъ домомъ.

Послѣ этого Морозовъ сталъ оказывать особое покровительство Милославскимъ и родичамъ ихъ; давалъ имъ видныя должности. Родственники Ильи Даниловича Милославскаго, по большей части люди бѣдные, получая выгодныя мѣста, выказали большую жадность, только и думали о наживѣ, творили всякія неправды и насилія, надѣясь, что имъ все сойдетъ съ рукъ.

Особенно опозорилъ себя лихоимствомъ Леонтій Плещеевъ. Онъ завѣдовалъ Земскимъ дворомъ, или приказомъ,—въ его рукахъ было

судебное дѣло, и онъ самымъ безсовѣстнымъ образомъ обиралъ всѣхъ приходившихъ къ нему судиться какъ истцевъ, такъ и отвѣтчиковъ. Мало того, говорятъ, онъ завелъ шайку доносчиковъ, которые взводили разныя ложныя обвиненія на людей, особенно на богатыхъ; — ихъ хватали и сажали въ заключенія, томили въ тюрьмахъ и вымогали у нихъ и ихъ родичей большія взятки за освобожденіе.

Другой сановникъ шуринъ Плещеева Петръ Траханіотовъ, подъ вѣдѣніемъ котораго былъ пушкарскій приказъ, стрѣльцы, оружейники, полицейскіе чины, обращался крайне жестоко съ подчиненными, удерживалъ себѣ часть ихъ жалованія.

Такъ поступали люди, занимавшіе видныя должности; мелкіе чиновники, конечно, не отставали отъ своихъ начальниковъ въ злоупотребленіяхъ. Всѣ неправды и насилія тяжкимъ гнетомъ ложились особенно на низшихъ, на бѣдныхъ, на народъ.

Сверхъ того, разныя неудачныя мѣры, которыя тогда пускались въ дѣло для увеличенія скудной казны, тоже возбуждали большое неудовольствіе въ народѣ. Торговля въ это время стѣснялась всевозможными пошлинами; а иноземцы-купцы, пользуясь всякими льготами, злоупотребляли ими, отбивали торговлю у русскихъ торговцевъ, и тѣ постоянно жалуются, что имъ не въ мочь соперничать съ иностранцами.

— «Нѣмцы не только отъ насъ, жалуются они, промыслы отбили, но и все Московское государство оголодили: покупаютъ въ Москвѣ и другихъ городахъ мясо и всякій харчъ и хлѣбъ, и вывозятъ въ свою землю».

Пошлина на соль, которою правительство хотѣло замѣнить разные мелкіе поборы, принесла больше вреда, чѣмъ пользы. Соль вздорожала, и рыбный промыселъ упалъ. Соленая рыба потреблялась русскимъ народомъ въ огромномъ количествѣ,—гораздо большемъ, чѣмъ говядина; объясняется это соблюденіемъ многихъ постовъ и любовью русскихъ къ рыбнымъ кушаньямъ. Теперь же рыбные промышленники уменьшили свой промыселъ, стали недосаливать рыбу, и она портилась. Соленая рыба страшно поднялась въ цѣнѣ. Сбытъ ея сильно уменьшился, — потребители не въ силахъ были покупать дорого стоющую рыбу; пришлось имъ испытывать лишенія; торговцы терпѣли большіе убытки. Недовольство было общее! Возбуждала также недовольство православнаго люда, крѣпко державшагося завѣтной старины и боявшагося всякаго новшества, продажа табаку, которая была собственностью правительства. Прежде, при Михаилѣ

Ѳедоровичѣ, рѣзали носы за употребленіе этой «богомерзкой травы,» а теперь само правительство торгуетъ ею: въ этомъ видѣли явную склонность боярина Морозова къ иноземнымъ обычаямъ.

Для того, чтобы увеличить доходы правительства, прибѣгали къ разнымъ налогамъ,—вздумали, напр., продавать отъ казны аршины съ клеймомъ орла. Всѣ торговцы обязаны были покупать эти аршины и платить въ десять разъ дороже, чѣмъ за обыкновенные. Если же какого нибудь купца ловили съ неклейменнымъ аршиномъ, то брали съ него огромный штафъ.

Всѣ подобныя мѣры, стѣснявшія населеніе, порождавшія дороговизну, возбуждали недовольство въ народѣ. Еще больше усиливалось оно отъ всевозможныхъ притѣсненій, лихоимства и неправосудія должностныхъ лицъ.

Число недовольныхъ все росло и росло. Въ Москвѣ простой народъ часто сталъ толпами собираться у церквей и толковать о томъ, какъ бы избавиться отъ бѣдъ и неправдъ. Не разъ уже подавали царю жалобы и челобитныя, но онѣ попадали въ руки бояръ, окружавшихъ царя, а тѣ многое скрывали отъ него, и потому просьбы не исполнялись. Народъ сильно озлобился.

Въ 1648 году, 25 мая, когда государь возвращался отъ Троицы и ѣхалъ верхомъ, окруженный своими боярами, народъ силою протѣснился къ нему, и остановилъ его коня... Огромная толпа окружила государя, умоляли его выслушать просьбу, жаловались на Плещеева, на его притѣсненія и неотступно просили отрѣшить его и на его мѣсто назначить честнаго человѣка, «иначе, кричали въ толпѣ,—народъ въ конецъ погибнетъ!».

Молодой царь былъ испуганъ шумной толпой и ея горькими жалобами; онъ привѣтливо обратился къ народу, просилъ успокоиться, обѣщалъ развѣдать, въ чемъ дѣло, и исполнить всѣ справедливыя просьбы.

Народъ успокоился и благодарилъ царя. Все это кончилось бы, вѣроятно, мирно; но нѣкоторые изъ бояръ, друзей Плещеева, сопровождавшихъ царя, не сдержались,—начали бранить народъ, били нѣкоторыхъ кнутами по головамъ, иныхъ даже сшибли съ ногъ. Народъ разсвирѣпѣлъ,—въ обидчиковъ полетѣли каменья. Бояре обратились въ бѣгство, кинулись въ кремль, во дворецъ. Разъяренная чернь бросилась за ними. Стрѣльцы, бывшіе на стражѣ у дворца, сдержали толпу; бѣжавшіе бояре укрылись въ царскихъ покояхъ....

Расходившаяся чернь теперь ужь не унималась; раздавались ярые крики, чтобы выдали Плещеева на расправу народную.

Боярин Морозовъ вышелъ на верхнее крыльцо и сталъ было отъ имени царя увѣщевать народъ; но толпа зашумѣла; раздались угрозы:

— «Мы и тебя хотимъ взять!»

Морозовъ поспѣшилъ удалиться.

Буйная толпа кинулась къ его дому, выломала ворота и двери, расшибла, разломала и разграбила въ домѣ все, что нашлось. Боярынѣ Морозовой никакой обиды не сдѣлали, только пригрозили.

— «Если бы ты не была сестрой царицы, сказали ей, мы изрубили бы тебя на мелкія части!».

Затѣмъ чернь бросилась на дома другихъ нелюбимыхъ сановниковъ: одна толпа разнесла домъ Плещеева, другая—домъ Траханіотова; ограблены были дворы еще нѣсколькихъ бояръ. Досталось и думному дьяку Чистову. На него злобились за соляную пошлину. Онъ въ это время лежалъ больной. Заслышавъ шумъ и узнавъ, что толпа ломится къ нему во дворъ, онъ спрятался подъ кучу вѣниковъ; но его слуга, захвативъ господскія деньги, выдалъ его, а самъ бѣжалъ. Чистова заколотили палками до смерти.

Во время этого погрома велѣно было Кремль запереть и отданъ былъ приказъ нѣмецкимъ офицерамъ въ полномъ вооруженіи немедленно явиться съ отрядами своими для защиты дворца...

Къ мятежникамъ, которые снова кинулись къ Кремлю съ криками, чтобы выдали имъ всѣхъ лиходѣевъ, царь выслалъ своего двоюроднаго дядю Никиту Ивановича Романова, котораго народъ очень любилъ за доброту и справедливость. Съ непокрытою головою, держа въ рукахъ свою боярскую шапку, выѣхалъ Романовъ къ бушующей черни. Боярин отъ имени царя обѣщалъ, что всѣ злоупотребленія сановниковъ будутъ развѣданы, а виновные наказаны, и уговаривалъ толпу успокоиться и разойтись.

Народъ, выражая свою преданность царю, всетаки настойчиво требовалъ выдачи главныхъ виновниковъ общихъ бѣдствій: Морозова, Плещеева и Траханіотова,—настаивалъ, чтобы они наглазахъ всѣхъ были казнены. Романовъ клялся, что Морозова и Траханіотова въ Кремлѣ нѣтъ; что они бѣжали. Мятежники требовали, чтобы пока выданъ былъ Плещеевъ. Боярин поскакалъ въ Кремль. Скоро пришло извѣстіе оттуда, что Плещеева рѣшено казнить предъ народомъ.

Разсвирѣпѣвшая чернь не дала совершиться казни. Когда палачъ вывелъ изъ Кремля Плещеева, толпа ринулась на него, исколотила палками, размозжила ему голову... Тѣло убитаго поволокли

на площадь. Траханіотова поймали посланные царемъ люди близъ Троицкой лавры и привезли въ Москву. На слѣдующій день послѣ гибели Плещеева палачъ по царскому приказу водилъ Траханіотова съ колодкою на шеѣ цѣлый часъ по городу и затѣмъ отрубилъ топоромъ ему голову.

Смерть Плещеева и казнь Траханіотова, повидимому, нѣсколько удовлетворили бушующую чернь. Она криками благодарила царя, но выражала желаніе, чтобы казнь постигла и Морозова. Казалось, ему не миновать было бѣды. Но внезапно въ одномъ концѣ Москвы вспыхнулъ пожаръ и сталъ быстро распространяться; наконецъ, загорѣлся большой кружечный дворъ, или кабакъ. Толпа накинулась на даровую водку; разбивали бочки, черпали водку шапками, сапогами... Многіе перепились до смерти; нѣкоторые погибли въ пожарѣ. Пожаръ отвлекъ вниманіе черни отъ мятежа. Правительство между тѣмъ нѣсколько дней подъ рядъ старалось всякими мѣрами успокоить народъ: въ Кремлѣ угощали стрѣльцовъ и служилыхъ нѣмцевъ виномъ и медомъ; царскій тесть Милославскій устраивалъ пиры и приглашалъ болѣе вліятельныхъ торговцевъ; священники по распоряженію патріарха увѣщевали народъ успокоиться, обнадеживали его, что съ этой поры дѣла пойдутъ лучше. Нѣкоторыя изъ должностныхъ лицъ, нелюбимыя народомъ, были замѣнены другими, болѣе угодными ему.

Когда наконецъ народное волненіе улеглось, царь пожелалъ лично переговорить съ народомъ. Объ этомъ заранѣе было объявлено всѣмъ. Въ назначенное время государь вышелъ на площадь въ сопровожденіи боярина Никиты Романова и обратился къ собравшемуся народу съ рѣчью,—выразилъ прежде всего большое сожалѣніе, что невѣдомо для него безбожные Плещеевъ и Траханіотовъ притѣсняли народъ, за что и понесли заслуженную кару. Затѣмъ царь высказалъ надежду, что назначенные теперь богобоязливые мужи будутъ блюсти пользу и благо народное,—о чемъ и самъ онъ, государь, отнынѣ будетъ имѣть бдительное смотрѣніе; обѣщалъ, что пошлина на соль будетъ отмѣнена, а разныя льготы народу будутъ умножены.

Въ отвѣтъ на это народъ низко кланялся, благодарилъ царя и желалъ ему долголѣтія.

Въ заключеніе царь сталъ говорить о Морозовѣ, просилъ, чтобы народъ не требовалъ его казни,—ручался, что онъ будетъ оказывать всѣмъ только свою любовь и расположеніе, обѣщалъ отставить его отъ должности государственнаго совѣтника, если онъ со-

всѣмъ не угоденъ народу, лишь бы только остался онъ, его воспитатель и второй отецъ, цѣлъ и невредимъ. «Сердце мое, сказалъ царь въ заключеніе, не вынесетъ его смерти», — и затѣмъ выразилъ надежду, что народъ отъ него, государя, не потребуетъ такой тяжкой жертвы. При этомъ слезы показались на глазахъ царя и голосъ его прервался...

— «Будь здоровъ на многія лѣта, — громко закричалъ тронутый народъ въ отвѣтъ царю, — какъ Богу угодно и государю, пусть такъ и будетъ!»

Царь сердечно любилъ своего воспитателя и всѣми силами старался оберечь его отъ всякаго лиха. Морозова отправили въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь. Туда царь послалъ наказъ, чтобы его охраняли отъ всякой бѣды; даже собственноручно приписалъ, чтобы Морозова берегли «отъ всякаго дурна», грозилъ казнью за дурную охрану и сулилъ награду, если приказъ будетъ точно исполненъ: «я васъ пожалую, писалъ онъ, — такъ, что отъ зачала свѣта такой милости не видали»!

Морозовъ недолго пробылъ въ Кирилло-Бѣлозерскомъ монастырѣ. По возвращеніи оттуда онъ уже не былъ больше главнымъ правителемъ, но попрежнему былъ очень близкимъ лицомъ царю и помогалъ ему своимъ совѣтомъ. Морозовъ видимо стремился оправдать обѣщаніе царя народу, — старался при всякомъ случаѣ выказывать къ нему любовь и расположеніе и помогалъ всякому, кто къ нему обращался...

Московскіе мятежи отразились и въ другихъ городахъ. Воеводы и разные подъячіе творили повсюду много зла народу, — вдали отъ Москвы, конечно, еще больше, чѣмъ здѣсь. Искать законной управы на лихоимцевъ и насильниковъ было очень трудно для жителей городовъ, далекихъ отъ столицы; а слухи, что бояре за молодостью царя заправляютъ всѣмъ, какъ хотятъ, не доводятъ правды до него, поджигали недовольныхъ къ возстанію; не на царя они поднимались, а на бояръ-лиходѣевъ, которые во зло употребляли государево довѣріе, управляя его именемъ.

Лѣтомъ 1648 года вспыхнулъ мятежъ въ Сольвычегодскѣ. Здѣсь при сборѣ податей творились страшныя насилія и неправды, — это и вызвало возстаніе. Затѣмъ возмутились устюжане, раздраженные взяточничествомъ подъячаго, которому сильно покровительствовалъ воевода. Лихоимецъ былъ убитъ мятежниками. Эти возстанія были скоро усмирены. Гораздо труднѣе было справиться во Псковѣ и Новгородѣ.

Изъ русскихъ областей, отошедшихъ къ Швеціи по Столбов-

скому договору, являлось много перебѣжчиковъ. Ихъ по условію слѣдовало выдавать шведскому правительству; но они были русскіе люди, православные, желавшіе сохранить свою народность, вѣру и жить въ отечествѣ. Выдавать ихъ лютеранскому правительству казалось царю дѣломъ зазорнымъ. Со Швеціей заключили новый договоръ: царь обязался заплатить большія деньги за перебѣжчиковъ. Въ счетъ этого выкупа рѣшено было отпустить въ Швецію хлѣбъ изъ псковскихъ житницъ.

Изъ Москвы посланъ былъ во Псковъ купецъ съ приказомъ купить 2000 четвертей хлѣба для того, «чтобы цѣны приподнять, чтобы нѣмцамъ сдать его по дорогой цѣнѣ, какая будетъ на рынкахъ». (По условію шведы обязывались принять хлѣбъ по рыночной цѣнѣ). Въ тотъ годъ былъ недородъ хлѣба, и потому онъ былъ недешевъ; когда же московскій купецъ скупилъ его въ большомъ количествѣ, то цѣна его еще болѣе возвысилась. На бѣду скупщикъ хлѣба задумалъ еще воспользоваться случаемъ къ легкой наживѣ, сталъ и псковичамъ продавать хлѣбъ по возвышенной цѣнѣ. Среди нихъ поднялся сильный ропотъ. Стали ходить слухи, что бояре—измѣнники держатъ сторону иноземцевъ,—намѣрены вывезти казну шведской королевѣ, и хлѣбъ отправляютъ за рубежъ, хотятъ «оголодить» русское государство. На сходкахъ у кабаковъ и на рынкахъ наиболѣе смѣлые изъ народа стали кричать, что не надо пропускать хлѣба за границу. Обратились съ этимъ требованіемъ даже къ архіепископу. Воевода пригрозилъ «кликунамъ», какъ тогда звали главныхъ коноводовъ народныхъ сходокъ. Но угрозы не подѣйствовали; на слѣдующій день толпа, уже болѣе многочисленная, кричала, что не надо вывозить хлѣбъ... Въ это время крикнули:

— «Нѣмецъ ѣдетъ! везетъ казну изъ Москвы!»

Въ это время шведскій агентъ въ самомъ дѣлѣ везъ часть денегъ, уплаченныхъ за перебѣжчиковъ. Толпа кинулась на него, отобрала у него деньги и бумаги, а самого посадила подъ стражу. Напали и на дворъ московскаго купца, скупившаго хлѣбъ. Мятежники не хотѣли и знать своего воеводу, выбрали свое особое правленіе изъ посадскихъ и послали къ царю челобитчиковъ съ жалобами на насилія воеводы и его подчиненныхъ...

Псковской мятежъ отозвался и въ Новгородѣ. 15 марта 1650 года прибылъ въ Новгородъ проѣздомъ датскій посолъ. Одинъ посадскій кричалъ въ толпѣ народа, что пріѣхалъ нѣмецъ, что онъ везетъ московскія деньги къ нѣмцамъ; этотъ крикунъ возбуждалъ чернь и на богатыхъ купцовъ, закупавшихъ хлѣбъ для казны. На-

родъ заволновался, ударили въ набатъ, началась «гиль», какъ называли тогда въ Новгородѣ и Псковѣ народныя движенія. Толпа кинулась на несчастнаго, ни въ чемъ неповиннаго посла, избила, даже искалѣчила его; затѣмъ напала на дворы новгородскихъ богачей и разграбила ихъ. Унять бунтовщиковъ у воеводы не было силы: стрѣльцы пристали къ мятежу. Митрополитъ новгородскій Никонъ попытался пустить въ дѣло духовное оружіе: онъ въ Софійскомъ соборѣ торжественно проклялъ зачинщиковъ мятежа. Но это еще больше разозлило мятежниковъ; они двинулись на митрополичій дворъ. Никонъ вышелъ къ нимъ и сталъ было уговаривать ихъ; но мятежники избили и его. Владыка, не смотря на это, не потерялъ силы воли, попрежнему корилъ мятежниковъ, увѣщевалъ ихъ образумиться, не гнѣвить государя и выдать главныхъ коноводовъ, какъ требовала царская грамота. Все было напрасно... Тогда только слова Никона подѣйствовали, когда подошелъ къ Новгороду бояринъ князь Хованскій съ военнымъ отрядомъ. Наконецъ, 2) апрѣля мятежники смирились и выдали главныхъ зачинщиковъ. Поступили съ ними очень милостиво: смертью казненъ былъ только одинъ, болѣе другихъ виновный въ оскорбленіи датскаго посла. Никонъ, самъ сильно пострадавшій, хлопоталъ предъ царемъ о прощеніи и снисхожденіи къ мятежникамъ.

Псковичи волновались дольше новгородцевъ, не слушались никакихъ увѣщаній; порѣшили даже обороняться отъ Хованскаго. Псковъ продержался въ осадѣ до половины августа.

Въ Москвѣ 26 іюля постановлено было на соборѣ еще разъ испытать мирныя средства противъ мятежнаго Пскова. Сюда прибылъ Рафаилъ, Коломенскій епископъ, съ нѣсколькими духовными лицами, а съ ними выборные люди изъ разныхъ сословій. Они обѣщали мятежникамъ прощеніе, если тѣ смирятся и грозили царскимъ гнѣвомъ и карою, если будутъ упорствовать, — говорили, что самъ царь поведетъ на нихъ ратную силу. Увѣщанія Рафаила и выборныхъ людей подѣйствовали: ихъ устами говорила какъ бы вся Россія. Псковичи наконецъ покорились этому голосу, принесли повинную и выдали главныхъ виновниковъ мятежа; ихъ казнили.

Соборное Уложеніе и судебное дѣло.

Волненія, мятежи, жалобы на неправосудіе и лихоимство побудили царя и его совѣтниковъ подумать объ улучшеніи судопроизводства и управленія.

Въ 1648 г. 16 іюня царь, на общей думѣ съ патріархами, святителями, со своими боярами и другими думными людьми постановилъ собрать въ одно цѣлое всѣ статьи изъ апостольскихъ правилъ, законовъ греческихъ царей, которые подходили къ государевымъ и земскимъ дѣламъ, а также указы прежнихъ русскихъ государей и боярскіе приговоры. А на какія случаи не было ни указовъ государя, ни боярскихъ приговоровъ, то изложить общимъ совѣтомъ, «чтобы Московскаго государства всякихъ чиновъ людямъ отъ большаго и до меньшаго чину, судъ и расправа была во всякихъ дѣлахъ всѣмъ равна». Собраніе всѣхъ статей и указовъ было поручено боярамъ - князьямъ: Одоевскому, Прозоровскому, окольничьему кн. Волконскому да дьякамъ Леонтьеву и Грибоѣдову.

Два съ половиною мѣсяца спустя, они исполнили возложенное на нихъ дѣло. Собраніе постановленій, или «Уложеніе», было готово и 3-го октября прочтено предъ государемъ и его думою, а потомъ — предъ соборомъ выборныхъ людей, нарочно для этого призванныхъ въ Москву изъ разныхъ концовъ и изъ всѣхъ сословій.

Когда выслушали и одобрили Уложеніе, то подлинный свитокъ его длиною въ 434 аршина былъ подписанъ членами собора и велѣно было переписать Уложеніе, и съ этого списка печатать книги и разослать по всѣмъ приказамъ и городамъ.

Составить такъ скоро Уложеніе могли потому, что по всѣмъ приказамъ были уже книги, куда заносились царскіе указы и боярскіе приговоры по времени выхода. Задача составителей была только выбрать все важнѣйшее и расположить въ извѣстномъ порядкѣ по содержанію, а то крайне было трудно справляться: указы и приговоры были разбросаны въ разныхъ приказахъ, да и въ каждомъ приказѣ накоплялось много книгъ, въ которыхъ статьи были расположены не по содержанію, а по времени.

Уложеніе заключаетъ въ себѣ 25 главъ, и каждая изъ нихъ распадается на отдѣльныя статьи. Тутъ находимъ уголовные законы, объ оскорбленіяхъ, правила судопроизводства, полицейскіе уставы, законы о вотчинахъ, помѣстьяхъ, крестьянахъ, холопахъ и пр.

Уложеніе отличается отъ Судебника царя Ивана гораздо большей полнотой; въ Уложеніе включены законы, какихъ въ судебникахъ не было. Въ первой статьѣ говорится о богохульникахъ, которыхъ постановлено казнить огнемъ, «будетъ сыщется про то (богохульство) допряма, и того богохульника обличивъ казнити, - сжечь». За безчинство въ церкви тоже полагается смерть: «А будетъ какой безчинникъ, пришедъ въ церковь Божію во время святыя литургіи

и какимъ ни буди обычаемъ божественныя литургіи совершити не дасть, и его, изъимавъ и сыскавъ про него допряма, что онъ такъ учинилъ, казнити смертію безъ всякія пощады».

Хотя сожженіе на дѣлѣ уже употреблялось противъ богохульниковъ и еретиковъ и въ Новгородѣ, и въ Москвѣ, но въ законы это до Уложенія не вносилось: надо думать, что этимъ постановленіемъ хотѣли предупредить на будущее время появленія ересей въ родѣ жидовствующей...

Во второй главѣ говорится о государской чести, и какъ государево здоровье оберегать. Смертная казнь полагается злоумышленникамъ на жизнь государя, измѣнникамъ, бунтовщикамъ, а также и замышляющимъ завладѣть государствомъ и престоломъ. Въ этой же главѣ говорится объ извѣтахъ въ государственныхъ преступленіяхъ, тутъ устанавливается страшное государево «слово и дѣло». Доносившій о какомъ либо зломъ умыслѣ противъ государя или объ измѣнѣ заявлялъ, что за нимъ есть «государево дѣло и слово». По доносу начинался розыскъ, «сыскивали всякими сыски», при этомъ обыкновенно пускалась въ дѣло пытка. Плохо приходилось по Уложенію и доносчику, если онъ не могъ доказать справедливость своихъ словъ: онъ самъ подвергался тому наказанію, какое полагалось за преступленіе, въ которомъ онъ винилъ другого. Но всякій, у кого только являлось подозрѣніе въ чьемъ либо зломъ умыслѣ, кто слыхалъ если не о дѣлѣ, то о словѣ, оскорбительномъ для государевой чести, долженъ былъ спѣшить донести: если кто либо въ этомъ предупреждалъ его, то онъ могъ понести кару за недонесеніе.

Вся эта глава, которой не было въ прежнихъ судебникахъ, конечно, была вызвана смутами во время самозванцевъ и междуцарствія, когда совершено было столько преступленій противъ верховной власти.

Страшно суровое наказаніе постигало дѣлателей воровскихъ (фальшивыхъ) денегъ: имъ заливали горло расплавленнымъ металломъ.

Крестьяне были Уложеніемъ еще болѣе закрѣпощены, чѣмъ прежде. Раньше помѣщику предоставлено было только въ теченіи десяти лѣтъ отыскивать бѣглыхъ крестьянъ, такъ что тѣ изъ нихъ, кому удавалось укрыться въ теченіи этого срока, потомъ могли спокойно доживать свой вѣкъ у другого помѣщика. Такимъ образомъ была хотя какая нибудь возможность уйти отъ крайне жестокаго и несправедливаго господина. Теперь же по Уложенію срокъ уничтожался, и помѣщикъ могъ всегда отыскивать бѣжавшихъ отъ него крестьянъ и водворять ихъ на прежнія мѣста.

Судъ въ это время попалъ совсѣмъ въ руки приказныхъ. Губные старосты мало по малу совсѣмъ теряютъ значеніе. Въ городахъ вся судебная сила перешла къ воеводамъ и дьякамъ, зависящимъ отъ московскихъ приказовъ. Всѣ, кому случалось вести сколько нибудь важную тяжбу, должны были ѣхать въ Москву и тутъ въ приказахъ искать управы. Приходилось давать посулы разнымъ подъячимъ. Дѣла обыкновенно страшно затягивались, и тяжущимся очень дорого обходилась эта «московская волокита».

Для судопроизводства требовалось, чтобы обвиняющій доказалъ свое обвиненіе. Если же не было достаточныхъ уликъ, то иногда предоставлялось рѣшить дѣло присягою. Спрашивали обвиняемаго, хочетъ ли онъ «взять присягу на свою душу или отдать ее на душу обвинителю». По словамъ Олеарія, на присягавшихъ смотрѣли съ презрѣніемъ. Ихъ долго увѣщевали не присягать, а если это дѣлалось, — хотя бы и въ правомъ дѣлѣ, то присягавшихъ на нѣкоторое время какъ бы отлучали отъ церкви. Олеарій при этомъ говоритъ, будто бы въ теченіи трехъ лѣтъ не позволяютъ имъ принимать св. причастіе; а если будетъ дознано, что присяга дана ложно, то виновнаго сѣкли кнутомъ и ссылали въ заточеніе въ Сибирь, и позволяли причаститься лишь предъ смертью.

Тотъ же писатель говоритъ о мученіяхъ, какимъ подвергали подсудимыхъ, чтобы вынудить у нихъ признаніе. Пытка была въ тѣ времена и въ Западной Европѣ. Наши предки чаще всего употребляли такую пытку: обвиненному скручивали руки за спину, привязывали къ нимъ веревку и поднимали его къ перекладинѣ между двумя столбами, а къ ногамъ привязывали тяжелый брусъ, на который вскакивалъ палачъ. Послѣ такой встряски руки несчастнаго пытаемаго выворачивались въ плечахъ и вытягивались, что причиняло невыносимую боль. Мало того, если пытаемый не признавался въ винѣ, то подъ ногами его раскладывали огонь, и несчастный терпѣлъ страшныя мученія, при чемъ еще задыхался отъ дыму. Иногда обвиненнымъ сбривали на головѣ волоса и на выбритое мѣсто капали холодною водой, что считалось очень мучительной пыткой. Нѣкоторыхъ, смотря по роду преступленій, били кнутомъ, жгли имъ тѣло раскаленнымъ желѣзомъ и пр.

Этотъ дикій обычай — подвергать обвиненныхъ пыткѣ, сильно распространенный и въ другихъ странахъ въ тѣ времена, указываетъ ясно на крайне суровые нравы. Считали тогда несправедливымъ казнить человѣка, если онъ самъ не сознавался въ томъ, въ чемъ его винили, и, желая вымучить признаніе страшными

истязаніями, нерѣдко вынуждали людей ни въ чемъ неповинныхъ взводить на себя небывалыя вины....

Убійцъ, умышленно убившихъ кого либо, сажали въ темницу на шесть недѣль; затѣмъ отсѣкали имъ головы. Обвиненнаго въ воровствѣ подвергали пыткѣ, чтобы узнать, не укралъ ли онъ еще чего либо. Если оказывалось, что онъ впервые воровалъ, то сѣкли плетью на всемъ пути отъ Кремля до большой площади, гдѣ палачъ отрѣзывалъ у него одно ухо, затѣмъ на два года его сажали въ тюрьму. Если воръ попадался второй разъ на кражѣ, ему отсѣкали другое

Присяга (по рисунку Олеарія).

ухо, сажали въ темницу, а затѣмъ ссылали въ Сибирь. Страшное наказаніе присуждалось женѣ, убившей или отравившей своего мужа: ее живую закапывали въ землю по шею и держали такимъ образомъ до смерти.

Неплатящихъ должниковъ тоже постигала суровая кара: ихъ, кто бы они ни были, сажали въ долговую тюрьму (яму) и ежедневно выводили на площадь передъ приказомъ, и тамъ цѣлый часъ били по голенямъ гибкими прутьями толщиною въ палецъ (батогами). Такого рода наказаніе называлось ставить «на пра-

вежъ». Случалось, что наказывающіе, получивъ взятку, били слегка, или дѣлали только видъ, что бьютъ; а иногда подвергавшіеся наказанію въ сапоги клали или толстые куски шерсти, или деревянные лубки, по которымъ и приходились удары прутьевъ. Если должникъ рѣшительно не могъ уплатить долгъ и никто его не выручалъ изъ бѣды, онъ долженъ былъ идти въ кабалу къ заимодавцу и служить ему.

Кромѣ этихъ наказаній, были въ ходу разрѣзываніе или вырываніе поздрей, битье батогами и сѣченіе кнутомъ по обнаженной спинѣ.

Присоединеніе Малороссіи.

Богданъ Хмельницкій.

Послѣ умиренія мятежа Остранина и Гуни, казацкая сила была, повидимому, въ конецъ сокрушена; но это только казалось.

Посполитая Рѣчь оставалась по-прежнему тѣмъ-же исключительно панскимъ государствомъ съ безсильнымъ королемъ во главѣ, съ порабощеннымъ и угнетеннымъ народомъ внизу, съ необузданной шляхтой и всесильными магнатами, настоящими государями-самодержцами въ своихъ владѣніяхъ. Подавленный панствомъ простой народъ, особенно православный, былъ главнымъ источникомъ казачества. Чѣмъ тяжелѣе становился гнетъ, чѣмъ горше были для православнаго люда насилія пановъ да арендаторовъ и поруганіе не только человѣческаго достоинства, но и самаго завѣтнаго достоянія — вѣры,—тѣмъ сильнѣе росла вражда и злоба у крестьянъ къ своимъ поработителямъ и ко всему строю польскаго государства, тѣмъ больше было побужденій уходить изъ горькой панской неволи на вольное казацкое житье...

Владиславъ IV, король доброжелательный и очень склонный къ военной славѣ, не смотря на всѣ свои попытки, не могъ облегчить православный южно-русскій народъ отъ притѣсненій, не могъ и увлечь поляковъ къ боевымъ подвигамъ. Польскіе, литовскіе и западно-русскіе паны ужь не походили на своихъ предковъ, не думали ни о славѣ, ни о благѣ своего отечества. Шумное веселіе, широкій разгулъ, безумная роскошь и необузданный произволъ, — вотъ что тѣшило тщеславіе пановъ! Всякія начинанія, которыя требовали отъ нихъ какихъ либо жертвъ или труда, были ненавистны имъ и встрѣчали рѣшительный отпоръ съ ихъ стороны на сеймѣ, безъ разрѣшенія котораго король не могъ ничего предпринять.

Здѣсь требовалось единогласное рѣшеніе вопросовъ; довольно было хотя бы одному депутату заявить о своемъ несогласіи, — и дѣло немогло состояться. Понятно, сколько всякой неправды творилось при этомъ: богатымъ магнатамъ не трудно было подкупить одного или нѣсколькихъ депутатовъ, и они, какъ говорилось тогда «срывали сеймъ», если тамъ рѣшалось дѣло, неугодное всесильнымъ панамъ. Депутаты выбирались обыкновенно въ разныхъ городахъ на мѣстныхъ сеймикахъ изъ шляхтичей; при этомъ богатые паны, угощая и щедро одаривая избирателей, тоже «вольныхъ» шляхтичей, легко могли добиться выбора въ депутаты угодныхъ имъ лицъ.

Шляхтичи, эти «сыны свободы», по большей части нищіе, гнушавшіеся всякимъ трудомъ, чванились своими правами, надменно подымали головы, съ презрѣніемъ смотрѣли на «хлопство», называли его «быдломъ» (скотомъ),—и въ тоже время сами были угодливыми, низкопоклонными слугами богатыхъ пановъ, магнатовъ, щедрыя подачки которыхъ и милости только и давали имъ возможность жить такъ, какъ, по ихъ взгляду, подобало истому шляхтичу, т. е. весело и ничего не дѣлая. Выродившееся, себялюбивое, измельчавшее духомъ магнатство и шляхетство, державшія въ своихъ рукахъ судьбу государства, были главной причиной слабости Рѣчи Посполитой. Они и погубили ее впослѣдствіи.

Паны всегда смотрѣли враждебно и опасливо на военныя затѣи своихъ королей,—боялись, что они, опираясь на преданное имъ войско, могутъ усилиться и ослабить панское могущество. Притомъ же война требовала издержекъ, новыхъ налоговъ, грозила, стало быть, и панскому карману, а если очень ужъ разгоралась, то могла потребовать общаго вооруженія,—«посполитаго рушенія», причемъ всѣ шляхтичи, способные носить оружіе, должны были идти на войну.

Славолюбивый Владиславъ томился бездѣйствіемъ и своимъ безсиліемъ и особенно лелѣялъ мечту о большомъ походѣ на Турцію. Венеціанскій посолъ подстрекалъ его къ войнѣ, обѣщая помощь Венеціи, которая въ то время враждовала съ Турціей. Владиславъ думалъ составить большой союзъ противъ нея, привлечь къ нему и Москву, но держалъ все дѣло въ большой тайнѣ, опасаясь, что паны помѣшаютъ его замысламъ. Онъ думалъ повести такъ дѣло, чтобы война была неизбѣжна, и чтобы сама Турція объявила ее. На тайномъ совѣтѣ съ нѣсколькими своими сторонниками король порѣшилъ дать дозволеніе казакамъ напасть на крымскихъ татаръ и на

владѣнія султана и этимъ вызвать съ его стороны объявленіе войны. Владиславъ тайно ночью видался съ казацкими старшинами, объявилъ имъ, что онъ возстановитъ казачество въ прежней силѣ его, побуждалъ ихъ начать борьбу съ Турціей, и далъ имъ грамоту (привиллегію) за своей подписью съ разрѣшеніемъ строить чайки и готовиться къ походу.

Но паны провѣдали о затѣяхъ короля, и на сеймѣ не только не согласились съ нимъ, но даже сильно укоряли его за самовольныя дѣйствія, за приготовленія къ войнѣ. Король такъ былъ огорченъ своей неудачей, что заболѣлъ...

Но грамота его казакамъ имѣла важное значеніе. Нигдѣ насилія и неправды пановъ не возбуждали такого негодованія и злобы, какъ на Украйнѣ, гдѣ народъ привыкъ раньше къ вольности казацкой и съ трудомъ сносилъ панское иго.

Одинъ случай возмутительнаго насилія послужилъ поводомъ къ народному возстанію.

Близъ города Чигирина былъ хуторъ, которымъ владѣлъ Зиновій Богданъ Хмельницкій. Онъ былъ сынъ Чигиринскаго сотника Михаила Хмельницкаго; обучался въ кіевской братской школѣ, а затѣмъ былъ и въ іезутскомъ училищѣ. Отъ природы умный и даровитый, Богданъ такимъ образомъ получилъ хорошее по тому времени образованіе. Кіевская школа, конечно, укрѣпила въ немъ духъ православія, а іезуиты развили у него гибкость ума, сообщили ему отчасти свою пронырливость, ловкость и неразборчивость въ средствахъ... Богданъ свободно владѣлъ латинскимъ и польскимъ языками, а потомъ освоился съ турецкимъ и французскимъ. Окончивъ свое школьное образованіе, прошелъ онъ и другую школу — военную, поступилъ въ ряды казацкаго войска и участвовалъ въ польско-турецкой войнѣ (1620—1621 г.). Здѣсь былъ убитъ отецъ Богдана, а самъ онъ попалъ въ плѣнъ къ туркамъ, и два года прожилъ въ Константинополѣ. Освободившись изъ плѣна, Богданъ вернулся на Запорожье и не разъ потомъ водилъ отсюда лихія шайки въ морскіе походы на турокъ. Смѣлы и удачны были эти набѣги: не одинъ десятокъ турецкихъ галеръ былъ пущенъ ко дну, не мало бусурманъ избито было по берегамъ, а въ 1629 г. удальцы, подъ предводительствомъ Богдана, «окурили мушкетнымъ дымомъ» самый Царьградъ, выжгли предмѣстіе его. Съ большой добычей возвращались изъ своихъ походовъ сподвижники Богдана; имя смѣлаго и умнаго вождя съ уваженіемъ произносилось на Запорожьѣ. Послуживъ много лѣтъ казацкому дѣлу, или «рыцарской

славѣ», какъ выражались порой книжные казаки, Богданъ вернулся на родину въ Чигиринъ, получилъ званіе Чигиринскаго сотника, обзавелся семьей и зажилъ мирнымъ хозяиномъ въ своемъ хуторѣ Субботовѣ, доставшемся ему отъ отца. Но недолго пришлось Богдану наслаждаться мирной жизнью. Чигиринскій подстароста, панъ Чаплинскій, личный врагъ его, давно ужь искалъ случая какъ нибудь повредить ему; даже есть извѣстіе, что хотѣлъ при помощи убійцы погубить его, но злодѣйство не удалось... Чаплинскій, въ отсутствіе Богдана, напалъ съ вооруженнымъ отрядомъ на Субботово, завладѣлъ имъ, произвелъ тутъ погромъ, увезъ жену Хмельницкаго, а десятилѣтній его сынъ былъ такъ высѣченъ за какое-то грубое слово, что умеръ на другой день.

Хмельницкій явился къ Чигиринскому старостѣ съ жалобой; тотъ не оказалъ ему никакого вниманія. Богданъ обратился тогда въ судъ; но тамъ заговорили, что онъ даже и не въ правѣ владѣть хуторомъ, такъ какъ у него нѣтъ на то документовъ, и Чигиринскій староста можетъ отдать хуторъ и землю, кому захочетъ.

Оскорбленный Хмельницкій, не находя законнаго суда, думалъ было военнымъ способомъ наказать своего оскорбителя и вызвалъ его на поединокъ. Чаплинскій принялъ вызовъ, но привелъ съ собою трехъ своихъ служителей, чтобы вчетверомъ напасть на своего противника. Къ счастью, предусмотрительный Богданъ, опасаясь коварства своего врага, надѣлъ панцырь подъ платье. Это спасло его, и онъ съ такою ловкостью отбивался отъ злодѣевъ, что обратилъ ихъ всѣхъ въ бѣгство.

— «Не все еще забралъ Чаплинскій, воскликнулъ онъ, — когда есть сабля въ моихъ рукахъ»!

Хмельницкаго засадили было въ тюрьму,—должно быть, за буйство, но впрочемъ скоро выпустили: прежняя жена его, съ которой обвѣнчался Чаплинскій по римско-католическому обряду, упросила новаго мужа выпустить заключеннаго.

Хмельницкій отправился въ Варшаву искать высшаго правосудія: онъ все еще вѣрилъ, что есть въ Польшѣ судъ и законъ, который защититъ его.

Дѣло Хмельницкаго не долго разбиралось. Ему отвѣтили отъ имени сейма, что онъ самъ виноватъ въ потерѣ своего хутора, потому что не запасся законнымъ документомъ на владѣніе имъ. Жалоба на убійство сына была признана ложною. Чаплинскій заявилъ, что это—клевета, и, вѣроятно, представилъ свидѣтелей, отвергавшихъ жестокость наказанія.

На счетъ же похищенія жены Хмельницкаго, паны судьи даже пошутили надъ нимъ.

— «На бѣломъ свѣтѣ много красавицъ,— сказали они,—поищи себѣ другую!».

Хмельницкій рѣшился обратиться къ королю, который лично зналъ его. Но что могъ сдѣлать король? Онъ самъ только что предъ этимъ испыталъ горькую обиду на сеймѣ. Говорятъ, будто бы онъ, сознавая свое безсиліе помочь казакамъ, оборонить ихъ отъ панскихъ несправедливостей и насилій, сказалъ между прочимъ Богдану:

— «У васъ есть сабли: кто мѣшаетъ вамъ самимъ постоять за себя!».

Сказалъ-ли это король, или нѣтъ, но подобная мысль, конечно, должна была явиться у Богдана Хмельницкаго, испытавшаго на себѣ «польскую правду».

Проживая въ Варшавѣ во время сейма, онъ могъ ясно видѣть порядки польскаго государства, понять, въ какомъ незавидномъ положеніи былъ самъ король, какъ смотрѣли на него всесильные паны.

На возвратномъ пути въ Украйну, Хмельницкій внимательно вглядывался въ положеніе края, въ состояніе крѣпостей, чутко прислушивался къ разговорамъ, ловко вывѣдывалъ, чего особенно желаетъ населеніе, на что сѣтуетъ... Не торопясь ѣхалъ онъ по русской землѣ, останавливался чуть не въ каждомъ селѣ, вкрадывался въ довѣріе народа, съ видимой жадностью выслушивалъ горькія жалобы на жестокости пановъ, и самъ съ большимъ жаромъ говорилъ объ ихъ насиліяхъ и неправдахъ, разжигалъ въ слушателяхъ своихъ чувство мести, обнадеживалъ, что скоро наступитъ конецъ гнету. Особенно любилъ Богданъ вступать въ бесѣду съ русскимъ духовенствомъ: зналъ онъ, что священники имѣютъ большую силу въ народѣ,—имъ онъ даже открывалъ свои замыслы.

— «Знайте, говорилъ онъ,— я рѣшился мстить панамъ-ляхамъ не только за свою обиду, но и за поруганіе русской вѣры и народа. Я безсиленъ, но вы можете пособить дѣлу, пришлите ко мнѣ хоть по два или по три человѣка съ каждаго села»!

Угнетенные и озлобленные люди съ радостью слушали Хмельницкаго и выражали полную готовность возстать на своихъ заклятыхъ враговъ-притѣснителей. Общее сочувствіе въ русскомъ народѣ къ мысли о возстаніи и борьбѣ съ ляхами укрѣпили Хмельницкаго въ его замыслѣ; онъ могъ надѣяться на сильную поддержку со стороны народа.

Вернувшись на Украину, Хмельницкій гдѣ-то въ рощѣ, ночью, собралъ наиболѣе вліятельныхъ казаковъ на тайное совѣщаніе.

Здѣсь онъ яркими красками обрисовалъ положеніе православнаго народа въ польскихъ владѣніяхъ.

—«Проѣзжая по Руси, говорилъ онъ,—я повсюду видѣлъ страшныя притѣсненія и тиранство; народъ вопитъ о помощи; всѣ готовы взяться за оружіе; всѣ обѣщаютъ стать съ нами заодно»!

Не новостью все это было для казаковъ, собравшихся на совѣщаніе; они сами поразсказали тутъ же объ извѣстныхъ имъ возмутительныхъ насиліяхъ и неправдахъ панскихъ...

—«Нѣтъ силъ терпѣть долѣе! пора взяться за сабли; пора сбросить съ себя ляшское ярмо!»—вотъ къ какому заключенію привели казаковъ разсказы и совѣщанія.

Замыселъ Хмельницкаго оружіемъ отмстить панской Польшѣ какъ нельзя больше совпадалъ съ общимъ желаніемъ. Злобы и жажды мести накопилось у всѣхъ казаковъ и православныхъ крестьянъ слишкомъ много, и довольно было малѣйшаго повода, незначительнаго толчка, чтобы произошелъ взрывъ народной ненависти. Этотъ толчокъ и далъ Хмельницкій.

Въ довершеніе всего, онъ разсказалъ своимъ сообщникамъ о расположеніи короля къ казакамъ, о его позволеніи имъ строить чайки для нападенія на Турцію, о желаніи его возстановить казачество въ прежней силѣ. Чтобы убѣдить всѣхъ въ справедливости своихъ словъ, Богданъ показалъ королевскую грамоту, которую ему удалось ловко похитить у Барабаша. Такимъ образомъ, даже въ глазахъ болѣе осторожныхъ казаковъ возстаніе противъ пановъ узаконялось грамотою короля, которому ненавистные паны всегда становились поперекъ дороги, лишь только задумывалъ онъ что либо сдѣлать въ пользу казаковъ или православнаго народа.

Притомъ грамота эта, разрѣшавшая казакамъ набѣгъ на татаръ и турокъ, давала возможность казакамъ, въ случаѣ борьбы съ Польшею, привлечь на свою сторону крымцевъ и въ союзѣ съ ними вѣрнѣе доканать ее.

Казаки на своемъ совѣщаніи порѣшили искать помощи въ Крыму: Однѣми своими силами они не надѣялись справиться... Всѣхъ участниковъ тайнаго совѣщанія, по современному свидѣтельству, особенно сбодрило то, что кіевскій митрополитъ, Петръ Могила, благословилъ начинаніе Хмельницкаго.

Но все предпріятіе чуть было не рушилось въ самомъ началѣ. Одинъ изъ участниковъ совѣщанія изъ зависти къ Хмельницкому измѣнилъ общему дѣлу, донесъ обо всемъ старостѣ. Богдана схватили; но во время допроса онъ держалъ себя очень ловко, прики-

нулся, что ничего знать не знаетъ, съ самымъ невиннымъ и изумленнымъ видомъ выслушивалъ обвиненія въ заговорѣ, ссылался на бывшихъ при допросѣ казаковъ. А эти свидѣтели, тайные сообщники Хмельницкаго, поддержали его, готовы были клясться, что донось на него не болѣе, какъ гнусная клевета. До окончательнаго рѣшенія дѣла онъ былъ отданъ подъ надзоръ, но ему удалось бѣжать. Бѣжалъ онъ со своимъ сыномъ Тимошемъ въ Запорожскую Сѣчь; за ними послѣдовали и многіе сообщники.

На Запорожьѣ Богдана приняли съ радостью: тутъ не мало было отчаянныхъ удальцовъ, прогулявшихъ все свое достояніе до послѣдняго гроша, готовыхъ идти хоть въ огонь и въ воду.

Но не лихой набѣгъ для наживы былъ теперь на умѣ у Богдана.

— «Поругана вѣра святая, говорилъ онъ съ горечью казакамъ,— отнятъ насущный хлѣбъ у честныхъ епископовъ и иноковъ; надъ священниками ругаются; уніаты стоятъ съ ножемъ надъ шеей; іезуиты гонятъ нашу отеческую вѣру. Надъ просьбами нашими издѣвается, глумится сеймъ!... Въ довершеніе всѣхъ мученій, предали насъ въ рабство проклятому жидовскому роду!»

Все, что наболѣло на душѣ у русскаго человѣка, — все сказалось въ словахъ Богдана; понятно, какъ они глубоко западали въ душу казакамъ. Умѣлъ Хмельницкій красно говорить, разсказывалъ онъ и о своихъ личныхъ бѣдахъ и въ заключеніе сказалъ:

— «Къ вамъ уношу душу и тѣло, укройте меня стараго товарища, обороняйте самихъ себя; вамъ тоже грозитъ, что и мнѣ».

— «Принимаемъ тебя, Хмельницкій пане, «хлібомъ-солью и сердцемъ щиримъ» (искреннимъ), кричали въ отвѣтъ ему казаки.

Свой замыселъ онъ открылъ вполнѣ только кошевому да старшинамъ запорожскимъ. Осторожный Хмельницкій опасался, чтобы поляки не узнали преждевременно о томъ, что онъ затѣваетъ большое дѣло. Онъ всячески старался отвести имъ глаза, писалъ даже казацкому комисару и коронному гетману, что бѣжалъ, спасая свою жизнь, на которую злоумышлялъ Чаплинскій; что запорожскіе казаки собираются только съ тѣмъ, чтобы послать въ Варшаву депутацію и просить защиты отъ обидъ и насилій. Благодаря осторожности и ловкости Богдана, поляки долго и не помышляли о томъ, что затѣвается большое возстаніе.

Возстаніе на Украйнѣ.

Хмельницкій отправился въ Крымъ, долго хлопоталъ у хана Исламъ-Гирея о помощи, увѣрялъ его, что поляки — общіе

враги татаръ и казаковъ, показалъ ему королевскую привиллегію, изъ которой ханъ ясно могъ видѣть, что король побуждалъ казаковъ къ нападенію на татаръ и турокъ; наконецъ, заявилъ, что готовъ оставить сына своего заложникомъ у хана въ доказательство того, что не замышлятъ ничего дурнаго противъ него; по требованію хана даже поклялся на саблѣ...

Тогда Исламъ-Гирей далъ разрѣшеніе идти съ нимъ Перекопскому мурзѣ Тугай-Бею, и тотъ съ ордой своей послѣдовалъ за Богданомъ. Татары остановились, не доходя до Сѣчи, на рѣкѣ Бузулукѣ, а Хмельницкій отправился въ кошъ. Здѣсь его уже давно

Богданъ Хмельницкій.

ждали. Кошевой собралъ огромное число запорожцевъ, и они, не зная хорошо, въ чемъ дѣло, но чувствуя, что затѣвается что-то важное, съ нетерпѣніемъ ожидали, когда имъ объяснятъ, зачѣмъ ихъ созвали. 18-го апрѣля (1648 г.) къ вечеру явился наконецъ въ Сѣчь Хмельницкій, съ нимъ было нѣсколько татаръ, какъ свидѣтели ханской помощи.

Въ этотъ вечеръ дали три залпа изъ пушекъ; на разсвѣтѣ повторили этотъ обычный сигналъ для сбора на раду. Запорожцы стали съѣзжаться верхомъ на коняхъ. Въ полдень довбишъ ударилъ въ литавры. Сборище было такъ велико, что обычное мѣсто

сходокъ — майданъ, или площадь предъ церковью, оказалось недостаточнымъ,—рада собралась за крѣпостью.

Кошевой изложилъ громогласно предъ всей казацкой громадой обиды, какія терпятъ украинцы отъ ляховъ, заявилъ, что ханъ обѣщалъ Хмельницкому свою помощь; что перекопскій мурза стоитъ ужь неподалеку отъ Сѣчи.

Раздались громкіе крики:

— «Честь и слава Хмельницкому! Пусть онъ будетъ нашимъ головою! Мы всѣ готовы идти и помогать ему до послѣдняго дыханія!».

По приказу кошевого, принесли изъ скарбницы знаки гетманскаго достоинства: хоругвь, бунчукъ, позолоченную булаву съ каменьями и серебряную войсковую печать, и, вручая все это Хмельницкому, торжественно провозгласили его гетманомъ запорожскаго войска.

Хмельницкій теперь сталъ законнымъ повелителемъ запорожцевъ; однако онъ призналъ себя только старшимъ, а не гетманомъ: для этого сана нужно было еще признаніе городовыхъ казаковъ.

Рѣшено было, что восемь тысячъ отборныхъ запорожцевъ послѣдуютъ за Хмельницкимъ и съ помощью татаръ откроютъ военныя дѣйствія; остальнымъ запорожцамъ велѣно было разойтись по домамъ, быть всякій часъ готовыми къ походу и ждать приказаній.

Всѣ эти приготовленія къ возстанію, конечно, не могли сохраниться въ тайнѣ. Хотя русскіе по деревнямъ и по городамъ держали себя очень осторожно и развѣ только шопотомъ говорили между собой о своихъ надеждахъ; но угрозы подгулявшихъ казаковъ да возмутительныя воззванія показывали полякамъ, что затѣвается противъ нихъ что то недоброе. Жиды уже доносили панамъ о враждебныхъ проявленіяхъ со стороны казаковъ. Наконецъ, Барабашъ, казацкій старшина, вѣрный польскому правительству, извѣстилъ короннаго гетмана, что Хмельницкій собираетъ мятежную шайку, и надо опасаться возстанія. Потоцкій, коронный гетманъ, далъ приказъ военнымъ отрядамъ, стоявшимъ на зимнихъ квартирахъ, собираться немедленно къ Днѣпру, извѣщалъ магнатовъ объ опасности, просилъ ихъ наряжать свои отряды и спѣшить къ нему. Паны собирались, по обыкновенію, очень лѣниво. А признаки возстанія обнаруживались все яснѣе и яснѣе: народъ цѣлыми толпами сталъ уходить къ Хмельницкому. Тогда Потоцкій издалъ универсалъ къ русскому народу, гдѣ оповѣщалъ всѣхъ бѣжавшихъ, чтобы они вернулись въ свои деревни,—иначе грозилъ, что за ихъ измѣну,

не только имѣнія отнимутся у нихъ, но будутъ отвѣчать своей жизнью ихъ дѣти и жены. Иные паны стали эту угрозу примѣнять на дѣлѣ. Этимъ, конечно, еще болѣе озлобили народъ. Начались обычныя въ такихъ случаяхъ стѣсненія: простонародію запрещали ходить толпами по улицамъ, собираться въ домахъ; отбирали у поселянъ-украинцевъ всякое оружіе. Все это, конечно, не достигало цѣли, а только пуще злобило народъ... Сторонники Хмельницкаго, переодѣтые богомольцами-странниками или нищими, ходили по селамъ и деревнямъ и приготовляли народъ къ возстанію. Скоро не было деревни въ Украйнѣ, гдѣ-бы народъ не былъ готовъ подняться на своихъ заклятыхъ враговъ при первомъ появленіи казаковъ.

Польскіе вожди и не подозрѣвали, какое готовится народное движеніе. Потоцкій отрядилъ часть войска подъ начальствомъ своего сына противъ мятежниковъ сухимъ путемъ, а другой отрядъ, состоявшій по большей части изъ реестровыхъ казаковъ, долженъ былъ подъ предводительствомъ Барабаша, спуститься по Днѣпру на байдакахъ (большія лодки). Такимъ образомъ, гетманъ надѣялся совсѣмъ покончить съ Хмельницкимъ, который въ это время стоялъ станомъ при потокѣ Жовты-Воды. Здѣсь казаки по своему обычаю устроили таборъ, укрѣпились четырсугольникомъ изъ возовъ.

Чрезъ восемь дней по выступленіи въ походъ, подошелъ сюда молодой Потоцкій съ небольшимъ своимъ отрядомъ и поджидалъ Барабаша, который долженъ былъ тутъ соединиться съ нимъ. Но дѣло вдругъ приняло совсѣмъ неожиданный оборотъ. По приказу Хмельницкаго, нѣкоторые изъ его казаковъ должны были попытаться склонить реестровыхъ казаковъ къ возстанію. Передовые отряды ихъ охотно пристали къ Хмельницкому и радостно привѣтствовали его. Когда же барабашевцы пристали къ берегу, неподалеку отъ того мѣста, гдѣ находился польскій станъ,—одинъ изъ ловкихъ агентовъ Хмельницкаго, Ганжа, вмѣшался въ толпу казаковъ, собралъ такъ называемую «черную раду» т. е. сходку безъ начальниковъ.

— «Мы идемъ за вѣру, за казачество и за весь народъ, – кричалъ онъ. —Силы наши не малы; позади насъ идетъ Тугай-Бей съ ордою... Развѣ вы будете проливать кровь своей братьи?! Развѣ не одна мать Украина породила насъ и васъ? За что лучше вамъ стоять: за костелы или за церкви Божіи? Коронѣ ли польской пособлять станете, которая отплатитъ вамъ неволей, или матери своей Украинѣ?»

Заговорила русская кровь въ казакахъ-барабашевцахъ, которымъ и раньше походъ на своихъ былъ не по душѣ,—разгорячили

ее слова Ганжи. Казаки принялись рвать свои знамена и значки, полученные отъ поляковъ.

— «Бить измѣнниковъ!» заревѣла толпа и кинулась на старшинъ.

Остановить ненужную жестокость ужь нельзя было. Разъяренные казаки своихъ начальниковъ-шляхтичей однихъ изрубили, другихъ побросали въ воду. Тутъ погибъ и Барабашъ, преданный слуга Польши.

Въ тотъ же день встрѣчалъ новыхъ своихъ приверженцевъ Богданъ Хмельницкій. Онъ сидѣлъ на бѣломъ конѣ, подъ бѣлымъ знаменемъ, на которомъ было написано: «Покой хрістіанству».

— «Братія, молодцы! — сказалъ имъ Хмельницкій, да будетъ вѣдомо вамъ, что мы взялись за сабли не ради одной славы и добычи, а на защиту жизни, женъ и дѣтей нашихъ! Всѣ народы обороняютъ свою жизнь и свободу. Звѣри и птицы тоже дѣлаютъ: на то Богъ и далъ имъ когти и зубы. Неужели оставаться намъ невольниками въ своей собственной землѣ? Поляки отняли у насъ честь, вольность, вѣру,—все это за то, что мы за нихъ же проливали кровь... Не васъ ли зовутъ они хлопами? Не они ли замучили вашихъ старшинъ? Несчастные эти мученики, погибшіе отъ злодѣевъ, взываютъ къ вамъ о мести за нихъ и за всю Украину.»

Рѣчь Хмельницкаго сильно подѣйствовала на новыхъ его сподвижниковъ, — они громкими криками привѣтствовали его и всѣхъ своихъ русскихъ собратій.

Поляки были поражены ужасомъ, когда увидѣли, что отрядъ который они поджидали себѣ на помощь, передался врагу. Начальники совсѣмъ потеряли голову; порѣшили все-таки всѣми силами обороняться и поскорѣе дать знать коронному гетману объ опасности. Поляки сбили возы въ четвероугольникъ, кругомъ вывели валъ, поставили пушки, и надѣялись такимъ образомъ устоять, пока явится помощь. Началась перестрѣлка, но казаки отвѣчали полякамъ вяло; тѣ ободрились, — даже рѣшились выйти изъ своихъ укрѣпленій и, сдѣлать нападеніе на враговъ.

5-го мая Потоцкій велѣлъ своему отряду выступать въ поле. Въ казацкомъ станѣ тоже готовились къ бою, трубили въ трубы, били въ литавры, казаки строились, Хмельницкій ободрялъ ихъ рѣчью.

Стремительно вылетѣли казаки изъ стана, перешли чрезъ потокъ, отдѣлявшій ихъ отъ враговъ, и съ оглушительнымъ гикомъ кинулись на поляковъ. Потоцкій двинулъ на нихъ своихъ воиновъ; загремѣли пушки. Но внезапно раздался позади польскаго стана страшный татарскій крикъ— «Алла!».

Нежданное нападеніе татаръ озадачило поляковъ. Не успѣли они придти въ себя, какъ вдругъ новый ударъ! Драгуны, навербованные изъ русскихъ, измѣняютъ —переходятъ на сторону казаковъ. Польское войско разстроилось; все пришло въ страшное смятеніе. Напрасно Потоцкій старался ободрить своихъ.

— «Неужели, – кричалъ онъ, хотите вы походить на овецъ, бѣгущихъ отъ волковъ? Лучше умереть въ бою, чѣмъ обратиться въ гнусное бѣгство и все-таки достаться въ пищу звѣрямъ!»

Поляки едва успѣли скрыться въ своихъ окопахъ и ввезти пушки.

На слѣдующій день казаки съ разныхъ сторонъ кинулись на польскій обозъ; поляки около шести часовъ мужественно отбивались; казакамъ не удалось сломить ихъ, но за то польскій станъ былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ, и осажденные были отрѣзаны отъ воды. Письмо, которое послано было къ коронному гетману съ просьбой о немедленной помощи, было перехвачено казаками, и они съ насмѣшками показывали его издали полякамъ, приглашая ихъ «отдаться на милость хлопамъ».

Положеніе поляковъ было отчаянное; въ случаѣ мужественной обороны, имъ грозила неминуемая голодная смерть...

Но Хмельницкому не разсчетъ было долго застаиваться на мѣстѣ, осаждая небольшой польскій отрядъ, и онъ предложилъ полякамъ вступить въ переговоры.

— «Мнѣ нѣтъ никакой надобности дѣлать вамъ какія-либо уступки,—говорилъ онъ польскому уполномоченному,—а я предложилъ вамъ войти въ сношенія съ нами, потому что мнѣ жаль васъ. Отдайте намъ ваши пушки и идите себѣ спокойно домой».

Недолго думали поляки. Предложеніе Хмельницкаго показалось имъ весьма выгоднымъ. Они потребовали только, чтобы казаки клятвою скрѣпили обѣщаніе безпрепятственно выпустить ихъ. Казаки присягнули. Польскія пушки были отвезены въ станъ Хмельницкаго. Онѣ были очень ему нужны: у него было всего четыре орудія.

Поляки двинулись поспѣшно въ обратный путь, надѣясь скоро присоединиться къ своимъ. Напрасная надежда! Прошли они спокойно три мили; тутъ надо было имъ проходить чрезъ яръ, поросшій лѣсомъ. Вдругъ вдали показались облака пыли, затѣмъ среди нихъ зачернѣлись всадники, наконецъ раздались дикіе и грозные крики: то былъ Тугай-Бей со своею ордой. Татары, не глядя ни на какія договоры казаковъ, кинулись на польскій обозъ. Тучи стрѣлъ летѣли въ лица шляхтичей, калѣчили людей и коней. Поляки думали

скорѣе пройти яръ, но идти было трудно по буеракамъ, покрытымъ мелкимъ лѣсомъ. Казаки, забравшись сюда раньше, изрыли землю канавами, закидали дорогу деревьями и камнями,—она стала непроходимою. Лошади калѣчили себѣ ноги и падали, возы вязли въ канавахъ. Татары начали бить поляковъ изъ ихъ собственныхъ пушекъ, только что сданныхъ казакамъ.

Поляки, воодушевленные своимъ юнымъ вождемъ, мужественно оборонялись, стали копать валъ, отчаянно бились саблями, камнями, дубинами. Но татары ударили разомъ съ четырехъ сторонъ на польскій обозъ, ворвались и началось побоище... Потоцкій, уже умирающій отъ ранъ, взятъ въ плѣнъ. Всѣ сподвижники его, кто остался въ живыхъ, положили оружіе. (8-го мая 1648 г.).

«Это вамъ за то, паны,—говорится въ одной народной думѣ, что не захотѣли вы съ казаками-молодцами въ мирѣ жить; для васъ лучше были жиды, чѣмъ удальцы-запорожцы. А теперь за то попробуйте татарской юшки» —«Не по одномъ ляхѣ осталась вдова, не по одномъ заплакали дѣти-сироты, — говоритъ другая пѣсня,— высыпался хмѣль изъ мѣшка, натворилъ бѣды панамъ,—напились они желтой водицы, да видно хмѣлю было много положено, не устояли они на ногахъ».

Два дня стояли казаки на мѣстѣ битвы. Хмельницкій, приведши въ порядокъ свое войско, съ двадцатью шестью пушками на маленькихъ двухколесныхъ возахъ, поспѣшно двинулся въ походъ, чтобы настичь гетмана Потоцкаго. Въ это время силы казаковъ увеличились: къ нимъ пришло болѣе двухъ тысячъ охотниковъ. У Хмельницкаго было уже подъ начальствомъ до пятнадцати тысячъ, кромѣ татаръ.

Въ то время, когда былъ уничтоженъ польскій отрядъ при Желтыхъ Водахъ, коронный гетманъ стоялъ съ войскомъ близъ Черкасъ; оно было невелико,—меньше, чѣмъ у Хмельницкаго. Паны въ польскомъ станѣ пировали. Каждый изъ нихъ, особенно богатые магнаты, прибывъ съ отрядами своими въ станъ, считали долгомъ устраивать пиры. Время летѣло незамѣтно; никто и не безпокоился о томъ, что ужь много дней прошло, а объ отрядѣ молодого Пото[illegible] ни слуху, ни духу... Самонадѣянные поляки были такъ увѣрены въ своемъ боевомъ превосходствѣ надъ казаками, что даже и вѣрить не хотѣли, когда до нихъ впервые дошли дурные слухи объ участи отряда. Однако тревожныя вѣсти о состояніи края начинали уже смущать ихъ... Развѣдчики, которые посылались въ разныя стороны узнать, что дѣлается въ народѣ, доносили, что

Украина повсюду пустѣетъ; что кое-гдѣ заготовлены запасы и стоятъ вооруженные люди. Все показывало, что готовится большое народное движеніе. Эти вѣсти смутили пановъ—начальниковъ; они съ тревогой стали припоминать, что въ отрядѣ молодого Потоцкаго много русскихъ. Рѣшено было идти на выручку своихъ. Два дня польское войско шло, не встрѣчая людей,—казалось, будто весь край вымеръ. Наконецъ, получены были вѣрныя вѣсти о гибели отряда молодого Потоцкаго,—принесъ ихъ раненый шляхтичъ, которому удалось спастись изъ Желтоводской битвы. Всѣ были поражены ужасомъ. Узнали, что Хмельницкій уже близко съ безчисленнымъ войскомъ, по увѣренію шляхтича,—и послѣ долгихъ споровъ рѣшили отступить и укрыться подъ защиту укрѣпленныхъ городовъ. Двинулись въ обратный путь, и на третій день похода достигли Корсуна на рѣкѣ Роси. Сюда развѣдчики принесли вѣсть, что Хмельницкій съ татарами слѣдуетъ по пятамъ за польскимъ войскомъ, и съ часу на часъ надо ожидать нападенія. Рѣшено было остановиться укрѣпленнымъ станомъ и приготовиться къ бою.

15-го мая показались вдали облака пыли, то шелъ Хмельницкій съ казаками и татарами. Пыли было такъ много, что поляки подумали, что враговъ по крайней мѣрѣ тысячъ сто; а ихъ было всего пятнадцать тысячъ. Передовой польскій отрядъ,—драгуны, навербованные изъ украинцевъ, передались и здѣсь Хмельницкому,—не хотѣли биться со своими... Польское войско стало падать духомъ; однако первые налеты татаръ на укрѣпленный станъ были отбиты. Хмельницкій расположилъ свои полки полукругомъ, и дѣлалъ видъ, что хочетъ напасть на поляковъ всѣми силами, а между тѣмъ задумалъ безъ большихъ потерь для своихъ уничтожить все польское войско. Одному ловкому и отважному казаку, Никитѣ Галагану, готовому на все, онъ поручилъ пробираться подлѣ польскаго стана такъ, чтобы его замѣтили и схватили,—и научилъ, что говорить при допросѣ. Въ то же время Хмельницкій послалъ значительный отрядъ казаковъ, чтобы они, обошедши польское войско, испортили дорогу, поставили въ удобныхъ мѣстахъ пушки и подъ прикрытіемъ лѣса приготовились встрѣтить поляковъ.

Затѣя Хмельницкаго удалась вполнѣ: Галаган былъ схваченъ и приведенъ къ начальникамъ. Его стали, по тогдашнему обычаю, пытать огнемъ, допрашивая о числѣ казаковъ и татаръ.

— «Нашимъ я не знаю счета, сказалъ онъ,—да какъ и узнаешь,—съ каждымъ часомъ ихъ прибываетъ, а татаръ тысячъ пятьдесятъ; скоро и самъ ханъ съ ордою будетъ здѣсь»...

И безъ того поляки были уже въ большой тревогѣ, а тутъ ужасъ обуялъ ихъ!.. На совѣтѣ пановъ поднялись споры. Многіе были того мнѣнія, что надо бѣжать какъ можно скорѣе. Потоцкій былъ постоянно не въ ладахъ съ помощникомъ своимъ Калиновскимъ, болѣе смѣлымъ, чѣмъ онъ. Послѣ долгихъ пререканій рѣшено было отступать.

На другой день, передъ разсвѣтомъ, польскій обозъ поднялся съ мѣста; возы съ припасами, панскіе рыдваны со всякимъ добромъ, лошади и пушки, подъ охраною пѣхоты, тронулись въ путь. Разсказываютъ, будто бы паны, по какому то непростительному легкомыслію, взяли проводникомъ Галагана, хорошо знавшаго ту мѣстность. Хмельницкій далъ пройти полякамъ нѣсколько верстъ спокойно, затѣмъ его наѣздники начали стремительно налетать на враговъ: казаки давали залпы изъ ружей, татары пускали тучи стрѣлъ и затѣмъ быстро уносились назадъ,—такимъ образомъ томили поляковъ постоянной тревогой. Нѣсколько верстъ прошли еще поляки, отбиваясь отъ враговъ, и, наконецъ, уже усталые вошли въ роковой лѣсъ. Тутъ Хмельницкій приказалъ ударить на польскій обозъ съ тыла, и успѣлъ отбить много возовъ. Но бѣда ждала поляковъ въ концѣ рощи. Здѣсь дорога шла крутымъ спускомъ въ долину и затѣмъ подымалась на гору. Въ этой долинѣ, которую поселяне называли Крутой балкой, казаки прорыли на нѣсколько верстъ глубокій ровъ. Поляки, ничего не подозрѣвая, стали спускаться въ долину. Когда замѣтили канаву, было уже поздно. Возы и пушки полетѣли въ ровъ.

— «Стой, стой!» кричали передніе заднимъ, но кричали напрасно. Значительная часть возовъ ужь была на спускѣ, лошади не могли сдержать на себѣ ихъ тяжести, и все катилось въ ровъ. Иные возы бросались въ безпорядкѣ въ стороны, но и тамъ были овраги. Въ довершеніе всего, съ противоположной горы казаки били поляковъ изъ пушекъ, а съ тылу всѣми силами напирали казаки и татары... Одинъ изъ польскихъ полковниковъ съ отрядомъ своимъ въ двѣ тысячи кое-какъ пробился и ушелъ. Это привело польскій станъ въ полное разстройство; казаки ворвались въ средину его и началось страшное побоище! Польское войско разметалось,—кто въ лѣсъ, кто въ болото. Но отовсюду изъ засады выскакивали казаки,— стрѣляли, кололи, рубили поляковъ... Это было не пораженіе, а совершенный разгромъ польскаго войска. Потоцкій, видя, что спасенія нѣтъ, предался на волю Божію и сидѣлъ въ своей каретѣ; другіе паны послѣдовали его примѣру. Такъ ихъ всѣхъ и привезли въ казацкій станъ.

— «Видишь, Потоцкій, — сказалъ Хмельницкій, какъ Богъ устроилъ: вы пошли брать меня въ неволю, да сами въ нее и попались!»

— «Хлопъ,—воскликнулъ Потоцкій, чѣмъ ты заплатишь славному татарскому рыцарству? Оно побѣдило меня, а не ты съ твоей разбойничьей сволочью!»

— «Тобою,—отвѣчалъ Хмельницкій,—тобою, который называетъ меня хлопомъ, и тебѣ подобными!»

По рѣшенію рады, оба гетмана и самые знатнѣйшіе паны, а также нѣсколько тысячъ плѣнныхъ, были отданы татарамъ. Сверхъ того казаки подѣлились съ ними и богатой добычей.

Хмельницкій отслужилъ благодарственный молебенъ и устроилъ пиръ казацкимъ старшинамъ и мурзамъ. Простымъ казакамъ выкачено было двадцать пять бочекъ горилки (водки). Хмельницкій послалъ въ Запорожье вѣсть о побѣдѣ, а также бунчуки, булавы, взятые у поляковъ, тысячу талеровъ Запорожскому братству на пиво, а триста на Сѣчевую церковь...

Послѣ Корсунскаго побоища Хмельницкій устроилъ свой станъ подъ Бѣлой Церковью.

Вѣсти о Желтоводскомъ и Корсунскомъ погромахъ быстро разносились повсюду. Возстаніе запылало по всей Украинѣ. Въ это время умеръ Владиславъ и наступило въ Польшѣ безкоролевье, — это развязывало Хмельницкому руки: онъ постоянно выставлялъ на видъ, что поднялъ возстаніе не противъ короля, а противъ всемогущаго польскаго панства, творившаго вопіющія насилія и беззаконія, стѣснявшаго даже и короля. Чтобы выиграть время и побольше набраться силами, Хмельницкій завелъ съ польскимъ правительствомъ переговоры. А тѣмъ временемъ повсюду, по всей Украинѣ, по обѣ стороны Днѣпра поднимались народныя силы!.. Крестьяне кидали свои обычныя занятія, перековывали свои косы и серпы въ сабли да копья, или просто, за недостаткомъ оружія, съ косами и дубьемъ, шли къ Хмельницкому, а тотъ распредѣлялъ ихъ по полкамъ, или, выбравъ изъ ихъ же среды отважнаго и ловкаго вожака, пускалъ ихъ «очищать русскую землю», какъ выражались тогда. Иныя ватаги хлоповъ, даже и не сносясь съ Хмельницкимъ, сами выбирали себѣ удалого атамана и отправлялись на свою страшную работу. «Хлопская злоба» противъ пановъ-притѣснителей, которая долго таилась, теперь прорвалась съ неудержимой силой и губительнымъ потокомъ текла по всей Украинѣ. Панамъ, ксендзамъ и жидамъ пощады не было... Всюду, гдѣ по-

являлись гайдамаки, такъ звались эти шайки озлобленныхъ хлоповъ, — въ деревнѣ ли, въ мѣстечкѣ ли,—панскіе слуги, обыкновенно русскіе, приставали къ нимъ, и не было спасенія господамъ! Ихъ же собственные слуги вязали ихъ и отдавали въ руки гайдамаковъ. А тѣ предавали ихъ страшнымъ истязаніямъ: рѣзали, топили, распиливали пополамъ, буравили глаза, сдирали кожу,—словомъ творили все, что только могутъ совершать грубые, озлобленные люди, дошедшіе до звѣрской свирѣпости... Нерѣдко, тутъ-же, на мѣстѣ кровавой расправы съ паномъ и его семействомъ, среди труповъ начинался дикій разгулъ. Потокомъ лилось дорогое панское вино,— пили, пѣли, плясали... Случалось и такъ, что какой-либо панъ со своей командой изъ шляхтичей застигалъ въ замкѣ мертвецки пьяныхъ гайдамаковъ и въ свою очередь творилъ надъ ними жестокую расправу; впрочемъ это было очень рѣдко. Всѣ паны искали спасенія въ бѣгствѣ; но спастись было трудно. «Каждый хлопъ—нашъ непріятель, каждое русское мѣстечко и селеніе — гнѣздо враговъ!» говоритъ дворянинъ-современникъ. На каждой тропинкѣ бѣглецы могли встрѣтиться съ ужасными гайдамаками.

Съ дикой враждой нападали они на католическіе костелы и монастыри и предавали поруганію католическую святыню: образа прострѣливали или рубили, ксендзовъ и монаховъ сѣкли и истязали предъ алтарями, топтали ногами священные предметы... Сохранилось преданіе, что въ одномъ костелѣ, гайдамаки повѣсили надъ главнымъ алтаремъ ксендза, жида и собаку и написали: «ксендзъ, жидъ та собака—усе віра одинака». Свирѣпая народная вражда не оставляла въ покоѣ и мертвыхъ: гайдамаки врывались въ панскія усыпальницы и выкидывали изъ гробовъ тѣла и кости! По ночамъ всюду виднѣлись зарева пожаровъ: то горѣли монастыри, костелы да панскіе замки!..

Ярость черни, казалось, была ненасытна. Несчастные евреи были избиваемы тысячами... Гайдамацкіе безчисленные загоны (шайки), по словамъ лѣтописи, кружили по всей странѣ. Гибель грозила ежечасно не только панамъ, ксендзамъ и евреямъ, но и всѣмъ тѣмъ, кто не содѣйствовалъ гайдамакамъ; они держались такого правила: кто не за насъ, тотъ противъ насъ. Не одинъ молодой щеголь, даже изъ русскихъ, подбривавшій голову на польскій ладъ и рядившійся въ польскій кунтушъ, поплатился жизнью, по словамъ лѣтописца, въ это ужасное время, за свое щегольство.

Лучшіе русскіе люди на Украинѣ, хотя, конечно, возмущались дикой злобой, съ какой разсвирѣпѣвшій народъ расправлялся съ

исконными врагами своими, были увѣрены въ ту пору, что насталъ для нихъ часъ свободы.

— «Приспѣлъ часъ, желанный часъ! восклицали православные священники, призывая народъ къ борьбѣ,—настало время возвратить свободу и честь нашей вѣрѣ, поруганной, униженной!»...

Паны или гибли отъ рукъ гайдамаковъ, или бѣжали съ Украины; но не погибъ и не бѣжалъ одинъ изъ злѣйшихъ враговъ православія и русскаго народа,—князь Іеремія Вишневецкій. Онъ еще при началѣ возстанія собралъ около восьми тысячъ шляхтичей, жившихъ въ его громадныхъ владѣніяхъ, и велъ жестокую борьбу съ гайдамацкими загонами, свирѣпствовалъ и злодѣйствовалъ не меньше ихъ. Горе было врагамъ, попавшимъ въ его руки! Онъ безпощадно вѣшалъ, сажалъ на колъ, рубилъ головы; но особенно свирѣпо расправлялся онъ со своими подданными, если они переходили на сторону гайдамаковъ и затѣмъ попадались къ нему въ руки. Мѣстечко Немировъ, принадлежавшее ему, перешло на сторону казаковъ. Вишневецкій пришелъ въ ярость, когда узналъ, что его рабы больше не повинуются ему; нагрянулъ съ отрядомъ своимъ на Немировъ и послѣ упорнаго боя ворвался въ мѣстечко.

— «Подайте мнѣ виновныхъ!» кричалъ онъ, собравши уцѣлѣвшихъ жителей, которые, дрожа отъ страха, клялись, что они не измѣнники, и готовы исполнить волю своего повелителя.

Чтобы какъ нибудь избавиться отъ бѣды, они указали на нѣкоторыхъ.

Вишневецкій велѣлъ мучить всѣхъ, кто казался ему сколько нибудь подозрительнымъ. Несчастнымъ вырывали глаза, рубили пополамъ, сажали на колъ, обдавали кипяткомъ, мучили такими муками, говоритъ лѣтописецъ, какихъ и поганымъ не выдумать.

— «Мучьте ихъ!—кричалъ въ какомъ-то дикомъ изступленіи Вишневецкій,—мучьте такъ, чтобы они чувствовали, что умираютъ!»

Если одинъ изъ просвѣщеннѣйшихъ польскихъ магнатовъ того времени способенъ былъ къ такому звѣрству, то нельзя и удивляться свирѣпости грубой черни, измученной вѣковымъ рабствомъ!

Всѣ усилія Вишневецкаго, несомнѣнно талантливаго вождя, справиться съ гайдамаками, оказались ничтожны,—они разбивались о громадную силу народнаго возстанія. Не разъ Вишневецкій разбивалъ шайки гайдамаковъ, но на мѣсто разбитыхъ являлись новыя, еще болѣе грозныя; выростали онѣ позади него, впереди, со всѣхъ сторонъ...

Народное возстаніе было подобно страшному пожару, охватив-

шему цѣлый городъ... Губительный огонь всюду проникаетъ, все пожираетъ, что можетъ горѣть. И жалкими оказываются дерзкія попытки гасить могучее пламя! Сначала оно тихо, воровски пробиралось по болѣе удобнымъ путямъ и закоулкамъ, выбиваясь наружу то тамъ, то сямъ, и, казалось, борьба съ нимъ была еще возможна. Но пропущено удобное время; огонь вошелъ въ силу; онъ быстро охватываетъ весь городъ и пожираетъ съ трескомъ все, ему доступное, пока не испепелитъ всего...

Вишневецкій принужденъ былъ отступить до Збаража, своего родового города. Здѣсь уже повстанцы хозяйничали: его домъ и замокъ были раззорены, церкви уничтожены, кости предковъ его выкинуты на поруганіе. Онъ увидѣлъ, что борьба съ возстаніемъ для него невозможна, распустилъ шляхтичей, а самъ поѣхалъ на сеймъ. Загоны гайдамаковъ наполнили всю Волынь, Подолію и Галицію...

Борьба Польши съ казаками.

На сеймѣ отложили на время избраніе короля, а занялись вопросомъ объ усмиреніи мятежа. Паны видѣли, что возстаніе грозитъ гибелью ихъ могуществу и дѣйствовали на этотъ разъ съ небывалымъ до тѣхъ поръ единодушіемъ. Нѣсколько недѣль польское правительство показывало видъ, будто готово вести переговоры съ казаками, а тѣмъ временемъ собрано было большое войско, около 40 тысячъ. Оно состояло преимущественно изъ шляхтичей. При сборѣ войска былъ отданъ приказъ не довѣряться хлопамъ, а полагаться лишь на людей благородныхъ и чужеземцевъ. Такъ какъ гетманы были въ плѣну, то избраны были три вождя изъ знатнѣйшихъ фамилій: Остророгъ, человѣкъ ученый и большой знатокъ латыни, Конецпольскій, восемнадцатилѣтній юноша, и князь Заславскій, панъ до крайности изнѣженный и преданный роскоши. Хмельницкій въ насмѣшку говорилъ, что поляки выбрали себѣ предводителями «латыну, дѣтыну да перыну»! Сеймъ, конечно, видѣлъ и самъ несостоятельность избранныхъ вождей и назначилъ къ нимъ совѣтъ изъ десяти лицъ. Не понималъ сеймъ, какъ видно, того, что на войнѣ многоначаліе гибельно; что тутъ нуженъ одинъ рѣшительный и облеченный сильной властью вождь. Вишневецкій, болѣе другихъ способный быть главнокомандующимъ въ то опасное время, былъ при выборѣ обойденъ: его не долюбливали паны за высокомѣріе и слишкомъ властный нравъ.

Съ самаго начала было видно, что никакого толку отъ собран-

наго ополченія не будетъ. Это исключительно панское войско блистало, по сказанію современниковъ, необычайною роскошью. Паны гусары щеголяли своими дорогими конями, бархатными кунтушами, подбитыми дорогими мѣхами, саблями и кинжалами въ серебряныхъ оправахъ. На шапкахъ кисти сверкали драгоцѣнными камнями, на шеяхъ блистали золотыя цѣпи, на ногахъ серебряныя и позолоченныя шпоры. Чепраки были вышиты роскошными узорами, стремена серебряныя... За панами шелъ въ походъ цѣлый обозъ съ безчисленными богатствами: тутъ были собольи шубы, роскошныя одежды, серебряная посуда, меды, вина, варенья... При каждомъ панѣ была цѣлая дворня, — всевозможные слуги, лакеи, повара. Пиры съ пѣснями и музыкой шли съ утра до ночи. «При видѣ этого войска, говоритъ польскій историкъ, можно было подумать, что оно собралось на свадьбу».

Пустое чванство и хвастливость этихъ нарядныхъ воиновъ были непомѣрны.

— «Не стоитъ и пуль тратить на такую сволочь, какъ казаки, — говорили они, — мы ихъ плетьми разгонимъ»!

А иные паны дошли, говорятъ, до того, что громогласно взывали:

— «Господи Боже! не помогай ни намъ, ни казакамъ, а только смотри, какъ мы расправимся съ этимъ презрѣннымъ мужичьемъ!»

Простые воины, жолнеры, подобно своимъ начальникамъ тоже не прочь были повеселиться, задавали пирушки другъ другу и скоро прогуляли все свое жалованье, выданное имъ впередъ за три мѣсяца, — тогда они стали обирать мѣстное населеніе, вооружая его этимъ противъ себя.

20 сентября Хмельницкій подошелъ къ польскому стану. Небольшая рѣчка Пилявка отдѣляла русскихъ отъ враговъ. Дѣло началось съ незначительныхъ схватокъ. Казаки сначала какъ будто уклонялись отъ рѣшительной битвы. — Вѣрно, они что нибудь замышляютъ, говорили съ тревогой въ польскомъ станѣ. Поляковъ пугало уже то, что плѣнные русскіе подъ пыткой показали, что Хмельницкій съ часу на часъ поджидаетъ крымскаго хана съ громадной ордой.

Вечеромъ 21 сентября до поляковъ донесся шумъ изъ казацкаго стана: тамъ трубили въ трубы, били въ литавры, палили изъ ружьевъ и пушекъ и вдругъ воздухъ огласили громкіе крики: «Алла! Алла!»

Все это очень встревожило поляковъ, и они провели ночь въ томительной неизвѣстности. На разсвѣтѣ схваченъ былъ русскій плѣнникъ. Подъ пыткой онъ сказалъ, будто къ Хмельницкому наканунѣ

прибыло татаръ сорокъ тысячъ, а скоро будетъ и самъ ханъ. Это было сильно преувеличено, конечно, нарочно: на помощь казакамъ пришелъ татарскій отрядъ всего въ четыре тысячи. Поляки были напуганы. Боязнь усилилась, когда утромъ татары съ дикимъ крикомъ напали на нихъ и съ помощью казаковъ уничтожили два польскіе отряда. Вдобавокъ двое татаръ, только что захваченныхъ поляками, сообщили, что ханъ уже близко, а съ нимъ войска, что травы въ полѣ. А тутъ еще значительный отрядъ казаковъ зашелъ полякамъ въ тылъ и сталъ ихъ сильно безпокоить. Переполохъ, охватилъ весь польскій станъ. Начальники ссорились между собой, сваливали вину за неудачи другъ на друга...

Въ тотъ же день вечеромъ на совѣтѣ знатнѣйшіе паны порѣшили, что оставаться дольше подъ Пилявою, гдѣ много болотъ и яровъ, не слѣдуетъ. Отправили впередъ обозъ; начальство на время рѣшили сдать Вишневецкому, а сами отправились вслѣдъ за обозомъ... Ночью съ 22 на 23 сентября по войску разнеслась вѣсть, что военачальники покинули станъ. Вишневецкій вовсе не расположенъ былъ брать начальство надъ разстроеннымъ войскомъ. Все пришло въ ужасъ и смятеніе. Куда дѣвалась недавняя самоувѣренность! Войско, побросавъ свой багажъ и возы, въ безпорядкѣ кинулось бѣжать...

Казаки сначала своимъ глазамъ не вѣрили, когда на разсвѣтѣ увидѣли, что польскій станъ пустъ. Хмельницкій со всѣми силами своими кинулся въ догонку. Шляхтичи бѣжали въ полнѣйшемъ безпорядкѣ, бросали оружіе. Никто понять не могъ, почему всѣ бѣгутъ. Каждый кричалъ: «Стойте! стойте! а самъ мчался, перегоняя другихъ бѣгущихъ. Общій безотчетный страхъ гналъ ихъ сильнѣе враговъ.

Казакамъ досталась небывалая еще добыча: нѣсколько тысячъ возовъ со всякимъ добромъ, восемьдесятъ пушекъ и всякихъ драгоцѣнностей на десять милліоновъ польскихъ злотыхъ... Казаки накинулись на добычу,—это нѣкоторыхъ изъ бѣгущихъ поляковъ спасло отъ смерти. Но все-таки многіе паны сложили свои головы подъ казацкой саблей; и не одну панскую шею стянулъ татарскій арканъ. Всякому досталось столько разнаго добра, что дорогія вещи продавались за безцѣнокъ: за кварту водки казакъ давалъ шинкарю бархатную шубу или серебряный кубокъ. Хмельницкому надолго стало захваченной панской казны.

Послѣ Пилявскаго побоища онъ двинулся ко Львову, взялъ съ него окупъ и вступилъ въ настоящую Польшу.

Теперь она беззащитная была у ногъ его: путь въ столицу былъ открытъ. Всего оставалось уже два перехода до нея. Въ рукахъ у Хмельницкаго была судьба Рѣчи Посполитой. Русскій народъ повсюду встрѣчалъ его съ восторгомъ какъ освободителя. До сихъ поръ его дѣйствія согласовались съ народной волей и сила народа вознесла его на такую высоту, о какой онъ, конечно, и не мечталъ при началѣ возстанія. Теперь онъ могъ доканать въ Польшѣ панство, могъ навсегда вырвать изъ власти ея всѣ русскія области; но онъ, какъ видно, или не понималъ еще своей силы, или не сознавалъ, какую великую задачу можетъ рѣшить. Онъ, показавшій большія дарованія вождя во время возстанія, оказался на этотъ разъ недальновиднымъ политикомъ: думалъ, что, не порывая связи съ Польшей, русскій народъ можетъ добыть свободу православію и избавиться отъ панскаго гнета. Идти въ глубину Польши и поразить ее въ самое сердце осторожному Хмельницкому казалось опаснымъ даже для казачества: онъ боялся вмѣшательства сосѣднихъ государствъ. Какъ бы то ни было, но на этотъ разъ Польша спаслась отъ смертельнаго удара.

Общее мнѣніе казаковъ на радѣ, которую онъ собралъ, было идти на Варшаву и въ конецъ разгромить Польшу.

— «Пане Хмельницкій, веди на ляхівъ, кінчай ляхівъ!» кричали казаки на радѣ, и въ этомъ крикѣ сказывалась воля всего народа.

Но Хмельницкій на этотъ разъ разошелся съ этой волей. Онъ сталъ лукавить, заявилъ, что поведетъ казаковъ на Польшу; чтобы угодить имъ, разослалъ отряды ихъ по Волыни и Полѣсью «очищать русскую землю отъ ляховъ» и осадилъ незначительную польскую крѣпость Замостье, подъ которой и простоялъ безъ всякой надобности цѣлый мѣсяцъ,—тогда какъ легко могъ бы, минуя ее, занять Варшаву.

Въ это время здѣсь шли выборы новаго короля, и Хмельницкій почему-то очень хлопоталъ, чтобы престолъ достался брату покойнаго короля—Яну-Казиміру. Желаніе это, конечно, было исполнено. Новый король тотчасъ по своемъ избраніи прислалъ Хмельницкому письмо съ приказомъ прекратить войну и ждать королевскихъ уполномоченныхъ для переговоровъ о мирѣ. Хмельницкій, всегда выставлявшій, на видъ, что онъ борется не съ королемъ, а съ панствомъ, повиновался и въ декабрѣ вернулся въ Кіевъ.

Въ началѣ января 1649 года онъ въѣзжалъ въ городъ. Ему была устроена торжественная встрѣча. При громѣ пушекъ, при звонѣ

колоколовъ и восторженныхъ кликахъ безчисленнаго народа въѣхалъ Богданъ съ казацкими старшинами въ полуразрушенныя Ярославовы Золотыя ворота. Предъ храмомъ св. Софіи его привѣтствовалъ митрополитъ; бурсаки академіи и училищъ пѣли ему хвалебныя латинскія и украинскія вирши, величали его «новымъ Моисеемъ, избавившимъ Украину отъ польской неволи».

Казалось, это было лучшимъ временемъ въ жизни Хмельницкаго. Но съ этихъ поръ стали замѣчать какія то странности въ его нравѣ: онъ то постился и молился, то совѣщался съ какими то чаровницами, то предавался разгулу, то становился гордъ и суровъ, то снова дѣлался простымъ, привѣтливымъ ко всѣмъ, настоящимъ казакомъ, чуждымъ всякихъ панскихъ замашекъ, какимъ знали всѣ казаки своего «батька Богдана», какъ его обыкновенно величали.

Слава о могуществѣ казаковъ разносилась повсюду, и въ Переяславль къ Хмельницкому стали являться посольства—изъ Молдавіи и Валахіи, изъ Турціи, отъ Седмиградскаго князя,—всѣ предлагали дружбу и союзъ противъ Польши. Прибылъ и московскій посланникъ, привезъ привѣтъ отъ Царя Алексѣя и обычные царскіе подарки—дорогіе мѣха. Царь желалъ казакамъ успѣха, но лишь въ томъ случаѣ, если они поднялись только за свою вѣру. Разрыва съ Польшей Царь, очевидно, остерегался.

Наконецъ, явились комиссары отъ новаго короля. Во главѣ ихъ былъ Адамъ Кисель, русскій и православный панъ, но вполнѣ преданный полякамъ. Они привезли Хмельницкому отъ короля грамоту на гетманское достоинство, булаву, осыпанную драгоцѣнными камнями, и красное знамя съ бѣлымъ орломъ.

Когда Кисель сталъ торжественно вручать булаву Хмельницкому предъ всей радой на площади, то здѣсь ясно сказалась народная вражда къ какимъ бы ни было сдѣлкамъ съ Польшей.

— «Зачѣмъ вы, ляхи, принесли намъ эти «цяцьки» (игрушки)? раздались въ толпѣ недовольные голоса,—хотите опять насъ въ неволю забрать»!

Кисель даже не могъ докончить на площади своей рѣчи. Вражда казацкой громады къ королевскимъ посламъ сказывалась слишкомъ явно.

Самъ Хмельницкій, всегда сдержанный и осторожный, подвыпивши говорилъ имъ такія рѣчи:

— «Скажу коротко: ничего не будетъ изъ вашей коммисіи. Война должна начаться снова чрезъ три или четыре недѣли. Переверну я васъ всѣхъ ляховъ вверхъ ногами, потопчу васъ, а потомъ отдамъ турецкому царю въ неволю... Король долженъ быть королемъ, дол-

женъ казнить и шляхту, и князей вашихъ. Совершить преступленіе князь,—урѣжь ему шею;—согрѣшитъ казакъ—сдѣлай ему тоже. Вотъ это будетъ правда!»...

Кисель все свое краснорѣчіе пустилъ въ дѣло, чтобы убѣдить Хмельницкаго, обѣщалъ, что король увеличитъ число казаковъ до пятнадцати, даже до двадцати тысячъ...

— «Напрасно толковать, отвѣчалъ Хмельницкій, – было-бы раньше объ этомъ говорить, а теперь ужь не время... Я довершу то, что замыслилъ,—выбью у ляховъ изъ неволи весь русскій народъ. Сперва я воевалъ за свою обиду, а теперь стану воевать за вѣру православную!... Вся чернь по Люблинъ и Краковъ поможетъ мнѣ... Двѣсти, триста тысячъ войска будетъ у меня подъ рукою! Орда уже стоитъ наготовѣ»!...

Выслушивая эти угрозы, паны, какъ сами потомъ разсказывали, цѣпенѣли отъ ужаса.

Но все таки Хмельницкій по неотступной просьбѣ польскихъ комисаровъ написалъ условія мира. Они были таковы: по всей Руси уничтожить и самую память объ уніи; кіевскому митрополиту дать первое мѣсто въ сенатѣ послѣ польскаго примаса; всѣ должности на Руси предоставить православнымъ; казацкій гетманъ долженъ зависѣть только отъ одного короля; не дозволить евреямъ жить на Украинѣ и не давать начальства надъ польскимъ войсками Іереміи Вишневецкому.

Королевскіе послы своею властью не могли подписать этихъ условій и, набравшись много страху, видя кругомъ себя злобу и вражду, уѣхали. Какъ ни скромны были требованія Хмельницкаго, но и они вызвали негодованіе въ польскомъ сенатѣ. Ослѣпленные нетерпимостью католики не хотѣли допустить и мысли объ уничтоженіи уніи. Польша стала готовиться къ войнѣ.

Готовилась и Украина. Пустѣли хутора, села, города. Снова поднимался народъ, поднимался уже смѣло, рѣшительно,—съ полной вѣрой въ успѣхъ: покидалъ крестьянинъ свой плугъ, торговецъ—свою лавку, ремесленники – свои дѣла, мѣщане, горожане, должностныя лица—всѣ принимались за оружіе. Презрѣніе, насмѣшки и брань ждали тѣхъ, кто могъ и не захотѣлъ бы идти на войну; только калѣки, немощные старики, женщины и дѣти оставались дома. Хмельницкій распредѣлялъ людей по полкамъ; всѣхъ ихъ было 24: двѣнадцать на правой сторонѣ Днѣпра и столько же на лѣвой. Каждый полкъ получалъ въ свое владѣніе цѣлую область, гдѣ казаки и располагались по городамъ и мѣстечкамъ.

Главная власть надъ всѣмъ краемъ была въ рукахъ гетмана, при немъ была генеральная (общая) войсковая старшина: обозный, (начальникъ артиллеріи и завѣдывающій лагеремъ), есаулъ, писарь, судья, хорунжій (главный знаменщикъ). Высшее мѣсто управленія называлось войсковой канцеляріей: здѣсь вмѣстѣ съ гетманомъ засѣдала вся генеральная старшина. Въ каждомъ полку была своя

Гетманъ.

канцелярія и полковая старшина съ тѣми же названіями, какъ и общая. Полки дѣлились на сотни, въ которыхъ было управленіе, совершенно схожее съ полковымъ. Сотни, заключавшія въ себѣ нерѣдко по нѣскольку сотъ человѣкъ, въ свою очередь дѣлились на курени. Такимъ образомъ Хмельницкій распространилъ старое казацкое управленіе на весь край, подвластный ему.

Въ началѣ лѣта начались военные дѣйствія. Крымскій ханъ привелъ многочисленное полчище на помощь Хмельницкому; по призыву его явились и донцы; всѣ разсчитывали на окончательный разгромъ Польши и на хорошую поживу...

Въ Польшѣ тоже усиленно готовились къ борьбѣ,—объявлено было посполитое рушенье, и военныя силы всей страны собирались около короля. Одна армія уже стояла подъ Збаражемъ, чтобы помѣшать вторженію въ Польшу.

30 іюня Хмельницкій осадилъ это войско. Поляки едва успѣли кое-какъ окопаться подъ городомъ и отбить первыя нападенія казаковъ и татаръ.

Хмельницкій послѣ этого обложилъ со всѣхъ сторонъ польскій станъ, порѣшилъ истомить враговъ безпрерывной пальбой и голодомъ. Казаки вокругъ польскаго стана насыпали валъ выше непріятельскаго и съ высоты стали бить поляковъ изъ пушекъ и ружей; поляки соорудили болѣе тѣсные окопы повыше прежнихъ и мужественно отбивались; но у Хмельницкаго было гораздо болѣе рабочей силы подъ руками, и скоро казаки соорудили такой высокій валъ подлѣ польскаго, что не трудно было съ него застрѣлить и собаку, по словамъ очевидца. Ни днемъ, ни ночью не было покою осажденнымъ, пули летѣли какъ градъ. Поляки принялись окапываться внутри своего укрѣпленія: каждый изъ нихъ, какъ они сами потомъ разсказывали, выкапывалъ себѣ нору и сидѣлъ въ ней какъ кротъ... Попробовалъ Хмельницкій посредствомъ минъ добраться до поляковъ; но послѣдніе во-время замѣтили это и отбили враговъ. 26 іюля казаки со всѣхъ сторонъ насыпали такой высокій валъ вокругъ польскаго стана, что никто изъ осажденныхъ не смѣлъ и головы высунуть изъ своего окопа,—тотчасъ убивали его наповалъ. Поляки начинали уже чувствовать недостатокъ пороха... Запаснаго оружія не было. Лѣтній зной, тѣснота, гніеніе труповъ людей и лошадей, которыхъ не успѣвали во-время закапывать, душили поляковъ; скоро не хватило и съѣстныхъ припасовъ. Даже и паны питались кониной; но и ея не стало; пришлось ѣсть кошекъ, собакъ, мышей, даже иные не брезгали падалью, а не то ремни и кожу съ обуви разваривали и ѣли...

А тутъ еще казаки издѣвались надъ несчастными...

— «Скоро-ли, вы, панове,—говорили они смѣясь,—чиншъ (оброкъ) будете собирать на Украйнѣ? Вотъ ужь годъ прошелъ, какъ мы вамъ еще ничего не платили... А можетъ, какую нибудь панщину придумаете?—Вотъ отъ скота вы до сихъ поръ ничего не брали»...

Положеніе осажденныхъ становилось уже невыносимымъ... Жолнеры роптали, приписывали свои бѣды гнѣву Божію за то, что въ ихъ войскѣ были протестанты; болѣе суевѣрные вспоминали, что былъ уже имъ недобрый знакъ: еще въ началѣ войны молнія уда-

рила въ древко знамени. Стали уже поговаривать о томъ, что лучше разбѣжаться. Но всѣхъ сдерживалъ и воодушевлялъ мужественный Вишневецкій. Пробовалъ онъ войти въ тайныя сношенія съ ханомъ и склонить его на свою сторону, но попытка ни къ чему не привела. Не удались разныя хитрости и Хмельницкому: Вишневецкій не менѣе его былъ искусенъ на разныя военныя продѣлки, — нѣсколько разъ онъ обманывалъ уже падающихъ духомъ, убѣждая ихъ, что близка помощь, и тѣ съ удвоенными силами отбивали враговъ.

Ханъ уже терялъ терпѣніе и требовалъ, чтобы Хмельницкій скорѣе кончалъ дѣло.

— «Гей, казаки молодцы, — кричалъ Богданъ, объѣзжая свое войско,—вотъ что мнѣ сказалъ его милость Ханъ: если не дадимъ ему поляковъ, то сами пойдемъ въ неволю въ Крымъ».

Рѣшено было взять польскій станъ во что бы то ни стало приступомъ.. При громѣ нѣсколькихъ десятковъ пушекъ, съ гикомъ ринулись казаки на приступъ съ разныхъ сторонъ. Катили и гуляй—городыни (деревянныя башни) къ польскимъ окопамъ. Поляки съ трудомъ могли видѣть въ облакахъ дыма,—едва успѣвали они заряжать ружья, чтобы отбивать казаковъ, которые въ иныхъ мѣстахъ прорывались чрезъ окопы и рѣзали осажденныхъ... Страхъ и отчаяніе начинали уже овладѣвать войскомъ. Польскій станъ былъ бы въ рукахъ казаковъ, если бы не Вишневецкій...

— «Если кто только двинется назадъ,—кричалъ онъ съ саблею въ рукѣ робѣвшимъ,—тотъ или самъ погибнетъ, или меня на мѣстѣ, положитъ... Не дадимъ сволочи потѣшаться надъ нами. Впередъ!»

Смѣлый вождь даже и робкихъ увлекалъ за собою... Онъ кинулся изъ окоповъ, ворвался въ толпу казаковъ, положилъ нѣсколькихъ на мѣстѣ, затѣмъ бросился на гуляй-городокъ, разогналъ хлоповъ, подвигавшихъ его, и зажегъ его...

Благодаря необычайнымъ усиліямъ Вишневецкаго, польскій станъ былъ спасенъ и на этотъ разъ; но дольше держаться полякамъ, казалось, невозможно было. Казаки свои окопы еще болѣе увеличили; польскій станъ до того былъ уже зарытъ, что не осталось и узкаго прохода для вылазки. «Непріятель, говоритъ очевидецъ, всѣхъ насъ могъ посчитать и перебить, какъ куръ»... Поляки могли продержаться только нѣсколько дней. Объявлено было, что большая награда будетъ дана тому, кто доставитъ королю извѣстіе о необходимости самой скорой помощи. Вызвался одинъ шляхтичъ изъ приближенныхъ Вишневецкаго. Съ величайшими предосторожностями этотъ шляхтичъ проползъ, какъ змѣя, среди спящихъ казаковъ,

скрываясь въ болотистыхъ мѣстахъ, въ бурьянѣ, а когда миновалъ непріятельскій станъ, онъ пошелъ выдавая себя за русскаго мужика; затѣмъ прискакалъ на почтовыхъ въ станъ короля...

Король въ это время собиралъ войска. Медленно снаряжались отряды посполитаго ополченія. Узнавъ о бѣдѣ, какая грозитъ осажденнымъ, король поспѣшилъ съ двадцатью тысячами войска на выручку. Хмельницкій хорошо зналъ и о численности королевскаго отряда, и о всѣхъ движеніяхъ его: поселяне извѣщали казаковъ обо

Сотникъ казацкій.

Полковникъ.

всемъ. Король прибылъ къ мѣстечку Зборову близъ Збаража. Здѣсь приходилось полякамъ переправляться чрезъ рѣчку. Хмельницкій оставилъ пѣхоту продолжать осаду, а самъ съ конницей и татарами поспѣшилъ къ Зборову. Съ одной стороны этого мѣстечка былъ густой дубовый лѣсъ. Хмельницкій скрылъ за этимъ лѣсомъ своихъ казаковъ и татаръ, такъ что никто изъ поляковъ не подозрѣвалъ опасности. Чрезъ городъ протекалъ рукавъ рѣки Стрипы; поляки находились на правой сторонѣ ея и готовились переходить на лѣвую. Хмельницкій воодушевилъ своихъ рѣчью:

— «Молодцы! говорилъ онъ, отцы, братья и дѣти ваши простираютъ къ вамъ руки, молятъ васъ освободить ихъ отъ лядскаго ига... Души замученныхъ ляхами молятъ о мщеніи за кровь ихъ, безнаказанно пролитую. Церковь наша, поруганная и попранная поляками, взываетъ къ вамъ, сынамъ своимъ, постоять за нее! Но не дерзайте поднять, убійственной руки на его милость, короля, помазанника Божія! Мы воюемъ противъ пановъ, нашихъ мучителей, которые подвигли его на насъ!»

Утромъ рано, 5-го августа поляки начали переправляться чрезъ рѣчку. День былъ пасмурный и дождливый. Въ полдень, когда значительная часть войска переправилась, поляки спокойно расположились обѣдать... Вдругъ прибѣгаютъ изъ сторожеваго отряда посланные, извѣщаютъ, что изъ лѣса напали на нихъ татары; что нужна помощь. Сначала этой вѣсти даже и не повѣрили; а когда увидѣли своихъ бѣгущихъ воиновъ, было уже поздно... Татары и казаки съ оглушительнымъ крикомъ ударили на ошеломленныхъ поляковъ, не знавшихъ, что дѣлать... Люди, перевозившіе воза чрезъ рѣку, въ страхѣ, оставили ихъ на мосту, загородили его такъ, что ни съ той стороны нельзя было помочь пострадавшимъ, ни имъ спастись и соединиться со своими. При томъ шелъ дождь и туманъ былъ такой, что поляки, по словамъ современника, прежде могли чувствовать удары, чѣмъ видѣть врага, наносившаго ихъ... Спасенія не было, казаки и татары окружили всѣхъ и истребили въ конецъ... На полмили кругомъ все поле покрылось шляхетскими тѣлами; кровь струилась ручьями... До пяти тысячъ дворянъ легло во время этого побоища, не считая слугъ.

Уничтоживши одну часть польскаго войска, казаки и татары кинулись на остальныхъ, которые поспѣшно перешли чрезъ рѣку и разрушили мосты. Король наскоро приготовилъ свое войско къ бою... Густою толпою показались татары; затѣмъ изъ лѣсу и съ возвышенностей появились казаки. Нѣсколько разъ съ громкими криками: «Алла! Алла!» налетали татары на поляковъ; три раза уже подавалось польское войско; едва едва удалось военачальникамъ привесть ихъ въ порядокъ, удержать отъ бѣгства... Татары, наконецъ, врѣзались въ средину войска, поляки уже обратились въ бѣгство... Король во весь опоръ поскакалъ къ бѣгущимъ.

— «Господа! — не покидайте меня, не губите отечества! кричалъ онъ, заслоняя имъ путь.

Король самъ хваталъ за узды лошадей, поворачивалъ ихъ на непріятеля, поднималъ покинутыя знамена, напоминалъ всѣмъ объ

ихъ долгѣ, умолялъ, наконецъ, грозилъ заколоть перваго, кто опозоритъ себя робостью...

«Тотъ умретъ, какъ измѣнникъ, кто струситъ! кричалъ онъ, велю палачу казнить негодяевъ!»

Постыдились нѣкоторые словъ короля,—смѣлѣе схватились съ врагомъ, но были снова смяты. Тогда король двинулъ въ дѣло нѣмецкую пѣхоту и конницу (рейтаровъ)...

Только въ сумеркахъ прекратился бой. Разстроенные, изнуренные, упавшіе духомъ поляки столпились въ своемъ обозѣ, а кругомъ со всѣхъ сторонъ обступила ихъ вражья сила непроницаемымъ кольцомъ. Спасенія не было... Здѣсь должна была рѣшиться судьба украинскаго возстанія. Настала ночь. Непроглядная тьма легла на поле; только кругомъ свѣтились зловѣщіе огни казацкаго и татарскаго стана. Отчаяніе овладѣло поляками; наиболѣе мужественные—и тѣ упали духомъ.

Казацкій подпомощникъ. Казакъ. Писарь.

— «Мы погибли! Спасенія нѣтъ!—говорили чуть не всѣ.

Король, стараясь скрыть гнетущее его чувство и казаться бодрымъ, совѣщался съ военачальниками; всѣ были верхомъ на коняхъ.

Нѣкоторые выразили мнѣніе, что гибели не миновать, но надо придумать способъ, чтобы короля тайно вывести изъ обоза; король съ негодованіемъ отвергъ это предложеніе. Иные, болѣе рѣшительные, предлагали силою пробиться сквозь непріятельскіе ряды, а болѣе благоразумные совѣтовали королю снестись съ ханомъ, попытаться какъ нибудь склонить его въ свою пользу. Этому совѣту король и послѣдовалъ. Хану было отправлено письмо, очень дружелюбное... Вмѣстѣ съ тѣмъ приказано было укрѣпить станъ, окопаться и приготовиться къ отпору; но по войску разнеслась вѣсть, будто король въ туже ночь покинетъ станъ.

— «Насъ оставляютъ здѣсь на убой! зашумѣла толпа; жолнеры перестали работать на окопахъ. Смятеніе началось общее. Всѣ только и помышляли о бѣгствѣ.

Сильно утомленный король едва сомкнулъ глаза, какъ былъ разбуженъ своимъ духовникомъ, который сказалъ ему объ общемъ волненіи.

— «Коня! крикнулъ король, — я поѣду по рядамъ и покажу всѣмъ, что король съ ними!»

Онъ поѣхалъ по стану съ обнаженной головой; предъ нимъ несли зажженные факелы, чтобы всѣ ясно видѣли его лицо.

— «Вотъ я! вотъ я! я—вашъ король! повторялъ онъ, проѣзжая мимо воиновъ, не бѣгите отъ меня, дѣти мои! Не покидайте, благородные шляхтичи, государя своего!.. Богъ милосердъ! Завтра съ Его помощью я надѣюсь побѣдить врага. Я не оставлю васъ, и, если такова воля Божія, сложу мою голову вмѣстѣ съ вами!»

При этомъ у короля, говорившаго взволнованнымъ голосомъ, лились слезы по щекамъ. Это на многихъ подѣйствовало; они прибодрились и кричали:

— «Не уйдемъ, король съ нами; онъ не покинетъ насъ!»

Съ разсвѣтомъ поляки уже были готовы къ битвѣ. Они замкнулись въ неоконченныхъ окопахъ; тамъ, гдѣ не доставало насыпей, поставлены были телѣги. Скоро загорѣлся бой. Татары бросились въ тылъ полякамъ. Хмельницкій одинъ сильнѣйшій отрядъ казаковъ направилъ на польскій станъ, а другому велѣлъ сдѣлать приступъ на городъ (мѣщане города помогали казакамъ). Битва была крайне ожесточенная. Казаки неудержимо рвались въ польскій станъ, наконецъ ворвались..

— «Ради Бога спасайте меня и отечество!» кричалъ король.

Около него стѣснились болѣе мужественные, хотѣли его избавить хоть отъ неволи. Но, казаки, наполнившіе польскій станъ, разсѣяли эту оборону, и дорвались до короля...

Вдругъ раздался крикъ: «Згода!» (миръ). То Хмельницкій велѣлъ остановить бой.

Съ трудомъ унялись расходившіеся казаки...

Что побудило Богдана остановить бой, когда король былъ уже почти въ его рукахъ,—трудно рѣшить. По однимъ извѣстіямъ, онъ не хотѣлъ государя—христіанина отдавать въ плѣнъ крымцамъ; по другимъ, —прекращеніе битвы было дѣломъ хана. Можно думать, что союзъ съ ханомъ уже сильно тяготилъ въ это время Хмельницкаго, связывалъ ему руки: можно было опасаться, что татары при выгодныхъ условіяхъ легко могутъ перейти на сторону поляковъ; Хмельницкій уже не ладилъ съ ханомъ.

Ханъ и Хмельницкій прислали королю миролюбивыя письма. Богданъ старался увѣрить, что онъ не мятежникъ; что онъ и все казацкое войско желаютъ, чтобы король былъ могущественнѣе своего покойнаго брата.

Король заключилъ договоръ съ ханомъ, обязался ежегодно давать ему дань, или какъ называли ее поляки «подарокъ» въ девяносто тысячъ злотыхъ,—кромѣ того единовременно выдать двѣсти тысячъ.

Послѣ того состоялся договоръ съ казаками. Численность казацкаго войска полагалась въ 40 тысячъ; въ казацкихъ владѣніяхъ (нынѣшнія Кіевская, Полтавская, Черниговская губерніи и часть Подольской) воспрещалось проживать евреямъ; не дозволялось здѣсь стоять и коронным войскамъ; всѣ должности предоставлены въ Украинѣ только православнымъ; кіевскому митрополиту давалось право засѣдать въ сенатѣ; объ уніи опредѣлено сдѣлать постановленіе на сеймѣ; наконецъ, всѣмъ повстанцамъ обѣщано полное прощеніе (амнистія) за все прошлое.

Такова сущность Зборовскаго договора. Выгоды, пріобрѣтенныя Украйной сравнительно съ военными успѣхами казаковъ, были очень умѣренны. Хмельницкій, очевидно, не довѣряя своимъ союзникамъ — крымцамъ, не хотѣлъ совсѣмъ оторвать свою землю отъ Польши. Онъ всячески старался выказать себя преданнымъ слугою короля; по заключеніи договора пожелалъ свидѣться съ государемъ, «упасть къ ногамъ его». Провѣдавъ о намѣреніи Богдана ѣхать въ королевскій станъ, казаки закричали, что они не пустятъ своего «батька» безъ заложниковъ. Пришлось одному изъ знатныхъ пановъ остаться на время у нихъ. Хмельницкій въ сопровожденіи сотни знатнѣйшихъ казаковъ прибылъ въ польскій лагерь. Паны убѣждены были, что Богданъ явится предъ лицомъ государя съ униженнымъ, трус-

ливымъ видомъ, какъ провинившійся хлопъ, но ошиблись. Опъ во шелъ бодро, выказывая должное уваженіе къ особѣ государя, но сохраняя вполнѣ и чувство собственнаго достоинства. Преклонивъ одно колѣно, онъ сталъ говорить почтительно, но смѣло; указалъ вкратцѣ на бѣды, какія пришлось вынести русскому люду, и прибавилъ:

— «Прости смѣлости моей рѣчи, государь милостивый, — мы не обманываемъ благосклоннаго слуха твоего... Терпѣніе наше истощилось: мы вынуждены были заключить союзъ съ чужеземцами противъ шляхества... Можно ли осуждать насъ за то, что мы защищали свою жизнь и имущество?... Скотъ, если его мучатъ, и тотъ бодается! У меня и въ помыслахъ никогда не было поднимать оружіе противъ вашего величества, государя нашего милосерднаго и неповиннаго въ страданіяхъ нашихъ. Мы возстали только противъ тѣхъ, которые презирали казаковъ какъ пресмыкающихся, угнетали насъ, какъ самыхъ послѣднихъ рабовъ».

Король молча, но ласково, протянулъ руку; Хмельницкій почтительно поцѣловалъ ее. Подканцлеръ отъ лица короля сказалъ нѣсколько примирительныхъ словъ и выразилъ надежду, что Богданъ загладитъ свой проступокъ вѣрностью и трудами на пользу отечества».

На другой день враждебныя войска разошлись. Наконецъ, послѣ семинедѣльной осады вышли изъ своихъ норъ на свѣтъ Божій поляки, бившіеся подъ Збаражемъ: изъ десяти тысячъ ихъ осталось около трехъ тысячъ; отъ голоду и изнуренія они едва держались на погахъ... Зборовскій миръ спасъ ихъ отъ смерти. Въ это же время прекращено было возстаніе, поднявшееся въ Бѣлоруссіи.

Вторая война Хмельницкаго съ Польшей.

Первые дни по заключеніи Зборовскаго мира были счастливѣйшимъ временемъ на Украинѣ. Народъ искренне вѣрилъ, что наступила пора свободы; что ни пановъ католиковъ, ни жидовъ, ни ксендзовъ больше не будетъ на русской землѣ. Вѣроятно, въ это время сложились радостные стихи украинской думы: «Были страшныя времена; никто не приходилъ спасать украинцевъ, никто не подавалъ воды омыть кровавыя раны наши, а теперь прошли грозныя невзгоды... Нѣтъ лучше, нѣтъ краше нашей Украйны: нѣтъ на ней пана, нѣтъ жида, не будетъ и уніи!»

Изъ каждаго мѣстечка, изъ каждаго села, гдѣ проѣзжалъ Хмельницкій, — отовсюду населеніе выходило на встрѣчу, раздавался колоколь-

ный звонъ, и русскій людъ по старому обычаю съ хлѣбомъ и солью встрѣчалъ своего избавителя.

— «Радуйтесь, говорилъ онъ,—сила русская перевѣсила польскую: теперь цѣлый свѣтъ узнаетъ, что значатъ казаки!»

Но восторги народа недолго длились, — скоро настали снова дни скорби и бѣдствій... Поселяне, находясь въ рядахъ казацкаго войска, не пахали весь прошедшій годъ полей. Хотя война дала всѣмъ очень богатую добычу, но она недолго держалась въ рукахъ,— разныя вещи сбывались за безцѣнокъ ловкимъ торгашамъ и шинкарямъ; а между тѣмъ хлѣбъ поднялся страшно въ цѣнѣ, и бѣднымъ людямъ пришлось очень круто. Скоро поняли, что и Зборовскому договору не очень то можно радоваться...

Распустивъ свое ополченіе, осенью 1649 года Хмельницкій принялся устраивать Малороссію. Въ реестровые казаки онъ старался набрать побольше крестьянъ изъ помѣстій знатныхъ украинскихъ пановъ, особенно враговъ русской народности, въ родѣ, напр., Іереміи Вишневецкаго, чтобы избавить ихъ отъ преслѣдованій. Записалъ въ реестръ Хмельницкій значительно больше казаковъ, чѣмъ слѣдовало по договору; казакъ вступалъ въ казацкое званіе со всѣмъ семействомъ и имѣлъ двухъ подпомощниковъ, коннаго и пѣшаго, кромѣ работниковъ. Сверхъ того было 20 тысячъ казаковъ въ запасѣ. Каждый реестровый казакъ дѣлался полнымъ собственникомъ извѣстнаго участка земли, какимъ онъ прежде пользовался у помѣщика. Кромѣ того, у пановъ были отобраны цѣлыя волости и отданы въ пользованіе разныхъ казацкихъ чиновъ, пока они исполняли свои обязанности («ранговыя помѣстья»). Все староство Чигиринское отдано было на гетманскую булаву, т. е. на содержаніе гетмана. Чигиринъ сталъ какъ бы столицею Малороссіи. Всю страну Хмельницкій раздѣлилъ на 16 полковъ; изъ нихъ каждый занималъ извѣстную область съ полковымъ и сотенными городами и селами. Во многихъ городахъ Хмельницкій по прежнему оставилъ для мѣщанъ прежнее самоуправленіе и самосудъ по Магдебургскому праву. (Наприм., въ Кіевѣ, Нѣжинѣ, Черниговѣ, Новгородѣ-Сѣверскомъ, Стародубѣ и др.).

Въ то время, какъ Хмельницкій занимался устройствомъ края, народное недовольство усиливалось. Дороговизна поднялась ужасная; а тутъ надо было еще платить татарамъ за ихъ услуги. Хотя Богданъ, сверхъ несметной военной добычи, переплатилъ имъ огромныя деньги, но насытить алчность хищниковъ было трудно. Пришлось обложить поголовно весь русскій народъ, чтобы уплатить имъ;

а они, недовольствуясь этимъ, ничѣмъ не стѣсняясь, хозяйничали на Украинѣ, даже уводили въ плѣнъ женщинъ... Но недовольство народа перешло въ негодованіе, когда Хмельницкому по договору пришлось многихъ своихъ бывшихъ сподвижниковъ—казаковъ обращать по прежнему въ панскихъ крестьянъ. Хотя онъ записалъ въ реестръ гораздо больше, чѣмъ слѣдовало, даже позволилъ, кромѣ реестровыхъ, образовать охочіе казацкіе полки, но все же значительная часть населенія, принимавшая участіе въ борьбѣ, но не во-

Шляхтичъ.

Мѣщанинъ.

шедшая въ реестръ, должна была подъ именемъ «посполитыхъ» вернуться къ своимъ плугамъ, опять работать въ панской неволѣ. Хмельницкій принужденъ былъ выдать универсалъ, гдѣ приказывалъ всѣмъ не вошедшимъ въ реестръ «повиноваться своимъ господамъ подъ страхомъ смертной казни». Такой же указъ жителямъ Украины былъ объявленъ отъ короля. Въ королевскомъ универсалѣ говорилось между прочимъ, что въ случаѣ сопротивленія хлоповъ владѣльцамъ коронное войско вмѣстѣ съ запорожскимъ будетъ дѣйствовать противъ мятежниковъ, какъ противъ непріятелей...

— «Какъ?—кричалъ народъ въ негодованіи,—гдѣ же обѣщаніе гетмана? Развѣ мы не были казаками?!»

Тутъ только народъ сталъ понимать истинное значеніе Зборовскаго договора, которымъ обезпечивались лишь выгоды нѣсколькихъ десятковъ тысячъ казаковъ, а не всего украинскаго народа. Съ этой поры Хмельницкій сталъ утрачивать любовь и довѣріе народа... Хлопы наотрѣзъ отказывались служить панамъ. Большая часть

Украинскій крестьянинъ.

пановъ, вздумавшихъ было вернуться въ свои имѣнія, должны были спасаться бѣгствомъ. Иные богатые и знатные паны вообразили, что они могутъ по-прежнему забрать въ руки крестьянъ и даже совершить расправу надъ непокорными, возвращались съ вооруженными отрядами въ свои помѣстья и начинали творить судъ и расправу...

— «Прежнія бѣды рушатся на наши головы; паны уже начинаютъ мстить намъ и мучить насъ! съ гнѣвомъ и отчаяніемъ говорилъ народъ.

Буйство, мятежъ, всякія насилія безпрерывно вспыхивали то тамъ, то здѣсь. Хмельницкій думалъ суровостью положить конецъ всему этому, сталъ казнить непокорныхъ, вѣшать ихъ...

Это совсѣмъ уронило его въ глазахъ народа; на него стали смотрѣть, какъ на предателя, за одно съ ляхами гнетущаго народъ.. Самое имя Хмельницкаго, произносимое раньше съ благоговѣніемъ, стало у многихъ предметомъ презрѣнія... Положеніе Хмельницкаго было крайне затруднительно. Хлопы составляли шайки гайдамаковъ; помѣщики искали защиты у гетмана. Говорятъ, огромная толпа народа явилась даже къ нему и укоряла его.

— «Такъ ты насъ покидаешь, кричали иные изъ нихъ, покидаешь тѣхъ, кого обязанъ защищать и не давать въ обиду панству! Развѣ ты слѣпъ и не видишь, что ляхи тебя обманываютъ, хотятъ тебя поссорить съ вѣрными воинами... Поступай, какъ знаешь. Если тебѣ нравится неволя, оставайся въ ней, а мы выберемъ себѣ другаго старшóго, который лучше тебя постоитъ за насъ».

Особенною любовью народа въ это время пользовался отважный и непреклонный полковникъ Нечай, стоявшій противъ всякихъ сдѣлокъ съ поляками.

Въ 1650 году, когда Хмельницкій собралъ въ Переяславѣ общую (генеральную) раду, ему пришлось встрѣтить большія затрудненія, да и самъ онъ, очевидно, вполнѣ сознавалъ всю непрочность Зборовскаго договора. Онъ даже откровенно высказалъ это королевскому послу:

— «Паны поддѣли меня. По ихъ просьбѣ я согласился на то, чего исполнить никакъ не могу. Подумайте сами: сорокъ тысячъ казаковъ, а съ остальнымъ то народомъ что я буду дѣлать? Они меня убьютъ, а на поляковъ все-таки подымутся!».

Не думали и поляки исполнять заключеннаго договора. Когда прибылъ въ Варшаву кіевскій митрополитъ Сильвестръ, чтобы занять мѣсто въ сенатѣ по договору,—отцы бискупы выказали сильнѣйшее негодованіе; они и мысли не хотѣли допустить, что съ ними рядомъ будетъ сидѣть схизматикъ, и заявили, что оставятъ сенатъ, если будетъ сюда допущенъ врагъ римской церкви. Митрополитъ такъ и уѣхалъ изъ столицы ни съ чѣмъ.

Хмельницкій въ это время сильно добивался помощи у Москвы и негодовалъ на крайнюю сдержанность и осторожность ея.

Въ декабрѣ 1650 года послы Хмельницкаго явились въ Варшаву и предъявили сейму требованіе, чтобы уничтожена была унія; чтобы важнѣйшіе чины польскаго государства скрѣпили Зборовскій

договоръ, и чтобы четыре знатнѣйшихъ пана и въ числѣ ихъ Іеремія Вишневецкій жили въ своихъ украинскихъ имѣніяхъ безъ военныхъ отрядовъ, какъ бы заложниками мира и проч.

Это посольство вызвало сильное негодованіе у польскихъ сановниковъ: ихъ чванство и слѣпая религіозная ревность были очень оскорблены требованіями казаковъ. 24 декабря на сеймѣ война была рѣшена единогласно и постановлено собрать посполитое рушеніе.

Вся Польша вооружалась. Папа прислалъ королю свое благословеніе, мантію и освященный мечъ, а всѣмъ поднимающимся на брань противъ схизматиковъ посылалъ отпущеніе грѣховъ. Это воодушевило поляковъ. На Украйнѣ также готовились къ борьбѣ, тоже придавали ей священное значеніе. Пріѣхалъ изъ Греціи коринѳскій митрополитъ; онъ опоясалъ Хмельницкаго мечемъ, который былъ освященъ на гробѣ Господнемъ... Но все же на этотъ разъ прежняго воодушевленія не было; народъ уже не вѣрилъ такъ въ Хмельницкаго, какъ прежде, негодовалъ на него за потачку панамъ, за казнь нѣкоторыхъ храбрыхъ казаковъ, да и многимъ уже не по душѣ былъ союзъ съ татарами, которые позволяли себѣ творить на Руси всякія насилія.

Въ февралѣ 1651 года началась война,—началась неудачно для казаковъ. Поляки уничтожили трехтысячный отрядъ ихъ въ мѣстечкѣ Красномъ (въ Подоліи). Дѣло было въ прощальное воскресенье ночью. Казаки сильно подгуляли; одни спали, а другіе безпечно веселились. Поляки напали врасплохъ, изрубили пьяную стражу и ворвались въ городъ. Жители ударили въ набатъ. Казаки, почти всѣ пьяные, хватались за оружіе. Храбрый полковникъ Нечай въ это время пировалъ...

— «Гей, Нечаю, утікаемъ! (бѣжимъ), ляхи!—кричали казаки, прибѣжавшіе впопыхахъ къ своему начальнику.

Спастись бѣгствомъ еще можно было; но удалой полковникъ, разгоряченный виномъ, вскочилъ изъ-за стола и закричалъ:

— «Утікати?! Щобъ то казакъ Нечай утікавъ! Якъ можно свою славу казацкую підъ ноги топтать? Давай коня. Выріжимъ всіхъ ляхівъ, всіхъ до одного!».

Онъ вскочилъ на своего буланаго, котораго не успѣли даже осѣдлать и понесся на улицу, гдѣ уже началась свалка, и казаки въ темнотѣ рѣзались съ поляками. Нечай полетѣлъ впередъ и казаки принялись по выраженію пѣсни «сікти на капусту ляхівъ». Жители принимали участіе въ бойнѣ, изъ оконъ и съ крышъ стрѣляли въ поляковъ. Жолнеры уже въ безпорядкѣ стали отступать;

вся улица была завалена трупами. Уже поляки были вытѣснены изъ мѣстечка. Побѣда была за казаками. Но вдругъ позади нихъ засверкало пламя и затрещали выстрѣлы. Это былъ сильный польскій отрядъ, подоспѣвшій на помощь своимъ и занявшій мѣстечко. Началось страшное смятеніе. Мѣстечко было зажжено съ разныхъ концовъ. Среди пылавшихъ строеній казаки отчаянно рубились. Нечай, весь изрубленный, изстрѣлянный, отмахивался еще саблей. Поляки всѣ усилія напрягали, чтобы взять его живьемъ, но не взяли... Умиравшаго удальца казаки снесли въ замокъ, гдѣ онъ и скончался; предъ кончиной онъ заповѣдалъ своимъ товарищамъ передать послѣдній поклонъ матери...

Три дня еще бились казаки. Напрасно враги предлагали имъ сдаться, обѣщая помилованіе. Попробовали они пробиться и уйти; но это не удалось; всѣ они сложили головы въ лютой сѣчѣ; только два сотника попались живые въ руки поляковъ и были повѣшены. Безпощадная расправа постигла и жителей мѣстечка: оно было выжжено до тла, а люди избиты.

Это злосчастное побоище сильно опечалило русскихъ: оно было въ глазахъ суевѣрныхъ людей дурнымъ предзнаменованіемъ.

Хмельницкій старался вызвать въ народѣ прежнее воодушевленіе и довѣріе къ себѣ; въ своемъ универсалѣ выставлялъ на видъ, что начинается борьба за «свободу русской земли», призывалъ всѣхъ вооружаться поголовно. Даже въ Польшу Хмельницкій послалъ своихъ агентовъ волновать крестьянъ, завѣряя ихъ, что казаки борятся не за одну Русь, а за весь простой народъ Рѣчи Посполитой. Въ тоже время казацкіе послы отправлены были въ Крымъ просить помощи у хана.

Большое польское войско начало опустошать страну между Бугомъ и Днѣстромъ. Въ иныхъ мѣстахъ казацкіе отряды пытались дать врагамъ мужественный отпоръ, происходили упорныя стычки; но большихъ сраженій не было. Хмельницкій поджидалъ хана, чтобы начать рѣшительныя дѣйствія. Поляки стали станомъ подъ Берестечкомъ на рѣкѣ Стыри. Хмельницкій, ожидая татарской помощи, упустилъ удобное время напасть на враговъ, когда они пробирались по болотистымъ мѣстамъ и переправлялись чрезъ рѣку. Огромное польское войско, доходившее, говорятъ, до трехсотъ тысячъ, расположилось теперь на большомъ полѣ, удобномъ для битвы. Поляки рѣдко выставляли такія громадныя силы: тутъ были не только воины посполитаго рушенія, жолнеры, но и нѣмцы-наемники. Очевидно, прежнія легкомысліе и самоувѣренность на этотъ разъ не

ослѣпляли поляковъ: они понимали, что идетъ борьба не съ какой нибудь ватагой казаковъ-удальцовъ, а съ цѣлымъ народомъ.

«Въ то время,—по словамъ современника, только ксендзы, женщины, старики и дѣти оставались дома, въ Польшѣ; всѣ взрослые и сильные пошли на войну, освященную благословеніемъ римскаго первосвященника: всякому хотѣлось избавиться отъ грѣховъ и мученій послѣ смерти».

Здѣсь на обширной равнинѣ подъ Берестечкомъ долженъ былъ рѣшиться роковой вопросъ, быть ли Украйнѣ вольной казацкой страной, или навсегда проститься со свободой.

У Хмельницкаго теперь было гораздо меньше силы, чѣмъ у поляковъ. Ханъ на этотъ разъ шелъ на помощь ему неохотно, не по своей волѣ, а по приказу султана,—для Крыма Зборовскій договоръ былъ выгоденъ, а усиленіе казачества на счетъ Польши казалось опаснымъ. Но Хмельницкій не унывалъ,—онъ вѣрилъ въ свое счастье. Когда ханъ наконецъ прибылъ и увидѣлъ польскій станъ, то остался очень недоволенъ, — онъ не думалъ встрѣтить такую силу.

Самъ король своимъ присутствіемъ воодушевлялъ войско, готовилъ его къ бою. Въ тоже время Хмельницкій устраивалъ свои боевыя силы. На лѣвомъ крылѣ стояла татарская орда: впередъ былъ выставленъ знаменитый казацкій четвероугольникъ изъ возовъ, поставленныхъ въ три ряда и скованныхъ между собой цѣпями. Пѣхота стояла въ срединѣ этого подвижнаго укрѣпленія; по бокамъ стояли отряды конницы, на правомъ крылѣ находились казаки, изъ нихъ реестровые, закаленные въ бояхъ, были главной опорой Хмельницкаго.

Приготовленные къ бою враждебныя войска долго не видѣли другъ друга: густой утренній туманъ скрывалъ ихъ. Въ польскомъ станѣ пѣли молитвы, по рядамъ воиновъ обносили образъ Холмской Божіей Матери. Затѣмъ объѣзжалъ ихъ король и ободрялъ словами:

— «Друзья!—говорилъ онъ, — теперь наступаетъ часъ воздать справедливую месть мятежникамъ и невѣрнымъ. Я съ вами неразлучно; уничтожимъ холопа и вернемся домой съ побѣдой или ляжемъ здѣсь всѣ, обороняя честь отечества! Лучше смерть, чѣмъ неволя у холоповъ или посмѣяніе у всѣхъ народовъ»!

Въ казацкомъ станѣ тоже готовились къ смертному бою. Митрополитъ корипѳскій въ архіерейскомъ облаченіи проѣзжалъ на конѣ между русскими; предъ нимъ несли церковныя хоругви и образа...

Хмельницкій въ горностаевой мантіи, опоясанный священнымъ мечемъ, съ гетманской булавой, осыпанной драгоцѣнными камнями, носился на ретивомъ конѣ по рядамъ казаковъ и напоминалъ имъ, что насталъ часъ навсегда утвердить независимость вѣры и русскаго народа. Зычный голосъ гетмана, не разъ пугавшій враговъ, разносился далеко по казацкому войску.

Взошло солнце. Туманъ поднялся словно занавѣсъ, и открылось величественное зрѣлище: лучи солнца заиграли на блестящихъ панцыряхъ и оружіи огромного множества воиновъ; значки и знамена развѣвались на утреннемъ вѣткѣ.

Враги молча и недвижно глядѣли другъ на друга, словно измѣряя свои силы. Ни та, ни другая сторона не хотѣла начинать бой. Нѣсколько часовъ прошло въ томительномъ ожиданіи. Было уже два часа по полудни. Облако стало надвигаться на солнце и подулъ западный вѣтеръ. Въ польскомъ войскѣ заиграли на трубахъ и запѣли пѣснь въ честь Богородицы. Такъ поляки обыкновенно начинали сраженіе!.. Тогда двинулась впередъ и казацкая пѣхота подъ защитою своего укрѣпленія. Съ дикимъ воплемъ кинулись татары на польское войско. Но тутъ Іеремія Вишневецкій стремительно ударилъ на казаковъ съ двѣнадцатью полками, прорвалъ строй и врѣзался въ средину казацкаго войска. Самъ Вишневецкій съ мечемъ въ рукѣ летѣлъ впередъ. Есть извѣстіе, будто бы одинъ изъ казацкихъ вождей измѣнилъ своимъ, и во время этого налета велѣлъ казакамъ двинуться назадъ.

Вслѣдъ за Вишневецкимъ король двинулъ артиллерію и нѣмецкую пѣхоту, подоспѣлъ и еще одинъ отрядъ на помощь. «Тогда, по словамъ очевидца, грянуло сразу нѣсколько десятковъ пушекъ, поднялась черная туча, разрываемая огненными снопами; раздались страшные крики, ржанье коней, ревъ испуганныхъ воловъ, вопли раненыхъ, а затѣмъ, когда поднялся дымъ, виднѣлись всюду багровые потоки крови, груды труповъ въ панцыряхъ... и бѣшеные кони, волочившіе по полю своихъ всадниковъ, не успѣвшихъ вынуть ногъ изъ сѣдла и кончавшихъ жизнь подъ шинами подковъ».

Къ вечеру участь битвы была рѣшена. Ханъ, по словамъ лѣтописца, закричалъ: «Въ казацкомъ войскѣ измѣна!» и пустился въ бѣгство. Охваченные безотчетнымъ страхомъ татарскія полчища бросились вслѣдъ за нимъ; татары въ безпамятствѣ, никѣмъ не преслѣдуемые, покидали свои арбы съ женами и дѣтьми, а также и богатства, награбленныя на Руси.

Хмельницкій, изумлявшій всѣхъ своей твердостью и находчи-

востью, былъ пораженъ этой картиной общаго безпричиннаго бѣгства татаръ. Онъ стоялъ какъ ошеломленный. Наконецъ, пришедши въ себя, онъ поспѣшно сдалъ начальство надъ войскомъ полковнику Джеджалыку, а самъ кинулся вслѣдъ за ханомъ, надѣясь уговорить его вернуться. Ханъ не только не вернулся, но увелъ съ собою и Хмельницкаго какъ плѣнника.

Джеджалыкъ кое-какъ привелъ въ порядокъ разстроенные казацкіе полки и, мужественно отбиваясь отъ поляковъ, отступилъ къ рѣкѣ Пляшовой. Стемнѣло, и поляки прекратили битву. За ночь казаки окопались и къ утру были уже готовы къ бою. Съ трехъ сторонъ ихъ защищали окопы, съ четвертой—болото. Десять дней отбивались казаки, выдерживали страшную пальбу, но мириться съ поляками соглашались только на условіяхъ Зборовскаго договора. Поляки требовали полной покорности. На бѣду для русскихъ, между ними начались нелады и ссоры. Начальство перешло къ полковнику Богуну, который былъ горазъ на разныя военныя хитрости и не мало бѣдъ натворилъ полякамъ. Къ сожалѣнію, въ казацкомъ станѣ смуты продолжались.

— «Старшины насъ покинули,—кричали многіе,—Хмельницкій всему виною! Онъ злодѣй, измѣнникъ, погубилъ насъ!».

Наконецъ, хлопы, изъ которыхъ состояло большинство казацкаго ополченія, на своихъ сходкахъ стали поговаривать о томъ, чтобы выдать королю своихъ начальниковъ. Провѣдавши объ этихъ толкахъ, Богунъ задумалъ тайкомъ уйти съ казаками изъ стана. Ночью съ 28 на 29 іюня казаки свезли на болото возы, шатры, кожухи, мѣшки, сѣдла, изъ всего этого соорудили три плотины и начали тихо, незамѣтно ни для своихъ, ни для поляковъ уходить отрядъ за отрядомъ. Утромъ 29 іюня, когда проснулись въ станѣ кто-то крикнулъ:

— «Братцы, всѣ полковники ушли!».

Ужасъ охватилъ всѣхъ, толпы хлоповъ кинулись на плотины въ такомъ множествѣ, что онѣ не выдержали, и народъ сталъ тонуть. Напрасно Богунъ съ другаго берега уговаривалъ хлоповъ переходить мало по малу; тщетно казаки кричали имъ: «Стойте! стойте! тише!» Оторопѣвшій отъ страха народъ напиралъ толпами.

Поляки сначала и понять не могли, что творится въ казацкомъ станѣ, думали, что это какая нибудь новая хитрость Богуна,—что казаки притворнымъ бѣгствомъ хотятъ завлечь въ свой таборъ враговъ. Но спустя нѣсколько времени поляки кинулись на оставленный казацкій таборъ, завладѣли всѣми припасами, двадцатью во-

семью пушками, знаменами и проч.; затѣмъ принялись добивать бѣгущихъ.

Послѣ разгрома казацкаго стана, посполитое рушеніе было распущено, король уѣхалъ въ столицу, а тысячъ тридцать войска двинулось громить Украину; поляки надѣялись теперь стереть казачество съ лица земли.

Ханъ продержалъ у себя Хмельницкаго, какъ плѣнника, до конца іюля, затѣмъ отпустилъ его, взявши съ него, вѣроятно, значительный выкупъ. Такимъ образомъ предательство хана мало того, что погубило казаковъ подъ Берестечкомъ, но и лишило ихъ главнаго вождя въ самое опасное время. Хмельницкій, освободившись отъ хана, прибылъ въ мѣстечко Паволочь, гдѣ съ горя три дня и три ночи пилъ безъ просыпу. Сюда стали сходиться къ нему жалкіе остатки казацкихъ полковъ. Но здѣсь то и сказалась необычайная сила воли Хмельницкаго: онъ не упалъ духомъ, не потерялся въ несчастіи; не смотря на то, что казацкое дѣло, казалось, погибло, а самъ онъ упалъ въ глазахъ и казаковъ и народа, видѣвшихъ въ немъ измѣнника.

На Масловомъ-Бродѣ, на рѣкѣ Русавѣ, собралась такъ называемая черная рада. Здѣсь обвиняли Хмельницкаго за то, что онъ покинулъ войско подъ Берестечкомъ. Въ разныхъ мѣстахъ Украины на сходкахъ осуждали Хмельницкаго, какъ измѣнника. А онъ всюду смѣло являлся, съ бодрымъ видомъ, съ рѣшительной рѣчью, выставляя на видъ, что онъ не считаетъ еще дѣло потеряннымъ. Богданъ прибылъ и на Масловъ-Бродъ и чрезъ нѣсколько времени казаки, незадолго предъ тѣмъ проклинившіе его, готовы были идти на вѣрную смерть по одному знаку его. Таково обаяніе сильной личности!

Ожилъ и народъ и вооружался поголовно, готовясь опять къ борьбѣ не на жизнь, а на смерть. Лишь только польское войско вступило въ Украину, жители попутныхъ селъ и городовъ жгли свои жилища, истребляли всякіе запасы, портили дороги и мосты, безпрестанно нападали на польскіе отряды, не давая имъ покою ни днемъ, ни ночью. Эта народная злоба приводила поляковъ въ бѣшенство; они, овладѣвъ какимъ либо селомъ, предавали непокорныхъ поселянъ безпощадному поголовному истребленію, не взирая на возрастъ и полъ. Русскіе тоже на плѣнныхъ полякахъ вымещали свое озлобленіе, не уступая въ звѣрствѣ своимъ заклятымъ врагамъ. Хмельницкій не въ силахъ былъ остановить сильнаго непріятеля, тѣмъ болѣе, что литовскій гетманъ велъ новыя силы на помощь полякамъ

и занялъ Черниговъ, а затѣмъ и Кіевъ. Въ концѣ августа силы польскія и литовскія сошлись подъ Бѣлой Церковью. Неподалеку отсюда стоялъ съ войскомъ и Хмельницкій; силы его были невелики, по большей части состояли изъ новобранцевъ,—отваживаться на битву было слишкомъ смѣло, — и онъ предложилъ миръ. Поляки тоже были утомлены войной; они видѣли, какъ трудно вести борьбу съ ожесточеннымъ народомъ; притомъ наступала осень; припасы добывались съ большимъ трудомъ. Польскіе вожди согласились вести переговоры. Скоро казаки провѣдали, что гетманъ склоняется къ миру, что онъ готовъ идти на большія уступки полякамъ, и пришли въ сильное волненіе! Когда польскіе коммиссары ѣхали, охраняемые значительнымъ отрядомъ, въ замокъ для переговоровъ, — казаки толпились вокругъ, кричали, свистали, грозили имъ...

Одинъ изъ комисаровъ, старикъ Кисель, высовываясь изъ своего экипажа, старался успокоить толпу и говорилъ имъ кротко:

— «Друзья мои, мы не ляхи; я — русскій; мои кости такія же русскія, какъ и ваши».

— «Твои русскія кости слишкомъ обросли польскимъ мясомъ! кричали ему въ отвѣтъ казаки.

Хмельницкій и полковники поспѣшили на встрѣчу комисарамъ, унимали буйную толпу и почтительно ввели ихъ въ замокъ.

По окончаніи договора, Хмельницкій и полковники вышли изъ замка къ толпѣ казаковъ. Водворилось молчаніе; начали читать договоръ. Но лишь только хлопы замѣтили, что число казаковъ уменьшено, и что многимъ придется опять вернуться подъ власть пановъ, какъ поднялся сильный шумъ.

— «Вотъ какъ ты, пане гетмане, трактуешь съ ляхами, – раздались крики изъ толпы, —самъ подбилъ насъ подняться на пановъ, а теперь насъ, бѣдныхъ, на муки имъ снова отдаешь!.. Но прежде, чѣмъ до этого дойдетъ, ты самъ сложишь голову и ни одинъ ляхъ отсюда живой не уйдетъ!

Раздалось нѣсколько выстрѣловъ. Хмельницкій и полковники скрылись въ замокъ. Разъяренная толпа готовилась брать его приступомъ. Каменья полетѣли въ окна... Коммисары трепетали отъ страха; но Хмельницкій выказалъ необычайное присутствіе духа. Онъ снова вышелъ изъ замка со всѣми старшинами. Нѣкоторые изъ толпы съ поднятыми саблями и дубинами двинулись было противъ него. Хмельницкій положилъ нѣсколькихъ своей булавой, а за нимъ и полковники саблями или своими перначами разгоняли хлоповъ. Войсковой писарь кричалъ имъ:

— «Чего хотите вы, злодѣи? за что оскорбляете вы пановъ (комисаровъ), они не ляхи; при томъ они — послы, а пословъ нельзя трогать!»

Черпь мало по малу образумилась...

Переговоры тянулись довольно долго; наконецъ договоръ былъ заключенъ (17 сент. 1651 г.). Число казаковъ уменьшено до двадцати тысячъ;—помѣщики вступали въ Украинѣ въ свои прежнія права; евреямъ также предоставлялось свободно жить вездѣ.

Когда вся Украйна узнала объ условіяхъ Бѣло-Церковскаго мира, поднялось повсюду сильное неудовольствіе. Хмельницкій въ глазахъ народа былъ измѣнникомъ, отдавшимъ своихъ опять въ жертву панамъ и жидамъ... Не желая снова идти въ въ кабалу, крестьяне и казаки цѣлыми тысячами стали выселяться въ южные области Московскаго государства и устраивать тамъ свои слободы, какъ это было послѣ неудачныхъ возстаній Остранина и Гуни. «Малоруссы жгли свои хаты и гумна, чтобъ не доставались врагамъ, грузили на возы свои пожитки и отправлялись огромными ватагами искать себѣ новой Украины, гдѣ бы не было ни ляховъ, ни жидовъ». Въ предѣлахъ нынѣшнихъ Курской и Харьковской губерніи разомъ возникло множество малорусскихъ слободъ, изъ которыхъ многіе разрослись потомъ въ значительные города (Сумы, Короча, Бѣлополье, Ахтырка, Лебединъ, Харьковъ и другіе). Напрасно Хмельницкій запрещалъ выселяться, напрасно польское правительство хотѣло даже силою удержать переселенцевъ,— ничто не помогало, народъ уходилъ толпами, порой даже оружіемъ пролагалъ себѣ дорогу.

Но и тѣ крестьяне, которые остались на Украйнѣ, выказывали крайнюю вражду къ панамъ своимъ, которые стали снова водворяться въ прежнихъ своихъ помѣстьяхъ. По-прежнему стали собираться вооруженныя шайки, которыя нападали на поляковъ. Самъ гетманъ въ своемъ Чигиринѣ могъ опасаться за свою жизнь. Чернь сильно волновалась противъ него, и онъ очутился между двухъ огней: съ одной стороны онъ вынужденъ былъ исполнять договоръ, чтобы не навлечь на Украину новой бѣды отъ поляковъ; съ другой—ему крайне опасно было еще болѣе раздражать свой народъ, угождая полякамъ. Приходилось то казнить нѣсколькихъ вожаковъ, волновавшихъ народъ противъ поляковъ, то позволять вносить въ реестръ значительно большее число казаковъ, чѣмъ полагалось по договору. Хмельницкій, конечно, и самъ вполнѣ понималъ, что въ такомъ положеніи долго оставаться невозможно, и заключилъ Бѣлоцерковскій миръ лишь съ тѣмъ, чтобы собраться

съ новыми силами. Борьба была неизбѣжна; польское иго было невыносимо для Украины.

Переяславская рада.

Поводъ къ войнѣ явился раньше, чѣмъ можно было ждать. Весною 1652 года старшій сынъ Хмельницкаго Тимошъ съ большимъ казацкимъ отрядомъ и татарами, пошелъ въ Молдавію, чтобы вступить въ бракъ съ дочерью молдавскаго господаря, съ которой онъ раньше былъ сговоренъ. Польскій гетманъ Калиновскій, не смотря на то, что былъ предупрежденъ о цѣли похода, заградилъ Хмельницкому путь и напалъ на казацкій отрядъ. Загорѣлась жаркая битва (22-го мая, въ урочищѣ Батогѣ, на рѣкѣ Бугѣ); въ польскомъ станѣ оказались сильныя неурядицы, и все двадцатитысячное польское войско съ предводителемъ погибло безъ остатка. Эта побѣда послужила знакомъ къ общему возстанію въ Малороссіи. Польскіе жолнеры, стоявшіе тутъ,—одни были изгнаны, другіе истреблены. Помѣщики снова покидали свои имѣнія и бѣжали въ Польшу. Король созвалъ чрезвычайный сеймъ, чтобы найдти средства окончательно искоренить казачество; но полякамъ наскучили уже безпрерывныя войны и тяжелые расходы, и потому сеймъ былъ противъ созванія посполитаго рушенія, а правительство не имѣло достаточно денегъ, чтобы содержать порядочное наемное войско. Польша не могла скоро начать военныхъ дѣйствій.

Нелегко было вести войну и Хмельницкому. Шестилѣтняя борьба съ Польшей сильно надломила малорусскій народъ, — онъ не успѣлъ еще оправиться отъ недавнихъ тяжкихъ потерь и жертвъ. Хмельницкій понималъ, что борьбѣ съ Польшей долго еще не будетъ конца; что поляки скорѣе погубятъ свое отечество, чѣмъ откажутся отъ власти надъ русскими областями. Своими силами управиться съ Польшей Украина и прежде не могла, а теперь и подавно. Хмельницкій всюду искалъ поддержки, заводилъ сношенія и съ Турціей, и съ Трансильваніей, даже со Швеціей, но до сихъ поръ ниоткуда не было ему помощи. Татары, которые всегда не прочь были участвовать въ грабежѣ и опустошеніи непріятельской страны,—плохими были союзниками, когда борьба становилась трудной; притомъ ихъ легко могли подкупить поляки и склонить на свою сторону. Одна надежда оставалась у Хмельницкаго,—надежда на Москву: съ нею связывала малорусскій народъ одна вѣра и одно происхожденіе. Уже не разъ Хмельницкій пытался какъ нибудь

втянуть Москву въ борьбу съ Польшей, но царь не желалъ нарушить миръ съ нею. Послѣ Берестецкаго погрома Хмельницкій сталъ откровенно говорить московскимъ боярамъ, пріѣзжавшимъ къ нему, о своемъ желаніи поступить подъ высокую руку православнаго государя; наконецъ, прямо обратился къ нему съ этимъ предложеніемъ. Алексѣй Михайловичъ долго не соглашался, опасаясь разрыва съ Польшей, но охотно взялъ на себя посредничество, чтобы примирить Хмельницкаго съ королемъ.

Два мѣсяца послѣ Батогскаго сраженія, царскій посланникъ бояринъ Репнинъ-Оболенскій съ товарищами прибылъ въ Польшу. Онъ напомнилъ прежнее требованіе о наказаніи лицъ, виновныхъ въ умаленіи царскаго титула и заявилъ, что царь охотно проститъ эту вину, если польское правительство помирится съ Хмельницкимъ на условіяхъ Зборовскаго договора и уничтожитъ унію.

Паны приняли очень холодно предложеніе царя, «говорили, — по словамъ русскихъ пословъ, гораздо сердито, что Зборовскаго договора и на свѣтѣ нѣтъ, съ Хмельницкимъ у короля никакого договора не было, а подъ Зборовымъ договаривались съ крымскимъ ханомъ, и договоръ этотъ нарушенъ Хмельницкимъ, имъ же нарушенъ и договоръ подъ Бѣлой Церковью, и теперь король всѣхъ этихъ измѣнниковъ снесетъ и до конца разоритъ».

Между тѣмъ весною 1653 года польскій отрядъ подъ начальствомъ Чарнецкаго вторгся въ Подолію и снова начались всѣ ужасы звѣрской жестокости, разоренія и опустошенія. Осенью самъ король съ большимъ войскомъ выступилъ противъ Хмельницкаго и сталъ подъ Жванцемъ, на берегу Днѣстра. Пришелъ сюда и Хмельницкій и опять привелъ съ собой своихъ вѣроломныхъ союзниковъ — татаръ. Они разсѣялись загонами по всей странѣ, и полякамъ отрѣзаны были всѣ пути. Скоро начались сильные холода, и въ польскомъ станѣ обнаружился недостатокъ въ продовольствіи. Поляки начинали уже со страхомъ думать, что для нихъ повторятся Збаражскія невзгоды; но они спаслись,—заключили унизительный договоръ съ ханомъ: король обязался уплатить ему сразу сто тысячъ червонцевъ, затѣмъ ежегодно уплачивать большія деньги и сверхъ того дозволить татарамъ втеченіи сорока дней брать плѣнниковъ въ областяхъ, принадлежавшихъ Польшѣ! При томъ король обѣщалъ казакамъ утвердить Зборовскій договоръ, по требованію хана, для виду только, а впослѣдствіи самъ ханъ тайно обѣщалъ помочь полякамъ укротить казаковъ.

Хмельницкій провѣдалъ объ этомъ тайномъ условіи,—умолялъ

хана не оставлять его, но все было напрасно: хану выгоднѣе было соединиться съ Польшей, чѣмъ съ казаками.

Въ декабрѣ король уѣхалъ изъ стана, и войско польское разошлось. Вслѣдъ затѣмъ татары съ дозволенія короля предали страшному опустошенію весь Южно-русскій край до самаго Люблина. Досталось и полякамъ за ихъ постыдный договоръ съ ханомъ: татары безъ разбору жгли и шляхетскія усадьбы и увезли въ плѣнъ множество польской шляхты обоего пола. Но Южно русскій край въ эту пору страшно пострадалъ и почти обезлюдѣлъ.

«Запечалилась Украйна, — по словамъ одной малорусской думы, — что негдѣ ей дѣться. Вытоптала орда конями маленькихъ дѣтей. Малыхъ потоптала, старыхъ порубила, а молодыхъ — «середульшихъ» въ полонъ забрала»!

Теперь всѣ надежды Хмельницкаго были обращены на Москву. Онъ началъ снова настоятельно просить царя принять Малороссію въ свое подданство. Московское правительство тоже рѣшилось дѣйствовать. Трудно было дольше оставаться спокойными зрителями того, какъ истреблялся по сосѣдству народъ той же крови, той же вѣры, какъ и всѣ московскіе люди; какъ заливались русской кровью лучшія русскія земли. Кромѣ того, грозила опасность, что казаки въ отчаяніи отдадутся въ подданство Турціи и вмѣстѣ съ татарами станутъ врагами московскаго государства. Хмельницкій уже раньше указывалъ на это. Наконецъ, царь чувствовалъ себя оскорбленнымъ невниманіемъ польскаго правительства къ его требованіямъ и посредничеству.

Въ 1653 г., 1-го октября Москва была очень оживлена: собралось сюда множество народа. Предстояло рѣшиться великому дѣлу, ради котораго царь созвалъ на земскую думу выборныхъ людей Русской земли отъ духовнаго и свѣтскаго чина. Государь слушалъ обѣдню, которую служилъ патріархъ; затѣмъ при колокольномъ звонѣ, сопровождаемый духовенствомъ, боярами, осѣняемый хоругвями, отправился въ Грановитую палату. Здѣсь въ блестящемъ царскомъ уборѣ сѣлъ онъ на тронъ; по одной сторонѣ сидѣли патріархъ, митрополиты и прочее духовенство, по другой — бояре, окольничьи, думные люди. Палата наполнилась людьми всѣхъ сословій.

По знаку царя думный дьякъ сталъ читать вслухъ о тѣхъ неправдахъ, какія творили поляки, какія ошибки дѣлали они въ царскомъ титулѣ, какъ умаляли его, какъ въ разныхъ польскихъ книгахъ печатались такія «злыя безчестья и укоризны, и хулы, чего не только

великимъ государямъ христіанскимъ, помазанникамъ Божіимъ, но и простому человѣку слышати и терпѣти невозможно и помыслити страшно». Потомъ дьякъ указалъ, какія обиды дѣлали поляки порубежнымъ жителямъ Московскаго государства. Наконецъ, перешелъ къ разсказу о томъ, какъ поляки тѣснили православную вѣру, какія творили православнымъ насилія и поруганія церквамъ Божіимъ, какъ Хмельницкій съ запорожскимъ войскомъ просилъ государя принять угнетенныхъ православныхъ христіанъ подъ свою высокую руку. Въ заключеніе было упомянуто, что турецкій султанъ зоветъ украинскую чернь къ себѣ въ подданство...

Послѣ чтенія этого доклада стали отбирать мнѣнія. Бояре сказали, что «слѣдуетъ гетмана со всѣмъ войскомъ и со всѣми городами и землями принять подъ высокую государеву руку и не допустить ихъ въ подданство турецкому султану или крымскому хану». Всѣ другія сословія согласились съ этимъ и приговорили, что государь долженъ объявить войну Польшѣ и Литвѣ за оскорбленіе вѣры и своей царской чести... Всѣ безъ изъятія выразили готовность жертвовать своимъ достояніемъ и жизнью.

Для принятія Украины подъ свое покровительство царь отправилъ въ Переяславль трехъ пословъ: боярина Бутурлина, окольничаго Алферьева и думнаго дьяка Лопухина съ товарищами... За пять верстъ отъ города Московское посольство было торжественно встрѣчено. Осѣняемые хоругвями и образами, въ сопровожденіи казацкихъ старшинъ, при радостныхъ восклицаніяхъ народа шли царскіе послы чрезъ городъ въ церковь. Здѣсь былъ отслуженъ молебенъ о здравіи царской семьи.

Хмельницкій, вскорѣ прибывшій въ Переяславль, назначилъ общую раду на 8-е января (1654 г.). Въ седьмомъ часу довбиши ударили въ литавры, и городская площадь скоро наполнилась множествомъ казаковъ. Гетманъ сначала тайно совѣщался съ генеральной старшиной, полковниками и знатнѣйшими казаками. Въ одиннадцать часовъ онъ въ полномъ гетманскомъ нарядѣ, подъ бунчукомъ, вступилъ на площадь, гдѣ посреди толпы было оставлено просторное мѣсто... За гетманомъ шла вся украинская старшина. Войсковой эсаулъ велѣлъ всѣмъ молчать;—водворилась мертвая тишина. Не только площадь, но и крыши домовъ были полны народомъ,—всѣ ждали съ нетерпѣніемъ, чѣмъ рѣшится ихъ судьба.

— «Панове полковники, эсаулы, сотники, все войско запорожское и всѣ православные христіане! — раздался знакомый народу громкій голосъ Хмельницкаго. — Вѣдомо всѣмъ вамъ, какъ Богъ

освободилъ насъ изъ рукъ враговъ, тѣснившихъ церковь Божію, озлобляющихъ все христіанство нашего восточнаго православія. Вотъ уже шесть лѣтъ мы живемъ безъ государя, въ безпрерывныхъ браняхъ и кровопролитіи съ гонителями и врагами нашими, жаждущими искоренить насъ и церковь Божію, чтобы и самое имя русское не поминалось въ землѣ нашей... Всѣмъ намъ это наскучило; мы видимъ, что нельзя намъ жить больше безъ царя... Мы собрали сегодня раду, явную всему народу, чтобы вы съ нами выбрали себѣ государя изъ четырехъ, кого хотите. Первый—царь турецкій, который много разъ уже черезъ своихъ пословъ призывалъ насъ подъ свою власть; второй—ханъ крымскій; третій—король польскій, который, если захотимъ, и теперь еще можетъ насъ принять въ прежнюю ласку; четвертый — православный государь Великой Россіи, царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ, всея Руси самодержецъ, котораго мы уже шесть лѣтъ безпрестанно умоляемъ быть нашимъ государемъ и повелителемъ. Тутъ котораго хотите, того избирайте! Царь турецкій—бусурманинъ: всѣмъ вамъ вѣдомо, какую бѣду наши братья, православные христіане, греки терпятъ и въ какомъ живутъ утѣсненіи отъ безбожныхъ. Крымскій ханъ тоже бусурманинъ, съ которымъ мы по нуждѣ сошлись, и какія оттого нестерпимыя бѣды испытали! Объ утѣсненіяхъ польскихъ пановъ и говорить нечего! Сами знаете, что они жида и пса лучше почитали, чѣмъ нашего брата, христіанина! А православный христіанскій великій государь, царь восточный, единаго съ нами благочестія, греческаго закона, единаго исповѣданія; съ православіемъ Великой Россіи мы — единое тѣло, имѣющее главою Іисуса Христа. Этотъ великій государь, царь христіанскій, сжалившись надъ нестерпимымъ оскорбленіемъ православной церкви въ нашей Малой Руси, шестилѣтнихъ нашихъ моленій не презрѣлъ,—теперь милостивое свое царское сердце къ намъ склонилъ, своихъ великихъ ближнихъ людей къ намъ съ царскою милостью своею прислать изволилъ. Если мы его съ усердіемъ не возлюбимъ, то, кромѣ его царской высокой руки, благотишайшаго пристанища не обрящемъ! Кто же съ нами не согласенъ, тотъ пусть идетъ, куда хочетъ, — вольная дорога!

Въ отвѣтъ на слова гетмана раздались громкіе крики всего народа:

— «Волимъ подъ царя восточнаго православнаго! Лучше намъ умереть въ своей благочестивой вѣрѣ, нежели достаться ненавистнику Христову, поганину!»

Переяславскій полковникъ Тетеря сталъ обходить площадь кругомъ и спрашивалъ во всѣ стороны:

— «Чи всі такъ соизволяете?»

— «Вси!» кричалъ отовсюду народъ.

Тогда гетманъ крикнулъ на всю площадь:

— «Буди тако! Да укрѣпитъ насъ Господь подъ его царскою крѣпкою рукою!

Народъ громко восклицалъ:

— «Боже утверди! Боже укрѣпи! чтобъ мы на вѣки всѣ были едино!»

Затѣмъ были прочтены главныя условія, на которыхъ Малая Русь соединялась съ Великой: Запорожскому войску (казакамъ) быть всегда въ числѣ 60000; казаки сами выбираютъ себѣ гетмана; права шляхтичей и горожанъ остаются прежнія; въ городахъ правителямъ быть изъ малороссіянъ, имъ же и доходы собирать; гетманъ имѣетъ право принимать иноземныхъ пословъ и пр. Однимъ словомъ Малороссіи даны были такія права, какихъ она никогда не имѣла подъ властью Польши, и въ добавокъ Московскій царь бралъ на себя еще защиту Украины отъ всѣхъ ея враговъ.

Послѣ этого рада начала расходиться, а гетманъ и прочіе старшины отправились въ соборную церковь приносить присягу. Цѣлый день присягали казаки и переяславскіе жители. Московскіе послы отправили стольниковъ и стряпчихъ по всѣмъ городамъ и полкамъ приводить къ присягѣ жителей.

Хмельницкій послалъ посольство въ Москву съ просьбой къ царю о подтвержденіи договорныхъ статей, какія прочтены были на Переяславской радѣ. Царь утвердилъ все съ небольшимъ ограниченіемъ,—потребовалъ, чтобы гетманъ, принимая иноземныхъ пословъ, доносилъ о нихъ государю, задерживалъ бы замышляющихъ какое либо зло Московскому государству, и не ссылался съ польскимъ королемъ и турецкимъ султаномъ безъ соизволенія государя.

Малороссія.

Послѣ долгой кровопролитной борьбы Южная Русь наконецъ соединилась съ единокровной и единовѣрной Москвой.

Малороссія представляла сравнительно съ московскими землями по климату и почвѣ благодатный край: тучныя нивы ея давали богатѣйшіе урожаи; степи ея съ ихъ рослой и сочной травой могли прокормить безчисленныя стада всякаго скота и

табуны лошадей. «Плодородная земля доставляетъ украинцамъ хлѣбъ въ такомъ изобиліи, говоритъ Бопланъ, что они часто не знаютъ, куда дѣвать его: кромѣ Днѣпра ни одна изъ судоходныхъ рѣкъ, протекающихъ по Украйнѣ, не впадаетъ въ море». Сама природа такимъ образомъ не побуждала жителей къ постоянному упорному труду. Украинцу не приходилось, какъ жителю сѣвера, въ потѣ лица трудиться, расчищать въ лѣсахъ мѣста для пашни, удобрять землю; стоило ему лишь взорать плу-

Старинная одежда въ Малой Руси.
Малорусскія женщины — шляхтянки (госложи).

гомъ слой чернозема, посѣять зерно, и благодатная почва щедро вознаграждала его за трудъ. Этимъ, вѣроятно, и нужно объяснить кажущуюся лѣность и малую подвижность украинскаго поселянина.

Но эти же самые лѣнивые съ виду и неповоротливые крестьяне совсѣмъ перерождались, когда опасность и неудержная удаль побуждала ихъ сѣсть на коней и обратиться въ казаковъ. Украинцы выказывали большія способности во всякомъ дѣлѣ: «въ ихъ странѣ, говоритъ Бопланъ, вы найдете людей, искусныхъ во всѣхъ ремес-

лахъ, необходимыхъ для общежитія: плотниковъ, телѣжниковъ, кузнецовъ, ружейниковъ, кожевниковъ, сапожниковъ, бочаровъ, портныхъ и пр. Казаки весьма искусны въ добываніи селитры, которою изобилуетъ Украйна, и въ приготовленіи пороха. Женщины прядутъ ленъ и волну, ткутъ для своего употребленія полотна и сукна... Украинцы вообще способны ко всѣмъ искусствамъ... Встрѣчаются также между ними люди съ познаніями высшими, нежели какихъ можно было бы ожидать отъ простолюдиновъ, но заботятся они только

Мѣщанка. Шляхтянки.

о полезномъ и необходимомъ». Тотъ же писатель говоритъ и о главныхъ недостаткахъ казаковъ и украинцевъ вообще: «всѣ стараются превзойти другъ друга въ пьянствѣ и бражничествѣ, и едва ли найдутся во всей Европѣ такія беззаботныя головы».

У великоруса, жившаго среди скупой природы, бившагося изо дня въ день ради пропитанія, выработались стойкость, упорство въ трудѣ, сноровка, смѣтливость, изворотливость. Ему постоянно приходится быть на чеку, чтобы изловчиться, вывернуться изъ нужды; умъ да сноровка тутъ—первое дѣло; предаваться долго

какому либо чувству или давать волю воображенію даже и некогда. Не то у малоруса, — досуга у него было довольно. Тароватая и роскошная природа подстрекаетъ его воображеніе, а пережилъ и перестрадалъ онъ много, знаетъ онъ татарскую да турецкую неволю, извѣдалъ и панщину, помнитъ и о лихихъ казацкихъ подвигахъ,— словомъ есть о чемъ досужимъ кобзарямъ пѣсни и думы складывать,—да притомъ такія, что за сердце хватаютъ! Малорусы были истари большіе охотники до музыки и пѣнья; ихъ пѣсни, по боль-

Шляхетная госпожа въ лѣтней одеждѣ.

Дѣвица шляхетскаго званія.

шей части заупывныя, отличались глубиною чувства, задушевностью. Кобзари и бандуристы были любимыми гостями въ каждомъ селѣ, въ каждой хатѣ. У малорусовъ дольше и полнѣе удержались, чѣмъ у великорусовъ, разныя языческія, повѣрія и обряды.

По внѣшней жизни украинцы тоже имѣли уже свои особенности: ихъ мазанки, или хаты, окруженныя зеленью, отличались отъ великорусской бревенчатой избы. Одежда ихъ также имѣла свои отличія: многое было заимствовано отъ поляковъ и отъ татаръ. Важнѣйшія лица носили длинные польскіе кафтаны, суконные или

шелковые; сверхъ нихъ надѣвали еще такіе же кунтуши, или черкески съ прорѣзными рукавами; подпоясывались дорогими кушаками. Нижняя одежда состояла изъ суконныхъ шароваръ. Простолюдины одѣвались различно въ разныхъ мѣстахъ: жившіе южнѣе, ближе къ татарамъ, носили верхнюю и нижнюю одежду длинную и широкую, на подобіе татарской, и барашковыя шапки; зимою сапоги съ желѣзными скобами вмѣсто каблуковъ, лѣтомъ кожаныя лапти... Крестьяне, жившіе сѣвернѣе, походили одеждой болѣе на велико-

Крестьянка въ одной плахтѣ и запаскѣ. Крестьянская дѣвушка. Крестьянка въ свитѣ.

русовъ. Они носили лапти изъ лыкъ; верхнее платье изъ бѣлаго или сѣраго сермяжнаго сукна, называемое свиткою, опоясанное кушакомъ... Зимою сверхъ того надѣвали тулупъ, или кожухъ, и овчинную шапку. Достаточные мѣщане и зажиточные изъ крестьянъ иногда носили суконную одежду разныхъ цвѣтовъ, — такіе кафтаны назывались жупанами.

Не только казаки, поселяне, но также и старшины брили бороды, оставляя одни усы подобно полякамъ, брили даже головы подобно имъ, оставляя на головѣ лишь небольшой кружокъ изъ волосъ.

Степовики же стригли какъ запорожцы всю голову кругомъ, оставляя надъ лбомъ длинный клочекъ, называемый чуприною.

Жены чиновныхъ лицъ и дочери ихъ встарину одѣвались совершенно такъ же, какъ и крестьянки съ тою лишь разницей, что вмѣсто простыхъ шерстяныхъ полосатыхъ плахтъ (юпокъ) обвертывали себя сверхъ рубахъ шелковыми, подвязывали ихъ богатыми кушаками; передники, такъ называемыя запаски тоже были шелковые Верхняя часть тѣла, кромѣ рубахи, ничѣмъ не покрывалась. Такова была

Дѣвушка мѣщанка.

Дѣвушка крестьянка.

домашняя одежда. Когда же надо было выѣзжать со двора, то надѣвали длинные кафтаны, только не свиты изъ простого бѣлаго сукна, а изъ лучшаго или изъ другихъ какихъ либо богатыхъ матерій, извѣстные подъ названіемъ кунтушей. Замужнія женщины носили на головахъ кораблики, или шапки, изъ бархата и парчи, похожія на корабль; а также—большіе кокошники въ родѣ ярославскихъ, обвитые кисеей съ длинными концами сзади, назывались они кибалками. Дѣвицы ходили съ непокрытыми головами; волосы заплетали въ двѣ косы и обертывали ихъ около головы; въ празд-

ники обвивали косы золотыми или серебряными сѣтками и позументами и спускали ихъ подобно сельскимъ дѣвушкамъ, которыя такимъ же образомъ украшали свои головы лентами, а лѣтомъ цвѣтами. Женщины носили черные сапоги, въ праздничные дни красные съ высокими скобами. На горожанокъ и мѣщанокъ оказывали большое вліяніе польскіе наряды, особенно на жительницъ западной части Малороссіи. Онѣ надѣвали, вмѣсто плахты, юпку со шнуровкой, спереди запаску, а вмѣсто свиты разноцвѣтный или китайчатый кафтанъ съ перехватомъ на бокахъ, называемый жупаномъ. Зимою небогатыя женщины носили длинныя нагольныя шубы, а достаточныя - покрытыя сукномъ или китайкой. На головахъ носили круглыя шапочки, обвернутыя въ бѣлую длинную холстину подобно покрываламъ у монахинь. Сверхъ того мѣщанки украшали головы и шапочками другаго рода, — совершенно круглыми и опушенными соболями...

Война съ Польшей и Швеціей.

Уже съ лѣта 1653 года въ Москвѣ готовились къ войнѣ съ Польшей: снаряжались войска, производились смотры, а 23 октября въ Успенскомъ соборѣ государь объявилъ:

— «Мы, великій государь, положа упованіе на Бога и на Пресвятую Богородицу и на московскихъ чудотворцевъ, посовѣтовавшись съ отцемъ своимъ, съ великимъ государемъ, святѣйшимъ Никономъ патріархомъ, со всѣмъ освященнымъ соборомъ и съ вами, боярами, окольничими и думными людьми, приговорили и изволили идти на недруга своего польскаго короля; воеводамъ и всякихъ чиновъ ратнымъ людямъ быть на нынѣшней службѣ безъ мѣстъ, и этотъ нашъ указъ мы велѣли записать въ разрядную книгу и закрѣпили своею государскою рукою».

Въ началѣ 1654 года одинъ отрядъ за другимъ выступалъ въ походъ. Отпускъ рати на войну совершался съ разными обрядами, которые были въ обычаѣ въ тѣ времена. Вотъ какъ, напримѣръ, справленъ былъ отпускъ отряда кн. Трубецкого. Это было въ воскресенье, 17-го марта. Въ Успенскомъ соборѣ служилъ самъ патріархъ. Присутствовалъ государь съ именитыми ближними боярами; была въ церкви и царица, — стояла на своемъ мѣстѣ за занавѣскою (запоной); налѣво стояли боярскія жены. Соборъ былъ полонъ боярами, стольниками и различными военными чинами, которые должны были идти въ походъ. Послѣ обѣдни служили молебенъ. Патріархъ

благословилъ бояръ и воеводъ, затѣмъ они прикладывались къ образамъ. Царь поднесъ патріарху наказъ воеводамъ, а онъ положилъ его въ кіотъ иконы Владимірской Богородицы, затѣмъ подозвалъ бояръ и воеводъ и сказалъ имъ нѣсколько наставительныхъ словъ:

— «Примите сей наказъ отъ престола Господа Бога... Идите радостно и дерзостно за святыя Божіи церкви, за благочестиваго государя и за всѣхъ православныхъ христіанъ и исполняйте государево повелѣніе безъ всякаго преткновенія»...

Трубецкой принялъ наказъ и поцѣловалъ руки у патріарха. Царь, поддерживаемый двумя боярами, вышелъ изъ церкви и у дверей пригласилъ къ себѣ бояръ и воеводъ «хлѣба ѣсти».

За столомъ государь обратился съ наставительной рѣчью къ воеводамъ,—убѣждалъ, чтобы они творили судъ въ правду и были милостивы. По окончаніи обѣда, когда пѣвчіе пропѣли обычныя молитвы, царь снова обратился съ рѣчью къ боярамъ и воеводамъ, заповѣдалъ имъ, чтобы всѣ ратные люди на первой недѣлѣ Петрова поста обновились св. покаяніемъ и воспріятіемъ тѣла и крови Господней».

Трубецкой отвѣтилъ царю благодарственными словами:

— «О царю пресвѣтлый, премилостивый и премудрый, нашъ государь и отецъ и учитель! ей, насладились мы душевныхъ и полезныхъ учительныхъ словъ!.. Пророкомъ Моисеемъ манна дана была израильскимъ людямъ въ пищу; мы же не только тѣлесною снѣдью напитались отъ твоихъ царскихъ устъ, но и душевною пищею пресладкихъ и премудрыхъ глаголовъ Божіихъ, исходящихъ отъ устъ твоихъ царскихъ, обвеселились душами и сердцами своими. Хотя малодушны мы и маловѣрны, но устремляемся на всякое послушаніе благое, и Богъ помощникъ намъ будетъ»!

Начался отпускъ. Трубецкой, какъ старшій, подошелъ первый къ царской рукѣ; но царь прижалъ его голову къ своей груди. Растроганный воевода со слезами на глазахъ сталъ клаптяться царю въ землю,—поклонился до тридцати разъ... Отпустивъ воеводъ, царь вышелъ въ сѣни Грановитой палаты къ ратнымъ людямъ, жаловалъ ихъ изъ своихъ рукъ бѣлымъ медомъ и говорилъ рѣчь, объяснялъ, за что начинается война и заявилъ, что и самъ онъ идетъ въ походъ... Ратные люди громкими криками выражали свою радость и готовность сложить головы свои за государя своего и всѣхъ православныхъ!» Государь былъ тронутъ до слезъ.

Когда надо было уже выступать въ походъ, то ратные люди проходили мимо дворца подъ переходами, на которыхъ сидѣли царь и патріархъ. Онъ кропилъ проходящее войско святой водой.

Съ такими же благочестивыми обрядами снаряжались въ боевую службу и другія части войска. Самъ царь выступилъ въ походъ съ большими силами 18-го мая.

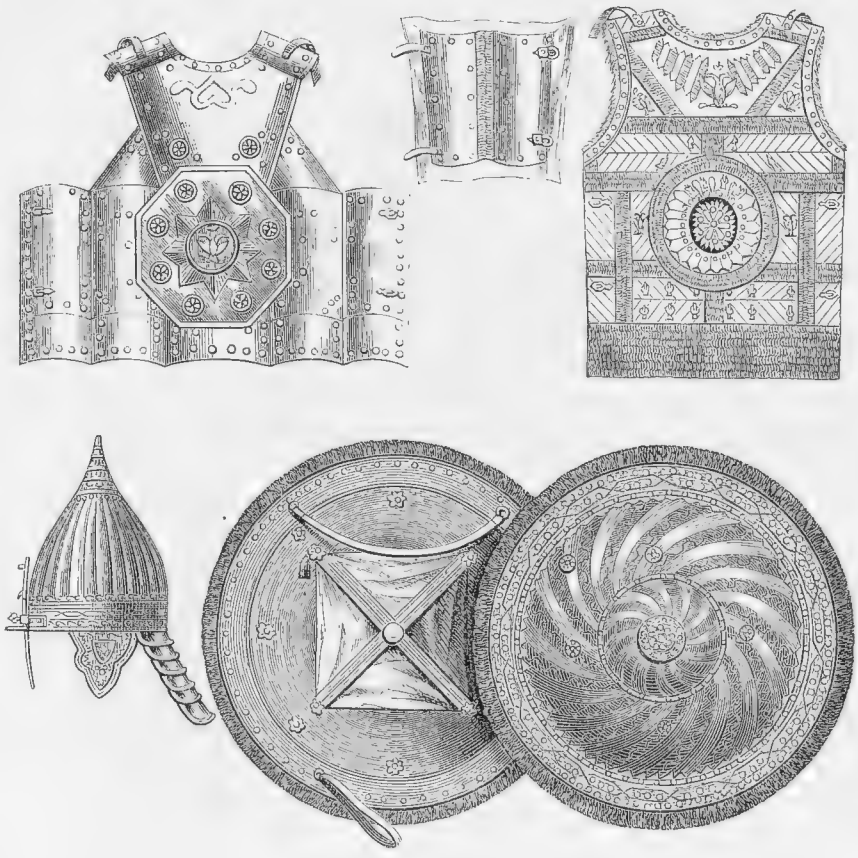
Главную часть рати попрежнему составляли дворяне и дѣти боярскіе (помѣщики), которыхъ требовали на службу только на время войны, причемъ изъ двухъ сыновей брали одного, а другой

Стрѣльцы.

Рядовой. Знаменщикъ. Начальствующія лица.

оставался при семьѣ. Но въ это время все больше и больше значенія пріобрѣтаютъ стрѣльцы (пѣхота), какъ постоянное войско. Они дѣлились на приказы (всѣхъ 20), въ каждомъ около тысячи человѣкъ, подъ начальствомъ головы, полковниковъ, полуголовъ, сотниковъ, пятидесятниковъ и десятниковъ. Кромѣ жалованья, имъ выдавался хлѣбъ; притомъ стрѣльцамъ въ мирное время давали еще

права безпошлинныхъ промысловъ, торговли и проч. Сверхъ того были казаки (конница) изъ украинскихъ городовъ, подъ начальствомъ атамановъ, сотниковъ и эсауловъ. Въ это время при войскѣ былъ уже порядочный «нарядъ» (артиллерія), и при немъ цѣлые отряды пушкарей. Въ составъ рати входили еще рейтары и драгуны; они составляли конницу по европейскому образцу, во-



Охранительное вооруженіе XVII ст.

Латы (зерцала), поручи, шлемъ (ерихонка), щитъ.

оружены были карабинами и пистолетами; упоминаются въ эту пору уже и «солдаты». Европейское военное искусство въ ту пору все болѣе и болѣе проникаетъ въ наше отечество; множество иностранцевъ служило въ русской службѣ; они обучали русскихъ новымъ способамъ и пріемамъ военнаго искусства.

При огнестрѣльномъ оружіи охранительное вооруженіе (щиты, панцыри, шлемы) начинаетъ уже терять и у нашихъ предковъ прежнее

значеніе: оно болѣе служитъ украшеніемъ царей и воеводъ; за то различные виды наступательнаго оружія, — пушки, пищали, ружья, карабины, пистолеты все болѣе и болѣе входятъ въ употребленіе.

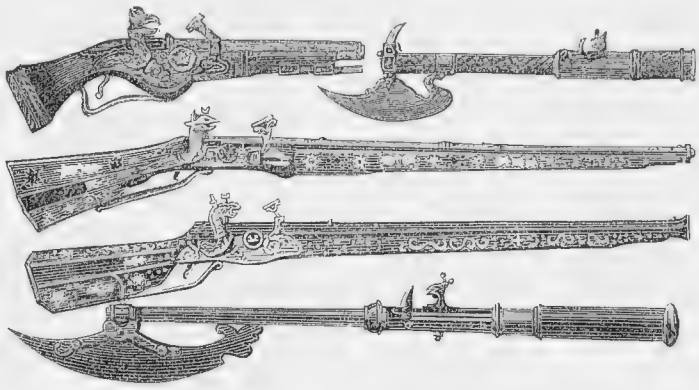
Война началась цѣлымъ рядомъ блестящихъ успѣховъ. Царь уже на пути къ Смоленску сталъ получать одно за другимъ радостныя извѣстія о сдачѣ городовъ русскимъ. 5 іюля государь приступилъ къ Смоленску, и сюда скакали къ нему гонецъ за гонцемъ съ донесеніями о побѣдахъ и взятіи литовскихъ городовъ.

Военачальникъ.

10-го сентября сдался Смоленскъ, а въ слѣдующемъ 1655 году кн. Черкасскій разбилъ литовскаго гетмана и занялъ Вильну, столицу Литвы; взяты были также Ковно и Гродно. На югѣ шли дѣла тоже весьма удачно; здѣсь дѣйствовалъ Хмельницкій съ московскими воеводами; занятъ былъ уже Люблинъ.

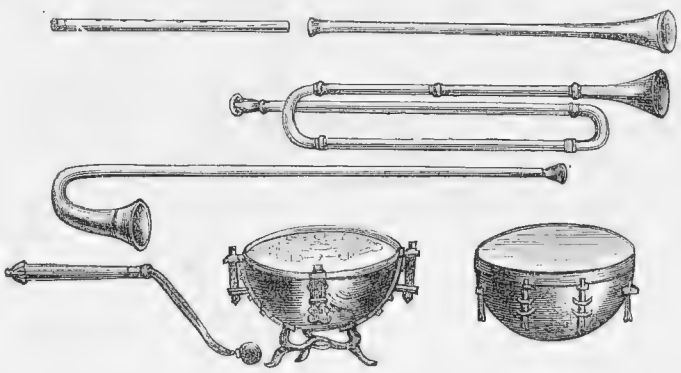
Велики были успѣхи русскаго оружія; но не до радости было царю: въ Москвѣ свирѣпствовала страшная повальная болѣзнь, которая валомъ валила людей!

Польша въ это время находилась на краю гибели. Въ довершеніе всѣхъ ея несчастій въ войнѣ принялъ участіе шведскій король Карлъ X, имѣвшій свои счеты съ нею. Ему было нетрудно теперь одержать верхъ надъ обезсиленной страной; онъ овладѣлъ Познанью, Варшавою, Краковомъ; но эти слишкомъ быстрые и



Ружья и пистолеты XVII ст. (два съ сѣкирами).

блестящіе успѣхи шведовъ, въ ту пору и спасли Польшу. Царь Алексѣй Михайловичъ, конечно, былъ очень недоволенъ этимъ вмѣшательствомъ шведскаго короля какъ разъ въ то время, когда Польша уже была окончательно побѣждена,—вмѣшался онъ словно



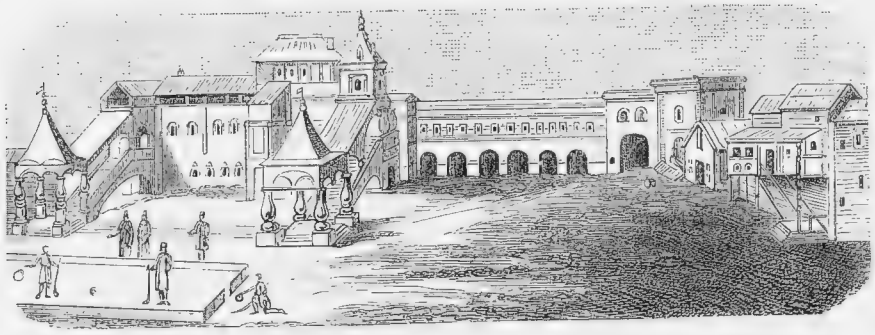
Военные музыкальные инструменты (духовые и ударные).

только для того, чтобы подѣлиться добычей; при томъ для Россіи вовсе невыгодно было, чтобы ея постоянная соперница на сѣверѣ—Швеція усилилась на счетъ Польши. Католическая Австрія тоже совсѣмъ не желала, чтобы сосѣдняя единовѣрная съ нею Польша попала въ руки протестантовъ и схизматиковъ.

Въ концѣ 1655 года прибылъ въ Москву Алегретти, посланникъ императора. Это былъ очень ловкій дипломатъ, способный провести кого угодно; цѣль его была поссорить Россію со Швеціей.

Въ ноябрѣ царь возвращался изъ похода; происходила торжественная встрѣча: патріархъ, окруженный огромнымъ числомъ духовенства, встрѣчалъ государя, который, поддерживаемый боярами, шелъ по городу. При колокольномъ звонѣ и пальбѣ изъ пушекъ, взятыхъ на войнѣ у враговъ, царь дошелъ до Лобнаго мѣста; здѣсь отъ его имени спросили весь толпившійся народъ о здоровьѣ. Толпа, наполнявшая площадь, бросилась на колѣни и кричала государю: «Многія лѣта!».

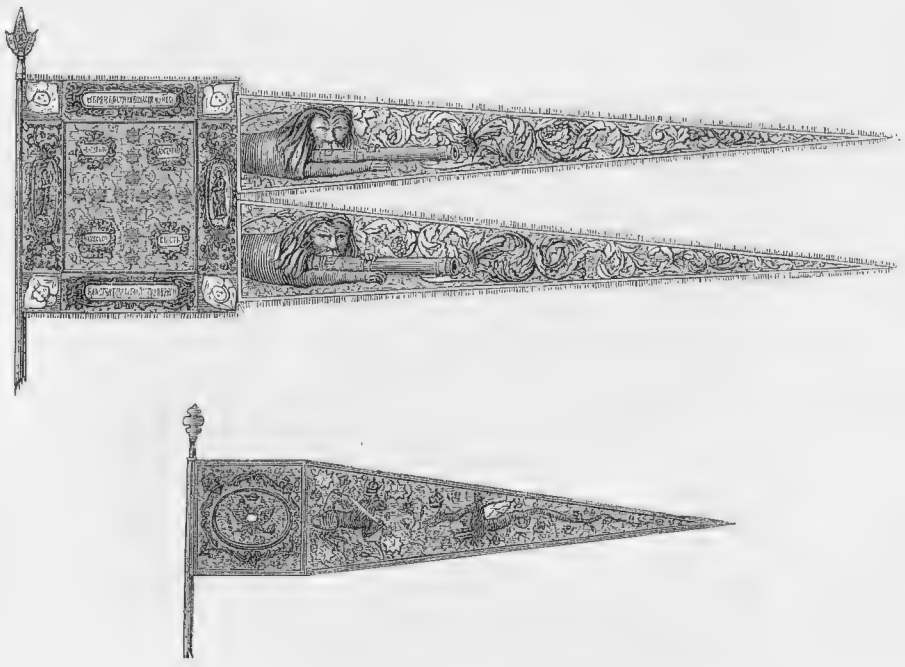
Въ эти торжественные дни, среди празднованія побѣдъ, императорскій посолъ и началъ дѣйствовать: ему нетрудно было убѣ-



Посольскій домъ въ Москвѣ (по Мейербергу).

дить бояръ, что шведскій король питаетъ враждебные замыслы противъ Россіи; что онъ завелъ даже тайныя сношенія съ Хмельницкимъ. Алегретти предлагалъ отъ имени своего государя помочь миру съ Польшей, — намекалъ, что всѣ католическіе государи Европы вступятся за Польшу, если ей будетъ грозить гибель. Всѣ эти доводы и соображенія были весьма вѣроятны, а вражда къ Швеціи у русскихъ и безъ того была довольно сильна, и потому задача императорскаго посла была достигнута. Напрасно шведскій посолъ, жившій съ 1655 года въ Москвѣ безвыѣздно, старался разсѣять недоразумѣнія. Бояре всячески придирались къ нему, явно желая войны,—корили за то, что шведскій король подчинялъ себѣ литовскіе города, раньше доставшіеся царю; а 17 мая 1656 года наконецъ заявили, что мирное докончаніе со стороны шведовъ нарушено. Шведскаго посла перевели изъ почетнаго посольскаго дома на Замоскворѣчье.

Въ 1656 году, въ половинѣ іюля самъ царь двинулся въ походъ на шведовъ. Русская рать вступила въ Ливонію. Сначала дѣло пошло хорошо: въ концѣ іюля былъ взятъ внезапнымъ нападеніемъ Динабургъ; затѣмъ русскіе завладѣли Кокенгаузеномъ. Царь, видимо, разсчитывалъ сохранить всѣ завоеванные города: лишь только занятъ былъ Динабургъ, онъ велѣлъ строить здѣсь церковь св. Бориса и Глѣба и самый городъ назвать Борисоглѣбовымъ; Кокенгаузенъ переименованъ былъ въ Царевичевъ-Дмитріевъ городъ. Но, къ сожалѣнію, на занятіи этихъ двухъ городовъ и еще нѣ-



Прапоръ (знамя) и значокъ.

сколькихъ незначительныхъ мѣстъ и кончились успѣхи русскаго оружія. 23 августа самъ царь осадилъ Ригу; сооружено было шесть батарей и русскіе стали громить городъ и днемъ, и ночью; били городъ въ теченіи цѣлаго мѣсяца, но онъ не сдавался. А въ началѣ октября осажденнымъ посчастливилось сдѣлать удачную вылазку и нанести русскимъ сильный ударъ. Значительная потеря въ людяхъ, осенняя пора, недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ заставили русскихъ отступить. Неудачна была и осада Нотебурга (Орѣшка) и Кекгольма; только Дерптъ (Юрьевъ) былъ занятъ московскимъ отрядомъ. Цѣлый 1657 годъ прошелъ безъ рѣшительныхъ военныхъ

дѣйствій, а въ мелкихъ стычкахъ шведы брали большею частью верхъ. Въ это время московское государство сильно терпѣло отъ внутреннихъ неурядицъ, отъ недостатка денегъ; притомъ начались смуты въ Малороссіи и тянуть дольше войну со Швеціей было трудно. Въ началѣ 1658 года заключено было перемиріе; въ концѣ слѣдующаго года оно было утверждено на 20 лѣтъ (въ м. Валіесарѣ). Москва удержала за собой города, занятые русскими отрядами; но въ 1661 въ Кардисѣ былъ заключенъ вѣчный миръ: царь уступилъ Швеціи всѣ свои завоеванія.

Русское знамя.

Смерть Хмельницкаго и смуты въ Малороссіи.

Извѣстіе, что Москва хочетъ помириться съ Польшею въ то время, когда можно было совсѣмъ покончить ее, поразило Хмельницкаго какъ громомъ. Незадолго передъ тѣмъ поляки дѣлали попытки помириться съ нимъ. Король написалъ ему ласковое письмо, полное льстивыхъ похвалъ, заискивалъ его расположенія. Весною 1656 года прибылъ къ Хмельницкому польскій посолъ и пытался

самыми лестными обѣщаніями склонить его къ миру съ Польшей; но Хмельницкій не поддавался ни на какія уловки; даже прямо высказалъ свое убѣжденіе:

— «Пока въ Польшѣ властвуютъ паны, миру между русскими и поляками не бывать!»

Когда Хмельницкій провѣдалъ, что въ Вильнѣ собираются русскіе и польскіе уполномоченные для заключенія мира (1656 г.), то отправилъ туда и своихъ посланниковъ. Но московскіе послы не допустили ихъ къ совѣщаніямъ, напомнили имъ, что они подданные царя, и Хмельницкому, какъ подданному, не подобаетъ посылать своихъословъ. Это сильно оскорбило казацкихъ посланниковъ. Они, вернувшись къ гетману, въ присутствіи другихъ старшинъ жаловались на свою обиду и разсказывали со словъ поляковъ, будто царь заключаетъ миръ на томъ, чтобы всю Украину снова вернуть подъ власть Польши; будто даже обѣщалъ полякамъ помощь на казаковъ, если они станутъ противиться...

Хмельницкій, услышавъ это, пришелъ, говорятъ, въ изступленіе и въ отчаяніи воскликнулъ:

— «Дітки, — треба отступити отъ царя; пойдемъ туда, куда велитъ намъ Вышній Владыка! Поддадимся бусурманскому государю! (султану).

Но такая нелѣпая мысль могла мелькнуть у Хмельницкаго развѣ только въ минуту отчаянія. Когда онъ одумался и нѣсколько успокоился, онъ написалъ царю письмо, гдѣ умолялъ его не заключать мира съ Польшей:

— «Ляхи, писалъ онъ, — не сдержатъ никогда своего договора; заключили его они только для того, чтобы, немного отдохнувъ, уговориться съ султаномъ турецкимъ, татарами и другими и опять восвать. Если только вправду выбирали Ваше Царское Величество на престолъ, то зачѣмъ посылали ониословъ къ римскому цезарю просить его роднаго брата къ себѣ на престолъ? Мы ни въ чемъ не можемъ вѣрить ляхамъ: мы подлинно знаемъ, что нашему русскому народу они не хотятъ добра. Великій Государь, единый православный царь въ подсолнечной! молимъ тебя снова: не довѣряй ляхамъ, не отдавай православнаго русскаго народа на поруганіе!»

Но въ Москвѣ, какъ сказано выше, въ это время боялись, чтобы Швеція не воспользовалась плодами русскихъ побѣдъ, не усилилась бы на счетъ Польши; при томъ московское правительство не совсѣмъ довѣряло казацкой старшинѣ, и надо сказать, что имѣло на то основаніе: нѣкоторые изъ старшинъ присягали Москвѣ неохот-

но, да и Хмельницкій обнаруживалъ по старой привычкѣ слишкомъ большую склонность къ самовластію. Переговоры о мирѣ съ Польшей и недовѣріе московскаго правительства къ нему сильно огорчали его: онъ опасался въ будущемъ усиленія Польши и прежняго порабощенія Украины.

Въ началѣ 1657 года Хмельницкій безъ вѣдома царя вошелъ въ тайный договоръ съ Карломъ X, шведскимъ королемъ, и седмиградскимъ княземъ Ракочи о раздѣлѣ Польши. Украина по этому договору съ остальными южно-русскими землями признавалась навсегда независимою отъ Польши. Хмельницкій, какъ было условлено, послалъ отрядъ казаковъ на помощь Ракочи. Царь, узнавъ объ этомъ, отправилъ пословъ въ Чигиринъ со строгимъ выговоромъ Хмельницкому.

Но въ эту пору старый гетманъ уже доживалъ свои послѣдніе дни. Долговременная война, постоянныя боевыя тревоги и опасности да горькія неудачи надломили его здоровье; притомъ ему было около шестидесяти лѣтъ. Послѣднія же огорченія, надо думать, окончательно подорвали его силы. Когда прибыли царскіе послы, то онъ едва уже могъ вставать съ постели. Онъ уклонялся отъ дѣлового разговора съ ними, ссылаясь на свою болѣзнь, но они все таки добились своего, и боярин Бутурлинъ въ рѣзкихъ выраженіяхъ передалъ гетману выговоръ за то, что онъ «забывъ страхъ Божій, ссылается съ недругами царя и даже чинитъ имъ вспоможенье безъ воли и повелѣнія великаго государя».

Хмельницкій оправдывался тѣмъ, что до него дошли слухи, будто царь хотѣлъ отдать Украину въ руки полякамъ и послать имъ ратную помощь. Затѣмъ Хмельницкій ссылался на свою вѣрную службу царю еще до подданства, напоминалъ, что онъ не допускалъ крымскаго хана разорять московскую украину, и въ свою очередь корилъ русскихъ бояръ.

— «Великому государю во всемъ воля,—говорилъ онъ,—только диво мнѣ, что бояре ничего добраго ему не посовѣтуютъ: короною польскою еще не овладѣли и мира еще окончательно не заключили, а уже съ другимъ государствомъ, со шведами, войну начали»...

Въ отвѣтъ на это бояре снова укоряли его... На другой день Хмельницкій старался всячески доказать имъ, что необходимо покончить съ Польшей.

— «Будемъ бить ляховъ,—говорилъ онъ,—чтобы ихъ до конца искоренить и не дать имъ соединиться съ другими государствами противъ насъ. Хоть они и выбирали нашего государя на польское

королевство, но это только на словахъ,—на дѣлѣ этого никогда не будетъ!»

Скоро послѣ этого не стало Богдана. Мѣсяца за два до своей смерти онъ, чувствуя упадокъ силъ, созвалъ раду въ Чигиринѣ, чтобы избрали ему преемника. Рада эта осталась въ памяти народа. Старый, уже ослабѣвшій гетманъ трогательно прощался съ товарищами своими.

— «Братья! говорилъ онъ,—если бы я долженъ былъ говорить къ незнающимъ нашихъ плачевныхъ дѣлъ, то не стало бы у меня ни времени, ни силъ, ни словъ... Но вамъ извѣстно, братья, столько же, сколько и мнѣ, какія страшныя угнетенія, гоненія, разоренія, поруганія и мученія терпѣлъ подъ игомъ поляковъ злосчастный русскій народъ, и какъ страдала наша мать, православная восточная церковь, какъ, лишенная своего богослуженія, угнетаемая латинствомъ, стонала она! Наконецъ, посѣтилъ насъ Богъ своею милостью... и возвращено прежнее благочиніе церкви нашей, и освободился отъ тяжкаго и постыднаго рабства русскій народъ. Извѣстно вамъ, съ какими трудами, потерями, бѣдствіями и кровопролитіемъ совершилось это избавленіе».

Далѣе Хмельницкій благодарилъ казаковъ, почтившихъ его изъ браніемъ въ гетманы, выказавшихъ храбрость и единодушіе въ тридцати четырехъ сраженіяхъ съ поляками, венграми, валахами и татарами. Затѣмъ, ссылаясь на старость и слабость, просилъ казаковъ избрать вмѣсто него другого гетмана. «Меня же, милые братья, простите по-христіански, если я по немощи человѣческой кого нибудь огорчилъ или противъ кого изъ васъ погрѣшилъ.»

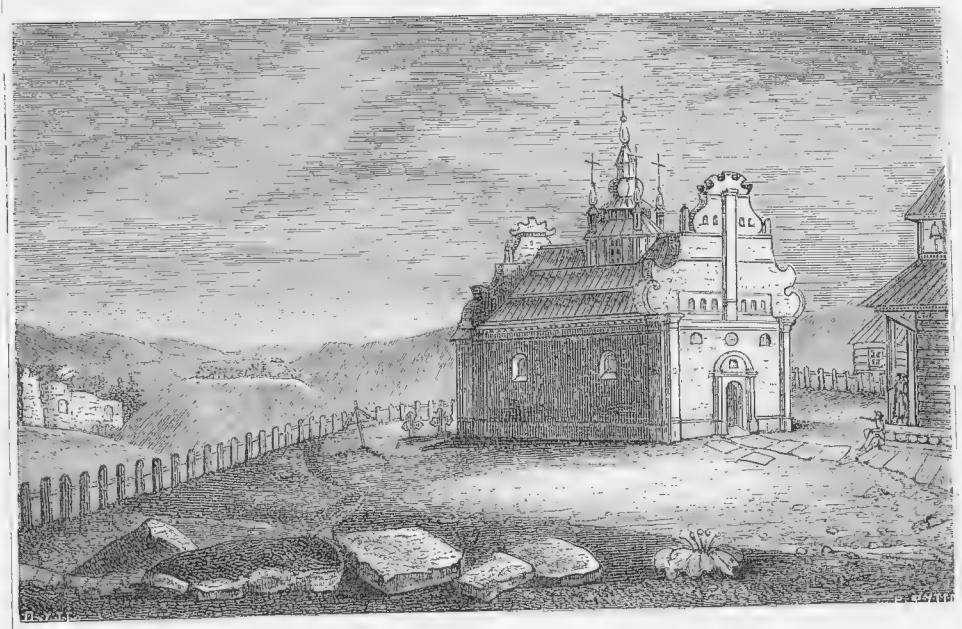
При этомъ Богданъ поклонился собранію и залился слезами. Плакали и всѣ казаки. Нѣсколько оправившись, онъ продолжалъ:

— «Богъ знаетъ, братья, чье это несчастье, что Господь не далъ мнѣ окончить этой войны такъ, какъ бы хотѣлось,—утвердить вольность вашу, а также освободить Волынь, Покутье, Подоль и Полѣсье и такъ избавить оружіемъ нашимъ отъ польскаго ига русскій народъ, принуждаемый къ уніи,—словомъ, всѣ земли, которыми владѣли русскіе князья преклонить подъ высокую руку всероссійскаго царя. Богу угодно было иное. Не успѣлъ я окончить своего дѣла, умираю съ величайшимъ прискорбіемъ; но не знаю, что будетъ послѣ меня. Прошу васъ, братья, пока я живъ, изберите себѣ при моихъ глазахъ, новаго гетмана вольными голосами. Если я буду знать отчасти вашу будущую судьбу, то спокойнѣе сойду въ могилу.»

Помолчавъ немного, Хмельницкій сталъ перебирать по именамъ нѣсколькихъ изъ казацкихъ старшинъ, достойныхъ, по его мнѣнію, гетманской булавы.

— «Нѣтъ, нѣтъ! закричали многіе голоса, — за твои кровавые труды, за твой разумъ и мужество, за то, что ты избавилъ насъ отъ ляхскаго ярма и прославилъ предъ цѣлымъ свѣтомъ... мы должны и по смерти твоей оказывать честь твоему дому. Никто у насъ не будетъ гетманомъ, кромѣ Юрія, твоего сына!»

Богдану понравилось такое вниманіе къ нему; но онъ все же возразилъ, что сынъ его еще слишкомъ молодъ (ему было едва



Церковь въ Субботовѣ, построенная Хмельницкимъ.

шестнадцать лѣтъ), и что въ такое опасное время нуженъ имъ не юноша, а мужъ опытный и искусный. Но Хмельницкому отвѣтили, что сына его окружатъ опытными и разумными совѣтниками, и старикъ имѣлъ слабость согласиться.

Скончался Богданъ въ августѣ 1657 года въ Чигиринѣ. По желанію покойнаго останки его погребли въ Субботовѣ. Народъ, оплакивая своего освободителя, рыданіемъ заглушалъ церковное пѣніе.

«То не черныя тучи ясное солнце заступали,—говорится въ одной украинской думѣ,—не буйные вѣтры въ темномъ лѣсу буше-

вали,—казаки Хмельницкаго погребали, по батькѣ своемъ слезы проливали.»

Но не довелось и праху Богдана успокоиться въ родномъ Субботовѣ. Семь лѣтъ спустя польскій вождь Чарнецкій, опустошая Украину, захватилъ хуторъ и въ дикой злобѣ велѣлъ выкинуть изъ гроба прахъ Хмельницкаго. Но церковь, построенная имъ, гдѣ былъ онъ погребенъ, существуетъ и теперь.

По смерти Богдана Хмельницкаго на Украинѣ поднимаются смуты. Юный сынъ его скоро принужденъ былъ отказаться отъ гетманства; власть попала въ руки ловкаго Ивана Выговскаго, генеральнаго писаря.

Все населеніе Малороссіи распадалось въ это время на посполитыхъ, т. е. крестьянъ-земледѣльцевъ, и казаковъ, обязанныхъ охранять новый порядокъ вещей. Народъ (посполитые) еще при Богданѣ выражалъ свое недовольство на то, что всякія льготы и преимущества даются исключительно казакамъ. Теперь же и въ казацкой средѣ возникло какъ бы два сословія: значныхъ, т. е. старшинъ, богатыхъ казаковъ и шляхтичей, приставшихъ къ казачеству, и простыхъ, на которыхъ первые начинали смотрѣть свысока, называли ихъ казацкою чернью. Выговскій по своимъ взглядамъ и стремленіямъ примыкалъ къ значнымъ казакамъ. Эта партія хотѣла полнаго самоуправленія на Украйнѣ и находила, что союзъ съ Польшей гораздо выгоднѣе, чѣмъ подчиненіе Москвѣ. Именитымъ казакамъ шляхетскіе польскіе порядки были очень по душѣ; но за то другая сторона—народъ и простые казаки преданы были Москвѣ и съ ненавистью смотрѣли на польскіе шляхетскіе порядки. На бѣду, у народа теперь не было разумнаго вожака, а московскіе воеводы, стараясь прибрать къ рукамъ своевольную чернь, нерѣдко возбуждали ея неудовольствіе.

Лишь только Выговскій взялъ въ свои руки гетманскую булаву, тотчасъ и начались неурядицы. Полтавскій полковникъ Мартынъ Пушкарь и запорожцы не хотѣли признать его гетманомъ и прислали въ Москву вѣсть, что гетманъ и полковники замышляютъ измѣну, а вся чернь остается вѣрною государю:

— «Мы, говорили запорожскіе послы, — Выговскаго не хотимъ имѣть гетманомъ;—не вѣримъ ему ни въ чемъ: онъ не природный запорожскій казакъ, а взятъ изъ польскаго войска. Богданъ подарилъ ему жизнь и сдѣлалъ его писаремъ; но онъ войску нашему никакого добра не хочетъ.»

Въ Москвѣ затруднялись, какъ быть: Выговскій жаловался на Пушкаря, какъ на мятежника, а Пушкарь обвинялъ Выговскаго въ измѣнѣ. Наконецъ, дѣло обнаружилось. Выговскій пошелъ на Пушкаря разбилъ и убилъ его. Освободившись отъ соперника, Выговскій заключилъ союзъ съ крымскимъ ханомъ, а въ 1658 году на радѣ въ Гадячѣ рѣшено было заключить съ Польшей договоръ, по которому Украйна подчинялась ей, сохраняя полную независимость во внутреннемъ управленіи. Въ Польшѣ съ радостью принято было извѣстіе о желаніи казацкихъ старшинъ снова соединиться съ нею: поляки на сеймѣ по старому обычаю падавали казакамъ всевозможныхъ обѣщаній, не думая, конечно, исполнять ихъ. Но затѣя Выговскаго не удалась: большинство казаковъ было противъ него и оставалось вѣрнымъ Москвѣ, и ему пришлось начать войну съ непокорнымъ народомъ и казаками. Московскій воевода князь Трубецкой, пришедшій съ войскомъ на помощь казакамъ, сторонникамъ Москвы, былъ лѣтомъ 1659 г. разбитъ подъ Конотопомъ Выговскимъ, показавшимъ большія военныя дарованія. Но когда крымскій ханъ, помогавшій ему, ушелъ изъ Малороссіи, причинивъ ей большое разореніе, то противъ Выговскаго здѣсь выразилось такое негодованіе, что онъ не могъ оставаться гетманомъ; провозглашенъ былъ снова Юрій Хмельницкій, который присягнулъ царю, а Выговскій бѣжалъ въ Польшу.

Смуты въ Малороссіи этимъ не кончились: еще долго здѣсь лилась кровь и шла борьба между польской и московской партіей.

Предсказаніе Богдана, что поляки только для того, чтобъ отвести отъ себя ударъ, пообѣщали признать московскаго царя наслѣдникомъ польскаго престола,—вполнѣ оправдались. Справившись со шведами, выгнавши ихъ изъ своихъ владѣній, поляки и не думали исполнять своихъ обѣщаній,—даже не соглашались уступить Москвѣ всѣ ея завоеванія.—Пришлось русскимъ снова взяться за оружіе; но эта вторая польская война была для Москвы далеко не то, что первая. Военныя дѣйствія начались въ 1658 г.; осенью воевода Юрій Долгорукій разбилъ и даже захватилъ въ плѣнъ литовскаго гетмана, но другой воевода, кн. Хованскій въ іюнѣ 1660 г. потерпѣлъ страшное пораженіе отъ Чарнецкаго. На югѣ дѣла русскихъ были совсѣмъ плохи: Юрій Хмельницкій измѣнилъ и передался королю, а Шереметевъ, московскій воевода, окруженный поляками и татарами подъ Чудновымъ, вынужденъ былъ сдаться и отвезенъ въ Крымъ въ неволю. Въ 1661 году новыя неудачи и бѣды обрушились на рус-

скихъ въ Литвѣ и Бѣлоруссіи: одинъ за другимъ утрачены были города, взятые раньше—Вильна, Гродно, Могилевъ.

Войнѣ не предвидѣлось и конца; тяжкіе налоги и подати становились невыносимы для народа; торговля упала. Не доставало денегъ на жалованье ратнымъ людямъ... Безденежье и страшная дороговизна вызвали мятежъ въ Москвѣ...

Война между тѣмъ продолжалась. Бездарный и вѣроломный Юрій Хмельницкій отказался отъ гетманства; преемникъ его Тетеря присягнулъ королю; но лѣвая отъ Днѣпра сторона Малороссіи держалась Москвы и избрала себѣ въ гетманы на радѣ въ Нѣжинѣ запорожскаго кошеваго Брюховецкаго. Польскія войска въ это время вторглись въ Малороссію и заняли почти всю ее; только городъ Глуховъ своей мужественной обороной задержалъ короля и далъ возможность русскимъ и украинскимъ военнымъ силамъ нѣсколько оправиться.

И Москва, и Польша уже страшно тяготились войной и очень желали прекратить ее; но переговоры о мирѣ долго ни къ чему не приводили. Поляки не шли ни на какія уступки, а русскимъ послѣ тяжкихъ потерь и тратъ на войну отказаться отъ всѣхъ завоеваній и Малороссіи тоже было невозможно. Но когда въ Польшѣ начались внутреннія смуты и возникла опасность со стороны Турціи и Крыма, то они стали податливѣе.

Наконецъ въ 1667 году было заключено перемиріе на тринадцать съ половиною лѣтъ въ деревнѣ Андрусовѣ, близъ Смоленска. Царскому уполномоченному Ордину-Нащокину удалось послѣ долгихъ споровъ съ поляками добиться довольно выгодныхъ для Москвы условій: царь долженъ былъ отказаться отъ Литвы, но пріобрѣталъ за то Смоленскъ, Сѣверскую страну и часть Малороссіи по лѣвую сторону Днѣпра; на правой за Москвою остался Кіевъ на два года. Конечно, не таковы были бы условія мира, еслибъ Швеція не отвлекла царя отъ войны съ Польшей. Не будь этого, вѣроятно, мечты Хмельницкаго исполнились бы,—всѣ русскія земли были бы вырваны изъ польскихъ рукъ, и Малороссія не была бы разорвана на двѣ части.

Благочестивый Алексѣй Михайловичъ, видимо, душевно скорбѣлъ, что приходилось уступать часть православной русской земли и не хотѣлъ допустить и мысли, чтобы отдать всю Малороссію Польшѣ, какъ сначала требовали поляки. Царь въ письмѣ Нащокину такъ выразилъ свою мысль на тогдашнемъ своеобразномъ языкѣ:

«Собакѣ (Польшѣ) недостойно ѣсть и одного куска хлѣба православнаго (Малороссіи); если же оба куска хлѣба достанутся собакѣ

вѣчно ѣсть,—охъ, кто можетъ въ томъ отвѣтъ сотворить? и какое оправданіе пріиметъ отдавшій святый и живый хлѣбъ собакѣ; будетъ ему воздаяніемъ преисподній адъ, прелютый огонь и немилосердыя муки!»

Не смотря на всѣ ошибки Хмельницкаго, сдѣланныя имъ во время борьбы съ Польшей, не смотря на промахи Москвы,—все-таки совершилось великое дѣло: значительная часть русской земли была отнята у поляковъ, а Польшѣ, почти всегда враждебной русскому народу, нанесены были такіе удары, отъ которыхъ оправиться она уже не могла. Съ этихъ поръ окончательное соединеніе всѣхъ русскихъ земель въ одно цѣлое было только вопросомъ времени.

Денежныя затрудненія и смуты въ Москвѣ.

Тринадцать лѣтъ тянулась война; требовала она большаго напряженія силъ и расходовъ, а между тѣмъ Москва была въ тѣ времена вовсе небогата средствами. Торговля и промышленность были въ страшномъ упадкѣ. Кромѣ войны, государство сильно обѣднѣло и обезлюдѣло отъ моровой язвы. Тяжелыя подати удручали народъ; торговые люди терпѣли отъ застоя въ торговлѣ и платежа большихъ налоговъ (особенно пятой деньги). Даже ходячей монеты было въ ту пору очень мало. Серебро привозили въ Россію иностранцы, особенно англичане; при покупкѣ русскихъ товаровъ иностранцы платили своими серебряными деньгами, которыя брались у нихъ на вѣсъ. Пошлина съ иностранныхъ товаровъ собиралась тоже серебромъ. Иностранныя деньги предъявлялись въ Москву правительству, которое ихъ перечеканивало на русскія, или же выставляло только на монетѣ русское клеймо, и деньги въ новомъ видѣ возвращались владѣльцамъ и шли въ оборотъ. При перечеканкѣ правительство пользовалось извѣстной выгодой. (Голландскій ефимокъ, напр., принимался правительствомъ за 42 коп., а перечеканенный шелъ въ 64 копѣйки). Пока шла довольно бойкая торговля съ иноземцами, притокъ серебра не прекращался и особенной нужды въ немъ не чувствовалось. Но въ 1649 году, по настоянію русскихъ торговыхъ людей, англійскіе купцы были высланы изъ внутреннихъ городовъ государства; позволено было имъ торговать только въ Архангельскѣ, причемъ они обязаны были платить обычную пошлину. Кромѣ того, что англійскіе торговцы, пользуясь безпошлинной торговлей, злоупотребляли своими правами и вредили русской торговлѣ, имъ было выставлено на видъ, что они «всею землею учинили боль-

шое злое дѣло, государя своего Карлуса короля убили до смерти» (это случилось во время англійской революціи 1649 г.). Послѣ этого торговля съ Англіей на время прекратилась, и привозъ

Полтина царя Алексѣя.

серебра въ Россію очень уменьшился, а между тѣмъ въ деньгахъ стало сильно нуждаться и само правительство на военныя издержки.

Уже въ 1656 году нечѣмъ было платить жалованье ратнымъ людямъ, и государь, по совѣту, какъ думаютъ, боярина Рти-

Ефимокъ съ русскимъ клеймомъ.

Полуполтина.

Копѣйка царя Михаила.

Копѣйки царя Алексѣя (серебр.).

щева приказалъ пустить въ оборотъ мѣдныя деньги (копѣйки), которыя имѣли бы нарицательную цѣну серебряныхъ. Такъ какъ правительство ручалось за цѣнность ихъ и само выпускало ихъ, то сначала онѣ и пошли въ ходъ наравнѣ съ серебряными. Но чрезъ два

года онѣ стали падать въ цѣнѣ, такъ какъ серебряныхъ денегъ становилось все меньше и меньше въ оборотѣ: болѣе осторожные люди стали ихъ припрятывать, лишь только онѣ попадали къ нимъ въ руки. Кромѣ того, пущено было въ ходъ множество «воровскихъ» (фальшивыхъ денегъ); въ одной Москвѣ выпущено было поддѣльной монеты болѣе, чѣмъ на шестьсотъ тысячъ рублей! Мѣдныя деньги стали падать въ цѣнѣ,—торговцы брали ихъ очень неохотно; цѣны на товары весьма быстро росли. Напрасно правительство издавало указы, чтобъ никто не смѣлъ поднимать цѣну на товары, чтобы мѣдныя деньги всѣми принимались въ одну цѣну съ серебряными. Прибѣгали къ жестокимъ казнямъ: дѣлателямъ воровскихъ денегъ отсѣкали руки и прибивали ихъ на показъ къ стѣнѣ денежнаго двора; заливали горло растопленнымъ оловомъ. Ничто не помогало! Мѣдныя деньги упали лѣтомъ 1662 года такъ въ цѣнѣ, что ихъ давали на восемь рублей за рубль серебра... Дороговизна на жизненные припасы поднялась такая, что бѣднымъ стало трудно жить; особенно терпѣли, конечно, рабочій и служилый людъ, жившіе жалованьемъ.

Весною 1662 года послѣ Пасхи чернь въ Москвѣ стала волноваться; носились слухи, что собирается гроза на боярина Илью Даниловича Милославскаго, гостя Шорина, и нѣкоторыхъ другихъ, которыхъ винили въ перемѣнѣ въ денежномъ дѣлѣ ради собственной корысти.

25-го іюля въ Москвѣ вспыхнуло народное волненіе. Кто-то приклеилъ къ столбу на видномъ мѣстѣ письмо, гдѣ винили Милославскихъ, окольничаго Ртищева и Шорина. Приказные люди сорвали это письмо; тогда толпа зашумѣла.

— «Вы везете письмо къ измѣнникамъ; государя на Москвѣ нѣтъ, а письмо надобно всему міру».

Письмо силою отобрали у приказныхъ; стали его во всеуслышаніе читать... Дѣло кончилось тѣмъ, что въ толпѣ раздались крики: «къ царю идти требовать, чтобъ царь выдалъ виновныхъ бояръ на расправу», и затѣмъ чернь въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ повалила въ Коломенское село.

Государь былъ въ церкви въ то время, какъ подошла толпа. Увидѣвъ изъ окна вдали множество людей, хотя безоружныхъ, но шедшихъ съ крикомъ и шумомъ, среди котораго можно было разобрать имена Милославскихъ и Ртищева, царь приказалъ этимъ боярамъ скрыться въ покояхъ царицы и царевенъ, которыя сидѣли у себя ни живы, ни мертвы отъ страха, а самъ вышелъ на крыльцо къ шумящей толпѣ. Ему поднесли въ шапкѣ письмо, говоря:

— «Изволь, великій государь, вычесть письмо предъ міромъ, а измѣнниковъ привесть передъ себя».

— «Ступайте домой,— отвѣчалъ имъ царь,—какъ только отойдетъ обѣдня, я поѣду въ Москву и учиню сыскъ въ томъ дѣлѣ и указъ».

Ласковая рѣчь царя нѣсколько успокоила бушующую чернь.

— «А чему намъ вѣрить?» кричали нѣкоторые.

Царь обѣщалъ имъ Богомъ и даже на своемъ словѣ протянулъ руку; тогда одинъ изъ толпы ударилъ съ государемъ по рукамъ. Послѣ того всѣ спокойно отправились назадъ въ Москву. Хотя у государя и было войско, но онъ не велѣлъ никого трогать.

Въ это время въ Москвѣ толпа гилевщиковъ (мятежниковъ) разграбила домъ Шорина, и, не смотря на увѣщанія боярина присланнаго царемъ, двинулась въ Коломенское съ криками, что они знаютъ виновниковъ. Возвращавшаяся отъ царя толпа пристала къ нимъ и вмѣстѣ отправились въ Коломенское. Царь уже садился на коня, чтобы ѣхать въ Москву, когда нахлынула къ нему мятежная чернь.

— «Выдай измѣнниковъ! кричала толпа.»

— «Я государь,— отвѣчалъ царь, мое дѣло сыскать и наказанье учинить, а вы ступайте по домамъ!»

Но крики продолжались.

— «Не дай погибнуть попапрасну!» кричали одни.

— «Буде добромъ не отдашь, — кричали другіе, мы станемъ брать ихъ сами, по своему обычаю!»

Эти дерзкія требованія вывели наконецъ царя изъ терпѣнія; онъ велѣлъ стрѣльцамъ бывшимъ при немъ и боярамъ ударить на толпу; мятежники обратились въ бѣгство и множество ихъ было перебито; нѣкоторые были казнены....

Въ Москвѣ волненіе стихло; но жалобы на мѣдныя деньги продолжались... Мѣдный рубль цѣнился уже въ 15 разъ меньше серебрянаго. Наконецъ изданъ былъ указъ, по которому употребленіе мѣдныхъ денегъ вмѣсто серебряныхъ отмѣнялось; выпущено было правительствомъ въ оборотъ серебро въ значительномъ количествѣ; но все таки государство долго не могло послѣ того оправиться отъ сильнаго денежнаго разстройства...

Царь Алексѣй Михайловичъ.

Царствованіе Алексѣя Михайловича было страшно тяжелой порой для русскаго государства: долгая и трудная война, постоянныя

внутреннія смуты и безпорядки, безденежье, — вотъ что представляетъ это время; а между тѣмъ до тѣхъ поръ еще не бывало въ Москвѣ такого государя, какъ Алексѣй Михайловичъ. Добродушный, ласковый, привѣтливый ко всѣмъ, онъ получилъ не даромъ прозвище «тишайшаго». Если по вспыльчивости и случалось ему кого-либо обидѣть, или по склонности къ веселью и шуткѣ жестко пошутить надъ кѣмъ нибудь, то онъ старался загладить обиду, смягчить не-

Царь Алексѣй Михайловичъ (по Мейербергу).

ловкую выходку... Въ тѣ грубыя времена эта мягкость права и доброта въ человѣкѣ, облеченномъ высшей властью, были большой рѣдкостью. Напримѣръ, вотъ что пишетъ близкому человѣку самъ царь объ одной своей забавѣ во время пребыванія въ Коломенскомъ селѣ. «Извѣщаю тебя, што тѣмъ утѣшаюся, што стольниковъ купаю еже утръ въ прудѣ... кто не поспѣетъ къ моему смотру, такъ того и купаю, да послѣ купанія жалую, зову ихъ ежеденъ, у меня купальщики тѣ ядять вдоволь, а иные говорятъ: мы де нарокомъ не

поспѣемъ, такъ де и насъ выкупаютъ да за столъ посадятъ; многіе нарокомъ не поспѣваютъ»... (Дѣло было зимой). Изъ этого видно, что шутка царя, на нашъ взглядъ довольно тяжелая, нисколько не обижала его приближенныхъ, потому что онъ смягчалъ ее своей лаской. Такъ бывало и въ другихъ случаяхъ.

Добродушіе царя особенно сказывалось въ домашней жизни: онъ былъ прекраснымъ семьяниномъ и жилъ со своей супругой Маріей Ильинишной душа въ душу. Онъ былъ изъ тѣхъ людей, которые

Царица Марія Ильинишна (по рисунку Мейерберга).

хотятъ, чтобы не только у нихъ, но и у всѣхъ близкихъ было на душѣ свѣтло и радостно.

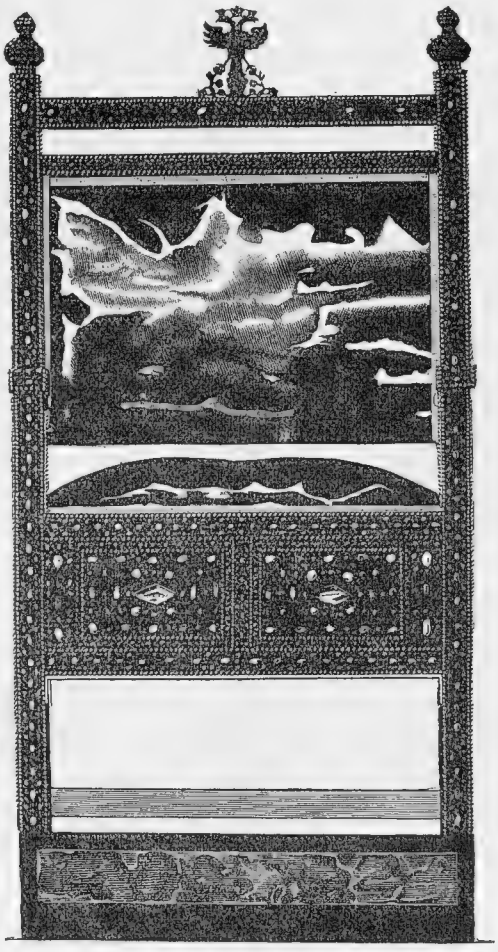
Чувство изящнаго у него было тоже сильно: онъ любилъ свое Коломенское село за красивое мѣстоположеніе; любилъ до страсти пышные обряды. Царскіе выходы въ церковь, церемоніи во время большихъ праздниковъ, пріемы иноземныхъ пословъ и своихъ бояръ,—все это совершалось при царѣ Алексѣѣ по строго установленному чину и гораздо торжественнѣе и пышнѣе, чѣмъ прежде.

Вся жизнь царя представляла какъ бы стройный обрядъ. Разныя подробности церемоній или церковной службы занимали его порою не менѣе, чѣмъ государственныя дѣла. Набоженъ и благочестивъ былъ онъ въ высшей степени, любилъ читать священныя книги, проводилъ каждый день часовъ по пяти въ церкви, клалъ усердно поклоны, посты соблюдалъ очень ревностно. «Великимъ постомъ, говоритъ одинъ современникъ, царь Алексѣй обѣдалъ только три раза въ недѣлю, а именно: въ четвертокъ, субботу и воскресенье, въ

Царь и приближенные бояре.

остальные же дни кушалъ по куску чернаго хлѣба съ солью, по соленому грибу или огурцу... Рыбу онъ ѣлъ только два раза въ великій постъ и соблюдалъ всѣ семь недѣль поста... Сверхъ обычныхъ постовъ, онъ ничего мясного не ѣлъ по понедѣльникамъ, средамъ и пятницамъ,—однимъ словомъ, ни одинъ монахъ не превзойдетъ его въ строгости постничества». До свѣту, часа въ четыре утра вставалъ онъ съ постели; начиналось утреннее моленіе, поклоненіе иконѣ того святаго, память котораго чтилась въ тотъ день, чтеніе какого нибудь назидательнаго слова; затѣмъ происходило шествіе къ за-

утренѣ. Послѣ того приходили бояре, били челомъ государю, вели разговоръ о дѣлахъ и всѣ за царемъ шли къ обѣднѣ; въ праздники царскіе выходы были торжественнѣе, пышнѣе и съ соблюденіемъ извѣстнаго чина; смотря по празднику, одѣвалась и различная одежда, болѣе или менѣе пышная. Послѣ обѣдни царь занимался дѣлами:



Тронъ царя Алексѣя Михайловича.

читались доклады и челобитныя; въ извѣстные дни происходили засѣданія боярской думы. По полудни дѣла оканчивались и слѣдовалъ царскій обѣдъ. Послѣ обѣда царь спалъ до вечерни; затѣмъ шелъ къ вечернѣ, послѣ которой проводилъ время уже въ своемъ домашнемъ кругу, игралъ въ шахматы или слушалъ разсказы бывалыхъ людей о различныхъ диковинахъ въ чужихъ краяхъ... Такъ обык-

повенно шла ровно, чинно и благочестиво царская жизнь; она служила образцомъ и для бояръ.

Видоизмѣнялся нѣсколько этотъ строй жизни только въ большіе праздники да во время пріемовъ важныхъ иноземныхъ посольствъ. Рождество, Крещеніе, Вербное воскресенье и Пасха — вотъ важнѣйшіе праздники, когда церковныя службы, церемоніи и всѣ обряды царской жизни совершались особенно великолѣпно. Предъ большими

Рынды.

праздниками царь раздавалъ милостыню, посѣщалъ заключенныхъ, выкупалъ должниковъ, прощалъ преступниковъ... Всѣ русскіе люди въ то время считали своею обязанностью творить въ праздничные дни разныя благодѣянія и богоугодныя дѣла. Къ сожалѣнію, это нерѣдко обращалось лишь въ одинъ обрядъ.

Алексѣй Михайловичъ дорожилъ царскимъ величіемъ: оно, соединенное съ блескомъ и пышностью, плѣняло его; на выходахъ его сопровождали бояре, разные придворные чины и рынды въ ихъ

роскошныхъ уборахъ. Всѣхъ иноземцевъ поражало величіе московскаго двора.

«Дворъ московскаго государя, говоритъ современный англійскій писатель Карлейль, посѣщавшій Москву, такъ красивъ и держится въ такомъ порядкѣ, что едва-ли найдется хоть одинъ изъ всѣхъ христіанскихъ монарховъ, который превосходилъ бы въ этомъ московскаго. Все сосредоточивается около двора. Подданные, пораженные его блескомъ, пріучаются благоговѣть предъ нимъ»...

Въ лицѣ Алексѣя Михайловича, казалось, соединились многія лучшія свойства русскаго человѣка, и онъ являлся какъ бы представителемъ русскаго добродушія, мягкости и набожности. Но, не смотря на все доброжелательство царя, не смотря на прекрасныя свойства души,— онъ не могъ сдѣлать счастливымъ свой народъ, водворить въ государствѣ порядокъ и благоустройство. Онъ полагалъ, что можно достигнуть всего этого, сохраняя старый строй жизни, и слишкомъ былъ довѣрчивъ къ людямъ, и при томъ крайне податливъ; а многіе этимъ-то и пользовались: честныхъ людей, хорошихъ совѣтниковъ и прямыхъ слугъ было у него мало; а людей, сколько нибудь образованныхъ и проницательныхъ государственныхъ дѣятелей еще меньше. Этимъ и надо объяснить, почему въ это время мы видимъ столько бѣдъ и неурядицъ въ московскомъ государствѣ...

Царь Алексѣй по своей мягкой природѣ постоянно нуждался въ совѣтникахъ; онъ всѣмъ сердцемъ привязывался къ людямъ, близко стоявшимъ къ нему, легко поддавался ихъ вліянію. Такимъ близкимъ лицомъ въ началѣ царствованія былъ бояринъ Морозовъ, а потомъ патріархъ Никонъ.

Возвышеніе Никона.

Въ 1605 году, въ маѣ мѣсяцѣ, у крестьянина Мины въ селѣ Вельемановѣ близъ Нижняго Новгорода родился сынъ, названный при крещеніи Никитою. Рано лишился ребенокъ своей матери; отецъ женился во второй разъ, и маленькому Никитѣ пришлось вынести много страха и горя отъ мачихи. Не даромъ говоритъ пословица: «мачиха въ дому, что медвѣдь въ лѣсу»,—не взлюбила она своего пасынка, сильно бранила, била его, держала впроголодь, даже извести хотѣла. Отецъ вступался за сына, ссорился съ женою, но та потомъ вымещала съ лихвою свою злобу на Никитѣ. Когда онъ подросъ, отецъ отдалъ его къ причетнику учиться читать. Грамота далась способному мальчику легко, и онъ полюбилъ чтеніе церковныхъ книгъ; но, вернувшись домой, сталъ было забывать грамоту; а между тѣмъ его

сильно привлекала монастырская жизнь... Наконецъ, тайкомъ отъ отца, онъ бѣжалъ изъ дому въ обитель Макарія Желтоводскаго; здѣсь его приняли на жительство, и онъ, ежедневно посѣщая церковь, вполнѣ освоился съ церковной службой, чтеніемъ и пѣніемъ. По просьбѣ отца Никита вернулся домой; затѣмъ женился и нашелъ себѣ мѣсто причетника въ одномъ людномъ селѣ; здѣсь скоро онъ сдѣлался священникомъ. Недолго пробылъ онъ тутъ: московскіе купцы, узнавши о его начитанности и благочестіи, уговорили его перейти въ Москву. Никита имѣлъ троихъ дѣтей, но они всѣ умерли въ дѣтствѣ одинъ за другимъ. Это сильно поразило его, — онъ, какъ видно, увидѣлъ въ этомъ указаніе свыше, что ему не надо было уклоняться отъ ранняго влеченія къ монастырю; уговорилъ жену постричься, а самъ удалился на Бѣлое море, въ Анзерскій скитъ (на островѣ въ 20 верстахъ отъ Соловецкаго монастыря) и постригся тамъ подъ именемъ Никона. Тогда было ему еще 30 лѣтъ.

Въ Анзерскомъ скиту жизнь была суровая. Братія (12 человѣкъ) жила по отдѣльнымъ избамъ, стоявшимъ въ далекомъ разстояніи одна отъ другой; иноки вели, стало быть, жизнь пустынниковъ; только разъ въ недѣлю, въ субботу вечеромъ, они сходились въ церкви. Богослуженіе шло всю ночь. Прочитывался весь псалтырь; а съ наступленіемъ дня совершалась литургія, затѣмъ иноки расходились по своимъ избамъ.

Не поладивъ съ игуменомъ, Никонъ перешелъ въ Кожеозерскую пустынь. Онъ по своему нраву не любившій жить съ другими, удалился отъ обители и сталъ жить отшельникомъ на особомъ островѣ, занимаясь рыболовствомъ. Чрезъ нѣсколько времени въ Кожеозерской обители скончался игуменъ, и братія избрала на его мѣсто Никона.

На третій годъ послѣ этого, въ 1646 г. онъ долженъ былъ ѣхать въ Москву по дѣламъ своего монастыря. Настоятели монастырей, пріѣзжая въ столицу, обязаны были являться къ царю. Представился ему Никонъ и произвелъ очень сильное впечатлѣніе на него. Видный собою игуменъ, съ его умной и рѣшительной рѣчью пришелся очень по сердцу царю. Онъ пожелалъ, чтобы Никонъ остался въ Москвѣ, и его посвятили въ санъ архимандрита Новоспасскаго монастыря. Здѣсь была родовая усыпальница Романовыхъ; набожный государь часто пріѣзжалъ сюда, бесѣдовалъ съ Никономъ и все сильнѣе и сильнѣе сближался съ нимъ. Бесѣды и внушенія краснорѣчиваго архимандрита глубоко западали въ душу царя; по желанію его, Никонъ долженъ былъ каждую недѣлю являться во дворецъ для духовной бесѣды. Не разъ онъ просилъ у государя за притѣс-

ненныхъ и обиженныхъ, за вдовъ и сиротъ, и такимъ образомъ давалъ ему случай возстановлять нарушенную правду, творить истинно христіанскія добрыя дѣла. Это пришлось очень по душѣ добродушному государю, и онъ далъ Никону порученіе принимать просьбы отъ всѣхъ, кому нужно было найти управу на обиды, кто нуждался въ царскомъ милосердіи. Съ этихъ поръ Никона осаждали просители и въ монастырѣ, и на пути, когда онъ ѣздилъ къ царю; всѣ знали, что всякая правая просьба чрезъ Никона дойдетъ до государя и скоро будетъ исполнена. Ни для кого въ Москвѣ уже не было тайной, что Никонъ—близкій царю человѣкъ...

Въ 1648 году, когда новгородскій митрополитъ Аѳоній по дряхлости удалился на покой, на его мѣсто былъ посвященъ Никонъ. Это было очень важное повышеніе: новгородскій владыка считался вторымъ лицемъ послѣ патріарха.

Въ Новгородѣ Никонъ выказалъ и свою необычайную твердость воли, и заботливость о церковныхъ порядкахъ. Какъ извѣстно уже, мятежъ въ Новгородѣ 1650 года былъ скоро усмиренъ только благодаря мужеству и самоотверженію Никона. Когда воевода, которому грозила смерть, скрылся у митрополита во дворѣ, мятежники съ дубьемъ и каменьями ворвались туда. Никонъ вышелъ унимать ихъ.

— «Дѣти,—говорилъ онъ,—зачѣмъ пришли ко мнѣ съ оружіемъ? я всегда былъ съ вами, и теперь не скрываюсь. Я—пастырь вашъ и готовъ душу свою положить за васъ»!

Разсвирѣпѣвшая толпа съ крикомъ, что онъ укрываетъ измѣнниковъ, кинулась на него,—и онъ упалъ подъ ударами... Злодѣи ужаснулись, думая, что убили его, и разбѣжались .. Никона, едва дышущаго, отнесли въ келью. Когда онъ пришелъ въ чувство, то ни о чемъ больше не думалъ, какъ объ укрощеніи мятежа; приготовился къ смерти, исповѣдался, причастился и велѣлъ везти себя на саняхъ въ скопище мятежниковъ.

Кровь текла у него, по словамъ очевидца, изо рта и ушей, но онъ, собравшись съ послѣдними силами, обратился къ мятежной толпѣ съ увѣщаніемъ:

— «Дѣти! говорилъ онъ,—я всегда проповѣдывалъ правду безъ страха... Ничто земное не страшитъ меня, я укрѣпился Святыми Тайнами и готовъ умереть. Я, какъ пастырь, пришелъ спасти васъ отъ духа вражды и несогласія. Успокойтесь!—лишите меня жизни, если знаете какую либо вину или неправду мою противъ царя и государства! Я готовъ умереть съ радостью; но обратитесь къ вѣрѣ и повиновенію»!

Кроткая и вмѣстѣ съ тѣмъ твердая рѣчь владыки, только что предъ тѣмъ едва не погибшаго отъ безумной злобы, образумила мятежниковъ,—они разошлись. Никонъ послѣ этого въ соборѣ предалъ проклятію вожаковъ возстанія.

Когда послѣ того толпы раскаявшихся мятежниковъ приходили къ владыкѣ молить его о томъ, чтобы онъ испросилъ имъ царское прощеніе,—онъ явился ходатаемъ за своихъ обидчиковъ.

Твердость и самоотверженіе его поразили царя. Въ своей грамотѣ государь называетъ его «новымъ страстотерпцемъ и мученикомъ». Царь въ своихъ письмахъ, казалось, не находилъ словъ, чтобы выразить свое уваженіе и любовь къ Никону, величалъ его «великимъ сіяющимъ солнцемъ», «крѣпкостоятельнымъ пастыремъ», «милостивымъ, кроткимъ, милосердымъ», «возлюбленникомъ своимъ и содружебникомъ» и т. д. И дѣйствительно, Никонъ былъ настоящимъ духовнымъ пастыремъ и благодѣтелемъ для новгородцевъ: во время страшнаго голода онъ ежедневно кормилъ народъ, выстроилъ четыре богадѣльни. Царь совѣщался съ нимъ и далъ ему большія полномочія, такъ что онъ не только церковныя дѣла вѣдалъ въ Новгородѣ, но былъ здѣсь настоящимъ правителемъ... Это, конечно, многимъ боярамъ не нравилось,—они уже въ эту пору завидовали царскому любимцу и злобились на него.

Началъ Никонъ заводить и новые порядки въ церковномъ обиходѣ. Въ церковную службу вкралось много разныхъ погрѣшностей и дурныхъ обычаевъ. Изъ нихъ два обратили на себя вниманіе Никона—это «многогласіе» и дурное церковное пѣніе.

Церковныя службы многимъ священникамъ казались слишкомъ длинными и утомительными, а опускать что либо, утвержденное уставомъ, считалось тяжкимъ грѣхомъ,—вотъ и надумались они совершать богослуженіе разомъ въ нѣсколько голосовъ: одинъ читалъ, другой пѣлъ, третій говорилъ эктенію, четвертый—возгласы и т. д. Выходила такая путаница звуковъ, что почти ничего нельзя было разобрать... Уже на Стоглавомъ соборѣ вооружались противъ этого нелѣпаго обычая, но все таки онъ держался въ прежней силѣ.—Другое зло, обратившее на себя вниманіе Никона, было дурное церковное пѣніе: поющіе растягивали слова иногда до крайности, вставляли гласные звуки вмѣсто полугласныхъ, прибавляли новыя, переносили произвольно ударенія, — такъ что порой рѣшительно нельзя было разобрать словъ, напр. вмѣсто «Спасъ», «во мнѣ» въ пѣніи выходило «Сопасо», «во монѣ» и т. п.

Вступивъ на новгородскую каѳедру, Никонъ строго запретилъ

«многогласіе» во всѣхъ новгородскихъ церквахъ и ввелъ благолѣпное церковное пѣніе. Каждую зиму онъ ѣздилъ въ Москву и обыкновенно привозилъ съ собою своихъ пѣвчихъ. Царю, у котораго была большая склонность ко всему изящному, очень полюбилось благозвучное пѣніе новгородскихъ пѣвчихъ, и онъ ввелъ его и въ своей придворной церкви, не смотря на то, что патріарху московскому Іосифу было несовсѣмъ по душѣ это новшество.

Въ 1651 году, 9 февраля, царь въ свои палаты призвалъ патріарха, митрополитовъ и архіепископовъ и здѣсь было постановлено, чтобы во всемъ московскомъ государствѣ по церквамъ и монастырямъ пѣли чинно, безмятежно и единогласно, псалмы и псалтырь говорили въ одинъ голосъ и неспѣшно, со всякимъ вниманіемъ и т. д. Царя очень занимала мысль водворить повсюду въ русскихъ церквахъ благочинніе и хорошее пѣніе.

Но даже и эти незначительныя перемѣны вызывали неудовольствія въ закоренѣлыхъ приверженцахъ старины. Уже тогда доходило до царя, что одинъ священникъ, стоявшій за прежніе церковные порядки, корилъ другаго, приверженца новины, говоря: —«Заводите вы, ханжи, новую ересь, единогласное пѣніе!»

Въ началѣ 1652 года благочестивому царю пришла мысль (вѣроятно, была внушена ему Никономъ) перенести въ Московскій Успенскій соборъ мощи трехъ бывшихъ московскихъ святителей, пострадавшихъ отъ мірскихъ властей за правду, за вѣру и отечество: митрополита Филиппа изъ Соловецкаго монастыря, патріарха Іова изъ Старицы и патріарха Гермогена изъ Чудова монастыря.

Въ Соловки за мощами Св. Филиппа былъ посланъ Никонъ съ нѣсколькими духовными лицами и боярами; онъ везъ любопытную «молебную грамоту» отъ царя къ святителю Филиппу. Въ ней находимъ между прочимъ слѣдующія слова:

«Ничто столько не печалитъ души моей, пресвятый владыко, какъ то, что ты не находишься въ нашемъ богохранимомъ царствующемъ градѣ Москвѣ, въ св. соборной церкви Успенія Пресвятой Богородицы, вмѣстѣ съ бывшими до тебя и по тебѣ святителями, чтобы, ради вашихъ совокупныхъ молитвъ, всегда неподвижно пребывала св. соборная и апостольская церковь и вѣра Христова, которою спасаемся. Молю тебя, приди сюда и разрѣши согрѣшеніе прадѣда нашего, царя и великаго князя Іоанна, совершенное противъ тебя неразсудно, завистью и несдержанною яростію. Хотя я и неповиненъ въ досажденіи тебѣ, но гробъ пра-

дѣда приводитъ меня въ жалость, что ты со времени изгнанія твоего и доселѣ пребываешь вдали отъ твоей святительской паствы. Преклоняю предъ тобою санъ мой царскій за согрѣшившаго противъ тебя, да отпустишь ему согрѣшеніе его своимъ къ намъ пришествіемъ, и да упразднится поношеніе, которое лежитъ на немъ, за изгнаніе тебя. Молю тебя о семъ, о священная глава, и преклоняю честь моего царства предъ твоими честными мощами, повергаю на умоленіе тебя всю мою власть»...

На грамотѣ собственной рукой государя было подписано:

«О священное главо, Святый Владыко Филиппе, пастырю нашъ! молимъ тя, не презри нашего грѣшнаго моленія, пріиди къ намъ съ миромъ! Царь Алексѣй желаю видѣти тя и поклонитися мощамъ святымъ»...

Въ то время, когда Никонъ ѣздилъ въ Соловки, въ Москвѣ произошло важное событіе: скончался патріархъ Іосифъ.

Царь писалъ объ этомъ Никону, величая его «наперстникомъ Христовымъ, рачителемъ словесныхъ овецъ», своимъ «собинымъ другомъ душевнымъ и тѣлеснымъ,» и приглашалъ его скорѣе вернуться для выбора новаго патріарха. Затѣмъ царь прислалъ Никону весьма обстоятельное описаніе кончины патріарха, при которой самъ находился. Подробно и живо описываетъ онъ всѣ обряды, совершенные при этомъ. Особенно поразило Алексѣя Михайловича, что при соборованіи умирающій, по его словамъ, «началъ гораздо быстро смотрѣть на лѣвую сторону, гдѣ масло освѣщаютъ, да почалъ съ краю того жатья къ стѣнѣ... и я, говоритъ царь, узналъ, что онъ видѣніе видитъ. Не упомню, гдѣ я читалъ: предъ разлученіемъ души отъ тѣла видитъ человѣкъ вся своя добрыя и злыя дѣла, и молвилъ я отцу его духовному: «видитъ отецъ нашъ нѣкакое видѣніе»... Откровенно и очень живо разсказывалъ юный царь въ своемъ письмѣ о томъ подавляющемъ впечатлѣніи, какое на него произвелъ разлагавшійся трупъ покойника патріарха. «Такой страхъ на меня нашелъ, пишетъ царь, что я едва съ ногъ не свалился, и мнѣ пріиди такое помышленіе отъ врага: побѣги де ты вонъ, тотчасъ де тебя вскоча удавитъ; а насъ только я да священникъ тотъ, который псалтырь говоритъ; и я, перекрестясь, взялъ за руку его свѣта (покойнаго) и сталъ цѣловать, а въ умѣ держу то слово: отъ земли созданъ и въ землю идетъ, чего боятся»?

Въ этомъ же посланіи царь между прочимъ повторяетъ Никону свою просьбу, чтобы онъ скорѣе возвращался, при чемъ наме

кается, что ужъ у него намѣченъ преемникъ покойному патріарху... «Ожидаемъ тебя, великаго святителя, къ выбору, а сего мужа три человѣка вѣдаютъ: я да казанскій митрополитъ да отецъ мой духовный... а сказываютъ святъ мужъ.»

Этотъ «святъ-мужъ» былъ, конечно, не кто иной, какъ «собинный другъ царя» самъ Никонъ.

2-го іюля мощи св. Филиппа были привезены въ Москву и съ великимъ торжествомъ положены въ Успенскомъ соборѣ.

На соборѣ святителей, съѣхавшихся въ Москву для избранія патріарха, избранъ былъ въ угоду царю, конечно, Никонъ. По совершеніи всѣхъ обычныхъ при этомъ обрядовъ и молебствій, царь послалъ «по новоизбраннаго патріарха» на новгородское подворье, но Никонъ рѣшительно отказался принять на себя этотъ санъ. Нѣсколько разъ государь посылалъ святителей и бояръ уговаривать Никона, но онъ оставался непреклоннымъ. Тогда царь велѣлъ привести его противъ воли въ соборъ. Никонъ былъ приведенъ. Государь, бояре, святители долго, но безъ успѣха, умоляли его принять патріаршество. Наконецъ, царь и всѣ присутствовавшіе въ церкви пали на землю и со слезами молили его исполнить общую просьбу. Никонъ былъ сильно тронутъ этимъ, заплакалъ самъ и обратился къ царю и всѣмъ бывшимъ въ церкви съ такими словами:

—«Вы знаете, что мы отъ начала приняли св. Евангеліе, вѣщанія св. апостоловъ, правила св. отцевъ и царскіе законы изъ православной Греціи, и потому называемся христіанами, но на дѣлѣ не исполняемъ ни заповѣдей евангельскихъ, ни правилъ св. апостоловъ и св. отцевъ, ни законовъ благочестивыхъ царей греческихъ... Если вамъ угодно, чтобы я былъ у васъ патріархомъ, дайте мнѣ ваше слово и произнесите обѣтъ въ этой соборной церкви предъ Господомъ Спасителемъ нашимъ и Его Пречистою Матерію, ангелами и всѣми святыми, что вы будете содержать евангельскіе догматы и соблюдать правила св. апостоловъ и св. отцевъ и законы благочестивыхъ царей. Если обѣщаетесь слушаться и меня, какъ вашего главнаго архипастыря и отца, во всемъ, что буду возвѣщать вамъ о догматахъ Божіихъ и о правилахъ,—въ такомъ случаѣ я, по вашему желанію и прошенію, не стану болѣе отрекаться отъ великаго архіерейства».

Тогда царь, бояре и весь освященный соборъ произнесли предъ св. евангеліемъ и предъ св. чудотворными иконами клятву исполнять все, что предложитъ Никонъ, «почитать его какъ архипастыря

и отца, дать ему устроить церковныя дѣла», и онъ изрекъ свое согласіе быть патріархомъ... (25 іюля 1652 г.).

Патріаршество Никона.

Недаромъ Никонъ взялъ обѣтъ отъ царя, бояръ и святителей, что они не будутъ ему мѣшать устроить церковь. Какъ извѣстно, онъ съ того времени, какъ сталъ митрополитомъ, ревностно заботился о церковномъ благолѣпіи. Въ этомъ онъ вполнѣ сходился съ царемъ, которому по душѣ были пышные и величавые обряды православной церкви. Никогда богослуженіе въ Москвѣ еще не доходило до такого великолѣпія, какъ во время патріаршества Никона.

Кромѣ обычныхъ церковныхъ службъ, въ тѣ времена почти всѣ праздники сопровождались особенными обрядами и церемоніями: Рождество Христово, Богоявленіе, Недѣля Ваій, Свѣтлое Воскресенье, Троицынъ день, Успеніе и нѣкоторые другіе праздники были днями пышныхъ торжествъ и царскихъ выходовъ. Особенно великолѣпно справлялся день Богоявленія и Вербное воскресенье. Стеченіе народа въ это время было огромное, доходило до нѣсколькихъ сотъ тысячъ; по разсказамъ иностранцевъ, даже издалека приходили толпы людей, чтобы видѣть торжественный обрядъ освященія воды, совершавшійся патріархомъ на Москвѣ-рѣкѣ,—водокрестіе, или водокрещи, какъ называлъ это народъ.

Въ самый день Богоявленія царь слушалъ въ одной изъ дворцовыхъ церквей всенощную и потомъ выходилъ въ Успенскій соборъ для шествія на іордань къ освященію воды. Кремлевская площадь была въ это время полна народомъ; среди него былъ свободенъ только путь отъ собора къ рѣкѣ; два ряда стрѣльцовъ, въ цвѣтномъ платьѣ своемъ, ограждали этотъ путь отъ напора толпы.

Часу въ 4-мъ дня, или по нашему въ 12-мъ утра, когда патріархъ готовился начать службу въ Успенскомъ соборѣ, звонъ колоколовъ на Иванѣ Великомъ возвѣщалъ народу, что начался выходъ царя. Государь выходилъ въ соборъ обыкновенно съ Краснаго крыльца въ сопровожденіи бояръ и другихъ сановниковъ. Народъ, увидѣвъ «пресвѣтлыя царскія очи,» билъ челомъ. Государь шелъ величаво и тихо, опираясь на посохъ; царское же торжественное облаченіе возлагалъ на себя по большей части уже въ соборѣ. Возложивъ на себя царскій санъ, государь, при пѣніи многолѣтія, молился св. иконамъ и св. мощамъ и затѣмъ ужъ принималъ благословеніе отъ патріарха. Звонъ на Иванѣ-Великомъ продолжался

до тѣхъ поръ, пока царь не вступалъ на свое царское мѣсто въ соборѣ. Въ церковь входили только высшіе чины: бояре, окольничіе, думные и ближніе люди; прочіе же, начиная отъ стольниковъ останавливались на помостѣ отъ Успенскаго собора до Архангельскаго, по обѣ стороны по чинамъ...

Торжественное шествіе на іордань открывали стрѣльцы въ числѣ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ. Они были въ лучшихъ цвѣтныхъ платьяхъ, шли по четыре человѣка въ рядъ; у однихъ были золоченыя пищали и винтовки, у другихъ золоченыя копья, у третьихъ золоченые протазаны (родъ алебарды), древки которыхъ были перевиты атласомъ и галупомъ... За этимъ блестящимъ отрядомъ стрѣльцовъ слѣдовалъ крестный ходъ: несли хоругви, кресты, иконы, затѣмъ шли священники (бывало до трехсотъ), затѣмъ игумены, епископы, архіепископы, митрополиты и наконецъ патріархъ. Всѣ были въ богатѣйшемъ облаченіи,—чѣмъ выше санъ, тѣмъ богаче были и одежды... Потомъ открывалось шествіе государя. Нижніе чины шли впереди, по три человѣка въ рядъ. Сначала шли дьяки разныхъ приказовъ въ бархатныхъ кафтанахъ; за ними дворяне, стряпчіе, стольники—въ блестящихъ золотныхъ (златотканныхъ) кафтанахъ; далѣе ближніе люди, думные дьяки и окольничіе въ богатѣйшихъ шубахъ; затѣмъ шелъ постельничій, а предъ нимъ стряпчіе несли государево платье, которое царь обыкновенно перемѣнялъ на іордани: одинъ несъ посохъ, другой—шапку, третій зипунъ и т. д., кромѣ того, несли кресло, а иногда и балдахинъ.

Царь шествовалъ въ большомъ царскомъ нарядѣ. Сверхъ зипуна и богатѣйшаго станового кафтана на немъ было царское платье изъ дорогой золотной матеріи, унизанное жемчугомъ и драгоцѣнными камнями; царская шапка блистала алмазами, изумрудами, яхонтами; на плечахъ царя была столь же богатая діадема, или бармы; на груди на золотой цѣпи былъ крестъ изъ животворящаго древа; въ правой рукѣ—жезлъ, украшенный золотомъ и каменьями; сапоги государя, бархатные или сафьянные, были также богато унизаны жемчугомъ... Подъ руки царя поддерживали обыкновенно двое стольниковъ изъ ближнихъ людей; подлѣ шли бояре и думные люди въ богатѣйшихъ шубахъ, въ горлатныхъ высокихъ шапкахъ. По обѣ стороны царскаго пути шли стрѣлецкіе полковники въ бархатныхъ ферезяхъ и турскихъ кафтанахъ; они оберегали государское шествіе отъ «утѣсненія нижнихъ чиновъ людей».

Затѣмъ слѣдовали гости въ золотныхъ кафтанахъ и наконецъ приказные и иныхъ чиновъ люди и народъ. Подлѣ всего этого

шествія шло съ обѣихъ сторонъ 150 или 200 человѣкъ стрѣльцовъ...

Самый обрядъ освященія воды происходилъ слѣдующимъ образомъ. Сначала духовныя власти подходили къ государю и патріарху и кланялись; затѣмъ патріархъ раздавалъ всѣмъ свѣчи, начиная съ государя и совершалъ богослуженіе по чину. Въ то время, какъ

Царь Алексѣй Михайловичъ.

онъ погружалъ въ воду животворящій крестъ, начальные люди и знаменщики всѣхъ полковъ со знаменами приближались къ іордани. Послѣ погруженія креста патріархъ черпалъ серебрянымъ ведеркомъ воду изъ іордани и отдавалъ ключарю, затѣмъ наполнялъ св. водою государеву стопу (ее относили во дворецъ и кропили тамъ всѣ комнаты и иконы). Послѣ того патріархъ трижды осѣ-

нялъ государя крестомъ, кропилъ св. водой и поздравлялъ съ праздникомъ. Государь съ боярами прикладывался ко кресту, поздравлялъ патріарха, потомъ принималъ поздравленіе отъ духовенства, бояръ и ближнихъ людей, причемъ одинъ изъ важнѣйшихъ сановниковъ говорилъ поздравительную рѣчь. Затѣмъ два архимандрита кропили св. водой знамена и войско, стоявшее по Москвѣ рѣкѣ.

Патріархъ Никонъ.

Крестный ходъ возвращался съ іордани въ томъ же торжественномъ порядкѣ... Государь обыкновенно ѣхалъ въ большихъ парадныхъ саняхъ..

Не менѣе торжественно совершался въ Недѣлю Ваій (вербное воскресенье) обрядъ «шествія на осляти» въ память входа Спасителя въ Іерусалимъ.

Обрядъ этотъ во второй половинѣ XVII ст. происходилъ такимъ образомъ. Послѣ ранней обѣдни государь выходилъ въ Успенскій соборъ въ праздничномъ выходномъ платьѣ въ сопровожденіи боляръ, окольничихъ и прочихъ чиновъ. Изъ собора совершался крестный ходъ; въ немъ участвовало духовенство всей Москвы и окрестныхъ монастырей, и многіе иногородніе; несли хоругви, кресты, рипиды, иконы. Съ одной стороны патріарха несли евангеліе съ другой крестъ. Вслѣдъ за патріархомъ открывалось царское шествіе въ томъ же порядкѣ, какъ сказано выше... Шествіе направлялось изъ Успенскаго собора чрезъ Спасскія ворота къ храму Покровскаго собора (церкви Василія Блаженнаго); здѣсь останавливались лицомъ къ востоку. Государь и патріархъ шли въ соборный придѣлъ Входа въ Іерусалимъ, сопровождали государя только знатнѣйшіе сановники; прочіе же становились у Лобнаго мѣста по чинамъ. Въ соборѣ патріархъ совершалъ молебствіе и облачался; государь тоже возлагалъ на себя болѣе торжественный царскій нарядъ. Въ тоже время на Лобномъ мѣстѣ, убранномъ бархатомъ и сукнами, ставили налой, покрытый зеленою бархатной пеленой; на налой клали евангеліе и иконы. Путь отъ Лобнаго мѣста къ Спасскимъ воротамъ былъ огражденъ и тутъ стояли кадки съ вербами для народа. Стрѣльцы и народъ наполняли площадь. На кровлѣ одной изъ близкихъ къ собору лавокъ становился служилый человѣкъ со знаменемъ, чтобы давать сигналы во время церемоніи.

Близъ Лобнаго мѣста стояло осля. Это былъ конь, который покрывался съ головой бѣлымъ суконнымъ покрываломъ съ длинными ушами, что придавало ему нѣкоторое подобіе осла. При конѣ былъ патріаршій боярщъ и пять человѣкъ дьяковъ; тутъ же стояла нарядная верба, большое дерево, украшенное искусственною зеленью, плодами и цвѣтами. Ставилась она на богато украшенныхъ саняхъ (обыкновенно на колесахъ), въ которыя запряжено было шесть копей въ цвѣтныхъ бархатныхъ попонахъ...

Когда государь и патріархъ выходили изъ Покровскаго собора, образа и кресты направлялись къ Успенскому собору. Патріархъ, поднявшись на Лобное мѣсто, подавалъ царю сначала ваію (пальмовую вѣтвь), а затѣмъ вербу, стволъ которой былъ обшитъ бархатомъ. Подобныя же ваіи и вербы раздавалъ онъ духовнымъ и свѣтскимъ сановникамъ, а меньшимъ людямъ и народу митрополиты раздавали только вербу... Затѣмъ архидіаконъ читалъ евангеліе о входѣ Спасителя въ Іерусалимъ и когда доходилъ до словъ: «и посла два отъ ученикъ» — тогда соборный протопопъ съ ключаремъ под-

ШЕСТВІЕ НА ОСЛЯТИ ВЪ ВЕРБНОЕ ВОСКРЕСЕНІЕ.

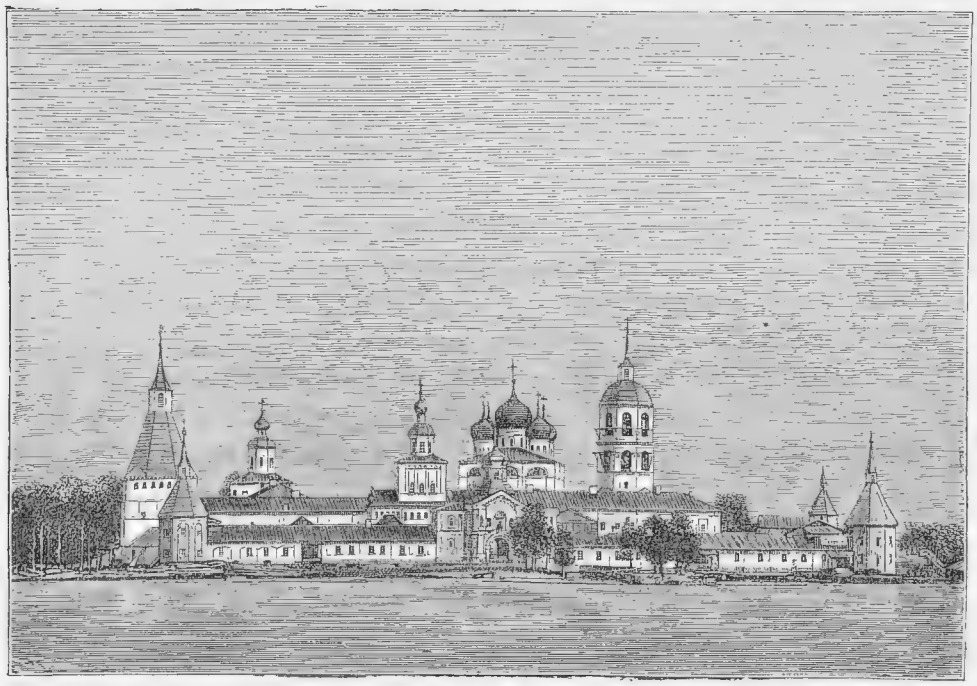
ходили къ патріарху; онъ благословлялъ ихъ «по осля идти». Они шли къ лошади и отвязывали ее. При этомъ патріаршій бояринъ спрашивалъ «Что отрѣшаете осля сіе?». А посланные отвѣчали: «Господь требуетъ». Затѣмъ подводили лошадь, покрывъ ее коврами, къ патріарху, который, взявъ въ одну руку евангеліе, а въ другую крестъ, благословлялъ царя и садился на лошадь. Шествіе открывалось младшими государевыми чинами: за ними везли нарядную вербу; на саняхъ, подъ деревомъ, стояли и пѣли патріаршіе пѣвчіе... За вербою слѣдовало духовенство съ иконами, за ними — ближніе люди, думные дьяки и окольничіе въ богатыхъ уборахъ, потомъ государь въ большомъ царскомъ нарядѣ, поддерживаемый подъ руки ближними людьми, велъ «осля» за конецъ повода. Середину повода держалъ за государемъ одинъ изъ важнѣйшихъ бояръ; кромѣ того, лошадь вели подъ уздцы два дьяка. Предъ государемъ стольники и ближніе люди несли царскій жезлъ, государеву свѣчу и пр. По обѣ стороны шли бояре, окольничіе и думные дворяне съ ваіями. Патріархъ на всемъ пути благословлялъ народъ крестомъ. За нимъ шло въ огромномъ числѣ духовенство въ блистающихъ ризахъ.. Шествіе заключали гости (именитые купцы).

На всемъ пути дѣти, мальчики лѣтъ 10—15-ти, постилали предъ государемъ и патріархомъ куски сукна разныхъ цвѣтовъ, суконные однорядки и кафтаны... Медленно и торжественно вступала процессія въ Спасскія ворота; тогда начинался звонъ не только въ Кремлѣ, но по всѣмъ московскимъ церквамъ и не прекращался до вступленія царя и патріарха въ Успенскій соборъ. Здѣсь архидіаконъ доканчивалъ чтеніе евангелія, патріархъ принималъ у государя ваію; государь получалъ отъ него благословеніе и шелъ къ обѣднѣ въ одну изъ дворцевыхъ церквей, а патріархъ служилъ литургію въ соборѣ и по отпускѣ шелъ къ нарядной вербѣ и благословлялъ ее. Затѣмъ отъ вербы отсѣкали сукъ и относили его въ алтарь; послѣ того отрѣзали вѣтви и часть ихъ посылали на серебряныхъ блюдахъ на верхъ (т. е. во дворецъ), а другую раздавали духовнымъ сановникамъ и боярамъ. Остатки же вербы и убранство саней доставались на долю народу.

Обрядъ шествія на осляти справлялся и по другимъ большимъ русскимъ городамъ,—патріарха замѣнялъ архіерей, а царя — воевода.

Церковное благолѣпіе, богатство и пышность обрядовъ всегда были предметомъ особенной заботы благочестивыхъ русскихъ государей и святителей; но все же она не шла такъ далеко, какъ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ и патріархѣ Никонѣ.

Первымъ дѣломъ Никона по избраніи на патріаршій престолъ было основаніе новаго монастыря. Этого требовалъ установившійся обычай: почти всѣ русскіе патріархи старались ознаменовать начало своего высшаго пастырства устройствомъ «тихаго пристанища для спасенія душъ» и придать ему какъ можно больше значенія. Никонъ избралъ мѣсто для новой обители близъ Валдайскаго озера и назвалъ свой монастырь Иверскимъ въ честь Иверской иконы Богородицы на Аѳонѣ. Оттуда былъ привезенъ списокъ съ иконы, и



Иверскій монастырь.

Никонъ, богато украсивъ икону золотомъ и драгоцѣнными камнями, поставилъ ее въ каменной церкви монастыря...

Съ первыхъ же дней своего управленія церковью Никонъ ревностно занялся дѣлами. Очистить церковь отъ всякихъ золъ и безпорядковъ, ввести истинное благочестіе и благолѣпіе, — вотъ что поставилъ онъ себѣ задачею. Живой, дѣятельный Никонъ достигъ патріаршаго сана еще въ пору полнаго разцвѣта силъ душевныхъ и тѣлесныхъ; онъ хотѣлъ быть патріархомъ «строителемъ» и «управителемъ» церкви не по имени только, а на дѣлѣ. Сила воли, даже чрезмѣрная, увлекала Никона къ дѣятельности. Началъ онъ бо-

роться съ разными церковными безпорядками, съ «многогласіемъ» въ церковной службѣ, съ нестройнымъ пѣніемъ, еще будучи митрополитомъ. Теперь онъ сталъ дѣйствовать еще смѣлѣе.

Невѣжественныхъ и порочныхъ священниковъ онъ безъ всякой пощады лишалъ мѣстъ; за проступки сурово наказывалъ... Поблажки не давалъ никому. Послѣ слабаго Іосифа круто пришлось русскому духовенству подъ рукой властнаго и рѣшительнаго Никона.

Дѣла ему предстояло много. Самымъ важнымъ было исправленіе богослужебныхъ книгъ. Уже давно объ этомъ думали на Руси, но дѣло не ладилось: знающихъ людей не было; правили книги по славянскимъ «добрымъ переводамъ» и «старымъ спискамъ», да на бѣду и въ нихъ погрѣшностей было много, а замѣтить и исправить ихъ не могли. Только незадолго до кончины патріарха Іосифа сознали ясно, что для исправленія книгъ недостаточно славянскихъ древнихъ списковъ; что необходимо свѣрять ихъ съ греческимъ текстомъ. Самъ Алексѣй Михайловичъ обратился въ Кіевъ съ просьбой прислать ученыхъ мужей, знающихъ греческій языкъ, чтобы править книги. Вотъ на это дѣло и пришлось Никону болѣе всего обратить вниманіе.

Кромѣ того, греческія духовныя лица, которыя при благочестивомъ и щедромъ Алексѣѣ Михайловичѣ чаще, чѣмъ въ былые годы, наѣзжали въ Москву, приглядывались къ русскому богослуженію, находили въ немъ уклоненія отъ обрядовъ греческой церкви и указывали на нѣкоторыя «новины», которыя вкрались въ церковный обиходъ, такъ напр., указывали, что русскіе неправильно творятъ крестное знаменіе д в у м я перстами, тогда какъ по старинѣ слѣдуетъ креститься т р е м я перстами. Посланный по этому поводу на востокъ старецъ Арсеній привезъ извѣстіе, что на Аѳонѣ монахи всѣхъ греческихъ монастырей, собравшись вмѣстѣ, соборнѣ признали «двуперстіе» ересью...

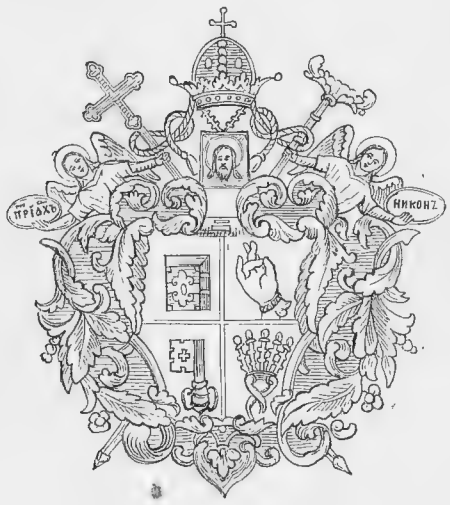
Въ это же время Никонъ нашелъ въ грамотѣ объ утвержденіи патріаршества въ Россіи между прочимъ слѣдующее:

«Такъ какъ православная церковь получила совершенство не только въ догматахъ, но и въ священно-церковномъ уставѣ, то справедливость требуетъ, чтобы мы потребляли всякую новину въ оградѣ церкви, зная, что новины всегда бываютъ причиною церковнаго смятенія и раздѣленія, и чтобы слѣдовали мы уставамъ св. отцевъ, и, чему научились отъ нихъ, то хранили неповрежденнымъ, безъ всякаго приложенія или отъятія»...

Прочитавъ это, Никонъ впалъ въ страхъ, не допущено ли ка-

кихъ отступленій отъ православнаго греческаго закона. Началъ прежде всего разсматривать символъ вѣры и нашелъ, что въ славянскомъ есть несогласія съ древнимъ греческимъ текстомъ; разсмотрѣлъ Служебникъ (чинъ св. литургіи) и тутъ замѣтилъ нѣкоторыя различія; то же оказалось и въ другихъ книгахъ.

Никонъ, желавшій быть блюстителемъ истины, рѣшился исполнить свой долгъ—уничтожить всякія «новины» въ нашихъ книгахъ и въ обрядахъ. Но уже первая попытка его въ этомъ дѣлѣ встрѣчена была нѣкоторыми враждебно. Въ 1653 году онъ разослалъ по всѣмъ московскимъ церквамъ «памятную грамотку», гдѣ указывалъ, что по правиламъ въ иныхъ случаяхъ можно пояснымъ поклономъ за-

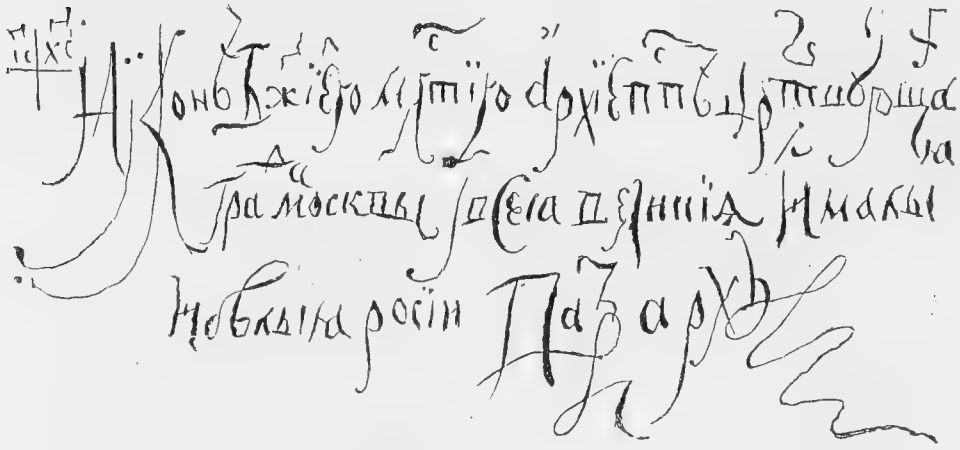


Печатный гербъ Никона.

мѣнять земной, и что слѣдуетъ креститься тремя перстами. Когда эту грамоту прочли Иванъ Нероновъ, протопопъ Казанскаго собора и юрьевскій протопопъ Аввакумъ, то, по словамъ послѣдняго, они «задумались, увидѣли, яко зима хощетъ быти; и сердце у нихъ озябло и ноги задрожали...»

Власть Никона была чрезвычайно сильна: тѣсная дружба связывала его съ царемъ, который въ первые годы, какъ говорится, души въ немъ не чаялъ. Отправляясь въ польскій походъ (1654—1655), Алексѣй Михайловичъ на все время своего отсутствія изъ Москвы поручилъ управленіе государствомъ Никону, и онъ вполнѣ достоинъ былъ царскаго довѣрія: выказалъ замѣчательную твердость и распорядительность. Въ ту пору свирѣпствовала моровая язва. Патріархъ

разсылалъ повсюду грамоты о мѣрахъ предосторожности противъ заразы, старался разсѣять суевѣріе народа, который думалъ, что бороться съ болѣзнью значитъ совершать грѣхъ, — идти противъ воли Божіей. Въ это время Никонъ сослужилъ лично государю большую службу,—онъ сберегъ царскую семью отъ бѣды переѣздами въ болѣе здоровыя мѣста. Дружба и любовь къ Никону еще больше усилилась у царя; онъ сталъ величать своего «собиннаго друга» «великимъ государемъ»; титулъ этотъ, какъ извѣстно, былъ раньше усвоенъ только Филаретомъ, и то какъ царскимъ отцомъ и соправителемъ. Патріаршая власть теперь какъ бы приравнивалась къ царской. Раньше былъ учрежденъ монастырскій приказъ, подъ вѣдѣніемъ котораго были многія церковныя дѣла; теперь онъ поте-



Подпись Никона.

рялъ всякое значеніе: Никонъ, когда былъ еще новгородскимъ митрополитомъ, добылъ у царя такъ называемую «несудимую грамоту», которая дѣлала его полновластнымъ хозяиномъ въ церковныхъ дѣлахъ его епархіи; теперь же онъ не зналъ надъ собой ни въ чемъ никакой власти,—царь во всемъ слѣдовалъ его совѣтамъ. На «Уложеніе» Никонъ не обращалъ никакого вниманія: онъ никакъ не могъ допустить мысли, чтобы мірскіе люди могли судить духовныхъ лицъ, и считалъ «Уложеніе», допускавшее это, противнымъ евангелію и правиламъ св. апостоловъ и св. отцевъ. Вопреки Уложенію, въ которомъ запрещалось увеличивать церковныя имущества, патріаршій дворъ обогатился новыми вотчинами: вмѣсто прежнихъ десяти тысячъ дворовъ, въ его владѣніи было до двад-

цати пяти тысячъ. Кромѣ богатаго Иверскаго монастыря, Никонъ построилъ еще два (Крестный и Новый Іерусалимъ); царь щедро надѣлилъ ихъ землями. Доходы патріарха страшно возрасли: онъ могъ выставить въ поле на свой счетъ десять тысячъ вооруженныхъ воиновъ, раздавать богатую милостыню, жертвовать большія деньги на тюрьмы, устраивать богадѣльни... Никонъ окружилъ себя небывалою до тѣхъ поръ пышностью, не жалѣлъ средствъ на украшеніе соборовъ и на блескъ богослуженія. Цѣлые пуды жемчуга, золота, драгоцѣнныхъ камней шли на облаченія патріарха; митра его своимъ блескомъ не уступала царскому вѣнцу.

Величіе Никона, его могущество, властолюбіе и особенно крутой нравъ породили ему съ первыхъ же лѣтъ его управленія множество враговъ. Но онъ на нихъ не обращалъ большаго вниманія. Не такой былъ человѣкъ онъ, чтобы идти на какія либо сдѣлки и уступки, вербовать себѣ сторонниковъ и доброхотовъ. Разъ онъ былъ увѣренъ въ правотѣ своего дѣла, онъ шелъ твердо къ своей цѣли, не зналъ и не хотѣлъ знать никакихъ препятствій...

Исправленіе богослужебныхъ книгъ и обрядовъ.

Самымъ важнымъ дѣломъ, на которое Никонъ направилъ свои силы, было исправленіе богослужебныхъ книгъ и обрядовъ. Первыя его попытки устранить нѣкоторыя неправильности въ богослуженіи, какъ мы видѣли выше, вызвали большое неудовольствіе со стороны духовенства, и Никонъ подвергся уже тогда рѣзкимъ укорамъ, и потому онъ рѣшилъ опереться на соборъ...

Весною 1654 года въ царскихъ палатахъ происходилъ соборъ высшихъ духовныхъ лицъ; тутъ присутствовали пять митрополитовъ, четыре архіепископа и многіе другіе, всѣхъ—тридцать четыре человѣка. Никонъ открылъ соборъ рѣчью; прочелъ грамоту патріарховъ о томъ, какъ слѣдуетъ блюсти церковь отъ всякихъ новинъ; затѣмъ указалъ на нѣкоторыя изъ нихъ, вкравшіяся въ новопечатные русскіе служебники и поставилъ вопросъ, какъ исправить ихъ,— только ли по старымъ русскимъ рукописямъ, или слѣдовать греческимъ и старымъ русскимъ (харатейнымъ), которые согласны съ первыми.

Царь и весь соборъ единогласно отвѣчали:

— «Достойно и праведно исправити противу старыхъ—харатейныхъ и греческихъ».

Никонъ указалъ еще на нѣсколько отступленій отъ древняго церковнаго устава и соборъ снова постановилъ:

— «Добро есть исправити согласно со старыми греческими книгами».

Всѣ, бывшіе на соборѣ, своими подписями утвердили это соборное уложеніе; только коломенскій епископъ Павелъ не во всемъ былъ согласенъ съ другими и высказалъ свое особое мнѣніе; нѣсколько лицъ раздѣляло его взгляды...

Такимъ образомъ дѣло исправленія книгъ было рѣшено на этомъ соборѣ и даже указано, какимъ путемъ это исполнить.

Царь и патріархъ велѣли собрать въ Москву изо всѣхъ русскихъ книгохранилищъ древнія славянскія книги, писанныя на хартіи (пергаменѣ), и такихъ книгъ было прислано довольно много изъ разныхъ монастырей. За греческими книгами на Аѳонъ и въ другія старожитныя мѣста на востокѣ былъ посланъ «со многою милостынею» извѣстный уже старецъ Арсеній Сухановъ. Онъ успѣшно исполнилъ порученіе, и въ Москву было доставлено съ Аѳона и изъ другихъ мѣстъ до пятисотъ древнихъ богослужебныхъ книгъ; нѣкоторыя изъ нихъ писаны были за шестьсотъ, за семьсотъ лѣтъ, а одно евангеліе даже за тысячу лѣтъ. Кромѣ того, много книгъ было прислано восточными патріархами.

Теперь надо было найти знающихъ людей, которые смогли бы извлечь пользу изъ этого книжнаго богатства. Никонъ нашелъ нѣсколько такихъ лицъ, хорошо знакомыхъ съ греческимъ языкомъ и славянскимъ. Главнымъ изъ нихъ былъ іеромонахъ Епифаній Славинецкій, вызванный за пять лѣтъ предъ тѣмъ изъ кіево-братскаго училища. Большимъ довѣріемъ Никона пользовался также и старецъ Арсеній грекъ, человѣкъ бывалый и знавшій многіе языки. Справщики принялись за свою работу.

Не только въ служебныхъ книгахъ и церковныхъ обрядахъ нашелъ Никонъ новшества, усмотрѣлъ ихъ и въ иконописаніи, которое стало отступать отъ древнихъ византійскихъ образцовъ; иконописцы явно подражали польскимъ и франкскимъ (западноевропейскимъ) живописцамъ. Никонъ, большой ревнитель православной старины, возсталъ противъ этихъ «новыхъ» иконъ. Онъ посылалъ своихъ людей отбирать по домамъ, даже у знатныхъ сановниковъ иконы новаго письма... Одинъ очевидецъ-грекъ разсказываетъ, будто патріархъ даже велѣлъ своимъ служителямъ на этихъ «еретическихъ» изображеніяхъ выколоть глаза и въ такомъ видѣ носить ихъ по городу и объявлять всѣмъ царскій указъ, грозившій строгимъ наказаніемъ всѣмъ, кто осмѣлится впредь писать подобныя иконы. Москвичи увидѣли въ этомъ, конечно, поруганіе святыни, и съ него

дованіемъ говорили, что патріархъ тяжко грѣшитъ, является иконоборцемъ... Скоро послѣ этого началось моровое повѣтріе, въ добавокъ случилось еще солнечное затмѣніе... Заговорили, что это Божіе наказаніе за нечестіе патріарха. На него стали такъ злобиться, что даже его жизнь была въ опасности...

Вскорѣ послѣ этого, когда царь прибылъ въ Москву, Никонъ съ обычною смѣлостью и рѣшительностью повелъ рѣчь противъ иконъ новаго письма. Торжественно и громогласно въ церкви въ присутствіи царя Никонъ и антіохійскій патріархъ предали анаѳемѣ тѣхъ, кто осмѣлится впредь писать такія иконы или держать ихъ въ домѣ. При этомъ Никону подносили новыя иконы; онъ бралъ и каждую показывалъ народу, затѣмъ кидалъ на полъ съ такой силой, что иконы разбивались. Разбитыя иконы онъ приказалъ сжечь... Но царь упросилъ его не жечь ихъ, а зарыть въ землю. Показывая иконы народу, Никонъ называлъ по имени тѣхъ лицъ, у которыхъ были отобраны онѣ,—все это были люди знатные и сильные; понятно, какъ это злобило ихъ. Вслѣдъ затѣмъ Никонъ въ горячей проповѣди возсталъ противъ другого новшества,—двуперстнаго крестнаго знаменія. Антіохійскій патріархъ тутъ же чрезъ переводчика заявилъ, что нигдѣ на Востокѣ православные такого сложенія перстовъ не употребляютъ...

Около этого времени было получено посланіе отъ византійскаго патріарха въ отвѣтъ на вопросы Никона, которые онъ послалъ ему нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ. Это посланіе, касавшееся разныхъ уклоненій и новшествъ въ русской церкви, еще болѣе утвердило Никона въ рѣшимости искоренить ихъ.

Въ августѣ 1655 года былъ напечатанъ «Служебникъ», послѣ разсмотрѣнія его на соборѣ. Это была первая новоисправленная книга; въ предисловіи къ ней справщики довольно подробно описали, какъ началось и велось дѣло исправленія. Скоро затѣмъ была издана другая книга «Скрижаль», переведенная съ греческаго; она служила какъ бы дополненіемъ къ первой, гдѣ излагался чинъ богослуженія, а въ «Скрижали» давалось толкованіе на литургію и прочія священнодѣйствія и церковные обряды, выяснялся смыслъ ихъ... Эта книга тоже была издана послѣ просмотра ея на соборѣ и при ней было помѣщено посланіе византійскаго патріарха, которое придавало дѣлу Никона силу и законность, о которой онъ видимо очень заботился.

Въ недѣлю православія 24 февраля совершилось событіе, имѣвшее важныя послѣдствія. Успенскій соборъ былъ переполненъ на-

родомъ. Собралось сюда все высшее духовенство, бывшее въ Москвѣ. Явился царь, окруженный знатнѣйшими боярами. И вотъ, когда начался обрядъ православія и приходилось изрекать проклятіе врагамъ церкви, Макарій, патріархъ антіохійскій, сербскій—Гавріилъ и Григорій, Никейскій митрополитъ, стали предъ царемъ и народомъ и Макарій, сложивъ три пальца, воскликнулъ:

— «Сими тремя первыми великими персты всякому православному христіанину подобаетъ изображати на лицѣ своемъ крестное знаменіе, а кто по ложному преданію творитъ, той проклятъ есть».

То-же повторили сербскій патріархъ и никейскій митрополитъ. Всѣ они дѣйствовали, конечно, по желанію Никона. Проклятіе двуперстнаго сложенія было большой ошибкой съ его стороны. Если уничтоженіе «новыхъ» иконъ возбудило у многихъ богобоязненныхъ людей страхъ и неудовольствіе, не смотря на то, что всѣ могли убѣдиться, что эти иконы сильно отступаютъ отъ старинныхъ образовъ православной церкви, то—проклятіе двуперстнаго сложенія должно было поразить многихъ ужасомъ: вѣдь такъ крестились раньше многіе угодники божіе, а теперь это проклинали...

На новомъ соборѣ (23 апрѣля 1656 г.) разсмотрѣна была книга «Скрижаль», гдѣ напечатано было проклятіе двуперстному сложенію. На этомъ соборѣ изрекли уже проклятіе на неповинующихся церкви послѣдователей двуперстія. Между тѣмъ исправленіе церковныхъ книгъ и печатаніе продолжалось. Въ 1656 году ихъ вышло нѣсколько (Тріодь постная, Ирмологій и Часословъ) и приготовленъ былъ «Требникъ», важнѣйшая богослужебная книга послѣ Служебника. Въ 1657 году напечатаны Псалтырь, Евангеліе и Апостолъ, а въ слѣдующемъ году изданъ Требникъ... Вмѣстѣ съ этимъ Никонъ старался исправлять и нѣкоторые церковные обряды и обычаи согласно съ тѣмъ, какъ было въ греческой церкви.

Никогда еще не вводилось въ русскую церковь столько перемѣнъ. Смѣлый преобразователь, ободренный поддержкой соборовъ и восточныхъ святителей, шелъ смѣло къ своей цѣли—очистить русскую церковь отъ всякихъ уклоненій, отъ всякихъ новшествъ. Онъ стоялъ за старину, но старину настоящую, такъ сказать, очищенную отъ всякихъ наростовъ и ошибокъ, накопившихся съ теченіемъ времени вслѣдствіе невѣжества и злоупотребленій. Противники же его въ тупомъ ослѣпленіи считали, что все вводимое въ церковь есть произвольныя новшества и нарушеніе «святой старины».

Чѣмъ больше работалъ Никонъ и его сподвижники, тѣмъ пуще злобились ихъ противники... Патріархъ въ свою очередь не могъ спокойно выносить несправедливыхъ нападокъ и жалобъ и по своему крутому нраву не щадилъ своихъ враговъ. Павелъ коломенскій былъ лишенъ сана и сосланъ. Іоаннъ Нероновъ, протоіерей московскаго Казанскаго собора, отправленъ въ заточеніе въ вологодскій монастырь; юрьевскій протопопъ Аввакумъ, самый упорный и рѣшительный противникъ Никона, тоже былъ сосланъ. Другіе были заключены въ тюрьмы... Но такимъ способомъ волненіе не только не унималось, но пуще разжигалось. Когда патріархъ велѣлъ служить по новымъ богослужебнымъ книгамъ и сталъ разсылать ихъ,—во многихъ мѣстахъ поднялся сильный ропотъ. Нѣкоторые изъ прежнихъ справщиковъ, обиженные тѣмъ, что ихъ трудъ признанъ негоднымъ, возбуждали народъ къ сопротивленію. Почти вся братія Соловецкаго монастыря отказалась служить по новымъ книгамъ. Пошли толки и споры не только о сложеніи перстовъ при крестномъ знаменіи: но стали винить новыхъ справщиковъ въ ереси, за то, что въ ихъ книгахъ напечатано Іисусъ, тогда какъ надо писать Исусъ, какъ въ старыхъ, корили Никона за то, что онъ ввелъ трегубое (троекратное) аллилуія, тогда какъ правильнѣе держаться прежняго сугубаго (двойнаго); начались препирательства о томъ, какой крестъ правильнѣе—осьмиконечный или четвероконечный... Смута все росла и ширилась по русской землѣ. Личныхъ враговъ у Никона было довольно. Многіе изъ недостойныхъ священниковъ, отрѣшенныхъ имъ отъ должностей за пьянство и др. пороки, конечно, не упускали удобнаго случая возбуждать противъ него народъ. Его суровость вызывала вражду къ нему со стороны многихъ.

— «Знаете ли, кто онъ,—говорили иные,—звѣрь лютый, медвѣдь или волкъ!..

На патріарха подавали царю челобитныя, гдѣ всячески обвиняли Никона, корили его за то, что «онъ возлюбилъ стоять высоко и ѣздить широко». Именитые люди сильно не долюбливали Никона, завидовали его могуществу и близости къ царю. Какъ мы видѣли, патріархъ, уничтожая новыя иконы, не щадилъ самолюбія знатныхъ людей, рѣзко обличалъ ихъ. Кромѣ прежнихъ справщиковъ и поповъ, удаленныхъ съ ихъ мѣстъ, нашлось не мало сѣятелей вражды... Являлись разные прорицатели и сновидцы, которые своими разсказами о видѣніяхъ и знаменіяхъ смущали людей, вооружали противъ Никона. Разнеслись всюду предсказанія, что скоро появится антихристъ; 1666 годъ считался роковымъ време-

немъ. По рукамъ грамотныхъ людей ходили книги: «О вѣрѣ» и «Орелъ», гдѣ тогдашніе мудрецы излагали свои измышленія о послѣднихъ временахъ...

Бояре, кромѣ очень немногихъ, не выносили Никона за его независимый и рѣшительный нравъ, за рѣзкія выходки и вмѣшательство въ мірскія дѣла. Никонъ вовсе не обладалъ гибкостью, ловкостью, способностью сходиться и уживаться съ разными людьми; онъ не умѣлъ обходить препятствій: его желѣзная воля способна была сокрушить все, что становилось поперекъ дороги... Онъ хотѣлъ, чтобы все повиновалось и подчинялось ему; считалъ себя въ правѣ требовать этого ото всѣхъ, такъ какъ былъ увѣренъ въ томъ, что все, задуманное имъ, ведетъ ко благу. Люди, подобные Никону, могутъ имѣть небольшой кругъ поклонниковъ, нѣсколькихъ страстныхъ приверженцевъ; но у нихъ всегда бываетъ больше недоброхотовъ и враговъ, чѣмъ друзей.

Изъ бояръ главными врагами Никона были Стрѣшневы, царскіе родичи по матери, Милославскіе, сама царица Марья Ильинишна, Морозовъ, составители Уложенія и многіе другіе. Болѣе образованные изъ бояръ, въ родѣ Морозова, Романова и другихъ злобились на патріарха за то, что онъ, внося въ церковь, какъ они думали, «новшества», въ то же время враждовалъ противъ всѣхъ тѣхъ европейскихъ «новинъ», которыя являлись въ житейскомъ обиходѣ у нѣкоторыхъ бояръ: приказывалъ жечь картины и органы, рѣзать ливреи у боярской дворни. Эта необдуманная нетерпимость Никона возбуждала противъ него даже и лучшихъ людей того времени... Вражда иныхъ изъ нихъ доходила порой до нелѣпой крайности. Семенъ Стрѣшневъ изъ ненависти къ Никону назвалъ даже свою собаку его именемъ и выучилъ ее подражать движенію благословляющаго патріарха. Сильные недоброхоты патріарха зорко слѣдили за нимъ, старались уловить каждый промахъ, всякій ложный шагъ его, всякое необдуманное рѣзкое слово...

Но Никонъ, пока находилъ твердую опору въ царѣ, неуклонно слѣдовалъ своимъ убѣжденіямъ, и не придавалъ большаго значенія своимъ противникамъ...

Разладъ между царемъ и Никономъ.

Сильные враги Никона, конечно, не молчали. Они безпрестанно внушали царю, что патріархъ превышаетъ свои права, вмѣшивается въ правительственныя дѣла, ни во что не ставитъ царскую

власть. Какъ сильно ни любилъ царь Никона, но постоянные навѣты и клеветы свое дѣло дѣлали: въ душу царя вкрадывалось мало по малу недовольство и недовѣріе къ Никону. Крутой нравъ патріарха и рѣзкое отношеніе къ людямъ, конечно, были не по душѣ «тишайшему» царю. Мягкій, податливый Алексѣй Михайловичъ былъ въ то же время ревнивъ къ своей власти, и вмѣшательство въ дѣла правленія со стороны Никона, который хотѣлъ быть такимъ же «государственнѣйшимъ» патріархомъ, какимъ былъ Филаретъ, безъ сомнѣнія, не нравилось царю.

Перемѣна отношеній царя къ патріарху стала сказываться со времени возвращенія царя изъ похода, въ 1657 году. Алексѣй Михайловичъ на войнѣ больше освоился съ властью, окрѣпъ духомъ, возмужалъ, отвыкъ отъ подчиненія своему «собинному другу»; а Никонъ въ свою очередь, заправляя въ отсутствіи царя всѣми дѣлами церковными и мірскими, свыкся съ властью, полюбилъ ее... Вернулся царь въ Москву и нашелъ здѣсь другого властнаго государя, который къ тому же и на грамотахъ писался «государемъ». Враги Никона не преминули, конечно, разными ловкими намеками и внушеніями навести царя на мысль, что патріархъ сталъ могучѣе его, раздуть искру неудовольствія въ душѣ его.

Время тогда было очень тяжелое. Война со шведами, начатая отчасти по совѣту Никона, кончилась неудачно; безденежье и затѣмъ выпускъ мѣдной монеты вмѣсто серебряной породили, какъ извѣстно, смуту и мятежъ. У царя на душѣ было, конечно, тяжело. И вотъ въ эту печальную пору Никонъ строитъ свои монастыри (Воскресенскій и Крестный) и проситъ у царя для нихъ земель. Когда же потребовались средства на нужды государства, и царь пожелалъ хотя нѣсколько воспользоваться монастырскими богатствами, патріархъ рѣшительно возсталъ противъ этого.

Это очень не понравилось царю, но онъ вмѣсто того, чтобы откровенно объясниться съ патріархомъ, какъ сдѣлалъ бы на его мѣстѣ человѣкъ болѣе рѣшительный, сталъ отдаляться отъ Никона, избѣгать встрѣчи съ нимъ. А Никонъ, замѣтивъ холодность государя и не чувствуя за собой никакой вины, тоже обидѣлся, показывалъ видъ, что онъ не хочетъ заискивать милости... Боярамъ, врагамъ патріарха, какъ нельзя болѣе былъ на руку такой образъ дѣйствія; теперь имъ легче было дѣйствовать на царя, котораго тоже, конечно, оскорбляло гордое отчужденіе патріарха; теперь враги его подняли голову, стали гораздо смѣлѣе... Монастырскій приказъ, который было совсѣмъ потерялъ значеніе, опять усилился и сталъ

вмѣшиваться въ церковныя дѣла. Никонъ, не выносившій никакихъ ограниченій и стѣсненій, началъ писать царю рѣзкія письма, называя нечестіемъ вмѣшательство мірскихъ властей въ церковныя дѣла... бояре, конечно, не преминули истолковывать эти посланія патріарха въ смыслѣ, самомъ оскорбительномъ для царя.

Рознь между царемъ и патріархомъ усиливалась....

Наконецъ, лѣтомъ 1658 г. произошелъ окончательный разрывъ. 6-го іюля былъ при дворѣ большой обѣдъ по случаю пріѣзда въ

Скитъ Никона въ Воскресенскомъ монастырѣ.

Москву грузинскаго царя Теймураза. Высокій царскій гость шествовалъ съ большимъ церемоніаломъ во дворецъ. Окольничій Хитрово наблюдалъ за порядкомъ, расчищалъ путь; въ это время пробирался сквозь толпу патріаршій бояринъ, посланный къ царю, и подвернулся какъ разъ подъ руку Хитрово, когда онъ отгонялъ палкой напиравшую толпу любопытныхъ; ударъ достался и на долю патріаршаго посланца.

— «Не дерись,—сказалъ онъ,—я не спроста пришелъ сюда,—я отъ патріарха»!

— «Не дорожись патріархомъ!» отвѣтилъ Хитрово, и ударилъ его снова палкой по лбу.

Ѣдкое чувство обиды заговорило въ сердцѣ Никона, когда посланный имъ бояринъ жаловался ему на Хитрово. Уже то было тяжело самолюбію патріарха, что государь не позвалъ его на торжественный обѣдъ, тогда какъ по обычаю ему слѣдовало быть тамъ; а тутъ еще окольничій дерзко оскорбляетъ его посланца, даетъ ясно понять, что теперь уже можно и не обращать вниманія на патріарха.

Въ досадѣ Никонъ написалъ царю письмо, гдѣ просилъ учинить сыскъ и наказать виновнаго за обиду. Государь въ отвѣтъ самъ написалъ: «Сыщу и по времени самъ съ тобою видѣться буду»... Но прошелъ день, другой... 8-го іюля былъ храмовой праздникъ въ церкви Казанской Божіей Матери. Патріархъ со всѣмъ соборомъ торжественно совершалъ богослуженіе. Въ такихъ случаяхъ государь съ именитыми боярами обыкновенно присутствовалъ въ церкви; но на этотъ разъ его не было. Чрезъ два дня было въ Успенскомъ соборѣ празднованіе Положенія ризы Господней, принесенной изъ Персіи въ Москву при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ. На этомъ праздникѣ государь всегда бывалъ въ соборѣ; но теперь прислалъ сказать, что не будетъ... Понялъ, конечно, Никонъ, что добродушный и набожный государь сильно гнѣвается на него, если даже отступаетъ отъ прежняго благочестиваго обычая присутствовать въ праздничные дни на патріаршей службѣ. Наконецъ, дѣло вполнѣ разъяснилось. Царскій посланецъ князь Ромодановскій сказалъ ему:

— «Царское величество гнѣвается на тебя, и потому не пришелъ ко всенощной, не велѣлъ ждать его и къ обѣднѣ.... Ты оскорбляешь царя, — пишешься «великимъ государемъ», а у насъ одинъ великій государь—царь».

— «Называюсь такъ не по своей волѣ,— отвѣчалъ Никонъ,—такъ желалъ и велѣлъ мнѣ называться и писаться его царское величество. У меня есть на то грамоты, писанныя собственной его рукой»...

— «Царское величество, перебилъ Ромодановскій, тебя почтилъ какъ отца и пастыря, но ты не понялъ, и теперь государь приказалъ сказать тебѣ, чтобы ты впредь не писался и не звался великимъ государемъ».

Не вынесло этого удара сердце Никона; онъ понялъ, что время его прошло; что козни бояръ удались... Отслуживъ литургію и причастивъ Св. Таинъ, онъ написалъ царю слѣдующее письмо:

«Се вижу на мя гнѣвъ твой умноженъ безъ правды, и того ради и соборовъ святыхъ во святыхъ церквахъ лишаешись; азъ же

пришлецъ есмь на земли; и се нынѣ, дая мѣсто гнѣву, отхожу отъ мѣста и града сего, и ты имаши отвѣтъ предъ Господомъ Богомъ о всемъ дати».

Это письмо Никонъ отправилъ царю; государь прочитавъ вернулъ письмо безъ отвѣта съ патріаршимъ посланцемъ. Тогда Никонъ рѣшился исполнить свое ранѣе задуманное дѣло. При концѣ обѣдни онъ обратился къ народу съ поученіемъ. Сначала прочелъ слово изъ Златоуста, затѣмъ заговорилъ о самомъ себѣ.

—«Лѣнивъ я былъ учить васъ,—сказалъ онъ между прочимъ,—не стало меня на это, окоростовѣлъ отъ лѣни и вы окоростовѣли отъ меня... Называли меня еретикомъ, иконоборцемъ,—за то, что я новыя книги завелъ, камнями побить меня хотѣли. Съ этихъ поръ я вамъ не патріархъ»...

Слова эти поразили народъ, поднялся говоръ, шумъ... Трудно было разобрать, что говорилъ дальше патріархъ. Потомъ одни заявляли, будто онъ сказалъ: «будь я анаѳема, если захочу быть патріархомъ»; но другіе отвергали это показаніе.

Кончивши свою рѣчь, Никонъ снялъ патріаршее облаченіе; надѣлъ мантію и черный клобукъ. Народъ, наполнявшій церковь, былъ сильно встревоженъ: многіе плакали; другіе кричали, что не выпустятъ его безъ государева указа. Нѣкоторые изъ духовныхъ лицъ спѣшили къ царю. Никонъ остался среди церкви; онъ былъ въ большомъ волненіи,—то садился на ступени амвона, то вставалъ и направлялся къ выходу; но народъ его удерживалъ...

Никонъ, конечно, ждалъ, что государь самъ будетъ просить его остаться; ждалъ этого и народъ. Но вышло не такъ. Когда царю дали знать о случившемся въ Успенскомъ соборѣ, онъ былъ сильно озадаченъ.

— «Я будто сплю съ открытыми глазами»! проговорилъ онъ и послалъ князя Трубецкаго и Стрѣшнева узнать у патріарха, что все это значитъ, кто его гонитъ...

Никонъ отвѣчалъ, что уходитъ по своей волѣ, что не хочетъ носить на себѣ царскій гнѣвъ. Хотя ему и было передано отъ царя, чтобы онъ не оставлялъ патріаршества; но Никонъ, конечно, не того ждалъ,—онъ надѣялся отъ самого царя услышать ласковое слово примиренія, ждалъ, что самъ государь придетъ къ нему, своему «собинному другу»; но этого не случилось... Никонъ снялъ съ себя мантію, вышелъ изъ собора и пѣшкомъ отправился на подворье Воскресенскаго монастыря. Здѣсь переждалъ еще два дня, быть можетъ, все еще надѣясь, что царь первый сдѣлаетъ шагъ къ

примиренію... Царь молчалъ. Тогда Никонъ уѣхалъ въ Воскресенскій монастырь.

Никонъ сначала, казалось, искренне хотѣлъ отказаться отъ патріаршества, просилъ государя скорѣе избрать ему преемника, чтобы церковь не вдовствовала; снова подтвердилъ, что самъ не хочетъ быть патріархомъ, и по желанію царя благословлялъ замѣнять себя крутицкаго митрополита.

Какъ враги Никона ни хлопотали охладить чувства государя къ Никону, но добродушному Алексѣю Михайловичу видимо было жаль Никона, который словно хотѣлъ забыть о власти, трудился очень усердно въ своемъ Воскресенскомъ монастырѣ, занимался каменными постройками, копалъ пруды, разводилъ рыбу, расчищалъ лѣсъ. Царь давалъ ему денежную помощь на украшеніе монастыря; даже въ знакъ особеннаго вниманія, въ большія праздники, посылалъ ему въ монастырь лакомыя яства. Никонъ могъ еще надѣяться на примиреніе съ царемъ; но на его бѣду случились событія, которыя усилили рознь.

Въ патріаршемъ жилищѣ, конечно, по совѣту бояръ, былъ произведенъ обыскъ въ бумагахъ Никона. Это страшно обидѣло его. Онъ сгоряча написалъ царю крайне рѣзкое письмо, сильно укорялъ его за это. «Удивляюсь, какъ ты дошелъ до такого дерзновенія», говорится между прочимъ въ письмѣ, тутъ же припоминаются прежнія обиды. Это письмо очень оскорбило царя, и онъ прекратилъ попытки къ сближенію. Никонъ между тѣмъ сталъ сожалѣть о покинутой власти, — слишкомъ онъ уже свыкся съ нею и съ широкой дѣятельностью. Напрасно старался онъ подавить свою тоску и недовольство; напрасно изнурялъ себя трудами при постройкахъ; патріаршіе власть и почетъ все мерещились ему, все привлекали его. Онъ старался уже всячески смягчить свой поступокъ,— писалъ царю, что ушелъ изъ Москвы по своей волѣ; что сана съ него никто не снималъ, и благодать Св. Духа осталась при немъ. Съ большимъ гнѣвомъ обрушился онъ на крутицкаго митрополита, когда тотъ въ недѣлю Ваій совершилъ шествіе на осляти, которое Никонъ считалъ патріаршимъ обрядомъ. Время тянулось; конца разладу и не предвидѣлось. Избирать новаго патріарха при прежнемъ, который теперь не желалъ отказаться отъ этого сана, было совсѣмъ неудобно,— можно было опасаться двоевластія въ церкви.

Въ февралѣ 1660 года, по желанію царя, составился соборъ изъ высшаго русскаго духовенства и нѣкоторыхъ грековъ. Между духовными лицами было много враговъ Никона, всѣ помнили его

властный крутой нравъ. Соборъ обвинилъ Никона въ гордости, въ самовольномъ оставленіи патріаршаго престола и присудилъ его даже къ лишенію священнаго сана; только Епифаній Славенецкій и одинъ архимандритъ заявили потомъ о незаконности суда безъ допроса подсудимаго. Царь, впрочемъ, и не думалъ приводить въ исполненіе рѣшеніе собора, а Никонъ назвалъ этотъ соборъ «жидовскимъ сонмищемъ». Узнавъ, что крутицкій митрополитъ запретилъ поминать его въ церквахъ, Никонъ принялъ это за горькую обиду и предалъ его анаѳемѣ... Царя это сильно встревожило.

Въ это время прибылъ въ Москву газскій митрополитъ Паисій Лигаридъ, человѣкъ умный и весьма образованный, но способный кривить душой. Къ нему, какъ къ лицу знающему, обращались часто за совѣтами, и ему пришлось въ дѣлѣ Никона принять большое участіе. Лишенный своей каѳедры за склонность къ латинству, Паисій долго скитался по Греціи и Италіи; его еще раньше приглашалъ въ Москву самъ Никонъ, нуждавшійся при церковномъ исправленіи въ образованныхъ людяхъ. Теперь ловкій и угодливый грекъ смекнулъ, что ему гораздо выгоднѣе стать на сторону враговъ патріарха: когда Стрѣшневъ предложилъ Паисію на рѣшеніе вопросы о поведеніи патріарха и объ отношеніи его къ царю, Паисій отвѣчалъ полнымъ осужденіемъ дѣйствій Никона, винилъ его за гордость, за жестокое обращеніе съ духовенствомъ, за частое употребленіе отлученія отъ церкви; даже по поводу собаки Стрѣшнева осуждалъ Никона за то, что тотъ «за шутку» предалъ боярина анаѳемѣ.

Никону были доставлены эти вопросы и отвѣты. Онъ принялся горячо опровергать ихъ, излилъ на бумагѣ весь свой гнѣвъ, смѣло и рѣзко высказывалъ свои убѣжденія и взгляды на отношеніе церкви и государства, на власть патріарха; дошелъ въ увлеченіи и запальчивости даже до того, что заговорилъ языкомъ папъ:

«Не отъ царей, — писалъ онъ,— пріемлется начало священства, но отъ священства на царство помазуются; священство выше царства. Не давалъ намъ царь правъ, а похитилъ наши права: церковью обладаетъ, св. вещами богатится; весь свящ. чинъ ему работаетъ, оброки даетъ, воюетъ; завладѣлъ онъ церковнымъ судомъ и пошлинами. Господь двумъ свѣтиламъ свѣтить повелѣлъ,— солнцу и лунѣ, и чрезъ нихъ намъ показалъ власть архіерейскую и царскую: архіерейская власть сіяетъ днемъ, власть эта надъ душами, царская въ вещахъ міра сего».

Паисій составилъ цѣлый рядъ вопросовъ, которые были посланы восточнымъ патріархамъ. Хотя рѣчь шла здѣсь о дѣйствіяхъ

Никона, но имя его не упоминалось. Отвѣты всѣхъ патріарховъ были не въ его пользу; одинъ только іерусалимскій въ отдѣльномъ посланіи умолялъ царя помириться съ Никономъ безъ суда.

Но мириться теперь было уже трудно. Враги Никона все дѣлали, что только было можно, чтобы раздражить его, вывести изъ терпѣнія. Окольничій Боборыкинъ завладѣлъ неправильно землею Воскресенскаго монастыря; на челобитье патріарха по этому дѣлу монастырскій приказъ не обратилъ вниманія; тогда Никонъ написалъ государю рѣзкое письмо, гдѣ сильно возставалъ противъ мірской власти въ церковныхъ дѣлахъ, даже грозилъ царю гнѣвомъ Божіимъ за изданіе Уложенія... Боборыкина онъ предалъ анаѳемѣ въ своей монастырской церкви; а тотъ донесъ въ Москву, будто бы Никонъ проклиналъ самого царя и семью его.

Царь былъ пораженъ этимъ и говорилъ со слезами на глазахъ собору архіереевъ:

— «Пусть я грѣшенъ; но чѣмъ виновата жена моя и любезныя дѣти мои и весь дворъ мой, чтобы подвергаться клятвѣ?»

Никонъ былъ по этому дѣлу допрошенъ; допрашивали и другихъ, и обвиненіе оказалось совершенно ложнымъ. Постоянныя препирательства, жалобы, обвиненія, — все это, конечно, страшно томило впечатлительнаго Алексѣя Михайловича. Онъ рѣшился пригласить въ Москву восточныхъ патріарховъ, чтобы окончательно рѣшить дѣло Никона.

Между тѣмъ и Никонъ началъ сильно жалѣть о разладѣ съ царемъ. Теперь, когда его враги, и нетолько могущественные, но и ничтожные, еще такъ недавно трепетавшіе предъ нимъ, всесильнымъ великимъ «государемъ и партіархомъ», «собинымъ другомъ царя», давали ему почти на каждомъ шагу чувствовать его паденіе, старались всячески оскорбить его, — ударъ за ударомъ наносился его самолюбію, и у него не хватало больше терпѣнія выносить всѣ огорченія... Никогда, быть можетъ, жажда власти и величія такъ не томила его, какъ теперь. И вотъ въ такую-то пору одинъ изъ очень немногочисленныхъ друзей его, боярин Зюзинъ, задумалъ примирить его съ царемъ, — написалъ письмо, въ которомъ совѣтовалъ Никону внезапно пріѣхать въ Москву на праздникъ Петра Чудотворца, къ утрени, прямо въ соборъ и пригласить, по обычаю, государя въ церковь, какъ будто бы и не бывало никакой размолвки у него съ царемъ. Зюзинъ намекалъ, будто такова воля самого государя. Надо думать, что боярин, слыша часто отъ царя сожалѣніе о разладѣ съ патріархомъ, вообразилъ, что онъ большую

услугу окажетъ имъ обоимъ, если какъ нибудь сведетъ ихъ и дастъ имъ удобный случай примириться. Два раза онъ писалъ Никону объ этомъ, и его письма какъ нельзя больше совпадали съ тайнымъ желаніемъ Никона. Онъ отдался весь молитвѣ и посту,—молился, чтобы Господь вразумилъ его, какъ поступить. Разъ, когда онъ, изнуренный долгой молитвой, забылся, ему, какъ онъ самъ потомъ разсказывалъ, привидѣлось видѣніе, будто бы онъ стоитъ въ Успенскомъ соборѣ и видитъ, что всѣ почившіе святители возстали изъ своихъ гробовъ и подписываютъ рукопись о вторичномъ возведеніи его на патріаршество. Никонъ послѣ этого рѣшился послѣдовать совѣту Зюзина.

Съ 17 на 18 декабря 1665 г. въ Успенскомъ соборѣ шла заутреня. Часа въ 3 утра вдругъ съ шумомъ растворилась дверь и вошелъ Никонъ съ толпой монаховъ. Предъ нимъ несли крестъ. Никонъ взялъ посохъ митрополита Петра и сталъ на патріаршемъ мѣстѣ. Монахи пропѣли: «Исполла эти, деспота» и «достойно»... Всѣ въ церкви оторопѣли и недоумѣвали, какъ быть... Величавая осанка Никона, его рѣшительный, повелительный голосъ дѣйствовали на всѣхъ неотразимо; когда онъ позвалъ духовенство къ благословенію, — всѣ стали подходить къ его рукѣ.

Дали знать царю. Во дворцѣ поднялась страшная суматоха. Бояре растерялись, качали головами, не знали, что дѣлать и только твердили: «Ахъ, Господи, ахъ Господи!».

Никонъ прислалъ изъ собора царю письмо, гдѣ разсказалъ о своемъ видѣніи и въ концѣ говорилъ:

— «Пришли мы въ кротости и смиреніи, неся съ собою миръ: хощете ли самого Христа пріять?»

Царь былъ такъ смущенъ, что врагамъ Никона нетрудно было направить его волю по своему желанію.

Отъ имени царя къ Никону явились бояре, корили его за самовольное возвращеніе и сказали:

— «Уѣзжай туда, откуда пріѣхалъ!»

Никону ничего болѣе не оставалось, какъ исполнить это. Послѣдняя надежда его на примиреніе съ царемъ горько обманула его. Онъ приложился къ образамъ, и, взявъ съ собою посохъ св. Петра, вышелъ изъ церкви и сказалъ, что отрясаетъ прахъ отъ ногъ своихъ.

— «Мы этотъ прахъ подметемъ!» насмѣшливо замѣтилъ стрѣлецкій полковникъ.

— «Да размететъ васъ Господь оной божественной метлою!»

гнѣвно сказалъ Никонъ, указывая на комету, горѣвшую въ это время на небѣ, и напоминавшую видомъ своимъ метлу.

Никонъ уѣхалъ въ свой Воскресенскій монастырь. На пути у него отобрали посохъ св. Петра и допросили на счетъ пріѣзда въ Москву. Никонъ выдалъ Зюзина; его послѣ допроса и пытокъ сослали въ Казань.

Удаленіе патріарха и его размолвка съ царемъ были какъ нельзя больше на руку врагамъ всякихъ «новшествъ» въ церковномъ дѣлѣ. Они заговорили смѣлѣе, чѣмъ прежде. Самый рьяный изъ ревнителей старины Аввакумъ былъ возвращенъ изъ Сибири и явился въ Москву. Самъ царь ласково бесѣдовалъ съ нимъ, — старался склонить его къ уступкамъ; сначала Аввакумъ, казалось, поддался увѣщанію, но ненадолго, а тамъ опять принялся за свою прежнюю проповѣдь въ защиту старины, будто бы поруганной Никономъ. Горячая, искренняя и сильная проповѣдь Аввакума дѣйствовала на многихъ: ему удалось привлечь къ своему ученію нѣсколькихъ боярынь,— въ томъ числѣ княгиню Урусову и боярыню Морозову, которыя помогли расколу. Никита Пустосвятъ и Лазарь муромскій своими сочиненіями тоже послужили «старой вѣрѣ». Не мало было и другихъ поборниковъ ея. Повсюду являлись разные странники, отшельники, блаженные, которые возвѣщали народу, что наступаетъ кончина свѣта, что скоро придетъ Антихристъ, грозили вѣчной гибелью всѣмъ, кто приметъ трехперстное сложеніе, трегубое аллилуія, будетъ произносить и писать Іисусъ вмѣсто Ісусъ и проч.

Надо было, наконецъ, принять какія нибудь рѣшительныя мѣры противъ распространенія раскола. Соборъ духовныхъ лицъ въ 1666 году разсматривалъ и осудилъ сочиненія нѣкоторыхъ лжеучителей; призывали ихъ и другихъ распространителей вредныхъ мнѣній противъ церкви, обличали, увѣщевали ихъ отрѣчься отъ заблужденій, грозили подвергнуть наказанію. Многіе выражали раскаяніе; но были и нераскаянные старовѣры: Никита Пустосвятъ хотя съ виду и отрекся, но съ тайнымъ намѣреніемъ снова помогать расколу; Аввакумъ не сдался ни на какія убѣжденія,—его торжественно лишили сана, предали проклятію и сослали въ Пустозерскій острогъ. Инымъ за ихъ рѣзкія выраженія даже урѣзаны были языки.

Никонъ, узнавъ, что по поводу его удаленія съ патріаршаго престола царь хочетъ собрать соборъ въ Москвѣ, поспѣшилъ предувѣдомить византійскаго патріарха обо всемъ, какъ было. Въ длинномъ посланіи Никонъ откровенно разсказалъ о причинахъ

своего удаленія, жаловался, не стѣсняясь въ выраженіяхъ, на самого царя, бранилъ Паисія Лигарида...

Посланіе это не дошло по назначенію: оно было перехвачено на дорогѣ и послужило потомъ значительно къ обвиненію Никона.

Судъ надъ Никономъ.

Въ ноябрѣ 1666 года прибыли въ Москву патріархи. Торжества въ честь ихъ длились цѣлый мѣсяцъ. Наконецъ, приступили къ дѣлу. Паисій Лигаридъ, которому поручено было исполнять обязанность докладчика, съумѣлъ подготовить патріарховъ, настроить ихъ противъ Никона.

Въ началѣ декабря Никонъ былъ привезенъ въ Москву. Передъ отъѣздомъ изъ монастыря онъ пріобщеніемъ и елеосвященіемъ приготовился къ собору словно къ смерти, сказалъ поученіе братіи и простился съ нею. Повезли его ночью съ такою тайной, что онъ даже въ сильномъ раздраженіи спросилъ везшихъ его, ужь не хотятъ ли его задавить, какъ митрополита Филиппа...

Никогда еще не бывало въ Москвѣ такого собора, какой состоялся теперь. Два восточныхъ патріарха (антіохійскій—Макарій и Паисій александрійскій), 10 митрополитовъ и множество другихъ духовныхъ лицъ засѣдали на этомъ соборѣ.

Никонъ явился сюда во всемъ величіи патріаршаго сана, съ преднесеніемъ креста, такъ что всѣ и самъ царь должны были встать при его входѣ. Царь указалъ ему мѣсто на ряду съ архіереями. Никонъ оглядѣлся, и, увидѣвъ, что не было для него особеннаго почетнаго патріаршаго мѣста, сказалъ:

— «Благочестивый царь, — я не принесъ своего мѣста съ собою; буду говорить стоя!»

Всѣ восемь часовъ, пока продолжалось засѣданіе, Никонъ простоялъ, опершись на свой посохъ.

На соборѣ дѣло приняло такой видъ, какъ будто бы между царемъ и патріархомъ шла тяжба, а соборъ долженъ былъ совершить судъ. Самъ государь со слезами на глазахъ, взволнованнымъ голосомъ, началъ жаловаться на самовольное удаленіе патріарха, на восьмилѣтнюю смуту въ церковныхъ дѣлахъ, и заявилъ, что никакой вражды не питалъ къ Никону...

Будь Никонъ уступчивѣе, смирись онъ хотя немного, и, кто знаетъ, быть можетъ, тутъ же на соборѣ состоялось бы примиреніе между прежними друзьями. Но Никонъ во всемъ блескѣ своего

величія, опершись на посохъ, гордо стоялъ предъ царемъ и соборомъ. Много горечи и обиды накопилось въ его душѣ; не смиреніе и любовь, а чувство обиды говорило въ сердцѣ его! На обвиненія онъ отвѣчалъ обвиненіями, объяснилъ, что ушелъ отъ гнѣва государя, а патріаршества не оставлялъ. Царь предъявилъ собору перехваченное письмо Никона къ византійскому патріарху и жаловался на обидныя выраженія. Никонъ отвѣчалъ, что посланіе писалъ онъ къ своему собрату тайно, и не виноватъ, что написанное тайно сдѣлалось явнымъ. На чтеніи и разборѣ письма соборъ остановился долго. Дѣлались замѣчанія, спорили, обвиняли патріарха въ самовольствѣ, гордости, превышеніи власти... Въ жару спора Никонъ дѣлалъ рѣзкія замѣчанія,—тѣмъ болѣе, что онъ не могъ не видѣть, что къ нему придираются, хотятъ его обвинить во что бы ни стало.

На второмъ засѣданіи, когда рѣчь зашла о побояхъ, нанесенныхъ бояриномъ Хитрово патріаршему посланному, антіохійскій патріархъ Макарій заявилъ, что Хитрово совершенно правъ, такъ какъ онъ исполнялъ царскую службу, и при этихъ словахъ самъ всталъ съ мѣста и благословилъ его. Сильно напали на Никона за его рѣзкій отзывъ о Паисіи Лигаридѣ, за обвиненіе его въ неправославіи. Никонъ, крайне раздраженный споромъ, выразилъ тутъ же сомнѣніе въ достоинствѣ собора и въ правѣ собравшихся лицъ судить его и даже усомнился въ православіи греческаго Номоканона, напечатаннаго въ Италіи.

12 декабря въ патріаршей крестовой были прочтены Никону обвиненія, — выставлялось на видъ, что онъ смутилъ русское царство, вмѣшивался въ гражданскія дѣла; что давалъ своему монастырю гордыя названія Виѳлеема, Голгоѳы, Іерусалима; что злоупотреблялъ анаѳемой, Номоканонъ называлъ еретической книгой; что мучилъ иноковъ мірскими наказаніями и пытками...

Никона объявили лишеннымъ патріаршества и священства, только иночество было оставлено за нимъ.

Затѣмъ былъ исполненъ обрядъ снятія сана. При этомъ Никонъ спросилъ:

— «Почему вы дѣйствуете здѣсь, въ монастырской церкви, тайно, какъ воры. При всемъ народѣ въ соборѣ умоляли меня принять патріаршество. Пойдемъ и теперь въ ту же великую церковь».

Патріархи сами сняли съ него клобукъ и панагію. Не смогъ снести всего этого молча бывшій всесильный владыка, не сдержалъ своего сердца...

— «Жемчугъ то съ клобука подѣлите межъ собою,— заговорилъ онъ, — придется вамъ по нѣскольку золотниковъ. Бродяги, ходите повсюду за милостыней, чтобы султану заплатить дань!».

Рѣшено было отвезти Никона въ заточеніе въ Ѳерапонтовъ монастырь.

— «Никонъ, Никонъ!—говорилъ онъ, садясь въ сани,—отчего все это тебѣ приключилось? Не говори правды, не теряй дружбы сильныхъ. Устраивалъ бы ты богатыя трапезы, да вечерялъ бы съ ними,—небыло бы тебѣ этого!».

Тяжело жилось въ первые годы «ѳерапонтовскому заточнику». Архимандриту, который долженъ былъ находиться при немъ, былъ данъ строгій наказъ:

«Беречь, чтобы монахъ Никонъ писемъ никакихъ не писалъ и никуда не посылалъ; беречь накрѣпко, чтобы никто никакого оскорбленія ему не дѣлалъ; монастырскимъ ему владѣть ничѣмъ не позволять, а пищу и всякій келейный покой давать ему по его потребѣ».

Хотя особеннымъ лишеніямъ Никонъ не подвергался въ заточеніи, и обходились съ нимъ по царскому приказу бережно; но отсутствіе власти и широкой дѣятельности было для него крайне тяжелымъ лишеніемъ. Государь видимо жалѣлъ Никона, быть можетъ, въ душѣ даже раскаивался, что поступилъ съ нимъ слишкомъ круто. Высокомѣріе и гордость Никона во время соборнаго суда должны были, конечно, сильно раздражить вспыльчиваго Алексѣя Михайловича, но когда дѣло кончилось, и могучій прежде и величавый патріархъ обратился въ злосчастнаго заточника отдаленной пустыни, то обычная доброта несомнѣнно заговорила въ сердцѣ царя, и ему стало жаль Никона, своего бывшаго задушевнаго друга; быть можетъ, закрадывался въ душу благочестиваго царя и страхъ, и шевельнулся даже вопросъ, по христіански ли онъ поступилъ... Отмѣнить рѣшеніе собора уже нельзя было; но ослабить силу горечи въ душѣ пострадавшаго и хотя сколько нибудь примириться съ нимъ, еще было возможно. И вотъ царь, еще предъ отъѣздомъ Никона въ Ѳерапонтовъ монастырь, посылаетъ ему съ бояриномъ деньги, мѣха, одежды и проситъ прощенія и благословенія; но Никонъ отказывается принять царскіе дары, не даетъ благословенія и говоритъ:

— «Будемъ ждать суда Божія!».

Алексѣй Михайловичъ и послѣ этого посылалъ ему дары, но Никонъ отсылалъ ихъ назадъ; только въ Пасху 1667 г. онъ принялъ привезенное ему отъ царя вино и пилъ за его здоровье.

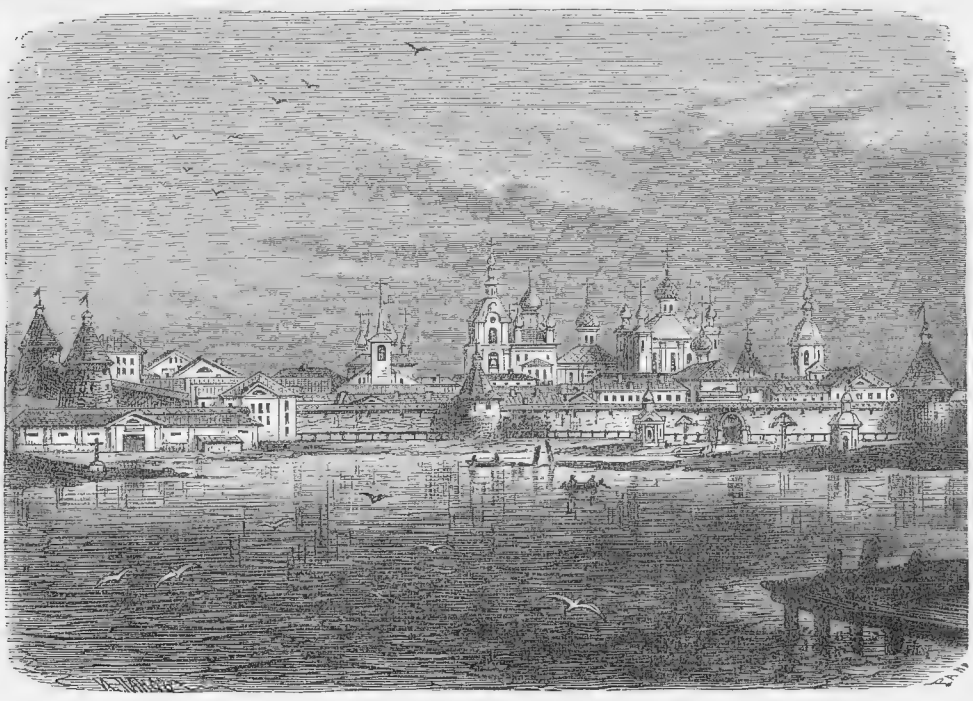
Послѣ этого положеніе Никона улучшилось: ему позволено было выходить изъ монастыря, увеличено содержаніе, въ монастырѣ стали оказывать ему почетъ, какъ патріарху. Онъ самъ никакъ не хотѣлъ допустить мысли, чтобы соборъ могъ лишить его сана, и постоянно употреблялъ патріаршій титулъ, вырѣзывалъ его на крестахъ, которые ставились около монастыря по дорогамъ; вырѣзывалъ его на стульяхъ своей работы. На Никона дѣлали доносы, будто онъ хочетъ бѣжать изъ монастыря и вернуть себѣ свой санъ съ помощью черни; а во время Разинскаго возстанія доносили, будто бы онъ былъ въ сношеніяхъ съ мятежниками; но дознаніе не подтвердило доноса, и царь до своей смерти выказывалъ благосклонность бывшему патріарху, посылалъ ему щедрые дары, разбиралъ его частыя жалобы. Никонъ подъ старость замѣтно слабѣлъ и тѣломъ, и умомъ. Всякія мелочи и дрязги гнѣвили его; онъ постоянно вздорилъ съ монахами, особенно не ладилъ съ иноками сосѣдняго Кирилловскаго монастыря, безпрестанно докучалъ царю жалобами, иногда даже нелѣпыми, жаловался между прочимъ на кирилловскаго архимандрита, напр., за то, что онъ насылаетъ ему въ келью чертей...

Борьба съ расколомъ.

Тотъ же соборъ, который осудилъ Никона, одобрилъ его церковныя исправленія и книги, изданныя имъ. На этомъ же соборѣ были допрошены главные противники ихъ, «старовѣры», какъ называли они себя. Одни изъ нихъ (Александръ вятскій, Ѳеоктистъ, Никита, Ефремъ и Нероновъ) покаялись и были прощены, нераскаянные (Аввакумъ, Лазарь, Ѳедоръ) преданы анаѳемѣ и сосланы въ ссылку. Въ 1667 году великій соборъ, на которомъ были восточные патріархи, снова подтвердилъ эти постановленія и въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ произнесъ анаѳему на всѣхъ непокорныхъ.

Послѣ этого всѣ старовѣры обратились уже въ раскольниковъ и совершилось ихъ рѣшительное отдѣленіе отъ церкви. Такъ явился расколъ,—одно изъ самыхъ печальныхъ явленій русской жизни. Крайнее невѣжество и духъ крайней нетерпимости породили его. Никонъ, какъ мы видѣли, вовсе не вводилъ чего либо новаго въ церковную жизнь; напротивъ, онъ хотѣлъ возстановить въ церкви настоящую старину, очистивъ ее отъ тѣхъ наростовъ и извращеній, какія явились вслѣдствіе злоупотребленій и ошибокъ, которыя именно и были печальными новшествами въ русской цер-

кви. Никонъ былъ «старовѣромъ» и «старообрядцемъ» въ лучшемъ смыслѣ этихъ словъ; а противники его, называвшіе себя этими именами, этого не понимали и стояли за старину, восходившую не дальше ихъ отцевъ и дѣдовъ, — старину, искаженную невѣждами-справщиками. Въ основѣ раскола такимъ образомъ лежитъ огромное недоразумѣніе. Да и тѣ «новшества», которыя будто бы вводились Никономъ въ церковный обиходъ, вовсе и не касались сущности православной вѣры. Но въ томъ то и бѣда, что въ то время вслѣд-



Соловецкій монастырь.

ствіе невѣжества обрядность заслоняла сущность вѣры, и потому этой сущности многіе совсѣмъ понять не могли. Сложеніе перстовъ, двоеніе или троеніе аллилуія, служеніе на пяти или семи просфорахъ, осьмиконечный или четвероконечный крестъ на нихъ — вотъ главные вопросы, которые послужили поводомъ къ расколу.

Ревнители «древняго благочестія» твердили только одно:

— «До насъ положено, и лежи оно такъ во вѣки вѣковъ; православнымъ помереть нужно за единъ а з ъ!».

Непониманіе сущности вѣры и нетерпимость, другой неизбѣжный спутникъ невѣжества, повели къ ожесточенной борьбѣ. Ревни-

тели старины всячески старались мѣшать Никону въ дѣлѣ благоустройства церкви, а онъ, по своему нраву не выносившій противорѣчія, не довольствовался духовнымъ оружіемъ, да и справедливость требуетъ сказать, что этого оружія не доставало: не было еще ни школъ, ни проповѣдниковъ; пошли въ дѣло ссылки, тюрьма, тѣлесныя наказанія; явились такимъ образомъ «гонимые за вѣру, мученики». Слѣпотствующихъ ревнителей древняго благочестія, этихъ безъ вины виноватыхъ, на соборѣ предали анаѳемѣ; правительство посмотрѣло на нихъ какъ на преступниковъ; да и могло ли оно смотрѣть иначе на людей, которыхъ проклинала церковь? И вотъ люди, заблуждающіеся въ дѣлахъ вѣры, но считающіе именно себя хранителями божественной истины, обращаются невольно въ государственныхъ преступниковъ.

Сильнѣе всего сказалось противодѣйствіе церкви и государству на дальнемъ сѣверѣ—въ Соловецкомъ монастырѣ. Когда въ 1657 году сюда были присланы новыя книги,—здѣсь ихъ не хотѣли принимать, и началось «стояніе за старую вѣру». Сначала въ Москвѣ не обратили большаго вниманія на это, — были заняты вопросомъ о Никонѣ. Въ Соловкахъ было много приверженцевъ старины. Главнымъ коноводомъ явился архимандритъ Никаноръ, жившій здѣсь на покоѣ; онъ былъ заклятый ревнитель старины и болѣе всѣхъ побуждалъ братію «постоять за старую вѣру».

Въ Соловецкомъ монастырѣ смѣлѣе, чѣмъ гдѣ либо, раздались мятежные крики:

— «Не принимаемъ новоизданныхъ книгъ; не хотимъ знать троеперстнаго сложенія, имени «Іисусъ», трегубаго алиллуія! Все это латинское преданіе, антихристово ученіе; хотимъ оставаться въ старой вѣрѣ и умирать за нее!».

Сюда былъ присланъ для увѣщанія непокорныхъ архимандритъ Сергій изъ Москвы. Онъ собралъ монаховъ и прочелъ имъ царскій указъ и грамоты собора.

— «Указу великаго государя мы послушны,—кричали ему въ отвѣтъ, — и во всемъ ему повинуемся, а повелѣнія о сложеніи перстовъ, объ аллилуія и новоизданныхъ печатныхъ книгъ не пріемлемъ!».

При этомъ всталъ Никаноръ и, показывая троеперстное сложеніе, закричалъ:

— «Это ученіе и преданіе латинское, преданіе антихристово,— я готовъ пострадать! да у васъ теперь и главы, патріарха, нѣтъ, а безъ него вы не крѣпки!».

— «Выберите кого либо, съ кѣмъ можно было бы говорить безъ шума!»—сказалъ Сергій монахамъ.

Со всѣхъ сторонъ раздалось: «Геронтій, Геронтій!».

Выступилъ Геронтій и задалъ Сергію вопросъ:

— «Зачѣмъ вы въ молитвѣ «Господи Ісусе!» отъемлете имя Сына Божія?»

При этомъ всѣ монахи завопили:

— «Охъ, охъ! горе намъ! отнимаютъ у насъ Сына Божія! Гдѣ вы дѣвали имя Сына Божія»?!

Говорить и убѣждать тутъ было излишне.

Пробовалъ Сергій говорить съ Геронтіемъ при немногихъ свидѣтеляхъ; но и здѣсь дѣло кончилось ничѣмъ...

Чтобы какъ нибудь сломить упорство противниковъ, Сергій сталъ задавать «страшные» вопросы:

— «Какъ по вашему? Великій государь царь Алексѣй Михайловичъ православенъ ли?

Монахи отвѣчали на это, конечно, утвердительно.

— «А повелѣнія его, присланныя къ вамъ, православны ли?

Застигнутые врасплохъ этимъ вопросомъ, монахи смолчали.

— «Освященный соборъ православенъ ли? продолжалъ Сергій.

— «Прежде патріархи были православны, отвѣчалъ Геронтій, а теперь Богъ вѣсть, потому что живутъ въ неволѣ, а россійскіе архіереи православны!»

— «А соборное повелѣніе, присланное съ нами, православно ли?» допрашивалъ Сергій.

— «Повелѣнія соборнаго не хулимъ, отвѣчали ему, а новой вѣры и ученія не пріемлемъ, держимся преданія св. Чудотворцевъ и за ихъ преданія хотимъ всѣ умереть».

Въ челобитной, посланной царю отъ Соловецкой братіи, находимъ между прочимъ слѣдующее:

«Въ новыхъ книгахъ Никона вмѣсто Іисуса написано съ приложеніемъ лишней буквы Іисусъ, что намъ грѣшнымъ страшно и помыслить. Милосердый государь! помилуй насъ нищихъ своихъ богомольцевъ, не вели нарушать преданіе прародителей твоихъ и начальниковъ нашихъ Соловецкихъ чудотворцевъ!».

Когда же изъ Москвы были присланы новыя увѣщанія, то соловецкіе монахи повторяютъ то же самое и, говоря, что они готовы умереть за старину, прибавляютъ:

— «Вели, государь, на насъ свой царскій мечъ прислать и отъ сего мятежнаго житія переселить насъ на оное безмятежное житіе».

Послѣ этого, дѣйствительно, оставалось только обнажить мечъ.

Въ 1668 году подъ стѣнами Соловецкаго монастыря явился небольшой отрядъ стрѣльцовъ .. Со стѣнъ обители загремѣли пушки. Стѣны, построенныя еще Филиппомъ, были крѣпки, на нихъ стояло 90 пушекъ, запасовъ было много; въ монастырѣ было человѣкъ пятьсотъ всякаго люда, въ томъ числѣ не мало воровскихъ казаковъ съ Дону. Мятежники думали «отсидѣться» и «отбиться» отъ царской рати.

Только чрезъ восемь лѣтъ послѣ упорной обороны, 22 января 1676 года удалось уже третьему воеводѣ взять монастырь приступомъ. Главнѣйшіе мятежники были повѣшены.

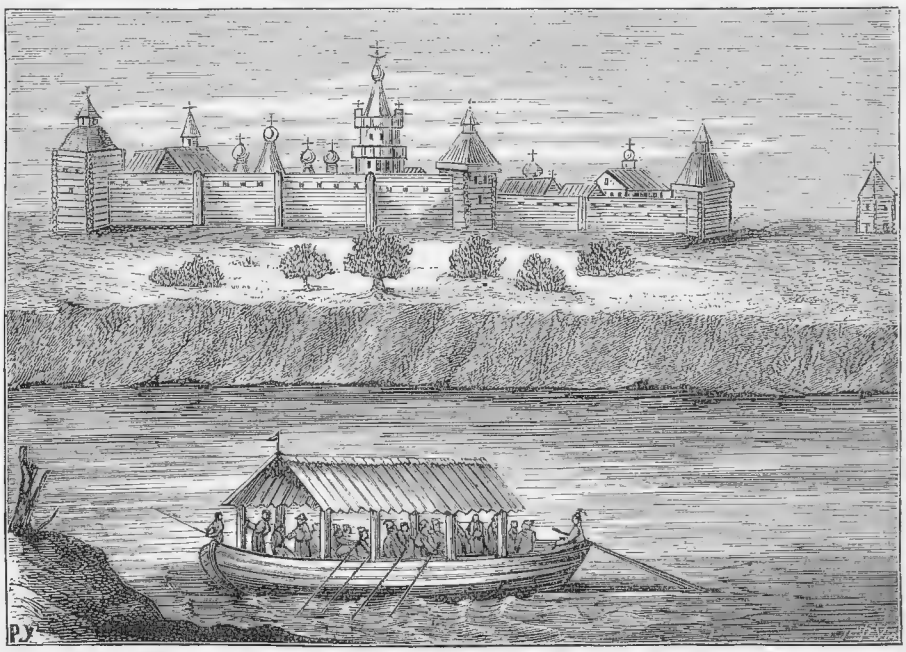
Съ этой поры идетъ неустанная борьба правительства съ расколомъ; усиливаются преслѣдованія,—ростетъ и ревность «старовѣровъ»; они въ своемъ невѣжественномъ ослѣпленіи воображаютъ себя мучениками за истину, потомъ распадаются и сами на разные толки, нѣкоторые изъ нихъ доходятъ до изувѣрства...

Возстаніе Разина.

На Дону, какъ извѣстно, обитало многочисленное казачество. Оно рѣзко распадалось на «домовитыхъ», настоящихъ казаковъ и «голутвенныхъ», или «голытьбу». Послѣдніе представляли скопища всякихъ скитальцевъ и бѣглецовъ, искавшихъ на «тихомъ» Дону вольнаго казацкаго житья. Изъ нихъ то и составлялись шайки воровскихъ казаковъ, ходившихъ на Волгу и другіе торговые пути грабить купеческіе караваны, «зипуновъ себѣ добывать», какъ выражались они. Для защиты отъ нихъ приходилось посылать съ купцами вооруженные отряды; для этой же цѣли служили построенные по Волгѣ городки, т. е. небольшія крѣпости, населеніе которыхъ въ старину состояло преимущественно изъ служилаго люда и только впослѣдствіи разросшіеся въ настоящіе города; таковы были Самара, Саратовъ, Черный Яръ, Царицынъ.

Съ конца XVI вѣка, со времени закрѣпощенія крестьянъ, число воровскихъ казаковъ на Дону быстро ростетъ; толпы бѣглаго люда постоянно прибываютъ сюда. Усиленіе крѣпостничества въ XVII вѣкѣ, обремененіе крестьянъ всякими повинностями и поборами, притѣсненія воеводъ, неправосудіе, — все это усиливаетъ побѣги и деревенскихъ крестьянъ, и посадскихъ людей. Деревни, села и цѣлые посады пустѣютъ. Служилые люди жалуются на безлюдье въ своихъ помѣстьяхъ, не могутъ отбывать воинской повинно-

сти, въ конецъ разоряются... Начинается со стороны правительства усиленная ловля бѣглецовъ: они не могутъ даже по степной окраинѣ осѣсться, имъ постоянно приходится скрываться, жить «внѣ закона», переходить съ мѣста на мѣста, пробавляться «воровскимъ промыс ломъ». Разбои страшно усиливаются. Правительство то и дѣло. что посылало воинскіе отряды да сыщиковъ ловить этихъ «лихихъ людей». Въ самой Москвѣ разбои, грабежи, убійства принимаютъ ужасные размѣры. Все это было слѣдствіемъ не одной только нравственной грубости, а также и крайней бѣдности и безправія



Городъ Черный Яръ въ XVII ст. (по Олеарію).

низшаго, чернаго люда. Бѣглецы, ушедшіе изъ государства, изъ подъ закона, становились злѣйшими врагами ихъ, тѣмъ болѣе, что должны были ожидать преслѣдованія отъ нихъ.

Голытьба, собравшаяся въ огромномъ числѣ по низовьямъ Дона, Волги и Яика (Урала), только и ждала себѣ смѣлаго вождя, чтобы начать «лихія дѣла» въ большихъ размѣрахъ. Такой вождь нашелся. Это былъ Стенька Разинъ.

Онъ былъ настоящимъ порожденіемъ буйной, разбойничьей вольницы. Силачъ, могучаго сложенія, съ мрачнымъ, грознымъ видомъ, Стенька невольно обращалъ на себя вниманіе каждаго: въ

его правильномъ, но суровомъ лицѣ и дикомъ, проницательномъ взорѣ, въ его рѣшительныхъ движеніяхъ, въ голосѣ сразу чуялась желѣзная, непреклонная воля. На толпу его видъ и рѣчь производили подавляющее впечатлѣніе: суевѣрный людъ видѣлъ въ немъ какую то темную, неотразимую силу, считалъ его колдуномъ. Въ его душѣ гнѣздилась ненасытная жажда зла; кровожадный и жестокій, онъ тѣшился муками своихъ жертвъ; ему необходимы были необычайныя, сильныя, страшныя ощущенія; состраданія онъ не зналъ... Необузданная воля его не выносила ничего, что можетъ сколько нибудь сдерживать ее: совѣсть, честь, справедливость для него не существовали. Онъ всею силою своей души ненавидѣлъ все, что ограничиваетъ и направляетъ дѣятельность человѣка: законъ, государство, церковь; онъ былъ вполнѣ представителемъ тѣхъ голутвенныхъ казаковъ-разбойниковъ, «удалыхъ добрыхъ молодцевъ», какъ называютъ они себя. Въ одной казацкой пѣснѣ говорится:

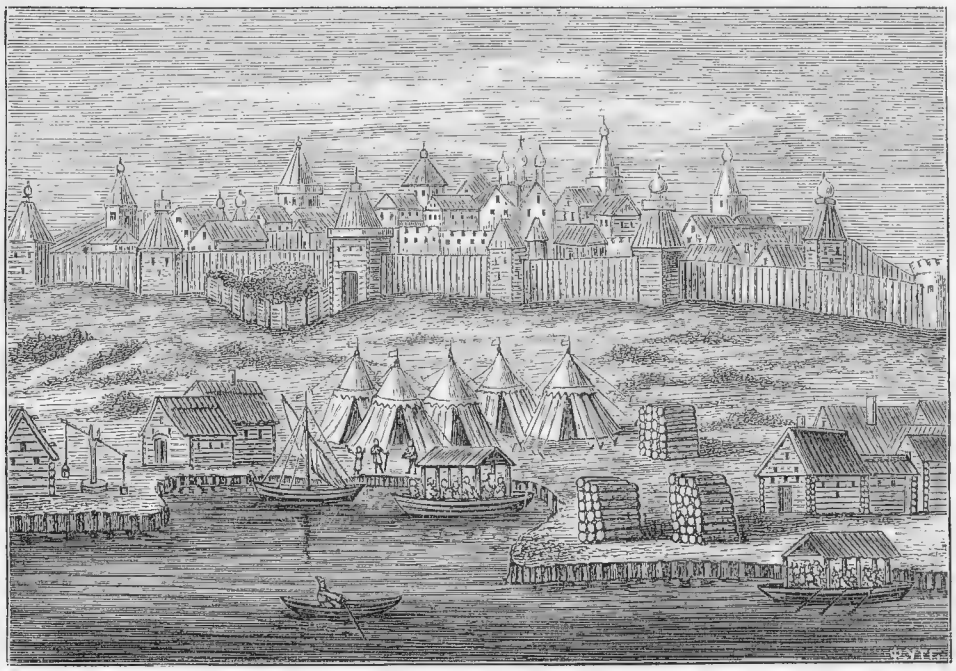
„У насъ-то было, братцы, на тихомъ Дону,
Породился удалъ добрый молодецъ,
По имени Стенька Разинъ Тимоѳеевичъ;
Во казачій кругъ Степанушка не хаживалъ,
Онъ съ нами, казаками, думу не думывалъ,—
Ходилъ, гулялъ Степанушка во царевъ кабакъ;
Онъ думалъ крѣпку думушку съ голытьбою!
Судари мои, братцы, голь кабацкая!
Поѣдемъ мы, братцы, на сине море гулять;
Разобьемъ, братцы, басурмански корабли —
Возьмемъ мы казны, сколько надобно!“.

Стенька съ домовитыми казаками сойтись не могъ: они вѣрно исполняли царскую службу и соблюдали законность. Атаманъ ихъ Корнилій Яковлевъ въ Черкаскѣ, уважаемый ими, сдерживалъ ихъ отъ какихъ бы то ни было незаконныхъ дѣйствій; за то тутъ же нашлось не мало голытьбы, готовой идти за смѣлымъ вожакомъ на какое угодно предпріятіе. Набравъ себѣ шайку лихихъ молодцевъ, Разинъ задумалъ было погулять по Азовскому морю, «пошарпать» турецкіе берега; но Яковлевъ не допустилъ этого.

Тогда на нѣсколькихъ стругахъ (легкія суда) Разинъ поднялся вверхъ по Дону и переволокся на Волгу... Скоро здѣсь заговорили о лихихъ разбойникахъ. Ватага Стеньки была раздѣлена на сотни и десятки и управлялась по казацкому обычаю, а самъ Разинъ былъ атаманомъ. На берегу Волги они заложили станъ и поджидали добычу,— и не долго пришлось ждать. Шелъ по Волгѣ цѣлый кара-

ванъ судовъ съ товаромъ, въ сопровожденіи отряда стрѣльцовъ; но у Разина было ужь съ тысячу товарищей... Караванъ былъ остановленъ, ограбленъ, хозяевъ Стенька приказалъ повѣсить на мачтахъ, другихъ утопить, а простымъ стрѣльцамъ и рабочимъ онъ объявилъ:

— «Вамъ всѣмъ воля; идите себѣ, куда знаете. Силою я не стану васъ неволить быть у себя, а кто хочетъ идти со мной — будетъ вольный казакъ. Я пришелъ бить только бояръ да богатыхъ господъ, а съ бѣдными и простыми готовъ, какъ братъ, всѣмъ подѣлиться».



Городъ Царицынъ въ XVII ст. (по Олеарію).

Всѣ работники и стрѣльцы пристали къ Разину.

Затѣмъ онъ пробрался на Яикъ, гдѣ было много воровскихъ казаковъ; смѣлымъ обманомъ онъ завладѣлъ здѣшнимъ городкомъ и засѣлъ въ немъ на зиму. Царскіе отряды, высланные противъ него изъ Астрахани, были разбиты.

Изъ Яика Разинъ отправился промышлять на море, пограбилъ персидскія суда, приставалъ къ персидскимъ берегамъ, опустошалъ села и города. Нападали казаки по большей части невзначай, такъ что жители со страху разбѣгались и покидали свое достояніе, а тамъ, гдѣ можно было ожидать отпора, Стенька пускался на

хитрости... Добычу казаки промыслили себѣ небывалую, многихъ захватили въ плѣнъ. Плѣнныхъ персіанъ казаки обмѣнивали на христіанскихъ невольниковъ, и потомъ хвалились, будто сражались за свободу своихъ братьевъ по вѣрѣ и племени.

Персидскій шахъ выслалъ противъ Разина семьдесятъ боевыхъ судовъ. Казаки вступили съ ними въ бой, потопили большую часть ихъ, а нѣкоторыми завладѣли. Эта побѣда доставила Стенькѣ Разину громкую славу въ казацкомъ мірѣ.

Велика была добыча «лихихъ удальцовъ», много было у нихъ золота, дорогихъ тканей и всякаго узорочья, но хлѣба было мало, прѣсной водой трудно было раздобыться, и лихія болѣзни стали одолѣвать. Пришлось подумать о возвращеніи домой, — довольно было у нихъ всякаго добра, было чѣмъ похвалиться и на что весело пожить.

Въ концѣ лѣта 1669 года Разинъ вернулся въ устье Волги; на встрѣчу ему вышелъ на судахъ отрядъ царской рати, но не для битвы. Воевода велѣлъ объявить Разину, что государь проститъ ему лихія дѣла его и позволитъ ему вернуться на Донъ, если казаки отдадутъ свои морскія суда (струги), пушки, захваченныя изъ царскихъ городовъ и судовъ, отпуститъ служилыхъ людей, приставшихъ къ ватагѣ ихъ, и персидскихъ плѣнныхъ.

Разинъ согласился, пріѣхалъ въ Астрахань, принесъ повинную, но всѣхъ требованій не исполнилъ: не выдалъ всѣхъ плѣнныхъ и пушекъ. Воеводы не рѣшились настаивать: они уже побаивались смѣлаго атамана. Силы у нихъ было немного; стрѣльцы и черный народъ сочувствовали удальцамъ...

Казаки стали подъ Астраханью станомъ. Десять дней провели они тутъ; каждый день ходили по городу; сбывали за безцѣнокъ награбленное добро: шелкъ, бархатъ, золотыя издѣлія и проч. Ловкіе астраханскіе торгаши, русскіе, армяне и персы, въ нѣсколько дней обогатились... Сподвижники Разина щеголяли въ богатыхъ персидскихъ нарядахъ: они были одѣты въ шелковыя и бархатныя одежды; драгоцѣнные камни и жемчугъ сіяли на ихъ шапкахъ. Атаманъ отъ другихъ отличался лишь своимъ могучимъ, повелительнымъ видомъ. Разинъ внушалъ всѣмъ какой-то страхъ и подобострастіе: предъ нимъ не только снимали шапки, но кланялись ему въ ноги и называли его: «батюшка Степанъ Тимофѣевичъ». Расхаживая среди народа, Разинъ со всѣми привѣтливо разговаривалъ, оказывалъ нуждающимся помощь, щедро, полными горстями, сыпалъ серебро и золото... Понятно, какое обаяніе производила его личность

на народъ. Съ жаднымъ любопытствомъ сбѣгались толпы поглазѣть на казачьи суда, полюбоваться атаманскимъ стругомъ, «Соколомъ,» какъ называетъ его народная пѣсня, — веревки на немъ были шелковыя, паруса — изъ дорогихъ персидскихъ тканей...

Безшабашная гульба казацкая, лихая, разгульная пѣсня, вино, которое потокомъ лилось у казаковъ, — все это разжигало воображеніе бѣднаго чернаго люда, манило его, влекло къ «батюшкѣ Степану Тимофѣевичу» и къ его удальцамъ, наряженнымъ въ бархать да шелкъ, побрякивающимъ золотомъ да серебромъ и распѣвающимъ:

„Мы не воры, не разбойнички,
Стеньки Разина мы работнички...
Мы весломъ махнемъ — корабль возьмемъ,
Кистенемъ махнемъ — каравань собьемъ"!...

Невѣжественный народъ мало задумывался надъ тѣмъ, что «работнички Стеньки Разина» промышляли себѣ богатство разбоемъ и душегубствомъ. Они грабили и губили басурманъ да своихъ разбогатѣвшихъ людей, а бѣдняковъ и простаго народа не трогали, даже сулили имъ всякія блага, — этого было довольно для многихъ темныхъ людей; вотъ чѣмъ надо объяснить, что въ иныхъ народныхъ пѣсняхъ воспѣвается не только удаль и сила воровскихъ казаковъ, но даже величаются они «удалыми, добрыми молодцами» и сравниваются съ прежними богатырями могучими...

Дикій разгулъ казацкій не зналъ удержу. Широкая природа самого Стеньки развернулась во всей ея силѣ, неутолимая жажда сильныхъ ощущеній доводила его иногда до сумасбродства... Одинъ иностранецъ-очевидецъ разсказываетъ о такомъ ужасномъ случаѣ. Стенька съ ватагой своей катался по широкому раздолью Волги на стругѣ; вино по обычаю лилось рѣкой и туманило казацкія головы.

Подлѣ Стеньки сидѣла плѣнница, — персидская княжна. Роскошный нарядъ, вышитый золотомъ и серебромъ, брильянты и жемчугъ увеличивали блескъ ея замѣчательной красоты. Плѣнница сильно нравилась суровому атаману... Вдругъ онъ вскакиваетъ съ мѣста и, обращаясь къ Волгѣ, говоритъ:

— «Ахъ ты Волга-матушка, рѣка великая! много ты дала мнѣ и злата, и серебра, и всякаго добра, славою и честью меня надѣлила, а я тебя еще ничѣмъ не поблагодарилъ! На-жь тебѣ, возьми!»

При этомъ Стенька схватилъ княжну одной рукой за горло, а другой за ноги, и кинулъ въ рѣку...

По народному повѣрью, послѣ удачнаго плаванія по морю или рѣкѣ слѣдовало бросить въ воду что либо цѣнное въ знакъ благодарности. Повѣрье это возникло, конечно, изъ древняго языческаго обычая приносить жертвы воднымъ божествомъ... Стенька въ звѣрскомъ порывѣ принесъ человѣческую жертву Волгѣ-матушкѣ!..

Разинъ, не смотря на свое обѣщаніе оставить лихія дѣла, отправляясь на Донъ со своей шайкой, продолжалъ буйствовать и чинить самоуправство. Когда же отъ него потребовали, чтобъ онъ вернулъ отъ себя приставшихъ къ нему нѣсколькихъ стрѣльцовъ, онъ съ гнѣвомъ отвѣтилъ:

— «У насъ, у казаковъ, этого не водится, чтобы бѣглыхъ выдавать. Кто къ намъ придетъ, тотъ воленъ. Мы никого не силуемъ; а хочетъ — пусть уходитъ»...

Когда Стенька прибылъ въ Царицынъ, и толпа донскихъ казаковъ явилась къ нему жаловаться на притѣсненія и лихоимство воеводы, — суровый атаманъ потребовалъ, чтобы всѣ обиженные были удовлетворены, —воевода исполнилъ это требованіе.

— «Смотри мнѣ, — пригрозилъ ему Стенька, — если я услышу, что ты будешь притѣснять казаковъ... я тебя живого не оставлю»!..

Воеводѣ пришлось молча выслушать эту угрозу воровскаго атамана, который, очевидно, своимъ заступничествомъ хотѣлъ расположить къ себѣ простой людъ и казаковъ.

Перешедши на Донъ, Разинъ устроилъ на небольшомъ островѣ городокъ Кагальникъ (между станицами Кагальницкою и Ведерниковскою), велѣлъ обнести его земляннымъ валомъ; казаки устроили себѣ здѣсь землянки.

Молва объ удачѣ Разина, о его «казнѣ несмѣтной», широко разнеслась по степной украинѣ. Со всѣхъ сторонъ сбѣгалась къ нему голытьба; гулящіе и лихіе люди находили у него пристанище, даже съ Украины, изъ Сѣчи приходили казаки къ удалому атаману. Домовитые, зажиточные казаки, понятно, чуждались голутвенныхъ, воровскихъ казаковъ; а Разинъ дѣйствовалъ совершенно иначе, онъ братался съ ними, ловко выставлялъ на видъ, что онъ заботится объ ихъ выгодахъ, держался съ ними на равной, товарищеской ногѣ. Это, конечно, очень было по душѣ всякимъ бѣглецамъ, бѣжавшимъ отъ тяжкой нужды или отъ наказаній. Толпы всякаго сброду собирались около него, и готовы были идти за нимъ всюду, куда онъ ихъ поведетъ. За то домовитые донскіе казаки, бывшіе подъ начальствомъ Корнилія Яковлева, враждебно смотрѣли на Разина и его шайку, быстро ростущую; но Стенькѣ бояться домовитыхъ было не-

Струги Разина на Волгѣ (по современному рисунку Страуса).

чего: у него силы было больше, чѣмъ у нихъ. Простой народъ видѣлъ въ немъ необыкновеннаго человѣка: ходила молва, что онъ чародѣй; что его не берутъ ни вода, ни огонь; что онъ можетъ заговаривать всякое оружіе. «Ваши пушки,—говоритъ Стенька въ одной пѣснѣ,—меня не возьмутъ, легки ружьица не проймутъ». Не только народъ, но и царскіе служилые люди признавали въ немъ какую-то чудодѣйственную силу; воеводы даже въ своихъ донесеніяхъ царю писали объ этомъ. По народнымъ преданіямъ, нельзя было и поймать его: случалось,—ловили его, но онъ тряхнетъ кандалами, и они летятъ у него съ рукъ и ногъ; выстрѣлятъ въ него изъ ружья — пуля отскакиваетъ.... Эти слухи, суровый, мрачный видъ Стеньки, проницательный взглядъ, — все это усиливало его обаяніе на простой народъ и его товарищей....

Толпы всякой голи, собравшіяся въ Кагальникѣ, только и ждали знака своего атамана, чтобы начать «свою работу,» да и Разинъ уже скучалъ въ бездѣйствіи. Онъ далъ казацкое устройство своей ватагѣ, и, прикидываясь вѣрнымъ слугою царя, на сходкахъ постоянно кричалъ, что пора идти противъ бояръ.

Въ маѣ 1670 года Стенька съ воровской своей ватагой поднялся по Дону вверхъ, переволокся на Волгу. Жители Царицына сдали ему городъ; воевода былъ утопленъ мятежниками... Въ городѣ Разинъ ввелъ казацкій строй: раздѣлилъ жителей на десятки и сотни, назначилъ атамана. Отсюда Стенька разослалъ по всему Поволжью своихъ посланцевъ подбивать народъ и служилыхъ людей къ мятежу....

Подъ Чернымъ Яромъ Разинъ встрѣтилъ ратный отрядъ, плывшій по Волгѣ на стругахъ противъ него. Какъ только стрѣльцы увидали Стеньку, — закричали:

— «Здравствуй, нашъ батюшка! смиритель всѣхъ нашихъ лиходѣевъ!»

Затѣмъ перевязали своихъ начальниковъ и выдали ихъ казакамъ.

— «Будутъ ли въ Астрахани драться противъ меня»? спрашивалъ Разинъ у нихъ.

— «Въ Астрахани — свои люди, — отвѣчали ему, — только ты придешь, тутъ же тебѣ городъ и сдадутъ».

Въ половинѣ іюня Разинъ расположилъ свое полчище станомъ подъ Астраханью. Воевода князь Прозоровскій приготовлялся къ оборонѣ, осмотрѣлъ укрѣпленія, распредѣлилъ боевыя силы... Митрополитъ совершилъ крестный ходъ по укрѣпленіямъ и молебствія. Но угрюмыя лица стрѣльцовъ не предвѣщали ничего добраго.

Вечеромъ 21 іюня раздался всполошный набатъ, зазвонили на

астраханскихъ башняхъ: казаки съ лѣсницами шли на приступъ. Воевода выѣхалъ со своего двора въ панцырѣ на боевомъ копѣ; ударили въ тулунбасы (литавры), затрубили въ трубы. Это былъ знакъ къ сраженію. Около воеводы собрались стрѣлецкіе головы. дворяне... Онъ обратился къ ратнымъ людямъ съ ободрительной рѣчью. Ночная тѣнь уже спускалась на землю ... Казаки Разина дѣлали видъ, будто хотятъ ударить на главныя городскія ворота; сюда и сосредоточили свои силы осажденные; но въ то же время съ другой стороны разинцы лѣзли по лѣсницамъ на стѣну, а астраханцы—измѣнники, подавали имъ руки, помогали взбираться..... Воевода и опомниться не успѣлъ, какъ раздался за нимъ крикъ казаковъ, и толпы ихъ съ астраханскими союзниками съ яростнымъ воплемъ кинулись на служилыхъ людей и стали избивать ихъ; самъ князь Прозоровскій, раненый копьемъ, упалъ съ коня. Вѣрному холопу князя удалось снести раненаго господина своего въ соборъ. Здѣсь многіе искали спасенія. Но разбойники не остановились и предъ святынею храма; выломали дверь, бросились на беззащитныхъ, вытаскивали ихъ изъ церкви и вязали....

На слѣдующее утро Стенька явился судъ править. Онъ началъ съ кн. Прозоровскаго,—повелъ его на башню. Всѣ видѣли, что атаманъ сказалъ князю что-то на ухо, но тотъ покачалъ отрицательно головой. Тогда Стенька столкнулъ его съ высоты головою внизъ... За гибелью воеводы послѣдовала смерть другихъ. Судъ Разина былъ коротокъ: онъ приказалъ всѣхъ побить. Стрѣльцы, казаки и чернь однихъ рубили мечами, другихъ бердышами, иныхъ били кольями.... По выраженію лѣтописца, «кровь человѣческая текла, яко рѣка». Всѣхъ убитыхъ насчитали четыреста сорокъ человѣкъ.

Затѣмъ Стенька велѣлъ вытащить изъ приказной палаты всѣ дѣла и всенародно сжечь ихъ на площади.

— «Вотъ такъ,—хвалился онъ, я сожгу всѣ дѣла и на верху (т. е. въ Москвѣ)»!

Три недѣли Стенька послѣ того пробылъ въ Астрахани, и предавался разгулу и пьянству; въ угоду черни онъ обрекалъ на смерть всѣхъ, кто хоть чѣмъ нибудь былъ непріятенъ ей: однихъ рѣзали, другихъ топили, третьихъ калѣчили, рубили ноги и руки.

Въ Астрахани Разинъ также установилъ казацкій строй: жители раздѣлены были на тысячи, сотни и десятки, дѣла должны были рѣшаться кругомъ, т. е. общей сходкой; для управленія избирались атаманы, эсаулы, сотники и десятники....

Оставивъ въ Астрахани атаманомъ Ваську Уса, Разинъ съ

ватагой своей поплылъ вверхъ по Волгѣ на двухстахъ стругахъ, по берегу шла конница... Саратовъ сдался безъ обороны. Стенька велѣлъ утопить саратовскаго воеводу, перебить всѣхъ дворянъ и приказныхъ людей, а въ городѣ введено казацкое управленіе, какъ въ Астрахани. Самара занята была послѣ непродолжительной борьбы сторонниковъ Разина въ городѣ съ противниками. И здѣсь воевода былъ утопленъ, дворяне и приказные истреблены и водворенъ казацкій строй...

Въ первыхъ числахъ сентября Разинъ дошелъ уже до Симбирска. Чѣмъ дальше шелъ онъ, тѣмъ больше росли его силы: къ полчищу его присоединялись ратные люди попутныхъ городовъ, и шайки бѣглыхъ холоповъ и воровъ, охочихъ по казацкому выраженію, «дуванъ дуванить» (добычу дѣлить) съ удачливымъ атаманомъ. Разинъ разсылалъ своихъ посланцевъ во всѣ стороны по московской землѣ возмущать народъ. Особенно успѣшно дѣйствовали воровскіе посланцы въ Приволжьѣ, въ нынѣшнихъ губерніяхъ: Нижегородской, Тамбовской и Пензенской, проникали даже до Новгородской земли, до береговъ Бѣлаго моря, пробирались и въ самую Москву. Въ своихъ воззваніяхъ Стенька извѣщалъ, что идетъ уничтожить бояръ, дворянъ и приказныхъ людей, искоренить всякую власть, установить по всей Русской землѣ казачество и учинить такъ, чтобы «всякъ всякому былъ равенъ». Зная, какъ русскій народъ преданъ государю и какъ высоко чтитъ церковь, Разинъ заявлялъ, что онъ идетъ главнымъ образомъ противъ бояръ и приказныхъ; даже распространялъ слухъ, что съ нимъ—царевичъ Алексѣй (умершій въ томъ году), бѣжавшій будто бы отъ суровости отца и злобы бояръ, и патріархъ Никонъ... Для многихъ крестьянъ, обратившихся послѣ Уложенія совсѣмъ въ подневольныхъ людей, и терпѣвшихъ насилія и неправды, и для закабаленныхъ холоповъ, воровскія воззванія Стеньки были сильной приманкой: «вольное казацкое житье», о которомъ давно уже шла молва и пѣсни пѣлись, слишкомъ ужъ было привлекательно для многихъ, и толпы народа шли къ Разину... Посланцы его поднимали православныхъ за низверженнаго патріарха, старовѣровъ возбуждали противъ новшествъ, инородцевъ (мордву, черемису)—противъ русскихъ, магометанъ вооружали на христіанъ и наоборотъ, служилыхъ людей—на начальниковъ, холоповъ—на господъ. Все было пущено въ ходъ, лишь бы какъ нибудь замутить Русскую землю... Недовольныхъ было тогда очень много, и агенты Разина да «прелестныя» письма его имѣли большой успѣхъ. Подымался на Руси особенно темный, закрѣпощенный людъ въ чаяніи всякихъ благъ и

казацкихъ вольностей... Разинъ искалъ помощи и на сторонѣ, сносился даже съ крымскимъ ханомъ, пытался и его орды поднять на Москву, заводилъ переговоры и съ Персіей...

Полчище Разина 5-го сентября явилось подъ Симбирскомъ. Посадскіе жители и тутъ охотно впустили его; но взять самый городъ, или кремль, оказалось очень трудно: онъ былъ хорошо укрѣпленъ, и воевода Иванъ Милославскій рѣшился защищаться до послѣдней крайности. Около мѣсяца простоялъ Разинъ подъ стѣнами города; съ каждымъ днемъ силы его росли; къ нему валомъ валили со всѣхъ сторонъ повстанцы; а все-таки взять городъ съ бою ему не удавалось. Но и осажденнымъ становилось уже не подъ силу держаться дольше. Къ счастью, на выручку имъ пришелъ князь Юрій Барятинскій; онъ велъ хотя небольшое, но правильно устроенное войско, были даже у него отряды, обученные на европейскій ладъ, а противники представляли громадное, но нестройное полчище всякаго сброду. Произошло нѣсколько жаркихъ схватокъ. Самъ Стенька бился отчаянно; цѣлый день длился бой, наконецъ, съ наступленіемъ ночи Разинъ, измученный и израненный, отступилъ. Приступъ на городъ тоже не удался; Разинъ понялъ, что дѣла его совсѣмъ плохи, и ночью тайкомъ со своими донцами бѣжалъ, покинувъ толпы своихъ приверженцевъ на произволъ судьбы. . Утромъ, когда мятежники узнали о бѣгствѣ атамана и казаковъ, думали и они бѣжать внизъ по Волгѣ; но Барятинскій напалъ на нихъ; нестройное полчище было разбито; болѣе шестисотъ человѣкъ было захвачено и казнено: берегъ Волги на далекое протяженіе былъ установленъ висѣлицами...

Жители окрестныхъ селъ и деревень, приставшіе къ Разину, стали являться къ воеводѣ съ повинной...

Побѣда Барятинскаго спасла государство отъ страшнаго потрясенія. Уже со всѣхъ сторонъ направлялись къ Разину толпы повстанцевъ. Мятежъ грозилъ принять огромные размѣры. На всемъ пространствѣ между Окою и Волгой къ югу до Саратова и на западъ до Рязани и Воронежа, по всей полосѣ земли, гдѣ нынѣ губерніи: Симбирская, Пензенская и Тамбовская, заколыхался темный людъ. Крестьяне помѣщичьи, монастырскіе, дворцовые, нападали на своихъ господъ, и начальныхъ людей, безпощадно мучили ихъ, избивали...

Мятежное волненіе становилось все сильнѣе и сильнѣе, воровскія письма Разина вводили темный людъ въ соблазнъ: многіе воображали, что и въ самомъ дѣлѣ всѣ заживутъ счастливо, если по-

всюду водворятся казацкіе обычаи. Походъ Разина вверхъ по Волгѣ получалъ значеніе дикой борьбы необузданной казацкой вольницы съ установившимся на сѣверѣ строемъ жизни.

Упорная защита Симбирска дала время правительству хотя сколько-нибудь собраться съ силами для борьбы, а пораженіе, нанесенное Стенькѣ, и затѣмъ бѣгство были смертельнымъ ударомъ дѣлу его. Обаяніе его, какъ чудодѣя, котораго ни пуля, ни сабля не беретъ, съ которымъ никто справиться не можетъ, сразу исчезло; а предательское бѣгство совсѣмъ уронило его въ глазахъ народа.

Шайки мятежниковъ, поднятыхъ Разинымъ, еще свирѣпствовали въ разныхъ мѣстахъ, завладѣли монастыремъ Макарія Желтоводскаго, попытались было осадить Нижній, но были разсѣяны. Мятежники повсюду, гдѣ могли, подобно Разину, избивали воеводъ и приказныхъ людей, жгли приказныя бумаги и водворяли казацкіе порядки... Но недолго продолжалось торжество повстанцевъ. Нестройныя ватаги ихъ не могли нигдѣ устоять противъ ратныхъ силъ. Показачившіеся жители городовъ и поселяне каялись, являлись къ воеводамъ съ повинной, выдавали главныхъ зачинщиковъ. Мало по малу на сѣверѣ возстаніе улеглось.

Когда Стенька бѣжалъ изъ-подъ Симбирска уже его не впустили къ себѣ ни самарцы, ни саратовцы. Пробывъ нѣсколько времени въ Царицынѣ, онъ проѣхалъ на Донъ, разсчитывая поднять донцевъ; но какъ онъ ни старался, все было напрасно. Тогда онъ водворился въ Кагальникѣ и сталъ скликать къ себѣ народъ. Наконецъ, весною напали на него донскіе казаки (домовитые) и схватили его вмѣстѣ съ братомъ его Фролкою. Чтобы Стенькѣ не удалось бѣжать, его приковали цѣпями въ церковномъ притворѣ въ Черкасскѣ, разсчитывая, что святыня храма уничтожитъ его чары. Въ концѣ апрѣля Корнило Яковлевъ повезъ обоихъ преступниковъ въ Москву. Фролка сильно затосковалъ и винилъ брата въ бѣдѣ.

— «Никакой бѣды нѣтъ, — шутилъ въ отвѣтъ Стенька, — насъ примутъ почестно: самые большіе господа выйдутъ на встрѣчу посмотрѣть на насъ!»

Толпы народа, дѣйствительно, вышли за городъ поглазѣть на Разина, когда его везли въ Москву. На большой телѣгѣ была поставлена висѣлица; къ перекладинѣ былъ привязанъ Стенька за шею; руки и ноги были прикрѣплены цѣпями къ телѣгѣ. За нею долженъ былъ бѣжать Фролка, привязанный къ краю ея цѣпью за шею.

Желѣзная воля Стеньки, къ несчастью, направленная на зло, сказалась во всей своей поразительной силѣ во время жестокихъ

Видъ города Астрахани въ XVII ст. (по Страусу).

пытокъ и казни. Чего только ни дѣлали надъ нимъ: били нещадно кнутомъ, вздымали на дыбу, выворачивали руки,—и никто не услышалъ отъ него ни одного стона, ни одного слова. Его положили на пылающіе уголья,—онъ молчалъ.

Принялись за Фролку, тотъ завопилъ отъ боли.

— «Экая ты — баба! — сказалъ ему Стенька, — вспомни наше прежнее житье; пожили мы на славу, повелѣвали тысячами людей; надо бодро стерпѣть и несчастье. Развѣ это больно?—Словно баба иглой уколола!»

Стали Стенькѣ лить на обритую голову по каплѣ холодную воду. Никто не могъ стерпѣть этого мученія; но Стенька и тутъ не проронилъ ни одного звука, ни одного вздоха.

6-го іюня 1670 года совершилась страшная казнь. Площадь полна была народомъ. Стеньку съ братмъ вывели на лобное мѣсто. Прочли приговоръ, гдѣ были подробно перечислены всѣ вины осужденныхъ. Стенька выслушалъ спокойно... Когда палачъ хотѣлъ его класть на плаху,—онъ обратился къ церкви, перекрестился, поклонился народу на всѣ четыре стороны и сказалъ: «Простите!».

Его положили между двухъ досокъ. Палачъ сначала отрубилъ ему правую руку по локоть, потомъ лѣвую ногу по колѣно,—онъ не показалъ ни малѣйшаго знака страданія... Не вынесъ этого зрѣлища Фролка, упалъ духомъ, при видѣ казни, какая и его должна была постигнуть.

— «Я знаю слово и дѣло государево!» закричалъ онъ.

— «Молчи, собака!» сказалъ ему Стенька. Это были его послѣднія слова. Палачъ отрубилъ ему голову. Тѣло его разсѣкли на нѣсколько кусковъ и воткнули на колья; воткнули и голову на колъ... Смерть Фролки была отсрочена; онъ сталъ говорить о какомъ-то кладѣ, мѣсто котораго онъ будто бы знаетъ. Хотя никакого клада не нашли, но Фролку не казнили, а оставили въ вѣчномъ заключеніи...

Астрахань нѣсколько времени оставалась еще въ рукахъ мятежниковъ; атаманомъ былъ сначала Васька Усъ. Митрополитъ астраханскій Іосифъ, не смотря на угрозы мятежниковъ, изобличалъ ихъ и уговаривалъ жителей отстать отъ нихъ и принести повинную царю. Самоотверженный пастырь погибъ мученической смертью: его сначала подвергли пыткамъ, жгли на огнѣ, а затѣмъ сбросили съ колокольни.

Скоро послѣ этого пришло къ Астрахани войско подъ начальствомъ Милославскаго. Мятежники долго оборонялись; наконецъ,

голодъ принудилъ ихъ сдаться. 27-го ноября 1670 г. боярнъ торжественно вступилъ въ городъ, поставилъ въ соборѣ икону Богородицы на память «грядущимъ родамъ» о событіи. Онъ никого не казнилъ, не произвелъ даже никакого сыска, такъ какъ обѣщалъ пощаду осажденнымъ, если они сдадутся. Но лѣтомъ на слѣдующій годъ прибылъ въ Астрахань кн. Одоевскій, посланный царемъ для сыска и расправы. Всѣ главнѣйшіе мятежники кончили жизнь на висѣлицѣ; остальные разосланы по сѣвернымъ городамъ на службу. Не мало пришлось потрудиться царскимъ ратнымъ людямъ, чтобы смирить всѣхъ возставшихъ, очистить землю отъ разбойничьихъ шаекъ повстанцевъ, поднятыхъ Разинымъ. Около ста тысячъ народа погибло въ эту пору!..

Надолго остался страшный Стенька въ народной памяти. Жители Поволжья до сихъ поръ еще помнятъ о немъ, указываютъ холмы по Волгѣ и называютъ одинъ «Столомъ Стеньки Разина»,— тамъ когда-то, по преданію, удалой атаманъ пировалъ съ товарищами; другой зовутъ «Тюрьмою Стеньки» — тамъ онъ томилъ въ подземельяхъ господъ, захваченныхъ въ плѣнъ; третій считаютъ мѣстомъ, гдѣ были погреба съ несмѣтнымъ богатствомъ Разина; оно и теперь тамъ лежитъ, да никому не взять его, — заклято! Много баснословныхъ преданій можно до сихъ поръ услышать отъ приволжскихъ жителей о злой силѣ, о чародѣйствѣ Стеньки. Говорится въ этихъ преданіяхъ и о томъ, какъ Стенька леталъ и плавалъ на своей кошмѣ-самолеткѣ-самоплавкѣ (кошма—войлокъ), переносился съ мѣста на мѣсто: пограбитъ на Дону и полетитъ на Волгу, а потомъ обратно... Поймаютъ его, закуютъ, а онъ только посмѣивается, — дотронется разрывъ-травой до кандаловъ, они и разсыплются; возьметъ уголекъ, нарисуетъ на стѣнкѣ лодку, сядетъ въ нее, запоетъ: «Внизъ по матушкѣ-Волгѣ»,—глядь—ужь и плыветъ по ней... Ничего ему и сдѣлать нельзя, — извѣстно — колдунъ! Столько тяжкихъ грѣховъ на душѣ его, что онъ живъ до сихъ поръ: сама смерть бѣжитъ отъ него; ни Волга-матушка, ни мать-сыра земля не принимаютъ его. Одни говорятъ, что онъ вѣчно бродитъ по горамъ и лѣсамъ и помогаетъ лихимъ людямъ; другіе разсказываютъ, что онъ сидитъ гдѣ-то въ горѣ и мучается...

Новые люди въ Москвѣ.

Церковный расколъ и мятежъ Разина—два самыя печальныя событія на Руси во второй половинѣ XVII столѣтія: одно сильно потрясло

церковь, другое чуть было не нанесло тяжкихъ ударовъ государству. Оба эти событія вытекали изъ застарѣлыхъ недуговъ, глубоко вкоренившихся въ русскую жизнь. Какіе же это недуги? На этотъ вопросъ отчасти отвѣчаетъ, и отвѣчаетъ разумно тотъ самый Паисій Лигаридъ, который сыгралъ такую некрасивую роль въ дѣлѣ Никона.

— «Искалъ я, — говоритъ Паисій, — корня этого духовнаго недуга (раскола), поразившаго нынѣ царство русское и старался открыть, откуда могло-бы произойти такое наводненіе ересей на общую нашу пагубу, и наконецъ нашелъ, что все зло произошло отъ того, что нѣтъ народныхъ училищъ и библіотекъ. Если-бы меня спросили, какіе столпы церкви и государства? я бы отвѣчалъ: во первыхъ—училища, во вторыхъ—училища и въ третьихъ—училища».

Дѣйствительно, вѣковое невѣжество и мірянъ, и духовенства породило расколъ со всѣми его дикими послѣдствіями. Другой недугъ, тѣсно связанный съ невѣжествомъ, былъ крайне низкій уровень нравственности даже у людей, стоявшихъ на виду, занимавшихъ правительственныя мѣста. Къ концу XVII ст. все управленіе страною сосредоточивалось въ московскихъ приказахъ; они дошли до небывалой еще силы, а между тѣмъ бояре и дьяки, стоявшіе во главѣ приказовъ, по большей части даже и не понимали, что значитъ заботиться объ общемъ благѣ, — только и думали о своихъ личныхъ выгодахъ, о наживѣ. Алчность, лихоимство, насилія и неправды доходили до крайней степени. Воеводы тѣснятъ да обираютъ въ области; дьяки да приказные — въ Москвѣ. Управу найти трудно, особенно простому человѣку; вѣритъ народъ въ одинъ только правый судъ, въ судъ царевъ: «гдѣ царь, тутъ и правда», говоритъ онъ; да бѣда въ томъ, что до царя далеко,—мимо приказныхъ да бояръ ни одно дѣло, даже и важное, до него не дойдетъ. Есть на все законъ, да и тутъ бѣда: для иного приказнаго или воеводы «законъ что дышло, куда хочетъ туда и воротитъ». Далеко-ли отъ такого печальнаго взгляда, сказавшагося въ пословицахъ, на представителей закона, придти къ безотрадному выводу, что бѣдняку нечего на законъ и обращать большаго вниманія, а приходится слѣдовать пословицѣ: «нужда закона не знаетъ, а черезъ него шагаетъ». Недовольство народа всякими неправдами воеводъ и приказныхъ крайне усиливается. Вотъ почему воровскія воззванія Разина во многихъ мѣстахъ могли имѣть большой успѣхъ.

Лучшіе люди на Руси давно уже сознавали весь вредъ невѣжества и грубыхъ нравовъ. На Стоглавомъ соборѣ ясно высказы-

вается это; еще раньше Геннадій заявляетъ о необходимости училищъ; но постоянныя войны, невзгоды царствованія Грознаго, смуты и бѣдствія во времена самозванцевъ и междуцарствія, крайняя бѣдность правительства и народа мѣшали правильному ходу просвѣщенія. И вотъ на долю Алексѣя Михайловича, самаго добродушнаго и благожелательнаго государя изъ всѣхъ московскихъ царей, выпало видѣть тяжкія послѣдствія тѣхъ недуговъ, которыми русская жизнь страдала издавна. Во второй половинѣ XVII столѣтія дѣло правленія значительно усложнилось: присоединилась къ Москвѣ Малороссія, гдѣ были совсѣмъ иные порядки и складъ жизни, чѣмъ въ Великой Россіи; возникли торговыя и денежныя затрудненія; сношенія съ Западной Европой усилились; наконецъ, поднялись церковныя смуты. На каждомъ шагу нужны были и настоящіе государственные дѣятели съ широкимъ взглядомъ, съ просвѣщеннымъ умомъ, и сколько нибудь образованные чиновники-исполнители. Но ни тѣхъ, ни другихъ не было. Сознаніе недостатковъ во всемъ строѣ жизни и въ управленіи становилось сильнѣе и сильнѣе; возникали вопросы, настоятельно требующіе разрѣшенія. Наплывъ иноземцевъ въ Москву, довольно частые поѣздки русскихъ пословъ на западъ невольно приводили къ сравненію своего съ чужимъ. Одна уже внѣшняя, казовая сторона западноевропейской жизни поражала русскихъ своимъ превосходствомъ. Эта жизнь все сильнѣе и сильнѣе вторгалась въ Россію; въ сердцѣ ея, въ Москвѣ уже выросла обширная нѣмецкая слобода: тутъ жили всевозможные «хитрые мастера», «мушкетеры», «рейтары», — все это иновѣрцы,—пожалуй, даже «нехристи», въ глазахъ тогдашнихъ ревнителей православной вѣры; приходится съ опаской сторониться ихъ, но съ другой стороны безъ нихъ нельзя ужъ обойтись,—приходится дорожить ими, платить имъ хорошія деньги. Среди русскихъ людей находятся уже горячіе сторонники иноземцевъ, являются и заклятые враги, боящіеся иноземной «прелести»; всѣ старовѣры, всѣ слѣпые приверженцы старины примыкали къ послѣднимъ. Нетерпимость къ инсвѣрцамъ была такъ велика, что, напримѣръ, патріархъ Никонъ, какъ извѣстно, отбиралъ у бояръ иностранныя картины, органы, ливреи и уничтожалъ ихъ. Разъ случилось ему невзначай благословить нѣмцевъ, одѣтыхъ въ русскую одежду, и онъ такъ возмутился этимъ, что выхлопоталъ у царя приказъ всѣмъ иноземцамъ ходить не иначе, какъ въ своей одеждѣ, а не въ русской, чтобы впередъ ошибкой не давать «святыни благословенія псамъ». Но не смотря на сильное противодѣйствіе духовныхъ лицъ,

опасавшихся, чтобы русскіе люди, ѣздившіе заграницу, «узнавъ тамошнихъ государствъ вѣру и обычаи, не начали свою вѣру отмѣнять и приставать къ инымъ», не смотря на то, что въ иныхъ случаяхъ опасенія эти и оправдывались,—все-таки сила знанія на западѣ, которая сказывалась въ разныхъ мастерствахъ, диковинахъ и удобствахъ жизни, била въ глаза русскимъ,—и число сторонниковъ сближенія съ западомъ все росло и росло, а необходимость просвѣщенія ясно сознавалась уже многими. Гдѣ же было искать образованія? Боязнь иновѣрія и ересей, конечно, побуждала обратиться въ православныя страны, въ Грецію и Малороссію, хотя русскіе ревнители старины смотрѣли подозрительно на ту и на другую,—думали, что и сюда проникло латинство; но все же духовныя лица, приходившія изъ Греціи, по своему внѣшнему облику, по одеждѣ, по обрядамъ были ближе къ русскимъ, чѣмъ западные европейцы, а малороссы были и единоплеменниками,—естественно было обратиться прежде всего къ нимъ.

Не смотря на всѣ бѣдствія и невзгоды, на крайнюю бѣдность и разореніе во время войнъ Хмельницкаго, Южная Русь по образованности стояла во время присоединенія ея къ Москвѣ гораздо выше послѣдней. Братскія школы и затѣмъ кіевская коллегія Петра Могилы свое дѣло сдѣлали: не одна грамотность, но образованіе становилось уже потребностью не только именитыхъ и богатыхъ людей, но и простыхъ горожанъ, а среди духовенства являлись такіе ученые, которые успѣшно и проповѣдью, и перомъ могли бороться съ іезуитами и западными учеными богословами. Во второй половинѣ XVII ст. особенно замѣчательны были два представителя кіевской учености: Лазарь Барановичъ и Іоанникій Голятовскій. Оба они успѣшно состязались съ іезуитами и уніатами и были замѣчательными проповѣдниками: первый оставилъ по себѣ два сборника поученій подъ вычурнымъ названіемъ: «Мечъ духовный» и «Трубы словесъ»; второй — сборникъ подъ заглавіемъ «Ключъ разумѣнія» и книгу, въ которой изложилъ на основаніи древнихъ писателей правила, какъ составлять проповѣди. Хотя кіевская наука была проникнута схоластикой,—обращалось больше вниманія не на открытіе истины, не на внутреннюю силу доказательствъ, а на внѣшнюю правильность разсужденія, а въ дѣлѣ проповѣди преобладала риторика,—погоня за внѣшними украшеніями рѣчи, страсть къ вычурамъ; но все же и при этихъ большихъ недостаткахъ богословская кіевская наука развивала умъ, а проповѣдническое искусство—способность говорить и убѣждать. Кіевскіе ученые

съ большимъ успѣхомъ занимались не одними только богословскими трудами, было сдѣлано ими нѣсколько попытокъ и въ историческомъ родѣ: такъ ученикъ Петра Могилы — Иннокентій Гизель составилъ первый учебникъ по Русской исторіи подъ названіемъ «Синопсисъ».

Изъ Кіева и являются въ Москву просвѣтители.

Въ 1649 году бояринъ Ртищевъ вызвалъ нѣсколькихъ кіевскихъ ученыхъ монаховъ для училища, заведеннаго имъ при Андреевскомъ монастырѣ близъ Москвы.

Ѳедоръ Михайловичъ Ртищевъ, любимецъ царя, былъ замѣчательнымъ лицомъ того времени. Онъ былъ вполнѣ русскимъ человѣкомъ. Набожный, благочестивый, ревнитель родной старины и священныхъ преданій, онъ въ то же время не довольствовался, какъ большинство его современниковъ, только внѣшней обрядностью. Его большой и пытливый умъ доискивался внутренней стороны, смысла религіи: онъ увлекался ученіемъ Христа о любви къ ближнимъ, о самоотреченіи; не жалѣлъ денегъ на выкупъ плѣнныхъ изъ мусульманскихъ земель, не отказывалъ въ помощи нуждающимся, устроилъ больницу и пріютъ для убогихъ. Во время войны съ Польшей онъ взялъ на себя попеченіе о раненыхъ и больныхъ воинахъ, на свой счетъ содержалъ, лѣчилъ ихъ, а по выздоровленіи давалъ имъ помощь. Большой былъ охотникъ Ртищевъ до церковнаго богослуженія и до священныхъ книгъ. Но и тамъ, и здѣсь его поражали разныя неисправности и противорѣчія, и пришелъ онъ къ мысли, что необходимъ пересмотръ книгъ и новые переводы ихъ съ греческаго, а для этого нужны были знающіе переводчики, притомъ изъ чисто русскихъ людей, которымъ можно было бы вполнѣ довѣриться, — и вотъ благочестивый бояринъ выражаетъ желаніе на свой счетъ пригласить и содержать нѣсколькихъ кіевскихъ ученыхъ, «ради обученія словенороссійскаго народа дѣтей еллинскому наказанію». Мысль эта полюбилась и благочестивому царю. Главнымъ изъ пріѣхавшихъ ученыхъ былъ Епифаній Славинецкій, іеромонахъ братскаго монастыря. Это былъ весьма ученый по тому времени человѣкъ: онъ зналъ вполнѣ греческій языкъ и латинскій, понималъ и еврейскій, изучилъ основательно писанія св. отцевъ, греческую и латинскую духовную литературу и пр. Скромный, сосредоточенный Епифаній предпочиталъ уединенную жизнь ученаго всякимъ санамъ и почестямъ.

Недолго пробылъ онъ въ монастырской школѣ; царь назначилъ его справщикомъ типографіи и перевелъ въ Чудовъ монастырь, гдѣ

также было училище. Исправленіе богослужебныхъ книгъ, задуманное Никономъ было поручено Епифанію. Помощниками его въ этомъ важномъ дѣлѣ были его земляки, пріѣхавшіе съ нимъ,—Арсеній Сатановскій и Даніилъ Птицкій, а затѣмъ Арсеній Грекъ и нѣсколько великороссіянъ. Обдуманно, съ большой осторожностью принялся Епифаній за дѣло, и подъ его надзоромъ были напечатаны всѣ богослужебныя книги. Кромѣ того, онъ переводилъ много сочиненій отцевъ церкви, съ латинскаго языка, перевелъ нѣсколько мірскихъ книгъ по исторіи, географіи и др., составлялъ словари,—одинъ, гдѣ объяснялъ значеніе словъ, встрѣчаемыхъ въ церковныхъ книгахъ и въ богослуженіи, а другой—греко-славяно-латинскій. Особенно хотѣлось ему сдѣлать новый, болѣе исправный переводъ библіи, но успѣлъ онъ перевести только Новый Завѣтъ и Пятикнижіе. Смерть (1675 г.) прекратила его 26-тилѣтнюю въ высшей степени полезную дѣятельность на пользу книжнаго дѣла и просвѣщенія. Онъ оставилъ послѣ себя нѣсколькихъ учениковъ, хорошо знавшихъ греческій языкъ.

Епифаній писалъ также проповѣди и поученія. Проповѣдь была новостью въ Великой Руси; давно она здѣсь замолкла; ее даже опасались, — думали, что она можетъ повести къ вольнодумству и ереси... Въ иныхъ проповѣдяхъ Епифаній касается и больной стороны тогдашней русской жизни,—невѣжества и боязни просвѣщенія:

«Въ нынѣшнія времена, говоритъ онъ, мы видимъ много ослѣпленныхъ людей, которые возлюбили мракъ невѣдѣнія, ненавидятъ свѣтъ ученія, завидуютъ тѣмъ, которые хотятъ озарять имъ другихъ, вредятъ имъ клеветами, лицемѣріемъ, обманомъ; подобно тому, какъ совы, по своей природѣ, любятъ мракъ и скрываются, когда засіяетъ солнечная заря, такъ и эти мысленныя совы, ненавистники науки, скроются въ любимый ими мракъ, когда ясная благодать пресвѣтлаго царскаго величества захочетъ разрушить тьму, прогнать темный обманъ и благоизволитъ возсіять свѣту науки и просвѣщать природный человѣческій разумъ».

Въ поученіи священникамъ Епифаній говоритъ между прочимъ: «пекись и промышляй всѣмъ сердцемъ и душою, сколько твоей силы станетъ, увѣщевай царя и всѣхъ могучихъ людей вездѣ устраивать училища для малыхъ дѣтей, и за это, паче всѣхъ добродѣтелей, ты получишь прощеніе грѣховъ своихъ!»...

Другимъ выдающимся западно-русскимъ просвѣтителемъ въ Москвѣ былъ Симеонъ Полоцкій, прибывшій сюда въ 1664 году. Онъ уступалъ Славинецкому въ познаніяхъ и въ глубокомысліи;

это былъ не келейный ученый труженикъ, а скорѣе общественный дѣятель и ловкій придворный человѣкъ, пріятный собесѣдникъ и неутомимый писатель, готовый во всякое время писать проповѣдь, разсужденіе, драматическія произведенія (мистеріи), даже стихи на разные случаи.

Симеонъ скоро по пріѣздѣ въ Москву былъ призванъ къ важному дѣлу: ему поручено было образованіе царскихъ дѣтей. Съ этого времени онъ становится виднымъ лицомъ, живетъ во дворцѣ; къ нему обращаются за совѣтами по разнымъ вопросамъ, даютъ важныя порученія. Онъ занимается опроверженіемъ раскола въ сочи-

Симеонъ Полоцкій.

неніи «Жезлъ правленія», затѣмъ составляетъ полное изложеніе вѣры «Вѣнецъ вѣры», пишетъ проповѣди и поученія, изданныя въ двухъ книгахъ: «Обѣдъ душевный» и «Вечеря духовная». Въ проповѣдяхъ онъ старается быть по возможности проще, понятнѣе для слушателей и касается жизненныхъ явленій, — въ этомъ главное ихъ достоинство, — обличаетъ невѣжество, суевѣрія и пр., обращается къ царю съ мольбою завести школы, умножить учителей...

«Многіе еретики, говоритъ онъ, потонули въ глубинѣ священнаго писанія отъ неискуснаго плаванія; и наши нынѣшніе лжемудрецы, неискусные въ плаваніи, дерзко ворвались въ пучину писаній, думая добывать оттуда жемчугъ премудрости... Лучше

было бы имъ стоять на берегу и помалу утолять жажду этой животворной водой».

Хотя сочиненія Симеона не отличаются большой глубиной мысли и ученостью, а его вирши (стихи) крайне тяжеловѣсны и лишены всякой поэзіи, но тѣмъ не менѣе значеніе его въ Москвѣ въ дѣлѣ просвѣщенія очень немаловажно: какъ наставникъ царскихъ дѣтей, какъ проповѣдникъ, наконецъ просто какъ совѣтникъ и собесѣдникъ высокопоставленныхъ лицъ, онъ могъ послужить не менѣе ученаго Славинецкаго на пользу дѣла: въ эту пору при дворѣ заговорили гораздо настоятельнѣе, чѣмъ прежде, о необходимости школъ и церковной проповѣди.

Въ это же время среди пришлыхъ въ Москву «новыхъ людей» выдѣлялся еще одинъ замѣчательный человѣкъ, сербъ (хорватъ) — Юрій Крижаничъ. Это былъ высоко-образованный католическій священникъ, пламенный патріотъ-славянинъ. Невыносимо было для него видѣть, какъ западное славянство гибло, теряло свою самобытность подъ игомъ нѣмцевъ, какъ греческое духовенство высокомѣрно относилось къ православнымъ славянамъ, какъ стремилось господствовать надъ ними, и завѣтною мечтою Крижанича стало потрудиться надъ освобожденіемъ славянъ. Онъ думалъ, что Россія, единственное сильное славянское государство, управляемое могучимъ самодержцемъ, можетъ освободить и объединить всѣ славянскія племена. Главнымъ несчастіемъ для нихъ было то, что церковныя распри западно-римской церкви и восточной раздѣлили ихъ; но Крижаничъ думалъ, что эта распря Рима съ Византіей не должна имѣть для славянъ никакого значенія, и они могутъ, не обращая вниманія на различія католической и православной церкви, соединиться въ одно цѣлое... Но пылкому мечтателю не посчастливилось въ Москвѣ. Взгляды ли его на церковные вопросы здѣсь не понравились, или его заподозрили въ какихъ либо опасныхъ замыслахъ, — неизвѣстно; но въ 1661 году отправили его въ Тобольскъ. Четырнадцать лѣтъ провелъ Крижаничъ въ ссылкѣ и здѣсь написалъ свои замѣчательныя сочиненія. Наиболѣе любопытныя изъ нихъ — грамматика и политическія его думы «Разговоры о владѣтельствѣ». Въ первомъ трудѣ онъ пытается провести свою мысль о единомъ всеславянскомъ языкѣ; во второмъ въ видѣ разговоровъ и отдѣльныхъ разсужденій онъ излагаетъ свой взглядъ на устройство государства, на состояніе Россіи сравнительно съ другими славянскими и европейскими государствами, разсматриваетъ подробно правительственный строй и частный бытъ, указываетъ не-

достатки и средства къ ихъ исправленію. Вопросъ о необходимости просвѣщенія и науки для Россіи его сильно занимаетъ.

«Высшій даръ человѣка есть разумъ, говоритъ онъ, дѣятельность разума выражается въ мудрости, мудрость же пріобрѣтается ученіемъ и книгами. Мудрость столько же нужна для государей, какъ и для обыкновенныхъ людей; при живыхъ совѣтникахъ нужны еще лучшіе мертвые совѣтники — книги: книги не увлекаются ни алчностью, ни враждою, ни любовью,—книги не ласкательствуютъ, не боятся повѣдать истину». Скажутъ: между мудрыми рождаются ереси, и потому мы не должны учиться мудрости. На это отвѣчаю: Магометъ не былъ мудръ и никакихъ мудрыхъ бесѣдъ и хитростей не выдумалъ; крайнюю глупость написалъ въ своихъ книгахъ, а между тѣмъ наплодилъ ересь, болѣе всѣхъ распространившуюся по свѣту. А на Руси ересь (т. е. расколъ) встала развѣ не отъ глупыхъ, некнижныхъ мужиковъ? Отъ мудрости ереси искореняются, а отъ невѣжества пребываютъ во вѣки... Святые отцы были мудры, а не зачинали ересей, но ратовали противъ нихъ... Отъ огня, воды, желѣза умираютъ многіе, а между тѣмъ люди не могутъ жить безъ нихъ; такъ-же точно и мудрость потребна людямъ».

Любопытно, что Крижаничъ, совѣтуя заимствовать у иноземцевъ то, что есть у нихъ лучшаго, въ то же время особенно предостерегаетъ отъ излишняго довѣрія къ нимъ или пристрастія, которое онъ называетъ ксеноманіей, или чужебѣсіемъ,—этотъ недостатокъ онъ признаетъ слабостью всѣхъ славянъ вообще и считаетъ его «смертоносною болѣзнью». Особенную вражду питаетъ онъ, понятно, къ нѣмцамъ, такъ какъ самое близкое, родное ему племя—хорваты было подавлено ими.

Указывая на злоупотребленія должностныхъ лицъ, онъ находитъ, что лучшее средство противъ этого зла извѣстныя права. «Пусть царь, говоритъ онъ, дастъ людямъ всѣхъ сословій пристойную, умѣренную, сообразную со всякой правдой свободу, чтобы царскіе чиновники не могли исполнять своихъ худыхъ намѣреній и раздражать людей до отчаянія». Съ просьбой о томъ, чтобы всѣмъ сословіямъ были даны слободины, т. е. извѣстныя права, Крижаничъ обращается къ царю и говоритъ:

— «Въ твоихъ рукахъ, царь, чудодѣйственный жезлъ Моисеевъ, посредствомъ котораго ты можешь творить дивныя чудеса, въ твоихъ рукахъ самодержавіе — совершенная покорность и послушаніе подданныхъ. Уже давно на свѣтѣ не было такого царя или владѣтеля, который имѣлъ бы силу творить такія чудныя дѣла,

какія ты легко можешь дѣлать, и пріобрѣсти за нихъ у всего славянскаго народа нескончаемое благословеніе, у другихъ народовъ безсмертную славу, а у Бога, послѣ сего земнаго царства, царство небесное!»

Сочиненіе Крижанича, какъ извѣстно, было «на верху», т. е. во дворцѣ; знакомы были съ нимъ, вѣроятно, и нѣкоторые изъ бояръ. Мечты Крижанича о славянскомъ единствѣ, а также и мысли о широкихъ государственныхъ преобразованіяхъ, конечно, не были поняты; но указаніе на различные недостатки русскаго государственнаго строя и жизни и отдѣльныя соображенія могли быть приняты къ свѣдѣнію.

Были въ это время уже и русскіе люди, которые вполнѣ ясно понимали недостатки строя русской жизни. Лучшимъ доказательствомъ этого можетъ служить замѣчательная книга—о Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича, написанная дьякомъ посольскаго приказа Котошихинымъ, бѣжавшимъ около 1664 г., изъ Россіи вслѣдствіе непріятностей по службѣ. Онъ разсказываетъ объ обиходѣ царской жизни, о правительственномъ строѣ, о нравахъ и обычаяхъ бояръ, о недостаткахъ русской жизни, и подобно всѣмъ заѣзжимъ ревнителямъ просвѣщенія, считаетъ одной изъ главныхъ причинъ ея неприглядности то, что на Руси нѣтъ науки и образованія.

Ординъ-Нащокинъ и Матвѣевъ.

Никогда раньше не сознавалась такъ необходимость въ просвѣщеніи и въ преобразованіяхъ, какъ при царѣ Алексѣѣ; никогда и потребность сближенія съ западомъ не сказывалась такъ сильно, какъ въ это время.

На ряду съ пришлыми «новыми людьми», являются въ Москвѣ и свои новые люди, притомъ даже въ средѣ ближайшихъ къ царю сановниковъ; особенно замѣчательными были двое: Афанасій Лаврентьевичъ Ординъ-Нащокинъ и Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ.

Сынъ небогатаго псковскаго помѣщика, Афанасій Лаврентьевичъ, благодаря заботамъ отца, получилъ возможность ознакомиться съ латинскимъ языкомъ, нѣмецкимъ и математикой. Уже эти крайне рѣдкія въ тѣ времена знанія должны были выдвинуть молодого Нащокина: въ людяхъ, знающихъ иностранные языки, особенно нуждались при переговорахъ съ иноземцами, и потому Нащокину при-

шлось быть при посольскомъ дѣлѣ. Скоро онъ выказалъ по этой части большія способности; о немъ стали говорить въ Москвѣ, что онъ знаетъ «нѣмецкое дѣло и нѣмецкіе нравы». Царь сталъ ему поручать важныя дипломатическія дѣла;—самымъ важнымъ было заключеніе Андрусовскаго перемирія: здѣсь выказались во всемъ блескѣ его дарованія, которыя признавали за нимъ даже его враги. Царь очень высоко цѣнилъ заслуги Нащокина и нерѣдко оказывалъ ему большое вниманіе. Разъ большое несчастье случилось въ семьѣ Нащокина: единственный его сынъ бѣжалъ за границу. Отецъ далъ ему по тому времени прекрасное образованіе; но юноша отъ своихъ учителей, плѣнныхъ поляковъ, наслушался занимательныхъ разсказовъ о Европѣ, соблазнился «иноземной прелестью» и, не смотря на то, что пользовался милостью государя, и шелъ хорошо по службѣ, бѣжалъ... Вѣсть о бѣгствѣ сына да еще съ разными указами о дѣлахъ, поразила Нащокина-отца какъ громомъ: и горе, и страхъ охватили его сердце; онъ уже думалъ, что навѣки лишится милости государя. Пристрастіе къ иноземному считалось тогда большимъ грѣхомъ; но опасенія Нащокина были напрасны... Царь пишетъ ему письмо, старается прежде всего успокоить, утѣшить и его, и жену его, отзывается о бѣглецѣ добродушно.

«Онъ человѣкъ еще молодой, - говорится въ письмѣ государя,— хочетъ созданія Владыки и творенія рукъ Его видѣть на этомъ свѣтѣ, какъ и птица, которая летаетъ туда и сюда, и, полетавъ довольно, опять къ своему гнѣзду возвращается»...

Такъ и случилось,—молодой Нащокинъ вернулся, раскаялся въ своемъ увлеченіи и былъ прощенъ.

Послѣ заключенія Андрусовскаго перемирія Ординъ-Нащокинъ былъ пожалованъ высокимъ саномъ ближняго боярина и дворецкаго, а затѣмъ получилъ въ управленіе посольскій приказъ (1667) съ титуломъ «Царственныя большія печати и государственныхъ посольскихъ дѣлъ оберегателя». Высокое положеніе Нащокина, человѣка вовсе не родовитаго, и довѣріе къ нему государя, конечно, вызывало вражду къ нему со стороны знатныхъ, именитыхъ бояръ, которые видѣли въ немъ выскочку, хотя не могли не признавать за нимъ большихъ заслугъ и дарованій; но большинство бояръ того времени родовитость ставило выше всего. Самъ царь нерѣдко уступалъ этому взгляду и, поручая Нащокину важныя посольскія дѣла, во главѣ посольства ставилъ для вида знатныхъ бояръ. Много помѣхи и докуки вынесъ Нащокинъ отъ нихъ. Были у него и другіе враги, тоже не маловажные — это

дьяки посольскаго приказа. Дьяки въ приказахъ, при несвѣдущихъ начальникахъ—боярахъ, были по большей части главными, какъ говорится, воротилами въ дѣлахъ. При дѣятельномъ Нащокинѣ это время миновало для нихъ: онъ ихъ прибралъ къ рукамъ, преслѣдовалъ всякія злоупотребленія, указывалъ царю на важность преобразованія посольскаго приказа, на необходимость въ немъ людей чистыхъ, которые могли бы съ честью поддержать достоинство Россіи въ глазахъ иностранцевъ. Понятно, сколько недоброжелателей у Нащокина было среди всякихъ своекорыстныхъ дѣльцовъ, и какъ они готовы были тормозить всѣ его начинанія...

А замыслы были у него широкіе... Онъ думалъ о сближеніи съ западомъ, помышлялъ подобно Крижаничу о возможности славянскаго союза, силы котораго думалъ направить на двухъ главныхъ враговъ Россіи: на Турцію, тогда еще могущественную, поработившую южныхъ славянъ, и на Швецію, которая очень усилилась послѣ тридцатилѣтней войны и закрыла для Россіи самые удобные морскіе пути въ Европу. Мечталъ Нащокинъ сдѣлать Россію средоточіемъ въ торговлѣ Европы съ Азіей. Англичане и голландцы давно уже на перебой старались захватить рѣчные пути Россіи для торговли съ востокомъ; уже это одно могло заставить дальновиднаго Нащокина подумать о томъ, какія выгоды можетъ извлечь Россія изъ своего географическаго положенія и водныхъ путей. Онъ старается поднять русскую торговлю, оградить ее отъ опаснаго соперничества и злоупотребленій иноземцевъ; въ новомъ торговомъ уставѣ (22 апр. 1667 г.) отмѣняется множество мелкихъ пошлинъ, которыя стѣсняли на каждомъ шагу торговлю; заботится объ устройствѣ торговыхъ обществъ (купеческихъ компаній), хочетъ дать имъ больше свободы и самоуправленія, поднять обороты. Чтобы обезопасить торговое движеніе по Волгѣ и на Каспійскомъ морѣ, рѣшено было завести военныя суда. Въ 1668 году построено было нѣсколько мелкихъ судовъ и первый большой мореходный корабль «Орелъ», сожженный Разинымъ у Астрахани. Нащокинъ очень заботился объ усиленіи не только торговыхъ, но и политическихъ сношеній съ Западомъ. Учреждена была имъ впервые заграничная почта, чтобы во-время получались извѣстія о событіяхъ на Западѣ, откуда до тѣхъ поръ доходили въ Москву случайныя и невполнѣ вѣрныя вѣсти отъ иностранныхъ да отъ своихъ посольскихъ людей. Почтѣ Нащокинъ придавалъ большое значеніе: «Это великое государственное дѣло,—пишетъ онъ государю,—впередъ къ умноженію всякаго добра царству Московскому будетъ».

Въ это же время по его мысли являются такъ называемые «куранты», первыя русскія газеты (рукописныя); сюда вносились въ переводѣ сообщенія иностранныхъ газетъ о европейскихъ событіяхъ. Иностранцы, имѣвшіе дѣло съ Нащокинымъ, отзываются о немъ восторженно.

«Нащокинъ, — говоритъ одинъ изъ нихъ, — человѣкъ неподкупный, строго воздержный, неутомимый въ дѣлахъ... Онъ — великій политикъ, очень важный и мудрый государственный министръ и, можетъ быть, не уступитъ ни одному изъ европейскихъ министровъ».

Нащокинъ, дѣйствительно, обладалъ большимъ государственнымъ умомъ: у него была та дальновидность, которая является отличительною особенностью настоящихъ государственныхъ людей, было то умѣніе сообразить всѣ средства, пользоваться обстоятельствами, которое отличаетъ лучшихъ дипломатовъ. Но немногое изъ задуманнаго удалось Нащокину привести въ исполненіе; нѣкоторые изъ его замысловъ были осуществлены впослѣдствіи, при Петрѣ Великомъ. Нащокина, конечно, сильно томила неспособность многихъ понять его цѣли, томила и мелкая личная вражда людей, не выносившихъ его превосходства, — тѣмъ болѣе, что онъ былъ не изъ тѣхъ людей, которые способны скрывать свои преимущества. Тяжело было ему видѣть, какъ дорогое для него дѣло, полезное для отечества, гибло отъ личной злобы къ нему.

— «У насъ, — горько жалуется онъ царю, — любятъ дѣло или ненавидятъ, смотря не по дѣлу, а по человѣку, который его сдѣлалъ; меня не любятъ и дѣломъ моимъ пренебрегаютъ!»

Недоброжелатели Нащокина, конечно, не разъ пытались охладить къ нему царя. Послѣ многихъ житейскихъ огорченій и неудачъ, Нащокинъ, на закатѣ дней своихъ (въ 1672 г.), удалился въ Крыпецкій монастырь близъ Пскова и постригся тамъ подъ именемъ Антонія. Но и къ иноку Антонію не разъ Алексѣй Михайловичъ, а потомъ и сынъ его Ѳеодоръ, обращались письменно за совѣтами по разнымъ политическимъ дѣламъ, — такъ цѣнились умъ и дарованія его.

Другимъ выдающимся «новымъ человѣкомъ» при дворѣ царя Алексѣя былъ Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ; онъ былъ сынъ дьяка, — стало быть, принадлежалъ къ людямъ «худороднымъ», какъ говорилось тогда. Еще въ молодости Матвѣеву какъ то удалось попасть на службу при дворѣ и обратить на себя вниманіе царя. Умный и скромный Артамонъ Сергѣевичъ умѣлъ нравиться всѣмъ,

съ кѣмъ ему приходилось встрѣчаться. Онъ былъ изъ тѣхъ людей, о которыхъ говорятъ, что они «знаютъ свое мѣсто»: не въ свое дѣло онъ не мѣшался, въ дружбу никому не напрашивался, но и не сторонился ни отъ кого, не превозносился ни предъ кѣмъ; къ боярамъ и сановникамъ былъ всегда почтителенъ; такимъ образомъ онъ достигъ того, что всѣ при дворѣ къ нему привыкли, и даже полюбили, забывая его худородство. Царю же онъ пришелся очень по душѣ... Милославскіе, которые были особенно въ силѣ при дворѣ, благодаря царицѣ, и не спохватились, какъ у нихъ явился придворный соперникъ. И кто бы могъ раньше подумать, что станетъ имъ такой скромный и тихій человѣкъ, какъ Артамонъ Сергѣевичъ!

1669 годъ былъ несчастнымъ годомъ для царской семьи. 2-го марта скончалась нѣжнолюбимая супруга царя Марья Ильинишна, и Алексѣй Михайловичъ былъ въ страшномъ горѣ. Устроены были великолѣпныя похороны; богатыя пожертвованія разосланы по церквамъ и монастырямъ; повсюду велѣно поминать усопшую... Не успѣлъ царь еще опомниться отъ горя, какъ чрезъ три мѣсяца скончался царевичъ Симеонъ; затѣмъ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ новая тяжкая утрата, — умеръ царевичъ Алексѣй. Тяжелыми ударами были эти бѣдствія для впечатлительнаго царя,—сильно затосковалъ онъ въ своемъ одиночествѣ; сердце его нуждалось въ привязанности, въ утѣхѣ. Въ эту пору государь особенно сблизился съ Матвѣевымъ,—дошло до того, что безъ него не могъ уже обходиться, съ нимъ, что называется, отводилъ душу. Когда Матвѣевъ отлучался изъ Москвы, царь писалъ къ нему самыя дружескія письма, называлъ его «мой другъ Сергѣичъ».

«Пріѣзжай къ намъ поскорѣе, говорится въ одномъ письмѣ царя къ нему,—дѣти мои и я осиротѣли безъ тебя! за ними присмотрѣть некому, а мнѣ посовѣтоваться безъ тебя не съ кѣмъ».

Царь, случалось, запросто захаживалъ къ своему любимцу, который жилъ сначала очень ужъ незатѣйливо въ небольшомъ деревянномъ домикѣ, такъ что самъ Алексѣй Михайловичъ посмѣивался надъ нимъ; но Матвѣевъ скромно отговаривался:

— «Я — человѣкъ маленькій, не знатный, — негоже мнѣ въ богатыхъ хоромахъ жить!»

Но настоянія царя заставили, наконецъ, Матвѣева соорудить себѣ домъ получше. Занимая послѣ Нащокина высокую должность начальника посольскаго приказа, Матвѣевъ долженъ былъ принимать у себя иноземныхъ пословъ и разныхъ знатныхъ людей, и тѣсниться

въ небольшомъ домикѣ да бѣдниться ему было неудобно. И построилъ онъ себѣ палаты на славу!

Разсказываютъ, будто бы простые люди въ Москвѣ, прослышавъ, что Артамонъ Сергѣевичъ задумалъ строиться, да камня для закладки дома не можетъ достать, изъявили готовность сообща снести ему даромъ камни съ могилъ своихъ отцевъ, — такою любовью у народа пользовался привѣтливый и тароватый царскій любимецъ.

И устройство дома, и весь жизненный обиходъ у Матвѣева отличался новымъ, европейскимъ складомъ. Кромѣ образовъ, въ комнатахъ были и картины; совершенной новинкой являлись зеркала и часы; вмѣсто обычныхъ въ русскихъ боярскихъ домахъ скамей, покрытыхъ коврами, въ комнатахъ у Матвѣева была европейская мебель. Жена его выходила свободно къ гостямъ не для того только, чтобы чинно, потупивъ глаза, попотчивать ихъ водкой передъ обѣдомъ, какъ это водилось въ Москвѣ, а чтобы принять участіе въ общей бесѣдѣ, занимать гостей, которые въ домъ Матвѣева пріѣзжали не для сытныхъ обѣдовъ, а для того, чтобы пріятно провести время въ разговорѣ съ умнымъ, привѣтливымъ хозяиномъ и радушной хозяйкой. Жена Артамона Сергѣевича, Авдотья Григорьевна, была родомъ шотландка и приняла это имя при переходѣ въ православіе; взялъ онъ ее изъ Нѣмецкой слободы, — и потому новые порядки въ домѣ водворились легко, сами собой. Матвѣевъ, сохраняя вполнѣ русское благочестіе и добрые нравы, былъ уже открытымъ сторонникомъ европейскихъ порядковъ жизни. Многіе косо поглядывали на него за это; но любимцу царя можно было уже не обращать на это вниманія. Артамонъ Сергѣевичъ вполнѣ сознавалъ необходимость просвѣщенія, цѣнилъ западное искусство, даже завелъ въ своемъ домѣ иконы итальянскаго письма, страстно любилъ читать книги и самъ писалъ.

Посольскій приказъ подъ его начальствомъ работалъ и надъ книжнымъ дѣломъ. Здѣсь подъ его руководствомъ переводились и составлялись книги. Написана была «Государственная большая книга», русская исторія съ портретами государей и патріарховъ.

Въ домѣ Матвѣева воспитывалась дочь небогатаго помѣщика Кирилла Полуектовича Нарышкина, звали ее Натальей; она съизмала освоилась съ новыми порядками жизни. Въ 1670 году царь какъ то навѣстилъ Матвѣева, и увидѣлъ Наталью Кирилловну, которая была уже въ возрастѣ невѣсты. Сильно приглянулась она государю, и чрезъ нѣсколько времени онъ объявилъ Матвѣеву, что желаетъ жениться на ней; впрочемъ, обычай выбора невѣсты и на

этотъ разъ былъ соблюденъ. Въ концѣ 1669 г. были собраны дѣвицы въ Москву на смотръ, и невѣстою царя объявлена Наталья Кирилловна; Матвѣевъ, и безъ того уже очень близкій къ царю, теперь становился во дворцѣ вполнѣ своимъ человѣкомъ. Хотя было сдѣлано нѣсколько попытокъ разстроить этотъ бракъ; съ этою цѣлью подкидывались подметныя письма къ царю, но все было напрасно. 22 января 1671 года совершилось бракосочетаніе Алексѣя Михайловича съ Натальей Кирилловной.

Новымъ духомъ повѣяло во дворцѣ, когда вступила туда молодая супруга царя, воспитанная въ домѣ Матвѣева. Съ ужасомъ глядѣли ревнители старины, когда стала показываться на улицѣ въ открытой каретѣ государыня, которая вопреки прежнему обычаю, не скрывалась отъ народа. Мало того: у царя завелась новая небывалая до тѣхъ поръ потѣха, — устроенъ былъ театръ, гдѣ лицедѣи (актеры) разыгрывали разныя исторіи въ лицахъ. Въ Москвѣ явились странствующіе нѣмецкіе актеры и музыканты подъ управленіемъ Ягана Готфрида Григори. Въ Преображенскомъ селѣ устроена «комедійная хоромина», а затѣмъ въ кремлевскомъ дворцѣ «комедійная палата». Здѣсь были приспособлены щиты съ декораціями, мѣсто для музыкантовъ, царское мѣсто и боковыя мѣста для прочихъ зрителей,—лицъ, приближенныхъ къ государю. Сначала разыгрывались «Исторія Олоферна и Юдиѳи», комедія о «Навуходоносорѣ», комедія о «Блудномъ сынѣ» и др. Послѣднія двѣ пьесы были составлены Симеономъ Полоцкимъ; написаны онѣ были тяжелыми виршами и настоящаго таланта въ нихъ не видно было; но для того времени и эти вещи казались очень занимательными. Алексѣю Михайловичу, очень склонному къ изяществу и удовольствію, полюбилась сильно эта новая потѣха,—больше пришлась она по душѣ, чѣмъ шуты да дураки.—Сначала благочестиваго царя тревожила мысль, не грѣшно ли тѣшиться лицедѣйствомъ; но духовникъ успокоилъ его тѣмъ, что и византійскіе цари забавлялись подобными зрѣлищами. Въ 1675 году на масляницѣ давался даже балетъ, гдѣ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ былъ миѳологическій Орфей. Веселая музыка, а особенно пляска сначала смущали царя, но потомъ онъ успокоился, когда узналъ, что такія увеселенія въ ходу при европейскихъ дворахъ...

Всѣ эти новинки въ придворной жизни, за которыя винили особенно Матвѣева, были очень не по нутру большинству русскихъ людей; въ этихъ затѣяхъ многіе видѣли отступленіе отъ святой старины, склонность къ иноземщинѣ; а иные изъ ослѣпленныхъ ревнителей древняго

строя жизни даже негодовали,—заявляли, что приближаются времена Антихриста, съ враждой указывали на нѣмецкую слободу, которая тутъ же бокъ-о-бокъ съ благочестивой Москвой разрослась въ цѣлый городъ, и гдѣ все было не такъ, какъ у православныхъ: дома, одежда, нравы, обычаи,—все было ново и своеобразно для русскаго человѣка. Здѣсь «иноземная прелесть» свила себѣ уже прочное гнѣздо!

И вотъ въ ту пору, когда такъ пугали еще всѣхъ русскихъ людей стараго покроя европейскія новинки; когда такъ еще мало было «новыхъ» людей въ Москвѣ, явился на свѣтъ Божій «новый» человѣкъ: 30-го мая 1672 г. родился царевичъ Петръ...

Послѣдніе годы царствованія Алексѣя Михайловича.

Послѣдніе годы царствованія царя Алексѣя были такъ же тяжелы, какъ и первые. Еще не кончилось усмиреніе мятежа, поднятаго Разинымъ, а ужъ начались смуты въ Малороссіи. Разорванная на двѣ части, лишенная правильнаго, опредѣленнаго устройства, неуспокоенная еще отъ недавнихъ войнъ и бѣдствій, она вдобавокъ ко всему обуревалась внутренними распрями: посполитые крестьяне и мѣщане добивались одного; значные казаки стремились къ другому. Этимъ несогласіемъ пользовались различные мелкіе честолюбцы, думавшіе не столько о благѣ родины, сколько о своихъ личныхъ выгодахъ. Брюховецкій, добившійся гетманства, искалъ опоры въ Москвѣ. Въ 1665 году онъ прибылъ въ Москву съ другими старшинами, билъ челомъ государю, просилъ принять Малороссію въ полное подданство, собирать доходы прямо въ государеву казну, послать воеводъ и ратные отряды во всѣ малорусскіе города, поставить въ Кіевѣ митрополита, чтобы онъ былъ въ зависимости отъ московскаго патріарха, а не константинопольскаго, какъ это было прежде. Въ Москвѣ были, конечно, довольны такимъ полнымъ сліяніемъ Малой Россіи съ Великой: государь милостиво хвалилъ Брюховецкаго за его преданность, пожаловалъ его боярскимъ саномъ, а старшинъ, пріѣхавшихъ въ Москву съ гетманомъ,—дворянскимъ званіемъ; надѣлилъ всѣхъ щедрыми подарками. Желанія Брюховецкаго были исполнены, кромѣ просьбы о митрополитѣ: государь затруднялся рѣшить это безъ согласія константинопольскаго патріарха. Казалось, всѣ были довольны. На дѣлѣ вышло не то. Крестьяне и мѣщане въ Малороссіи были рады новому порядку, переходу подъ власть царскихъ воеводъ, даже говорили казацкимъ старшинамъ:

— «Теперь насъ Богъ избавилъ отъ васъ, — не станете впередъ грабить и разорять насъ»!

Но совсѣмъ не рады были казаки и особенно старшіе изъ нихъ: никакъ не могли они помириться съ тѣмъ, что лишались своихъ вольностей и правъ; опасались, что московское правительство приберетъ ихъ къ своимъ рукамъ. Недовольно было и высшее кіевское духовенство: оно желало по-прежнему избирать изъ своей среды митрополита подъ властью слабаго константинопольскаго патріарха. Когда московскіе воеводы стали слишкомъ властно распоряжаться на Украйнѣ и даже круто, особенно послѣ того, когда въ Запорожьѣ убили московскаго посла, ѣхавшаго въ Крымъ, недовольство въ Малороссіи стало принимать большіе размѣры. Гетмана пугали слухи, что московское войско идетъ на Малороссію; что царь хочетъ отдать ее Польшѣ... Брюховецкій вовсе не такой былъ человѣкъ, чтобы найтись въ трудныя минуты: жестокій въ счастьѣ, малодушный въ бѣдѣ, онъ задумалъ поправить дѣло измѣной Москвѣ. Онъ надѣялся присоединить къ своимъ владѣніямъ и западную часть Малороссіи, гдѣ въ то время гетманомъ былъ Дорошенко; для этого надо было сбыть съ рукъ московскихъ воеводъ и подчиниться Турціи. Въ началѣ 1668 года была собрана рада въ Гадячѣ, и здѣсь было рѣшено — отступить отъ Москвы, поддаться султану, призвать на помощь крымцевъ и выживать московскихъ воеводъ изъ городовъ. Эта измѣна повела къ злодѣйству: сто двадцать великоруссовъ пало подъ ножами убійцъ. Нѣкоторые воеводы, погибли, обороняясь въ городахъ, другіе были захвачены въ плѣнъ, а иные успѣли спастись. Вѣроломство не пошло въ прокъ Брюховецкому: его жестокость и несправедливости вывели изъ терпѣнія казаковъ; онъ погибъ, растерзанный ими, когда шелъ на встрѣчу Дорошенку. Теперь вся Малороссія попала подъ власть Дорошенка. Онъ собралъ всенародную раду и спросилъ, что дѣлать,—мириться ли съ Москвою, отдаваться ли Польшѣ или султану. О Польшѣ народъ и слышать не хотѣлъ, москалей боялся, а изъявилъ желаніе покориться Турціи. Послѣ непродолжительныхъ, удачныхъ дѣйствій противъ московскихъ войскъ Дорошенко ушелъ въ Западную часть Малороссіи, а на Востокѣ оставилъ наказнымъ атаманомъ Многогрішнаго. Послѣдній завелъ сношенія съ Москвой, настаивалъ, чтобы московскіе воеводы удалились изъ Украйны, и водворено было по прежнему самоуправленіе. Въ 1669 году Многогрішный на радѣ въ Глуховѣ избранъ гетманомъ. Постановлено было по согласію московскаго правительства, чтобы только въ пяти городахъ были

московскіе воеводы и ратные отряды (въ Кіевѣ, Переяславлѣ, Нѣжинѣ, Черниговѣ и Острѣ), а сборъ доходовъ и управленіе производились бы такъ, какъ при Богданѣ Хмѣльницкомъ; казакамъ быть въ числѣ тридцати тысячъ, а жить гетману въ Батуринѣ. Недолго и Многогрѣшный пользовался гетманствомъ: чрезъ два года старшины схватили его и въ оковахъ отправили въ Москву, обвиняя его въ замыслѣ поддаться султану. Свергнутаго гетмана отправили въ ссылку въ Сибирь, а вмѣсто него выбрали Ивана Самойловича.

Въ это время Дорошенко истощалъ всѣ усилія, чтобы спасти Малороссію отъ раздробленія; онъ сносился съ Москвою, хлопоталъ, просилъ принять подъ свое покровительство и западную, правобережную Украйну на тѣхъ условіяхъ, на какихъ была принята Малороссія при Богданѣ Хмѣльницкомъ; но эти старанія не привели ни къ чему: Москвѣ было тогда не до новыхъ дѣлъ и хлопотъ, да и съ Польшей разрывать не хотѣли. Тогда Дорошенко обратился къ султану съ просьбой принять Украину въ подданство на тѣхъ условіяхъ, на какихъ подчинились ему Молдавія и Валахія. Султанъ, конечно, былъ радъ такому случайному приросту своихъ владѣній, но хотѣлъ подчинить себѣ всѣхъ казаковъ и обѣ половины Украйны, а этимъ нарушались права и Польши, и Москвы...

Въ 1672 году турецкія войска вступили въ предѣлы Украйны съ цѣлью завоевать ее. Дорошенко и крымскій ханъ соединились съ султаномъ. Турки завладѣли польскимъ городомъ Каменцомъ и предали здѣсь православную святыню поруганію: иконами мостили улицы, церкви обратили въ мечети... Въ Москвѣ были въ тревогѣ. Царь созвалъ соборъ, куда пригласилъ, кромѣ думныхъ людей, и духовныхъ лицъ. Назначены были большіе сборы. Уже государь готовился самъ принять начальство надъ войскомъ; но дѣло такъ далеко не пошло: польскій король Михаилъ (Вишневецкій) поспѣшилъ заключить миръ, по которому отдавалъ подъ власть султана всѣхъ казаковъ, городъ Каменецъ, и обязался платить ежегодную дань.

Сеймъ не утвердилъ позорнаго договора; война продолжалась. Въ этой войнѣ отличился особенно Янъ Собѣскій, коронный гетманъ. Когда въ 1673 году умеръ польскій король Михаилъ (изъ рода Вишневецкихъ), избранъ былъ на престолъ этотъ Янъ Собѣскій. Противники его предлагали царю Алексѣю избрать сына его Ѳеодора на польскій престолъ; но царь желалъ для себя королевскаго вѣнца, а поляки и помыслить не могли избрать королемъ не католика.

Между тѣмъ въ концѣ 1673 г. и въ 1674 г. московская рать счастливо вела борьбу съ Дорошенкомъ и татарами; часть южной Руси на правомъ берегу Днѣпра переходила подъ власть Москвы. Но Дорошенко, опасавшійся за свою жизнь въ случаѣ, если сдастся Самойловичу, призвалъ снова на помощь турокъ. Въ августѣ 1674 г. турецкое войско съ татарами прошло по Украйнѣ, страшно опустошая ее, безпощадно истребляя жителей, заливая кровью несчастную страну... Эта «турецкая помощь» уронила Дорошенка въ глазахъ народа:

Персидскій посолъ (по Олеарію).

остатки населенія правобережной Украины толпами переселялись на лѣвую сторону Днѣпра. Дорошенко сталъ усиленно добиваться, чтобы его съ западной частью Малороссіи московскій государь принялъ въ свое подданство... Смуты въ южной Руси продолжались до смерти царя Алексѣя, и его преемнику пришлось еще вѣдаться съ ними.

Царствованіе Алексѣя Михайловича — очень важное время въ нашей исторіи. Присоединеніе Малороссіи привело русскихъ къ

столкновенію съ новымъ врагомъ—Турціей. Усилившіяся сношенія съ западной Европой все больше и больше освоивали московскихъ людей съ европейскими порядками. Царю уже видимо очень были по душѣ пріемы иноземныхъ пословъ: то и дѣло совершался въѣздъ ихъ въ Москву и торжественные пріемы у царя, и самъ онъ довольно часто посылалъ посольства въ разныя страны, между прочимъ—въ Италію, Францію, Испанію, искалъ дружбы и союза съ этими государствами. Грузинскія дѣла, торговыя предпріятія, широкіе за-

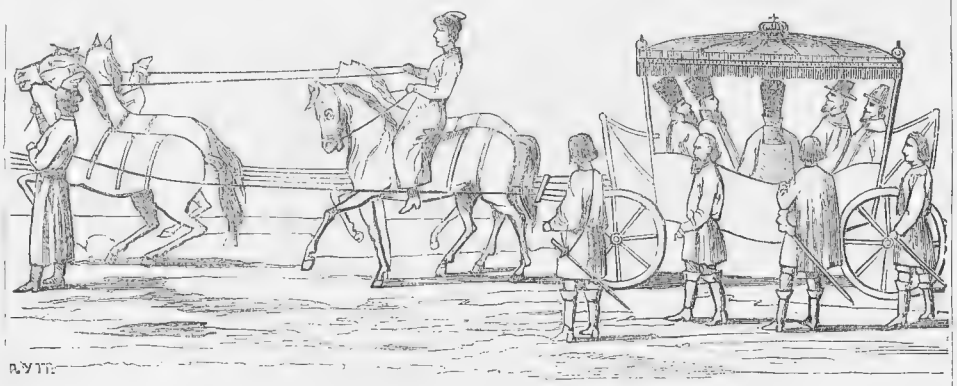
Русскій посолъ (по Олеарію).

мыслы Нащокина и казацкіе набѣги побудили вести постоянныя сношенія съ Персіей, обмѣниваться съ нею посольствами. Въ 1675 г. были отправлены послы даже въ далекую Индію, искать дружбы одного изъ тамошнихъ государей. Въ тотъ же годъ отправленъ былъ посланикъ въ Китай. Въ отдаленной Сибири русскіе подвигались все далѣе и далѣе на востокъ и добрались до границъ Китая; здѣсь возникли столкновенія изъ-за береговъ Амура. Съ цѣлью предупредить ихъ на будущее время и заключить договоръ

и послано было посольство; оно, впрочемъ, кончилось неудачно, и посланникъ привезъ о китайцахъ самыя невыгодныя вѣсти.

— «Такихъ лукавыхъ людей (какъ китайцы), по его заявленію, на всемъ свѣтѣ нѣтъ, и нигдѣ не найдешь такихъ воровъ: если не поберечься, то и пуговицы у платья обрѣжутъ».

Китайцы, вѣроятно, опасались уже своихъ новыхъ сосѣдей, этихъ русскихъ «искателей землицы», которые съ ружьями въ рукахъ подвигались все далѣе и далѣе на востокъ, на югъ и сѣверъ Сибири. Небольшими шайками шли русскіе удальцы, послѣдователи Ермака, провѣдывать новыя землицы, добывать ихъ подъ власть русскаго царя, заставлять полудикихъ жителей платить ему ясакъ (подать) драгоцѣнными мѣхами. Гдѣ находили казаки удобное мѣсто, тамъ строили острогъ, небольшую крѣпость, куда



Въѣздъ иностранныхъ пословъ въ Москву (по Мейербергу).

являлся отрядъ служилыхъ людей съ боевыми запасами и держалъ въ повиновеніи ясачныхъ туземцевъ; такимъ образомъ возникали одинъ за другимъ сибирскіе города. Подвиги русскихъ удальцевъ часто были изумительны. Въ страшную стужу пробирались они небольшими шайками—въ сотню, даже въ нѣсколько десятковъ человѣкъ, по невѣдомымъ снѣжнымъ пустынямъ, таща на себѣ оружіе и разныя тяжести, иногда даже лодки, подвергаясь опасности погибнуть отъ холода или голода; шли да шли они впередъ, провѣдывая о земляхъ и рѣкахъ, откуда они текутъ, куда впадаютъ, живутъ ли тамъ люди, и какъ живутъ, чѣмъ питаются, какіе звѣри и рыбы у нихъ водятся... Конечно, не любознательность, а корысть манила этихъ удальцовъ: прослышатъ, что есть вдалекѣ такая земля, гдѣ соболей и чернобурыхъ лисицъ видимо-не-видимо, а туземцы

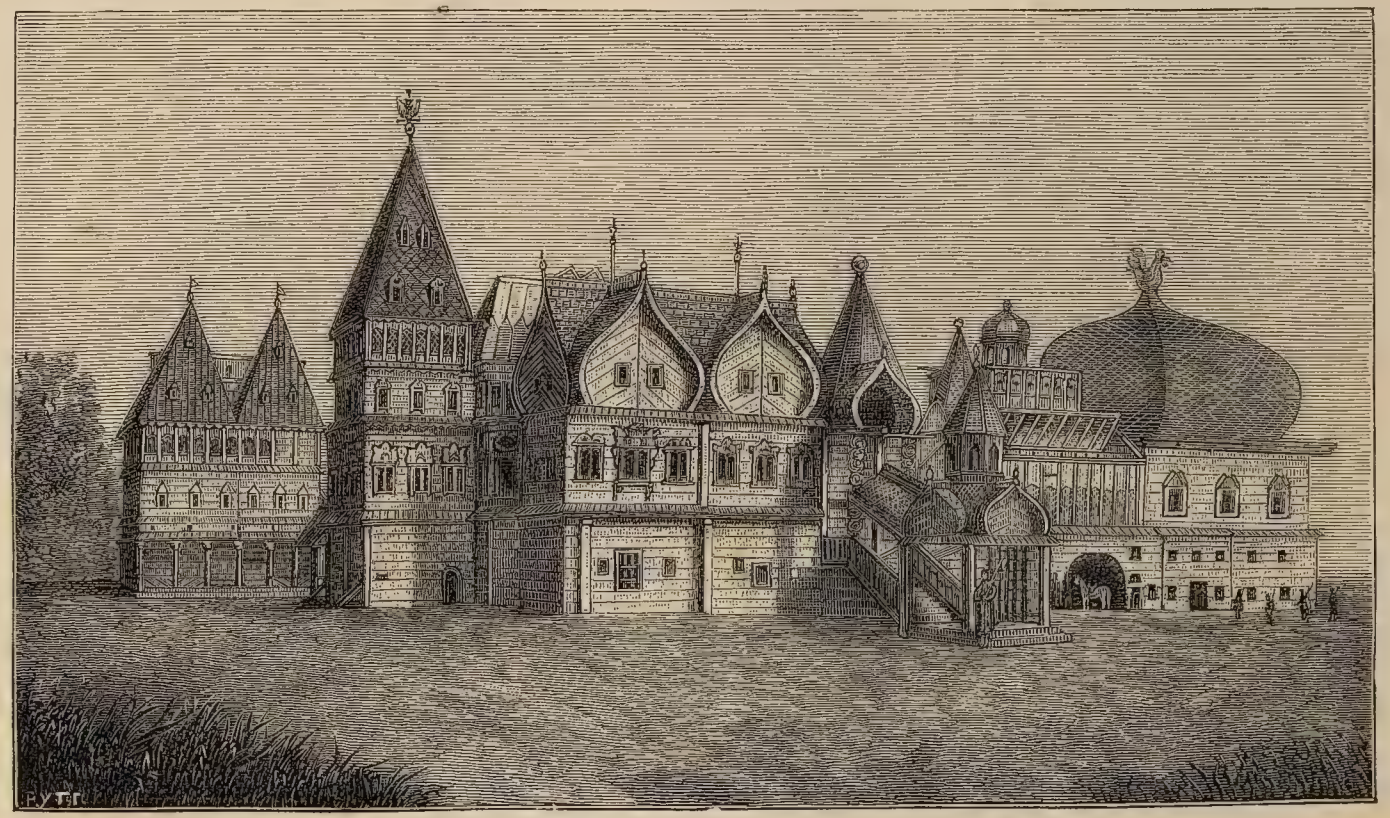
не знаютъ имъ цѣны, почти даромъ отдаютъ, или провѣдаютъ, что въ далекихъ горахъ находятъ много серебра, и идутъ добывать эти благодатныя землицы... Движеніе этихъ земленскателей было безпрерывно въ царствованіе Михаила Ѳедоровича и Алексѣя Михайловича; проникли они, наконецъ, до сѣверныхъ береговъ Сибири, до Охотскаго моря, а на югѣ—до озера Байкала и до китайскихъ границъ. Какъ ни малочисленны были отряды русскихъ удальцевъ, но они всетаки брали верхъ надъ полудикими туземцами, жившими вразброску, небольшими поселками, или кочевавшими маленькими шайками. Огнестрѣльное оружіе давало всегда перевѣсъ русскимъ надъ сибиряками.

Большой приростъ владѣній, столкновенія съ сосѣдями, сношенія съ разными отдаленными странами, внутреннія смуты церковныя и народныя, — все это крайне усложняло правительственное дѣло, какое выпало на долю царя Алексѣя. Онъ, добродушный, податливый, близко принималъ все къ сердцу, отъ всей души хотѣлъ блага своему народу; но по своей мягкости и уступчивости легко подпадалъ подъ вліяніе близкихъ лицъ, а между ними далеко не всегда были люди, подобные Нащокину или Матвѣеву. Это было несчастіемъ Алексѣя Михайловича. Не мало пришлось ему вынести огорченій,—именно потому, что онъ былъ слишкомъ впечатлителенъ, податливъ и довѣрчивъ,—стоитъ вспомнить хотя бы дѣло Никона; а между тѣмъ царь Алексѣй по своей природѣ былъ человѣкъ веселый и благодушный. Иностранцы, которые знали его, не могутъ нахвалиться его мягкой, человѣчной природой: ему было тяжело видѣть подлѣ себя грустное лицо; во многихъ письмахъ сказывается сильно его сердечность, доброта и теплое участіе ко всѣмъ приближеннымъ къ нему боярамъ. Наружность его, по описанію современниковъ, вполнѣ соотвѣтствовала его нраву. Бѣлолицый, румяный темнорусый, съ красивой бородою, онъ имѣлъ привѣтливый, добродушный видъ. Тѣлосложенія онъ былъ крѣпкаго; но сталъ преждевременно тучнѣть, не смотря на очень дѣятельную жизнь. Вставалъ онъ всегда, какъ извѣстно, очень рано,—къ заутренѣ; случалось, что и ночи проводилъ въ молитвѣ; ревностно занимался дѣлами, не пропускалъ церковныхъ и монастырскихъ праздниковъ, часто предпринималъ «благочестивые походы», т. е. богомольныя поѣздки по монастырямъ.—Ревностно исполняя всѣ церковные обряды, набожный царь не чуждъ былъ и склонности къ веселью: какъ мы видѣли уже, онъ любилъ смотрѣть на представленія лицедѣевъ; былъ страстный охотникъ, особенно любилъ

птичьи, соколиныя или ястребиныя охоты... Чувство красоты, любовь къ изящному у него были очень развиты: пышность церковныхъ обрядовъ, блескъ праздничныхъ и придворныхъ церемоній, живописная мѣстность, красивыя постройки доставляли ему большое удовольствіе. Любимымъ его лѣтнимъ мѣстопребываніемъ было подмосковное Коломенское село. Здѣсь, среди живописной природы, Алексѣй Михайловичъ выстроилъ себѣ большой деревянный дворецъ, замѣчательный образчикъ древняго русскаго зодчества со всей его затѣйливостью и своеобразностью.

Современники-иностранцы говорятъ также о прекрасныхъ дарованіяхъ царя Алексѣя и жалѣютъ, что онъ не былъ научно образованъ; однако, онъ прочелъ все, что только можно было прочесть на славянскомъ и русскомъ языкахъ; у него даже у самого явилась охота писать: онъ любилъ писать длинныя письма, гдѣ высказывалась его способность живо подмѣтить и картинно выражать свои мысли и чувства. Не мало осталось отъ него записокъ и замѣтокъ, даже нѣсколько описаній выступленія въ походъ войска, отпуска воеводъ изъ Москвы, рѣчей, которыя говорились при этомъ и пр.

Добродушіе и мягкость Алексѣя Михайловича не мѣшали ему имѣть такое-же высокое понятіе о своей власти, какое имѣлъ Иванъ Грозный; но замѣчательно, что при этомъ, даже не смотря на свою вспыльчивость, царь Алексѣй ни разу не совершилъ никакой жестокости. Бывали случаи, что въ сердцахъ онъ собственноручно расправлялся: такъ однажды его тесть—бояринъ Милославскій вывелъ его изъ терпѣнія своимъ хвастовствомъ въ боярской думѣ, и царь, не выносившій пустой похвальбы, сгоряча надралъ ему бороду и вытолкалъ за двери... Но дальнѣйшихъ послѣдствій это для Милославскаго не имѣло. (Не слѣдуетъ также забывать, что нравы русскихъ въ XVII вѣкѣ были такъ еще грубы, что въ побояхъ бояре не видѣли еще большой личной обиды для себя). Иностранцы съ удивленіемъ замѣчаютъ, что царя Алексѣя, не смотря на его неограниченное могущество, и на раболѣпство и угодливость окружающихъ, нельзя упрекнуть даже въ какой-либо крупной несправедливости. Простое, такъ сказать, отеческое обхожденіе всемогущаго царя съ подданными поражало иноземцевъ, которымъ не приходилось видѣть уже ничего подобнаго на западѣ, гдѣ значительные государи въ концѣ XVII столѣтія начинали держаться на недосягаемой высотѣ для подданныхъ, подобно французскому королю Людовику XIV.



Дворецъ въ селѣ Коломенскомъ.

Царь Алексѣй умеръ, далеко не доживши до старости: ему было всего 47 лѣтъ, когда постигла его смерть. Чрезмѣрная тучность ускорила ее; въ январѣ 1676 г. почувствовалъ онъ упадокъ силъ, и благословилъ сына Ѳеодора на царство, а малолѣтняго царевича Петра поручилъ дѣду его Кириллу Нарышкину и еще нѣсколькимъ боярамъ; велѣлъ выпустить изъ тюремъ заключенныхъ, вернуть изъ ссылки сосланныхъ, простить всѣ казенные долги, затѣмъ причастился, соборовался и спокойно ожидалъ кончины.

На другой день, 29 января, въ 9 часовъ вечера раздался протяжный, унылый звонъ колокола въ Успенскомъ соборѣ, и народъ узналъ о кончинѣ своего «тишайшаго» царя, самаго добродушнаго изъ всѣхъ московскихъ государей.

IV.

Царствованіе Ѳеодора Алексѣевича.

Придворныя дѣла и паденіе А. С. Матвѣева.

Большую семью оставилъ по себѣ царь Алексѣй: отъ первой супруги двухъ сыновей и шесть дочерей да отъ второй—сына и двухъ дочерей. На бѣду, старшему сыну Ѳеодору было всего четырнадцать лѣтъ,—при томъ это былъ болѣзненный мальчикъ; понятно, что дѣла правленія должны были попасть въ руки царскихъ родичей. Уже въ концѣ царствованія покойнаго государя во дворцѣ начались нелады: царскіе родичи Милославскіе и ихъ приближенные никакъ не могли примириться съ новыми сильными при дворѣ людьми, Матвѣевымъ и Нарышкиными; бракъ съ Натальей Кирилловною Нарышкиной былъ очень не по душѣ Милославскимъ, и царскія дочери, почти ровесницы своей молодой мачихѣ, сильно не взлюбили ее. Неожиданная смерть царя сразу перемѣнила положеніе придворныхъ людей: Милославскіе подняли голову, а людямъ, близкимъ къ вдовствующей царицѣ, пришлось плохо. Прежде всего бѣда постигла знаменитаго А. С. Матвѣева, который пока еще оставался въ прежнемъ высокомъ санѣ «великихъ государственныхъ посольскихъ дѣлъ оберегателя»; но паденіе его было уже рѣшено. За поводомъ дѣло не стало: придрались къ жалобѣ, что Матвѣевъ не доплатилъ еще за доставленное ко двору вино.

Когда Матвѣевъ, по обычаю, пріѣхалъ во дворецъ на поклонъ царю, бояринъ Стрѣшневъ изъ государевой палаты вынесъ въ переднюю указъ Матвѣеву:

— «Указалъ великій государь тебѣ быть на службѣ въ Верхотурьѣ воеводою».

Опальный бояринъ съ сыномъ и племянниками отправился въ почетную ссылку; поднялся онъ, какъ говорится, всѣмъ домомъ: съ боярином отправлялись священникъ, польскій шляхтичъ, учившій сына, и большая дворня; взяты были не только пожитки, но также оружіе и даже двѣ пушки для безопасности... Но врагамъ Матвѣева было мало почетной ссылки всемогущаго прежде боярина: когда онъ доѣхалъ до Лаишева, сюда прибылъ изъ Москвы гонецъ и потребовалъ, чтобы Матвѣевъ отдалъ «книгу Лѣчебникъ, гдѣ многія статьи писаны цифирью», и выдалъ двухъ изъ людей своихъ. Бояринъ отвѣчалъ, что требуемой книги у него нѣтъ, а людей выдалъ. Мѣсяцъ спустя явились новые посланцы, и ночью былъ произведенъ осмотръ имущества и писемъ боярина; послѣ того сдѣланъ былъ на съѣзжемъ дворѣ допросъ людямъ Матвѣева и ему; съ него взяли показаніе о томъ, какъ составлялись и подносились лѣкарства покойному царю во время послѣдней его болѣзни. Матвѣевъ показалъ, что лѣкарства составлялись докторами; а рецепты хранятся въ аптекарской палатѣ; что передъ тѣмъ, какъ давать больному государю лѣкарства, отвѣдывалъ всякій разъ прежде докторъ, потомъ онъ, Матвѣевъ, а затѣмъ государевы дядьки; а послѣ пріема все, что оставалось лѣкарства, допивалъ опять онъ же, Матвѣевъ, на глазахъ государя.

Послѣ этого явился новый указъ изъ Москвы—перевести Матвѣева изъ Лаишева въ Казань. Здѣсь его стали держать подъ стражей, дворню отъ него взяли; наконецъ, потребовали выдачи имущества.

— «Въ пожиткахъ моихъ, сказалъ Матвѣевъ, ни краденаго, ни разбойнаго, ни воровскаго, ни измѣннаго, ни заповѣднаго нѣтъ; пожитки отца моего и родителей его, жены моей и родителей ея и мои,—нажитые милостію Божіею и великихъ государей жалованіемъ за посольскія службы и за свои работы ратныя, за крови и за всякія великія работы въ 69 лѣтъ нажиты, а когда часъ пришелъ невинному нашему разоренію, что великій государь изволилъ пожитки всѣ взять безъ вины моей, въ томъ воля Божія и его государская!»

Потребовали отъ Матвѣева и выдачи всякаго оружія, какое было при немъ.

— «Къ унятію всякаго воровства былъ я починщикъ, промолвилъ онъ, а не къ начинанію».

Наконецъ, послѣ многихъ обидъ и униженія Матвѣеву были объявлены его вины: онъ показывалъ, что остатокъ лѣкарствъ послѣ государя выпивалъ; но близкіе люди, ходившіе за государемъ, объявили, что не выпивалъ... А одинъ лекарь донесъ, что лѣчилъ у Матвѣева его карлика, который жаловался ему, лекарю, что боленъ отъ господскихъ побоевъ, что разъ онъ заснулъ за печью въ палатѣ, въ которой Матвѣевъ съ однимъ докторомъ читали «черную книгу» и во время чтенія въ палату пришло множество злыхъ духовъ, и они указали боярину, что у нихъ въ покоѣ есть третій человѣкъ; тогда бояринъ вскочилъ и, найдя его за печью, сорвалъ съ него шубу, ударилъ его о-земь, топталъ ногами и выкинулъ за двери замертво... Докторъ, доносившій объ этомъ, прибавилъ отъ себя, что и самъ онъ видѣлъ, какъ Матвѣевъ читалъ «черную книгу» и что грекъ-переводчикъ по этой книгѣ училъ самого Матвѣева и сына его Андрея.

Такимъ образомъ, конечно, простая любознательность Матвѣева и лживыя показанія дали поводъ къ обвиненію его въ «чернокнижьѣ», — дѣлѣ очень тяжеломъ на взглядъ нашихъ предковъ. Когда дьякъ читалъ обвиненіе Матвѣеву, онъ хотѣлъ возразить; но дьякъ прикрикнулъ на него: «Слушай, молчи, и не говори»!

Матвѣева лишили богатства, всего имѣнія и сослали на житье въ Пустозерскъ, вмѣстѣ съ сыномъ. Вслѣдъ затѣмъ отправлены были въ ссылку по лживымъ обвиненіямъ и двое Нарышкиныхъ,— Иванъ и Аѳанасій, братья царицы, которая поселилась съ маленькимъ Петромъ въ удаленіи отъ дѣлъ, въ селѣ Преображенскомъ.

Старикъ Матвѣевъ не могъ ужиться со всѣми лишеніями, какимъ подвергался въ ссылкѣ; не разъ онъ писалъ царю челобитныя,—жаловался, что ему не дали настоящаго суда, писалъ къ патріарху, къ ближнимъ боярамъ просьбы о ходатайствѣ... Все было напрасно. Самая нелѣпость обвиненія, навлекшаго на него ссылку, могла бы показать ему, что враги его вовсе не заботились о справедливости. Пока царь былъ окруженъ Милославскими, участь Матвѣева не могла измѣниться къ лучшему, только въ концѣ царствованія положеніе его облегчилось.

Милославскіе были впрочемъ недолго въ силѣ. Въ 1679 г. царь сблизился съ Иваномъ Языковымъ и Алексѣемъ Лихачевымъ. Это были люди еще молодые, способные и доброжелательные: первый былъ постельничимъ, а второй — стольникомъ. О Языковѣ со-

хранилось свѣдѣніе, какъ о весьма ловкомъ придворномъ: его называютъ «человѣкомъ великой остроты», а Лихачева—«человѣкомъ доброй совѣсти, исполненнымъ великаго разума и самаго благочестиваго состоянія».

Значеніе этихъ двухъ лицъ особенно усилилось, когда юный царь женился. Говорятъ, что онъ, идя въ крестномъ ходу, примѣтилъ дѣвушку, которая ему очень понравилась. Оказалось, что это была Агафья Семеновна Грушецкая, племянница думнаго дьяка; ему велѣно было не выдавать ея замужъ впредь до указа. Слѣдуя дѣдовскому обычаю, царь велѣлъ собрать для виду многихъ дѣвицъ на смотрины и избралъ Агафью. Боярин Милославскій пытался разстроить этотъ бракъ, клевсталъ на царскую невѣсту и ея мать; но Языковъ и Лихачевъ обнаружили его козни. Царь женился на Грушецкой, царскіе любимцы еще болѣе усилились при дворѣ, а Милославскій потерялъ всякое значеніе. Въ это время выдвигается все болѣе и болѣе на видъ даровитый, еще молодой по лѣтамъ, князь Василій Васильевичъ Голицынъ.

Юный царь, воспитанный Симеономъ Полоцкимъ, подъ вліяніемъ этихъ близкихъ людей, не мало сдѣлалъ хорошихъ распоряженій, устранившихъ злоупотребленія и путаницу въ дѣлахъ по владѣнію вотчинами и помѣстьями. Въ 1679 г. былъ изданъ указъ о прекращеніи противныхъ христіанскому духу дикихъ по жестокости казней,—отсѣченія рукъ и ногъ... Казни замѣнены ссылкой въ Сибирь; въ челобитныхъ, подаваемыхъ царю, запрещалось сравнивать его съ Богомъ; запрещалось простымъ людямъ при встрѣчѣ съ боярами слѣзать съ лошадей и кланяться въ землю; отъ татарскихъ мурзъ, если они не принимали христіанства, велѣно отбирать православныхъ крестьянъ. Затѣмъ изданъ законъ объ отнятіи спорныхъ земель у тѣхъ владѣльцевъ, которые провинятся самоуправствомъ и станутъ посылать своихъ крестьянъ на драку. Все это показывало новое направленіе, заботы о человѣческомъ достоинствѣ и справедливости.

Внѣшнія событія.

Смуты въ Малороссіи, какъ извѣстно, еще не кончились при царѣ Алексѣѣ; онъ не успѣлъ еще утвердиться въ заднѣпровской части Украины. Дорошенко укрѣпился въ Чигиринѣ и звалъ къ себѣ на помощь турокъ и татаръ; въ то же время польскій король, на основаніи андрусовскаго мира, требовалъ возврата Кіева и грозилъ

войною Москвѣ за стремленіе ея захватить западную часть Малороссіи. Но болѣе опаснымъ врагомъ былъ турецкій султанъ: онъ считалъ, на основаніи договора съ Польшею, заднѣпровскую часть Малороссіи своею. Царь никакъ не хотѣлъ допустить, чтобы православные, да притомъ единоплеменники были бы въ турецкомъ подданствѣ. Сильная Московская рать, подъ начальствомъ Ромодановскаго, соединилась съ казаками Самойловича и осадили Чигиринъ. Дорошенко, не видя ни откуда помощи,—ни отъ султана, ни отъ Польши, наконецъ сдался (сентябрь 1676 г.), положилъ оружіе, отдалъ Самойловичу всѣ знаки гетманскаго достоинства и присягнулъ со своими подданными въ преданности и вѣрности московскому царю.

Напрасно польскій король требовалъ, чтобы Москва не вмѣшивалась въ дѣла заднѣпровской Украйны; изъ Москвы отвѣчали, что Польша, уступивъ султану Малороссію, лишилась права спорить объ этой землѣ. Между тѣмъ султанъ выслалъ въ Украину сильное войско; оно напало на Чигиринъ, но Ромодановскій и Самойловичъ подоспѣли на помощь осажденнымъ и разбили на голову турокъ (1677 г.). Въ слѣдующемъ году султанъ выслалъ еще большее войско. Хотя туркамъ и удалось разорить Чигиринъ, но они снова были разбиты. Западная часть Малороссіи въ это время была страшно опустошена турками, можно сказать, обратилась въ пустыню.

Польское правительство думало воспользоваться затруднительнымъ положеніемъ Москвы во время турецкихъ нашествій на Украину, грозило само войной, вопреки договору, требовало возвращенія городовъ, завоеванныхъ еще царемъ Алексѣемъ.

Въ маѣ 1678 г. прибыло въ Москву польское посольство. При посольствѣ однихъ слугъ было до 300 и отрядъ тѣлохранителей.

Пріемъ отличался необычайной пышностью. Москва, какъ извѣстно, умѣла встрѣчать иноземныхъ гостей, и царь являлся предъ ними во всемъ блескѣ своего величія и богатства. Блестящіе ряды бояръ въ ихъ роскошныхъ нарядахъ, красивые рынды, стрѣльцы въ ихъ разноцвѣтныхъ кафтанахъ,—все это производило сильное впечатлѣніе на иностранцевъ. На этотъ разъ особенно поразили своимъ видомъ ихъ конные жильцы. Это были царскіе тѣлохранители на бѣлыхъ прекрасныхъ коняхъ, одѣтые въ красное платье, съ крыльями, придѣланными назади.

Переговоры длились 23 засѣданія; наконецъ былъ заключенъ договоръ (3 августа 1678 г.): 1) Перемиріе заключалось на 13

лѣтъ; 2) полякамъ возвращались Невель, Себежъ и Велижъ; 3) уплачивалось 200,000 р., — никакихъ уступокъ не жалѣло московское правительство, лишь бы сохранить Кіевъ.

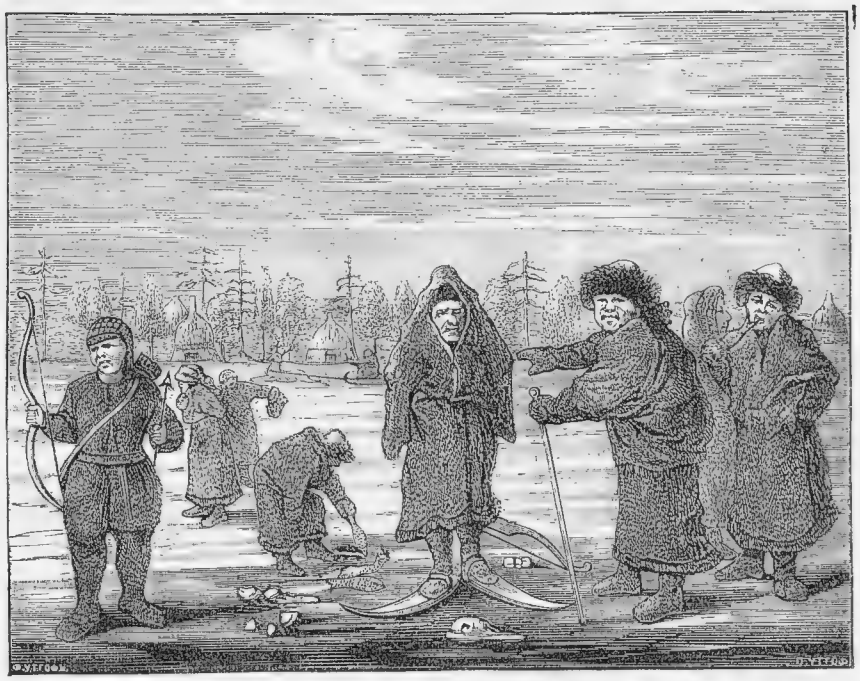
Послѣ двухъ неудачныхъ походовъ въ Малороссію, султанъ ограничился тѣмъ, что сталъ подстрекать крымскаго хана дѣлать опустошительные набѣги на Украину. Татары подходили къ самому Кіеву, но были отбиты; а затѣмъ храбрый казацкій вождь Сирко нанесъ имъ пораженіе и даже вторгся въ ихъ владѣнія. Эти не-

Конный и пѣшій жильцы.

удачи побудили султана искать мира. Начались переговоры и 3-го января 1681 г. въ Бахчисараѣ было заключено съ турками и татарами перемиріе: султанъ отказался отъ притязаній на заднѣпровскую (восточную) Украину; за Россіей осталось и Запорожье. Туркамъ досталась западная Украйна, прежнія владѣнія Дорошенка, представлявшія раньше богатѣйшую, цвѣтущую мѣстность, которую поляки звали «раемъ», а теперь — обращенныя въ пустыню.

Такъ кончилась война за Малороссію.

Война съ Турціей заставила русское правительство искать союза на западѣ: въ Австрію было послано посольство, чтобы возбудить ее къ войнѣ съ Турціей. Война эта заставляла Москву ладить со Швеціей, съ которой было не мало пограничныхъ счетовъ, и съ Польшей. По восточнымъ и юговосточнымъ окраинамъ Россіи по прежнему было неспокойно,—постоянно волновались кочевники: калмыки, башкиры; донскіе казаки своевольничали, задирали калмыковъ, особенно же яицкіе казаки, проявлявшіе буйныя наклонности,—среди нихъ еще силенъ былъ Разинскій духъ. Царскимъ воеводамъ



Самоѣды (по рисунку Олеарія).

приходилось силою смирять ихъ. Въ Южной Сибири шла борьба съ киргизами; на востокѣ поднимались то якуты, то тунгусы,—старались отбиться отъ платежа ясака, отъ притѣсненій собиравшихъ его служилыхъ людей. На сѣверѣ самоѣды тоже попытались избавиться отъ сборщиковъ дани, напали на нихъ, такъ что тѣ едва успѣли спастись отъ гибели. Эти безпорядки и волненія возникали больше всего отъ своеволія казаковъ, которыхъ правительство никакъ не могло обуздать, да отъ притѣсненій и неправдъ своекорыстныхъ воеводъ и сборщиковъ дани.

Уничтоженіе мѣстничества.

Среди разныхъ военныхъ предпріятій и сношеній съ другими государствами московское правительство не упускало изъ виду и внутреннихъ дѣлъ. Особенное вниманіе было обращено на служебные безпорядки, на просвѣщеніе и на борьбу съ расколомъ.

Служебные безпорядки въ дѣлахъ военныхъ и гражданскихъ вызывались нерѣдко мѣстничествомъ.

Это своеобразное явленіе древней русской жизни произошло изъ родовыхъ понятій, по которымъ каждый отдѣльный человѣкъ былъ тѣсно связанъ въ одно цѣлое со своими родичами. Можно сказать, что въ тѣ времена даже и не понимали человѣка, какъ отдѣльное лицо, вполнѣ самостоятельное, независимое, отвѣтственное только за самого себя, какъ понимаютъ теперь; въ каждомъ лицѣ видѣли только часть цѣлаго, а этимъ цѣлымъ былъ родъ. Единство рода, какъ-бы онъ ни разростался, по большей части строго сохранялось,—особенно это надо сказать о знатныхъ людяхъ, которыхъ связывали и поземельныя владѣнія. Въ старину крѣпость родового союза проявлялась во всемъ: одинъ изъ членовъ рода долженъ былъ, напр., заплатить большую сумму денегъ, — всѣ родичи обязаны были помочь ему. Старшіе члены въ родѣ, которыхъ величали господами, должны были смотрѣть за поведеніемъ младшихъ родичей, хотя бы и взрослыхъ, служащихъ. Даже правительство считало себя въ правѣ взыскивать со старшихъ членовъ рода за проступки младшихъ. Такой родовой, или патріархальный, складъ жизни въ первобытныя времена приносилъ не мало пользы: когда еще слабо у людей чувство законности, не существуетъ понятій объ общественныхъ обязанностяхъ, тогда родовая связь сдерживаетъ человѣка отъ дурныхъ поступковъ, которые могутъ навлечь позоръ, а не то и бѣду не только на него, виновника, но и на весь его родъ, а съ другой стороны даетъ человѣку увѣренность, что въ случаѣ бѣды онъ всегда найдетъ въ родичахъ поддержку. Но эта же родовая связь и рознитъ людей,—заставляетъ ихъ нерѣдко выгоды своего рода ставить выше пользы всего общества или народа. Родовые счеты побуждали удѣльныхъ князей къ усобицамъ; родовые же счеты привели потомъ бояръ къ мѣстничеству.

Если одно лицо немыслимо отдѣльно отъ рода, составляетъ съ нимъ одно нераздѣльное цѣлое, то, понятно, что съ возвышеніемъ на службѣ каждаго лица возвышается и цѣлый родъ его, а съ пониженіемъ — понижается и весь родъ. Теперь, въ наше время,

почти всякій волент себѣ выбирать какую хочетъ службу, взяться за любой трудъ, потому что отвѣчаетъ самъ за себя; въ старину же человѣкъ долженъ былъ прежде всего подумать о родѣ, такъ какъ обязанъ былъ беречь родовую честь во что бы ни стало,—она была для него выше всего. Назначаетъ царь боярина въ какую нибудь должность, приходится служить подъ началомъ другого сановника; если этотъ послѣдній болѣе знатнаго рода, то первый служитъ безъ всякой опаски, — порухи своему роду онъ тѣмъ не причиняетъ. Но бѣда, если начальникъ, хотя бы заслуженный и способный сановникъ, не высокъ родомъ своимъ: болѣе родовитому человѣку подчиняться такому начальнику значило, по тогдашнимъ понятіямъ, уронить честь своего рода, поставить его ниже рода своего начальника и дать право всѣмъ родичамъ и потомкамъ послѣдняго, ссылаясь на этотъ случай, считать себя выше, знатнѣе родичей и потомковъ перваго. Такая поруха родовой чести, по родовымъ понятіямъ, считалась непростительнымъ преступленіемъ. Вотъ почему въ старину русскій знатный человѣкъ, безпрекословно повиновавшійся государю, считавшій себя холопомъ его, выказывалъ полное непови повеніе, когда дѣло шло о томъ, чтобы унизить свой родъ, занять мѣсто ниже человѣка менѣе родовитаго; готовъ былъ скорѣе пойти въ тюрьму, подвергнуться батогамъ, кнуту, лишиться имѣній, чѣмъ причинить безчестіе всему своему роду. Уронить достоинство своего рода значило на вѣки опозорить себя не только въ глазахъ всѣхъ своихъ родичей, но и въ глазахъ всѣхъ порядочныхъ людей. Московскіе государи, конечно, и сами сообразовались при различныхъ назначеніяхъ мѣстъ со степенью родовитости, но не всегда же можно было соблюсти всѣ тонкости родословія, а иногда приходилось же давать предпочтеніе таланту предъ породой, и вотъ тогда то возникалъ вопросъ для человѣка, стоявшаго за свою родовитость, какъ быть: подчиниться волѣ государя — значитъ уронить весь свой родъ, не подчиниться — значитъ навлечь на себя гнѣвъ государя, лично пострадать. Понятіе о родовой чести такъ высоко ставилось, что почти всѣ избирали послѣднее. Раньше, пока еще существовали удѣлы, для служилаго боярина былъ исходъ, если казалось ему, что государь жаловалъ его не по роду, — тогда можно было отъѣхать на службу къ другому князю; вотъ почему бояре такъ и дорожили въ старину правомъ свободнаго отъѣзда; но времена эти миновали: удѣловъ не стало, русская земля сплотилась около Москвы, а здѣсь, въ Москвѣ, около государя столпились многочисленные бояре: среди нихъ были и князья Рюриковой крови, и заѣз-

жіе потомки татарскихъ князьковъ, и разные выходцы изъ западной Европы,—всѣ они изо всѣхъ силъ стараются обратить на себя вниманіе государя, стать къ нему ближе, подняться выше другихъ, — тутъ ужь родовой гордости пришлось выносить частые и тяжкіе удары. Русскихъ родовитыхъ бояръ не оскорбляло возвышеніе разныхъ заѣзжихъ иноземныхъ бояръ,—съ ними нельзя было считаться родовитостью; какъ провѣрить ихъ происхожденіе?—быть можетъ, они и очень родовиты. Иное дѣло свои боярскіе роды: и они сильно разрослись и развѣтвились, но все-таки можно, хотя и съ большимъ трудомъ, разобраться, какой изъ нихъ старше. И вотъ тутъ, въ средѣ русскихъ бояръ и начинаются безконечные споры изъ-за старшинства при назначеніи на разныя мѣста. Приходится, напр., царю послать кого либо посломъ, или на войну, или назначить въ приказъ, и надо дать ему въ товарищи или въ помощники другого, а этотъ послѣдній по роду своему считаетъ себя равнымъ или знатнѣе перваго и начинается дѣло: одинъ не хочетъ быть подъ началомъ другого и ставитъ себѣ это въ позоръ и безчестье, а тотъ въ свою очередь считаетъ себя обиженнымъ этимъ заявленіемъ и подаетъ челобитье царю, жалуется на обиду, указываетъ, что отецъ обидчика, дѣдъ или прадѣдъ служилъ въ подчиненіи у его дѣда или прадѣда. Царь по челобитью приказываетъ сыскать въ разрядныхъ книгахъ, какой родъ честнѣе. Если окажется, что назначенный въ подчиненные равенъ или выше родомъ того, съ кѣмъ приходится служить, то назначаютъ другого менѣе родовитаго, а если ниже, то приказываютъ служить безъ упорства. Если же и послѣ справки онъ будетъ упрямиться, то за ослушаніе его сажаютъ въ тюрьму или подвергаютъ другому наказанію. Мѣстническіе счеты особенно усилились съ того времени, когда среди родовитыхъ русскихъ бояръ стали появляться «худородные» люди, жалованные бояре, получившіе санъ, благодаря своимъ дарованіямъ да царской милости,—такіе какъ Ординъ-Нащокинъ или Матвѣевъ. Назначаетъ, напр., государь Афанасія Лаврентьевича Нащокина вести переговоры съ польскими послами, а въ товарищахъ у него велитъ быть стольнику Матвѣю Пушкину, а тотъ бьетъ челомъ, что ему, Пушкину, меньше Афанасья быть невмѣстно. Нащокинъ въ свою очередь жалуется царю, что Пушкинъ бьетъ челомъ не дѣломъ. Государь приказываетъ Пушкину служить, какъ велѣно, но тотъ упорствуетъ. Дѣло кончается тѣмъ, что государь посылаетъ ослушника въ тюрьму и велитъ ему сказать, что отъ него отпишутъ вотчины и помѣстья, если онъ не покорится; но Пушкинъ стоитъ на своемъ:

— «Отнюдь тому не бывать.! Хотя вели, государь, казнить смертью, Нащокинъ передо мною человѣкъ молодой и породословный».

На этотъ разъ ослушникъ, по родовымъ понятіямъ, былъ правъ, и потому ослушаніе не имѣло для него особенно печальныхъ послѣдствій. Если же случалось, что упрямецъ, оказавшись по сыску не правымъ, продолжалъ упорствовать, то подвергался, по усмотрѣнію государя, суровому наказанію: долгому заключенію въ тюрьму, битью батогами, лишенію помѣстій и ссылкѣ въ Сибирь.

Сверхъ того совершался любопытный обрядъ «выдачи головою» виновнаго его противнику за безчестіе. Обрядъ этотъ, по разсказу Котошихина, производился такимъ образомъ. Тотъ, кому выдавали головой виновнаго, въ назначенный день долженъ былъ быть дома, и ждать своего обидчика. Отсылался же онъ съ дьякомъ или подъячимъ; пристава, взявъ его за руки, вели по городу, а на лошадь садиться не давали (пѣшкомъ идти для боярина считалось уже униженіемъ). Когда же приводили во дворъ къ обиженному боярину, то ставили приведеннаго у нижняго крыльца и дьякъ или подъячій приказывалъ извѣстить о своемъ приходѣ хозяина. Когда тотъ выходилъ на крыльцо, дьякъ говорилъ ему:

— «Великій государь указалъ и бояре приговорили того человѣка, который съ тобой быти не хотѣлъ, за его боярское безчестіе отвесть къ тебѣ головой!»

Въ отвѣтъ на это бояринъ, которому государь оказывалъ такую честь, кланялся и приказывалъ отпустить противника своего домой, причемъ ему не позволялось сѣсть во дворѣ на коня.

Нерѣдко случалось, по замѣчанію Котошихина, что выдаваемый головою, идучи отъ царскаго двора до двора своего противника и даже, стоя предъ нимъ, «лаетъ и безчеститъ его всякою бранью, а тотъ за его злыя, лайчивыя слова ничего не чинитъ и не смѣетъ, потому что того человѣка присылаетъ царь за его безчестье, желая почтить оскорбленнаго боярина, а не для того, чтобы посланный подвергся побоямъ или увѣчью». Если бы это случилось, то виновный въ насиліи понесъ бы двойное наказаніе, потому что онъ своимъ поступкомъ оскорбляетъ не своего противника, а какъ бы самого царя.

Дьяка или подъячаго, производившаго выдачу головой, бояринъ, почтенный царской милостью, щедро одаривалъ подарками, а на другой день ѣхалъ благодарить самого государя.

Мѣстничество сказывалось не только при полученіи служебныхъ мѣстъ, но во всѣхъ возможныхъ случаяхъ: въ засѣданіи

думы, за царскимъ столомъ, въ процессіяхъ. Въ думѣ, по словамъ Котошихина, думные люди «садятся по роду своему и по чести, кто кого честнѣе породою, а не по тому, кто кого старѣе въ чинѣ»; такъ что пожалуетъ царь, напр. какого-нибудь родовитаго человѣка, хотя бы и молодого, въ думные бояре, онъ въ тотъ же день «по своей породѣ» займетъ въ думѣ мѣсто выше, т. е. ближе къ царю, чѣмъ многіе бояре, престарѣлые и заслуженные, но менѣе родовитые. Такъ же садятся и за царскимъ столомъ. Царскіе родичи по женѣ часто у царя за обѣдомъ не бываютъ, потому что имъ ниже другихъ бояръ сидѣть стыдно, а выше не могутъ, «потому что породою не высоки».

Забавные случаи происходили иногда за царскимъ столомъ. Станутъ разсаживаться приглашенные по мѣстамъ, и случится кому нибудь сидѣть ниже лица, съ которымъ онъ породою равенъ или даже честнѣе... Тутъ ужъ и царская милость — не въ милость! И вотъ опасающійся учинить поруху своему роду подъ разными предлогами старается уклониться отъ стола, проситъ царя отпустить его домой, или въ гости, и царь отпускаетъ. А если какъ нибудь провѣдаетъ, что кто либо просится обманомъ, не желая сидѣть ниже другого, такому велитъ остаться и сидѣть за столомъ, подъ кѣмъ придется; но тотъ не садится, бьетъ челомъ царю, чтобъ онъ не безчестилъ его, что «родъ его съ тѣмъ родомъ, подъ которымъ велятъ сидѣть, не бывалъ». Царь приказываетъ насильно посадить ослушника, а онъ посадить себя не даетъ, и того, ниже котораго приходится сидѣть, «безчеститъ и лаетъ». Когда же его посадятъ силою, онъ не сидитъ, выбивается изъ-за стола вонъ; его не пускаютъ и уговариваютъ не гнѣвить царя, а онъ кричитъ:

— «Хотя царь велитъ мнѣ голову отсѣчь, мнѣ подъ тѣмъ не сидѣть!»

И спустится подъ столъ. Тогда царь прикажетъ его вывесть вонъ, послать въ тюрьму, или до указу «къ себѣ на очи пускать не велитъ»; а послѣ того за то ослушаніе отнимается у ослушника честь, боярство или окольничество и думное дворянство.

Постоянные мѣстническіе споры очень тяготили правительство: приходилось для рѣшенія ихъ разбираться въ запутанныхъ родословныхъ, наводить справки въ разрядныхъ книгахъ, разсматривать мѣстническія дѣла въ боярской думѣ. Мѣстничество начало уже проявляться и среди близкихъ родичей; такъ въ 1652 г. князь Григорій Ромодановскій билъ челомъ на племянника своего князя

Юрія, что ему съ нимъ быть невмѣстно. «Онъ мнѣ въ роду въ равенствѣ», заявлялъ онъ; а князь Юрій жаловался на дядю: «Хотя онъ мнѣ по родству—дядя, но можно ему со мною быть, потому что у отца своего онъ—осьмой сынъ, а я у своего отца первый сынъ, и дѣдъ мой отцу его—большой братъ». Дѣло дошло до того, что и дьяки стали мѣстничаться: дьякъ одного приказа не хотѣлъ сидѣть ниже другого дьяка, такъ какъ считалъ свой приказъ выше того, гдѣ служилъ второй. Много неурядицъ въ дѣлахъ проистекало отъ мѣстничества; но нигдѣ такъ не вредило оно, какъ въ военномъ дѣлѣ: приходилось назначать военачальниковъ не по уму, а по роду; случалось, что начальствующія лица не ладили между собой изъ-за мѣста и больше думали о своихъ родовыхъ счетахъ, чѣмъ о пользѣ дѣла, а на войнѣ болѣе, чѣмъ гдѣ либо, требуется единодушіе... Правда, у государей было средство обходить родовую спѣсь: они объявляли въ извѣстныхъ случаяхъ, что «боярамъ быть безъ мѣстъ»; это значило, что высшей властью устранялись на этотъ разъ какія бы ни было родовые счеты, и что подчиненіе начальникамъ никакого безчестія роду подчиненныхъ не наносило, и первые даже не имѣли права въ будущемъ ссылаться на свое преимущество надъ послѣдними въ этомъ случаѣ.

Со времени Грознаго объявленіе службы «безъ мѣстъ»—встрѣчается все чаще и чаще. Въ послѣдніе годы царствованія Алексѣя Михайловича это уже вошло въ обычай; теперь оставалось только разъ на всегда обратить обычай въ законъ. Это и сдѣлано было при Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ. Изъ именитыхъ бояръ въ то время самымъ виднымъ по уму и образованнымъ былъ молодой князь Василій Васильевичъ Голицынъ. Ему указалъ государь вѣдать ратныя дѣла, и поручено было съ нѣсколькими лицами, выборными изъ военнаго люда, обсудить, какія перемѣны надо сдѣлать въ военномъ строѣ, чтобы поднять его, а то «непріятели показали новые въ ратныхъ дѣлахъ вымыслы», и потому «надобно сдѣлать въ государскихъ ратяхъ разсмотрѣніе и лучшее устроеніе, чтобы имѣть имъ въ воинскія времена противъ непріятелей пристойную осторожность и охраненіе, и чтобы прежде бывшее воинское устроеніе, которое показалось на бояхъ неприбыльно, перемѣнить на лучшее».

Выборные нашли, что служилыхъ людей надо росписать по ротамъ (какъ въ иноземныхъ отрядахъ); въ ротмистры и поручики назначить изъ стольниковъ, дворянъ и проч., чтобъ были между собой безъ мѣстъ и безъ подбора, въ какомъ чинѣ великій государь укажетъ, и затѣмъ просили государя:

— «Для совершенной въ ратныхъ, посольскихъ и всякихъ дѣлахъ прибыли и лучшаго устроенія указалъ бы великій государь всѣмъ боярамъ, окольничимъ, думнымъ и ближнимъ людямъ и всѣмъ чинамъ быть на Москвѣ въ приказахъ и полкахъ у ратныхъ, посольскихъ и всякихъ дѣлъ и въ городахъ между собою безъ мѣстъ, гдѣ кому великій государь укажетъ, и впередъ никому ни съ кѣмъ разрядомъ и мѣстами не считаться, разрядные случаи и мѣста оставить и искоренить, чтобы впередъ отъ тѣхъ случаевъ въ ратныхъ и всякихъ дѣлахъ помѣшки не было».

Это челобитье выборныхъ людей Голицынъ доложилъ государю. 12-го января 1682 г. назначено было «чрезвычайное сидѣнье» съ боярами; были приглашены патріархъ, архіереи и нѣкоторые игумены монастырей. Когда было прочтено челобитье, началъ говорить царь и между прочимъ такъ выразился о мѣстничествѣ:

— «Злокозненный плевосѣятель и супостатъ общій — дьяволъ, видя отъ такого славнаго ратоборства христіанскимъ народамъ тишину и мирное устроеніе, а непріятелямъ христіанскимъ озлобленіе и искорененіе, всѣялъ въ незлобивыя сердца славныхъ ратоборцевъ «мѣстные» случаи, отъ которыхъ въ прежнія времена въ ратныхъ, посольскихъ и всякихъ дѣлахъ происходила великая пагуба, а ратнымъ людямъ отъ непріятелей великое умаленіе».

Далѣе, указавъ еще на вредъ мѣстничества, государь, выражая намѣреніе уничтожить его, привелъ примѣры дѣда своего и отца, которые уже тяготились имъ, и заключилъ вопросомъ:

— «По нынѣшнему-ли выборныхъ людей челобитію всѣмъ разрядамъ и чинамъ быть безъ мѣста, или по прежнему быть съ мѣстами?».

Въ отвѣтъ на это патріархъ съ большимъ укоромъ отнесся къ мѣстничеству, отъ котораго, по его словамъ, «аки отъ источника горчайшаго вся злая и Богу зѣло мерзкая и всѣмъ нашимъ царственнымъ дѣламъ ко вредительству происходило». Въ заключеніе патріархъ сказалъ:

— «Азъ же и со всѣмъ освященнымъ соборомъ не имѣемъ никоея же достойныя похвалы принести великому царскому намѣренію за премудрое ваше царское благоволеніе».

Бояре, окольничіе и всѣ бывшіе въ думѣ согласились съ патріархомъ и просили государя уничтожить мѣстничество, отъ котораго чинились «великія нестроенія, разрушенія, непріятелямъ радованія, а между ними (русскими ратными людьми) богопротивное дѣло—великія продолжительныя вражды».

Послѣ этого государь велѣлъ принести разрядныя книги и сказалъ:

— «Для совершеннаго искорененія и вѣчнаго забвенія, всѣ эти просьбы о случаяхъ и записки о мѣстахъ изволяемъ предать огню, чтобъ злоба эта совершенно погибла и впередъ не помиралась и соблазна бы и претыканія никто никакого не имѣлъ».

Затѣмъ царь потребовалъ, чтобы всѣ, у кого есть разрядныя книги и записи, прислали бы ихъ для сожженія и съ этихъ поръ быть всѣмъ между собою безъ мѣстъ, и впредь никому ни съ кѣмъ никакими прежними случаями не считаться и никого не укорять, и никому ни надъ кѣмъ не возноситься».

Всѣ присутствовавшіе въ отвѣтъ на это воскликнули:

— «Да погибнетъ въ огнѣ оное богоненавистное, враждотворное, братоненавистное и любовь отгоняющее мѣстничество и впередъ да не воспомянется во вѣки!».

Въ дворцовыхъ переднихъ сѣняхъ развели огонь, и разрядныя книги запылали. Когда дали знать государю, что онѣ сожжены, патріархъ обратился къ членамъ думы и сказалъ:

— «Начатое и совершенное дѣло впредь соблюдайте крѣпко и нерушимо, а если кто впредь оному дѣлу воспрекословитъ, тотъ бойся тяжкаго церковнаго запрещенія и государскаго гнѣва, какъ преобидникъ царскаго повелѣнія и презиратель нашего благословенія».

Въ отвѣтъ всѣ воскликнули: «Да будетъ такъ».

Никто изъ бояръ и не подумалъ отстаивать мѣстничество. Это и понятно. Всѣ понимали нелѣпость укоренившагося обычая, тяготились имъ. Боярскіе роды такъ разрослись и спутались, что часто очень трудно было съ точностью разобраться, кто кого родовитѣе. Конечно, нерѣдко и лица, споривпія о старшинствѣ, сознавали, что они подвергаются опасности ошибиться и понести за то всю тяжесть государевой опалы. Но при всемъ томъ никто изъ бояръ въ отдѣльности, дорожа своей родовой честью, не хотѣлъ отступить отъ нелѣпаго обычая. Теперь же, когда уничтоженіе этого обычая, тягостнаго для всѣхъ, исходило отъ высшей власти, — всѣмъ оставалось только порадоваться.

Царь, довольный тѣмъ, что такъ легко безъ всякаго отпора удалось уничтожить застарѣлое зло, объявилъ, что въ разрядномъ приказѣ вмѣсто прежнихъ разрядныхъ мѣстническихъ книгъ будетъ заведена родословная книга, гдѣ будутъ записаны на память боярскіе роды и службы служилыхъ людей. Всѣмъ дозволялось держать

у себя такія родословныя книги, но съ этихъ поръ при назначеніи на разныя должности онѣ не принимались въ разсчетъ.

Хотя мѣстничество было уничтожено, но все-таки знатныя лица пользовались особенными отличіями: бояре, окольничіе и думные люди могли, напр. ѣздить въ каретахъ и саняхъ на двухъ лошадяхъ, въ праздничные дни на четырехъ, а на свадьбахъ даже на шести; другіе же, ниже стоящія лица (стольники, стряпчіе, дворяне) зимою имѣли право ѣздить въ саняхъ на одной лошади, а лѣтомъ верхомъ. Также при дворѣ давались нѣкоторыя преимущества знатнымъ; но все это нисколько не мѣшало давать ходъ и возвышать на службѣ людей, вовсе не родовитыхъ, но способныхъ.

Церковныя дѣла и просвѣщеніе.

Расколъ быстро разростался. Расколоучители, убѣжденные въ правотѣ своей, увлекали за собой темный людъ. Скрываясь отъ преслѣдованій правительства, ревнители старой вѣры устраивали тайные скиты; лѣса внутреннихъ русскихъ областей, костромскіе, брынскіе, керженскіе, наполнялись раскольниками; сѣверное поморье тоже сдѣлалось раскольничьимъ пріютомъ; отсюда расколъ расходился по Новгородской и Псковской областямъ и начиналъ уже распадаться на разные толки. На югѣ расколъ распространялся среди донскихъ казаковъ, на сѣверѣ—въ отдаленной Сибири. Суровыя мѣры правительства усиливались: главные заводчики раскола—Аввакумъ, Ѳеодоръ, Лазарь и Епифаній погибли на кострахъ; но это еще болѣе воспламеняло ревнителей старины: они видѣли въ пострадавшихъ—святыхъ мучениковъ за правую вѣру, а въ гонителяхъ — ненавистныхъ, жестокихъ слугъ антихриста, попиравшихъ святую старину. Пострадать за вѣру, погибнуть за нее огненною смертью стало завѣтной цѣлью для многихъ, — явились самосжигатели...

Московскій соборъ 1681 г. постановилъ усилить розыски раскольниковъ, запретилъ продажу раскольничьихъ сочиненій и старыхъ книгъ, учредилъ строгій надзоръ надъ домовыми церквами, молельнями, скитами и часовнями, гдѣ часто раскольники совершали богослуженіе по своему. Стали закрывать подобныя часовни и молельни; это въ глазахъ темнаго народа казалось прямымъ гоненіемъ на вѣру. Какъ ни сильно было правительство, но оно оказывалось немощнымъ въ борьбѣ съ расколомъ: съ этимъ нравственнымъ недугомъ нельзя было бороться обыкновенною силою, не-

обходимо было духовное оружіе, а его то и не доставало правительству.

Давно уже созрѣла мысль о необходимости училищъ; но дѣло двигалось крайне медленно впередъ. Легко сказать—завести школу, но гдѣ было взять учителей? Своихъ не было, на пріѣзжихъ изъ юго-западной Руси смотрѣли въ Москвѣ недовѣрчиво, считали ихъ зараженными латинствомъ. Патріархъ Іоакимъ сильно не долюбливалъ Симеона Полоцкаго за нѣкоторыя его несовсѣмъ православныя толкованія... Но Полоцкій былъ силенъ своимъ положеніемъ

Царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ.

при царскомъ дворѣ, другимъ же менѣе виднымъ людямъ, конечно, приходилось труднѣе въ Москвѣ.

Говорятъ, что одинъ монахъ, Тимоѳей, возвратившись съ Востока, краснорѣчиво описалъ царю бѣдствія греческой церкви, недостатокъ просвѣщенныхъ пастырей и плачевное положеніе церковной науки. Царь былъ сильно тронутъ разсказомъ и велѣлъ устроить при типографіи небольшое училище на 30 учениковъ. Тимоѳей былъ назначенъ начальникомъ его; въ Москвѣ нашли двухъ грековъ для обученія учениковъ греческому языку. Но царь не остановился на этомъ: онъ задумалъ завести въ Москвѣ академію въ родѣ кіевской. Говорятъ, что разработка вопроса объ этой

школѣ была послѣднимъ дѣломъ Симеона Полоцкаго (ум. 1682 г.). Въ академіи предполагалось читать всѣ предметы, какіе читались въ кіевской, и преподавать языки: славянскій, греческій, польскій и латинскій для людей всякихъ возрастовъ и чиновъ. Начальникомъ и учителями могли быть только русскіе и греки; притомъ никого изъ Литвы и Малороссіи въ учителя академіи безъ свидѣтельствъ достовѣрныхъ людей принимать не велѣно. Этой академіи предположено предоставить высшій надзоръ за чистотою православія въ Россіи. Никому не позволялось держать въ домахъ учителей иностранныхъ языковъ: всѣ должны были для изученія ихъ отдавать дѣтей въ академію. Сверхъ того, она обязывалась наблюдать, чтобы иностранцы не распространяли въ Россіи своихъ вѣрованій. Виновныхъ въ порицаніи православія положено было сжигать на кострахъ...

Въ 1682 г. царь отправилъ къ патріархамъ грамоту съ просьбой прислать изъ Греціи православныхъ и искусныхъ учителей. Но академія была открыта уже по смерти Ѳеодора Алексѣевича.

Въ концѣ его царствованія обращено было вниманіе и на печальное положеніе Никона. Уже дряхлый и больной заточникъ наконецъ получилъ разрѣшеніе вернуться изъ ссылки. Это было въ 1681 г.; Никонъ отъ слабости едва передвигалъ ноги; на пути онъ и скончался. Тогда царь велѣлъ перевезти тѣло его въ Воскресенскій монастырь. Патріархъ Іоакимъ не пожелалъ пріѣхать на погребеніе осужденнаго соборомъ архипастыря, и погребальный обрядъ совершенъ былъ новгородскимъ митрополитомъ, при чемъ Никона, по желанію царя, поминали «патріархомъ». Послѣ того царь написалъ вселенскимъ патріархамъ, чтобы они разрѣшили поминать Никона патріархомъ. Отвѣтъ былъ полученъ уже по смерти царя утвердительный и русская церковь такъ и поминаетъ.

Въ 1682 г. царь, по смерти первой супруги, вступилъ въ бракъ съ Марѳой Матвѣевной Апраксиной, родственницей Языкова, крестницей Матвѣева. Первымъ дѣломъ послѣ бракосочетанія было возвращеніе изъ ссылки этого боярина; ему были возвращены его имѣнія, какъ человѣку, ни въ чемъ не виновному и оклеветанному. Молодая царица примирила также царя съ Натальей Кириловной и царевичемъ Петромъ, съ которымъ онъ не ладилъ.

Но недолго пришлось пожить царю послѣ свадьбы. Хилый и болѣзненный съ дѣтскихъ лѣтъ онъ постоянно хворалъ и 27-го апрѣля умеръ на двадцать первомъ году отъ рожденія.

Состояніе Русской земли къ исходу XVII ст.

Страна, деревни, села и города.

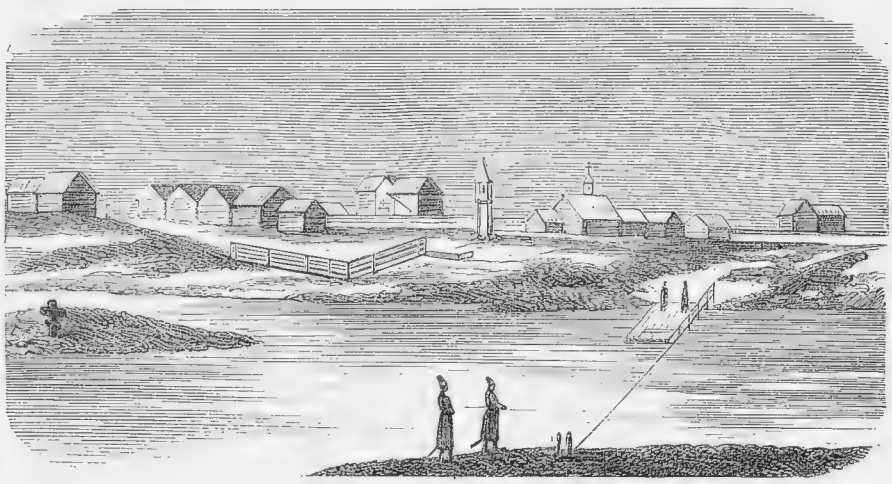
Къ исходу XVII столѣтія Московское Государство уже превосходило по своимъ размѣрамъ любую западно-европейскую страну: широко раздвинуло оно свои предѣлы на востокъ послѣ завоеванія Поволжья и Сибири и на югъ съ присоединеніемъ Малороссіи. Но громадная восточно-европейская равнина, пересѣкаемая по всѣмъ направленіямъ полноводными рѣками и множествомъ рѣчекъ, покрытая на сѣверѣ безконечными дремучими лѣсами, озерами и болотами, а на югѣ разстилавшаяся необозримою степью, попрежнему поражала иноземцевъ-путешественниковъ непривычнымъ для нихъ малолюдіемъ: она казалась имъ пустынею сравнительно съ Западной Европой. Русскій народъ раскидался на громадномъ просторѣ своей земли мелкими поселками, рѣдко сбиваясь въ большія поселенія, въ города. Можно было проѣхать десятки верстъ, не встрѣтивъ ни одного поселка; на сотни верстъ тянулись непроглядные лѣса; встрѣчавшіяся изрѣдка деревушки по большей части были очень незначительны, въ три-четыре избы; болѣе многолюдныя деревни и села попадались лишь по торговымъ путямъ, рѣкамъ, при монастыряхъ да близь большихъ городовъ.

Неприглядна была великорусская деревня и лѣтомъ, но еще печальнѣе глядѣла она поздней осенью и зимою, когда зелень луговъ не веселила глазъ и крестьянскія избы уныло чернѣли на снѣжной равнинѣ. А между тѣмъ именно зимой по большей части и приходилось путешествовать: въ саняхъ, обитыхъ овчиной, закутавшись въ хорошую шубу, словомъ вооружившись, какъ можно лучше, противъ лютаго мороза, по гладкому зимнему пути удобнѣе было ѣхать, чѣмъ въ другую пору, когда на каждомъ шагу приходилось переправляться чрезъ рѣки, пробираться по болотамъ и трясинамъ: хорошихъ дорогъ на Руси еще не было.

Неказисты были и на видъ великорусскіе поселки: нѣсколько маленькихъ курныхъ избъ въ лѣсной просѣкѣ, или на берегу рѣки—вотъ и деревня; побольше избъ и между ними деревянная церковь—вотъ и село. Въ деревнѣ рѣдко встрѣчались не только сады, но даже и деревья: лѣсу кругомъ было въ такомъ изобиліи, что великорусъ не придавалъ большой цѣны дереву; темный дремучій лѣсъ, гдѣ ютился лютый звѣрь да лихой человѣкъ, былъ въ глазахъ вели-

коруса скорѣе врагомъ, чѣмъ другомъ; сады были только при помѣщичьихъ усадьбахъ, и состояли больше изъ плодовыхъ деревьевъ. Тѣ деревни, гдѣ проживали помѣщики, были понаряднѣе: барская усадьба съ разными службами и садомъ скрашивала ихъ. По наружному виду своему великорусская деревня сильно отличалась отъ малорусской. Въ Южной Руси чаще встрѣчались большія села, чѣмъ на сѣверѣ: благодатная почва могла здѣсь и на маломъ пространствѣ прокормить многихъ. Выбѣленная мазанка, или хата глядѣла веселѣе великорусской избы, тѣнистое дерево было желаннымъ другомъ для степняка-малоруса, обдаваемаго палящимъ зноемъ южнаго солнца.

Широкій просторъ русской земли, которому завидовали иноземцы, имѣлъ и свои невыгодныя стороны: населеніе,—особенно крестьян-

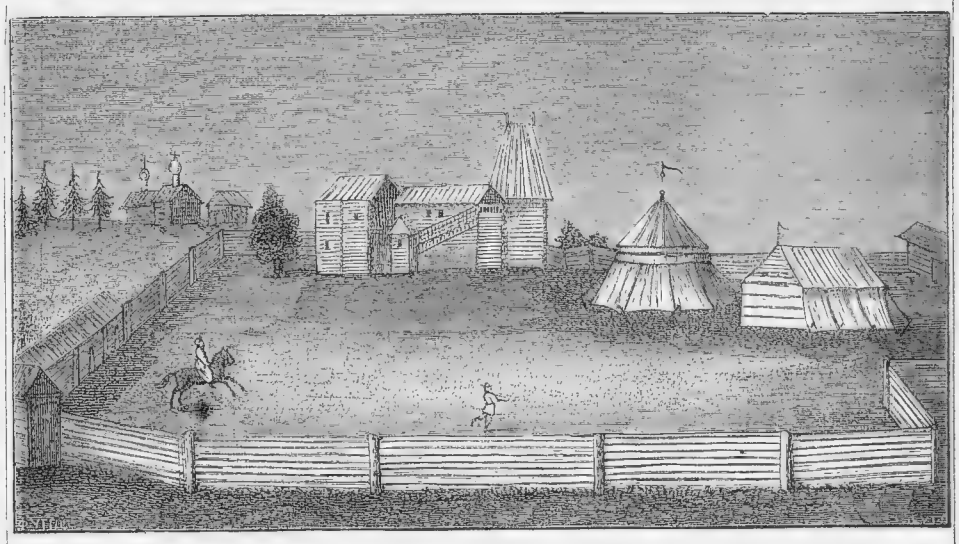


Русское село въ XVII столѣтіи (по Мейерберу).

скій и промышленный людъ,—расходилось все больше и больше въ разныя стороны, на поиски лучшей землицы. Хотя крестьяне въ концѣ XVI вѣка и были прикрѣплены къ землѣ, но у каждаго богатаго вотчинника и даже помѣщика было столько земли, что можно было легко и тутъ выбирать любой участокъ (а сверхъ того побѣги крестьянъ были заурядным явленіемъ). Изъ какого либо села выдѣлится крестьянская семья, поставитъ себѣ неподалеку на новомъ мѣстѣ, гдѣ нибудь у лѣса, въ просѣкѣ, или на выжженомъ участкѣ, въ лѣсу, крестьянскій дворъ, и начало новому поселку положено. Такой самый маленькій поселокъ на дикой землѣ назывался обыкновенно займищемъ. Поселокъ, состоящій изъ нѣсколькихъ избъ, образующій незначительную деревушку назывался починокъ; онъ

мало по малу разростался въ деревню, которая въ свою очередь обращалась въ село, когда сооружалась въ ней церковь, а отсюда могли такимъ же путемъ пойти новые починки и деревни, составлявшія со своимъ селомъ какъ бы одну семью.

Слово «городъ» все еще, какъ и раньше, означало ограду, а не то, что находилось въ ней, какъ понимаемъ мы теперь; говорили: каменный городъ, деревянный, земляной, смотря по тому, какъ была устроена ограда. Потребность въ укрѣпленіяхъ,—городахъ, городкахъ, острогахъ, засѣкахъ была еще очень сильна. Городовое дѣло (сооруженіе городскихъ стѣнъ) считалось одной изъ главныхъ повинностей народа, и города да остроги заводились по окраи-



Помѣщичья усадьба въ XVII ст. (по Мейерберу).

намъ государства на новыхъ мѣстахъ прежде поселеній, чтобы дать оборону желающимъ здѣсь поселиться. Города по большей части были деревянные, соединенные съ земляными: обыкновенно насыпался валъ или осыпъ, а на немъ устраивался тынъ, или прямо на землю ставилась деревянная стѣна, и къ ней уже присыпался валъ. Небольшія укрѣпленія, остроги, часто состояли изъ деревянныхъ стѣнъ, окруженныхъ рвомъ. При Алексѣѣ Михайловичѣ насчитываютъ уже до двадцати каменныхъ или кирпичныхъ городовъ, не считая монастырей, которые тоже, какъ извѣстно, представляли хорошія укрѣпленія.

На верху каменныхъ стѣнъ устраивались зубцы, за которые могли скрываться защитники города отъ выстрѣловъ непріятеля.

Надъ стѣною въ нѣкоторыхъ мѣстахъ возвышались башни различнаго вида и высоты; въ каменныхъ городахъ онѣ были каменныя, въ деревянныхъ и земляныхъ—деревянныя, а иногда тоже каменныя. Кромѣ большихъ башень устраивались въ стѣнѣ небольшія башенки и различные выступы, чтобы удобнѣе было дѣйствовать противъ нападающихъ враговъ. Въ башняхъ и стѣнахъ дѣлали окна, у которыхъ лежали груды припасенныхъ камней и кольевъ, чтобы метать въ осаждающихъ,—дѣлали и бои, т. е. узкія отверзтія, откуда стрѣляли изъ пушекъ и пищалей. Бои устраивались въ большихъ городахъ обыкновенно въ три ряда: нижніе, или подошвенные, служили для пушекъ, а верхніе—для пищалей и мушкетовъ. Толщина и вышина стѣнъ были въ разныхъ городахъ различны: въ Астрахани, напр., каменная стѣна въ 1649 году была толщиною полторы сажени, а вышиной—четыре. Города окружались глубокими и широкими рвами.

По окраинамъ государства отъ города до города дѣлались земляныя насыпи, вдоль которыхъ устраивались на извѣстномъ разстояніи другъ отъ друга *острожки*, жилые и стоялые. Первые постоянно охранялись служилыми людьми и впослѣдствіи населялись и обращались въ города; а стоялые—занимались только временно военными отрядами. Въ лѣсныхъ мѣстахъ устраивались *засѣки*, состоявшія изъ кучи наваленнаго лѣсу, огражденныя рвомъ; случалось, что и тутъ устраивались башни — и тогда такія засѣки получали видъ наскоро устроенныхъ городовъ. Такимъ образомъ довольно было только приглядѣться къ русскимъ городамъ, особенно близкимъ къ границамъ, чтобы понять, что населенію постоянно приходилось жить подъ страхомъ нападенія.

Въ городѣ, т. е. внутри ограды, были важнѣйшія зданія: тутъ была главная церковь, или соборъ, *приказная изба*, гдѣ судилъ и рядилъ воевода, управлявшій городомъ и его уѣздомъ, тутъ находился воеводскій дворъ со всякими службами, казенный дворъ для храненія зелейной казны (т. е. пороху), государева житница, дворъ священниковъ, избы служилыхъ стрѣльцовъ и пушкарей, тюрьма, наконецъ, «осадные дворы» окрестныхъ помѣщиковъ: они въ случаѣ опасности уходили сюда со своими пожитками. Сверхъ этихъ дворовъ были еще казенные осадные дворы для простонародья на случай военнаго времени.

При городахъ располагались обыкновенно *посады*, тутъ жили торговцы, ремесленники, промышленники. Главное мѣсто здѣсь — торговая площадь: сюда въ извѣстные дни свозили всякіе нужные

Нижній Новгородъ въ XVII ст. (по Олеарію).

жителямъ товары. На площади находилась земская изба, гдѣ сидѣли земскіе старосты съ посадскими людьми; тутъ же были гостиный дворъ, таможня, кружечный дворъ и проч. Посады нерѣдко также обводились оградой, острогомъ или валомъ; но вдали отъ границъ, гдѣ опасаться нападенія было нечего, посады были безъ городовъ, т. е. не опоясывались оградой.

Постройки въ посадахъ и городахъ были очень просты: это были по большей части тѣже избы, что и въ деревнѣ, только почище да пошире. Зажиточные люди соединяли нѣсколько срубовъ въ одно цѣлое, украшали рѣзными деревянными украшеніями, раскрашивали кровли. Каменныя постройки все еще были рѣдкостью и встрѣчались только въ большихъ городахъ. Главнымъ украшеніемъ городовъ были церкви. Набожные предки наши сооружали ихъ очень много и не скупились на украшеніе ихъ. Эти церкви по большей части были тоже деревянныя и маленькія; но все таки они строились изящнѣе, чѣмъ жилища. Ихъ высокіе купола, покрытые свѣтлымъ листовымъ желѣзомъ съ золочеными крестами, сверкая на солнцѣ скрашивали городъ. Даже въ маленькихъ городкахъ встрѣчались уже нерѣдко и каменныя церкви: въ Бѣлозерскѣ напр., въ 1674 году считалось только 960 жителей, а между тѣмъ было девятнадцать церквей, изъ нихъ соборная—каменная. Къ городамъ кромѣ посадовъ примыкали еще слободы, поселенія разныхъ служилыхъ или ремесленныхъ людей, которые пользовались особыми правами и особымъ управленіемъ. Къ Москвѣ, напр., прилегали слободы стрѣлецкая, нѣмецкая, сѣдельниковъ, гончаровъ и многія другія. Всѣ великорусскіе города походили одинъ на другой въ главныхъ чертахъ: основную часть города, сердцевину его, составлялъ собственно городъ (кремль, дѣтинецъ), который мало по малу, такъ сказать, обросталъ посадомъ и слободами. Въ опасныхъ мѣстахъ, по границамъ, городъ долго оставался только городомъ, т. е. укрѣпленіемъ, населеннымъ преимущественно служилымъ людомъ, безъ посадовъ и слободъ (напр. Черный Яръ, Царицынъ и др); а въ мѣстахъ, болѣе безопасныхъ, особенно тамъ, гдѣ сходились торговые пути, посады и слободы быстро разростались и собственно городъ или кремль представлялъ хотя главную, но очень небольшую часть среди обширнаго посада и слободъ. Самые значительные города, напр., Новгородъ, Псковъ, Нижній Новгородъ и др. представляли именно такое явленіе. Но болѣе всего сказалось это на Москвѣ.

Москва.

Сильное впечатлѣніе производила Москва своимъ видомъ на заѣзжихъ иностранцевъ, когда они глядѣли на нее издали съ высоты, напр., Воробьевыхъ горъ. На огромномъ пространствѣ чернѣла громада нѣсколькихъ десятковъ тысячъ деревянныхъ домовъ, надъ которыми высились безчисленныя колокольни и церкви съ ихъ разноцвѣтными или сверкавшими на солнцѣ металлическими куполами. Темная масса домовъ прорывалась во многихъ мѣстахъ пестрѣющими кровлями боярскихъ хоромъ, зеленѣющими садами, огородами и надъ всѣмъ этимъ возвышался кремль съ его бѣлокаменной зубчатой стѣной и стройными башнями, а надъ бѣлыми башнями и стѣнами поднимались многочисленныя кремлевскія церкви и словно свѣчи горѣли на небесной синевѣ своими золотыми маковками. Трудно было наблюдателю оторваться отъ чудной картины, и понятно становилось, почему русскій народъ такъ любилъ свою «бѣлокаменную» и «златоглавую» матушку Москву...

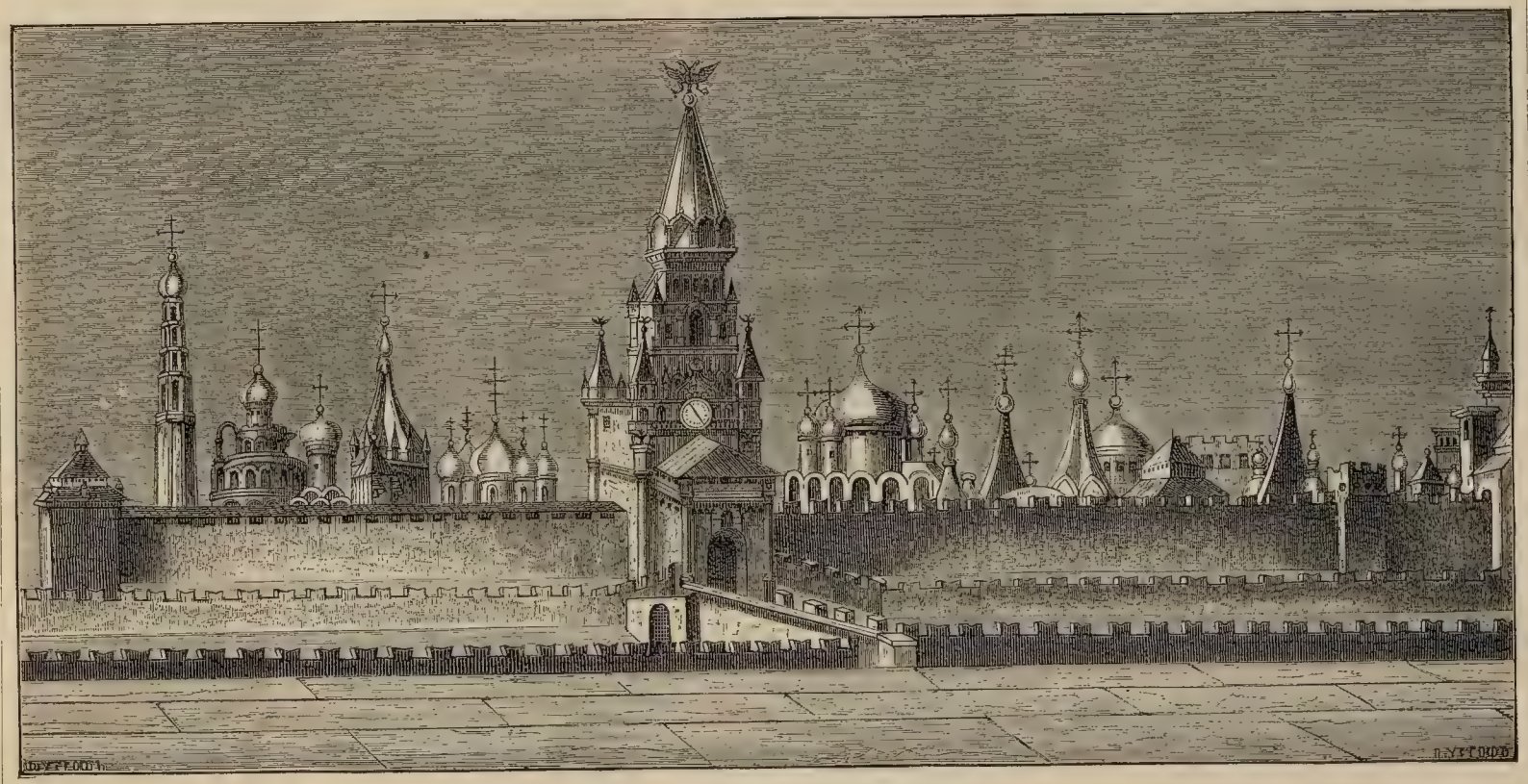
Съ высоты не трудно было замѣтить главныя составныя части столицы. Въ срединѣ города, составляя какъ бы сердце его, по выраженію одного иностранца, былъ Кремль съ примыкавшимъ къ нему Китай-городомъ, окруженнымъ толстой каменной стѣной, Красной, какъ звали ее (она была кирпичная, не бѣленная). Съ юга эту часть города, т. е. Кремль съ Китай-городомъ, омывала Москва-рѣка, съ сѣвера Неглинная, а кругомъ шелъ посадъ, который окружала бѣлая стѣна, Бѣлъ-городъ, упираясь своими концами въ берега рѣки Москвы; затѣмъ эту часть опоясывалъ другой посадъ, Земляной городъ. Напротивъ Кремля была расположена Стрѣлецкая слобода (Замоскворѣчье), съ одной стороны ее огибала рѣка Москва, съ другой — земляной валъ, который подходилъ своими концами къ стѣнамъ Земляного города. Неподалеку отъ земляного города къ востоку, отдѣленная небольшимъ полемъ, находилась Нѣмецкая слобода, или Кокуй, населенная иноземцами всевозможныхъ племенъ и исповѣданій. Кромѣ того, въ разныхъ мѣстахъ виднѣлись монастыри Новодѣвичій, Симоновъ и друг.; они, окруженные стѣнами, служили хорошими укрѣпленіями. Вдали отъ города, тамъ и симъ среди зеленѣющихъ полей, разбросаны были подгородныя боярскія усадьбы.

Необычайно красива была Москва издали; но обаяніе исчезало, когда путешественникъ вступалъ въ самый городъ. Маленькіе, деревянные домики, грязныя или пыльныя улицы прежде всего бро-

сались въ глаза. Самая большая часть города Земляной городъ, гдѣ жили большей частью мелкіе ремесленники и отличался особенной бѣдностью и неприглядностью построекъ. Здѣсь были рынки, загроможденные бревнами, досками, срубами, даже цѣлыми деревянными домами (избами), которые стоило только разобрать и перенести на то мѣсто, куда желалъ покупатель. Бѣлъ-городъ глядѣлъ уже наряднѣе: здѣсь тоже жили ремесленники и торговцы. Каждый ремесленникъ вывѣшивалъ вещи, указывавшія на его занятіе: сапожникъ—сапогъ, портной—лоскутки тканей. Торговцы мясомъ

Улица въ Москвѣ (по Олеарію).

выкладывали на прилавки куски мяса, которое портилось на солнцѣ и распространяло тяжелый запахъ; тутъ же былъ скотный рынокъ и много кружалъ съ водкой, пивомъ и медомъ, два завода,—одинъ пороховой, другой литейный, гдѣ лили пушки и колокола, двѣ тюрьмы, аптеки, царскія конюшни и проч. Но тутъ же, ближе къ Китай городу, находились дворы болѣе зажиточныхъ посадскихъ людей, купцовъ, даже бояръ. Встрѣчались уже и красивыя постройки съ большими садами, даже попадались и каменные дома; тутъ красовались и изящныя каменныя палаты Артамона Сергѣевича Матвѣева, построенныя имъ по желанію царя.



Кремль въ концѣ XVII ст. (по Таннеру).

Въ Китаѣ-городѣ вниманіе пріѣзжихъ привлекала церковь св. Троицы (Василія Блаженнаго) своей необычайно затѣйливой архитектурой. Подлѣ церкви находились двѣ громадныя пушки, обращенныя на пловучій москворѣцкій мостъ,—въ сторону, откуда обыкновенно нападали на Москву татары. Здѣсь на большой площади, которая разстилалась предъ церковью св. Троицы и Кремлемъ, находился главный рынокъ города, число лавокъ расположенныхъ рядами на самой площади и въ смежныхъ улицахъ доходило, по

Сапожная лавка въ Москвѣ (по Олеарію).

словамъ иноземныхъ писателей, до сорока тысячъ, были ряды шелковый, суконный, серебряный, сапожный, холстинный,—рядъ, гдѣ продавалось готовое платье, овощной, рыбій, птичій и мног. друг. Предъ самымъ Кремлемъ на обширной четыреугольной площади не позволялось ставить лавки; за то здѣсь образовался толкучій рынокъ и кипѣла разносная, ручная торговля. За церковью св. Троицы къ Москвѣ рѣкѣ тянулся обширный Гостинный дворъ, называвшійся Персидскимъ; тутъ армяне, персіане и татары торговали дорогими

восточными товарами: золотыми и серебряными издѣліями, драгоцѣнными камнями, коврами и проч. Кромѣ того, въ Китаѣ-городѣ находилось еще два гостинныхъ двора для иноземныхъ торговцевъ. Въ другой части Китая-города, подлѣ рѣчки Неглинной было до

Церковь Грузинской Богоматери въ Москвѣ.

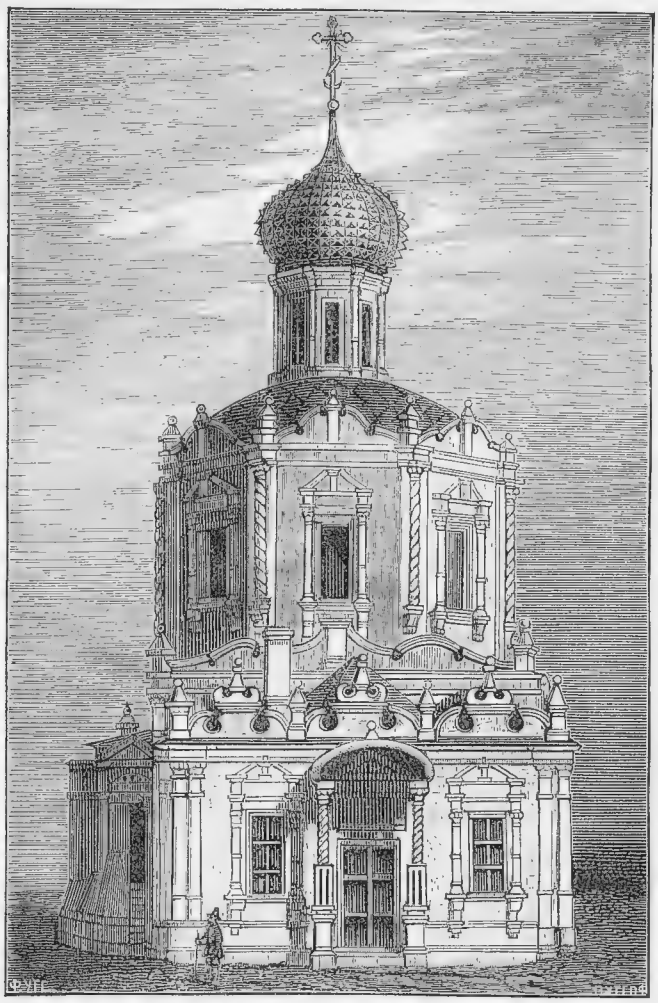
200 погребовъ съ медами и заморскими винами. Близь посольскаго двора находился рядъ лавочекъ, гдѣ происходила стрижка волосъ, которые тутъ же по улицѣ валялись грудами, такъ что, когда проходишь здѣсь, говоритъ одинъ очевидецъ, то ступаешь точно по подушкамъ. Въ концѣ XVII-го вѣка въ Китаѣ-городѣ почти

всѣ зданія, были уже каменныя. Между ними особенно выдѣлялись красотой и величиной посольскій домъ, печатный дворъ, греческій дворъ и многія боярскія палаты; но красивѣе всего были и здѣсь, какъ въ другихъ частяхъ Москвы, церкви. Улицы въ Китаѣ-городѣ были вымощены круглыми бревнами, только двѣ главныя изъ нихъ были выложены обтесанными брусьями: одна—ведшая въ Кремль къ

Церковь Николая Чудотворца на столпахъ.

Спасскимъ воротамъ, по которой обыкновенно царь выѣзжалъ изъ города, а другая—у посольскаго двора. Главныя и самыя красивыя ворота, ведшія изъ Китая-города въ Кремль, были Фроловскія, или Спасскія, надъ которыми возвышалась очень красивая башня съ часами. Въ Кремлѣ вниманіе заѣзжаго наблюдателя привлекается прежде всего самой высокой колокольней въ Москвѣ, Иваномъ Великимъ, съ множествомъ разноголосыхъ колоколовъ, и другою—по-

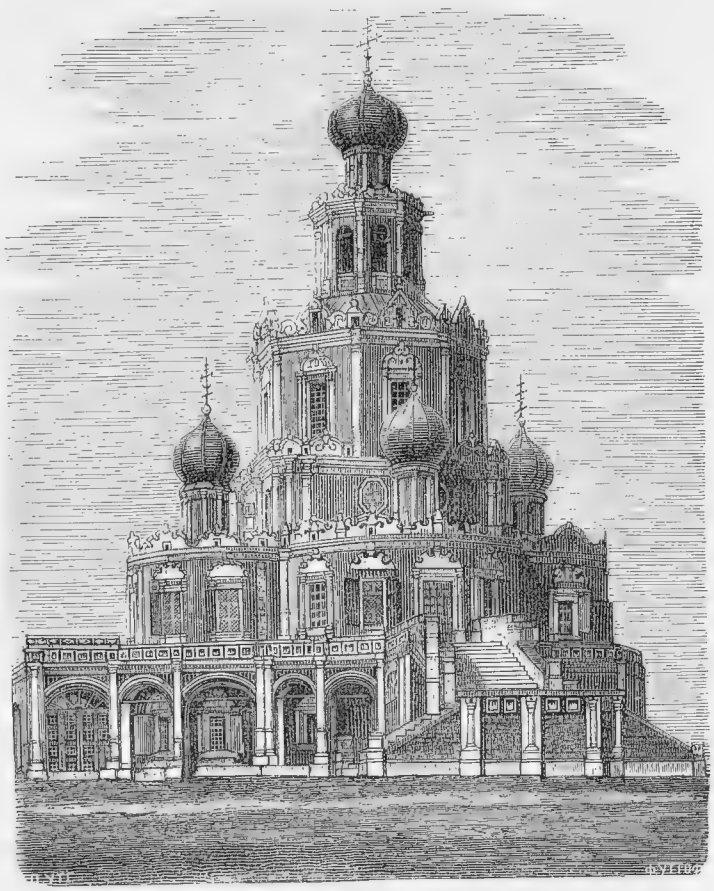
меньше съ громаднымъ колоколомъ, (царь-колоколъ), отлитымъ при Борисѣ Годуновѣ. Звонили въ этотъ колоколъ только по большимъ праздникамъ; языкъ его былъ такъ тяжелъ, что раскачивали его двадцать четыре человѣка. Въ Кремлѣ было два монастыря,—муж-



Владимірская церковь въ Москвѣ.

ской и женскій, и до тридцати церквей (иные изъ иностранцевъ насчитывали ихъ даже до 50); всѣ онѣ были златоглавыя. Въ Кремлѣ находился царскій дворъ со всѣми службами. Хотя уже при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ былъ построенъ въ итальянскомъ вкусѣ великолѣпный каменный дворецъ (Теремный), но государь жилъ въ

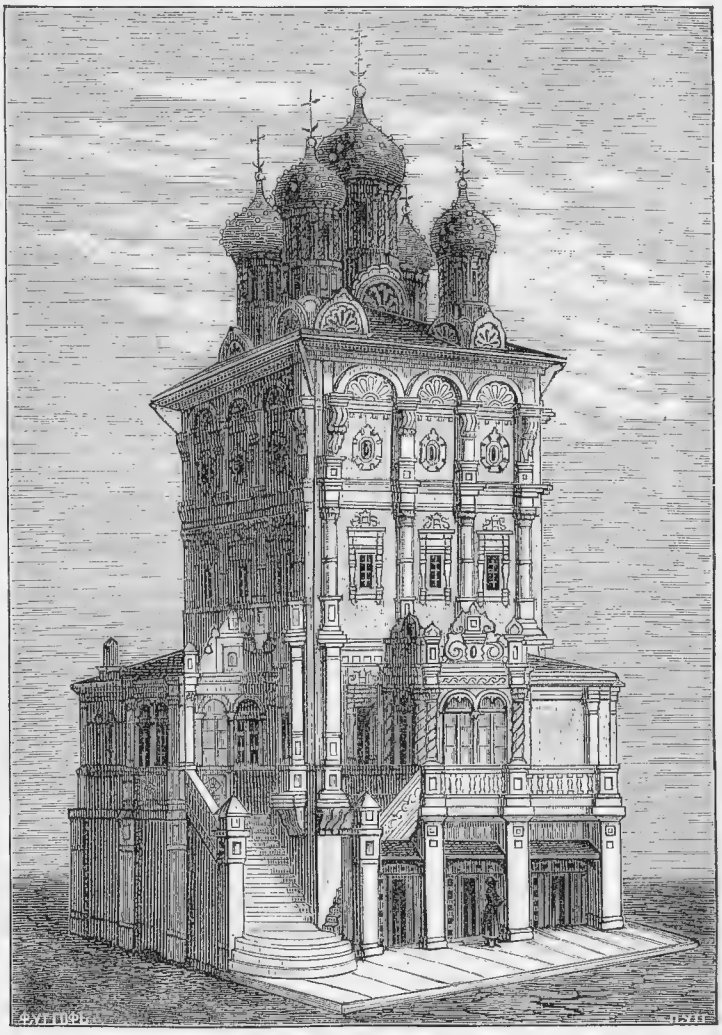
деревянныхъ хоромахъ, считая ихъ болѣе здоровыми. Подлѣ царскаго двора помѣщались прекрасныя палаты патріарха; кромѣ того, здѣсь были палаты нѣкоторыхъ бояръ и наконецъ тутъ же находились приказы. Вся крѣпость была застроена церквами, царскими дворцами, боярскими хоромами и другими, такъ что почти не оставалось свободнаго мѣста.



Церковь Покрова при Шелепихѣ.

Ничто такъ не поражало иноземца въ Москвѣ и другихъ русскихъ городахъ, какъ многочисленныя церкви. Въ Москвѣ онѣ встрѣчались на каждомъ шагу,—большія и маленькія, деревянныя и каменныя. Не только благочестивые государи, не жалѣя издержекъ, воздвигали ихъ въ большомъ числѣ и въ память побѣдъ, и по разнымъ случаямъ въ семейной жизни; но и знатные бояре безпрестанно сооружали и церкви, и часовни, украшали ихъ; не отставали

отъ нихъ именитые богачи-купцы. Иностранцы, насчитывая въ Москвѣ въ концѣ XVII вѣка до двухъ тысячъ церквей, конечно, имѣли въ виду и часовни, и домовыя церкви бояръ. Довольно было одного взгляда на тысячи пестрѣющихъ и блистающихъ церковныхъ



Церковь Св. Николая на Ильинкѣ.

главъ, высоко поднимавшихся надъ людскими жильями, чтобы заключить, что набожность—одна изъ главныхъ особенностей русскаго человѣка. Какъ неказисты были по большей части жилья, такъ, напротивъ, были красивы и величественны церкви. Правда, большинство ихъ были маленькія и деревянныя; но и онѣ своимъ

изяществомъ и вышиной рѣзко отличались отъ обыкновенныхъ домовъ. Нѣкоторыя же изъ церквей поражали своимъ замѣчательнымъ великолѣпіемъ и своеобразностью, величіемъ и красотою. Надо сказать, по всей справедливости, что русское церковное зодчество XVI-го и XVII-го вѣковъ оставило по себѣ не мало замѣчательныхъ памятниковъ. Съ половины XVI столѣтія, со времени постройки знаменитой церкви Василія Блаженнаго (Покрова), московское зодче-

Церковь въ Останкинѣ.

ство обнаружило большую силу и самобытность; кажется, будто при сооруженіи каждой новой церкви зодчій напрягаетъ всѣ силы своего таланта и вкуса, чтобы создать что нибудь особенное, небывалое, придумать какое нибудь новое украшеніе церковной кровли, куполовъ, оконъ, входа,—и потому старинныя церкви Москвы и ея окрестностей поражаютъ и до сихъ поръ своимъ разнообразіемъ и красотой, не смотря на позднѣйшія искаженія и пристройки.

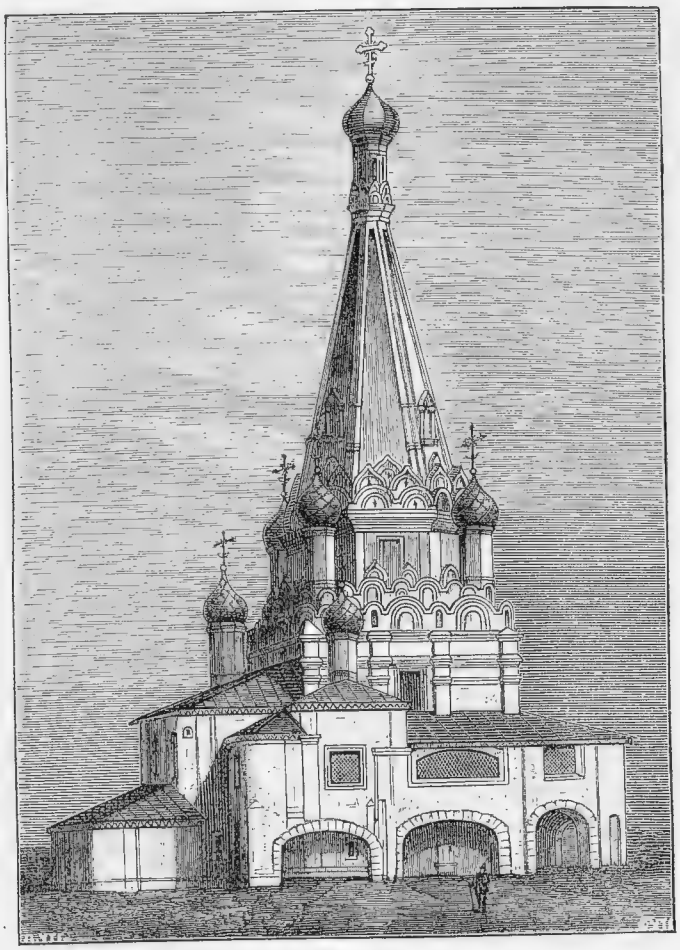
Изъ старинныхъ церквей въ Москвѣ и ея окрестностяхъ нѣкоторыя, сооруженныя въ XVII ст., хорошо сохранились и поражаютъ до сихъ поръ своей красотой и оригинальностью. Къ такимъ надо отнести церковь Грузинской Божіей Матери, церковь Святителя Николая въ столпахъ, Владимірской Богородицы, церковь Покрова при Шелепихѣ и церковь св. Николая на Ильинкѣ. Не менѣе любопытны старинныя церкви въ Останкинѣ близъ Москвы,

Церковь въ селѣ Тайнинскомъ.

въ селѣ Тайнинскомъ и въ селѣ Медвѣдковѣ. Всѣ эти образцы древняго нашего зодчества показываютъ, сколько воображенія и самобытнаго таланта было у русскихъ строителей, очевидно, не стѣснявшихся однимъ общепринятымъ видомъ церкви.

Москва днемъ представляла весьма оживленный видъ. День начинался очень рано, – лѣтомъ съ восходомъ солнца, а зимой еще до свѣта все уже приходило въ движеніе. Раздавался тысячеголосый благо-

вѣстъ въ церквахъ. Отворялись лавки; рынки наполнялись покупателями; рабочіе шли на работу. Среди толпы раздавался порою боярскій набатъ (родъ небольшаго барабана, висѣвшаго у сѣдла), ударяя въ который, бояринъ, ѣхавшій верхомъ, давалъ знакъ, чтобы толпа разступилась и пропустила его. Бояринъ направ-



Церковь въ селѣ Медвѣдовѣ.

лялся въ Кремль ударить челомъ государю. А не то проѣзжала и боярская колымага; въ ней ѣхалъ къ царю престарѣлый сановникъ, которому уже трудно было ѣздить верхомъ.

Особенно оживленный видъ представляли, конечно, рынки; здѣсь съ утра до вечера толпился народъ, и стоялъ гулъ отъ тысячи голосовъ; болѣе всего шуму и движенія было на толкучемъ рынкѣ,

гдѣ торговки продавали нитки, холсты, серьги, кольца и тому подобные товары. Продавщицы и покупательницы, говоритъ Олеарій, поднимали здѣсь такой шумъ, что можно было подумать, будто случился пожаръ или произошло что либо необычайное... Тутъ же стояли сотни извощиковъ съ маленькими телѣжками или санями въ одну лошадь. За ничтожную плату, за одну деньгу, извощикъ готовъ былъ скакать сломя голову съ одного конца города въ другой, безпрестанно крича во все горло всѣмъ встрѣчнымъ: «гись, гись!» (берегись). Въ полдень, въ обѣденную пору все стихало, лавки запирались, улицы замѣтно пустѣли. Послѣ обѣда, обыкновенно все засыпало: трудно было найти москвитянина, который не спалъ бы послѣ обѣда. Часа чрезъ два городъ снова понемногу оживалъ. — Непріятно поражало иноземцевъ то, что встрѣчалось множество пьяныхъ и часто слышалась на улицахъ ругань...

День кончался рано,—скоро по заходѣ солнца. Длинныя ночи были опаснымъ временемъ въ Москвѣ: лихіе люди пользовались темнотою для своего промысла. Рѣдкая ночь проходила въ Москвѣ, говорятъ иностранцы, безъ кражи или грабежа. Лихимъ дѣломъ промышляли не только бездомные воры и грабители, но и господскіе слуги. Въ каждомъ богатомъ боярскомъ домѣ были сотни человѣкъ всякой челяди; случалось, что ихъ худо содержали, и вотъ они ночью выходили на лихой промыселъ... Противъ ночныхъ грабителей принимались мѣры: ночью на перекресткахъ и площадяхъ стояли сильные стрѣлецкіе караулы. Всѣхъ ѣхавшихъ или шедшихъ безъ фонаря, какъ приказано было, они хватали какъ злонамѣренныхъ людей и отправляли въ Стрѣлецкій приказъ для розыска. Стражники время отъ времени, когда били часы на Спасскихъ воротахъ, ударяли въ доски столько разъ, сколько пробило часовъ, и другіе караульщили должны были всѣ дѣлать тоже, и этимъ свидѣтельствовали, что не спали; но, не смотря на все это, грабежи и убійства все-таки случались нерѣдко; особенно много лихихъ дѣлъ и всякихъ несчастій случалось въ праздничные дни и болѣе всего на масляницу. Грабители нерѣдко поджигали дома богатыхъ людей и, пользуясь суматохой во время пожара, расхищали пожитки.

Пожары въ Москвѣ случались очень часто. Не проходило почти ни одной недѣли, чтобы не сгорали сотни домовъ. Къ этому въ Москвѣ уже привыкли, и только такіе пожары были памятными, когда погорало по нѣскольку тысячъ домовъ. Два пожара особенно были гибельны для Москвы: это въ 1571 г., при нашествіи крымскаго

хана, и въ 1611 г., когда поляки выжгли весь городъ. До 1611 г. въ немъ насчитывали до милліона жителей, но послѣ этого времени убыло почти на половину.

Познакомившись въ общихъ чертахъ съ видомъ страны, деревень, городовъ и столицы Россіи, теперь обратимъ вниманіе на составъ населенія, на государственный строй и на житье-бытье нашихъ предковъ.

Составъ населенія и государственный строй.

Главою и властелиномъ всего русскаго народа былъ царь-самодержецъ. Къ концу XVII вѣка значеніе государя вполнѣ уже опредѣлилось: онъ былъ всесильнымъ домовладыкою русской земли, и люди всѣхъ званій и чиновъ признавали надъ собой его безграничную власть, искали его защиты и милости и ставили его неизмѣримо выше себя. Всѣ, обращаясь къ царю въ челобитныхъ, называли себя уменьшительными именами: боярин ъ и вообще служилый человѣкъ прибавлялъ къ своему имени слова—«холопъ твой», купецъ — «мужикъ твой», менѣе значительные люди — «сирота твой» и т. д. Въ челобитныхъ стали даже писать государю: «умилосердися, яко Богъ», или «работаю я, холопъ вашъ, вамъ великимъ государямъ, яко Богу». Чувство христіанскаго смиренія побудило царя Ѳеодора Алексѣевича запретить подъ страхомъ великой опалы употреблять такія выраженія. Изъ нихъ видно, на какой высотѣ стоялъ государь въ глазахъ народа, какъ высоко чтили русскіе люди царя; а изъ обычнаго народнаго выраженія: «царь-батюшка», видно, что, не смотря на эту высоту царской власти, народъ чувствовалъ свою сердечную связь съ государемъ.

Московское самодержавіе, какъ извѣстно, сослужило великую службу русской землѣ: оно сплотило раздробленный народъ въ одно цѣлое; оно дало ему силу отбиться отъ сосѣдей враговъ, напиравшихъ съ востока и запада, даже сломить ихъ. Эту заслугу самодержавія народъ если и не понималъ вполнѣ ясно, то чувствовалъ и, несмотря на многія невзгоды и тяготы, готовъ былъ всѣми силами стоять за него. Безначаліе и боярское самоуправство въ смутную пору дали себя знать и стали для народа, по крайней мѣрѣ для лучшей части его, ненавистны.

Господствующимъ сословіемъ въ государствѣ было служилое; оно разрослось отчасти изъ прежней княжеской дружины и дѣлилось на нѣсколько разрядовъ. Самымъ главнымъ было родовое боярство,

состоявшее изъ потомковъ удѣльныхъ князей и носившее княжескіе титулы (напр. князья Долгорукіе, Воротынскіе, Волконскіе, Барятинскіе, Дашковы и др.),—изъ лицъ, ведшихъ свое начало отъ выходцевъ польско-литовскихъ, (наприм. Бѣльскіе, Милославскіе, Трубецкіе и др.) — отъ другихъ западно-европейскихъ выходцевъ (Голенищевы-Кутузовы, Орловы, Нащокины, Толстые, Шереметевы, Шеины и др.) — отъ татарскихъ (кн. Мещерскіе, Ртищевы, кн. Урусовы, кн. Юсуповы и многіе другіе). Эти именитые бояре очень гордились своимъ происхожденіемъ, и породниться съ ними человѣку незнатному путемъ брака было очень трудно. Изъ ихъ среды избирались лица, составлявшія многочисленный дворъ царя.

Второй разрядъ служилыхъ людей составляли дворяне, дѣлившіеся тоже на нѣсколько степеней, а третій разрядъ — многочисленный классъ боярскихъ дѣтей. Всѣ служилые люди за свою службу получали имѣнія: вотчины, т. е. земли—въ наслѣдственное владѣніе, и помѣстья — во временное, обыкновенно въ пожизненное владѣніе; но мало по малу и помѣстья обратились въ наслѣдственную собственность, сравнялись съ вотчинами. Боярскимъ дѣтямъ раздавались участки небольшіе, десятинъ въ сто, такъ что они были мелкопомѣстными владѣльцами сравнительно не только съ родовитыми боярами, владѣвшими огромными землями и тысячами крестьянъ, но и съ большинствомъ дворянъ. За службу свою, кромѣ помѣстій, служилые люди въ XVII ст. получали жалованье и хлѣбомъ, и деньгами; служить обязаны были всю жизнь на всей волѣ государя, гдѣ укажетъ.

Всѣ неслужилые составляли классъ «тягловыхъ» или податныхъ земскихъ людей: всѣ они несли «тягло» государственное, обязаны были, уплачивая подати и пошлины, давать средства государю содержать разныя правительственныя мѣста, платить жалованье служилымъ людямъ и дѣлать расходы на другія потребы.

Тягловые люди состояли изъ посадскихъ и крестьянъ. И тѣ, и другіе были приписаны (прикрѣплены) къ своимъ посадамъ и землямъ. Самые зажиточные изъ посадскихъ назывались «лучшими людьми», остальные—«меньшими». Въ Москвѣ высшій разрядъ купцовъ назывался «гостями», «гостинной сотней» и «суконной сотней». Кромѣ платы податей и пошлинъ, посадскіе люди обязаны были отбывать выборныя должности, главнымъ образомъ по разнымъ денежнымъ сборамъ въ казну.

Низшій и, разумѣется, несравненно болѣе многочисленный, разрядъ тягловыхъ людей представляли крестьяне. Они дѣлились на

три главные разряда, смотря по тому, на чьей землѣ жили, — на государевой, т. е. принадлежавшей лично царю, на монастырской или помѣщичьей.

Правительство, нуждаясь въ деньгахъ, старалось обезпечить себѣ вѣрные доходы, состоявшіе изъ разныхъ пошлинъ и податей, и прикрѣпило посадскихъ людей къ ихъ посадамъ, а чтобы служилые люди имѣли возможность отбывать какъ слѣдуетъ свою служебную повинность, прикрѣпило крестьянъ къ землѣ. Всѣ эти тяжелыя мѣры вызывались необходимостью, — крайней бѣдностью государства: торговля и промышленность шли очень вяло; земля по большей части пустовала; въ рабочихъ рукахъ былъ большой недостатокъ; крестьянское населеніе было слишкомъ скудно сравнительно съ громадными размѣрами русскихъ владѣній; при томъ оно все больше и больше разселялось по странѣ, или уходило въ казачество. Надо было какъ нибудь остановить это опасное явленіе и лучшаго средства, какъ силою закона прикрѣпить посадскаго вольнаго прежде человѣка къ посаду, а свободнаго крестьянина къ землѣ, правительство не могло придумать. Какъ сказано уже раньше, оно постепенно увеличивало срокъ, въ теченіе котораго помѣщикъ имѣлъ право разыскивать своего бѣглаго крестьянина: уже при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ былъ назначенъ для этого вмѣсто прежняго пятилѣтняго— десятилѣтній срокъ, а по Уложенію царя Алексѣя срокъ былъ вовсе уничтоженъ, и помѣщикъ могъ искать бѣжавшаго крестьянина до его смерти.

Хотя этими постановленіями правительство имѣло въ виду привязать крестьянина къ извѣстному опредѣленному мѣсту, помѣшать бродяжничеству, а не отдавать крестьянина въ полную власть помѣщику; но землевладѣльцы мало по малу стали распоряжаться крестьянами, жившими на ихъ земляхъ, какъ своими холопами или рабами: жаловаться на помѣщика, искать на него управы крестьянину было очень трудно. Въ концѣ XVII столѣтія бывали уже случаи, что помѣщики продавали крестьянъ безъ земли, и они уже почти вовсе не отличаются отъ холопей. Случалось, что крестьяне и сами добровольно шли въ кабалу, обращались въ холопей, желая отдѣлаться отъ платежа казенныхъ податей, очень тяжелыхъ въ тѣ бѣдственныя времена. Еще чаще бывало, какъ уже раньше говорилось, что крестьяне бѣжали въ лѣса, и, собираясь разбойничьими ватагами, занимались лихимъ промысломъ или уходили для того же на «тихій» Донъ... Правительство принуждено было напрягать большія усилія, чтобы сдерживать крестьянъ отъ побѣговъ,

сыскивать бѣжавшихъ, водворять ихъ на прежнихъ мѣстахъ. Съ этой цѣлью приходилось безпрестанно разсылать военные отряды въ разныя стороны.

Духовенство, черное и бѣлое, составляло особенный классъ, не входившій въ составъ «тягловыхъ» людей. Духовныя лица при обращеніи къ царю называли себя «богомольцами его»,—ихъ служба состояла въ заботѣ о душахъ, о храненіи православной вѣры во всей ея чистотѣ, въ молитвахъ Богу. Благодаря благочестію и щедрости жертвователей и разнымъ льготамъ и преимуществамъ, нѣкорыя церкви и особенно монастыри владѣли огромными богатствами; по словамъ Котошихина, во владѣніи церкви было болѣе ста тысячъ крестьянскихъ дворовъ. Какъ извѣстно, уже давно возникъ вопросъ о томъ, удобно ли монастырямъ владѣть вотчинами. Государство тяготилось увеличеніемъ церковныхъ вотчинъ, которыя не несли сначала никакихъ тягловыхъ повинностей. Денежныя затрудненія побудили правительство ограничить и даже уничтожить нѣкоторыя преимущества и льготы церковныхъ вотчинниковъ, напр., по Уложенію отнимается отъ нихъ право безпошлинныхъ промысловъ и торговъ, запрещается увеличивать церковныя вотчины и проч. Кромѣ того, въ 1676 году увеличены патріаршія богадѣльни и всѣ русскія церкви обязываются доставлять на содержаніе ихъ по гривнѣ въ годъ. Устройство пріютовъ и больницъ для нищихъ возлагалось также на обязанность церквей и монастырей; правительство начало даже посылать своихъ раненыхъ или престарѣлыхъ служилыхъ людей, ихъ сиротъ и вдовъ въ монастыри для прокормленія. При Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ положено было сдѣлать подробную опись церковныхъ имѣній, чтобы правильно опредѣлить, какіе сборы производить съ нихъ.

Такимъ образомъ правительство стремилось всѣхъ владѣльцевъ и промышленниковъ, не исключая и духовныхъ лицъ, привлечь къ отбыванію разныхъ повинностей.

Кромѣ русскихъ людей всѣхъ званій и чиновъ, въ составъ населенія входило уже очень много всякихъ инородцевъ, и царскій титулъ, въ которомъ старались обозначить всѣ владѣнія и племена, подвластныя государю, принялъ уже очень большіе размѣры.

Вотъ полный титулъ царя Алексѣя, въ первой половинѣ его царствованія: «Великій Государь, Царь и Великій князь, Алексѣй Михайловичъ, всея Великія и Малыя Россіи Самодержецъ, Московскій, Кіевскій, Владимірскій, Новгородскій, Царь Казанскій, Царь Астраханскій, Царь Сибирскій, Государь Псковской и Великій

князь Тверской, Югорскій, Пермскій, Вятскій, Болгарскій и иныхъ, Государь и Великій князь Новгорода, Низовскія земли, Черниговскій, Рязанскій, Ростовскій, Ярославскій, Бѣлозерскій, Удорскій, Обдорскій, Кондійскій и всея Сѣверныя страны Повелитель и Государь Иверскія земли, Карталинскихъ и Грузинскихъ царей и Кабардинскія земли, Черкесскихъ и Горскихъ князей, и иныхъ многихъ Восточныхъ и Западныхъ и Сѣверныхъ владѣній и земель Отчичъ и Дѣдичъ и Наслѣдникъ, Государь и Обладатель».

Власть въ Московскомъ государствѣ была всецѣло въ рукахъ государя-самодержца. Ближайшими помощниками его были бояре, которые должны были жить въ Москвѣ, около царя, каждый день рано утромъ являться къ государю «бить ему челомъ», «видѣть очи его», въ другой разъ пріѣзжали послѣ обѣда. Самый высокій санъ былъ санъ думнаго боярина, вторымъ былъ санъ окольничьяго; высокое значеніе имѣли думные дворяне, т. е. самые знатные изъ дворянъ, допускаемые въ царскую думу, и думные дьяки, главные дѣлопроизводители.

Родовитый человѣкъ обыкновенно начиналъ службу очень рано: десяти лѣтъ онъ могъ попасть во дворецъ и стольничалъ (т. е. прислуживалъ за столомъ) у царицы. Когда ему исполнялось пятнадцать лѣтъ, его опредѣляли въ стольники или спальники къ государю: стольники прислуживали за столомъ, а спальники по очереди спали въ комнатѣ государя и прислуживали ему, раздѣвали его, разували и пр. И тѣ, и другіе носили почетное званіе ближнихъ или комнатныхъ людей, вслѣдъ за тѣмъ, случалось, жаловались сначала въ дворянъ московскихъ. Стольникамъ или дворянамъ московскимъ поручались иногда довольно значительныя обязанности,—въ военное они занимали начальственныя должности, (равнявшіяся штабъ-офицерскимъ нашего времени). Приходилось имъ порой исправлять обязанность р ы н д ы; при этомъ бывали и мѣстническіе случаи: заупрямится кто нибудь изъ назначенныхъ,—стоитъ на томъ, что ему «быть не вмѣстно» съ другими рындами, которые ниже его родомъ. Его все-таки силою облекутъ въ торжественный нарядъ рынды и заставятъ стоять подлѣ царя съ другими рындами, а затѣмъ по окончаніи торжества раздѣнутъ и высѣкутъ въ Разрядномъ приказѣ или предъ царскимъ окномъ «при всѣхъ людяхъ», да при этомъ примолвятъ: «не ослушивайся царскаго приказу». Лѣтъ чрезъ 30, а иногда и болѣе отъ начала службы, родовитому стольнику или спальнику или дворянину московскому «думу сказывали», т. е.

жаловали въ санъ думнаго человѣка, окольничаго или прямо боярина, смотря по родовитости.

Такимъ образомъ въ думу попадалъ человѣкъ уже зрѣлыхъ лѣтъ, испытавшій всѣ виды дворцовой службы и ратной,—человѣкъ, уже навычный во всѣхъ дѣлахъ, которому «московскіе обычаи старовѣдомы».

«Служня» государя была очень многочисленная: стольниковъ, напр., было до 500 человѣкъ. Ниже ихъ стояли стряпчіе, 800 человѣкъ. Обязанность ихъ состояла въ томъ, чтобы нести предъ царемъ скипетръ во время торжественныхъ выходовъ, держать шапку и платокъ въ церкви и т. п. Въ походахъ они возили царское вооруженіе: панцырь, саблю, колчанъ съ лукомъ и стрѣлами и исполняли всякія мелкія порученія. Затѣмъ идутъ жильцы, всѣхъ 2000 человѣкъ. Это были царскіе тѣлохранители; они должны были находиться на царскомъ дворѣ, человѣкъ по сорока ежедневно, и служили для разныхъ посылокъ. Они были изъ дѣтей дворянъ и дьяковъ и могли перейти въ стряпчіе, въ стольники и т. д.

Борская дума была высшимъ правительственнымъ учрежденіемъ. Если было у государя важное дѣло, и онъ находилъ нужнымъ посовѣтоваться съ опытными людьми, онъ созывалъ къ себѣ наверхъ, въ золотую или переднюю палату думныхъ людей. Подобное собраніе называлось «сидѣньемъ великаго государя съ боярами о дѣлахъ». Въ думу могли быть внесены всякія дѣла и законодательныя, и правительственныя (административныя), и судебныя, но преимущественно законодательныя. Царь приказывалъ своимъ совѣтникамъ «помысля, дать къ дѣлу способъ». Думные люди высказывали свои мнѣнія, кто имѣлъ что сказать; составлялся приговоръ, дьяки записывали, прибавляя слова: «государь указалъ и бояре приговорили».

Вотъ какъ Котошихинъ описываетъ засѣданіе думы: «Когда случится царю сидѣть съ боярами и думными людьми въ думѣ объ иноземныхъ и о своихъ государственныхъ дѣлахъ, бояре и окольничіе и думные дворяне садятся по чинамъ, отъ царя поодаль, на лавкахъ,—бояре подъ боярами, кто кого породою ниже, а думные дьяки стоятъ, а инымъ временемъ царь велитъ имъ сидѣть... А когда царь имъ свою мысль объявитъ и приказываетъ, чтобы они, бояре и думные люди, помысля, къ тому дѣлу дали способъ, — и кто изъ бояръ поважнѣе и разумнѣе, или кто изъ меньшихъ, мысль свою объявляютъ. «А иные бояре, брады свои уставя, ничего не отвѣчаютъ, потому что царь жалуетъ многихъ въ бояре не по ра-

зуму ихъ, но по великой породѣ, и многіе изъ нихъ грамотѣ не ученые и не студерованые (то есть, необразованные); однако сыщется и кромѣ нихъ, кому отвѣчать изъ бояръ, большихъ и меньшихъ статей. А на чемъ которое дѣло приговорятъ, приказываетъ царь и бояре думнымъ дьякамъ помѣтить и тотъ приговоръ записать. А случится писать о чемъ грамоты въ окрестныя государства, и тѣ грамоты прикажутъ приготовить посольскому думному дьяку, а дьякъ приказываетъ подъячему, а самъ не готовитъ, только чернитъ и прибавляетъ, что надобно. А какъ изготовятъ,—и тѣ грамоты слушаютъ напередъ бояре, а потомъ они же слушаютъ въ другой разъ съ царемъ всѣ вмѣстѣ... А на всякихъ дѣлахъ закрѣпляютъ и помѣчаютъ думные дьяки, а царь и бояре ни къ какимъ дѣламъ руки своей не прикладываютъ»; только послы собственноручно подписываютъ договоры.

Случалось, что царь обсуждалъ какое нибудь дѣло тайно въ небольшомъ кругу самыхъ близкихъ окольничихъ и комнатныхъ бояръ.

Дума ведетъ начало, какъ извѣстно, отъ стародавняго обычая русскихъ князей совѣщаться о важныхъ дѣлахъ съ главными дружинниками своими, или «думцами», какъ ихъ звали; но раньше такія совѣщанія были укоренившимся, почти обязательнымъ, обычаемъ для князя; а со времени усиленія московскихъ государей, дума утрачиваетъ свою обязательность. Она не представляла какого-либо опредѣленнаго учрежденія; царь могъ созвать ее, могъ и безъ нея рѣшить любое дѣло, могъ призвать въ думу, кого желалъ. Особенное значеніе боярская дума пріобрѣтала лишь во время отсутствія государя или въ малолѣтство его. Нерѣдко призывался патріархъ и весь «освященный соборъ», т. е. высшіе духовные сановники, которые составляли какъ бы думу патріарха. Но тѣмъ не менѣе званіе думнаго боярина было очень почетно, и получить этотъ санъ могли по большей части лишь представители боярскихъ родовъ, достигнувъ почти старческаго возраста.

Случались и такія важныя дѣла, что государь считалъ нужнымъ созвать всенародную думу или «земскій соборъ». Въ первый разъ такой соборъ былъ созванъ Іоанномъ Грознымъ. Особенно часто созывались выборные люди при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, когда государство было въ полномъ разстройствѣ и безъ всякихъ средствъ. Земскіе соборы вели свое начало отъ стараго обычая князей призывать на совѣтъ сверхъ обычныхъ своихъ думцевъ—дружинниковъ, еще и лучшихъ изъ горожанъ, «старцевъ городскихъ». Въ составъ собо-

ровъ входили выборныя лица изъ всѣхъ свободныхъ сословій государства (дворяне, дѣти боярскіе, гости, торговые и посадскіе люди) и кромѣ того боярская дума и «освященный соборъ», т. е. духовныя лица, составлявшія высшій совѣтъ при патріархѣ.

Открывалъ земскій соборъ обыкновенно самъ царь, и дѣло велось, какъ разсказано уже о соборѣ по Азовскому дѣлу, такимъ образомъ: выборнымъ предъявлялись записанные вопросы, на которые требовались отвѣты, тоже письменные, не поголовно, а по сословіямъ. Могли впрочемъ и отдѣльныя лица представить, если считали нужнымъ, свои особыя мнѣнія. Вопросы не подвергались вовсе обсужденію въ общемъ собраніи; стало быть, дѣло не разъяснялось всесторонне, и никакого рѣшенія на соборѣ обыкновенно не постановлялось. Отвѣты выборныхъ лицъ подвергались обсужденію въ боярской думѣ, и тутъ уже по желанію царя дѣлались постановленія, имѣвшія силу закона. Конечно, земскіе соборы, гдѣ происходило избраніе царя (Бориса Годунова, Михаила Ѳеодоровича), имѣли больше силы и значенія, чѣмъ тѣ, которые созывались государемъ лишь для опроса свѣдущихъ людей по разнымъ дѣламъ, особенно денежнымъ. Земскіе соборы, за исключеніемъ собора 1613 года, не имѣли значенія общенародной думы: хотя и говорилось, что собирались представители «всѣхъ чиновъ людей государства», но на дѣлѣ оказывалось не совсѣмъ такъ,—крестьянъ, напр., обыкновенно не было; при томъ выборные были по большей части не изо всѣхъ городовъ: случалось, что соборъ состоялъ изъ москвичей да представителей мѣстъ, близкихъ къ столицѣ. Выборные изъ каждаго сословія, подавая свое мнѣніе, имѣли въ виду не пользу всего народа, а только своего сословія. Рѣдко на соборахъ, насколько извѣстно, высказывались какія либо дѣльныя соображенія, которыми правительство могло бы воспользоваться; чаще выборные даже скромно уклонялись отъ прямого отвѣта на вопросъ, предоставляя рѣшить его самому «государю и государевымъ боярамъ», выражая готовность нести всякую службу государю обыкновенно въ такихъ словахъ: «мы-же, гдѣ государь укажетъ, на его государеву службу готовы, кому въ мочь».

Земскіе соборы мало по малу совсѣмъ выходятъ изъ обычая. При Михаилѣ Ѳеодоровичѣ ихъ насчитываютъ двѣнадцать, при Алексѣѣ Михайловичѣ всего четыре; а при его преемникѣ уже соборовъ вовсе не было. Болѣе удобными оказались не общіе, а частные соборы: нужно напр., рѣшить вопросъ о преобразованіяхъ войска,—поручается это выборнымъ изъ служилыхъ людей; надо обсудить во-

просъ о налогахъ и недоимкахъ—созывались представители только тягловыхъ посадскихъ людей и т. д.

Всѣ правительственныя и судебныя дѣла сосредоточивались въ такъ называемыхъ приказахъ. Происхожденіе и устройство ихъ было довольно просто. Надлежало заправлять какимъ-либо дѣломъ въ государствѣ,—вотъ государь и приказывалъ кому либо изъ приближенныхъ къ нему людей, боярину или окольничьему вѣдать это дѣло, назначалъ помощниковъ—дьяковъ; для письма набирались подъячіе—и такимъ образомъ возникалъ приказъ. На содержаніе его отдавались въ его вѣдѣніе города и разные сборы съ нихъ или какіе либо иные доходы. Главнѣйшими изъ приказовъ были слѣдующіе: посольскій приказъ,— вѣдалъ всѣ иностранныя дѣла, переговоры, пріемъ и отпускъ пословъ и пр., разрядный—завѣдывалъ воинскими дѣлами, распредѣленіемъ служебныхъ обязанностей, жалованья и проч.; помѣстный—распредѣлялъ помѣстья; приказъ большаго дворца вѣдалъ различные доходы, которые шли на всякія дворцовыя нужды; стрѣлецкій—заправлялъ стрѣлецкими дѣлами, вооруженіемъ, жалованьемъ и проч.; приказъ большой казны вѣдалъ гостей, гостинную и суконную сотни, серебрянаго дѣла мастеровъ и денежный дворъ, изготовлявшій деньги; приказъ большой приходъ вѣдалъ государственные доходы, различные пошлины таможенные сборы и проч. По счету Котошихина, всѣхъ приказовъ было въ его время сорокъ два.

Приказы возникали одинъ за другимъ безъ всякаго опредѣленнаго плана по мѣрѣ надобности; поэтому иногда одна отрасль управленія дробилась между нѣсколькими приказами, напр., военное дѣло вѣдалось, кромѣ упомянутаго стрѣлецкаго приказа, еще въ приказахъ: пушкарскомъ, оружейномъ, рейтарскомъ и иноземномъ, вѣдавшемъ служилыхъ иноземцевъ. Съ усложненіемъ правительственнаго дѣла возникали и новые приказы: присоединена была Малороссія,—является приказъ Малой Россіи; понадобилось провѣрять приходы и расходы всего государства,—учреждается счетный приказъ; нашелъ государь необходимымъ тайный надзоръ за всѣми учрежденіями и сановниками,—заводится приказъ тайныхъ дѣлъ, который прямо, непосредственно сносится съ самимъ государемъ. На ряду съ приказами, которые вѣдали ту или другую часть управленія, были приказы, которые заправляли отдѣльными областями,—сборомъ съ нихъ доходовъ и пр. Таковы были приказы: Новгородская четверть, Устюжская четверть, Костромская четверть, Галицкая четверть. Такіе приказы вѣдали всѣ доходы и всѣ прави-

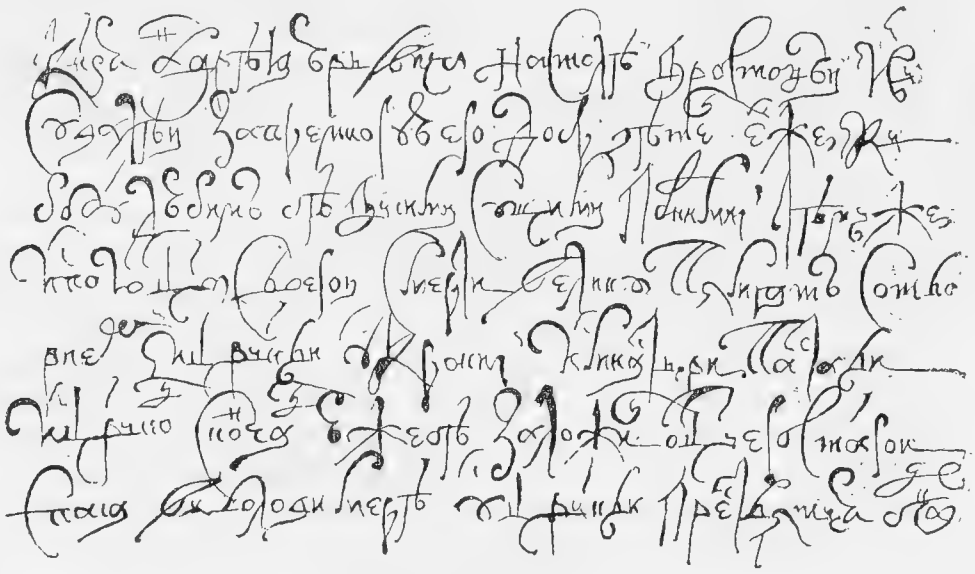
тельственныя и судебныя дѣла въ ихъ областяхъ, а между тѣмъ были еще отдѣльные приказы: судные и разбойный, разбиравшіе разныя судебныя дѣла по воровству, разбоямъ и пр., кромѣ того, былъ челобитенный приказъ, куда подавались жалобы и просьбы всякаго рода на имя царя.

Одни приказы отличались весьма большимъ кругомъ дѣятельности, а другіе очень ограниченнымъ: напр. аптекарскій приказъ вѣдалъ только аптеку и лекарей-иноземцевъ, а было ихъ всего до 30 человѣкъ да 20 русскихъ людей, отданныхъ имъ въ науку; панихидный приказъ завѣдовалъ поминаніемъ по умершимъ великимъ князьямъ, царямъ, царицамъ, царевичамъ и царевнамъ; изъ этого приказа разсылались указы, въ какой день по комъ «творить память» въ Москвѣ и другихъ городахъ по церквамъ и монастырямъ. Бывало, что иныя дѣла совершенно случайно предоставлялось вѣдать тому или другому приказу. Подъ вѣдѣніе, напр., приказа тайныхъ дѣлъ была дана «царская лѣтняя потѣха», кречеты, соколы, ястребы и проч.

Начальствовали въ приказахъ бояре, окольничіе, а иногда дьяки; впрочемъ и въ тѣхъ приказахъ, гдѣ были бояре, главными дѣльцами были все-таки дьяки. Это были люди сравнительно болѣе образованные, или, вѣрнѣе, болѣе свѣдующіе въ дѣлахъ, способные разобраться въ нихъ, изложить сущность ихъ, тогда какъ бояре не рѣдко бывали еще малограмотные. Дьяки были обыкновенно изъ духовнаго званія или изъ торговыхъ людей: знатныя лица только военную службу считали подходящею для себя. Служить государю не мечемъ, а перомъ, они считали для себя дѣломъ унизительнымъ, не смотря на то, что санъ думнаго дьяка (государственнаго секретаря), до котораго могъ дослужиться дьякъ, считался очень высокимъ. Подъ вѣдѣніемъ дьяковъ въ приказахъ были подъячіе, которые занимались письмомъ; они могли дослужиться до званія дьяковъ.

Неопредѣленность и неправильность въ распредѣленіи дѣлъ по приказамъ порождали большую путаницу. Даже человѣку, свѣдущему въ приказныхъ дѣлахъ, нелегко было иногда сообразить, съ какимъ дѣломъ въ какой приказъ надо обратиться. Дѣла иногда страшно затягивались, переходили изъ одного приказа въ другой, «волочились», какъ говорили тогда, отсюда и выраженіе — «приказная или московская волокита». Всякому лицу, имѣвшему какое либо судное или тяжебное дѣло въ приказахъ, приходилось обыкновенно для письма и веденія дѣла обращаться къ ходокамъ-грамотѣямъ, болѣе опытнымъ по этой части, приходилось давать взятки подъячимъ и

дьякамъ. Все это заставляло нерѣдко, если дѣло было не особенно крупное, отказываться отъ веденія его, такъ какъ протори и убытки при этомъ иногда превышали самый искъ. Жалобы на притѣсненія и неправды приказовъ побуждали правительство принимать суровыя мѣры: дьяки за промедленіе, или волокиту въ дѣлахъ, подвергались, кромѣ взысканія въ пользу челобитчика, битью батогами. Подъячіе наказывались за неправильную запись отсѣченіемъ руки... Но и эти ужасныя мѣры не могли искоренить зла: оно было прямымъ слѣдствіемъ невѣжества, низкаго уровня нравственности и скуднаго содержанія служащихъ.



Образецъ скорописи въ XVII ст.

Областное управленіе во второй половинѣ XVII вѣка было въ рукахъ воеводъ, замѣнившихъ прежнихъ намѣстниковъ и волостелей. Воеводы, какъ видно изъ названія, имѣли военное значеніе, и раньше они встрѣчались преимущественно въ пограничныхъ городахъ, гдѣ нужна была ратная служба; но мало по малу воеводы стали назначаться и во внутренніе города,—быть можетъ, потому, что при частыхъ войнахъ больше всего приходилось заботиться объ устройствѣ и сборѣ ратныхъ силъ.

При Грозномъ земля Московскаго государства дѣлилась на большія части—четверти (откуда и названіе иныхъ приказовъ—Новгородская четверть, Костромская и проч.); затѣмъ является дѣленіе на уѣзды, съ подраздѣленіемъ на волости, погосты, губы.

Въ XVII вѣкѣ видимъ дѣленіе на города съ ихъ округами; въ округъ значительнаго города входили не только многія села и деревни, но и второстепенные приписные города. Воеводы этихъ послѣднихъ городовъ подчинялись воеводамъ главныхъ.

На обязанности воеводы прежде всего лежали ратныя и денежныя дѣла. Онъ долженъ былъ заботиться о вѣрномъ счетѣ ратныхъ силъ въ своемъ округѣ, объ исправности ихъ, а также и самого города, т. е. укрѣпленія, о снабженіи его всѣмъ нужнымъ на случай осады—военными и продовольственными запасами. Что касается денежной части, то воевода обязанъ былъ смотрѣть, чтобы всякія платежи и пошлины въ царскую казну шли исправно, и радѣть объ усиленіи доходовъ.

Дѣла, подвѣдомственныя воеводѣ, велись въ приказной, или съѣзжей избѣ, которою заправлялъ дьякъ, а въ менѣе значительныхъ городахъ—подъячій.

Кромѣ воеводъ, дѣлу управленія помогали нѣкоторыя выборныя должностныя лица, которыхъ посадскіе и крестьяне выбирали изъ мѣстныхъ жителей. Губные старосты и цѣловальники (присяжные) обязаны были преслѣдовать лихихъ людей, творить надъ ними судъ (сыскъ), завѣдовать тюрьмами и проч., а земскіе старосты и земскіе цѣловальники должны были производить раскладку податей и повинностей, производить сборы ихъ и представлять ихъ воеводамъ.

Главнымъ мѣстомъ, гдѣ велось дѣлопроизводство по этимъ дѣламъ, была земская изба, которою завѣдывалъ земскій дьякъ, избранный мѣстными жителями.

Выборы въ эти должности производились ежегодно; но людей, охочихъ занять ихъ, было очень мало. Силу и значеніе, какую хотѣло правительство при Грозномъ придать этимъ должностнымъ лицамъ, они утратили съ усиленіемъ воеводскаго управленія; они стали какъ бы слугами воеводы, при чемъ за убытки и недоимки въ казенныхъ доходахъ должны были отвѣчать своимъ собственнымъ имуществомъ.

При избахъ были еще низшія должностныя лица: пристава, недѣльщики и проч.

Званіе воеводы не считалось особенно почетнымъ, и для знатныхъ лицъ удаленіе изъ Москвы на воеводство въ какой нибудь отдаленный городъ было какъ-бы почетной ссылкой; за то для захудалыхъ бояръ или небогатыхъ дворянъ воеводскія мѣста были находкой. Охотнѣе всего правительство давало ихъ служилымъ

людямъ, потерпѣвшимъ на войнѣ увѣчья и мало уже способнымъ къ боевой службѣ. Жалованья воевода за свою службу не получалъ, а кормился на счетъ жителей ввѣреннаго ему края. Какъ извѣстно, они обязаны были приносить ему въ праздники всякіе приносы, нерѣдко настолько обильные, что ихъ не только хватало воеводѣ съ домочадцами на прожитокъ, но онъ могъ, продавая лишнее, поправить свое состояніе, если оно поразстроилось во время ратной службы. Извѣстенъ, напр. такой случай: у царя Алексѣя одинъ дворянинъ просился на воеводство, чтобы «покормиться». Царь назначилъ его въ Кострому, гдѣ по справкѣ въ Разрядномъ приказѣ, подъ вѣдѣніемъ котораго были воеводскія мѣста, можно было нажить до шестисотъ рублей, и велѣлъ ему на эти деньги купить себѣ деревню. Воевода, прослуживъ свой срокъ (онъ не продолжался болѣе трехъ лѣтъ), довелъ до свѣдѣнія царя, что пріобрѣлъ всего четыреста рублей. Государь велѣлъ навести справки, какъ воевода служилъ: оказалось, что онъ поступалъ вполнѣ добросовѣстно, лихвы не бралъ, а получалъ только то, что ему приносили. Государь приказалъ добросовѣстному воеводѣ дать въ управленіе другой болѣе выгодный городъ. Но такихъ воеводъ встрѣчалось мало. Большинство ихъ было падко на легкую и скорую наживу; не даромъ сложилась пословица у народа: «Воеводой быть— безъ меду не жить». Да и то надо сказать: «кормленіе» на счетъ подчиненныхъ, приносы начальству, хотя бы и законные, все были неблаговидны и могли казаться взятками. Другой источникъ законнаго воеводскаго дохода, — пошлины съ разныхъ дѣлъ, былъ не лучше. Нечестный воевода легко могъ подъ видомъ законнаго сбора брать лишнее, да если и получалъ только законное со всякаго челобитчика, со всякой тяжбы, то и тогда могло казаться, что чужое несчастье ему на радость: «на міръ бѣда, — а воеводѣ нажитокъ», «въ судъ ногой, — а въ карманъ рукой» — говаривалъ народъ, враждебно настроенный и къ воеводѣ, и къ суду. Кромѣ воеводы, въ съѣзжей избѣ есть и другіе — дьякъ и подъячіе. Этимъ тоже дай: «подъячій любитъ приносъ горячій». Такимъ образомъ неблагоразумный способъ вознагражденія за службу воеводъ и ихъ помощниковъ,—дьяковъ и подъячихъ,— порождали для нихъ сильный соблазнъ къ лихоимству, а въ народѣ недовольство и враждебное отношеніе къ нимъ.

Воевода не долго оставался на мѣстѣ,—срокъ его службы продолжался отъ одного года до трехъ, не болѣе; многимъ надо было «покормиться», поправить свои дѣла...

Новый воевода въѣзжаетъ въ городъ; старый воевода долженъ сдать ему по описямъ крѣпостное строеніе, казенныя зданія, запасы оружія, деньги и всѣ дѣла. При этомъ провѣряются списки служилыхъ и посадскихъ людей: новому воеводѣ надо точно знать, сколько ратныхъ силъ должно подняться въ случаѣ надобности съ его округа, сколько царевой казны должно быть собрано. Ему данъ царскій наказъ, гдѣ подробно сказано, какъ онъ долженъ промышлять государевымъ дѣломъ, смотрѣть, чтобы все было цѣло и безубыточно, чтобы вездѣ были сторожа, беречь накрѣпко, чтобы въ городѣ и уѣздѣ не было разбоя, воровства, убійства.

Не смотря на подробные наказы, обязанности воеводы все-таки точно не были опредѣлены. На первомъ мѣстѣ ставились его военныя обязанности: блюсти въ исправности городъ (укрѣпленіе) и смотрѣть, чтобы всѣ ратные люди были въ исправности; затѣмъ онъ вѣдалъ и гражданскія, и судебныя дѣла. Въ этихъ то дѣлахъ онъ и долженъ былъ нерѣдко сталкиваться съ выборными старостами—губнымъ и земскимъ. Но послѣдніе, какъ сказано уже скоро обратились въ его подчиненныхъ...

Недовольные дѣйствіями воеводы могли жаловаться на него въ приказъ, отъ котораго онъ зависѣлъ, или подавать челобитную самому государю. Челобитныя въ старину имѣли очень важное значеніе; ихъ могли подавать и отдѣльныя лица и цѣлыя области; какъ извѣстно, въ числѣ приказовъ былъ челобитенный, въ которомъ разбирались всякія челобитья. Изъ нихъ правительство могло узнавать не только о злоупотребленіяхъ служащихъ лицъ, но и о нуждахъ жителей той или иной мѣстности и принимать надлежащія мѣры.

Изъ этихъ челобитныхъ можно легко видѣть, до какой степени многіе алчные воеводы, дьяки и всякіе приказные люди порой злоупотребляли властью. Лихоимство, взяточничество, насилія, — слѣдствія крайне низкаго умственнаго и нравственнаго уровня, — были настоящей язвой русской земли въ то время, не смотря на очень суровыя наказанія, какія постигали виновныхъ: дьяка, напр., уличеннаго въ лихоимствѣ, нещадно били кнутомъ, привязавъ на шею взятую вещь — кошелекъ съ деньгами, мѣхъ, даже соленую рыбу, затѣмъ отправляли въ ссылку. Но суровость наказанія не искореняла зла, потому что надежда скрыть незаконные проступки, выйти сухимъ изъ воды была слишкомъ сильна. Какой нибудь пройдоха-дьякъ или воевода лучше челобитчика зналъ ходы въ приказы, умѣлъ ускользнуть отъ наказанія, подѣлившись съ нуж-

пыми людьми, и выходилъ чистъ... Совѣсть, стыдъ на нравственно грубаго человѣка тоже мало дѣйствовали: «Стыдъ не дымъ—глаза не выѣстъ», «хоть стыдно да сытно» разсуждалъ онъ. Порою только подъ старость страхъ смерти и наказанія въ будущей жизни заставлялъ иного стараго грѣховодника, разжившагося приказнаго, замаливать свои грѣхи, ходить на богомолья, жертвовать на монастыри, раздавать милостыню и такимъ образомъ хоть часть дурно нажитаго возвращать нищей-братіи.

Умѣнье давать и брать взятки дошло даже до нѣкоторой тонкости: иной воевода или приказный ни подъ какимъ видомъ не бралъ взятокъ; но за то жена его, или братъ, или сынъ брали, а самъ онъ про это будто и невѣдалъ. А не то набожный проситель придетъ къ судьѣ хлопотать о дѣлѣ да къ образу и положитъ, — Богу на свѣчку.

Въ судебномъ дѣлѣ, конечно, сильнѣе всего сказывался вредъ отъ лихоимства: правда и корысть плохо уживаются межъ собой. О ходѣ судопроизводства мы уже говорили. Отъ прежнихъ выборныхъ людей оно перешло въ руки воеводъ и дьяковъ. При искѣ требовались свидѣтели, присяга, поличное, письменныя доказательства; письменная часть вообще усилилась, что очень затрудняло большинство неграмотныхъ или малограмотныхъ людей; требовалась помощь подъячихъ, а стало быть и новые убытки, кромѣ судебныхъ пошлинъ и всякихъ приношеній. Въ дѣлахъ уголовныхъ прибѣгали къ повальному обыску, т. е. допрашивали мѣстныхъ жителей обо всемъ, что они знали о личности подсудимаго и о преступленіи. Нелѣпый и жестокій способъ пыткой добиваться у заподозрѣннаго человѣка сознанія былъ во всей силѣ; держался по прежнему не менѣе дикій обычай ставить несостоятельныхъ должниковъ на правежъ: несчастныхъ, пока они не уплачивали свой долгъ, ежедневно били палками по икрамъ. Помѣщики имѣли право вмѣсто себя ставить на правежъ своихъ холоповъ, и не совѣстились пользоваться этимъ безчеловѣчнымъ правомъ; притомъ они имѣли право сами судить своихъ крестьянъ за исключеніемъ уголовныхъ дѣлъ.

Судебныя дѣла вслѣдствіе того, что требовали теперь довольно сложной переписки, усложнились и тянулись еще дольше, чѣмъ прежде. Дѣла могли переноситься изъ низшихъ въ высшія судебныя мѣста,—отъ младшаго воеводы къ воеводѣ главнаго города, затѣмъ въ приказъ; наконецъ могли быть доложены государю, а онъ поручалъ разобрать докладъ боярской думѣ или самъ рѣшалъ дѣло.

Наказанія преступниковъ отличались страшной суровостью: кнутъ и батоги были весьма употребительными наказаніями, — отъ нихъ не избавлялись и бояре. Казни были жестоки до крайности. Четвертованіе, колесованіе, сажаніе на колъ, сожженіе (еретиковъ), заливаніе горла расплавленнымъ оловомъ (дѣлателямъ фальшивыхъ денегъ) показываютъ, до какой суровости и грубости доходили нравы того времени. При Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ видимъ уже въ этомъ отношеніи больше человѣколюбія: мучительныя казни отмѣняются.

Войско.

И въ наше время всѣ главныя европейскія государства очень заботятся о своихъ военныхъ силахъ, а два столѣтія назадъ войны были чаще и продолжительнѣе, чѣмъ въ нашъ вѣкъ, и потому военное дѣло стояло на первомъ мѣстѣ въ ряду государственныхъ обязанностей. Наше отечество особенно должно было позаботиться о военныхъ силахъ: чрезвычайно длинныя, открытыя границы, вѣковая борьба съ Польшей, войны со Швеціей, безпрерывныя нападенія татаръ съ юга, наконецъ начинающаяся борьба съ Турціей заставляли московское правительство напрягать всѣ усилія, чтобы создать многочисленное и хорошее войско. Многія явленія нашей исторіи объясняются этимъ стремленіемъ: усиленіе помѣщичьяго класса, прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ, различныя повинности и налоги, образованіе казачества, воеводское управленіе и проч.

Бояре, окольничіе, спальники, стольники и прочіе придворные чины, съ виду вовсе невоинственные, въ сущности были воинами и въ случаѣ войны перемѣняли свои блестящіе боярскіе уборы на военные доспѣхи, садились на коней и сопровождали государя въ походъ или отправлялись туда, куда царь указывалъ, занимали разныя начальственныя мѣста. Такъ называемые московскіе дворяне, стряпчіе и жильцы составляли лучшее отборное войско (гвардію) при государѣ. Помѣщики, мирно занимавшіеся хозяйствомъ по своимъ помѣстьямъ, были на самомъ дѣлѣ воинами, обязанными явиться по первому призыву конно, людно и оружно къ мѣстному воеводѣ; они только временно проживали въ помѣстьѣ, кормились по милости государя, надѣлившаго ихъ и землей, и крестьянами, чтобы могли править ратную службу.

При царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ войска, готоваго къ бою, было до двухсотъ тысячъ. Большая часть была иноземнаго строя,

т. е. устроенная по европейски; остальная ратная сила состояла изъ отрядовъ русскаго строя да изъ казаковъ малороссійскихъ (черкасъ), донскихъ, яицкихъ и др., присоединялись порою и орды служилыхъ кочевниковъ, татаръ, калмыковъ и др.

Въ прежнія времена почти все русское войско состояло изъ конницы, что объяснялось постоянной борьбой со степняками-татарами; теперь же пѣхота начинаетъ понемногу брать перевѣсъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ огнестрѣльное оружіе начинаетъ преобладать надъ холоднымъ.

Пѣхоту русскаго строя представляли стрѣльцы, явившіеся впервые, какъ извѣстно, при Грозномъ. Ихъ было 22 полка, около тысячи человѣкъ въ каждомъ; ими начальствовали русскіе полковники, (головы), имѣвшіе званіе стольниковъ. Часть стрѣльцовъ стояла въ Москвѣ, а нѣсколько полковъ—по другимъ городамъ. Жили они отдѣльными слободами, получали отъ казны жалованіе, землю, могли заниматься промыслами и торговлей, причемъ имъ давались различныя льготы,—освобождались они отъ всѣхъ городскихъ повинностей, платежа торговыхъ пошлинъ, если занимались мелочной торговлей. Полное походное вооруженіе ихъ состояло изъ мушкетовъ, бердышей и сабель, а нѣкоторые сверхъ того имѣли копья; такіе отряды или роты назывались копейными. При каждомъ полку былъ нарядъ (артиллерія) 7 или 8 пищалей (длинныхъ пушекъ) на станкахъ и отряды пушкарей.

Къ пѣхотѣ русскаго строя отчасти принадлежали и такъ называемые городовые казаки и даточные люди, которыхъ обыкновенно набирали на случай войны по одному человѣку съ извѣстнаго числа дворовъ. Они должны были имѣть исправное оружіе и продовольствіе на счетъ землевладѣльцевъ; во время походовъ они оберегали обозъ, сооружали мосты, окопы и проч.

Боевая конница русскаго строя состояла изъ бояръ вотчинниковъ, дворянъ-помѣщиковъ и боярскихъ дѣтей. Какъ извѣстно, къ каждому городу причислялись служилые люди — вотчинники и помѣщики. Воеводы вели разборныя книги, т. е. подробные списки, гдѣ значилась прежняя служба каждаго служилаго человѣка, величина помѣстья, сколько вооруженныхъ людей долженъ былъ каждый привести, сколько было у каждаго сыновей, будущихъ воиновъ. Всѣ вотчинники и помѣщики обязаны были лично служить; избавляли ихъ отъ ратной службы лишь старость, увѣчья или какая нибудь другая служба, напр. воеводой или выборнымъ старостой, цѣловальникомъ и проч. Всѣ помѣщики дѣлились на три статьи: на

служащихъ по выбору, по дворовому списку и съ городомъ. Послѣдній разрядъ былъ низшій, а изъ перваго лучшіе служилые люди принимались въ жильцы и становились царскими тѣлохранителями, могли получить званіе дворянъ московскихъ, помѣстные надѣлы въ московскомъ уѣздѣ и дослужиться до высшаго сана.

Разборныя книги ежегодно отправлялись въ Москву, въ Разрядный приказъ, который завѣдывалъ служебнымъ дѣломъ; отсюда посылались обыкновенно предъ началомъ войны разборщики и окладчики: первые производили осмотръ служилымъ людямъ, кто изъ нихъ годенъ къ службѣ, кто нѣтъ, а вторые — верстали новиковъ, т. е. записили недорослей, достигшихъ 18-ти лѣтъ, въ число служилыхъ людей и назначали имъ помѣстные оклады.

Содержаніе служилыхъ людей насчетъ помѣстій было невыгодно для военнаго дѣла. Помѣщикъ привыкалъ у себя въ деревнѣ къ мирной, спокойной жизни, жилъ настоящимъ хозяиномъ-домовладыкою, предъ которымъ все преклонялось, начиная отъ жены и кончая послѣднимъ холопомъ. Онъ о службѣ ратной и не думалъ. Но вотъ нежданно-негаданно скачетъ отъ воеводы посыльный съ царскимъ указомъ: «строиться къ службѣ, запасы готовить и лошадей кормить». Приказъ этотъ для многихъ помѣщиковъ былъ тяжелымъ ударомъ. Прощай, мирная спокойная жизнь, прощай семья! Приходится ѣхать за три-девять земель, при томъ идти на смертный бой. Богъ-вѣсть, вернешься-ли еще: если не уложитъ вражья пуля или сабля, то лихая болѣзнь сломитъ. Одна безпутица чего стоитъ! Да и какой еще начальникъ попадется. Иной службой въ конецъ дойметъ. А не поѣхать, сказаться больнымъ — тоже бѣда: запишутъ въ пѣтяхъ, провѣдаютъ, что обманомъ отъ службы уклонился и отберутъ помѣстье. Хоть бы Богъ на время послалъ какую-нибудь болѣзнь! Подобныя чувства и мысли легко могли являться у зажившагося въ деревни помѣщика, отвыкшаго отъ ратной службы.

Сборы на войну служилыхъ людей во многомъ напоминали позднѣйшіе рекрутскіе наборы: человѣка чуть не насильно отрывали отъ семьи, иногда на очень долгое время, отъ мирной жизни къ дѣлу, совсѣмъ для него непривычному. Но дѣлать нечего, уклониться никакъ нельзя, и собирается помѣщикъ на войну: достаются изъ каморы заржавленные отцовскіе или дѣдовскіе доспѣхи; грузятся возы по мѣрѣ достатка всякимъ продовольствіемъ (вяленымъ и соленымъ мясомъ, рыбою, гречею, толокномъ, хлѣбомъ), снаряжаются кое-какъ люди, снабжаются оружіемъ, какое Богъ послалъ, и медленно

цѣлымъ обозомъ помѣщикъ и люди его, наряженные воинами, ѣдутъ къ мѣсту назначенія. Конечно, не всегда такъ бывало, какъ разсказано. Встрѣчались и ретивые служаки, которые въ исправныхъ доспѣхахъ, съ отрядомъ хорошо вооруженныхъ людей, «конно, людно и оружно», какъ говорилось тогда, являлись своевременно въ сборное мѣсто.

Но всетаки большей частью пеструю и вмѣстѣ съ тѣмъ печальную картину представляло сборище русскихъ ратныхъ силъ. Тутъ красовались богачи-вотчинники на лихихъ коняхъ, въ блестящихъ шлемахъ и панцыряхъ да зерцалахъ, съ булатными саблями въ роскошной оправѣ, съ мушкетами, карабинами. Эти богачи соперничали другъ предъ другомъ исправностью и роскошью своего боеваго наряда. При нихъ были многочисленные боевые ихъ слуги и цѣлые обозы продовольствія. Но сравнительно съ такими бойцами еще печальнѣе смотрѣлъ бѣднякъ на плохой лошаденкѣ безъ доспѣховъ, съ одной саблей, парою плохихъ пистолей, да съ однимъ челядинцемъ, вооруженнымъ рогатиною, несшимъ мѣшокъ сухарей... Бѣдняковъ было больше, и потому общій видъ сборной русской конницы былъ неприглядный. Понятно, что боевыя качества этой ратной силы, состоявшей изъ людей, непривыкшихъ къ воинскому дѣлу или отвыкшихъ отъ него, различно, по большей части,—плохо вооруженныхъ, не могли быть высоки. Эта «конница русскаго строя» уже отживала свой вѣкъ.

Московское правительство еще въ XVI вѣкѣ начинаетъ сознавать все превосходство европейскаго войска. При Борисѣ Годуновѣ была уже въ русской службѣ иноземная дружина въ 2500 человѣкъ. При Михаилѣ Ѳеодоровичѣ было составлено даже цѣлыхъ пять полковъ изъ иноземныхъ наемниковъ разныхъ народностей, но пользы эта сбродная рать принесла немного, и послѣ печальнаго дѣла подъ Смоленскомъ московское правительство болѣе уже не нанимаетъ въ такомъ большомъ числѣ иноземныхъ солдатъ. За то еще ревностнѣе оно призываетъ изъ-за границы чрезъ пословъ и торговыхъ людей *начальныхъ* лицъ, т. е. всякаго рода иноземныхъ офицеровъ: полковниковъ, капитановъ, ротмистровъ, поручиковъ и проч. для обученія русскихъ войскъ европейскому строю. Алексѣй Михайловичъ постоянно вызывалъ для этого иноземцевъ. Послѣ тридцатилѣтней войны множество вольныхъ ратныхъ людей, для которыхъ война обратилась въ ремесло, скиталось въ Европѣ безъ дѣла и хлѣба, и потому они цѣлыми сотнями охотно шли въ Россію на службу въ разсчетѣ на хорошее жалованье и военную добычу.

При Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ въ русскомъ войскѣ было уже 63 полка иноземнаго строя; въ томъ числѣ 25 конныхъ, рейтарскихъ и копейныхъ и 38 полковъ пѣшихъ солдатъ. Въ рейтарскую службу, кромѣ иноземцевъ, набирались мелкопомѣстные дворяне, боярскіе дѣти и всякіе охочіе люди, свободные отъ тягла. Недостаточнымъ изъ нихъ давалось во время похода жалованье (отъ 15 до 20 рублей); вооруженіе (карабины, сабли, пистолеты и проч.) тоже шло имъ отъ казны. Рейтары дѣлились на полки и на роты. Полковники были иноземцы, равно какъ и другіе начальные люди. Хотя въ мирное время рейтары, начальные и рядовые люди проживали по своимъ помѣстьямъ, но тѣмъ не менѣе должны были ежегодно собираться и въ теченіи мѣсяца, обыкновенно осенью послѣ уборки хлѣба, заниматься ратнымъ ученьемъ. При Михаилѣ Ѳеодоровичѣ заведены были еще драгуны. Имъ давалось жалованье по 3 рубля въ годъ и поденный кормъ. Они несли службу конную и пѣшую. Лошади и доспѣхи были казенные. Вооруженіе ихъ состояло изъ панцырей и латъ, мушкетовъ, пикъ, шпагъ и бердышей.

Солдатскіе пѣхотные полки вербовались такимъ же способомъ, какъ драгунскіе—изъ малоземельныхъ помѣщиковъ изъ безпомѣстныхъ служилыхъ людей, изъ крестьянъ, — отъ трехъ братьевъ по одному, отъ четырехъ—по два. Эти полки, подобно стрѣльцамъ, жили при городахъ особыми слободами, во время войны получали кормовыя деньги и жалованье подобно драгунамъ, а въ мирное — кормились съ отведенныхъ имъ земель. Оружіе — мушкеты, пики, шпаги и бердыши шли имъ отъ казны. Драгуны дѣлились подобно стрѣльцамъ на полки, при которыхъ были пушкари и нарядъ; но отличались отъ стрѣльцовъ тѣмъ, что не имѣли тѣхъ льготъ, подчинялись болѣе опытнымъ начальникамъ и чаще упражнялись въ воинскомъ дѣлѣ,—стало быть гораздо лучше были приготовлены къ боевой службѣ. Еще при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, въ 1648 г. изданъ былъ воинскій уставъ «Ученіе и хитрость ратнаго строенія пѣхотныхъ людей».

Такимъ образомъ, мы видимъ, сколько правительство прилагало заботъ и средствъ, чтобы поднять ратную силу. Стопло это большихъ расходовъ: приходилось платить хорошее жалованье иноземнымъ начальнымъ людямъ, да и своимъ служилымъ людямъ, кромѣ помѣстій, надо было давать и жалованье, а нижнимъ чинамъ кормъ и нерѣдко вооруженіе. Но, не смотря на все это, ратное дѣло улучшалось очень туго. Прежняя дворянская конница все-таки занимала главное мѣсто. Служить въ рейтарахъ, драгунахъ

или солдатскихъ полкахъ сколько нибудь значительные дворяне считали для себя унизительнымъ; особенно не нравилась имъ строгая дисциплина въ солдатскихъ полкахъ, и по прежнему на призывъ къ войнѣ являлись ратные люди нестройными толпами, не въ надлежащемъ числѣ, по большей части на плохихъ лошадяхъ, съ дурнымъ оружіемъ: одни являлись съ «огненнымъ боемъ», т. е. огнестрѣльнымъ оружіемъ, а другіе по старинѣ пріѣзжали даже съ «лучнымъ боемъ», т. е. съ лукомъ и стрѣлами.

Когда ратная сила собиралась, воеводы или военачальники, производили смотръ: они садились въ избахъ у оконъ или въ шатрахъ и вызывали къ себѣ одинъ полкъ за другимъ. Дьякъ со спискомъ въ рукахъ называлъ по имени каждаго ратника, и тотъ долженъ былъ выступить впередъ и показаться воеводамъ. При смотрѣ мало обращалось вниманія на оружіе и коней, требовалось только, чтобы каждый служилый человѣкъ, отмѣченный въ спискѣ, явился лично на службу. Неявка безъ законной причины, какъ извѣстно, вела къ лишенію помѣстья.

Наконецъ, послѣ разныхъ проволочекъ войско выступаетъ въ походъ. Вотъ какъ описываетъ одинъ иностранецъ (Петрей) порядокъ выступленія. Впереди идетъ передовой полкъ, предъ которымъ шествуетъ пять тысячъ стрѣльцовъ, по пяти въ рядъ, въ зеленыхъ кафтанахъ, съ длинными пищалями. За ними ведутъ нѣсколько воеводскихъ коней, богато убранныхъ. Далѣе ѣдетъ воевода передоваго полка — одинъ. У него при сѣдлѣ небольшой набатъ, въ видѣ котла; позади его нестройной толпой ѣдутъ ратные люди его полка. Если кто поровняется съ воеводой или обгонитъ его, онъ ударяетъ плетью по набату, чтобы обогнавшій его отошелъ назадъ. За передовымъ полкомъ идетъ большой полкъ съ множествомъ трубачей, литаврщиковъ; тѣ и другіе трубятъ въ трубы и бьютъ въ литавры. Эта нестройная музыка наводила на иностранцевъ уныніе. За музыкантами идутъ опять нѣсколько тысячъ стрѣльцовъ, одѣтыхъ въ красные кафтаны, по пяти въ рядъ, а за ними ведутъ коней большаго воеводы, въ богатомъ убранствѣ,—и ѣдетъ самъ онъ въ сопровожденіи военныхъ совѣтниковъ и иностранцевъ. Затѣмъ слѣдуетъ большой полкъ нестройною толпою. Направо отъ него идетъ правый, налѣво—лѣвый полкъ. Позади всѣхъ идетъ огромный обозъ.

Во время походовъ сохранялось тоже дѣленіе на пять главныхъ частей: б о л ь ш о й полкъ, п р а в а я и л ѣ в а я рука (крыло), п е р е д о в о й и с т о р о ж е в о й полкъ. Кромѣ того, изъ отборныхъ

всадниковъ составлялся легкій, летучій отрядъ (яртаулъ) для развѣдокъ. На войнѣ съ татарами, бившимися лучнымъ боемъ, были въ ходу «гуляй городки», т. е. подвижныя деревянныя укрѣпленія.

По отзывамъ иностранцевъ, русское войско брало больше численностью, чѣмъ искусствомъ, разсчитывало, подобно восточнымъ полчищамъ, состоящимъ главныхъ образомъ изъ конницы, на силу перваго натиска. Бросаясь въ бой, оно неслось нестройною толпой... Музыканты, которыхъ было множество, поднимали невыносимые дикіе звуки, съ которыми сливались въ страшный шумъ оглушительные крики, которые испускали при нападеніи всѣ ратные люди разомъ. Такъ дѣйствовала конница. Лучше дѣйствовала пѣхота. Подъ управленіемъ хорошаго вождя она дралась, по отзывамъ иноземцевъ, очень мужественно... Вообще тѣ свойства; какими славится русскій солдатъ, необычайная выносливость въ походѣ, стойкость въ бою и мужество, сказывались и въ старину; но ратное искусство и вооруженіе стояли очень низко, и потому въ открытомъ полѣ западные сосѣди брали часто перевѣсъ надъ русскими; но за то при оборонѣ городовъ русскіе иногда бывали, при всей отсталости своей въ ратномъ дѣлѣ, непобѣдимы.

Западно-европейское оружіе и военное искусство болѣе всего принудили русскихъ обратить вниманіе на Западъ и проложили путь европейскимъ знаніямъ въ Россію.

Государственные доходы, промышленность и торговля.

Постоянныя войны и содержаніе большихъ ратныхъ силъ поглощали всѣ средства казны. Часто ихъ не хватало и правительство должно было стараться всѣми мѣрами увеличить свои доходы; можно сказать, что на собираніе ихъ преимущественно и направлены были усилія почти всѣхъ правительственныхъ учрежденій. Главнѣйшіе приказы, вѣдавшіе государевы доходы, были Приказъ Большаго Дворца, Четверти и Приказъ Большаго прихода. Въ первый шли доходы съ городовъ и приписанныхъ къ нимъ селъ и волостей, составлявшихъ собственную отчину государя. Доходы эти доставлялись и деньгами (подати) и натурой (оброки) т. е. зерновымъ хлѣбомъ, овсомъ, быками, овцами, рыбой, медомъ и проч. Все это шло на содержаніе двора, а излишекъ продавался. Въ приказѣ Четверти (всѣхъ было четыре) шли тягло, т. е. годовой доходъ, взимаемый съ каждой выти или съ опредѣленной мѣры

хлѣба присяжными сборщиками (цѣловальниками) и подать, сборъ деньгами съ каждой сохи, т. е. извѣстнаго участка земли. Въ началѣ XVII ст. съ каждой выти,—участка въ 7 или 8 теперешнихъ десятинъ казеннымъ крестьянамъ приходилось платить отъ 10 до 15 рублей, смотря по качеству почвы. По тогдашней цѣнности денегъ это было очень много. Подать уплачивалась общинами, которыя сами уже раскладывали платежъ между своими членами. Посадскіе люди платили подать по числу тяглыхъ дворовъ въ посадѣ, сколько значилось ихъ въ писцовыхъ книгахъ. Всѣ эти сборы вносились ежегодно въ казну перваго сентября, которое считалось тогда первымъ днемъ года.

Въ Приказъ Большого прихода принимались разныя пошлины и всякіе налоги и сборы. Самыя значительныя пошлины были торговыя. Въ концѣ XVI в. въ Москвѣ торговой пошлины брали по 8 денегъ съ рубля, и эта пошлина считалась малой. Большіе доходы собирались съ торговыхъ бань и кабаковъ, принадлежавшихъ казнѣ; сверхъ того были пошлины судебныя съ гражданскихъ дѣлъ по 20 денегъ съ каждаго рубля, брались онѣ съ виновнаго. Разбойный приказъ, вѣдавшій уголовныя дѣла, доставлялъ въ казну половину имущества осужденныхъ преступниковъ.

Всѣ эти сборы упомянутые приказы сдавали въ главное казначейство (Приказъ Большой казны), гдѣ хранились всѣ царскія деньги, драгоцѣнные камни, короны, скипетры, утварь и проч.

Таковы были главные виды доходовъ въ концѣ XVI столѣтія, по описанію англичанина Флетчера, въ общей сложности составлявшіе 1.430,000 рублей, не включая сюда расходовъ на дворецъ, правительственныя мѣста и служилыхъ людей, которые содержатся иными способами, и не считая доходовъ сибирскихъ. Около столѣтія спустя доходы были почти тѣже; по исчисленію Котошихина, они равнялись 1.311,000 руб., кромѣ сибирской казны (она доставляла разныхъ дорогихъ мѣховъ болѣе чѣмъ на полмилліона рублей). Въ теченіе XVII столѣтія доходы и не могли увеличиться: стоитъ вспомнить только бѣдствія смутнаго времени, общее оскудѣніе русской земли въ царствованіе Михаила, внутреннія смуты и продолжительныя войны второй половины XVII вѣка. И эти скудныя доходы получались съ большимъ трудомъ и народу было очень трудно нести тягло, всякія оброки и налоги. Не только торговыя, но почти всѣ промыслы и занятія были обложены пошлиной. Налоги тоже были многочисленные. Собирались, напр. деньги стрѣлецкія на содержаніе стрѣльцовъ, ямскія на содержаніе

ямовъ, т. е. почтовыхъ становъ; брались поборы на строеніе воеводскихъ дворовъ, губныхъ избъ, тюремъ; брали пошлину за право зимою въ прорубяхъ черпать воду, поить скотъ, бѣлье мыть и проч. Всякія надобности государства порождали новые налоги: взимались, напр. полоняничныя деньги на выкупъ плѣнныхъ, пищальныя деньги—на вооруженіе войска, ямчужныя деньги—на порохъ и т. д. Во время войны, когда не хватало у правительства средствъ, являлись чрезвычайные, т. е. временные налоги: съ посадскихъ людей брали тогда двадцатую, десятую или даже пятую деньгу (въ 1662 и 63 годахъ), т. е. пятую часть всего дохода. Кромѣ денегъ, брали на кормъ ратнымъ людямъ ржаную муку, сухари, крупы, толокно; требовалась поставка подводъ для обоза и пр. Мало того, на тягловыхъ людяхъ лежало много и другихъ повинностей: ратная—снаряженіе воиновъ и содержаніе ихъ во время войны, ямская—поставка лошадей для проѣзда должностныхъ лицъ, городовая—поправка и постройка городскихъ стѣнъ, мостовъ и пр., кормъ воеводамъ и приказнымъ людямъ да всякія безвозмездныя службы и работы. Трудно было бы даже и перечесть всѣ налоги и повинности, какіе падали въ концѣ XVII вѣка на тягловыхъ людей. Притомъ все это распредѣлялось неравномѣрно на сословія и области и представляло большую путаницу, которая давала возможность нечестнымъ и корыстнымъ должностнымъ лицамъ наживаться на счетъ темнаго люда. Тяжелыя подати, налоги и всякія повинности, воеводы и алчные подъячіе да свои лихіе люди, или разбойники, выживали крестьянина съ мѣста; не въ моготу становилось ему жить, и вотъ бредутъ черные люди розно, пустѣютъ села и деревни: одни уходятъ на востокъ,—прослышавши, что и за камнемъ (за Уральскимъ хребтомъ) жить можно,—нескоро тамъ найдутъ да на тягло посадятъ; другіе пробираются къ Дону на казацкое вольное житье; третьи и поближе гдѣ нибудь въ лѣсахъ дремучихъ пристанутъ къ лихимъ людямъ; а тѣ, что постарѣе да похилѣе, — тѣ по міру пойдутъ, Христа ради прокормятся...

Заботы правительства долго направлялись на то, чтобы рабочую и промышленную силу какъ нибудь надежнѣе прикрѣпить къ мѣсту и заставить нести тягло; а тягловые люди нерѣдко только и думаютъ о томъ, какъ бы выбиться изъ подъ него. Кромѣ обычнаго укрывательства, побѣговъ, т. е. незаконныхъ способовъ, были для этого и нѣкоторые болѣе благовидные пути: грамотные посадскіе люди могли поступить въ подъячіе,—и такимъ образомъ изъ человѣка, несшаго извѣстное тягло, обязаннаго кормить другихъ, по-

садскій обращался въ лицо, имѣющее право кормиться на чужой счетъ. Другой способъ уйти отъ тягла было закладничество. Уже раньше было въ обычаѣ, что бобыли,—одинокіе люди изъ крестьянъ, примыкали къ чужимъ семьямъ, составляли съ ними какъ бы одно цѣлое, могли работать, промышлять и не несли сами никакихъ повинностей; такихъ людей называли подсосѣдниками, или захребетниками. Правительство сперва допускало это. Чѣмъ тяжелѣе становились всякіе налоги и повинности, а также насилія воеводъ и приказныхъ людей, тѣмъ выгоднѣе дѣлалось выходить изъ прямой зависимости отъ правительства и поступать въ зависимость къ частнымъ сильнымъ людямъ, которые могли защитить своихъ подчиненныхъ. Это называлось закладываться за кого либо.

Такіе закладчики изъ промышленнаго люда, заложившись, напр., за какого нибудь богатаго вотчинника-боярина, могли подъ его покровомъ съ бо́льшимъ успѣхомъ заниматься разными промыслами, чѣмъ промышленники, обремененные тяжелыми налогами и повинностями. Эти послѣдніе постоянно жаловались, что закладчики отбиваютъ промыслы отъ нихъ, и потому имъ не въ моготу нести тягло. При Алексѣѣ Михайловичѣ закладничество было уничтожено, и городское населеніе все обязано было прямо зависѣть отъ государства и нести всѣ повинности и налоги.

Трудно было правительству собрать необходимые доходы, тяжело было и населенію нести многочисленныя налоги и повинности. Вся бѣда была въ томъ, что земля—велика, а народу было мало, и раскидался онъ на ней во всѣ стороны мелкими поселками. И теперь наше отечество можно назвать деревенскимъ государствомъ: гораздо бо́льшая часть народа у насъ живетъ по маленькимъ деревнямъ, а не по городамъ и большимъ селамъ, какъ на западѣ, а въ старину даже и многіе наши города мало чѣмъ отличались отъ деревни, и городскіе жители тогда нерѣдко занимались земледѣліемъ. Не могло быть ни сильной промышленности, ни богатой торговли тамъ, гдѣ бо́льшая часть населенія жила мелкими поселками, да еще разбросанными на далекомъ разстояніи одно отъ другого. Немногимъ бываетъ доволенъ простолюдинъ, живущій въ глухой деревушкѣ. «Хлѣба край да уголъ теплый — вотъ и живы», зачастую говоритъ нашъ деревенскій крестьянинъ и до сихъ поръ,—потребностей у него мало, прихотей—никакихъ, живетъ, лишь бы не умереть. Въ глухомъ мѣстѣ приходится все самому дѣлать:—и избу срубить, и соху наладить, и землю пахать, и зипунъ снарядить, и лапти сплесть, и многое другое. На всѣ дѣла крестьянинъ гораздъ,

да ни въ одномъ изъ нихъ не мастеръ: все кое какъ сдѣлано, да и требовать нельзя лучшаго — самодѣльщина! Если бы не нужда все самому дѣлать, онъ къ одному дѣлу бы приспособился, понаторѣлъ бы въ немъ, и промышлять бы имъ можно. Мало было потребностей у жителей, слабо было и раздѣленіе труда; стало быть, не могли процвѣтать ни торговля, ни промыслы. Особенно слаба была обрабатывающая промышленность: она требуетъ и знанія, и мастерства, а ихъ-то и было еще очень мало въ нашемъ отечествѣ за два вѣка назадъ. Гораздо сильнѣе были добывающіе промыслы: страна, обильная всякими естественными произведеніями, невольно направляла трудъ на добываніе ихъ. «Едва-ли есть въ мірѣ земля, говоритъ одинъ иностранецъ, бывшій въ Россіи въ XVII столѣтіи, которой Московія могла бы позавидовать какъ въ здоровомъ воздухѣ, такъ и въ плодородіи полей». Тутъ много было прекрасныхъ, еще нетронутыхъ земель, на которыхъ росла одна трава, да и ту не косили, потому что скотъ и безъ того имѣлъ достаточно корма. Земля нашего отечества легко можетъ прокормить населеніе въ десять разъ большее, чѣмъ теперешнее, лишь бы приложить къ ней больше знанія и рукъ, а за два вѣка назадъ ихъ было на Руси, какъ сказано, очень мало. Пахали даже въ началѣ XVII вѣка во многихъ мѣстахъ деревянными сохами безъ желѣзныхъ сошниковъ, боронили боронами, кое-какъ сколоченными изъ сучковатыхъ вѣтвей... Такимъ же первобытнымъ способомъ производилась и дальнѣйшая работа земледѣльца; даже водяныхъ и вѣтряныхъ мельницъ встрѣчалось немного, а были въ ходу домашнія ручныя, состоявшія изъ двухъ круглыхъ жернововъ. Посредствомъ такой самодѣльной мельницы каждая крестьянская семья молола себѣ муки, сколько требовалось. Такъ мало было еще въ трудѣ земледѣльца тѣхъ приспособленій, которыя облегчаютъ и ускоряютъ трудъ; а между тѣмъ земледѣльческій трудъ былъ однимъ изъ самыхъ главныхъ промысловъ, какимъ испоконъ вѣка занимался русскій народъ. Тоже надо сказать и о другихъ промыслахъ,—всюду преобладаютъ самые первобытные пріемы: народъ, разбившійся на мелкіе поселки, медленно, почти незамѣтно подвигался впередъ и въ жизни своей, и въ промыслахъ. Какъ проста, незатѣйлива была эта жизнь, мало чѣмъ отличавшаяся отъ жизни предковъ лѣтъ за пятьсотъ, такъ просты и первобытны были и промыслы по своимъ пріемамъ.

Главныя хлѣбныя растенія, которыя воздѣлывались въ нашемъ отечествѣ, были пшеница, рожь, ячмень, овесъ, греча, горохъ. Они росли въ такомъ изобиліи, что четверть пшеницы, по

свидѣтельству Флетчера, продавалась иногда по два алтына. Не вездѣ земля была достаточно плодородна, но были благодатные участки, которые приносили богатѣйшіе урожаи. Плодородіемъ отличалась юго-восточная часть Владимірской области по рѣкѣ Клязьмѣ; но самою плодородною въ Московскомъ государствѣ (въ Великороссіи) считалась Рязанская область: по разсказамъ иноземцевъ, каждое посѣянное зерно давало тамъ по два колоса и больше, и нивы лѣтомъ такъ бывали густы, что лошадь съ большимъ трудомъ могла пробраться сквозь нихъ, а перепела не могли вылетать изъ чащи колосьевъ. Такимъ же плодородіемъ славились поля, лежавшія по теченію Оки. Но чѣмъ дальше путешественникъ ѣхалъ къ сѣверу отъ этихъ земель, тѣмъ болѣе нивы уступали мѣсто лѣсамъ и болотамъ.

Обиліе лѣсовъ вызывало лѣсные промыслы. Лѣса доставляли богатый строевой матеріалъ: славились необыкновенно высокія и толстыя сосны, превосходные дубы и клены. Лѣсъ, отъ котораго усиливалась влажность и суровость климата нашего отечества, давалъ и средства для борьбы съ ними: огромное количество деревьевъ шло на топливо; почти всѣ постройки въ нашемъ отечествѣ строились изъ дерева, не только жилья, но и городскія стѣны; по болотамъ гати дѣлались изъ бревенъ, мосты чрезъ рѣки и проч. Что для западнаго европейца былъ камень, то для русскаго человѣка—дерево. Мало того. Домашняя утварь, — не только столы, скамьи, поставцы, лари, но даже и посуда у простаго люда была преимущественно деревянная. Изъ сосны онъ смолу или деготь гналъ, лучину кололъ, которая свѣтила ему, съ липы лыко дралъ, изъ котораго рогожки да лапти себѣ плелъ... Сверхъ того лѣсъ ему давалъ мѣха, медъ и воскъ; добываніемъ ихъ занимались почти во всѣхъ областяхъ Московскаго государства.

Болѣе всего звѣроловствомъ промышляли на дальнемъ сѣверѣ. Лучшіе мѣха собольи, лисьи, куньи шли изъ областей Печерской, Югорской, Пермской и Сибири; бѣличьи, рысьи и горностаевые шли особенно изъ Галича и Углича, а также изъ Новгородской области; лучшіе бобры водились на Мурманскомъ побережьѣ; изъ приморскихъ мѣстъ Двинской области доставлялись въ Москву мѣха бѣлыхъ медвѣдей. Сибирь особенно промышляла куньими мѣхами; они были главнымъ предметомъ торговли сибирскихъ жителей. Сибиряки недѣль на 6 или на 7 толпами отправлялись на охоту, на саняхъ, запряженныхъ въ 30 или 40 собакъ. Звѣриный промыселъ возлагался также на обязанность преступниковъ, которые ссы-

лались въ Сибирь; потомъ это замѣнено было работою въ рудникахъ.

Послѣ мѣховъ, главными произведеніями, которыя доставлялъ русскимъ лѣсъ,—были медъ и воскъ. Какъ извѣстно, въ старину не столько занимались искусственнымъ пчеловодствомъ, какъ теперь, а по большей части просто собирали въ лѣсахъ, въ дуплахъ старыхъ деревъ, огромные залежни меду... Въ большомъ количествѣ шелъ онъ изъ Мордвы, а также изъ областей: Сѣверской, Рязанской, Муромской, Казанской и Смоленской.

Рѣки Московіи удивляли иноземцевъ обиліемъ рыбы. Можно предположить, что русскіе повсюду занимались рыболовствомъ; но оно особенно процвѣтало на сѣверѣ и по Волгѣ. Болѣе всего цѣнилась рыба, пойманная въ рѣкѣ Окѣ близъ Мурома, а также въ Шекснѣ: чѣмъ дольше въ этихъ рѣкахъ оставалась рыба, зашедшая изъ Волги, тѣмъ вкуснѣе становилась она. Рыбнымъ промысломъ особенно славились города: Ярославль, Нижній, Астрахань, Казань, Бѣлоозеро. Близъ Астрахани рыболовство велось въ большихъ размѣрахъ; ловилось здѣсь огромное количество карповъ, бѣлугъ, осетровъ и стерлядей. Ловлю или, вѣрнѣе, бой бѣлугъ, по описанію одного путешественника-иностранца, производили такимъ способомъ: въ дно рѣки вбивались колья рядами, образующими треугольники съ узкими входами; бѣлуга, попавши въ нихъ, не могла выйти, и тогда рыбаки били ее дротиками. Изъ убитой рыбы,—бѣлуги и осетра,—вынимали икру, клали ее въ огромные мѣшки съ солью и держали ее такимъ образомъ нѣсколько времени, затѣмъ сжимали ее и набивали въ боченки. Астраханская икра славилась уже въ тѣ времена въ Европѣ и вывозилась въ большомъ количествѣ, особенно въ Италію; рыбу солили и отправляли въ Москву и другіе города.

Занимались русскіе и добываніемъ соли, или солеваренiемъ. Этотъ промыселъ въ большихъ размѣрахъ производился на сѣверѣ, въ Новгородской области, Двинской и др.,—лучшая соль добывалась въ Старой Русѣ. Дѣлалось это слѣдующимъ образомъ: промышленники-соловары запруживали соляную рѣчку и проводили изъ нея воду каналами въ свои соловарни и здѣсь занимались выварkою соли. Ниже Казани по Волгѣ была Соляная гора, изъ которой промышленники, жившіе у подошвы ея, добывали соль. Къ западу отъ Астрахани въ степяхъ было много соляныхъ озеръ, дававшихъ превосходную соль даже безъ особеннаго труда: здѣсь она выплываетъ на поверхность воды слоями въ палецъ толщиной подобно льди-

намъ, и отъ солнечныхъ лучей становится чистою и прозрачною. Всякій, кто хотѣлъ, могъ здѣсь собирать ее; за это надо было платить въ казну пошлины по полкопѣйки съ пуда.

Въ Ярославлѣ, Устюгѣ и Угличѣ добывали селитру, на Волгѣ въ небольшомъ количествѣ — сѣру. Желѣзо особенно разрабатывалось въ Карелiи, Каргополѣ и Устюгѣ, а потомъ неподалеку отъ Тулы. Слюда добывалась на Сѣв. Двинѣ, у Архангельска, а также въ Корельской области. Въ XVII ст. рудокопное дѣло усилилось въ нашемъ отечествѣ; нерѣдко дѣлались попытки найти серебро и золото; но обыкновенно попытки эти кончались неудачно; только во второй половинѣ XVII в. удалось иноземцамъ открыть пріиски золотой и серебряной руды въ горахъ за Казанью по направленію къ Сибири.

Всѣ указанные промыслы, если не попадали въ руки иноземцевъ производились, какъ сказано, по большей части самыми первобытными способами и далеко не стояли на надлежащей высотѣ. При лучшихъ условіяхъ, они могли бы обогатить жителей и доставить государству огромные доходы. Много добра всякаго было подъ руками у русскаго человѣка, да руки были еще неумѣлыя, — не многое могли взять.

Еще слабѣе были промыслы обрабатывающіе. Въ странѣ, гдѣ мало большихъ городовъ, и гдѣ слабо еще раздѣленіе труда, а каждый самъ старается удовлетворить своимъ небольшимъ нуждамъ, не могутъ особенно процвѣтать ремесла и разныя мастерства. Только въ Москвѣ можно было найти опытныхъ ремесленниковъ, да и то по большей части изъ нѣмцевъ; въ другихъ же городахъ рѣдко встрѣчались какіе либо мастера, кромѣ портныхъ и сапожниковъ. Конечно, искусныхъ работниковъ было довольно по столярному дѣлу и плотничьему, потому что на нихъ былъ ужь очень большой спросъ. Славились псковскіе каменьщики, новгородскіе рѣзчики и пр., но все же людей ремесленныхъ, которые были бы очень искусны въ своемъ дѣлѣ между русскими встрѣчалось очень мало.

Если ремесленное дѣло было слабо, и спросъ на него былъ невеликъ, то не могла, понятно, процвѣтать заводская и фабричная промышленность. Хотя на Руси были уже желѣзоплавильные заводы, но ихъ устраивали иностранцы; работали эти заводы больше на казну,—она требовала въ большомъ количествѣ разныя издѣлія: пушки, ядра и пр. Упоминаются въ XVII ст. суконныя и полотняныя фабрики, но и онѣ работали главнымъ образомъ для царскаго двора.

Гдѣ слабо производство, нѣтъ излишка въ издѣліяхъ и малъ спросъ на разныя вещи, тамъ трудно и большой торговлѣ раз-

виться. Русская земля богаче была предметами добывающей промышленности, чѣмъ обрабатывающей, и потому, понятно, она въ торговлѣ съ иноземцами должна была ставить на рынокъ такъ называемыя сырыя (т. е. необработанныя) произведенія, а требовать издѣлій мануфактурныхъ. Самою важной статьей отпуска заграницу были мѣха, затѣмъ медъ, воскъ, пенька, сало, ленъ, а также и хлѣбъ. Все это закупали сами иностранцы на русскихъ рынкахъ и везли заграницу. Попробовалъ было одинъ ярославскій купецъ самъ отвезти въ Амстердамъ пушный товаръ; но голландскіе купцы, чтобы не повадить русскихъ къ этому, и чтобы они не отбили тѣхъ выгодъ, какія доставались за перевозъ товара, сговорились между собой и ничего не купили у русскаго купца. Когда же онъ вернулся въ Архангельскъ со всѣмъ товаромъ своимъ, здѣсь его раскупили они по хорошей цѣнѣ. Да и правительство московское смотрѣло очень неблагосклонно на поѣздки русскихъ заграницу. — Изъ Западной Европы въ Россію привозились преимущественно фабричныя издѣлія: оружіе, металлическія вещи, тонкія сукна, полотна, бумага, сахаръ; сверхъ того разныя пряности, вино, золото, серебро въ дѣлѣ, (т. е. въ разныхъ вещахъ) въ слиткахъ, въ монетѣ и проч.

Главнымъ мѣстомъ отпускной торговли былъ городъ Архангельскъ: сюда русскіе купцы привозили свои товары, и тутъ покупали иностранные; но иноземцы часто заѣзжали внутрь Россіи, чтобы на главныхъ рынкахъ закупать нужные имъ товары, какъ говорится, изъ первыхъ рукъ. Другимъ важнымъ мѣстомъ заграничной торговли была Астрахань. Русскіе купцы отправляли сюда хлѣбъ, шерстяныя и полотняныя одежды, ножи, топоры, стрѣлы (оружіе и желѣзо вывозилось или съ особаго разрѣшенія начальства, или тайкомъ). Любопытно, что въ Азію шли и русскія издѣлія. Взамѣнъ этого съ востока получались шелковыя, хлопчатобумажныя матеріи, ковры, парча, шелкъ-сырецъ, драгоцѣнные камни въ большомъ количествѣ. Астрахань, благодаря своей торговлѣ, была однимъ изъ богатѣйшихъ городовъ въ Русскомъ государствѣ; она своимъ видомъ и обиліемъ каменныхъ построекъ мало походила на другіе русскіе города.

Средоточіемъ внутренней торговли была Москва: рынки, гостинные дворы, лавки и сверхъ того оживленная ручная торговля,— все это встрѣчалось на каждомъ шагу и показывало, что Москва—торговый городъ. Она являлась сердцемъ внутренней торговли: сюда съѣзжались торговцы съ разныхъ концовъ государства; тутъ встрѣчалось множество иноземцевъ-купцовъ—и западно-европейскихъ, и восточ-

ныхъ разныхъ племенъ; отсюда же торговля шла въ разные концы государства. Главные пути были къ Бѣлому морю чрезъ Ярославль и Вологду на Устюгъ по рѣкѣ Сухонѣ, а затѣмъ по Сѣверной Двинѣ къ Архангельску. По Окѣ и Волгѣ шелъ путь на Астрахань; на Волгѣ были два важные торговые города — Нижній и Казань. Отъ Волги по Камѣ шелъ торговый путь въ Сибирь; на сибирскомъ пути болѣе важными торговыми мѣстами считались Верхотурье и Тобольскъ. Движеніе промышленниковъ-завоевателей въ Сибири раздвинуло предѣлы русскихъ владѣній до нижняго теченія Амура и до Восточнаго океана; съ тѣхъ поръ начинаются торговыя сношенія съ Китаемъ, и Нерчинскъ становится здѣсь важнымъ городомъ. На сѣверо-западъ изъ Москвы шла торговая дорога ко Пскову и Новгороду. Хотя оба эти города были по своему торговому значенію далеко не то, что прежде; но все таки они были еще довольно богатыми и промышленными городами; отъ нихъ шли пути къ Нарвѣ и Ригѣ. Въ Литву и Польшу дорога шла на Смоленскъ.

Сильной помѣхой для торговли былъ недостатокъ удобныхъ путей сообщенія. Лѣтомъ торговое движеніе можно было совершать только по рѣкамъ; важнѣйшими рѣчными путями была Волга, а затѣмъ Сѣв. Двина. Тутъ товары возились на стругахъ, дощанникахъ и насадахъ (родъ нынѣшнихъ барокъ). Шли эти незатѣйливыя суда или на парусахъ, когда былъ попутный вѣтеръ, или тянулись бичевой, или посредствомъ якоря, т. е. завозился впередъ якорь и кидался въ рѣку; затѣмъ съ насада люди тянулись за веревку къ нему; затѣмъ якорь опять завозился и т. д. Такимъ образомъ, двигались впередъ противъ теченія, хотя и очень медленно. Такъ какъ рѣчной путь не всегда былъ «чистъ», «пошаливали» лихіе люди, особенно на Волгѣ, то обыкновенно плыло по нѣскольку насадовъ вмѣстѣ подъ охраною вооруженныхъ людей. Въ Москву товары свозились обыкновенно зимними путями. Иностранцы пишутъ, что имъ приходилось насчитывать въ обозахъ, шедшихъ въ Москву съ хлѣбомъ и соленой рыбой, по 700 и 800 возовъ. Въ теченіи всей зимы въ столицу привозили изъ окрестныхъ мѣстъ дрова, сѣно, хлѣбъ и прочее, а предъ Рождествомъ – говядину, свинину, рыбу въ замороженномъ видѣ. Цѣны этихъ товаровъ поражали иноземцевъ своей дешевизной: говядину, по словамъ ихъ, продавали не на вѣсъ, а по глазомѣру за безцѣнокъ; за червонецъ, равнявшійся тогдашнему рублю, можно было купить 70 куръ и т. д.

Пути сообщенія такъ были еще плохи, что не только трудно было провозить изъ города въ городъ товары, но даже и налегкѣ

проѣхать лѣтомъ было очень затруднительно. До Новгорода изъ Москвы лѣтомъ надо было ѣхать цѣлую недѣлю, а зимою—четыре дня. Здѣсь путь вслѣдствіе частыхъ сношеній былъ, конечно, лучше, чѣмъ въ другихъ болѣе глухихъ мѣстахъ. Часто приходилось ѣхать по дурной лѣсной дорогѣ, по недавно срубленнымъ пнямъ; но больше всего мѣшали многочисленныя болота и топи, на которыхъ невсегда встрѣчались даже и плохіе гати да мосты; путешественникамъ приходилось иногда самимъ рубить лѣсъ и кое-какъ настилать плотины и устраивать переправы. Постоялые дворы встрѣчались очень рѣдко; въ деревняхъ, случалось, что трудно было и хлѣба достать даже за деньги. Одинъ иностранецъ совѣтовалъ всякому, кому предстояла поѣздка по Россіи, непремѣнно имѣть при себѣ топоръ, огниво съ трутомъ, съѣстные припасы на всю дорогу и котелъ,—всѣмъ этимъ раздобыться на пути было иногда невозможно. При томъ путешественнику грозили на пути хищные звѣри и лихіе люди, промышлявшіе разбоемъ по большимъ дорогамъ да по темнымъ лѣсамъ. По дорогамъ нерѣдко встрѣчались кресты на могилахъ путниковъ, убитыхъ разбойниками. Понятно, какъ все это отбивало охоту къ поѣздкамъ по странѣ, какъ мѣшало торговлѣ.

Не смотря на всѣ помѣхи, русскіе, по отзыву иноземцевъ, были очень склонны къ торговому дѣлу. Во всякомъ городѣ, въ посадѣ всегда была рыночная площадь,—самая оживленная часть. Сюда изъ окрестныхъ мѣстъ свозились на продажу разные припасы; кромѣ того, тутъ же были и постоянныя лавки, гостинные дворы. Въ нѣкоторыхъ городахъ, гдѣ сходились торговые пути, въ извѣстное время года бывали съѣзды торговцевъ, и торги принимали большіе размѣры. Такимъ образомъ явились ярмарки. Онѣ въ виду трудности сообщеній приносили торговлѣ большую пользу: купцы здѣсь производили обмѣнъ товара, запасались новымъ, и обыватели могли купить нужныя вещи дешевле, чѣмъ обыкновенно. Чаще всего такія ярмарки совпадали съ храмовыми праздниками, когда городъ наполнялся множествомъ пришлаго люда изъ окрестныхъ мѣстъ. Нерѣдко устраивались подобные торговые съѣзды въ монастырскихъ владѣніяхъ, гдѣ крестьяне были обыкновенно зажиточнѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, и менѣе было всякихъ стѣсненій и обидъ отъ таможенныхъ сборщиковъ. Самою знаменитой ярмаркой была Макарьевская, близъ монастыря св. Макарія Желтоводскаго.

Русская торговля, кромѣ дурныхъ путей сообщеній, встрѣчала въ старину много всякихъ помѣхъ,—тяжелыхъ пошлинъ, притѣсненій разныхъ должностныхъ лицъ; долгое время вредило ей соперниче-

ство иноземныхъ купцовъ, мѣшала и царская торговля: ни одинъ купецъ не имѣлъ права покупать привезенныхъ въ Россію иностранныхъ товаровъ до тѣхъ поръ, пока не отбирали лучшихъ изъ нихъ царскіе люди, и также не могъ продавать, пока не будутъ распроданы царскіе товары. Иныя отрасли торговли были исключительно достояніемъ казны, напр., продажа водки, дорогихъ мѣховъ и др. Всѣ эти стѣсненія и помѣхи, конечно, должны были на ряду съ невѣжествомъ и низкимъ уровнемъ нравственности породить многія темныя стороны въ русской торговлѣ. Удивляя иноземцевъ своей смѣтливостью, сноровкой, изворотливостью,—вообще торговыми способностями, русскіе купцы нерѣдко непріятно поражали своей нечестностью: они старались купить товаръ за безцѣнокъ, а продать въ три-дорога, запрашивали у покупателя вдвоевтрое противъ настоящей цѣны, и, когда онъ предлагалъ, что должно, они нерѣдко клялись и божились, что товаръ «себѣ дороже стоитъ». Показать товаръ лицомъ, обмѣрить покупщика, подсунуть ему вмѣсто выбранной вещи худшую,—все это было, къ сожалѣнію, не особенно рѣдкимъ явленіемъ. И что особенно любопытно, торговцы и не считали этого мошенничествомъ; это было въ ихъ глазахъ только торговой умѣлостью, сноровкой: на ихъ взглядъ, плохъ былъ тотъ продавецъ, который не умѣлъ заманить въ лавку покупателя, выпускалъ его изъ лавки безъ покупки, не умѣлъ сорвать съ него, что можно, сбыть ему плохой товаръ. Какъ на войнѣ ратные люди всячески пользуются оплошностью врага, и допускаютъ противъ него всякую хитрость и обманъ, такъ опытный торговецъ, по взгляду русскаго купца, могъ поступать съ покупщикомъ. Вотъ почему, случалось, что честный и хорошій въ домашнемъ и въ общественномъ быту купецъ, въ своей лавкѣ способенъ былъ къ самымъ неблаговиднымъ продѣлкамъ.

Ходячей монетой въ XVII столѣтіи были по прежнему серебряныя копейки; а болѣе мелкой монетой — московки (деньга, полкопейки) и полушки (полуденьги); послѣднія были такъ мелки, что, по словамъ иностранцевъ, русскіе продавцы горстями клали ихъ въ ротъ, чтобы не потерять, и это вовсе не мѣшало говорить. Чеканили монету также по прежнему въ Москвѣ, Новгородѣ, Псковѣ и Твери изъ привозныхъ иностранныхъ денегъ; причемъ, какъ извѣстно, правительство имѣло извѣстный доходъ. Изъ копеекъ составлялись алтынъ, гривна, полтина, рубль, но монеты, соотвѣтствовавшей всѣмъ этимъ названіямъ, кромѣ полтины, не было. Въ XVII вѣкѣ изъ полуфунта серебра чеканилось денегъ на три рубля; стало

быть, рубль заключалъ 16 золотниковъ. Прежде рубль былъ больше, но еще во второй половинѣ XVI вѣка, судя по иностраннымъ извѣстіямъ, онъ былъ уменьшенъ, такъ что считалось въ немъ уже не двѣсти денегъ, какъ прежде, а сто. На деньгахъ (московкахъ) было изображеніе великаго князя на конѣ съ мечемъ въ рукахъ, а на копейкахъ — съ копьемъ, оттого ихъ и стали звать «деньги копейныя», а потомъ просто — копейками. При Алексѣѣ Михайловичѣ, какъ извѣстно, были пущены въ оборотъ мѣдныя копейки по одинаковой цѣнѣ съ серебряными, но попытка эта кончилась неудачно, и мѣдныя деньги были изъяты изъ употребленія, такъ что въ торговомъ обращеніи было только серебро. Пулы, мелкая мѣдная монета, (ихъ давалось 18 за полденьгу) шли на раздачу нищимъ и на самыя мелкія покупки.

Золотую монету русскіе покупали и продавали на ряду съ другими товарами. За червонецъ обыкновенно давали отъ 18—21 алтына, но иногда цѣна ихъ возвышалась даже до двухъ рублей. Это случалось во время вѣнчанія государя на царство, бракосочетанія и пр., такъ какъ принято было подносить червонцы въ подарокъ. Очень дорого цѣнились они также за нѣсколько дней до Пасхи, потому что было въ обычаѣ, христосуясь съ боярами и сановниками, подносить имъ съ красными яйцами и червонцы. Въ виду частыхъ колебаній въ цѣнѣ денегъ, иноземные торговцы предпочитали вести съ русскими мѣновую торговлю, т. е. за русскіе товары расплачиваться своими товарами, а не деньгами.

Домашній бытъ.

Жилище. — Внутреннее убранство его. — Утварь. — Одежда. — Пища.

Домашній бытъ русскаго народа отличался большой устойчивостью: русскій человѣкъ въ концѣ XVII столѣтія по своему житью-бытью почти совсѣмъ походилъ на своихъ предковъ, жившихъ за три, за четыре вѣка раньше; только верхній слой общества сталъ понемногу подаваться подъ напоромъ иноземныхъ новшествъ.

Внѣшній обликъ жизни сказывается въ жилищѣ, одеждѣ и пищѣ.

Въ старину жилья обыкновенно ставились во дворѣ. Дворы по большей части были довольно просторные, а у зажиточныхъ и богатыхъ людей даже и весьма обширные; они обносились тыномъ или заборомъ (заметомъ). Домовитый хозяинъ старался огородить свое жилье такъ, чтобы чрезъ ограду никакое животное не пролѣзло, не пробрался бы никакой человѣкъ. Во дворъ вело двое, трое и больше

воротъ. Главныя изъ нихъ устраивались у богатыхъ людей обыкновенно очень красиво подъ небольшой кровлей, иногда съ красивыми башенками. Надъ воротами у зажиточныхъ хозяевъ ставились часто образа въ кіотахъ, подобно тому, какъ надъ воротами городовъ, надъ которыми, какъ извѣстно, иногда устраивались часовни и даже небольшія церкви.

Жилья строились не рядомъ съ воротами, какъ теперь, а поодаль отъ нихъ, во дворѣ. Къ дому изъ воротъ вела дорога, иногда мощеная (мостки). Домъ былъ обыкновенно небольшой, а по мѣрѣ надобности сооружались и другія жилыя строенія,—всѣ они вмѣстѣ назывались общимъ именемъ хоромъ. Кромѣ того, дворъ зажиточнаго человѣка былъ полонъ различныхъ службъ: людскихъ, сараевъ, кладовыхъ, погребовъ. Баня, или мыльня, была необходимостью двора всякаго порядочнаго хозяина. Жилища простолюдиновъ отличались отъ хоромъ знатныхъ людей размѣрами и убранствомъ, а по существу были сходны. Основной частью стариннаго дома была клѣть, изъ которой съ прибавкой печи образовалась изба (истопка). Болѣе всего у крестьянъ того времени встрѣчалась черная, или курная изба. Въ такой избѣ устраивались почти подъ потолкомъ такъ называемыя волоковыя окна отъ 6 до 8 вершковъ въ длину и ширину; ихъ задвигали или заволакивали особенной доской. У семьянистыхъ и зажиточныхъ людей противъ избы ставилась клѣть—лѣтній покой тоже съ волоковыми окнами. Она соединялась съ избой общей кровлей, причемъ оставлялось мѣсто между ними — сѣни. Подъ клѣтью, былъ подклѣтъ, предназначенный для кладовой или для домашняго скота.

Таково было жилище зажиточнаго простолюдина, а бѣдные довольствовались, какъ и теперь, избушкой, состоявшей изъ одного сруба.

Богатые купцы, дворяне, бояре устраивались шире, но въ основѣ ихъ жилья были тѣже клѣть и изба. Вмѣсто черной избы ставилась бѣлая; дымъ изъ нея выходилъ не волоковыми окнами, а чрезъ дымницы (деревянныя трубы). Такая изба строилась обыкновенно на подклѣтѣ, потому и называлась горницей (т. е. верхнею, горнею частью); окна здѣсь были косящатыя (т. е. съ косяками), красныя (т. е. красивыя); они были побольше волоковыхъ, которыя тоже иногда встрѣчались и здѣсь наряду съ косящатыми. Сверхъ того важнымъ отличіемъ горницы отъ простой избы была обыкновенно большая, красивая печь изразцовая, муравленная, круглая или четыреугольная. (Въ избахъ устраивались обычныя до сихъ поръ русскія печи). Случалось, что горница и даже изба дѣлились перегородками на нѣ

сколько комнатъ. Нерѣдко двѣ, три и болѣе клѣти связывались въ одно цѣлое и такимъ образомъ получались довольно помѣстительныя жилья (назывались двойни, тройни и т. д.) или хоромы. Слово это, употребляемое всегда во множественномъ числѣ, указывало этимъ на сложность самой постройки, состоявшей изъ нѣсколькихъ частей, изъ которыхъ каждая могла бы стоять и отдѣльно.

Подклѣты въ большихъ хоромахъ были жилыя съ окнами и печами для прислуги и глухія безъ оконъ и дверей, съ ходомъ изъ верхняго помѣщенія, предназначенныя для кладовыхъ, для храненія дорогихъ вещей, т. е. казны, — потому эти подклѣты назывались казенками.

Въ большихъ хоромахъ просторныя сѣни соединяли горницу или комнаты съ повалушей, которая, составляя отдѣльное помѣщеніе, ставилась тоже на подклѣтѣ, и представляла обширный лѣтній покой—то же, что клѣть въ крестьянскомъ жильѣ. Сверхъ горницы и повалуши въ старинныхъ хоромахъ были еще свѣтлица и сѣнникъ. Первая, хорошо освѣщенная косящатыми окнами, которыхъ было больше, чѣмъ въ горницѣ, такъ какъ они прорубались со всѣхъ трехъ, а не то даже и четырехъ сторонъ, служила обыкновенно рабочей женской комнатой, а сѣнникъ былъ холоднымъ покоемъ, служившимъ въ лѣтнее время спальнею. Верхній ярусъ старинныхъ хоромъ представляли свѣтлые чердаки, носившіе названіе теремовъ, вышекъ, свѣтелокъ. Они устраивались подъ самой кровлей зданія, со всѣхъ сторонъ были открыты, съ большими окнами, иногда двойными, на всѣ четыре стороны. Порою пристраивались къ вышкамъ небольшія башенки (смотрильни), съ которыхъ можно было видѣть окрестности. Вокругъ теремовъ или чердаковъ устраивались гульбища, т. е. балконы, огороженные перилами или рѣшетками.

Такимъ образомъ старинные хоромы представляли три яруса (житья): въ нижнемъ были подклѣты, въ среднемъ — горницы, повалуши и свѣтлицы, въ третьемъ, на верху — чердаки, вышки, терема.

Старинные деревянные хоромы государей заключали въ себѣ тѣ же основныя части. Жилые хоромы были обыкновенно очень не велики,—въ три, четыре покоя: одинъ, самый дальній, служилъ опочивальней (постѣльной, ложницей), подлѣ устраивалась крестовая, или моленная, затѣмъ собственно комната (кабинетъ), и наконецъ—передняя (пріемная), первая по входѣ изъ сѣней, которыя въ государевыхъ хоромахъ всегда были теплыя. Если комнатъ было

больше, что случалось очень рѣдко, то называли ихъ—средняя, сторонняя и задняя, и особеннаго назначенія онѣ не имѣли. Въ подклѣтѣ устраивались иногда мыльни. Верхній ярусъ такихъ хоромъ состоялъ изъ красныхъ свѣтлыхъ чердаковъ, или теремовъ, съ частыми окнами, съ гульбищами кругомъ всего зданія, украшенныхъ башенками съ изящной кровлей. Такіе же точно хоромы съ незначительными отличіями ставились отдѣльно для государыни, для государевыхъ дѣтей, и соединялись между собой лишь крытыми переходами.

Кромѣ жилыхъ покоевъ, устраивались еще особыя хоромы для торжественныхъ собраній и государевыхъ столовъ, т. е. званныхъ обѣдовъ и пировъ. Ставились они впереди жилыхъ хоромъ, назывались обыкновенно столовой избой (въ древности—гридницей). Сверхъ того, надо припомнить, что къ государевымъ хоромамъ относятся многочисленныя службы, которыя располагались обыкновенно особыми дворами, или дворцами; (напр. житный, кормовой, хлѣбенный, сытный, конюшенный и др.).

Плотничье дѣло въ старину, конечно, стояло выше, чѣмъ теперь: плотникамъ было прежде несравненно больше работы. Они составляли артели, старосты которыхъ были доморощенными зодчими того времени. Навыкъ да сноровка замѣняли имъ строительную науку, и надо сказать по правдѣ, они достигали въ своемъ дѣлѣ настоящаго искусства; о нихъ можно сказать, что они были настоящими мастерами своего дѣла. Дворецъ въ селѣ Коломенскомъ служитъ лучшимъ доказательствомъ этого. Этотъ дворецъ представлялъ нѣсколько особыхъ хоромъ, соединенныхъ между собой сѣнями и переходами. Впереди были государевы хоромы; за ними стояли хоромы царевича, далѣе государева мыленка, отсюда лѣстница вела въ царицыны хоромы; далѣе были четыре отдѣленія хоромъ царевенъ, соединенныя крытыми переходами съ покоями царицы и церковью Такими же переходами соединялись другія отдѣленія хоромъ—оружейной, стряпущихъ избъ и проч. Нижній ярусъ всѣхъ хоромъ состоялъ изъ подклѣтовъ для дворовыхъ людей, для кладовыхъ и стрѣлецкихъ карауловъ. Довольно одного взгляда на дворецъ, чтобы видѣть, что строители не руководились однимъ опредѣленнымъ планомъ; что нѣкоторыя части пристраивались потомъ, по мѣрѣ надобности. Но не смотря на это, не смотря и на то, что строители вовсе не гнались за соразмѣрностью и соотвѣтствіемъ (симметріей) отдѣльныхъ частей, все таки все сооруженіе очень красиво и своеобразно. Особенно любопытны кровли: одна четыреугольная, устроенная кубомъ, украшена на верху глобусомъ съ

изображеніемъ орла; другая выведена бочкою съ рѣзнымъ гребнемъ на верху и шестами съ прапорцами (флюгарками), третья двухскатная, четвертая — шатровая, придававшая строенію видъ башни, съ двуглавымъ орломъ на верху. Надъ крыльцомъ опять бочкообразная кровля, надъ сѣнями и переходами стройныя шатровыя кровли разнаго вида. Всѣ эти кровли крыты гонтомъ въ чешую, раскрашенную въ яркія краски. Не менѣе красоты зданію придаютъ безчисленные и разнообразные столбики и балясы у крылецъ и у гульбищъ, а также рѣзныя украшенія оконъ и дверей. Эти украшенія, яркая окраска кровель, цвѣтныя стекла въ окнахъ, затѣйливый и разнообразный видъ составныхъ частей зданія, — все это вмѣстѣ взятое было очень красиво. Русское деревянное зодчество обнаружило много вкуса и своеобразія. Боярскія усадьбы и хоромы, а также дома зажиточныхъ людей болѣе или менѣе походили на дворецъ въ селѣ Коломенскомъ, конечно, уступая ему въ величинѣ и красотѣ. — Царскіе и боярскіе хоромы, отличаясь внѣшнимъ нарядомъ отъ простаго крестьянскаго жилья, въ основѣ своей имѣли ту же простую клѣть, которая складывалась изъ бревенъ, а у богатыхъ людей изъ брусьевъ, т. е. бревенъ, отесанныхъ со всѣхъ четырехъ сторонъ. Четыре бревна, соединенныя въ одинъ четыреугольникъ посредствомъ врубовъ по угламъ, назывались вѣнцомъ или рядомъ. Нѣсколько такихъ вѣнцовъ, наложенныхъ одинъ на другой, составляли клѣть. Между рядами бревенъ, или вѣнцами, плотно пригнанными одинъ къ другому врубами, прокладывался иногда сухой мохъ; тогда говорили, что «изба рубилась во мху». Этотъ способъ постройки избъ сохранился и донынѣ у нашихъ крестьянъ. Въ Москвѣ, какъ сказано раньше, продавались на рынкахъ готовые срубы, или клѣти. Рублей за двадцать можно было купить порядочные срубы на рынкѣ, разобрать, перевезти, куда надо было, и сложить настоящую избу. Затѣмъ оставалось по своему вкусу нарядить нутро, какъ говорили въ старину, т. е. отдѣлать клѣть начисто, — вырубить и околодить окна красныя и волоковыя, приладить къ стѣнамъ лавки, обшить стѣны тесомъ, подшить подволокъ (потолокъ), намостить мостъ (полъ); а затѣмъ устроить кровлю и покожушить ее, т. е. покрыть гонтомъ или дранью. Если жилище устраивалось позатѣйливѣе, то сверху выводились чердаки, или терема съ гульбищами, которыя рѣшетились балясами или перилами; налаживались разнообразныя кровли, смотря по вкусу хозяина, покрывались гонтомъ въ чешую и т. д. Обряжали получше красное крыльцо и ворота. По всему этому можно было судить о достаткѣ

хозяина. На этомъ и кончалась работа плотниковъ, или рубленниковъ, какъ ихъ звали иначе въ старину. Дворъ, по взгляду нашихъ предковъ,—красился воротами, хоромы—теремомъ, а изба—углами, т. е. внутреннимъ нарядомъ.

Каменные дворцы и дома, которые стали входить мало по малу въ обычай, строились уже болѣе на иноземный ладъ; русское зодчество преимущественно выразилось въ деревянныхъ хоромахъ да въ церквахъ.

Внутренность крестьянской избы была такъ же проста, какъ и теперь. Бревенчатыя стѣны, не обшитыя тесомъ, лавки и столъ, большая русская печь и полати,—вотъ все, что можно было разглядѣть при тускломъ свѣтѣ изъ небольшихъ оконцевъ, которыя въ старину обтягивались полупрозрачнымъ бычачьимъ пузыремъ или холстиной, пропитанной жиромъ. Слюда и стекло слишкомъ были еще дороги и встрѣчались только въ зажиточныхъ домахъ. Здѣсь оконницы представляли по большей части мелкую желѣзную сѣтку, обыкновенно въ видѣ различныхъ узоровъ, въ которую и вставлялись кусочки слюды. Стекло вошло въ употребленіе раньше въ Новгородѣ, благодаря его частымъ сношеніямъ съ Западомъ, а потомъ мало по малу—и въ другихъ городахъ. Въ XVII ст. въ Россіи были уже стекляные заводы, устроенные иноземцами.

Чѣмъ богаче былъ домъ въ старину, тѣмъ изысканнѣе было и внутреннее убранство его. Наши предки очень любили одѣвать хоромы: полы покрывались коврами (у менѣе богатыхъ—войлоками и рогожами). Въ сѣняхъ у дверей всегда была положена рогожа для обтирки ногъ,—калошъ тогда еще не употреблялось. Стѣны обивались по большей части сукнами обыкновенно красныхъ цвѣтовъ (червленное, багрецъ и пр.), иногда въ два цвѣта, въ шахматъ и проч. Покои царицъ (напр. Натальи Кириловны) наряжались иногда атласомъ. Со временъ Алексѣя Михайловича стали обивать стѣны басменной кожей, т. е. съ вытѣсненными изображеніями растеній, птицъ, звѣрей. Въ концѣ XVII ст. появились у нѣкоторыхъ бояръ заграничные тканые обои, или шпалеры; затѣмъ въ дворцовыхъ покояхъ, особенно въ каменныхъ зданіяхъ, стали расписывать стѣны и своды картинами, конечно, религіознаго содержанія; изображались событія изъ свящ. писанія, притчи въ лицахъ и проч. Потолки иногда украшались рѣзной работой, — иногда слюдой, но чаще убирались сукномъ, какъ и стѣны, и двери, и вставни (ставни).

Необходимою принадлежностью всѣхъ жилыхъ хоромъ были, конечно, печи,—преимущественно изразцовыя; онѣ были весьма раз-

нообразны: четыреугольныя, круглыя, съ колонками, карнизами и т. д. Изразцы по большей части были разныхъ цвѣтовъ или съ изображеніями растеній, животныхъ, людей и проч. Печи обыкновенно дѣлались большія и занимали значительную часть покоевъ, которые почти всегда были невелики, — сажени двѣ-три въ длину, да въ ширину столько же или нѣсколько меньше; просторнѣе устраивались столовыя у богатыхъ людей,—саженъ въ пять-шесть длины и почти такой же ширины.

Кромѣ лавокъ, которыя прикрѣплялись къ стѣнѣ, да подвижныхъ скамей и стольцевъ (табуретокъ), никакихъ другихъ приспособленій для сидѣнья наши предки не знали: кресла и стулья были роскошью дворца да богатыхъ боярскихъ хоромъ, впрочемъ, и тамъ встрѣчались въ небольшомъ числѣ. Скамьи служили и для спанья; особенныхъ кроватей не было. Столы дѣлались по большей части дубовые, узкіе и длинные; у богатыхъ людей они иногда разрисовывались изображеніями изъ св. писанія, а ножки и бока украшались рѣзьбой. Были и маленькіе столы, украшенные разными камнями.

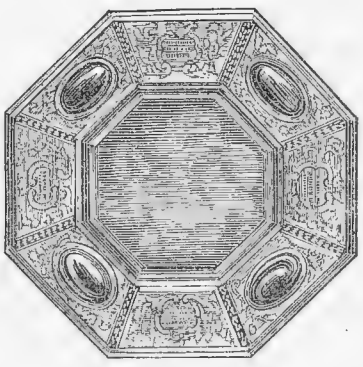
Лавки, скамьи и стольцы покрывались полавочниками, —обыкновенно той же матеріи, какой покрывались стѣны; иногда полавочники обшивались по краямъ позументами, вышивались узорами и проч. Большіе столы, стоявшіе предъ лавками, обыкновенно покрывались подскатерниками, атласными, бархатными съ золотошвейными украшеніями. Во время обѣда столъ покрывался еще скатертью. Въ богатомъ домѣ всего этого было нѣсколько перемѣнъ, и по праздникамъ хоромы убирались богаче, чѣмъ въ будни.

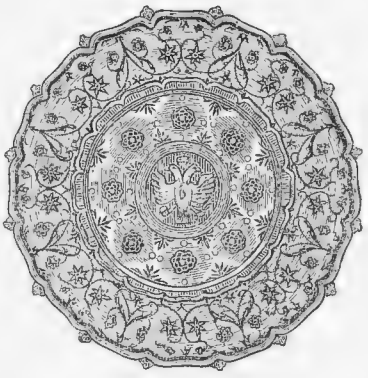
Благодаря убранству, старинные покои были весьма нарядны; но нарядпѣе всего былъ такъ называемый красный уголъ. Здѣсь на полкѣ ставились образа въ богатыхъ серебряныхъ и даже золотыхъ окладахъ, въ кіотахъ. Чтились иконы преимущественно стараго письма, при томъ работы православныхъ иконописцевъ. Кромѣ рисованныхъ образовъ, были рѣзанные на кампѣ, на слоновой кости, металлическіе, въ видѣ большихъ медалей, съ изображеніями на обѣихъ сторонахъ, а также и складни, т. е. створчатые образа, на каждой створкѣ которыхъ были вырѣзаны изображенія. Золотые, серебряные и мѣдные кресты съ изображеніемъ распятія были тоже обычны у нашихъ предковъ. Они не жалѣли издержекъ на украшеніе священныхъ изображеній, которыя сіяли золотомъ и драгоцѣнными камнями. Убрусцы, пелены и занавѣсы, которыми закрывались образа, у богатыхъ людей были тоже унизаны жемчугомъ, драгоцѣнными камнями и дробницами (блестками). Предъ иконами,

теплились лампады и горѣли восковыя свѣчи. Въ домахъ богатыхъ людей, кромѣ множества образовъ во всѣхъ покояхъ, была, какъ сказано, особая комната—крестовая, или моленная, гдѣ цѣлая стѣна была увѣшана образами на подобіе церковнаго иконостаса. Здѣсь стоялъ аналой съ книгами, подсвѣчники съ восковыми свѣчами, и отправлялись ежедневно церковныя службы: заутреня, часы, ве-

Лохань.

Рассольникъ.





Торели (тарелки).

черня; а у знатнѣйшихъ бояръ нерѣдко были свои домашнія церкви. Обиліе образовъ въ богатыхъ хоромахъ объясняется, конечно, прежде всего набожностью нашихъ предковъ, а затѣмъ—обычаемъ дарить иконы по большимъ праздникамъ.

Зеркала и картины долго считались въ старину запретными вещами; но въ XVII вѣкѣ мало по малу по примѣру царя бояре

стали украшать свои покои картинами (эстампами) исключительно священнаго содержанія.

Для храненія разныхъ вещей наши предки употребляли скрыни (родъ небольшихъ комодовъ съ выдвижными ящиками), сундуки, погребцы, ларцы (для женскихъ украшеній), поставцы для посуды, которые представляли полки, придѣланныя къ столбамъ, внизу шире, а къ верху уже. На нижнихъ ставилась серебряная крупная

Кубокъ. Стопа. Кружка. Стаканъ.

Братина. Ковшъ. Чарка.

посуда, на верхнихъ — мелкая. Она служила больше для украшенія столовой, чѣмъ для употребленія, и шла въ дѣло развѣ только по большимъ праздникамъ или при различныхъ семейныхъ торжествахъ. Въ обыкновенное же время серебряная и позолоченная посуда красовалась на поставцахъ, свидѣтельствуя о зажиточности и заслугахъ хозяина: тутъ находились и жалованныя царемъ чарки или кубки. На поставцѣ обыкновенно стояли разнаго вида и объема

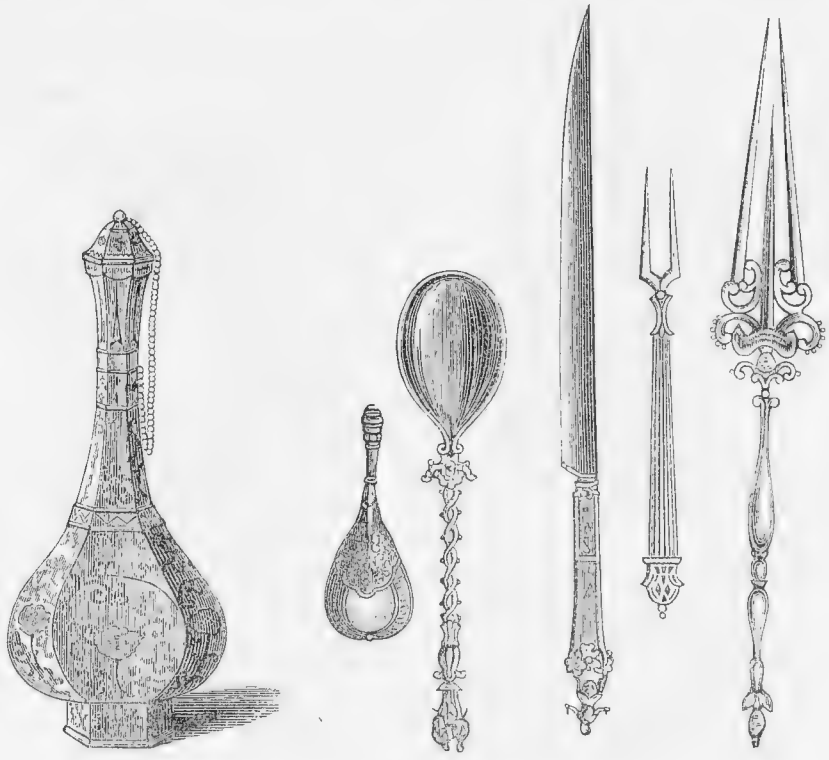
блюда и торели (тарелки), иногда очень изящной рѣзной или чеканной работы, сулеи, братины, ковши, кубки, мисы, лохани, рассольники и т. д. На сосудахъ дѣлались различныя надписи. Иногда обозначалось, кѣмъ подарена вещь, напр., ударилъ челомъ такой-то; иногда вырѣзывались цѣлыя изрѣченія, напр: «чарка добра человѣку, пить изъ нея на здравіе и т. п.

Дорогіе сосуды переходили по наслѣдству и составляли иногда важную часть имущества. Кромѣ металлической посуды въ XVI и XVII вѣкахъ встрѣчаются у богатыхъ людей сосуды изъ камня: агатовые, сердоликовые, изъ горнаго хрусталя. Входила въ обычай понемногу и стекляпная посуда, преимущественно цвѣтнаго стекла, которая привозилась изъ-за границы. Простой народъ довольствовался деревянной посудой; особенно славились хорошей работой калужскія, гороховецкія и корельскія издѣлія. Иногда деревянная посуда украшалась очень недурной рѣзьбой.

Золотая и серебряная утварь переходила отъ отца къ сыну по наслѣдству, какъ дорогая память предковъ. Цари въ знакъ милости жаловали своихъ приближенныхъ кубками, чарками; бояре тоже считали своей обязанностью приносить царямъ въ даръ дорогіе сосуды по случаю какихъ либо торжествъ или семейныхъ радостей, напр., бракосочетанія, рожденія дѣтей и т. д. Въ частномъ быту было тоже въ обычаѣ дарить другъ друга въ именины и проч. Чѣмъ знатнѣе и вліятельнѣе былъ человѣкъ, тѣмъ больше у него накоплялось и царскихъ подарковъ, и приношеній отъ подчиненныхъ,—и нерѣдко встрѣчались дома, гдѣ поставцы ломились подъ тяжестью всякаго рода серебряныхъ и даже золотыхъ вещей, нерѣдко очень тонкой, даже артистической работы, съ узорами, съ изображеніями цвѣтовъ, плодовъ, звѣрей, птицъ, людей и пр. Всѣ эти драгоцѣнности были показныя, служили украшеніемъ боярскихъ покоевъ и развѣ только въ самыхъ исключительныхъ случаяхъ употреблялись въ дѣло. Встрѣчались даже вещи, вовсе неудобныя для этого: въ Москвѣ, въ Оружейной палатѣ, напр., и теперь хранится серебряный кубокъ Ивана Грознаго въ сажень вышиной и въ пудъ и восемь фунтовъ вѣсомъ. Для украшенія же покоевъ клались на поставцы и разныя драгоцѣнныя бездѣлушки: серебряныя яблочки, костяной городокъ съ башнями, сосуды въ видѣ лошади, пѣтуха, челнока и пр.

Для повседневнаго обихода даже въ достаточныхъ домахъ пользовались невсегда серебряной посудой, а довольствовались мѣдной луженой или оловяной. Для жидкой пищи употреблялись кострюли и мисы, для твердой – блюда разнаго вида, смотря по кушанью

(блюдо гусиное, блюдо лебяжье и т. д.). Блюда поменьше, или блюдца, ставились на столъ, чтобы могли съ нихъ ѣсть человѣка два или болѣе. Тарелки (торели) долго не были въ употребленіи, а потомъ, когда стали входить въ обычай, то въ теченіи всего обѣда не перемѣнялись и служили лишь для того, чтобы класть обглоданныя кости. Ложки обыкновенно были серебряныя, а у бѣдныхъ людей—деревянныя, какъ у простого народа. Ножи и вилки долгое время не считались необходимою принадлежностью стола:



Сулея. Ложки. Ножъ. Вилки.

твердыя кушанья подавались обыкновенно разрѣзанныя на куски, ихъ брали прямо руками съ блюдъ. Если и подавались ножи и двузубыя вилки на столъ, то въ очень небольшомъ числѣ,—по одному ножу и одной вилкѣ на нѣсколькихъ человѣкъ. Салфетокъ вовсе не было до временъ Петра I, а руки вытирали полотенцами или краемъ скатерти. Солонки, перечницы и горчичницы считались необходимыми. Напитки приносились въ ведеркахъ, кувшинахъ, ендовахъ, сулеяхъ, братинахъ, — все это въ богатыхъ домахъ было изъ серебра. Пили кружками, чашами, ковшами, чарками, доста-

канами (стаканами). Серебряный кубокъ для питья за здоровье считался необходимой вещью даже и въ небогатомъ домѣ.

Еще болѣе, чѣмъ на убранствѣ дома богатство въ старину сказывалось на одеждѣ нашихъ предковъ. Простолюдинъ одѣвался за два, за три столѣтія до нашего времени, такъ же, какъ и теперь въ деревняхъ, отдаленныхъ отъ большихъ городовъ. Рубаха изъ грубаго холста или полотна деревенской работы, такіе же исподніе составляли главную часть одежды простолюдина,—въ лѣтнее рабочее время этимъ она и ограничивалась. Поверхъ рубахи въ болѣе холодную пору надѣвались азямъ, или сермяга, родъ кафтана до колѣнъ длиною съ узкими рукавами. Сермяги дѣлались изъ грубаго сѣраго сукна. Сверхъ этого надѣвалась иногда суконная одежда, поярке, съ большимъ отложнымъ воротникомъ (ферязь), а зимою шуба, по большей части овчинный тулупъ. Голову простолюдинъ покрывалъ мѣховой шапкой или колпакомъ, а лѣтомъ войлочнымъ, или поярковымъ. Обувью служили первобытныя плетеныя лапти или у болѣе зажиточныхъ—кожаные сапоги съ высокими голенищами, въ которыя вкладывались исподніе.

Одежда богатыхъ людей и бояръ состояла изъ тѣхъ же частей, но дѣлалась изъ болѣе тонкихъ и дорогихъ матерій, болѣе же всего отличалась дорогими украшеніями. Воротникъ и края рубахи, по большей части краснаго цвѣта, вышивались разными узорами, а не то у богатыхъ—серебромъ и золотомъ, при томъ унизывались жемчугомъ и драгоцѣнными камнями. Кафтанъ по большей части изъ легкой шелковой матеріи, или изъ тонкаго сукна, у богатыхъ и знатныхъ людей устраивался съ длинными сбористыми рукавами, иногда съ высокимъ стоячимъ воротникомъ позади, такъ называемымъ к о з ы р е м ъ. Онъ былъ предметомъ щегольства, съ наружной стороны покрывался атласомъ или бархатомъ, вышивался серебряными или золотыми узорами, а иногда украшался, какъ и воротъ рубахи, драгоцѣнными камнями и жемчугомъ. Подобные козыри носили лишь богатыя и знатныя лица. (См. рис. на стр. 258 и 260). Хотя это украшеніе давно уже вышло изъ употребленія, но до сихъ поръ еще въ народѣ объ осанистомъ человѣкѣ, выступающемъ самоувѣренной, рѣшительной походкой, говорятъ, что онъ «ходитъ козыремъ». Были еще въ ходу длинные и широкіе запашные кафтаны, такъ называемые с т а н о в ы е, и т у р с к і е кафтаны, тоже широкіе и длинные, изъ турецкой шелковой узорчатой матеріи, или даже златотканой. Турскій кафтанъ носился обыкновенно съ опояской.

Кафтанъ былъ домашней одеждой. Принять въ немъ почетнаго гостя или явиться въ гости наши предки сочли бы большимъ невѣжествомъ. Приличіе требовало поверхъ кафтана надѣть ферязь. Это былъ родъ длиннаго почти до ступней кафтана безъ перехвата, съ длинными рукавами; застегивалась ферязь спереди петлицами и пуговицами; она дѣлалась изъ шелковыхъ матерій, изъ бархата, изъ парчи, а попроще изъ сукна да изъ бумажныхъ матерій. Ферязь соотвѣтствовала нашему сюртуку, такъ что сверхъ нея, выходя изъ дому,

Нарядный кафтанъ.

Обыкновенный кафтанъ.

всякій надѣвалъ лѣтомъ опашень, или охабень, а осенью и вообще въ ненастье однорядку,—они такое же значеніе имѣли, какъ теперь плащи (см. рис. на стр. 335). Въ опашняхъ подъ длинными рукавами дѣлались прорѣхи, куда просовывались руки, а свободные рукава откидывались назадъ и тамъ завязывались; назади опашни украшались перѣдко откиднымъ воротникомъ, богато убраннымъ подобно козырю. Опашни дѣлались изъ шелковыхъ дорогихъ матерій, иногда златотканныхъ, узорчатыхъ, а однорядки по большей части были изъ сукна. Для дороги служили суконные охабни съ капишонами;

къ дорожнымъ же плащамъ надо отнести ферезеи и епанчи, обыкновенно изъ грубыхъ суконъ или изъ верблюжьей шерсти. Были епанчи и нарядныя, изъ драгоцѣнной матеріи, подбитыя дорогимъ мѣхомъ, безъ рукавовъ,—надѣвали ихъ въ накидку. Они считались щегольскими плащами во время верховой ѣзды и употреблялась боярами въ торжественныхъ случаяхъ. Къ числу парадныхъ одеждъ надо отнести особый видъ ферези—платно; оно дѣлалось изъ дорогой золотной ткани и богато украшалось по разрѣзу и по краямъ. Щегольскимъ нарядомъ особенно для молодыхъ людей считался тер-

Кафтанъ турскій.

Обыкновенный боярскій кафтанъ.

Опашень.

ликъ, ферезь съ легкимъ перехватомъ (тальей). Но самымъ нарядным платьемъ считались шубы. Ничѣмъ русскіе люди не могли похвалиться такъ предъ иноземцами, какъ превосходными мѣхами; они то и составляли самую цѣнную часть шубы, которая покроемъ походила на охабень или однорядку; бывали даже у бояръ нагольныя шубы, т. е. ничѣмъ не покрытыя; но обыкновенно онѣ покрывались сукномъ или дорогими шелковыми узорчатыми матеріями, нерѣдко золотными (родъ парчи). Шубы носили не только на улицахъ въ

холодную пору, но иногда и въ теплое время; случалось, что и въ комнатахъ сидѣли при гостяхъ въ шубахъ, чтобы выставить на показъ свое богатство. Обыкновенныя, такъ называемыя русскія шубы застегивались спереди пуговицами или завязывались длинными шнурами. Изъ высшаго сословія многіе носили шубы турскія съ широкими рукавами до кистей рукъ или съ двойными рукавами; изъ нихъ одни были для рукъ и оканчивались выше локтя, а другіе, весьма длинные, висѣли назади для украшенія. Съ конца

Кафтанъ становой.

Утренній шелковый кафтанъ.

XVII стали входить въ употребленіе широкія польскія шубы безъ воротника и безъ пуговицъ. У богатыхъ людей на шубы шли дорогія собольи и лисьи мѣха; у лицъ средняго состоянія—куньи и бѣличьи, у бѣдныхъ—заячьи да овчинныя. Простой народъ носилъ, какъ и теперь, овчинные нагольные тулупы. Множество дорогихъ мѣховъ въ домѣ было лучшимъ признакомъ богатства: ихъ давали въ подарки, въ приданное за дочерьми. Кромѣ шубъ нарядныхъ, у богатыхъ людей были шубы попроще, санныя,—для дороги.

Необходимою принадлежностью одежды были пояса. Кромѣ опоясокъ на рубахахъ, пояса или кушаки носились на кафтанахъ. Ходить неопоясаннымъ считалось неприличнымъ. У богачей пояса дѣлались изъ дорогихъ матерій и украшались драгоцѣнными камнями.

Подражая восточнымъ обычаямъ, зажиточные люди встарину обыкновенно очень коротко стриглись и носили родъ фесокъ, такъ называемыя тафьи, небольшія шапочки, закрывающія только макушку. Онѣ вышивались шелками, золотомъ, а иногда унизывались

Польская шуба.

Платно.

жемчугомъ; носили ихъ только въ комнатѣ. Обыкновенной шапкой служилъ остроконечный колпакъ, у богатыхъ изъ атласа, по большей части бѣлаго съ околышкомъ, унизаннымъ золотыми пуговками и жемчугомъ; а зимою колпаки подбивались мѣхомъ, который выворачивался частію наружу, образуя широкую опушку. Простой народъ лѣтомъ носилъ невысокіе колпаки изъ бѣлаго войлока, а зимой изъ толстаго сукна и на мѣху. Самымъ важнымъ головнымъ убором былн высокія мѣховыя шапки, такъ называемыя горлатныя

(мѣхъ на нихъ шелъ съ горла животныхъ); ихъ носили только князья да бояре.

Если въ покроѣ одежды въ старину не было почти никакого различія между сословіями, то нельзя сказать того же о шапкахъ: по нимъ можно было отличить положеніе человѣка въ обществѣ. Высокія шапки означали высокій санъ боярина. Простые люди не только не могли надѣть горлатной шапки, но даже колпаки должны были дѣлать съ небольшими верхами. «По Сенькѣ и шапка», до

Бояре въ шубахъ.

Турскія шубы и шапки горлатныя. Русская шуба и колпакъ.

сихъ поръ говоритъ нашъ народъ. Въ торжественныхъ случаяхъ бояринъ надѣвалъ на тафью колпакъ, а на него горлатную шапку. Случалось, что бояре сидѣли во всѣхъ этихъ шапкахъ и за столомъ. Кромѣ этихъ уборовъ, употреблялись иногда еще низкія четырехугольныя шапки съ мѣховымъ околышкомъ. Шапка повыше этой съ плоской тульей, къ низу расширявшейся, опушенная мѣхомъ, иногда съ различными украшеніями, называлась мурмолкой и считалась предметомъ щегольства. Всѣ головные уборы обыкновенно

разнообразились украшеніями изъ драгоцѣнныхъ камней и жемчуга, кистями, запонами и проч.

Обувь тоже была у богатыхъ людей щегольская. Остроносые чоботы (полусапожки), къ каблукамъ которыхъ подбивались скобы, иногда серебряныя, сапоги съ высокими голенищами и башмаки дѣлались у богатыхъ изъ юфти и сафьяна разныхъ цвѣтовъ, чаще всего краснаго и желтаго, и по большей части богато украшались серебрянымъ или золотымъ шитьемъ, унизывались

Московскіе щеголи XVII ст.

Турскій кафтанъ и шапка мурмолка. Терликъ и шапка мурмолка.

жемчугомъ. При башмакахъ, которыя носили не только женщины, но и мущины, употреблялись такъ называемые ичетыги (иначе ичеготы, или ноговицы); это были сафьянные чулки, тоже богато украшенные шитьемъ и жемчугомъ.

Мужская старинная одежда, благодаря своей длинѣ и украшеніямъ, во многомъ напоминала женскую. Женщины поверхъ длинной рубахи бѣлаго или краснаго цвѣта, съ пристегнутыми къ рукавамъ запястьями, вышитыми золотомъ и унизанными жемчугомъ,

надѣвали лѣтникъ, довольно длинную одежду, не доходившую впрочемъ до пятъ, съ очень длинными рукавами, которые вышивались золотомъ и по краямъ унизывались жемчугомъ. Лѣтники по подолу обшивались иной матеріей съ золотой тесьмой и бахрамой и застегивались спереди до самаго горла. Зимнія, подобныя лѣтникамъ одѣянія (картели), подбивались мѣхомъ. У богатыхъ лѣтники дѣлались изъ очень дорогихъ шелковыхъ матерій съ вошвами изъ другихъ тканей. Къ вороту лѣтниковъ пристегивалось ожерелье, какъ

Старинная боярская одежда.
Опашень. Лѣтникъ. Ферязь.

къ мужскимъ кафтанамъ. Верхней женской одеждой былъ длинный опашень, съ частыми пуговицами отъ верху до низу; дѣлался онъ обыкновенно изъ сукна красныхъ цвѣтовъ съ рукавами до пятъ; но у плечей были прорѣзы, въ которые просовывались руки, а рукава висѣли; такимъ образомъ выставлялись наружу украшенные рукава лѣтника, а изъ подъ нихъ запястья рубахи. По краямъ подола и разрѣза опашни окаймлялись кусками другой матеріи, вышитой шелками и золотомъ.

Къ женской одеждѣ относятся ферези, сарафаны и такъ называемыя душегрѣи; онѣ по виду своему походили на употребляемыя и до сихъ поръ.

Мѣховыя женскія шубы дѣлались на соболяхъ, куницахъ, лисицахъ, горностаяхъ, бѣлкахъ, зайцахъ, смотря по достатку, и покрывались сукнами и шелковыми тканями разныхъ цвѣтовъ, въ томъ числѣ и бѣлаго. Съ XVII вѣка часто шубы покрывались цвѣтными матеріями съ золотыми узорами. Края шубы спереди застегивались

Терликъ. Душегрѣйка и кика. Однорядка.

пуговицами и окаймлялись золотымъ кружевомъ, которое шло и по нижнему краю. Богато украшались также края рукавовъ у шубы. Кромѣ опашней и шубъ, въ числѣ верхней женской одежды упоминаются охабни, однорядки, тѣлогрѣи, которыя женщины носили обыкновенно съ поясомъ. При большихъ торжествахъ богатыя женщины на свое платье еще набрасывали родъ богатой мантіи (приволоки) безъ рукавовъ; она дѣлалась обыкновенно изъ дорогихъ матерій и по краямъ роскошно украшалась.

Женскою обувью были башмаки и чоботы такого же вида, какъ

у мужчинъ, но обыкновенно еще болѣе украшенные узорами и жемчугомъ. Чоботы были на очень высокихъ каблукахъ. Простолюдинки носили иногда и сапоги. Такимъ образомъ, женская обувь мало чѣмъ отличалась отъ мужской.

Болѣе всего отличалась женщина отъ мужчины головнымъ уборомъ. Замужнія женщины носили на головахъ волосники, или подубрусники (повойники), родъ шапочекъ изъ шелковой матеріи, по краю ихъ дѣлались обшивки, которыя унизывались жемчугомъ

Женскіе головные уборы.
Кокошники съ рясками.

Головные уборы простолюдинокъ.

и драгоцѣнными камнями. Для замужней женщины, по стариннымъ понятіямъ, считалось большимъ позоромъ и грѣхомъ открыть волосы, «опростоволоситься» (до сихъ поръ это выраженіе въ переносномъ смыслѣ означаетъ попасть въ просакъ, въ неловкое положеніе);—и потому женщины старательно скрывали свои волосы подъ волосники, стягивая ихъ по краямъ иногда очень туго. Въ Новгородской области у замужнихъ женщинъ вошло было въ обычай—брить себѣ головы, но церковь не одобрила его, и онъ мало по малу былъ оставленъ. Волосникъ покрывался платкомъ (убрусомъ), обыкновенно

бѣлымъ, концы котораго густо унизывались жемчугомъ. Таковъ былъ обычный, домашній уборъ. Отправляясь въ церковь или въ гости, женщины надѣвали кику, родъ шапки съ возвышенной плоскостью спереди (кичнымъ челомъ), которая у богатыхъ людей украшалась золотомъ, жемчугомъ и драгоцѣнными камнями. Задняя часть этого убора дѣлалась обыкновенно изъ шелковой плотной матеріи, изъ соболинаго или боброваго мѣха. По краямъ кики спа-

Старинные головные уборы женщинъ и дѣвицъ,
(тихвинскіе и бѣлозерскіе).

дали жемчужныя нити или жемчужная бахрома (ряски, или поднизь). Видоизмѣненіемъ кики являются кокошники; они были весьма разнообразны и по виду, и по украшеніямъ. Многіе изъ древнихъ головныхъ уборовъ уцѣлѣли до сихъ поръ въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи у богатыхъ крестьянокъ и мѣщанокъ.

При выѣздахъ женщины надѣвали обыкновенно бѣлыя шляпы съ полями, тоже украшенныя жемчугомъ и камнями, а также нерѣдко

носили шапки изъ чернаго бархата или другой матеріи, отороченныя дорогимъ мѣхомъ. Дѣвицы носили вѣнцы самаго разнообразнаго вида: въ видѣ городской зубчатой стѣны, въ видѣ теремовъ и проч. На вѣнцахъ тоже были всевозможныя дорогія украшенія, а съ краю—поднизи изъ жемчуга. Дѣвичій вѣнецъ былъ всегда безъ верха: въ противоположность замужнимъ женщинамъ, дѣвицы не должны были закрывать свои волосы. Часто вѣнцы состояли изъ широкой повязки, вышитой золотомъ и усаженной жемчугомъ; она съуживалась на затылкѣ и связывалась лентами, спадавшими на спину. Зимой дѣвицы покрывали голову мѣховыми шапками разнаго вида, между прочимъ высокою шапкой собольей или бобровой, съ верхомъ изъ шелковыхъ тканей: она называлась столбунцомъ; изъ подъ нея выпадали на спину волосы, заплетенные въ одну или въ двѣ косы, а нѣкоторыя носили волосы, распущенные по плечамъ. Дѣвушки простого званія надѣвали простенькія повязки, которыя къ затылку съуживались и кончались длинными концами. Въ знакъ печали женщины и дѣвицы стригли себѣ волосы, а мужчины наоборотъ отращивали ихъ.

Въ рукахъ у женщинъ былъ обыкновенно платокъ (ширинка); у богатыхъ—шелковый съ золотыми каймами и кистями. Мужчины по большей части обходились безъ платковъ подобно простолюдинамъ нашего времени.

Рукавицы и рукавицы перщатыя (т. е. съ перстами,—перчатки) менѣе были въ ходу въ старину, чѣмъ въ наше время: длинные рукава ферязей и опашней достаточно закрывали руки отъ холоду. Лѣтомъ женщины и дѣвушки носили солнешники (зонтики); мужчины же обыкновенно имѣли въ рукахъ посохи и трости.

Изъ всего сказаннаго видно, какъ своеобразна и роскошна была праздничная одежда богатыхъ русскихъ людей въ старину. По своему покрою она была очень проста и близко подходила къ народной одеждѣ, но въ различныхъ украшеніяхъ и частяхъ, а также и въ головныхъ уборахъ, сказалось сильно вліяніе византійской и азіатской роскоши. Шелкъ, атласъ, бархатъ, златотканныя (золотныя) матеріи, тяжелыя парчи—вотъ что служило матеріаломъ для одежды; золотыя и серебряныя тесьмы (позументъ), бахрома, кружева (аграманты), жемчугъ, драгоцѣнные камни,—правда, большею частію не очень высокаго достоинства,—шли на отдѣлку ея.

Необычайнымъ великолѣпіемъ отличалось, конечно, царское одѣяніе, особенно—такъ называемый большой царскій нарядъ, въ который государь облачался во время торжественныхъ пріемовъ и

выходовъ въ большіе праздники. Шапка, оплечіе (бармы), платно и даже сапоги у царя сіяли золотомъ и жемчугомъ, играли изумрудами и яхонтами...

Сверхъ блистающей одежды носили въ старину еще множество украшеній: различныя ожерелья, мѣховыя, жемчужныя, изъ драгоцѣнныхъ камней, шейныя золотыя цѣпи, перстни, кольца считались необходимою принадлежностью мужскаго и женскаго наряда. Женщины прибавляли къ этому еще обручи (браслеты) и серьги. На одежды обыкновенно брались ткани яркихъ цвѣтовъ: краснаго, желтаго, зеленаго, особенно любимымъ былъ — червчатый (фіолетовый). Все это на нашъ взглядъ покажется пестро и безвкусно, но вкусы бываютъ разные, а нашъ народъ и до сихъ поръ въ одеждѣ предпочитаетъ яркіе цвѣта неопредѣленнымъ и тусклымъ, любитъ пестроту и блескъ, такъ что древняя боярская одежда мужская и женская была вполнѣ въ народномъ вкусѣ. По большей части одежды кроились и шились дома; хорошія хозяйки даже стыдились отдавать работу на сторону. Покрой былъ незамысловатый: платье вообще было длинно, широко, безъ перехватовъ, съ длинными рукавами, стало быть, примѣрять да пригонять его долго не приходилось. Русскій человѣкъ въ старину мало обращалъ вниманія на то, чтобъ платье хорошо сидѣло, и доволенъ былъ, если матеріалъ былъ хорошъ да работа прочна: было бы «хоть не ладно скроено, да крѣпко сшито».

Дорогая одежда была, какъ сказано, главнымъ предметомъ домашняго богатства. У зажиточныхъ, домовитыхъ хозяевъ стояли въ кладовыхъ сундуки и скрыни, полные всякимъ добромъ: шубами, опашнями, кафтанами и пр. Все это хранилось бережно, употреблялось только въ большіе праздники; въ обычное время даже и богатые люди одѣвались довольно просто. Благодаря этому, дорогая одежда сохранялась долго, переходила по наслѣдству отъ одного поколѣнія къ другому, доходила до внуковъ и правнуковъ. Покрой одежды въ тѣ времена цѣлыми столѣтіями оставался одинъ и тотъ же, такъ что внукъ могъ носить одежду дѣда; а если и ветшали ткани, то все же самое цѣнное на старинной одеждѣ не старѣло: дорогіе мѣха, золотыя кружева, жемчугъ, драгоцѣнные камни,—все это сохраняло свою красоту и цѣнность. Если принять во вниманіе крайнюю бережливость нашихъ предковъ и устойчивость въ покроѣ одежды, то, кто знаетъ, — быть можетъ, необычайная роскошь нашей старины не вызывала такой расточительности, какъ нынѣшняя, съ каждымъ годомъ мѣняющаяся одежда,—особенно женская. Имѣть

богатое платье считалось въ старину обязательнымъ для всякаго сколько нибудь достаточнаго человѣка, если онъ хотѣлъ, чтобы съ нимъ знались хорошіе люди: «по платью принимаютъ, а по уму провожаютъ», говоритъ пословица. Даже бѣдные люди иногда брали на-прокатъ за деньги хорошее платье у сосѣдей, когда являлась надобность поддержать свое достоинство. Изъ царской казны, какъ извѣстно, во время пріѣзда иноземныхъ пословъ и пріема ихъ выдавались нарядныя одежды дьякамъ и разнымъ мелкимъ придвор-

Старинная лѣтняя одежда зажиточныхъ женщинъ.

нымъ, чтобы иностранцы получили выгодное понятіе о русскихъ. Въ числѣ царскихъ подарковъ приближеннымъ очень часто упоминается цѣнная одежда всякаго рода или матерія на нее.

Богатство и своеобразная красота русской старинной одежды удивляли иныхъ иноземцевъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ очевидно было и неудобство ея: большая тяжесть, непомѣрная ширина и длина ея и рукавовъ, конечно, сильно стѣсняли движенія. Что нибудь дѣлать «спустя рукава» было совсѣмъ неловко (отсюда и до сихъ поръ это выраженіе означаетъ небрежную работу); чтобы высвободить

руку, если не было прорѣхи подъ рукавомъ, надо было собрать его въ складки, но тогда трудно было согнуть руку,—словомъ, для работящаго или дѣятельнаго человѣка русскіе охабни и шубы были совсѣмъ неудобны. Простолюдинъ носилъ одежду полегче, покороче, съ короткими рукавами, а при работѣ сбрасывалъ обыкновенно верхнее платье, если оно было, и оставался въ одномъ зипунѣ, а лѣтомъ — въ одной рубахѣ. Тяжеловѣсная, широкополая одежда, рукава, висящіе до пятъ, да высокая горлатная шапка

Старинная зимняя одежда зажиточныхъ женщинъ.

были подъ стать только боярамъ, когда они медленно и важно выступали въ какомъ нибудь торжественномъ шествіи или чинно сидѣли на лавкахъ вдоль стѣнъ царской палаты при пышномъ пріемѣ иноземныхъ пословъ.

Къ самому концу XVII вѣка замѣчается уже нѣкоторое иноземное вліяніе на русскую одежду, особенно мужскую: она становится короче, проще и удобнѣе. Такое новшество вводить въ одежду позволяли себѣ, конечно, лишь такъ называемые передовые люди.

Дородство, полное бѣлое лицо, длинная окладистая борода считались признаками настоящей боярской красоты: они свидѣтельствовали о довольствѣ, сытой, спокойной жизни, нѣгѣ и холѣ. Красивая женщина, по взгляду нашихъ предковъ, тоже должна была отличаться дородствомъ, бѣлизной лица и рукъ и алымъ румянцемъ щекъ. Установился даже обычай у женщинъ бѣлиться и румяниться, при томъ такъ, чтобы «лицо было какъ снѣгъ бѣло, а румянецъ алъ какъ маковъ цвѣтъ», по выраженію народной пѣсни;

Русская одежда конца XVII и начала XVIII ст.

подкрашивались также брови и рѣсницы. Все это дѣлалось даже и тѣми, которыхъ ни въ чемъ природа не обидѣла, которымъ никакой надобности не было ни въ бѣлилахъ, ни въ румянахъ. Всѣ должны были краситься—такъ требовалъ укоренившійся неизмѣнный обычай. Это было необходимой принадлежностью наряда и не сдѣлать этого было, по старинным понятіямъ, такъ же неприлично, какъ въ наше время идти въ гости, напр., нечесаннымъ. Тутъ вовсе не имѣлось въ виду ввести кого-либо въ заблужденіе: всѣ знали, что женщины обязательно красятся. Притомъ дѣлалось это такъ не-

искусно, что всякій могъ ясно видѣть на лицѣ бѣлила и румяна. Обычай былъ такъ силенъ, что и церковь, которая сильно вооружась противъ него, ничего не могла сдѣлать. Одна красавица-боярыня Черкасская попробовала было обойтись безъ румянъ, но подверглась сильнымъ насмѣшкамъ и принуждена была подчиниться нелѣпому обычаю.

«Красна изба не углами, а пирогами», говоритъ хлѣбосольный русскій человѣкъ, любящій угостить гостя на славу. «Гости пришли!» — кричитъ гостепріимный хозяинъ своей хозяйкѣ,— «все на столъ мечи, что есть въ печи!» Понятно, что при такихъ наклонностяхъ предки наши не могли оставить безъ вниманія такую важную статью въ хозяйствѣ, какъ питья и кушанья. Званые обѣды всегда отличались огромнымъ количествомъ блюдъ: за царскимъ столомъ ихъ подавались цѣлыя сотни; за боярскимъ—до пятидесяти и болѣе. Русскій человѣкъ умѣлъ поститься; но за то умѣлъ и покушать въ скоромные дни. Конечно, все это касается зажиточныхъ и богатыхъ людей: бѣдняки были неразборчивы въ пищѣ, какъ и простонародье въ наше время. У богатыхъ составлялись росписи, кушаньевъ впередъ на цѣлый годъ, сообразно съ церковными праздниками, мясоѣдами и постами. Посты обыкновенно свято соблюдались.

Всѣ кушанья, какъ постныя, такъ и скоромныя, можно раздѣлить на печеныя, вареныя и жареныя. Хлѣбъ русскіе ѣли болѣе всего ржаной, предпочитая его пшеничному; послѣдній считался какъ бы лакомствомъ, особенно пшеничные калачи. (Отсюда и пословица: «и калачемъ не заманишь»). Въ народѣ было въ большомъ ходу толокно (овсяная мука), употребляемое съ водой. Любимымъ кушаньемъ были пироги разныхъ видовъ и сортовъ, большинство которыхъ и до сихъ поръ у насъ въ ходу. Изъ тѣста приготовляли сдобные хлѣбы—такъ называемые короваи, блины, аладьи. Иногда аладьи пеклись громадныхъ размѣровъ и назывались приказными, потому что ихъ приносили приказнымъ людямъ въ подарки. Блины въ старину не были такой принадлежностью масляницы, какъ теперь, а необходимымъ кушаньемъ въ эту пору считались пироги съ сыромъ и хворостъ,—тѣсто, жареное въ маслѣ тонкими пластинками.

Разнаго рода мясо или варилось, или жарилось. Вареное давалось въ щахъ, или штяхъ, со свѣжей или кислой капустой. Къ штямъ подавалась обыкновенно гречневая каша. Къ жидкимъ ку-

шаньямъ относились также уха, разсолъ и звaръ. Ухой назывался супъ или похлебка, обыкновенно приправленная разными пряностями—гвоздикой, перцомъ и проч. Разсолъ походилъ на теперешнюю солянку; говядина варилась въ огуречномъ разсолѣ, который тоже приправлялся пряностями. Соусы всякаго рода назывались зварами.

Изъ мясныхъ жареныхъ кушаній чаще всего упоминается баранина. Свѣжей говядины русскіе въ старину ѣли мало, предпочитали солонину; свиное мясо солилось и коптилось; ветчина шла въ шти, а голову и ноги ѣли подъ студнемъ съ чеснокомъ и хрѣномъ; изъ кишекъ дѣлали колбасы. Любили русскіе зайцевъ подъ разными зварами, особенно сладкими; но были люди, которые считали зайцевъ нечистыми; также чуждались оленины и лосины; но за царскими и боярскими обѣдами они подавались. Птица всякаго рода, и домашняя, и дикая, потреблялась въ разныхъ видахъ. Куры, гуси, утки, журавли, лебеди, цапли, тетерева, рябчики, куропатки, перепела, жаворонки — подавались и просто жареныя, и подъ разными приправами. Всякой дичи въ старину при обиліи лѣсовъ было пропасть; но русскіе неособенно любили ее. Изъ мясныхъ кушаньевъ было любопытное блюдо, называемое похмѣлье: это ломтики холодной баранины съ мелкоискрошенными огурцами, огуречнымъ разсоломъ, уксусомъ и перцомъ. Кушанье это такъ названо потому, что ѣли его обыкновенно на похмѣлье.

Русскія рѣки и озера доставляли громадное количество всякой рыбы: судаковъ, щукъ, окуней, карасей, ершей и пр. Съ сѣвера привозили въ Москву лососей, съ Волги — бѣлужину, стерлядей. Рыбу ѣли въ разныхъ видахъ: свѣжую—вареную или жареную, затѣмъ соленую, сушеную, провѣсную, копченую. Въ Москву по большей части привозилась уже соленая рыба. Свѣжую рыбу привозить при дурныхъ дорогахъ было трудно и употреблялась она за царскимъ столомъ да у богатыхъ бояръ. Изъ рыбы готовились шти, уха и разсольное. Въ шти иногда клали сушеную рыбу, истертую въ порошокъ. Изъ тертой же рыбы разнаго рода, смѣшанной съ крупами или пшеномъ, готовилась такъ называемая рыбная каша. Рубленную мелкую рыбу смѣшивали съ мукой, обливали орѣховымъ масломъ, клали пряности и пекли, — это называли рыбнымъ кораваемъ. Икра паюсная осетриная и изъ бѣлорыбицы была любимымъ кушаньемъ, свѣжая зернистая считалась роскошью.

Въ тѣ постные дни, когда и рыбу ѣсть считалось грѣхомъ, ѣли капусту, свеклу съ постнымъ масломъ и уксусомъ, пироги съ

горохомъ, съ грибами и проч., разныя каши, аладьи, овощи, горохъ въ разныхъ видахъ: вареный, тертый и проч. Ко всякимъ кушаньямъ русскіе любили примѣшивать въ изобиліи пряныя приправы,— особенно лукъ, чеснокъ и шафранъ, что очень не нравилось иноземцамъ.

Лакомствами служили всякіе плоды, свѣжіе или же приготовленные въ патокѣ, или моченые; такъ приготовляли яблоки и груши. Изъ яблокъ и ягодъ дѣлались постилы. Варили рѣдьку въ патокѣ, а также разные привозные плоды, изюмъ, смоквы и пр. Обычное лакомство былъ взваръ изъ винныхъ ягодъ, фиников, изюму, вишенъ и проч., съ прибавкой въ большомъ количествѣ гвоздики, кардамона, инбиря и проч., все это варилось или на меду, или на сахарѣ, или на патокѣ. Всякія пряники, коврижки были давнишнимъ русскимъ издѣліемъ. Сахаръ и леденцы привозились изъза границы, были дороги и служили роскошью царскихъ и боярскихъ столовъ. На царскихъ пирахъ ставились на столъ сдѣланныя изъ сахара изображенія орловъ, голубей, башенъ, городовъ, теремовъ и пр.

Необходимою принадлежностью обѣдовъ были, конечно, разные напитки: квасъ, водка, медъ, пиво и виноградныя вина. Квасъ пили всѣ—отъ царя до простолюдиновъ; всюду въ посадахъ встрѣчались квасоварныя заведенія, квасники и квасныя лавочки; въ монастыряхъ квасъ тоже былъ обычнымъ питьемъ братіи. Кромѣ простаго житнаго кваса, были квасы медвяные и ягодные. Самымъ лучшимъ русскимъ напиткомъ считался медъ. Заѣзжавшіе въ Россію иноземцы очень хвалятъ его. Меды были вареныя, ставленые и ягодные всевозможныхъ сортовъ; старые, стоявшіе по нѣскольку десятковъ лѣтъ въ засмоленныхъ бочкахъ, были иногда такъ хмѣльны, что, выпивши стаканъ, трудно было устоять на ногахъ. Къ прохладительнымъ напиткамъ относились морсы изъ разныхъ ягодъ и березовецъ,—сокъ, добываемый изъ березъ въ апрѣлѣ. Русская водка приготовлялась изъ ржи, пшеницы и ячменя и дѣлилась на нѣсколько сортовъ: простое вино, вино доброе, вино боярское, двойное (т. е. крѣпкое) и пр. Для женскаго пола готовилась водка сладкая на патокѣ. Кромѣ того, изъ водки готовились всевозможныя настойки. Водку пили и предъ обѣдомъ, и за обѣдомъ, и послѣ,— во всякое время.

Иностранныя вина въ XVI вѣкѣ были достояніемъ только знатныхъ и богатыхъ лицъ, но въ XVII вѣкѣ въ Москвѣ были уже погреба, гдѣ продавались для всѣхъ всякія заморскія вина, больше

всего въ ходу были греческое вино, церковное, мальвазія, бастръ, венгерское, бѣлое и красное французское, ренское и романея.

При Михаилѣ Ѳеодоровичѣ въ числѣ напитковъ появляется въ Москвѣ чай, присланный въ даръ отъ одного монгольскаго хана. Во второй половинѣ XVII вѣка знатные люди его иногда пили какъ лѣкарство, будто бы предохраняющее отъ простуды и дурныхъ послѣдствій пьянства; никто тогда и не предвидѣлъ, какимъ любимымъ русскимъ напиткомъ сдѣлается это лѣкарство. Кофе сталъ извѣстенъ русскимъ чрезъ голландцевъ, вѣроятно, нѣсколько раньше чая.

Распорядокъ повседневной жизни.

Дневныя занятія. — Выѣзды. — Пріемы гостей. — Пиры. — Крестьянскія братчины.

День у предковъ нашихъ распредѣлялся иначе, чѣмъ въ наше время. Лѣтомъ всѣ, и знатные, и простые люди, вставали обыкновенно съ восходомъ солнца, а осенью и зимою за нѣсколько часовъ до разсвѣта.

Счетъ часовъ у русскихъ былъ въ старину византійскій: сутки дѣлились на дневные и ночные часы; съ восходомъ солнца начинался день и считался первый дневной часъ, а часъ заката былъ первымъ часомъ ночи. Лѣтомъ, когда были самые долгіе дни, дневныхъ часовъ насчитывалось семнадцать, ночныхъ — семь; а зимой наоборотъ.

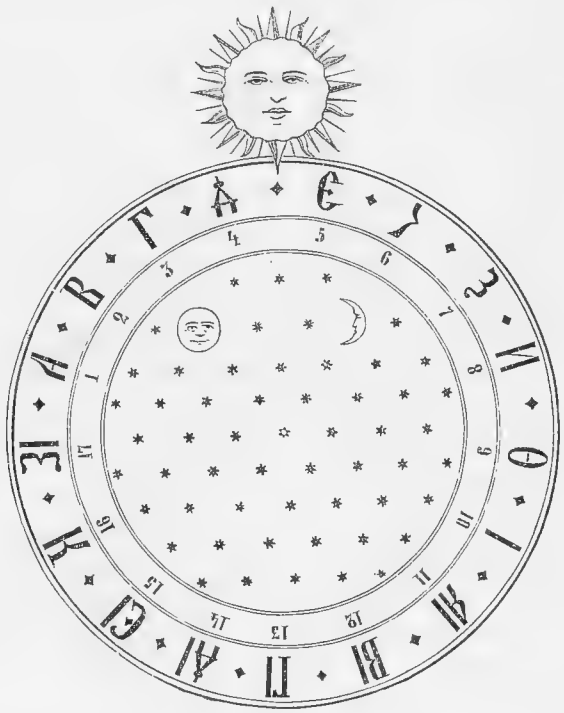
Къ этому счету были приноровлены въ Москвѣ и главные часы на Спасской башнѣ въ Кремлѣ. (Находящееся на верху изображеніе солнца, прикрѣпленное неподвижно, показывало часъ на вращающемся досчатомъ кругѣ съ обозначеніемъ цифръ).

Предки наши старались уподобить свою жизнь монастырской, и счетъ часовъ у нихъ совпадалъ съ богослуженіями: въ исходѣ ночи предъ самымъ наступленіемъ утра отправлялась заутреня; богослужебные часы — первый, третій, шестой и девятый какъ разъ совпадали съ тѣми же дневными часами, а вечерня означала конецъ дня.

Проснувшись, русскій человѣкъ, прежде всего обращалъ глаза къ образу и крестился; затѣмъ, вставши, умывался, одѣвался и опять приступалъ къ молитвѣ; въ праздникъ, старался встать пораньше и поспѣть къ заутрени до начала службы. У достаточныхъ людей, у которыхъ была въ домѣ крестовая комната, каждый день съ восходомъ солнца зажигались лампады и свѣчи, курили ладономъ, сходилась вся семья и прислуга, — и хозяинъ, какъ домовла-

дыка, читалъ громко утреннія молитвы. Нерѣдко такимъ образомъ у болѣе благочестивыхъ людей прочитывались заутреня и часы, а у тѣхъ бояръ, у которыхъ были домовыя церкви, ежедневно совершались всѣ службы, и священникъ послѣ заутрени кропилъ святою водою всю семью и дворню.

Послѣ молитвы всѣ отправлялись къ своимъ обычнымъ занятіямъ. Хозяйка дома держала совѣтъ съ мужемъ, какъ провести наступающій день, затѣмъ заказывала кушанья, распредѣляла ра-



Старинные часы на Спасской башнѣ (по Мейербергу).

боты прислугѣ. Въ домахъ болѣе знатныхъ людей хозяйствомъ завѣдовалъ дворецкій и ключникъ, обыкновенно изъ болѣе довѣренныхъ холоповъ; въ такомъ случаѣ жена, послѣ утренней молитвы, шла въ свою свѣтлицу и принималась за вышиваніе золотомъ или шелкомъ въ кругу своихъ служанокъ-золотошвеекъ. Хозяинъ же обходилъ весь дворъ,—смотрѣлъ, все-ли въ порядкѣ въ конюшнѣ, на скотномъ дворѣ и пр., затѣмъ призывалъ дворецкаго, слушалъ его доклады, дѣлалъ распоряженія... Послѣ этихъ домашнихъ дѣлъ хозяинъ принимался за свои обычныя занятія: купецъ шелъ въ свою

лавку, приказный—въ должность, боярин—къ государю. Приступая къ дѣлу, русскій обыкновенно мылъ руки, троекратно крестился, а если можно было, то принималъ благословеніе священника.

Въ шестомъ часу дня (по нашему теперешнему счету въ десять часовъ) служились обѣдни. Цари, какъ извѣстно, ежедневно ходили съ боярами и думными людьми въ церковь; старались слѣдовать этому примѣру и служилые люди, и купцы; по воскреснымъ днямъ и праздникамъ церкви наполнялись толпами молящихся.

Обѣдали въ полдень. Домовитые и семейные люди—дома, а холостые и пріѣзжіе обыкновенно – въ харчевняхъ. Цари и знатныя лица обѣдали въ своихъ покояхъ отдѣльно отъ женъ и дѣтей. При царскомъ дворѣ всякое кушанье долженъ былъ прежде всѣхъ отвѣдать поваръ на глазахъ дворецкаго, который приходилъ съ толпою жильцовъ за каждой перемѣной; затѣмъ жильцы несли кушанье въ столовую, а здѣсь крайчій обязанъ былъ тоже отвѣдать и ставить предъ царемъ. У знатныхъ людей въ поварнѣ при отпускѣ кушаньевъ находился ключникъ, а дворецкій—при столѣ, у поставца съ посудой, который стоялъ противъ стола. Ключникъ и дворецкій разрѣзывали кушанье на куски, отвѣдывали, и тогда уже слуги ставили ихъ передъ господиномъ и гостями. У людей незнатныхъ дѣло обходилось, конечно, безъ всѣхъ этихъ затѣй.

Предъ началомъ обѣда обыкновенно пили водку, закусывая хлѣбомъ. Затѣмъ приносились кушанья, сначала холодныя, мясныя или рыбныя съ разными приправами, потомъ шли жидкія горячія кушанья, шти, уха, разсольникъ и проч., далѣе жаркія разныхъ сортовъ, за ними всевозможные звары (соусы) и молочныя кушанья; наконецъ — лакомства, сладкія печенья, а затѣмъ—разные плоды. Въ постные дни соблюдался тотъ же порядокъ въ постныхъ блюдахъ: сначала подавали холодную рыбу, потомъ рыбную уху, жареную рыбу, звары и плоды.

Послѣ обѣда всѣ ложились отдыхать. Въ каждомъ домѣ были широкія скамьи съ изголовьями, приспособленныя для спанья. Послѣобѣденный сонъ требовался обычаемъ, отъ котораго отступать считалось чуть ли не грѣхомъ. Если принять въ разсчетъ, что предки наши вставали съ разсвѣтомъ, то отдыхъ среди дня послѣ довольно продолжительнаго труда, былъ для рабочаго человѣка необходимъ, а богатыхъ людей располагалъ ко сну и сытный обѣдъ.

Отдохнувъ послѣ обѣда, всѣ снова принимались за свою обычную работу. Цари бывали у вечерни, а затѣмъ, если не случалось никакихъ важныхъ дѣлъ, отдавались удовольствіямъ. Вечеръ и въ част-

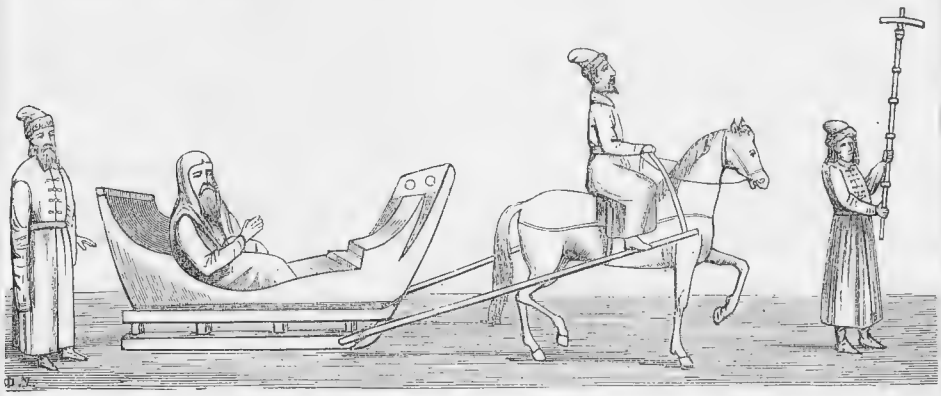
номъ быту былъ временемъ развлеченій: родные и пріятели въ эту пору обыкновенно ходили другъ къ другу въ домъ; лѣтомъ разбивались предъ жильями палатки, гдѣ и проводили время близкіе люди въ бесѣдахъ. Русскій человѣкъ считалъ необходимымъ ужинать, а послѣ ужина у благочестиваго домовладыки затепливались лампады, зажигались свѣчи передъ иконами, и совершалось вечернее моленье въ кругу всѣхъ домочадцевъ, какъ поутру.

Таковъ былъ обычный распорядокъ дня у домовитаго хозяина. Чѣмъ выше былъ человѣкъ по своему положенію, богаче и благочестивѣе, тѣмъ строже соблюдался этотъ чинъ (порядокъ) домашней жизни. Жизнь русскаго человѣка въ старину подъ давленіемъ освященнаго вѣками обычая, обращалась въ обрядъ. Особенно это ясно сказывалось въ обиходѣ царской и боярской жизни.

Даже выѣзды въ гости, пріемъ гостей, угощеніе ихъ, пиры, нарушавшіе обычное теченіе жизни,—все совершалось по разъ установленному порядку.

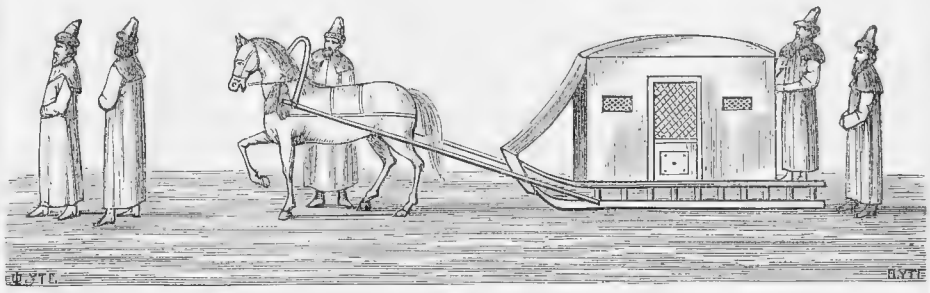
Важныя лица считали въ старину неприличнымъ для себя ходить по улицѣ пѣшкомъ, хотя бы надо было пройти нѣсколько шаговъ. Лѣтомъ бояре и дворяне обыкновенно ѣздили верхомъ, а старики—въ колымагахъ; зимою — въ саняхъ. Верховые кони у бояръ убирались очень богато: сѣдла, обитыя бархатомъ или сафьяномъ, вышитымъ золотомъ, роскошные чепраки, серебряныя цѣпи, сбруя, уздечки, позолоченныя бляхи, колокольцы и бубенцы,—все это блестѣло и гремѣло, такъ что уже издали можно было замѣтить и услышать ѣдущаго боярина, притомъ онъ время отъ времени ударялъ въ небольшія литавры, прикрѣпленныя къ сѣдлу, чтобы проходящіе сторонились и давали дорогу. Зимою богатые люди щеголяли санями, которыя обивались дорогими матеріями. На спинку саней обыкновенно набрасывали дорогой персидскій или турецкій коверъ, а сверху накидывалась медвѣжья полость. Сани были очень простого устройства и небольшія; запрягалась въ нихъ одна лошадь, тоже богато убранная цѣпочками, колечками, разноцвѣтными перьями и звѣриными хвостами, лисьими или собольими. Возница, по большей части молодой парень, сидѣлъ верхомъ на лошади и правилъ ею. Когда именитый боринъ усаживался въ сани, то въ погахъ у него становились два холопа, по бокамъ тоже шло нѣсколько человѣкъ, а сзади слѣдовалъ мальчикъ. При парадныхъ выѣздахъ царя два ближніе боярина стояли на запяткахъ, а два стольника находились по обѣ стороны, у ногъ царя, и поддерживали полость; по сторонамъ шли придворные и стрѣльцы.

Ѣзда въ саняхъ считалась почетнѣе, чѣмъ на коняхъ, и потому въ торжественныхъ случаяхъ пользовались санями и лѣтомъ, особенно духовныя лица: архіереи въ старину обыкновенно и лѣтомъ ѣзжали къ обѣднѣ въ саняхъ; впереди служка несъ посохъ, а позади шли слуги.



Архіерей въ саняхъ (по Мейербергу).

Жены и дочери бояръ ѣздили въ закрытыхъ экипажахъ, лѣтомъ—въ колымагахъ, а зимой—въ каптанахъ, которые отличались отъ первыхъ лишь тѣмъ, что были на полозьяхъ. Внутри тѣ и другіе украшались разными матеріями; въ дверцахъ, а иногда и по бокамъ дѣлались небольшія слюдяныя оконца, которыя задергивались занавѣсками. У богатыхъ бояръ эти каптаны часто были

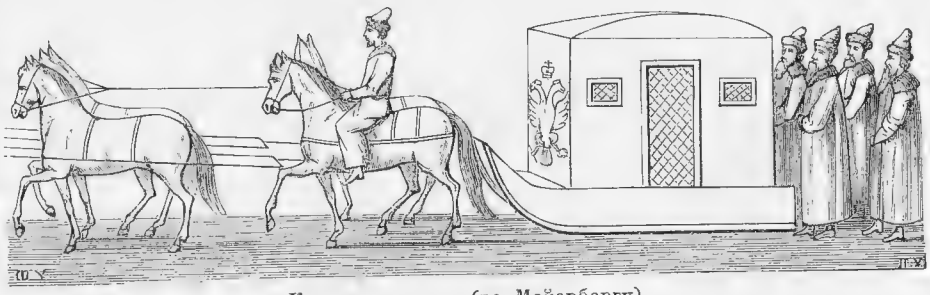


Боярская каптана (по Мейербергу).

роскошно отдѣланы золотомъ и серебромъ. Закрытая со всѣхъ сторонъ знатная боярыня или боярышня сидѣла въ колымагѣ на подушкѣ, у ногъ ея помѣщались служанки. Въ колымагу или каптану впрягалась обыкновенно одна лошадь; но случалось, что запрягалось и нѣсколько коней. Это начало входить въ обычай съ XVII ст., и то ѣздить на парѣ считалось правомъ только бояръ; запрягать

же четыре или шесть лошадей позволялось лишь въ праздники, во время свадебъ и пр. Лошади въ женскихъ поѣздахъ украшались еще наряднѣе, чѣмъ въ мужскихъ. Предки наши особенно дорожили конями бѣлой масти. Каптану именитой боярыни обыкновенно сопровождало нѣсколько десятковъ слугъ, такъ называемыхъ скороходовъ. Нечего и говорить, что поѣздъ царицы отличался особеннымъ великолѣпіемъ: царскую каптану везли двѣнадцать превосходныхъ сѣлыхъ коней; съ государыней сидѣли боярыни; сопровождало ее множество слугъ.

Такимъ образомъ царица и боярыни ѣздили на богомолье по ближнимъ монастырямъ. Если приходилось отправляться въ дальній путь, то думали, конечно, больше объ удобствѣ каптанъ, чѣмъ объ украшеніи ихъ. Женскія сани дѣлались широкія, такъ что, кромѣ госпожи, могли въ нихъ сидѣть и даже лежать двѣ прислужницы,



Каптана царицы (по Мейербергу).

безъ которыхъ боярыни никогда не ѣздили. Мужскія дорожныя сани были поуже, но тоже настолько длинны, что въ нихъ можно было свободно лежать одному или двумъ человѣкамъ рядомъ. Закутавшись въ теплую дорожную шубу, накинувши непромокаемую епанчу въ защиту отъ снѣга и дождя, нахлобучивши теплую мѣховую шапку, надѣвъ на руки мѣховыя рукавицы, а на ноги—такія же ноговицы, да про запасъ спрятавши за пазуху сулею съ добрымъ виномъ, русскій человѣкъ въ своихъ зимнихъ саняхъ, обитыхъ мѣхами и покрытыхъ медвѣжьею полостью, могъ путешествовать по зимнимъ путямъ, не боясь лютыхъ морозовъ.

Пріѣзды гостей были довольно часты, особенно въ быту богатыхъ и родовитыхъ людей.

Важныя лица прямо подъѣзжали къ крыльцу равнаго имъ по званію человѣка; другіе, менѣе значительные, хотя и въѣзжали на дворъ, но къ крыльцу шли пѣшкомъ, а считавшіе себя гораздо ниже

хозяина, привязывали коня у воротъ и проходили весь дворъ, иногда даже снявши шапки. Человѣкъ «вѣжливый», т. е. знающій порядки, долженъ былъ все дѣлать умѣючи, согласуясь съ тѣмъ, какъ дѣлалось у дѣдовъ и отцовъ, какъ творится — у всѣхъ добрыхъ людей. На все былъ извѣстный чинъ, издавна установленный порядокъ.

Хозяинъ долженъ былъ тоже умѣть встрѣтить гостя по достоинству: важнаго человѣка онъ встрѣчалъ у крыльца, менѣе значительнаго—въ сѣняхъ, а еще низшаго—въ комнатѣ. Въ старину не было принято, чтобы старшіе ѣздили въ гости къ младшимъ. Но если пріѣзжалъ такой важный гость, котораго хозяинъ хотѣлъ особенно почтить, то устраивалось нѣсколько встрѣчъ: у воротъ встрѣчалъ посѣтителя дворецкій, у крыльца—сынъ или родственникъ хозяина, а въ сѣняхъ—самъ хозяинъ. Незначительныхъ гостей всвсе не встрѣчали; они сами ожидали хозяина въ передней.

Вѣжливый гость ставилъ въ сѣняхъ свою палку, и, снявъ шапку, держалъ ее въ рукѣ; при входѣ въ комнату, прежде всего, обратившись къ иконамъ, крестился и клалъ три поясныхъ поклона, касаясь пальцами до пола, потомъ уже кланялся хозяину, при чемъ надо было сообразоваться съ его достоинствомъ: одному слегка кивали головой, другому кланялись въ поясъ, а третьему, если это было высокопоставленное лицо, незначительные люди кланялись въ землю, «били челомъ». Равные и пріятели здоровались, протягивая правую руку, какъ теперь, а не то обнимались и цѣловались. Хозяинъ долженъ былъ умѣть и добрымъ словомъ обойтись съ гостемъ, какъ это и теперь дѣлается у домовитыхъ крестьянъ да у купцовъ, живущихъ по-старому. Гость, напримѣръ, поздоровавшись съ хозяиномъ, скажетъ ему: «Не званъ, не прошенъ,—въ гости пришелъ», а хозяинъ на это отвѣтитъ: «Незванный, да желанный! Доброму гостю хозяинъ всегда радъ. Милости просимъ въ избу: красному гостю—красное мѣсто»... или что нибудь въ этомъ родѣ. Въ разговорѣ было принято величать гостя, конечно, почетнаго, «благодѣтелемъ», «кормильцемъ», — при чемъ говорить сполна имя и отчество, а себя и своихъ называть уменьшительными именами, приговаривая такія выраженія: «прости моему окаянству», «дозволь моей худости», «кланяюсь стопамъ твоимъ, государя моего» и проч. Въ бесѣдѣ съ духовнымъ лицомъ принято было величать его «православнымъ учителемъ», «великаго свѣта смотрителемъ», а себя называть «грѣшнымъ», «нищимъ», «окаяннымъ». Во всѣхъ этихъ книжныхъ выраженіяхъ ясно видно подражаніе монастырю...

Обычай требовалъ, чтобы во всякое время потчивали гостя чѣмъ нибудь съѣстнымъ, особенно—водкой и какими нибудь лакомствами: орѣхами, финиками и пр: Уходя, гость опять крестился, обратившись къ образамъ, затѣмъ цѣловался съ хозяиномъ или просто кланялся ему, а хозяинъ провожалъ его, смотря по достоинству, до порога или дальше.

Русское широкое гостепріимство и хлѣбосольство сказывалось на пирахъ. Они были встарину почти единственнымъ выраженіемъ радости и веселія. Большой церковный праздникъ, какая либо радость въ царской семьѣ, именины кого нибудь въ семьѣ, — все служило поводомъ устроить пиръ, созвать къ себѣ добрыхъ знакомыхъ, и угостить ихъ на славу.

Все и тутъ дѣлалось не спроста, а по обычаю. Однихъ лицъ звать въ гости посылали слугъ, къ другимъ ѣздилъ самъ хозяинъ и приглашалъ ихъ различными способами, смотря по тому, онъ ли дѣлалъ имъ честь своимъ приглашеніемъ, или они ему—своимъ посѣщеніемъ. На семейныя и пріятельскія пиршества приглашали и женъ гостей, но онѣ обѣдали отдѣльно на женской половинѣ.

Пиръ устраивался въ столовой комнатѣ, а иногда въ сѣняхъ, гдѣ было больше простору. Комната заранѣе убиралась какъ можно наряднѣе; доставались самые роскошные ковры, занавѣсы, полавочники и проч., устанавливались столы предъ лавками. Когда являлись гости, происходили обычныя встрѣчи и разсаживанье по мѣстамъ. Красный уголъ подъ образами занималъ во время пира самъ хозяинъ; мѣсто по правую руку отъ него считалось для гостя самымъ почетнымъ; всѣ садились по старшинству, такъ что и здѣсь было своего рода мѣстничество, и посадить кого либо ниже его достоинства значило нанести ему сильную обиду. Скромный и вѣжливый человѣкъ нарочно садился на мѣсто, которое было ниже его сана, но это затѣмъ, чтобы самъ хозяинъ упросилъ его сѣсть, куда ему слѣдовало. Заносчивые же люди иногда, садясь не по достоинству выше другихъ, заводили споры и ссоры...

Начинался пиръ тѣмъ, что всѣ выпивали по чаркѣ водки; затѣмъ гости усаживались за столомъ. Тогда хозяинъ разрѣзывалъ хлѣбъ на кусочки и подавалъ гостямъ вмѣстѣ съ солью поочередно; просилъ «хлѣба-соли» откушать. Этимъ выражалось радушіе и гостепріимство. (Было между прочимъ и повѣрье, что хлѣбъ соль уничтожаетъ вліяніе злыхъ духовъ). Затѣмъ подавались кушанья въ обычномъ порядкѣ,—съ тою разницею, что ихъ было несравненно больше, чѣмъ въ обычное время,—всевозможныя холодныя, ухи,

звары, жаркія и проч.,— кушаній пятьдесятъ или больше. Гости, человѣка по два, ѣли съ одного блюда; только предъ болѣе почетными ставили «опричныя», т. е. особыя блюда, а также и предъ хозяиномъ: онъ раздавалъ съ него куски гостямъ, выражая этимъ свое расположеніе; посылались кушанья со слугами и нѣкоторымъ лицамъ, не могшимъ почему либо явиться на пиръ... Когда пиръ былъ во всемъ разгарѣ, и хозяинъ хотѣлъ особенно почтить своихъ гостей, онъ призывалъ жену. Она являлась въ богатомъ нарядѣ; за нею прислужницы несли вино и чарки. Хозяйка потчивала виномъ почетнѣйшаго гостя, причемъ должна была сначала отвѣдать сама изъ той чарки, которую подносила; затѣмъ поспѣшно уходила, и, вернувшись уже въ другомъ платьѣ, потчивала второго гостя такимъ же порядкомъ, какъ перваго; затѣмъ опять уходила, и уже въ новомъ нарядѣ угощала третьяго гостя и т. д. Этотъ обрядъ чествованія гостей и выказыванія своего богатства, занимавшій не мало времени, этимъ еще не кончался. Угостивши всѣхъ, хозяйка становилась у стѣны, опустивши голову и потупивши глаза, а хозяинъ билъ челомъ гостямъ дорогимъ, чтобы они поцѣловали хозяйку по древнему обычаю. Иногда при этомъ она дарила гостей ширинками, вышитыми золотомъ и серебромъ.

Хорошій хозяинъ, желающій угостить гостей на славу, долженъ былъ позаботиться, чтобы у него «гостьба (угощеніе) была толстотрапезна», т. е. чтобы всего было вдоволь, и гости долго бы помнили его «хлѣбъ-соль». Гость не долженъ былъ отказываться отъ ѣды и питья.

Тѣ гости, которые ѣли безъ конца и не наѣдались до-сыта, пили безъ мѣры, да не напивались до-пьяна, считались настоящей красой пира.

Пиры длились обыкновенно очень долго,—съ полудня до поздняго вечера, а не то и до ночи. Кончалась ѣда, но попойка продолжалась. Хозяинъ предлагалъ пить за здоровье разныхъ лицъ. Онъ становился посреди комнаты съ открытой головой и, поднявъ чашу вверхъ, говорилъ привѣтствіе, затѣмъ пилъ за чье либо здоровье,— начинали съ царя, потомъ пили за членовъ царской семьи, за бояръ, наконецъ за гостей... Опорожнивъ чашу, хозяинъ перевертывалъ ее вверхъ дномъ надъ своей головой, показывая этимъ, что все выпито. Каждый гость, выходя на средину комнаты, долженъ былъ такъ же усердно осушить свой бокалъ. При каждой здравицѣ обыкновенно пѣли «многая лѣта» тому, за кого она провозглашалась. Понятно, какъ должны были долго тянуться пиры, на которыхъ было много гостей...

Послѣ пира гости обыкновенно подносили хозяину подарки;

этого требовалъ обычай. Говорятъ, что воеводы любили задавать обильные пиры богатымъ посадскимъ и въ убыткѣ не оставались...

Въ большіе церковные праздники благочестивые люди иногда устраивали пиры, или трапезы, иного рода. Послѣ обѣдни являлось духовенство съ крестами, иконами,—кропили святой водой покои. По окончаніи молитвословія садились всѣ за столъ; почетнѣйшія мѣста занимали духовныя лица. На возвышенномъ мѣстѣ на столѣ ставилась просфора Пресвятой Богородицы, какъ въ монастыряхъ. Начиналась трапеза молитвою: «Достойно есть...». Во время пира дьячки пѣли священныя пѣсни... На дворѣ и въ сѣняхъ кормили нищихъ. Бывали случаи, что благочестіе хозяина побуждало его посадить эту «меньшую братію» за общій столъ съ гостями... Послѣ пира этимъ нищимъ раздавалась милостыня.

Справедливость требуетъ упомянуть, что случались пиршества совсѣмъ иного свойства, чѣмъ описанные. Собиралось разгульное общество; хозяинъ призывалъ къ себѣ въ домъ гусляровъ и скомороховъ; пиръ, впрочемъ, начинался чинно: пѣлись иной разъ старинныя пѣсни, богатырскія былины; но когда хмѣль уже начиналъ погуливать въ головахъ гостей, дѣло принимало иной видъ. Раздавалась пѣсня удалая съ присвистомъ, съ гикомъ... Скоморохи пускались въ плясъ, выкидывали непристойныя колѣнца; подгулявшіе гости не отставали отъ нихъ. Часто такіе пиры кончались руганью, даже дракою, и рѣдко для кого изъ участниковъ дѣло обходилось благополучно.

Крестьянскія пирушки по случаю церковныхъ праздниковъ или семейныхъ радостей помѣщиковъ, устраивали иногда послѣдніе, а не то сами поселяне—въ складчину; такія пирушки, или братчины назывались по праздникамъ: братчина Никольщина, братчина Покровщина и др., на Пасху было въ обычаѣ въ селахъ устраивать въ понедѣльникъ большія братчины,—въ нихъ иногда принимали участіе не одни крестьяне, но и помѣщики. На этихъ пиршествахъ почти всегда дѣло кончалось бранью, безчинствами, драками, а иногда и убійствомъ. Благоразумные люди совѣтовали никогда не участвовать въ этихъ сборищахъ.

Семейный бытъ.

Взглядъ на женщину.—Жена.—Хозяйка.—Положеніе женщины.—Семейные обычаи

Семейный бытъ нашихъ предковъ вытекалъ всецѣло изъ родовыхъ понятій, по которымъ родоначальникъ-домовладыка являлся въ

домѣ единственнымъ властнымъ лицомъ, господаремъ, которому должны всѣ остальные младшіе члены рода или семьи безпрекословно повиноваться, потому что онъ—глава дома; онъ блюдетъ честь его отъ всякой порухи; его одного величаютъ полнымъ именемъ съ отчествомъ на «вичъ» (напр., Иванъ Семеновичъ). Если есть у него младшій братъ, то онъ называется уже неполнымъ отчествомъ безъ окончанія вичъ (напр., Петръ Семеновъ); остальныя дѣти, племянники, возрастные—полнымъ именемъ, безъ отчества, а младшихъ и слугъ—кличутъ уменьшительными. Жена считалась тоже подчиненнымъ членомъ въ семьѣ. Домовладыка, по родовымъ понятіямъ, долженъ былъ зорко слѣдить, чтобы никакой бѣды и порухи роду и дому его не было; чтобы въ домѣ ничего не творилось «на посмѣхъ людямъ». Для этого приходилось особенно усилить надзоръ надъ «малосмысленными» или болѣе слабыми членами семьи,—надъ женою и дѣтьми.

До татарскаго ига русская женщина еще пользовалась нѣкоторой свободой; но съ XIII вѣка образованность, которая начала было развиваться на Руси, понижается, грубость нравовъ усиливается,—и мало по малу входитъ въ обычай у бояръ и зажиточныхъ людей затворничество женщины.

Взглядъ на женщину былъ въ старину очень низменный; за ней не признавалось ни значительныхъ умственныхъ способностей, ни глубокихъ чувствъ; она во всемъ стояла, по убѣжденію нашихъ предковъ, гораздо ниже мужчины, а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ считалась существомъ даже вреднымъ. Такой взглядъ сложился у русскихъ отчасти подъ византійскимъ вліяніемъ. Въ Византіи во времена крайняго нравственнаго упадка многіе ревнители благочестія пришли къ печальной мысли, что въ мірской жизни и въ семейномъ быту трудно не погрязнуть въ грѣхахъ и порокахъ; что спасти душу можно только вдали отъ общества, за монастырской стѣной или въ пустыни. Монашество и отшельничество въ тѣ времена очень усиливаются; на женщинъ, привлекавшихъ людей къ семейной жизни, стали смотрѣть враждебно, какъ на помѣху къ спасенію; женская красота приравнивалась къ дьявольскому искушенію. Припоминали библейскій разсказъ о грѣхопаденіи первыхъ людей, гдѣ Ева является какъ бы орудіемъ дьявола, причиною грѣха и потери рая. Нравственный упадокъ византійскаго общества въ средніе вѣка ярче сказывался на женщинѣ, чѣмъ на мужчинѣ, потому что къ женской нравственности всегда относились строже, чѣмъ къ мужской. И вотъ, многіе ревнители благочестія слабую женщину, иногда беззащитную жертву порока, стали выставлять главной виновни-

цей его. Русскіе книжные люди, черпавшіе всѣ свои знанія и мудрость изъ византійскихъ источниковъ, вполнѣ проникались мыслями и воззрѣніями ихъ, составляли по образцу ихъ сочиненія или прямо переводили съ греческаго и такимъ путемъ византійскіе взгляды на женщину распространялись и между русскими ..

Надо замѣтить, что не только въ Византіи, но и въ Западной Европѣ въ средніе вѣка взглядъ книжныхъ людей на женщину былъ крайне невысокій. На одномъ соборѣ даже былъ не шутя поставленъ на разрѣшеніе духовныхъ отцевъ вопросъ: «Человѣкъ ли женщина?»

Въ средніе вѣка многіе книжные люди, ослѣпленные суевѣріемъ, считали женщинъ особенно склонными къ чародѣйству и сношенію съ нечистой силой и безпощадно жгли цѣлыя тысячи обвиненныхъ въ этомъ такъ называемыхъ «вѣдьмъ» и «колдуній».

Даже и гораздо позже, въ XVI и въ XVII вѣкахъ, на Западѣ являлись сочиненія, не признающія за женщиной человѣческаго достоинства.

Мудрено ли, что и русскіе, особенно же люди высшаго слоя и зажиточные, изъ книгъ или бесѣдъ съ монахами и книжными людьми набирались такихъ взглядовъ, что «умъ женскій не твердъ, аки храмъ не покровенъ; мудрость женская, аки оплотъ неокопанъ, до вѣтру стоптъ; вѣтеръ повѣетъ и оплотъ порушится»; «отъ жены начало грѣху... много бѣсу помощи въ женахъ». Обзаведясь семьей, русскій благочестивый человѣкъ хотѣлъ по крайней мѣрѣ въ домѣ своемъ завести нѣкоторое подобіе монастырской жизни, и подобно игумену, заботящемуся о спасеніи всей братіи, бралъ на себя трудъ хранить чистоту душевную всѣхъ домочадцевъ,—особенно же долженъ былъ позаботиться о женѣ и взрослыхъ дочеряхъ, помня, что «умъ женскій малосмысленъ и шатокъ», что «въ женахъ много помощи бѣсу». Какъ же было предохранить ихъ отъ грѣховъ, спасти отъ мірскихъ соблазновъ? Самымъ простымъ способомъ, до котораго нетрудно додуматься самому нехитрому уму,—было отдѣлить ихъ отъ внѣшняго міра, запереть ихъ по-возможности такъ, чтобы никакіе мірскіе соблазны не проникли къ нимъ, а чтобы сами онѣ не искали грѣха, наложить на нихъ грозу, слѣдуя наставленію: «яко коня держатъ уздою, такъ и жену води угрозою». Такимъ образомъ легко могъ явиться обычай затворничества женщинъ и обычай учить жену уму-разуму, спасать ее страхомъ.

Въ каждомъ достаточномъ домѣ часть хоромъ отдѣлялась для женщинъ, обыкновенно въ задней части дома (куда входила свѣтлица и теремъ). Хотя со двора въ эту половину былъ входъ, но ключъ отъ него, по свидѣтельству одного иноземнаго писателя,

хозяинъ держалъ у себя, такъ что въ женскіе покои можно было пройти только чрезъ его комнату. Изъ мужчинъ не пускали туда никого, не исключая и домашнихъ. Дворъ за женскими комнатами (обыкновенно садъ), огораживался такимъ высокимъ тыномъ, что развѣ только птица могла перелетѣть чрезъ него. Въ этомъ мѣстѣ жена и дочери хозяина и прогуливались... Если же случалось боярынѣ или боярышнямъ ѣхать, напр., на богомолье въ большой праздникъ, то выѣзжали, какъ сказано выше, въ колымагахъ, закрытыхъ со всѣхъ сторонъ, исключая боковыхъ дверецъ съ окошечками, чрезъ которыя женщины могли смотрѣть на улицу, но ихъ разглядѣть никто не могъ; можно было только мелькомъ увидѣть ихъ, когда онѣ садились или выходили изъ колымагъ. Въ церквахъ для знатныхъ женщинъ и дѣвицъ были особыя мѣста, обыкновенно на хорахъ, гдѣ трудно было ихъ увидѣть.

На женщину, какъ сказано уже, смотрѣли какъ на существо слабое, малосмысленное и при томъ склонное ко всему дурному; не другомъ, не товарищемъ мужу была жена въ старину, а рабою, или, въ лучшемъ случаѣ, умственнымъ и нравственнымъ недорослкомъ, нуждающимся въ постоянной опекѣ и руководительствѣ. Добрая, т. е. хорошая жена, по понятіямъ того времени, должна была во всемъ руководиться указаніемъ мужа, на все спрашивать его позволенія, какъ распредѣлить дневныя занятія, какъ принимать гостей,—даже о чемъ говорить съ ними... Жить и дѣйствовать своимъ умомъ женѣ не полагалось. Даже если-бы умная отъ природы женщина при случаѣ высказала свои соображенія, то это уже было, по старинному взгляду, нарушеніемъ женской скромности, высокоуміемъ и такъ же не понравилось бы нашимъ предкамъ, какъ намъ, напр., не нравится умничанье ребенка... Главными добродѣтелями жены считались, по ученію книжниковъ, покорливость, молчаливость и трудолюбіе: «Жена добра любитъ страду (работу) и воздержаніе отъ всякаго зла .. Жена добра — трудолюбива и молчалива»; въ поученіи женѣ говорится: «ты мужа имѣй во всемъ честна и бойся его и во всемъ честь воздавай ему и повиновеніе... Достоитъ женамъ повиноватися мужамъ своимъ... послушливымъ быти, понеже послушнымъ Богъ подаетъ честь и славу, а непослушнымъ горькую муку... Добра жена и покорлива— вѣнецъ мужу своему есть». Въ такихъ изреченіяхъ книжные люди старались представить образецъ доброй жены. Всякій хорошій домовладыка обязанъ былъ позаботиться, чтобы его жена приблизилась къ этому образцу, долженъ былъ учить ее уму-разуму словомъ,

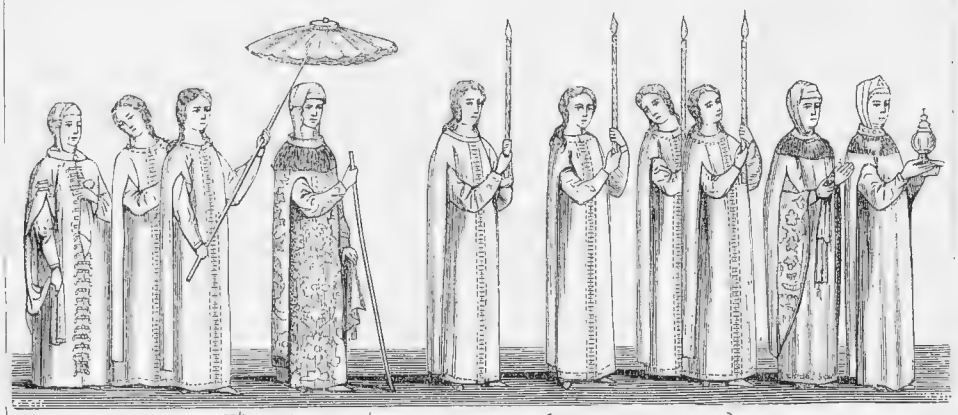
а если слово не дѣйствовало, то «страхомъ пользовать», то есть наказывать, при чемъ пускалась обыкновенно въ дѣло плетка, какъ совѣтовалъ Домострой.

Въ тѣхъ домахъ, гдѣ домоводство предоставлялось хозяйкѣ, дѣла ей было много. Припомнимъ, что у богатыхъ и даже достаточныхъ людей хозяйство въ старину было большое и сложное: дворъ такихъ хозяевъ представлялъ какъ бы помѣщичью усадьбу,—тутъ былъ и скотный, и птичій дворы, былъ огородъ и фруктовый садъ; число слугъ нерѣдко въ домѣ превышало сотню: тутъ были повара, поварихи, портные, швеи, сапожники, плотники и др. Хорошая хозяйка должна была за всѣми досмотрѣть,—распредѣлить работу между женской прислугой, чтобы никто не сидѣлъ, сложа руки, и не гулялъ, спустя рукава,—показать, что̀ и какъ сдѣлать,—присмотрѣть, чтобы все, что приказано, было исполнено; чтобы не переводилось понапрасну хозяйское добро,—позаботиться, чтобы всѣ слуги были сыты, одѣты и довольны; чтобы не выходило между ними споровъ и непріятностей; чтобы всѣмъ въ домѣ было хорошо. Исполнить все это было нелегкою задачей, и женщина, которая выполняла ее, дѣйствительно заслуживала большой похвалы. О такой женѣ-хозяйкѣ говорится въ Домостроѣ, что она для мужа «дороже камня многоцѣннаго», что она—«вѣнецъ мужу своему». Но домоводство далеко невсегда предоставлялось женщинѣ: у болѣе богатыхъ и знатныхъ людей были на то ключники и дворецкіе, а женѣ приходилось наблюдать лишь за рукодѣльницами, и самой, если хотѣла, заниматься вышиваніемъ. Одежды вышивались золотомъ, унизывались жемчугомъ и драгоцѣнными камнями,—это требовало большаго искусства, и работы было тутъ не мало. Но все-таки однообразіе ея, отсутствіе сколько-нибудь разумнаго труда, общества и развлеченій, крайняя пустота теремной жизни налагали свою печать на знатную русскую женщину. Занимаясь пустой болтовней съ сѣнными дѣвушками, слушая сплетни ихъ и нехитрыя шутки и прибаутки разныхъ домашнихъ дуръ, шутихъ да рѳсказни приживалокъ, она въ конецъ пустѣла, умъ ея мельчалъ, и она, дѣйствительно, обращалась въ «малосмысленное» существо, въ умственнаго недоростка, нуждающагося почти на каждомъ шагу въ указаніяхъ и наказаніяхъ мужа. Бывало и худшее. Иная женщина, томимая скукой и пустотой теремной жизни, увлекалась всякими сплетнями, дрязгами и продѣлками. Умъ ея направлялся на разныя уловки, чтобы провести нелюбимаго мужа, посѣять вражду между родичами его. Тутъ и плетка не помогала: страхъ наказанія, не соединенный съ

любовью или уваженіемъ къ наказующему, не исправляетъ человѣка, а озлобляетъ. При томъ хитрость «малосмысленнаго существа» нерѣдко торжествовала надъ суровостью домовладыки. Разныя сплетницы подъ видомъ торговокъ да богомолокъ проникали въ терема и много содѣйствовали домашнему разладу. Такимъ образомъ теремная жизнь отупляла женщину и развращала ее; «злая жена» являлась дѣйствительно «терновымъ вѣнцомъ для своего мужа» и слова разныхъ книгъ, гдѣ говорилось о злонравныхъ женахъ какъ будто оправдывались на дѣлѣ. «Да, горе, горе мужу, если обрящетъ онъ жену льстивую, лукавую, крадливую, злоязычную, колдунью, еретицу, медвѣдицу, львицу, змію, скорпію, василиску, аспиду. Горе, горе тому мужу»! Такъ восклицаетъ отецъ въ одной бесѣдѣ съ сыномъ о злонравныхъ женахъ. Онъ истощаетъ, кажется, весь свой запасъ страшныхъ словъ, чтобы обрисовать сыну самыми черными красками злонравную жену и отбить у него охоту къ женитьбѣ. Такимъ образомъ, заключеніе въ теремѣ и «пользованіе страхомъ» вели именно къ тому злу, съ какимъ думали бороться этими средствами.

Конечно, встрѣчались семьи, гдѣ подъ вліяніемъ христіанскаго благочестія исполнялись лучшіе совѣты Домостроя и въ семьѣ былъ миръ и ладъ, домъ былъ какъ чаша полная, жилось всѣмъ хорошо, и хозяева не только заботились о своихъ дѣтяхъ, воспитывая ихъ въ духѣ благочестія, да о своихъ домочадцахъ, но принимали на свое попеченіе и чужихъ сиротъ и, какъ говорится, ставили ихъ на ноги, выводили въ люди; но такія семьи были исключеніями. Въ концѣ XVII вѣка у нѣкоторыхъ передовыхъ людей даже заводились иноземные обычаи, и женщина не отчуждалась отъ общества мужчинъ, не скрывалась отъ взоровъ постороннихъ людей; но большинство смотрѣло на это, какъ на отступничество отъ благочестія, какъ на ересь своего рода. Гораздо чаще встрѣчались семьи, гдѣ всѣ въ домѣ, начиная съ жены, трепетали предъ суровымъ домовладыкой, всегда готовымъ на жестокую расправу. Случалось, что озлобленныя жены, доведенныя до отчаянія, доходили до преступленія,—отравой изводили своихъ—мужей, и случалось это, вѣроятно, не очень рѣдко: не даромъ въ Уложеніи опредѣляется страшное наказаніе такимъ преступницамъ—закапывать живьемъ въ землю. Для жены, нелюбимой мужемъ своимъ, единственнымъ законнымъ способомъ избавиться отъ его жестокости было уйти въ монастырь, и то съ его согласія... Бывали и такіе случаи, что слабымъ мужьямъ приходилось искать спасенія отъ сварливыхъ и бойкихъ женъ...

Незавидно было и положеніе царицы: она принуждена была еще болѣе, чѣмъ боярыни, скрываться въ теремѣ отъ людскихъ очей; дѣла ей было очень мало, и вся жизнь ея была подчинена строгой и тяжелой обрядности. Отправляясь на богомолье, царицы и царевны совершали свои поѣздки по большей части ночью, а если случались выходы днемъ, то дѣлалось это по опредѣленному чину; причемъ по обѣ стороны ихъ несли суконныя полы, чтобы скрыть ихъ отъ взоровъ постороннихъ людей. Особенно печально было положеніе царевенъ: онѣ должны были жить во дворцѣ какъ пустынницы въ постѣ и молитвѣ. Выйти замужъ за подданныхъ считалось для нихъ унизительнымъ, а за иностранныхъ принцевъ — мѣшало разновѣріе

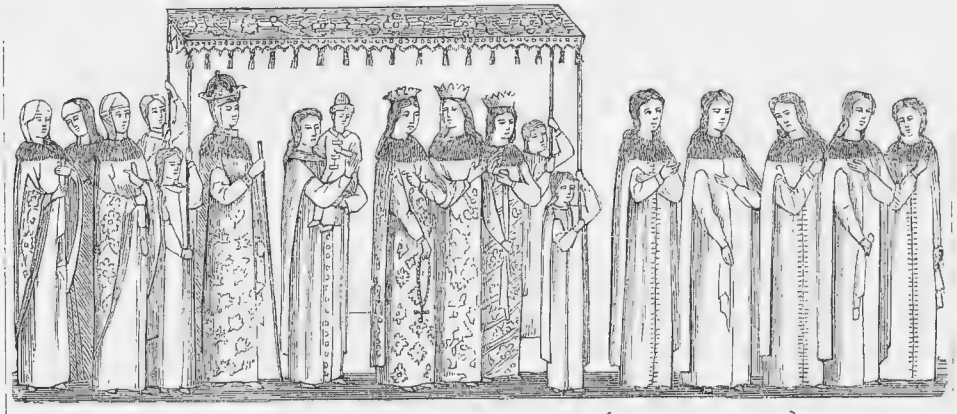


Шествіе царицы на панихиду (по старинн. рис.).

Объ умѣ женщинъ мало заботились, даже обучать ихъ грамотѣ не считалось нужнымъ: немудрено, что въ мелочныхъ заботахъ о нарядахъ, въ пересудахъ и пустой болтовнѣ съ теремной прислугой глохли умственныя способности женщины. «Московскаго государства женскій полъ, говоритъ Котошихинъ, грамотѣ не ученыя, и не обычай тому есть, а породнымъ разумомъ простоваты, и на отговоры несмышлены и стыдливы». Это было, вѣроятно, одной изъ причинъ, почему царицы и царевны не присутствовали при пріемѣ и угощеніи иностранныхъ пословъ: онѣ могли только изъ потаеннаго мѣста смотрѣть на торжество. Царицы иноземнаго происхожденія (Софія Ѳоминишна, Елена Глинская) не чуждались иноземцевъ: онѣ могли и въ разговорѣ съ ними вполнѣ поддержать свое достоинство.

Женщина въ мірской жизни должна была быть женой, — въ этомъ признавалось ея прямое назначеніе. На дочь смотрѣли тоже

какъ на будущую жену: «вскормить, вспоить и замужъ выдать въ добромъ здоровьѣ» — вотъ какъ опредѣлялась задача родителей по отношенію къ дочери. Со дня рожденія дочери Домостроій совѣтуетъ родителямъ уже понемногу заботиться о «надѣлкѣ», т. е. о приданномъ. Для дѣвушки, не вышедшей замужъ, какъ бы не было мѣста въ міру,—ей оставалось уйти изъ него, т. е. поступить въ монастырь. На вдову, особенно бездѣтную, смотрѣли, какъ на сироту: она нерѣдко также удалялась въ монастырь, а не то одѣвалась въ «смирную» вдовью одежду въ знакъ своего сиротства, въ знакъ того, что въ мірѣ она уже не имѣетъ того значенія, какъ мужняя жена, но вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, она имѣла больше самостоятельности, особенно «матерая» вдова, т. е. та, которая была матерью,



Шествіе царицы и царевенъ въ церковь (по старинн. рис.).

имѣла несовершеннолѣтнихъ сыновей, опека надъ которыми лежала на ней.

При указанномъ взглядѣ на дѣвушку, понятно, что родители встарину старались во что бы ни стало выдать дочерей замужъ, причемъ свахи и сваты были важными пособниками; старались подыскать жениха, чтобы былъ равенъ по породѣ, «въ одну версту» какъ говорилось тогда, съ невѣстой, чтобы роду ея не было никакой «порухи». Когда чрезъ свахъ родители невѣсты и жениха получали необходимыя свѣдѣнія, то отцы сходились и обстоятельно договаривались о дѣлѣ, главнымъ образомъ о приданомъ. О согласіи на бракъ у жениха и невѣсты не спрашивали: они не могли не желать того, чего желаютъ ихъ отцы; при томъ надо замѣтить, что женили молодыхъ людей обыкновенно въ очень юные годы, когда родители имѣли основаніе смотрѣть на нихъ какъ на ребятъ малосмыслен-

ныхъ. Женихъ и невѣста не могли даже и видѣться до самаго брачнаго обряда, а получали свѣдѣнія другъ о другѣ отъ свахъ. Случались нерѣдко и обманы: вмѣсто одной дочери показывали свахѣ другую болѣе красивую, а не то выставляли красивую служанку вмѣсто уродливой дочки. «Нигдѣ нѣтъ такого обманства на дѣвки, говоритъ Котошихинъ, какъ въ Московскомъ государствѣ». Понятно, какая участь ждала дѣвушку, обманомъ выданную замужъ; разсчетъ родителей, что авось стерпятся—слюбятся, невсегда сбывался...

Свадебные обряды (по Олеарію).

Такіе были порядки въ боярскомъ быту. У людей менѣе знатныхъ и небогатыхъ настоящаго затворничества женщины не было и всѣ отношенія были проще, хотя и тутъ родовыя понятія о томъ, что отецъ семьи есть полновластный домовладыка, волю котораго безпрекословно исполнять должны были всѣ, т. е. жена, дѣти и всѣ домочадцы, у которыхъ своей воли не должно быть, господствовали во всей силѣ. Этотъ взглядъ проникалъ и всю народную жизнь.

Положеніе женщины - простолюдинки было очень тяжело; такимъ почти оно остается въ большинствѣ случаевъ и до сихъ поръ. Глубокой грустью проникнуты свадебныя и семейныя пѣсни, которыя издавна вылились, конечно, изъ сердца женщины. Хотя въ XVII

вѣкѣ уже не было обычая «умыкать», т. е. насильственно уводить невѣсту; не было и продажи ихъ, на что указывается въ иныхъ свадебныхъ пѣсняхъ; но все-таки бракъ былъ дѣломъ родителей; все-таки женихъ и невѣста являлись часто при этомъ людьми подневольными. По прежнему дѣвушкѣ приходилось мѣнять при замужествѣ извѣстное привычное житье-бытье въ отцовскомъ домѣ на невѣдомое – въ мужниномъ, а неизвѣстное всегда кажется страшнымъ. «Ужъ какъ чужая-то сторонушка, говорится въ одной пѣснѣ, горемъ вся изпосѣяна, она слезами поливана, печалью огорожена». Да и какъ не представлять этой чужой сторонушки, т. е. мужниного дома, чѣмъ-то страшнымъ, когда мужъ пщетъ въ женѣ прежде всего «вѣковѣчной работницы, свекру—батюшкѣ покорливой, свекрови—матушкѣ послушливой, деверьямъ братьямъ услужливой»? Трудно всѣмъ угодить!.. А какъ не сможешь «въ чужихъ людяхъ жить умѣючи, держать голову поклонную, ретиво сердце покорное», тогда примутся учить уму-разуму и свекоръ—батюшка, и свекровь—матушка, а не то и мужъ. «Ахъ, вечоръ меня больно свекоръ билъ, а свекровь ходя похваляется», поется въ одной пѣснѣ, а въ другой рисуется мрачными красками положеніе жены у лютаго мужа. Мать два года не видѣла дочки, которую отдала «далече замужъ», на третье лѣто ѣдетъ ее навѣстить и не узнаетъ ее. «Что это за баба, за старуха? Гдѣ твое дѣвалося бѣлое тѣло? Гдѣ твой дѣвался алый румянецъ? спрашиваетъ она у дочки.—«Бѣлое тѣло,—отвѣчаетъ та,—на шелковой плеткѣ, алый румянецъ—на правой на ручкѣ: плеткой ударитъ—тѣла убавитъ, въ щеку ударитъ — румянцу не станетъ»...

Чѣмъ грубѣе среда, тѣмъ болѣе въ ней сказывастся стремленіе у сильныхъ поработить себѣ и принизить слабыхъ: понятно отсюда, что участь женщинъ въ простомъ быту не могла быть красна. «Вѣковѣчная работница» крестьянка, трудясь весь вѣкъ свой, большей частью у печи, у колыбели, да у корыта, не привыкла широко раскидывать умомъ, — поотстала она и отъ мужа въ смѣтливости. «У бабы волосъ дологъ, да умъ коротокъ», говоритъ онъ, а отсюда слѣдуетъ, что ей не должно жить своимъ умомъ, и надо повиноваться во всемъ своему владыкѣ-мужу, а онъ обязанъ держать ее въ страхѣ. «Бей бабу, что молотомъ — сдѣлаешь золотомъ», говоритъ пословица. Свыкается съ этимъ и женщина: «бьетъ мужъ, значитъ любитъ, хочетъ ума-разума придать», утѣшается она. Но случается, что мужъ и безъ пути бьетъ ее — съ хмѣлю, или такъ, хочетъ волюшку свою помѣрить, силушкой своей потѣшиться, тутъ

порой не стерпѣть, и жалоба вырвется: «Въ дѣвкахъ сижено — горе мыкано; замужъ выдано — вдвое прибыло». Но не всегда же такъ тяжело жилось простолюдинкѣ: здравый смыслъ и природная доброта русскаго человѣка брали нерѣдко верхъ надъ грубостью и суровостью; умѣетъ онъ и цѣнить хорошую жену. «Добрую жену взять, говоритъ онъ, — ни скуки, ни горя не знать».

Обрядъ, какъ сказано уже, проникалъ всю жизнь русскаго человѣка и внѣ дома, и въ семьѣ. Всѣ семейныя событія — родины, крестины, именины, сватовство, свадьба, похороны, сопровождались пирами и связаны были со множествомъ иногда сложныхъ и мелочныхъ обрядовъ. Остановимся на нѣкоторыхъ болѣе любопытныхъ особенностяхъ старины.

При рожденіи дѣтей у зажиточныхъ людей устраивался пиръ; гости должны были дарить мать деньгами. Новорожденныхъ старались поскорѣе окрестить, чаще всего на восьмой день по рожденіи; имя по большей части давали того святого, память котораго чтилась въ день крестинъ. Въ XVI и XVII вѣкахъ еще держался обычай у русскихъ, кромѣ христіанскаго имени, давать и различныя прозвища, которыя употреблялись даже и въ дѣловыхъ бумагахъ, и нерѣдко переходили въ фамилію потомковъ: напр., Первый, Смирный, Красный, Третьякъ, Шестакъ, Дружина, Неупокой, Козелъ и т. п. Любопытно, что иногда бывало по три имени у человѣка: прозвище и два крестильныхъ, — одно явное, а другое тайное, извѣстное только духовному отцу, самымъ близкимъ людямъ, да тому, кто его носилъ. Этотъ странный обычай вызванъ былъ суевѣрнымъ страхомъ, будто бы, зная имя человѣка, лихіе люди или враги его легче могутъ испортить его чародѣйствомъ, такъ что только во время похоронъ знакомые узнавали, что настоящее имя покойнаго, напр. Иванъ, а не Петръ, какъ привыкли его звать. Крестины тоже сопровождались пиромъ.

День именинъ считался важнѣе дня рожденія. Именинникъ или именинница съ утра разсылали близкимъ и знакомымъ именинные пироги; чѣмъ знатнѣе было лицо, тѣмъ больше былъ и пирогъ. Гости, приглашенные къ столу, подносили именинникамъ подарки: духовныя лица благословляли образами, міряне дарили матеріи, кубки, деньги и т. п. Царь въ день своихъ именинъ собственноручно раздавалъ пироги своимъ приближеннымъ по окончаніи обѣдни; царица дѣлала тоже у себя на свои именины. Царямъ и царицамъ также подносили дорогіе подарки не только бояре, но и всѣ торговые люди.

Но самые сложные и затѣйливые обряды были свадебные. Здѣсь надо различать три главныя дѣйствія: сватовство, сговоръ и самое бракосочетаніе.

Сватовство, какъ извѣстно, было дѣломъ родителей. Женились русскіе очень рано: бывали случаи, что жениху было 12—13 лѣтъ, а невѣстѣ нѣсколько менѣе. Понятно, что за такихъ дѣтей дѣйствовали ихъ родители. Только въ томъ случаѣ, когда женихъ былъ уже зрѣлыхъ лѣтъ или вступалъ во второй бракъ, онъ имѣлъ возможность располагать собой. Сватовство могло начаться какъ со стороны родителей жениха, такъ и—родителей невѣсты; посылались обыкновенно сначала сваты или свахи, и когда уже послѣ переговоровъ оказывалось, что родители невѣсты не прочь ее выдать за того, за кого сватаютъ, то свахи просили позволенія посмотрѣть невѣсту. Согласіе на это по большей части давалось и обыкновенно какая нибудь родственница жениха или даже мать ѣхала смотрительницей, какъ называли ее. Показъ невѣсты производился довольно торжественно. Невѣста, богато разряженная, сидѣла за занавѣсомъ; занавѣсъ отдергивался, и она являлась во всей своей красѣ. Смотрительница заговаривала съ нею, стараясь дознаться, не глупа-ли она, не косноязычна-ли и проч. На такихъ смотринахъ и случалось, что показывали не ту, кого слѣдовало. Женихъ по большей части не могъ видѣть самъ невѣсты до самаго вѣнчанія, послѣ котораго только и могъ открыться обманъ. На обманъ можно было жаловаться, и если по розыску оказывалось, что жалоба справедлива, то бракъ расторгался, и виновные наказывались. Но дѣло до этого доходило очень рѣдко; чаще женихъ и его родные покорялись судьбѣ, не желая заводить хлопотливой и невѣрной тяжбы, и хуже всего приходилось тогда, конечно, нелюбимой женѣ. Болѣе самостоятельные, т. е. возрастные женихи настойчиво добивались иногда, чтобы имъ самимъ позволено было видѣть невѣсту; родители ея, если дорожили женихомъ, соглашались... Но и это не всегда спасало отъ обмана: женихъ, разъ увидавъ свою невѣсту, не видѣлъ ея уже до самаго вѣнчанія, и потому подмѣнъ былъ возможенъ.

Послѣ смотра невѣсты происходилъ сговоръ въ домѣ родителей ея; они принимали съ большимъ почетомъ гостей, т. е. родителей жениха, его самого и родичей ихъ, били имъ челомъ, сажали на почетныя мѣста. Нѣсколько времени всѣ молчали, глядя другъ на друга, такъ требовало приличіе. Затѣмъ жениховъ отецъ или старѣйшій родственникъ издалека заводилъ рѣчь, которую кончалъ сообщеніемъ, что они пріѣхали для добраго дѣла, а родители невѣсты за-

являли, что они рады такому пріѣзду. Тогда составлялась рядная запись (уговоръ), гдѣ главнымъ образомъ дѣло шло о приданомъ и назначался срокъ свадьбы, и подробно прописывалось все, что должно было идти въ приданое. Вещи, назначенныя въ приданое, и деньги присылались въ домъ новобрачныхъ обыкновенно послѣ свадьбы, но бывали случаи, что недовѣрчивые родители жениха требовали, чтобы приданое было доставлено наканунѣ,—держались пословицы: «денежки на столъ, дѣвушку за столъ». Въ записяхъ, составленныхъ подъячимъ, обыкновенно все прописывалось подробно и назначалась для вѣрности неустойка, или попятное. Любопытно, что иногда въ договорѣ прибавлялось условіе, чтобы мужъ не билъ своей жены. Такимъ образомъ, благодаря родительской любви къ дочери, вносилось нѣкоторое смягченіе въ семейную жизнь. Невѣсты при сговорѣ не было, но послѣ него одна изъ родственницъ отъ имени ея приносила подарки жениху. Послѣ сговора отказаться отъ брака было уже очень трудно; это значило нанести большое оскорбленіе противной сторонѣ.

Обряды, сопровождавшіе самую свадьбу, очень сложные и мелочные, сохранились во многомъ и до сихъ поръ въ простомъ быту, а также въ купеческихъ семьяхъ, живущихъ по-старинѣ: обряды эти знаменовали вступленіе жениха и невѣсты въ иную жизнь, какъ бы возведеніе ихъ въ новое достоинство; нѣкоторые изъ обрядовъ были, вѣроятно, заимствованы отъ старинныхъ обычаевъ, соблюдавшихся при возведеніи князей въ ихъ санъ: женихъ и невѣста даже величались «княземъ» и «княгинею». Всѣ дѣйствія свадебныхъ чиновъ (тысяцкаго, посаженныхъ отца и матери,—если не было родныхъ,—дружекъ, свахъ, ясельничаго, или конюшаго) направлены были къ тому, чтобы привлечь Божіе благословеніе и благодать на брачущихся, оборонить ихъ отъ всякаго лиха: было между прочимъ вѣрованіе, что колдуны и колдуньи могутъ внести порчу и нагнать злыхъ духовъ въ тотъ домъ, гдѣ рядятъ свадьбу... Когда невѣсту снаряжали къ вѣнцу, то на нее надѣвали самое лучшее платье, и какъ можно больше драгоцѣнныхъ украшеній; при расплетаніи косы дѣвицы пѣли обычныя свадебныя пѣсни. При выходѣ изъ церкви сваха осыпала новобрачныхъ льнянымъ и конопляннымъ сѣменемъ, желая имъ счастья и обилія. Наканунѣ свадьбы, въ день ея, затѣмъ на второй день и на третій устраивались пиры у родителей невѣсты и жениха... Гости обыкновенно дарили разныя цѣнныя вещи новобрачнымъ, а тѣ по обычаю должны были потомъ отдаривать гостей вещами той же цѣнности.

Новоселье въ старину тоже считалось немаловажнымъ событіемъ и сопровождалось различными обрядами. Вступая въ новопостроенное жилье, хозяинъ звалъ священника освящать домъ и созывалъ родныхъ и знакомыхъ; гости являлись обязательно съ хлѣбомъ и солью. Этимъ выражалось пожеланіе обилія и благополучія; сверхъ того, наши предки, какъ извѣстно, вѣрили, что хлѣбомъ-солью прогоняется злой духъ... Люди суевѣрные, не чуждавшіеся колдовства, приносили на новоселье черную кошку и чернаго пѣтуха, а также растворенную квашню. Мѣсто для постройки новаго жилья надо было выбирать тоже умѣючи: обыкновенно гадали,—клали, напр., на землю кусокъ дубовой коры; на четвертый день смотрѣли, что подъ ней, если паукъ или муравей, то значитъ мѣсто лихое, а если червяки, то—доброе, и ставить на немъ домъ безопасно. Гадали еще и другимъ способомъ: изъ подъ пазухи роняли на землю три хлѣба: если они всѣ или два изъ нихъ лягутъ на землю кверху верхней коркой—добрый знакъ, а наоборотъ—плохо... Послѣ новосельнаго пиршества каждый изъ гостей долженъ былъ что нибудь дарить хозяевамъ. Этимъ выражалось пожеланіе, чтобы къ хозяевамъ въ домъ шло всякое добро и былъ бы онъ, какъ чаша полная...

Переселяясь на вѣчное новоселье, т. е. разставаясь съ жизнью, русскій человѣкъ полагалъ обязанностью своею совершать добрыя дѣла, это называлось «строить душу», и потому умирать въ полной памяти среди семьи считалась Божьею благодатью. Умирающій составлялъ духовное завѣщаніе, распредѣлялъ имущество, причемъ богоугодными дѣлами считались раздача милостыни, назначеніе вкладовъ въ монастыри и церкви и особенно освобожденіе рабовъ. Случалось, что господинъ предъ смертью не только отпускалъ своихъ холоповъ на волю, но надѣлялъ ихъ деньгами. Было вѣрованіе, что въ будущей жизни человѣка будутъ судить по дѣламъ, на которыхъ постигнетъ его смертный часъ. Вокругъ умирающаго собирались его семья и домочадцы; ему подавали иконы, и онъ каждаго благословлялъ особой иконой. При этомъ всегда находился священникъ, духовный отецъ умирающаго. Многіе предъ смертью постригались въ монахи или принимали схиму... Лишь только человѣкъ умиралъ, на окно ставили по старинному обычаю, возникшему еще въ языческія времена, чашу со святой водой и миску съ кашей, — на омовеніе и на питаніе души. Затѣмъ собирались родные и знакомые и по обычаю начинался плачъ и причитанія; начинала обыкновенно жена покойника; въ причитаніяхъ

она выражала свою любовь къ покойному и горе. «Ахъ ты милый мой, ненаглядный мой, говорила она рыдая, закатилось ты, солнышко мое ясное! Зачѣмъ ты меня покинулъ? На кого меня, сироту, оставилъ?» и т. д. Въ такомъ же родѣ были причитанія и другихъ родственницъ. Лѣтомъ хоронили очень скоро, большею частью въ теченіе двадцати четырехъ часовъ.. Гробъ обыкновенно не везли, а несли на рукахъ. Нерѣдко случалось, что нанимались плакальщицы, которыя шли впереди и по сторонамъ гроба и громко вопили и причитали о добротѣ, о заслугахъ покойнаго, о скорби родныхъ и близкихъ. На краю могилы происходило прощанье съ покойникомъ; крышка съ гроба поднималась, и всѣ подходили и прикладывались... причемъ плакальщицы своими причитаньями заглушали вопли жены и родственницъ. Затѣмъ священникъ полагалъ въ руки мертваго отпустительную грамоту... Когда гробъ опускали, всѣ прикладывались къ иконамъ и ѣли кутью... Могилы родителей и предковъ были святынею для русскаго народа, и кладбища считались мѣстомъ святымъ; похоронить здѣсь самоубійцу было тяжкимъ прегрѣшеніемъ, которое, по вѣрованію нашихъ предковъ, могло навлечь Божью кару на весь край: бездождіе, падежъ скота, моръ и т. п.

Въ теченіе сорока дней по смерти совершалось поминовеніе по умершемъ; у людей семейныхъ псалтирь читался и въ домѣ, гдѣ умеръ покойникъ, и на могилѣ его, гдѣ устраивалось крытое мѣсто, для чтеца, – монаха или дьячка. Жена, дѣти, родичи покойнаго носили смирное (траурное) платье, черное или синее, притомъ худое, изодранное: одѣваться въ это время опрятно и прилично родичамъ покойнаго значило выказать неуваженіе къ памяти его.

Состояніе образованности.

Народная поэзія. — Книжная словесность. — Обученіе грамотѣ. — Искусства. — Умственное развитіе.

Иноземцы, даже враждебно относившіеся къ Россіи, отдаютъ полную справедливость большимъ умственнымъ способностямъ русскаго народа, но вмѣстѣ съ тѣмъ указываютъ на то, что у русскихъ людей не видно большой склонности къ научному знанію и искусству. И немудрено. Вѣковое отчужденіе отъ болѣе образованныхъ народовъ, зависимость отъ азіатской орды, крайняя бѣдность народа не могли пройти безслѣдно. Если вспомнимъ всѣ неблагопріятныя историческія обстоятельства, выпавшія на долю русскаго

народа, то придется удивляться тому, что въ немъ вовсе не изсякли умственныя и нравственныя потребности; что онъ сквозь всѣ невзгоды и напасти пронесъ свою душу живую. А что это такъ, — это доказываетъ богатѣйшая народная поэзія. Въ ней сохранилась память о вѣковой борьбѣ со степью; сохранился чудный образъ богатыря Ильи,—олицетворенія народной силы въ ея борьбѣ съ темными силами, въ поискахъ прямого пути сквозь темныя дебри къ свѣту, къ красному солнышку; сохранились въ памяти и другіе удальцы, у которыхъ «сила по жилочкамъ живчикомъ переливалась», которымъ не сидѣлось дома и нуженъ былъ просторъ. Да и какъ было забыть народу ихъ, когда они не переводились на Руси. Развѣ Ермакъ и его сподвижники не богатыри? Развѣ десятки—сотни искателей землицы, шедшихъ по его слѣдамъ, не богатыри? Развѣ Скопины и Минины не богатыри? Не только старыя былины сохранились въ живой памяти народа,—спѣлась и новая пѣсня про Грознаго царя, какъ онъ Казанское царство покорилъ, и про Гришку-Разстригу, и про Скопина, и про Разина, и про Алексѣя Михайловича; все, что затрогивало сколько нибудь сердце народа, нашло въ немъ живой откликъ... Сказались народныя думы и чувства и въ сказкахъ да прибауткахъ, и въ пословицахъ да поговоркахъ. Вылилась и печаль русской женщины, жалоба на свою горькую участь въ семейныхъ пѣсняхъ. Не чуждъ остался темный народъ и церковнымъ книгамъ: начетчики и богомольцы, вышедшіе изъ его среды, сложили не мало такъ называемыхъ «духовныхъ стиховъ». Темные люди силились во что бы ни стало объяснить нѣкоторые вопросы, волновавшіе ихъ, вычитать отвѣты на нихъ въ книгахъ, нападали часто на ложныя книги (апокрифы), гдѣ вкривь и вкось толковались слова священнаго писанія, да и сами нерѣдко давали волю воображенію и вносили въ свои стихи и сказанія (легенды) много ложнаго: въ стихѣ, напр., о «Голубиной книгѣ» такъ объясняется созданіе міра: «У насъ бѣлый вольный свѣтъ зачался отъ суда Божія, солнце красное отъ лица Божьяго, младъ свѣтелъ мѣсяцъ отъ грудей Божіихъ, звѣзды частыя отъ ризъ Божіихъ, ночи темныя отъ думъ Божіихъ»... Въ стихахъ о страшномъ судѣ изображаются муки разныхъ грѣшниковъ: «Тьма кромѣшная, погреба глубокіе и мразы лютые — неправеднымъ священникамъ и судіямъ; котлы мѣдные, огни разноличные, змѣи сосущія — мужамъ беззаконникамъ и женамъ беззаконницамъ; смола кипучая и скрежетаніе зубное и плачъ непрестанный — глумотворцамъ и просмѣшникамъ; вытягиваніе языковъ и повѣшеніе за языки — клеветникамъ и зло-

язычникамъ; повѣшеніе за хребты надъ каленными плитами и на гвоздье желѣзное — плясунамъ и волынщикамъ; червь неусыпающій—сребролюбцамъ и грабителямъ». Праведники же будутъ жить въ раю прекрасномъ, гдѣ на деревьяхъ сидятъ птицы райскія и поютъ пѣсни царскія, такъ что все вольное житіе человѣку показалось бы за одинъ часъ, за одну минуту... Много подобныхъ духовныхъ стиховъ разносили въ народѣ богомольцы да нищіе, такъ называемые «калѣки перехожіе». Всѣ эти пѣсни и сказанія показываютъ, въ какой темнотѣ блуждалъ народный умъ, и какъ языческія понятія сплетались съ христіанскими, но вмѣстѣ съ тѣмъ свидѣтельствуютъ о духовной силѣ, которая не заглохла въ нищетѣ и невзгодахъ, искала простора, рвалась на волю...

На сказкахъ, пѣсняхъ, духовныхъ стихахъ и легендахъ воспитывался русскій народъ, не только простой, но и люди высшаго слоя. Мамушки да нянюшки тѣшили своихъ питомцевъ и питомицъ въ боярскихъ хоромахъ народными пѣснями да сказками; сказочники или бахари занимали ими взрослыхъ людей въ досужее время, а сладкорѣчивые странники и богомолки своими сказаніями услаждали въ теремахъ благочестивыхъ боярынь и боярышень...

Духовныя лица и книжные люди вообще относились къ народной двоевѣрной поэзіи враждебно, и книжная словесность шла своимъ особеннымъ путемъ. Первое мѣсто вслѣдъ за богослужебными книгами занимали учительныя книги, заключавшія собранія различныхъ поученій. Сборники эти носили названія Златоустовъ, Измарагдовъ, Златоструевъ и т. п. Затѣмъ важное значеніе имѣли собранія житій святыхъ (напр., Четьи-минеи, собранныя еще митроп. Макаріемъ, Кіево-Печерскій Патерикъ). Были еще такъ называемыя Пчелы, сборники статей не только религіознаго содержанія, но и различныхъ разсужденій, напр., о правдѣ, о богатствѣ и убожествѣ и проч. Хронографы, заключавшіе въ себѣ историческія сказанія греческихъ лѣтописцевъ. Эти книги по большей части содержали въ себѣ переводы или заимствованія изъ византійской литературы; но были и свои чисто русскіе хронографы, или лѣтописи. Ихъ набралось такъ много, что понадобилось дѣлать изъ нихъ выборки и своды, таковы—Степенная книга и сводъ лѣтописей, сдѣланный по приказу Никона. Въ XVI вѣкѣ вмѣсто лѣтописи являются «разрядныя записки», сюда заносились свѣдѣнія о важныхъ придворныхъ событіяхъ, о службѣ бояръ и проч. Взамѣнъ лѣтописныхъ сказаній являются историческія записки (Записки кн. Курбскаго, Сказаніе объ осадѣ Троицкой Лавры Пали-

цына, Сочиненіе Котошихина). Боярин Матвѣевъ со своими сотрудниками въ посольскомъ приказѣ составилъ «Государственную большую книгу», гдѣ указывалось, съ какими окрестными государями христіанскими и мусульманскими были русскіе въ ссылкахъ, т. е. въ сношеніяхъ, и какія титлы писаны. Въ этой же книгѣ были нарисованы персоны (портреты) государей и гербы. Такая исторія имѣла, конечно, большое значеніе для посольскаго приказа. Въ такомъ же родѣ дьякъ Грибоѣдовъ составилъ «Исторію, сирѣчь повѣсть или сказаніе вкратцѣ о благочестно державствующихъ и святопочившихъ боговѣнчанныхъ царяхъ и великихъ князѣхъ, иже въ Россійстѣй земли богоугодно державствующихъ»...

Кромѣ книгъ религіозныхъ, поучительныхъ и историческихъ, являются на Руси такъ называемыя «потѣшныя книги». Это были по большей части иноземныя повѣсти и сказки, сначала заходившія къ русскимъ въ южно-славянскихъ переводахъ (т. е. болгарскихъ и сербскихъ), а въ XVII вѣкѣ болѣе всего чрезъ Польшу. Такъ, напр., любимымъ чтеніемъ грамотныхъ русскихъ людей были сказанія объ Александрѣ Македонскомъ; зашли къ русскимъ и рыцарскіе романы въ передѣлкахъ, такъ, напр., явились сказки о Бовѣ-королевичѣ (рыцарь Буово-д'Антона). Переведены были басни Езопа; сборники нравоучительныхъ повѣстей «Дѣла римскія» (Festa romanorum), собранія анекдотовъ, смѣшныхъ разсказовъ, шутокъ (смѣхотворныя повѣсти).

Знакомство съ иноземными повѣстями вызвало охоту у русскихъ грамотныхъ людей составлять и самимъ подобныя. Нѣкоторыя изъ нихъ представляютъ развитіе легенды съ поучительнымъ направленіемъ, напр., «О князѣ Петрѣ и княгинѣ Февроніи», а также «Повѣсть зѣло предивная града Великаго Устюга купца Ѳомы Грутцына о сынѣ его Саввѣ, какъ онъ даде на себе діаволу рукописаніе и какъ избавленъ бысть милосердіемъ Пресв. Богородицы Казанскія». Но вмѣстѣ съ подобными повѣстями являются и болѣе самостоятельныя, изображающія мірскую жизнь. Любопытна въ этомъ отношеніи повѣсть о Фролѣ Скобѣевѣ, гдѣ разсказывается, какъ онъ, бѣдный новгородскій дворянинъ, хитростью и обманомъ познакомился съ дочерью боярина Нащокина при помощи мамки ея и тайно женился на ней, а потомъ, благодаря своей изворотливости, съумѣлъ такъ поддѣлаться къ разгнѣванному боярину, такъ уноровилъ ему своей покорностью и угодливостью, что тотъ не только простилъ его и свою дочь, но отдалъ имъ впослѣдствіи все свое состояніе. Встрѣчаются и такіе разсказы, гдѣ остроумно осмѣиваются

недостатки современнаго строя, напр. судопроизводства (повѣсть о Шемякиномъ судѣ). Особенно замѣчательна стихотворная «Повѣсть о Горѣ-злосчастіи», въ которой рисуется живо русская жизнь. Захотѣлось молодцу жить на своей волѣ, по своему уму—разуму, не послушался онъ наставленій отца и матери—не ходить на пиры и братчины, не садиться на мѣсто большее, не пить двухъ чаръ за едину, не ходить къ костарямъ (игрокамъ въ кости) и корчемникамъ, не знаться съ головами кабацкими, а знаться съ разумными и надежными друзьями. Не послушался онъ совѣтовъ родительскихъ, забылъ совѣтъ и чужихъ людей — не спѣсивиться, и навязалось къ нему «Горе-злосчастье». «Босо, наго, нѣтъ на Горѣ ни ниточки, еще лычкомъ Горе подпоясано»... «Стой, ты молодецъ,—говоритъ оно,—меня, Горя, не уйдешь никуда»! Оно-то и научило молодца разгулу кабацкому, разорило его, помѣшало ему своимъ домкомъ зажить... И не уйти ему, не спастись отъ злого во́рога... «Полетѣлъ молодецъ яснымъ соколомъ, а Горе за нимъ—бѣлымъ кречетомъ; молодецъ полетѣлъ сизымъ голубемъ, а Горе за нимъ сѣрымъ ястребомъ... Молодецъ сталъ въ полѣ ковыль-травой, а горе пришло съ косою вострою. Молодецъ пошелъ пѣшъ дорогою, а Горе подъ руку подъ правую,—научаетъ молодца богато жить, убити и ограбити, чтобы молодца за то повѣсили, или съ камнемъ въ воду посадили. Вспоминаетъ тогда молодецъ «спасенный путь», идетъ въ монастырь постригатися; а Горе у святыхъ воротъ оставается, къ молодцу впредь не привяжется»... Здѣсь сказалась обыкновенная исторія старинаго русскаго удалого молодца. Захотѣлось ему пожить на полной свободѣ, своей личной жизнью, да не привыкъ онъ своей волей жить, негдѣ было этому и научиться,—и отдается онъ вполнѣ разгулу и бражничеству, которое и олицетворяется въ Горѣ-Злосчастіи, постоянно наталкивающемъ свою жертву на грѣхъ, и только монастырь да совершенное отреченіе отъ свободы можетъ спасти отъ бѣды.

Въ XVII вѣкѣ въ Россію заходили съ Запада не только «потѣшныя» повѣсти, являются и другого рода книги: заносятся ариѳметики, лѣчебники, космографіи. Уже съ конца XVI-го столѣтія извѣстенъ былъ въ Россіи «Большой Чертежъ земли Русской»; въ XVII вѣкѣ онъ дополняется... Русскіе послы изъ Польши «по государеву указу» привозили книги польскія и латинскія, преимущественно лексиконы да географическія сочиненія. Ордину-Нащокину прислано было изъ-за границы 82 латинскія книги... И это былъ, конечно, не единичный случай...

Изъ этого бѣглаго, далеко неполнаго перечня произведеній народной и книжной словесности, уже видно, что народъ, не смотря на всѣ помѣхи къ умственному и нравственному развитію, нуждался въ духовной пищѣ и по-своему удовлетворялъ этой нуждѣ;—видно, что были на Руси и люди, которые хотѣли даже познакомиться и съ наукой. Бѣда была только въ томъ, что некому было учить.

Извѣстно, что сына Ордина-Нащокина обучалъ польскій шляхтичъ, такой же учитель былъ у дѣтей Матвѣева. Но обыкновенно даже у именитыхъ бояръ обученіе не шло дальше простой грамотности, т. е. умѣнья читать и писать, и учить дѣтей призывали священниковъ, дьяконовъ или церковныхъ причетниковъ; въ Москвѣ учительствомъ занимались и подъячіе. Учителемъ царевича Ѳеодора Алексѣевича былъ подъячій посольскаго приказа; но начальнымъ обученіемъ царевича грамотѣ Алексѣй Михайловичъ не счелъ возможнымъ ограничиться, и вызванъ былъ наставникъ иного рода—именно извѣстный Симеонъ Полоцкій.

Обучиться грамотѣ въ старину было не совсѣмъ-то легко. Никакихъ приспособленій и пріемовъ, которые въ наше время облегчаютъ это дѣло, тогда не было. Самые буквари и книги, по которымъ начинали учить, были сухи и незанимательны для ребенка. Притомъ розга считалась необходимою принадлежностью учителя, который дѣйствовалъ преимущественно страхомъ. Даже на заглавныхъ листкахъ букварей иногда изображался учитель, наказывающій ученика; эти картинки предназначались, конечно, къ тому, чтобы загодя наполнить сердце начинающаго учиться страхомъ... Въ букваряхъ иногда помѣщались похвалы розгѣ въ стихахъ, — напр., «Розга умъ остритъ, память возбуждаетъ и волю злую въ благу прелагаетъ, учитъ Господу Богу ся молити и рано въ церковь на службы ходити»... «Розга хоть нѣма, да придастъ ума» говорили учителя...

Обучали читать, писать да еще церковному пѣнью. Этимъ ученіе и ограничивалось. Любознательный человѣкъ самъ уже читалъ разныя книги, доступныя ему, церковныя и поучительныя,—такимъ образомъ являлась у него начитанность, или книжность. Въ концѣ XVII-го вѣка въ число читаемыхъ книгъ вошло нѣсколько сочиненій географическаго и историческаго содержанія да переводныя средневѣковыя повѣсти; стало быть, кругъ начитанности нѣсколько расширился. Конечно, чтеніемъ книгъ пріобрѣталось болѣе или менѣе отрывочныхъ свѣдѣній, но не образованіе въ томъ смыслѣ, какъ мы теперь его понимаемъ.

Какъ низко стояло умственное образованіе,—такъ-же невысоки были и искусства. Хотя порой высказывалось много вкуса и своеобразія въ деревянныхъ постройкахъ да въ церковномъ зодчествѣ; но что касалось самого строительнаго искусства, (т. е. технической стороны), то оно болѣе всего было въ рукахъ иноземцевъ и развѣ немногихъ русскихъ, которые выучились у первыхъ въ-наглядку, по-навыку. Иконопись, которая давно уже водворилась на Руси и считалась благочестивымъ дѣломъ, не проявляла особенной жизни. Составлены были сборники образцовъ различныхъ иконъ «подлинники», гдѣ точно указывалось, какъ писать тотъ или другой образъ, и отступать отъ образца считалось тяжкимъ грѣхомъ. Церковныя власти слѣдили за тѣмъ, чтобы никакихъ отмѣнъ, или отступленій, отъ старинныхъ византійскихъ иконъ не было. Припомнимъ, какъ сурово отнесся Никонъ къ образамъ «фряжскаго письма». При такихъ условіяхъ всякое творчество подавлялось и живопись мало чѣмъ отличалась отъ простого ремесла. Выдающимися иконописцами считались въ Москвѣ инокъ Троицкой Лавры Андрей Рублевъ (XV ст.) и Симонъ Ушаковъ (XVII ст.).

Хотя уже со временъ Ивана III при дворѣ русскихъ государей постоянно находились разные художники—иностранцы: чеканщики, литейщики, золотыхъ дѣлъ мастера, которые даже обязывались иногда обучать русскихъ своему дѣлу, но послѣдніе очень рѣдко доходили до настоящаго искусства: иностранцы, вѣроятно, намѣренно не старались обучить ихъ, какъ слѣдуетъ, своему мастерству, чтобы тѣ не отбили у нихъ заработка. Рѣзное дѣло на деревѣ и женскія рукодѣлія,—вышиваніе золотомъ, унизыванье жемчугомъ и проч. обнаруживали нерѣдко много вкуса у нашихъ предковъ.

Многія непривлекательныя черты русскихъ людей въ старину являлись прямымъ слѣдствіемъ низкаго уровня образованія. Иностранцы, посѣщавшіе Россію, отдавая должную справедливость хорошимъ свойствамъ русскаго человѣка: добродушію, необычайному гостепріимству, хлѣбосольству и природному уму, въ то же время указываютъ и на дурныя свойства: тщеславіе, суевѣріе, узкость взглядовъ, грубость въ обращеніи.

Русскіе люди, особенно сановники, въ обращеніи съ иностранцами по большей части старались показать, что себя считаютъ во всѣхъ отношеніяхъ выше ихъ; что благочестивому русскому человѣку непристойно учиться у иноземцевъ, которые, по народному повѣрью, были пропитаны нечистою силою.

По свидѣтельству Олеарія, въ Москвѣ многіе считали его волшеб-

никомъ за астрономическія знанія; а когда одинъ изъ русскихъ сановниковъ увидѣлъ у него въ камеръ-обскурѣ изображеніе людей и лошадей въ обратномъ видѣ. т. е. верхъ ногами, то перекрестился и сказалъ: «это чародѣйство»! Былъ и такой случай съ однимъ голандцемъ, придворнымъ цырульникомъ. Разъ онъ игралъ на лютнѣ; стрѣльцы, бывшіе на стражѣ, пришли на звукъ музыки и заглянули въ дверь и тотчасъ въ ужасѣ разбѣжались: они увидѣли на стѣнѣ человѣческій скелетъ, и почудилось имъ, что онъ двигался. Слухъ объ этомъ дошелъ до царя и патріарха, и назначены были нарочные понаблюдать за цырульникомъ. Они не только подтвердили показаніе стрѣльцовъ, но еще увѣряли, что сами видѣли, какъ мертвецъ плясалъ на стѣнѣ подъ музыку. По словамъ Олеарія, по этому показанію, было рѣшено, что цырульникъ—колдунъ, и его слѣдуетъ сжечь вмѣстѣ съ костями его мертвеца. Къ счастью, одинъ иностранецъ объяснилъ, что заграницей у каждаго хорошаго врача есть скелетъ, по которому онъ соображаетъ, какъ дѣлать операціи; а качался онъ у цырульника потому, что въ открытое окно дулъ вѣтеръ... Хотя послѣ этого объясненія злосчастный голандецъ избавился отъ страшной казни; но ему велѣно было немедленно выѣхать изъ Россіи, а скелетъ выволокли за Москву-рѣку и сожгли.

Вѣрованіе въ колдовство и чародѣйство было сильно распространено на Руси. Упоминаются волхвы, чародѣи, чаровницы, зелейщицы, обаянники, кудесники, сновидцы, звѣздочеты, облакопрогонники, вѣдуны, вѣдуньи и пр. Одни изъ нихъ были заклинателями змѣй и хищнаго звѣря (обаянники); другіе совершали разныя заклинанія, творили чудодѣйственные обряды и предвѣщали будущее (кудесники); третьи на основаніи сновъ предсказывали будущее, толковали сны другимъ, приходившимъ къ нимъ; четвертые нагоняли или прогоняли облака,—въ ихъ рукахъ были дождь и вѣдро. Вѣдунами и вѣдуньями назывались вѣдавшіе тайныя силы, чтобы управлять обстоятельствами жизни. Всѣмъ этимъ вѣдовствомъ занимались и мужчины, но преимущественно старыя женщины. Вѣрили въ различные наговоры, заговоры, нашептыванія; думали, что посредствомъ нихъ можно напустить на человѣка порчу, приворожить его; вѣрили, что можно наслать бѣду на человѣка по вѣтру: колдунъ бросалъ по вѣтру пыль и при этомъ приговаривалъ, чтобы ее понесло на такого-то человѣка, чтобы его корчило, сушило, раздувало и проч. И все это по слову колдуна, какъ думалъ народъ, непремѣнно сбывалось. Наговаривали на слѣдъ: изъ-подъ ноги человѣка, на котораго хотѣли напустить лихо, брали слѣдъ и сожи-

гали въ печи... Всему этому вѣрили не только простолюдины, но и бояре. Когда присягали на вѣрноподданство царю, то клялись «вѣдовствомъ по вѣтру никакого лиха не насылати и на слѣду не вынимати». Сильно было распространено вѣрованіе въ чудодѣйственную силу нѣкоторыхъ травъ и корешковъ, въ разныя примѣты... Трудно было бы и перебрать здѣсь множество суевѣрій и повѣрій, которыми была опутана жизнь нашихъ предковъ. Во многихъ суевѣріяхъ коренятся древнія языческія вѣрованія; нѣкоторые заклинанія и заговоры, вѣроятно,—не что иное, какъ древнія языческія молитвы... Хотя русское духовенство издавна сильно вооружалось противъ всякихъ волхвовъ и вѣдуновъ, а правительство преслѣдовало ихъ; но зло не умепьшалось. Сами преслѣдователи вѣрили въ возможность волшебства, только приписывали его дьявольской силѣ.

Вслѣдствіе низкаго умственнаго уровня и неблагопріятныхъ историческихъ условій общественная жизнь въ старину на Руси была крайне слаба: всякій заботился только о себѣ, о своемъ родѣ, о домочадцахъ, рѣдко думалъ о пользѣ общей, о выгодѣ постороннихъ ему людей,—не понималъ даже того, что отъ выгоды ихъ часто зависитъ и его личное благополучіе. Къ счастью, двѣ могучія силы, не смотря на слабое общественное чувство у русскихъ людей, все-таки сплачивали ихъ въ одно крѣпкое цѣлое,—эти силы были власть царя и православная вѣра.

Слабость общественнаго чувства у русскихъ сказывалась даже въ бесѣдахъ, какія они обыкновенно вели между собой, и которыя исключительно вращались около домашнихъ, личныхъ дѣлъ. Не смотря на необычайное гостепріимство и хлѣбосольство, у нашихъ предковъ не было въ обращеніи между собой той сдержанности и мягкости, какими отличаются въ наше время всѣ сколько нибудь благовоспитанные люди. Посчитаться словами, даже побраниться имъ ничего не значило; нерѣдко даже на боярскихъ пирахъ между гостями начиналась перебранка, а иногда дѣло доходило и до драки. Побоямъ, нанесеннымъ въ хмѣльномъ состояніи, большой цѣны не придавали и обыкновенно въ обиду не ставили. «Ничего не помню, былъ шуменъ (т. е. пьянъ)», оправдывался тотъ, кого корили, какъ зачинщика драки, и на этомъ по большей части дѣло и кончалось.

Даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда совсѣмъ ужь неудобно было вздорить, сварливость брала верхъ надъ благоразуміемъ. На постельномъ крыльцѣ государева дворца и у крыльца, гдѣ собирались бояре въ ожиданіи пріема у государя, невсегда бывало тихо;

иногда и тутъ поднимался шумъ. Встрѣтятся случайно два врага, одинъ изъ нихъ скажетъ что-либо обидное другому, или только взглянетъ на своего противника «звѣроподобно», а тотъ не стерпитъ и скажетъ, напр.: «Вишь ты чванится, а отецъ-то твой—лаптемъ шти хлебалъ», или что нибудь подобное, и пойдетъ словесная перестрѣлка, наговорятъ другъ другу всякихъ неподобныхъ словъ, переберутъ одинъ у другого всю родню .. Невсегда ссора кончалась только шумомъ,—нерѣдко переходила и въ драку. Былъ даже случай, что одинъ изъ поссорившихся прошибъ другому камнемъ голову. Неразъ царю подавались челобитныя отъ лицъ, пострадавшихъ у него на крыльцѣ въ подобныхъ ссорахъ.

Удовольствія и развлеченія.

Взглядъ на удовольствія. — Скоморохи. — Кулачные бои. — Корыстныя игры (зернь, тавлеи, карты и пр.). — Табакъ. — Качели и пр.

При взглядѣ на монастырь, какъ на единственный образецъ нравственно-христіанской жизни, удовольствія и развлеченія у нашихъ предковъ не могли, конечно, получить правильнаго развитія. Всякое веселіе и смѣхъ съ точки зрѣнія монаха, помышлявшаго о покаяніи и спасеніи души, должны были порицаться какъ легкомысліе и грѣхъ. Даже на музыку благочестивые люди смотрѣли, какъ на нѣчто грѣховное, а тѣмъ болѣе на пляску. По Домострою, когда «начнутся гусли, гуденіе всякое и плясаніе, и скаканіе, и всякія игры, и пѣсни бѣсовскія, — тогда якоже дымъ отгонитъ пчелы, такоже отъидутъ и ангелы божіи отъ той смрадныя бесѣды и возрадуются бѣси»... Крайне суровый взглядъ на всякое веселіе, даже самое обыкновенное и естественное, повело къ тому, что музыка и пляски стали достояніемъ скомороховъ,—людей, пустившихся, какъ говорится, во всѣ нелегкія, — считавшихся отверженцами отъ общества порядочныхъ людей. Скоморохи играли, пѣли и плясали преимущественно въ корчмахъ, питейныхъ домахъ, на рыночныхъ площадяхъ. Мудрено-ли, что ихъ представленія, при общей грубости, стали не только крайне непзящными, но порою даже неприличными?

Гусли, гудки (ящики съ натянутыми струнами), дудки, сурьмы (трубы), сопѣли, домры, накры (родъ литавръ), мѣдныя трубы, волынки и барабаны,—вотъ инструменты, игрою на которыхъ скоморохи тѣшили православный людъ. Нерѣдко они составляли ватаги странствующихъ музыкантовъ и плясуновъ и переходили изъ

одного посада въ другой, изъ села въ село. Развлекали они толпу не только музыкой и пѣньемъ, но и другими способами: одни играли на разныхъ инструментахъ, другіе плясали, третьи показывали ученыхъ медвѣдей и собакъ... Были тутъ глумцы, шутники-потѣшники, умѣвшіе говорить складно разныя прибаутки, въ родѣ теперешнихъ раешниковъ на маслянцѣ; были лицедѣи, которые, надѣвъ на себя личины, или хари (т. е. маски), обыкновенно уродливыя или смѣшныя, да нарядившись въ чудное (скоморошное) платье, разыгрывали разныя дѣйства... Были и такіе, что носили на головѣ доску съ движущимися куклами,—обвертятъ вокругъ пояса кусокъ полотна, поднимутъ его вверхъ надъ головой, такъ что лица

Скоморохи (по Олеарію).

не видно, и приводятъ въ движеніе куклы, приговаривая за нихъ на разные голоса (маріонетки, или петрушки нашего времени). Особенное раздолье скоморохамъ было на масляницу, на святки, на пасху, когда многіе и благочестивые русскіе люди позволяли себѣ отдаваться веселью и приглашали ихъ даже на домъ. Скоморохи ходили обыкновенно большими ватагами,—человѣкъ въ пятьдесятъ и болѣе, потому что часто случалось, что ихъ обижали лихіе люди, отбирали у нихъ набранныя деньги, но нерѣдко и сами они грабили на большихъ дорогахъ. По временамъ правительство по внушенію церкви принималось особенно ревностно преслѣдовать скоморошество, приказывало воеводамъ ломать и жечь ин-

струменты и хари, даже бить батогами тѣхъ, кто зазывалъ къ себѣ скомороховъ. При Михаилѣ Ѳеодоровичѣ въ Москвѣ разъ отобрали не только у скомороховъ, но и по всѣмъ домамъ музыкальные инструменты,—собрали ихъ пять возовъ и сожгли. Но проходило время горячаго преслѣдованія, и природа русскаго человѣка, любящаго веселье и широкій разгулъ, брала свое, и скоморохи, эти «сатанины ученики», какъ называло ихъ духовенство, «неистовою гудьбою, скаканіемъ, плясаніемъ» снова совращали людей съ пути истины!..

Тѣшился народъ въ праздничные дни также кулачными и палочными боями; они происходили зимою обыкновенно на льду. Бойцы-охотники дѣлились на двѣ стороны; по свистку онѣ бросались одна на другую съ крикомъ, и начиналась схватка, обыкновенно такая горячая, что многіе выходили изъ лихой потѣхи калѣками; почти всегда бывали и убитые. Палочные бои еще чаще кончались убійствами, чѣмъ кулачные. На эти грубыя потѣхи обыкновенно собирались огромныя толпы зрителей и не только изъ простонародья; они своими криками одобренія подзадоривали бойцовъ. Бывали и состязанія болѣе разумныя и дѣйствительно полезныя: молодые люди собирались въ праздники на удобное мѣсто, боролись, бѣгали взапуски, гонялись на коняхъ, метали копье въ кольцо, положенное на землѣ, пускали стрѣлы въ цѣль. Побѣдители получали награды... Церковь вооружалась противъ всѣхъ этихъ игрищъ, и даже запрещала священникамъ отпѣвать убитыхъ на бояхъ ..

Къ зимнимъ удовольствіямъ относились бѣганье на конькахъ по льду, очень любимое русскими, и катанье на салазкахъ съ горъ. Въ длинные зимніе вечера тѣшили бояръ и богатыхъ людей домашніе пѣсенники; бахари (разсказчики) разсказывали сказки и прибаутки; были въ богатыхъ домахъ и свои дураки и дуры, шуты и шутихи, которые своими пустыми и нерѣдко грубыми шутками и выходками веселили невзыскательныхъ на этотъ счетъ нашихъ предковъ...

Въ концѣ XVII вѣка въ большомъ ходу въ Россіи были игры, имѣвшія корыстное значеніе: зернь, шахматы, тавлеи (шашки) и карты. Зернью назывались небольшія косточки съ бѣлой и черной стороной; ихъ бросали, и выигрышъ зависѣлъ отъ того, какой стороной ложилась кость. Эта игра и карты сильно преслѣдовались; но онѣ распространялись все сильнѣе и сильнѣе, особенно игра въ зернь, — играли обыкновенно тайкомъ въ корчмахъ и кабакахъ разные гуляки и лѣнтяи. Тутъ же въ этихъ притонахъ курили и та-

бакъ, что было, какъ извѣстно, очень строго запрещено. Были между русскими уже тогда такіе страстные любители табаку, что готовы были платить за него вдвое, втрое противъ настоящей цѣны; иные готовы были отдать за него свои послѣднія деньги. Табакъ курился обыкновенно сквозь коровій рогъ, который наполнялся водой, а въ него вставлялась трубка съ табакомъ, такъ что дымъ проходилъ чрезъ воду. Курильщики обыкновенно затягивались такъ усердно, что въ два или три пріема выкуривали большую трубку. Обыкновенно нѣсколько любителей собирались «попить заповѣд-

Деревенскія развлеченія (качели и доски) (по Олеарію).

наго зелья», какъ выражались въ старину, и приговаривали: «Нѣтъ ничего на свѣтѣ лучше табаку: онъ мозгъ прочищаетъ!» Благочестивые же люди, напротивъ, предостерегали отъ бѣсовскаго и богоненавистнаго табаку и утверждали, что у курящаго «тая смердящая воня изгубитъ весь мозгъ и начнетъ пребывать во главѣ его и не только во главѣ, но и во всѣхъ костяхъ его». Происхожденіе табаку, какъ объясняется въ одной легендѣ, нечистое: бѣсъ досталъ табачныя сѣмена изъ самой глубины ада и посѣялъ на могилѣ грѣшницы; отсюда табакъ и распространился по землѣ, и бѣсъ одуряетъ имъ людей.

Женщины и дѣвицы изъ простонародья тѣшились лѣтомъ пѣснями, водили хороводы, плясали подобно тому, какъ это дѣлается и до сихъ поръ въ деревняхъ. У людей знатныхъ пляска считалась неприличнымъ, не господскимъ дѣломъ, но боярыни и боярышни по праздникамъ заставляли пѣть и плясать своихъ служанокъ. Церковь особенно сильно возставала именно противъ женскихъ плясокъ, даже и смотрѣть на нихъ считалось грѣхомъ.

Любимой забавой женщинъ и дѣвицъ, знатныхъ и простолюдинокъ, были качели и доски. Простолюдинки въ посадахъ и деревняхъ качались на улицахъ, на открытыхъ мѣстахъ, а въ зажиточныхъ и боярскихъ домахъ качели были необходимой принадлежностью сада или двора, т. е. той части его, которая прилегала къ женской половинѣ жилья.

Самою благородною потѣхою у царей и бояръ, какъ извѣстно, считались охоты, особенно соколиныя, хотя и онѣ порицались церковью...

Заключеніе.

Русскій народъ, разбросавшись мелкими поселками на далекомъ сѣверѣ, лишенный общенія съ Западн. Европой, не смотря на свои большія дарованія, сильно отсталъ отъ западныхъ народовъ въ знаніяхъ, въ просвѣщеніи... Онъ совершилъ великое дѣло,—взростилъ огромное, сильное государство съ могучимъ властелиномъ во главѣ, сберегъ въ своей набожности православную вѣру. Самодержавіе дало возможность русскому народу справиться съ восточными врагами; православіе спасло его въ смутную пору. Но и этимъ двумъ силамъ начинала грозить опасность: невѣжество все болѣе и болѣе глушитъ православіе, приводитъ церковь къ расколу; то же невѣжество уже начинаетъ подрывать и высшую власть: нѣтъ образованныхъ государственныхъ дѣятелей, нѣтъ дальновидныхъ совѣтниковъ и сколько нибудь просвѣщенныхъ и честныхъ исполнителей, нѣтъ гражданъ, способныхъ заботиться объ общихъ выгодахъ, а не только о себѣ,— и государь при всемъ своемъ могуществѣ и добромъ желаніи не въ силахъ былъ избавить государство отъ страшныхъ внутреннихъ потрясеній... Чтобы помочь бѣдѣ, надо учиться! Но гдѣ? Византія уже въ конецъ заглохла. Неужели пойти за наукой на латинскій еретическій западъ? Сильно противъ этого стоятъ многіе ревнители древняго благочестія; всѣ бѣды они приписываютъ тому, что порушена святая старина; что заводятся богомерзкія новшества; одно

знаніе имѣетъ цѣну въ ихъ глазахъ,—знаніе божественныхъ книгъ. Но уже давно западно-европейская пушка громогласно возвѣстила русскимъ, что есть и человѣческія знанія, которыми пренебрегать опасно,—показала, что мѣнять въ бою своихъ десять головъ на одну непріятельскую очень тяжело...

Подъ Москвой уже выросла цѣлая слобода западныхъ «хитрыхъ мастеровъ». Чаще и чаще встрѣчаются и русскіе люди, которые начинаютъ жить по-европейски, увлекаются даже наукой... Еще въ XVI столѣтіи русскій царь пытается пробить прямой путь на западъ къ Балтійскому морю. Послѣ смутной поры русскіе совсѣмъ отрѣзаны отъ него, и шведскій король съ великой радостью объявляетъ объ этомъ на сеймѣ. Исконнымъ врагамъ Москвы—шведамъ и полякамъ, было очень важно, чтобы невѣжество, внутреннія смуты и отсталость, особенно въ ратномъ дѣлѣ, продержались подольше въ Московскомъ государствѣ; при этихъ условіяхъ враги не теряютъ надежды еще справиться съ нимъ, расхитить его владѣнія, какъ это отчасти и удалось имъ въ смутную пору. Для Московскаго государства стало быть является вопросомъ жизни сближеніе съ западомъ. Очистить туда дорогу прямоѣзжую, которую залегла вражья сила, и обновить русскую жизнь европейскими знаніями,—вотъ первая задача, которую ясно и опредѣленно выставила наша старина будущимъ государственнымъ дѣятелямъ.—На ряду съ этой задачей и въ тѣсной связи съ ней выдвигалась, хотя и не такъ ясно, другая великая задача—поднять слишкомъ приниженную въ Россіи человѣческую личность на степень гражданина, могущаго сознательно относиться къ своимъ обязанностямъ, повиноваться закону не только страха ради, но и по совѣсти, способнаго заботиться и о себѣ, и о своихъ согражданахъ. Наша старина, въ силу государственныхъ нуждъ и обстоятельствъ закабалившая работника, прикрѣпившая крестьянина къ землѣ, представляла и противоположныя явленія: дѣлались попытки завести нѣчто въ родѣ земскаго самоуправленія; горячій ревнитель старины, извѣстный составитель Домостроя, отпускаетъ своихъ холоповъ на волю; наконецъ, многіе благочестивые русскіе люди предъ смертью, заботясь о спасеніи души своей, давали свободу хотя нѣкоторымъ изъ рабовъ своихъ, словно чувствовали, что по смыслу христіанскаго ученія о смиреніи и любви къ ближнему порабощеніе людей—тяжкій грѣхъ.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ РИСУНКАМЪ.

Стр. 5. Ипатьевскій монастырь (по фотографіи) изъ „Живоп. Обозрѣнія“.

Стр. 7. Домъ Михаила Ѳеодоровича въ Костромѣ (по фотографіи) оттуда-же.

Стр. 10. Шапка Мономаха (по фотографіи).

Стр. 11. Корона царя Михаила (по рисунку въ „Описаніи оружейной палаты“ Вельтмана).

Стр. 12. Держава и скипетръ (по рисунку въ „Историческ. Вѣстникѣ“).

Стр. 13. Тронъ царя Михаила. Оттуда-же.

Стр. 14. Вѣнчаніе на царство Михаила по старинному рисунку въ рукописи „Книга объ избраніи на царство Михаила“, составленной боярином А. С. Матвѣевымъ для царя Алексѣя Михайловича. (По уменьшенному рисунку, въ „Историч. Вѣстн.“).

Стр. 15. Выходъ царя изъ церкви по рисунку изъ той же рукописи. См. у Прохорова „Русскія Древности“.

Здѣсь царь, какъ и на предъидущемъ рисункѣ,—въ полномъ царскомъ облаченіи, въ златотканномъ платнѣ, украшенномъ золотомъ и дорогими камнями, на плечахъ такія же бармы, на золотой цѣпи большой крестъ, въ правой рукѣ скипетръ, въ лѣвой—держава. Всѣ окружающіе его бояре въ богатыхъ парчевыхъ или златотканныхъ платнахъ.

Стр. 37. Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ, по старинному портрету.

Стр. 39. Патріархъ Филаретъ, по старинному портрету.

Стр. 42. Шествіе царя и царицы на бракосочетаніе (по рисунку изъ рукописи. „Описаніе (въ лицахъ) торжества въ 1626 г. февраля 5-го при бракосочетаніи государя и пр.“ (см. у Прохорова). Царь въ полномъ царскомъ одѣяніи, въ платнѣ и бармахъ со скипетромъ. Царя ведутъ бояре въ ферязяхъ; изъ подъ ферязи у одного виденъ опоясанный кафтанъ. Далѣе двѣ боярыни ведутъ подъ руки царевну. На ней такое же одѣяніе, какъ на царѣ, — платно (лѣтникъ), бармы, на головѣ сверхъ убруса вѣнецъ. На боярыняхъ сверхъ лѣтниковъ накидки безъ рукавовъ (епанчи), на головахъ мѣховыя шапки.

Стр. 43. Трапеза царицы. Оттуда-же. Одежды тѣ-же, что и на предъидущихъ рис.

Стр. 69. Пріемъ иноземныхъ пословъ. На основаніи стариннаго рисунка у Олеарія. Рисунокъ значительно уменьшенъ и придано больше отчетливости фигурамъ.

Стр. 71. Посольскій домъ (рисунокъ уменьшенъ) оттуда-же.

Стр. 95. Замокъ кн. Острожскаго. Изъ „Исторіи русск. литературы“ П. Полевого.

Стр. 97. Гербъ кн. К. К. Острожскаго (на его изданіяхъ). Оттуда-же.

Стр. 99. Гербъ кн. Курбскаго. Оттуда-же.

Стр. 123. Митрополитъ Петръ Могила (по старинному портрету). Оттуда-же.

Стр. 128. Казацкій челнъ, изъ сочин. Боплана „Описаніе Украины".

Стр. 135. Татаринъ, плывущій черезъ рѣку. Оттуда-же.

Стр. 147. Сагайдачный (по старинному рисунку). См. „Историческіе дѣятели Ю. З. Россіи".

Стр. 152. Запорожскій казакъ и Литовск. и Малорусск. крестьяне. См. у Бантышъ-Каменскаго. Истор. Малороссіи.

Стр. 161. Казацкая рада (на осн. стар. рис.) см. „Лѣтописное повѣствованіе о Малороссіи". Ригельмана. Фигурамъ придано нѣсколько больше правильности.

Стр. 165. Пляшущій запорожецъ и бандуристъ. Оттуда-же.

Стр. 179. Присяга (по рисунку Олеарія) см. у Прохорова. Всѣ дѣйствующія лица въ ферязяхъ и колпакахъ.

Стр. 187. Богданъ Хмельницкій (по старин. портрету).

Стр. 204. Гетманъ. По рисунку, помѣщенному у Ригельмана. Фигура представляетъ полный нарядъ гетманскій: гетманская шапка съ перьями, булава, на плечи накинута парадная шуба.

Стр. 207. Полковникъ съ шестоперомъ въ рукахъ и сотникъ. Изъ соч. Ригельмана.

Стр. 209. Казакъ, казацкій подпомощникъ и писарь. Оттуда-же.

Стр. 214. Украинскій шляхтичъ и мѣщанинъ (горожанинъ). Оттуда-же.

Стр. 215. Украинскій крестьянинъ (въ лѣтней рабочей одеждѣ). Оттуда-же.

Стр. 231, 232, 233, 234, 235. Старинная одежда малорусскихъ женщинъ (шляхтянокъ) у Ригельмана и Бантышъ-Каменскаго—„Исторія Малороссіи".

Стр. 238. Стрѣльцы временъ Алексѣя Михайловича. Рядовой съ сѣкирой и пищалью (ружьемъ), въ кафтанѣ. Черезъ плечо широкій ремень, на которомъ висятъ трубки для патроновъ, на головѣ обыкновенный колпакъ. На знаменщикѣ колпакъ безъ мѣховой опушки. Два офицера стрѣлецкіе, у нихъ поверхъ кафтана, опоясаннаго поясомъ съ выпущенными впередъ двумя концами, накинутъ охабень, или опашень; на колпакахъ знаки, родъ кокардъ, въ рукахъ трости. (Рисунокъ взятъ изъ сочиненія „Историческое описаніе одежды и вооруженія россійскихъ войскъ)".

Стр. 239. Охранительное вооруженіе XVII ст. Латы (зерцала), поручи, шлемъ (ерихонка), щитъ. Все это, богато украшенное чеканомъ, составляло въ XVII ст. принадлежность только царскаго вооруженія да боярскаго. Оттуда-же.

Стр. 240. Военачальникъ. Бояринъ въ горлатной шапкѣ, въ богатой накидной шубѣ (епанчѣ), въ рукахъ шестоперъ, сбоку турецкая сабля въ богато украшенныхъ ножнахъ, кромѣ обыкновенной уздечки, серебряная кольчатая и богатый чепракъ. Оттуда-же.

Стр. 241. Ружья и пистолеты XVII ст.; изъ нихъ одинъ пистолетъ и одно ружье съ сѣкирами, которыя прилаживались къ стволу, какъ теперь штыки. Курки, ударные, кремневые.

Стр. 241. Военные музыкальные инструменты. Духовые—родъ флейты (называлась сиповка) и три трубы металлическія. Два набата (родъ барабановъ); ударяли въ нихъ шаромъ на концѣ кнута, какъ показываетъ изображеніе.

Стр. 242. Посольскій домъ въ Москвѣ (по Мейербергу). См. Атласъ къ путешествію Мейерберга. Рисунокъ значительно уменьшенъ.

Стр. 243. Прапорцы, или значки. (Изъ Описаніе одежды и вооружен. войск.).

Стр. 244. Русское знамя царя Алексѣя Михайловича (какъ видно изъ надписи наверху), особенно любопытное тѣмъ, что по краямъ помѣщены изображенія древняго оружія и музыкальныхъ инструментовъ.

Стр. 248. Церковь въ Субботовѣ, построенная Хмельницкимъ. Изъ „Исторіи Малороссіи“ Бантышъ-Каменскаго.

Стр. 253. Монеты, изъ атласа къ путешествію Мейерберга и соч. Шодуара.

Стр. 256. Царь Алексѣй Михайловичъ (факсимиле по рис. Мейерберга).

Стр. 257. Царица Марія Ильинишна (факсимиле по рис. Мейерберга).

Стр. 258. Царь и приближенные бояре. См. „Древности Россійскаго государства“. Царь въ златотканной ферязи, подбитой мѣхомъ, бояре въ богатыхъ шубахъ, изъ-подъ которыхъ видны козыри кафтановъ.

Стр. 259. Тронъ царя Алексѣя. Оттуда-же.

Стр. 260. Рынды въ бѣлыхъ рысьихъ шапкахъ (горлатныхъ), въ атласныхъ бѣлыхъ ферязяхъ, опушенныхъ по краямъ горностаевымъ мѣхомъ; изъ подъ ферязи выставляется богато украшенный стоячій воротникъ (козырь); въ рукахъ у рындъ серебряные топорики, или сѣкиры. Плечи и грудь украшаютъ серебряныя цѣпи.

Стр. 270. Царь Алексѣй Михайловичъ, по старинному гравированному портрету, помѣщенному при Уложеніи (изд. 1776 г.) Царь представленъ въ полномъ облаченіи, въ бармахъ, со скипетромъ и державой. Платно изъ парчи, или златотканной матеріи съ крупнымъ узоромъ, по разрѣзу унизанное жемчугомъ. Жемчужныя украшенія ясно видны и на бармахъ.

Стр. 271. Патріархъ Никонъ въ полномъ своемъ облаченіи. На шеѣ у него двѣ панагіи и крестъ, въ рукахъ патріаршій посохъ. (Рисунокъ изъ Исторіи русской литературы П. Полевого).

Стр. 274. Видъ Иверскаго монастыря. Оттуда-же.

Стр. 276 и 277. Печатный гербъ Никона и подпись его. Оттуда-же.

Стр. 285. Скитъ Никона въ Воскресенскомъ монастырѣ. Оттуда-же.

Стр. 297. Видъ Соловецкаго монастыря. Оттуда-же.

Стр. 301. Городъ Черный Яръ въ XVII ст. По Олеарію. Деревянныя стѣны и башни отчетливо видны.

Стр. 303. Городъ Царицынъ въ XVII ст. Оттуда-же; на берегу войсковыя палатки.

Стр. 307. Струги Разина на Волгѣ (по старинному рисунку Страуса, факсимиле).

Стр. 313. Видъ города Астрахани въ XVII ст. (по Страусу, факсимиле).

Стр. 321. Симеонъ Полоцкій. Портретъ заимств. изъ Исторіи лит. П. Полеваго.

Стр. 334 и 335. Персидскій посолъ и Русскій посолъ (по Олеарію). На Русскомъ послѣ горлатная шапка и охабень, на слугѣ его колпакъ и охабень попроще.

Стр. 336. Въѣздъ иностранныхъ пословъ въ Москву. Уменьшенный рисунокъ изъ Атласа къ путешествію Мейерберга.

Стр. 338. Дворецъ въ селѣ Коломенскомъ. По снимку со стариннаго рисунка, см. въ журналѣ „Нива“. Зданіе представлено уже въ обветшавшемъ видѣ.

Стр. 346. Конный и пѣшій жильцы (изъ „Описаніе одежды и вооруженія русскихъ войскъ“). Рисунокъ коннаго жильца составленъ на основаніи изображенія въ книгѣ Таннера.

Стр. 347. Самоѣды, по гравюрѣ у Олеарія, факсимиле.

Стр. 357. Царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ (по старинному портрету).

Стр. 360. Русское село (Вышній Волочокъ) по Мейербергу, уменьшено.

Стр. 361. Помѣщичья усадьба въ XVII ст. по Мейербергу. На дворѣ палатки, въ которыхъ угощали пословъ и ихъ слугъ.

Стр. 363. Нижній-Новгородъ, факсимиле изъ книги Олеарія.

Стр. 366. Улица въ Москвѣ, факсимиле въ уменьшенномъ видѣ изъ Олеарія.

Стр. 367. Кремль въ концѣ XVII ст., факсимиле изъ книги Таннера.

Стр. 368. Сапожная лавка въ Москвѣ, факсимиле изъ книги Олеарія.

Стр. 369—376. Восемь изображеній церквей изъ „Древностей“ Прохорова въ уменьшенномъ видѣ.

Стр. 418. a) Лохань серебр. боярина Д. И. Годунова.—b) Рассольникъ серебр. боярина Ю. Я. Сулешова. c) тарелка серебр. патр. Адріана. (См. Указатель московск. патріаршей разницы). Сост. Саввой, еписк. Можайскимъ.

Стр. 419. a) Кубокъ серебр. золоченый.—b) Стопа заздравная Михаила Ѳеодоровича.—c) Кружка серебр. бояр. Д. И. Годунова.—d) Стаканъ серебр. патр. Адріана.—e) Братина серебр. патр. Филарета Никитича.—f) Ковшъ серебр. Іосафа архіеп. Псковскаго. e) Чарка золотая в. к. Василія Ивановича. Оттуда-же.

Стр. 421. Сулея серебр. (изъ описан. оружейн. палаты Вельтмана). Ложки, ножъ и вилки. Оттуда-же.

Стр. 423, 424, 425, 426, 427, 428, 429, 430. Рисунки эти, представляющіе различные виды древней одежды, описанные въ самомъ текстѣ, заимствованы изъ „Древност. Россійск. Государства“, „Описанія одежды и вооруженіе русскихъ войскъ“ и П. Савваитова, „Описанія старинн. царскихъ утварей, одежды и проч.“.

Стр. 431. Женскіе головные уборы, заимств. у П. Савваитова.

Стр. 432. Старинные головные уборы женщинъ и дѣвицъ, употребляемые и до сихъ поръ тихвинскими и бѣлозерскими женщинами и дѣвицами изъ „Древн. Россійскаго Государства“.

Стр. 435. Старинная лѣтняя одежда зажиточн. женщинъ. Оттуда же.

Стр. 436 и 437. Старинная зимняя одежда зажиточн. женщинъ и одежда XVII и начала XVIII ст. Оттуда же.

Стр. 442. Старинные часы, изъ атласа Мейерберга, факсимиле въ уменьшен. видѣ.

Стр. 445 и 446. a) Архіерей въ саняхъ. b) Боярская каптана. c) Каптана царицы. (по Мейербергу).

Стр. 456 и 457. a) Шествіе царицы на панихиду и b) шествіе въ церковь. Оттуда-же.

Стр. 458. Свадебные обряды (изъ Олеарія) см. у Прохорова.

Стр. 474. Скоморохи (изъ Олеарія).

Стр. 476. Качели и доски (оттуда же).

ВАЖНѢЙШІЕ НЕДОСМОТРЫ И ОПЕЧАТКИ.

Стран.			*Напечатано:*	*Слѣдуетъ:*
20	строка	14 снизу	Холмогоръ	и Холмогоръ,
94	»	20 »	Сигизмундъ VIII	Сигизмундъ III
137	»	9 сверху	купить	выкупить
143	»	11 »	на народъ	на простой народъ
145	»	10 »	врачи	враги
247	»	6 »	прощаяся	прощался
269	»	15 снизу	царское платье	царское платно.
399	»	2 »	приказѣ	приказы.

Пед. ин-т им. А.И. Герцена ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ Б.